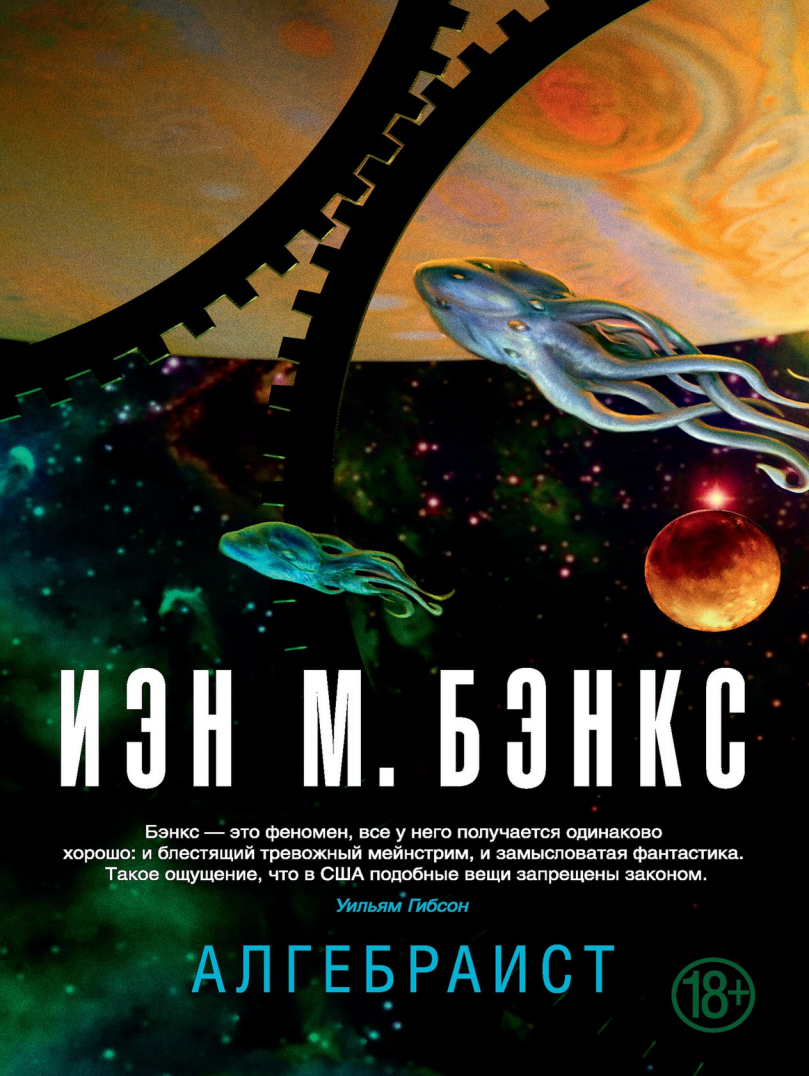

ИЭН М. БЭНКС

Бэнкс — это феномен, все у него получается одинаково хорошо: и блестящий тревожный мейнстрим, и замысловатая фантастика. Такое ощущение, что в США подобные вещи запрещены законом.

Уильям Гибсон

АЛГЕБРАИСТ

18+

Алгебраист
Иэн М. Бэнкс

Аннотация
Иэн М. Бэнкс. Алгебраист
Пролог
1. Осенний дом
2. Удаление с уничтожением
3. Возвращение невозможно
4. События военного времени
5. Условия пропуска
6. Последнее преобразование
Эпилог

Аннотация

В 4034 г. н. э. объединяющая множество рас могущественная Меркатория, возглавляемый архимандритом Люсеферусом культ Заморыша и анархисты-запредельцы сошлись на окраине галактики в системе Юлюбиса, у газового гиганта Наскерон. Достаточно было слуха, что наскеронские насельники обладают ключом к так называемому насельническому списку: ведь тот, кто найдет это легендарное алгебраическое преобразование, получит доступ к координатам порталов грандиозной сети транспортных червоточин, пронизывающих галактику. Однако насельники – старейшая разумная раса, за миллиарды лет успевшая заселить большинство газовых гигантов известной Вселенной, – ревностно хранят свой секрет…

Вас ждет самая масштабная космическая опера нового века!

Книга содержит нецензурную брань.

Иэн М. Бэнкс
Алгебраист

Iain M. Banks
THE ALGEBRAIST
Copyright © Iain M. Banks 2004
All rights reserved

Серия «Звезды новой фантастики»

© Г. Крылов, перевод, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Макленнанам – Энди, Фионе, Дункану, Николь, Карионе и Робину

Пролог

У меня есть для вас история. У нее много начал и, возможно, один конец. А может, и не один. Начала и концы так или иначе вещи условные — игра мысли, фантазии. Где по-настоящему начинается любая история? Всегда существует какой-то контекст, всегда — куда более грандиозное полотно, всегда — что-то до описываемых событий, если только мы каждую историю не начинаем так: БАХ-ТРАХ-ТАРАРАХ! *Большой взрыв*. Шшшшшшш… — а затем не пересказываем всю последующую историю Вселенной, прежде чем перейти к конкретному вопросу, который и является предметом нашей истории. Точно так же не бывает финального конца, если только это не конец света…

И тем не менее у меня есть для вас история. Мое непосредственное участие в ней было бесконечно малым, и я даже имя свое не собирался называть — слишком уж это самоуверенно.

И тем не менее я присутствовал там — в самом начале одного из таких начал.

Говорят, что сверху Осенний дом похож на

гигантскую серо-розовую снежинку, наполовину вкрапленную в эти складчатые зеленые склоны. Она лежит на длинном, пологом обнажении породы, которое образует южную оконечность Северного тропического нагорья. На северной стороне дома раскинулись всевозможные сады, регулярные и нет, ухаживать за которыми — мой долг и моя радость. Чуть дальше, за обнажением на обширном пространстве, покоятся руины храма, который, как считается, был сооружен видом, называемым релиды (подвид бар: либо жестоко уничтожен, либо вымер, в зависимости от того, каким авторитетам верить. Как бы то ни было, но в этих краях их давно нет).

Огромные белые колонны храма когда-то вонзались на сотню и более метров в нашу разреженную атмосферу, а теперь лежат в руинах, распростершись на земле и погрузившись в нее; громадные окостенелые трубы из цельного камня с каннелюрами наполовину утонули в торфяной почве. Упавшие вдалеке вершины колонн (которые в наших условиях половинной гравитации падали, наверное, медленно, но весьма впечатляюще) пропахали огромные длинные кратерообразные борозды в земле, создав два длинных вала с закругленными луковицами

вершин.

За многие тысячелетия после их неожиданного возникновения эти высокие бастионы из-за эрозии и многочисленных микроземлетрясений, столь частых в нашем мире, медленно съеживались, земля сыпалась, заполняя широкие борозды, где лежат вершины колонн, и наконец все это превратилось в некое подобие ряби на поверхности земли — последовательность небольших скошенных площадок, из которых торчат еще не погребенные участки колонн, словно белые обнаженные кости этой маленькой планеты-луны.

Там, где упала и легла поперек речной долины одна из колонн, получилось что-то вроде цилиндрической дамбы, расположенной немного под углом; через эту дамбу переливается вода, которая попадает в одну из метровой глубины декоративных канавок, идущих по всей длине колонны, и течет к тому, что осталось от замысловатой капители; здесь возникает несколько маленьких изящных водопадов, низвергающихся в глубокий пруд перед высокой и густой живой изгородью, ограничивающей наши сады сверху. Отсюда поток направляется и контролируется искусственно. Частично он поступает в большую

цистерну, в которой собирается вода для наших самотечных фонтанов внизу около дома, а остаток его образует ручеек, который то перекатывается, то стремительно несется, то замедляется, то петляет, направляясь к декоративным озерам и незамкнутому рву, окружающему сам дом.

Я, упираясь в дно тремя конечностями, стоял по пояс в журчащей воде в крутой части ручья. На меня падали капли воды с ветвей эксер-рододендрона и завитков плюща, а я срывал засохшие листья и подравнивал садовыми ножницами самые буйные заросли кустарника вокруг довольно-таки никудышного, скажем откровенно, насыпного лужка, поросшего травой лыской (по большому счету благородный, но неудавшийся эксперимент, попытка убедить этот известный своей непокорностью вид стать… ай-ай, я поддаюсь своему увлечению и отклоняюсь от главного — забудьте о траве лыске), когда молодой хозяин — он возвращался, насвистывая и сцепив руки у себя за спиной, с утренней прогулки по саду камней наверху — ступил на усыпанную гравием тропинку над ручьем и улыбнулся мне. Я оглянулся, потом поднял глаза, все еще подстригая кусты, и кивнул ему со всей церемонностью, какую только позволяла моя не самая удобная поза.

С лилового неба, видного между кривой линией горизонта на востоке (холмы, дымка) и нависающей громадой газового гиганта, планеты Наскерон, что заполнял бóльшую часть небосклона — переливаясь всеми цветами спектра, от ярко-желтого в пеструю крапинку и далее, сплошь исполосованного и опоясанного беспорядочными текучими завитками, — светило солнце.

Почти прямо над нами геостационарное зеркало отражало единственный резкий, желтовато-белый луч, рассекавший самую большую грозовую зону на Наскероне: она тяжело двигалась по небу, как оранжевато-коричневый синяк размером в тысячу лун.

— Доброе утро, главный садовник.

— Доброе утро, смотритель Таак.

— И как поживают наши сады?

— В основном, я бы сказал, неплохо. Для весеннего времени они в хорошей форме.

Я, естественно, мог бы рассказать об этом и в бóльших подробностях, но сначала хотел понять: может, смотритель Таак заговорил со мной просто из вежливости.

Он кивнул на воду, струящуюся вокруг моих нижних конечностей:

— Вам это ничего, ГС? Я смотрю, ручей тут такой резвый.

— Я тут надежно зацепился и стал на якорь, спасибо, смотритель Таак. — Я помедлил (и во время паузы услышал, как чуть дальше в саду кто-то маленький и легкий бежит по каменным ступеням к гравиевой дорожке), а потом, видя, что смотритель Таак продолжает одобрительно улыбаться мне, добавил: — Вода сейчас высока, потому что работают нижние насосы, пускающие ее по кругу, чтобы мы пока могли очистить одно из озер от плавучих сорняков.

Человечек все приближался, в двадцати метрах от нас добрался до дорожки и теперь бежал, разбрасывая гравий.

— Понятно. А я как-то и не подумал, что в последнее время было много дождей. — Он кивнул. — Ну что ж, хорошей вам работы, ГС, — сказал он и повернулся, чтобы идти, но тут увидел того, кто бежал к нему.

По частоте шажков я решил, что это девочка Заб. Заб еще в таком возрасте, что для нее естественно бегать с места на место; она это и делает, если только не получит замечания от старших. Но мне показалось, что на сей раз она бежит как-то по-особому. Смотритель Таак улыбнулся и одно-

временно нахмурился, глядя на девочку, когда та резко остановилась перед ним на дорожке, — одну руку она прижала к груди своего желтого комбинезона и согнулась чуть не пополам, чтобы пару раз притворно глубоко вздохнуть. Длинные розовые кудряшки плясали вокруг ее лица. Потом она вздохнула еще раз, еще глубже, чем прежде, и, выпрямившись, сказала:

— Дядя Фассин! Дедушка Словиус говорит, что у тебя опять связь отключена, и если я тебя увижу, то чтобы сказала, чтобы ты сразу же шел к нему!

— Так, значит, и говорит? — спросил, улыбаясь, смотритель Таак.

Он наклонился и, взяв Заб под мышки, поднял ее до высоты своего роста. Розовые туфельки девочки оказались на уровне его пояса.

— Да, так и говорит, — сказала она, шмыгнув носом. Она посмотрела вниз и увидела меня. — Ой, здравствуйте, ГС.

— Доброе утро, Заб.

— Ну что ж, — сказал смотритель Таак, еще чуть подбросив девочку, а потом опустив прямо себе на плечи. — Давай-ка пойдем и выясним, что нужно старику, а? — Он пошел вниз по тропинке к дому. — Как тебе там, наверху, не страшно?

Она обхватила руками его голову и ответила:

— Не-а.

— Только смотри, чтобы не задеть за ветки.

— Ты сам смотри, чтобы не задеть за ветки, — сказала Заб, потирая костяшки пальцев о каштановые кудри смотрителя Таака. Она повернулась и махнула мне. — Пока, ГС!

— До свиданья, — крикнул я им вслед.

— Нет, это *вы* смотрите, чтобы не задеть за ветки, юная леди.

— Нет, это *вы* смотрите, чтобы не задеть за ветки!

— Нет, это *вы* смотрите, чтобы не задеть за ветки.

— Нет, это *вы* смотрите, чтобы не задеть за ветки…

1
Осенний дом

Оно думало, что здесь будет безопасно, что здесь оно будет не так заметно: черная промороженная пылинка в широчайшем покрывале ледяного ничто, крапчатым кружевом наброшенного на систему. Но оно ошибалось — здесь было опасно.

Оно лежало, медленно поворачиваясь, беспомощно наблюдало, как мигающие лучи зондируют выщербленные, пустые пылинки вдалеке, и понимало, что его судьба решена. Казалось, щупальца определителя в своем исследовании двигаются слишком быстро, чтобы почувствовать что-нибудь, слишком неуверенно, чтобы зарегистрировать, едва касаются, почти не освещают — но они делали свое дело, не находя ничего там, где ничего и не было. Один только углерод в следовых концентрациях, заледенелая вода, твердая, как металл: древняя, мертвая и (если ее не трогать) безобидная для всех. Лазеры снова погасли, и оно в очередной раз преисполнилось надежды, застав себя за мыслями, противоречащими всякой логике: вдруг преследователи махнут

рукой, признают поражение, займутся своими делами и оставят его в покое — пусть себе вечно крутится на своей орбите. А может, оно упорхнет в одинокую вечность досветовых скоростей, в изгнание, или переместится в предсмертный сон, или… А может, прикидывало оно (и вот этого-то они и боялись, поэтому и выискивали его повсюду), оно организует заговор, все спланирует, поднимется, сделает, ускорится, построится, умножится, соберется и… атакует!.. И сотворит справедливое отмщение, и потребует от своих врагов заплатить (по меркам справедливости под каким ни возьми солнцем) за их нетерпимость, за их дикость, за их геноцид против целого вида. Потом снова появились тонкие лучи, освещая судорожным светом сажу-лед-шлак еще одной глыбы черновато-серого детрита, чуть дальше или чуть ближе, делая это с неизменной спорой методичностью, военной точностью и прилежной бюрократической систематичностью.

Судя по прежним световым следам, тут было не меньше трех кораблей. А сколько у них всего? Сколько они могут выделить для поисков? На самом деле это не имело значения. На поиски добычи у них может уйти миг, день или тысячелетие, но они определенно знают, где искать, и

не остановятся, пока не найдут то, что ищут, либо не убедят себя, что искать тут нечего. То, что оно так или иначе на пути к гибели, а место, где оно спряталось, пусть и самое, казалось бы, неожиданное, стало чуть ли не зоной начала поисков, наполняло его ужасом — и не только потому, что оно не хотело умирать или быть раскроенным на мелкие кусочки, как они раскраивали ему подобных, прежде чем окончательно их убить, а еще и потому, что против всех его надежд это место оказалось вовсе не безопасным, и поскольку немалое число ему подобных исходили из такого же допущения, то и никто из них не будет в безопасности.

Разум милостивый, может быть, никто из нас нигде не окажется в безопасности.

Теперь навсегда останутся неизреченными все его исследования, все его мысли, все великое, что могло случиться, все плоды перемен, что могло принести великое, явленное ему откровение; теперь это навсегда останется тайной за семью печатями. Все, все усилия потрачены впустую. Конец можно было обставить с блеском, можно было без блеска, но конец был неизбежен.

Выбор только один — смерть.

Тонкие лучи с кораблей вспыхивают и гаснут в

заледенелой дали, и наконец оно замечает в них закономерность, улавливает различия в структуре световых колебаний разных судов и таким образом вычисляет форму поисковых сеток, которые пока что позволяют ему беспомощно вести наблюдение, глядя, как смертоносные щупальца неторопливо, неторопливо подбираются к нему все ближе.

* * *

Архимандрит Люсеферус, воин-жрец культа Заморыша с Лесеума-9-IV, действующий правитель ста семнадцати звездных систем и сорока с лишком населенных планет, многочисленных стационарных орбиталищ и многих сотен тысяч крупных гражданских кораблей, верховный исполнительный адмирал Эскадры скрытого крыла Четыреста шестьдесят восьмого Всеохватного флота (Отдельного), некогда входивший в тройку представителей (попеременно) от человеческих и нечеловеческих видов группы планет Эпифания-5 в Верховной галактической ассамблее, в дни, предшествующие нынешнему Хаосу и последним идущим на убыль схваткам Каскада Разрыва, распорядился об усечении головы мятежного вождя Стинаусина, некогда его главного врага; эту

голову без промедления подключили к системам жизнеобеспечения и подвесили, перевернув, к потолку архимандритского кабинета во внешней стене Отвесной цитадели (с видом на город Джунч и залив Фараби в направлении вертикальной щели, подернутой дымкой, — Силового разлома), дабы архимандрит мог при желании — что случалось довольно часто — использовать голову старого врага в качестве боксерской груши.

У Люсеферуса были длинные, черные с отливом, прямые волосы и бледная от природы кожа, умело доведенная до почти абсолютной белизны. Глаза у него были искусственно увеличены, но так, чтобы не превышать максимальных видовых размеров и заставлять окружающих сомневаться, были они наращены или нет. Белки вокруг черных зрачков имели сочный ярко-красный цвет, а все зубы были мастерски заменены на алмазы чистейшей воды, отчего рот то казался причудливо, по-средневековому, беззубым, то пугал ослепительным блеском — это зависело лишь от угла зрения и освещения.

Актер или уличный исполнитель с подобными физиологическими отклонениями мог показаться забавным, даже немного бесшабашным, но обладатель такой власти, как у Люсеферуса, вы-

зывал скорее беспокойство, даже ужас. Таким же отчасти безвкусным, отчасти ужасающим было и его имя — он получил его не при рождении, а взял по причине фонетического сходства с именем презренного земного божества, которое большинство людей (а точнее, о-земляне) слышали вскользь на уроках истории, хотя вряд ли даже один из них вспомнил бы, когда именно.

Благодаря опять же генетическим манипуляциям архимандрит вот уже в течение некоторого времени был высоким, хорошо сложенным человеком, с довольно сильными верхними конечностями, и если он в гневе лупил кулаком (а он редко лупил кулаком в ином состоянии), то это производило значительный эффект. Мятежный вождь, чья голова свисала теперь вверх тормашками с потолка в кабинете Люсеферуса, до своего поражения успел доставить архимандриту немало политических и военных трудностей, порой весьма унизительных, и предатель до сих пор вызывал у архимандрита негодование, легко и неизменно переходившее в гнев при виде физиономии врага, пусть даже побитой, исцарапанной и окровавленной (несмотря на запуск ускоренного автолечения, процесс занимал некоторое время), а потому архимандрит и теперь бутузил

голову Стинаусина с не меньшим энтузиазмом, чем несколько лет назад, когда ее только-только повесили.

Стинаусин, который меньше чем за месяц такого обращения совершенно спятил и чей рот пришлось зашить, чтобы он не плевался в архимандрита, даже убить себя не мог — датчики, трубочки, микронасосы и биотехнологии исключали такой легкий для него исход. Но и без этих внешних препон он не мог бы осыпать Люсеферуса ругательствами или попытаться проглотить свой язык, потому что этот орган был вырван у него одновременно с отсечением головы.

Но все же иногда, после особенно интенсивных упражнений архимандрита, когда кровь капала с исцарапанных губ бывшего вождя мятежников, многократно переломанного носа, заплывших глаз и разбитых ушей, Стинаусин, случалось, плакал. Это особенно грело душу Люсеферуса; тяжело дыша и вытираясь полотенцем, он с удовольствием смотрел, как слезы разводят кровь, которая капала с висящей вверх тормашками, отделенной от туловища головы и скапливалась в керамическом поддоне на полу.

Правда, в последнее время архимандрит нашел себе другого напарника для игр — теперь

он иногда спускался в камеру на несколько уровней ниже, где содержался безымянный несостоявшийся убийца, медленно умерщвляемый собственными зубами.

Убийца, крупный, львиного сложения тип, был послан на дело без какого-либо оружия, кроме специально заточенных зубов, предназначенных, судя по всему, для того, чтобы прокусить архимандритово горло. Он и попытался воплотить в жизнь этот план полугодом ранее на торжественном обеде, устроенном здесь, во дворце на вершине скалы, в честь президента системы (абсолютно декоративная должность, на которую Люсеферус всегда проталкивал личностей одряхлевших, с признаками маразма). Осуществить этот план покушавшемуся помешали чуть ли не параноидальная мнительность архимандрита и эффективная (во многом секретная) личная охрана.

Неудавшийся убийца был подвергнут типовым, само собой жестоким, пыткам, после которых тщательно допрашивался под воздействием целого набора психотропных и электробиологических средств, но тем не менее ничего путного извлечь из него не удалось. Как выяснилось, он перед отправкой на задание был не менее тща-

тельно обработан специалистами по допросам (высочайшей квалификации, как и архимандритовские), которые стерли из его памяти все сведения о тех, кто его послал. Кукловоды не озаботились даже тем, чтобы имплантировать ему ложные воспоминания, изобличающие кого-либо близкого ко двору и к архимандриту, как это обычно делалось в таких случаях.

Люсеферус, прискорбнейшим образом сочетавший наклонности садиста-психопата с богатым воображением, решил наказать несостоявшегося убийцу при помощи его же собственных зубов (ведь именно с этим оружием его послали на задание). Соответственно, у того удалили все четыре клыка, подвергли их биологической обработке для непрерывного роста, после чего вставили снова. Эти здоровенные, толщиной в палец, клыки прорезались из его верхней и нижней десны, прорвали кожу губ и продолжили свой безжалостный рост. Нижние клыки через несколько месяцев изогнулись над головой и уперлись остриями в его макушку, тогда как верхние, приняв форму ятагана, приблизительно за тот же отрезок времени уперлись в кожу у основания его горла.

Зубы эти, генетически запрограммированные

на продолжение роста, несмотря ни на какие преграды, стали проникать в тело убийцы — нижняя пара медленно углублялась в черепную коробку, тогда как верхняя с гораздо большей легкостью входила в мягкие ткани у основания шеи. Последние причиняли убийце страшную боль, но не угрожали жизни — они должны были естественным образом пронзить тело и выйти сзади. Те же клыки, что, проколов черепные кости, направлялись в мозг, должны были в скором времени — возможно, в течение месяца — привести к мучительной смерти.

Несчастный безымянный убийца был не в силах предотвратить это, потому что оставался совершенно беспомощен: его неподвижно приковали к стене камеры кандалами и толстыми прутьями из нержавеющей стали, обеспечив при этом действие питающих и выводящих функций его организма. Рот ему зашили, как и Стинаусину. В первые месяцы заключения глаза убийцы следили за Люсеферусом по всей камере со свирепым, ненавидящим выражением, которое стало мало-помалу раздражать архимандрита, и тогда по его приказу зашили и глаза.

Уши и мозг заключенного продолжали, однако, функционировать (как в этом уверили Люсе-

феруса), и архимандрит иногда доставлял себе удовольствие — спускался в камеру, чтобы собственными глазами наблюдать, как врастают в плоть клыки. Время от времени он был не прочь поговорить с неудачливым убийцей, который становился в таких случаях невольным (и по необходимости учтивым) слушателем.

— Добрый день, — вежливо сказал Люсеферус, когда подъемная дверь со скрежетом закрылась за ним.

Эту камеру глубоко под его кабинетом Люсеферус считал своим убежищем, местом отдохновения. Здесь, кроме безымянного убийцы, он держал сувениры прежних кампаний, трофеи былых побед, образцы высокого искусства, из десятков покоренных звездных систем, коллекцию оружия, как парадного, так и высокоэффективного, различных существ в клетках или емкостях и насаженные на колья мертвые головы всех тех его главных врагов и противников, чья смерть не была абсолютной и не превратила их бренные останки в радиацию, прах, жижу, в неопознаваемые куски плоти и обломки костей (или их инопланетных эквивалентов).

Люсеферус подошел к осушенному резервуару, вделанному глубоко в пол, и бросил взгляд на

членистотельника неясной породы, который лежал, неподвижно свернувшись. Архимандрит натянул на руку длинную — по локоть — перчатку, сунул пятерню в большой котелок, стоящий на высоком, по пояс, ограждении резервуара, и бросил вниз горсть черных жирных хоботных пиявок.

— Ну, как вы тут? Здоровы? — спросил он.

Сторонний наблюдатель не понял бы, с кем разговаривает архимандрит: с человеческим существом, прикованным к стене; с членистотельником, который уже пришел в движение — поднимал свою безглазую блестящую коричневую голову, втягивал воздух, в нетерпении судорожно корчась всем телом; или же с хоботными пиявками, которые одна за другой падали на тронутый плесенью пол резервуара и тут же, извиваясь по-змеиному, уползали в ближайший угол, как можно дальше от членистотельника. Коричневатая масса членистотельника надвигалась на них, и они принимались карабкаться по отвесным стеклянным бокам резервуара, наползая друг на друга и тут же сваливаясь обратно.

Люсеферус стащил с руки перчатку и оглядел сводчатое, еле освещенное помещение. Камера была довольно удобным, тихим местечком

глубоко в скале, без окон или световых фонарей, — здесь он мог расслабиться и чувствовать себя в безопасности. Он посмотрел на подвешенное тело убийцы, длинное и смуглое, и сказал:

— Лучше дома места нет, правда? — Архимандрит даже улыбался, хотя улыбки его здесь никто не мог увидеть.

Из резервуара донесся скрежет, затем глухой удар, за которым последовали высокие, почти неслышимые всхлипы. Люсеферус повернулся, чтобы посмотреть, как членистотельник разрывает на части и пожирает гигантских пиявок, бешено тряся своей пятнистой коричневатой головой и разбрасывая за пределы резервуара кусочки слизистой черной плоти. Один раз он выбросил вот так еще живую пиявку, которая чуть не попала в архимандрита. Пришлось Люсеферусу гоняться за раненой пиявкой с тесаком, оставляя на темно-красном гранитном полу глубокие отметины от ударов.

Когда представление в резервуаре закончилось, архимандрит вернулся к убийце. Он снова надел длинную перчатку, вытащил еще одну хоботную пиявку и приблизился к существу, прикованному к стене.

— А вы помните свой дом, господин убийца? —

спросил он. — Хоть какие-то воспоминания остались? Дом, мать, друзья? — Он остановился перед своим врагом. — Неужели ничего такого?

Он махнул извивающейся пиявкой, чуть не касаясь ее рылом лица убийцы. Они ощущали друг друга — пиявка, которая корчилась в руке архимандрита, тянулась к лицу человека в жажде к нему присосаться, и человек, втягивающий воздух ноздрями и как можно дальше отворачивающий голову, словно желая вжаться в стену за его спиной (убийца уже успел познакомиться с хоботной пиявкой). Но клыки, впиваясь в тело убийцы, ограничивали его движения.

Люсеферус пиявкой повторял движения головы человека так, чтобы она все время находилась перед опущенным лицом, чтобы человек ощущал запах этой напрягшейся, дрожащей массы.

— Или они, посылая вас убить меня, стерли и эти воспоминания? А? Неужели ничего не осталось? А? — Он прикоснулся самым кончиком ротовой части пиявки к носу заключенного, отчего тот начал морщиться, дрожать и тихонько, по-щенячьи, поскуливать. — Что-что? Вы помните дом, дружище? Эх, хорошее было место, где вы чувствовали себя спокойно и в безопасности с людьми, которым доверяли и которые, может

быть, даже любили вас. Что вы говорите? Что-что? Я слушаю.

Человек пытался отвернуть голову подальше, растягивая сморщенную кожу вокруг тех мест, где клыки вошли в тело; одно из них начинало кровоточить. Гигантская пиявка дрожала в руке Люсеферуса, все дальше вытягивая свой выстланный слизью рот, чтобы поживиться плотью с лица человека. Но когда пиявка уже была готова присосаться, архимандрит увел ее назад, и она повисла в его полувытянутой руке, раскачиваясь и напрягаясь и, судя по всему, испытывая искреннее разочарование.

— Это мой дом, господин убийца, — говорил человеку Люсеферус. — Здесь мое место, мое убежище, в которое вы вторглись, которое измарали, обесчестили вашим… заговором. Вашим покушением. — Голос у него дрогнул. — Я пригласил вас в мой дом, пригласил за свой стол… как это делают хозяева вот уже десять тысяч человеческих лет, а вы… а вы хотели только одного — навредить мне, убить меня. Здесь, в моем доме, где я должен чувствовать себя безопаснее, чем где-либо.

Архимандрит печально покачал головой, осуждая такую неблагодарность. На неудавшемся убийце была только жалкая тряпка для при-

крытия наготы. Люсеферус содрал с него тряпку, отчего тот снова дернулся. Люсеферус уставился на него:

— Они тут с тобой немного поработали, да?

Он смотрел, как судорожно дрожат бедра несостоявшегося убийцы. Уронил тряпку на пол — завтра слуга заменит ее.

— Мне нравится мой дом, — тихо сказал архимандрит. — Правда нравится. Все, что мне приходилось делать, я делал ради того, чтобы мир стал безопаснее, дом стал безопаснее, чтобы жизнь всех стала безопаснее.

Он повел хоботной пиявкой в сторону гениталий убийцы, но та казалась теперь какой-то безжизненной, да и человек уже устал бояться. Даже архимандрит почувствовал, что развлечение его лишилось остроты. Он резко повернулся и, подойдя к котелку, установленному на широком ограждении резервуара, швырнул туда пиявку и сбросил с руки перчатку.

— А теперь мне приходится покидать дом, господин убийца, — сказал, вздохнув, Люсеферус.

Он снова бросил взгляд на свернувшегося кольцом членистотельника, изменившего цвет с коричневого на желто-зеленый — цвет лишайника, на котором лежал. От хоботных пиявок

остались только грязноватые пятна на стенах и слабый пряный аромат, в котором архимандрит научился различать запах крови еще одного вида. Он снова повернулся к убийце:

— Да, я должен оставить дом, и очень надолго, и, похоже, у меня нет выбора. — Он начал медленно приближаться к человеку. — Всех полномочий не передашь, ведь в конечном счете, особенно когда дело касается важнейших вещей, доверять нельзя никому. Иногда, в особенности при больших расстояниях и медленной связи, собственное присутствие ничем не заменишь. Что вы об этом думаете? А? Здесь такое прекрасное место. Вы так не считаете? Я столько лет работал, чтобы сделать его безопасным, но вот мне приходится его покидать, потому что я пытаюсь сделать его еще безопаснее, еще могущественнее, еще лучше. — Он снова подошел вплотную к человеку и постучал ногтем по клыку, вонзающемуся в череп. — А все из-за людей вроде вас, которые ненавидят меня, не хотят меня слушать, не делают, что им говорят, не понимают, что для них хорошо.

Он ухватился за клык и сильно дернул. Человек от боли застонал через нос.

— Хотя на самом деле не совсем так, — сказал

Люсеферус, пожимая плечами и отпуская клык. — Станет наша жизнь безопаснее или нет — вопрос спорный. Я отправляюсь в эту систему… Юлюбиса… или как уж ее там, потому что в ней можно найти кое-что ценное, потому что мои советники дают мне такой совет, а мои разведчики наразведывали там что-то такое. Конечно, стопроцентно никто ни в чем не уверен — никогда не уверен. Но как-то все они очень воодушевились. — Архимандрит вздохнул еще раз, глубже. — А я, как всегда, легко поддаюсь внушению — собираюсь сделать то, что они предлагают. Как вы считаете, я правильно поступаю? — Он помолчал, словно ожидая ответа. — Так что? Я хочу сказать, вы, насколько я понимаю, едва ли пожелаете быть со мной абсолютно честным, если имеете мнение на сей счет, но все же… Нет? Вы уверены?

Он скользнул взглядом по шраму на боку человека, лениво спрашивая себя, не его ли дознаватели так постарались. Вряд ли — шрам был грубоват и слишком глубок. Несостоявшийся убийца дышал часто и неглубоко, и понять, слушает он или нет, было невозможно. Челюсти его за зашитыми губами вроде бы двигались.

— Видите ли, на сей раз у меня нет абсолютной уверенности, и я бы не отказался от совета.

Вполне возможно, то, что мы собираемся сделать, не добавит нам безопасности. Но сделать это необходимо. Бывают вещи, которые делать необходимо. Да? — Он несильно похлопал убийцу по щеке, но тот все равно дернулся. — Но вы не беспокойтесь. Вы тоже полетите. Большой флот вторжения. Много свободного места. — Он окинул взглядом камеру. — И вообще мне кажется, вы слишком много времени проводите здесь. Вам не помешает немного выходить. — Архимандрит Люсеферус улыбнулся, хотя видеть его улыбку было по-прежнему некому. — После стольких трудов мне было бы жаль упустить момент вашей смерти. Вы полетите со мной, согласны? В систему Юлюбиса, на Наскерон.

* * *

Однажды во Втором архаичном подсезоне дядюшка Фассина Таака вызвал своего лишь порой беспокойного племянника в Камеру временного забвения:

— Племянник.

— Дядя. Вы хотели меня видеть?

— Гм.

Фассин Таак вежливо ждал. Было известно, что дядюшка Словиус теперь нередко погружается

в молчание, задумываясь даже после такого простого и вроде бы необязательного обмена репликами, словно услышал нечто глубокомысленное и в самом деле неожиданное, дающее пищу для размышлений. Фассин так до конца и не решил, о чем это говорит: то ли его дядюшка относится к своим обязанностям старшего с особенной и торжественной серьезностью, то ли старик просто впадает в слабоумие. Как бы то ни было, но дядюшка Словиус оставался главой наблюдателей клана Бантрабал уже либо почти три века, либо свыше четырнадцати, в зависимости от избранного времясчисления, и, по всеобщему убеждению, заслужил на это право.

Как и полагается хорошему племяннику, преданному семьянину и верному члену научного сообщества, Фассин уважал своего дядюшку не только из долга, но и в душе, хотя и понимал: такое его отношение, вероятно, сложилось под влиянием того факта, что согласно традициям семьи и правилам касты власть и уважение со временем перейдут от дядюшки к нему. Пауза затягивалась. Фассин чуть поклонился:

— Вы мне позволите сесть, дядя?

— Что? Ах да. — Дядя Словиус поднял похожую на плавник руку и неопределенно махнул ею. —

Прошу.

— Спасибо.

Фассин Таак, подтянув прогулочные брюки и засучив широкие рукава рубашки, смирно уселся рядом с большим круглым бассейном, где в слегка парящей и светящейся голубоватой жидкости плавал его дядюшка. Несколько лет назад дядюшка Словиус принял обличье моржа. Бежево-розового, относительно стройного, с клыками едва ли длиннее среднего человеческого пальца, — но тем не менее моржа. Прежних кистей у дядюшки Словиуса не было — они превратились в плавники на конце двух тонких и слабых, довольно необычного вида предплечий. Пальцы его превратились в культяпки — этакое зубчатое завершение плавников. Он открыл рот, собираясь заговорить, но тут подошел один из слуг, облаченный в черное, и, встав на колено рядом с кромкой бассейна, прошептал что-то на ухо Словиусу. Одной рукой с перстнями на всех пальцах слуга придерживал свою косичку, чтобы не замочить ее. Темные одежды, перстни и длинные волосы свидетельствовали о том, что он занимает одно из высших мест в домашней иерархии. Фассин понимал, что надо бы вспомнить имя слуги, но мысли его были заняты другим.

Он оглядел комнату. Камера временного забвения использовалась редко; к ее услугам прибегали, если так можно выразиться, только в тех случаях, когда кто-либо из старейших членов семейства приближался к своему концу. Бассейн занимал бóльшую часть просторного, почти полусферического помещения, стены которого были сделаны из тонкого прозрачного агата с прожилками потускневшего от времени серебра. Эта полусфера была частью одного из куполообразных крыльев Осеннего семейного дома, расположенного на Двенадцатом континенте кремниевой планеты-луны Глантин, спутника планеты-гиганта Наскерон. Газовый шар, весь в разноцветных вихрях облаков, казался футбольным мячом рядом с перечным зернышком Глантина. Кусочек огромной планеты был виден сквозь прозрачную центральную часть крыши прямо над Фассином и его дядюшкой.

На видимой сейчас Фассину части Наскерона стоял день, и поверхность планеты была покрыта алыми, оранжевыми и ржаво-коричневыми облаками, в сумме дававшими сочный красный цвет, который проникал сквозь разреженную атмосферу Глантина, сквозь его фиолетовые небеса и застекленную вершину полусферического зала,

помогая освещать камеру и бассейн в ней, где облаченный в черное слуга поддерживал дядюшку Словиуса, что-то отхлебывавшего из стакана — то ли освежающий напиток, то ли лекарство. Струйка прозрачной жидкости стекала изо рта дядюшки на седой подбородок, на шею и дальше — в голубой бассейн, где в условиях половинной гравитации гуляли высокие волны. Дядюшка Словиус, закрыв глаза, довольно урчал.

Фассин повернулся — к нему подходил другой слуга, держа поднос с напитками и фруктами. Фассин улыбнулся ему и поднял руку, отказываясь от угощения. Слуга кивнул и удалился. Фассин вежливо поднял взгляд на крышу и видимый через нее газовый гигант, краем глаза посматривая, как слуга вытирает губы старику аккуратно сложенной салфеткой.

Величественный, равнодушный, двигающийся почти незаметно, с какой-то отчаянной безмятежностью, Наскерон поворачивался над ними, как огромный кусок раскаленного угля, подвешенный в небесах.

Газовый гигант был самой большой планетой в системе Юлюбиса, находящейся в отдаленной полосе Четвертичного потока — одного из Южных Щупальцевых рифов, галактической окраины,

расположенной в пятидесяти пяти тысячах световых лет от номинального центра галактики, практически на самой ее границе.

Степени удаленности (особенно в текущую послевоенную эпоху) были четко расписаны, и система Юлюбиса по всем нормам попадала в предельно-пограничную. Окраинное положение (к тому же существенно ниже плоскости галактики, там, где звезды и газ окончательно переходили в пустоту) не всегда означало, что это место недостижимо, — лишь бы только оно находилось вблизи портала артерии.

В галактическом содружестве все зависело от артерий («червоточин» в пространственно-временном континууме) и порталов, которые являлись для артерий входами и выходами. Те и другие обеспечивали почти мгновенное перемещение из одной звездной системы в другую, в противном же случае вы были бы вынуждены плестись с черепашьей досветовой скоростью. Они колоссально влияли на положение, экономику и даже моральное состояние системы. Без них вы были бы точно привязаны к одной маленькой деревне, к одной скучной и болотистой долине, где могли безвыездно провести всю свою жизнь. Но как только рядом с вами появлялся портал

артерии, вы тут же словно становились частью огромного, сверкающего огнями города, полного жизни, энергии и надежд.

Переместить портал можно было единственным способом: погрузить его на космический корабль и увезти с досветовой скоростью. При этом другой его конец (обычно) крепился в начальной точке. Это означало, что, если ваша червоточина получала повреждение (а теоретически она могла быть повреждена в любом месте по всей своей длине, хотя практически это случалось только на концах, в самих порталах), вы тут же оказывались там, где были прежде, — в отрезанной от мира маленькой деревушке.

Впервые Юлюбис был соединен с остальной галактикой более трех миллиардов лет назад, в так называемую Новую эпоху. Система была тогда относительно молодой, возрастом всего в несколько миллиардов лет, но уже изобиловала разнообразной жизнью. Ее артериальное соединение являлось частью Второго комплекса — второй серьезной попытки галактического сообщества создать разветвленную сеть червоточин. Этот коридор был утрачен во время волнений продолжительностью в миллиард лет, включавших Долгий коллапс, Войну шквалов,

Анархию рассеяния и Распад Информорты. Затем вместе с большей частью цивилизованной галактики система погрузилась в коматозное состояние вследствие Второго, или Большого, Хаоса — эпохи, когда уцелело только население Наскерона: оно принадлежало к видовому метатипу «медленных», жило в ином временном режиме и ничуть не выходило из себя при мысли о том, что на дорогу из пункта А в пункт Б нужно потратить несколько сотен тысяч лет. Известные как насельники, они заявляли, что для них миллиард лет без особых событий — не больше чем долгие каникулы.

По окончании Третьей эпохи диаспоры (и в немалой степени вопреки ей; галактическая история, как ни посмотри, вещь непростая) еще одна червоточина, ставшая частью Третьего комплекса, снова связала Юлюбис с остальной галактикой. Эта артерия действовала в течение семидесяти миллионов мирных, продуктивных лет, когда здесь появились и исчезли несколько видов «быстрых» (ни один из них не происходил из системы Юлюбиса), так что единственным постоянным свидетелем медленно разворачивавшихся событий и жизни оставались только насельники. Разрушение артерии снова по-

грузило Юлюбис (вместе с девяноста пятью процентами остальной соединенной галактики) в одиночество. Во время Войны новых быстрых и Войны машин исчезло еще множество порталов и червоточин, и только с учреждением Меркатории (по крайней мере, так считали те, кто управлял ею) воцарился длительный мир, знаменовавший начало Четвертого комплекса.

Связь с Юлюбисом была восстановлена в самом начале этого медленного процесса, до сих пор находившегося на ранней стадии, и в течение шести тысяч лет благодаря этой последней артерии система была одной из доступных частей постепенно приходящего в себя галактического сообщества. Однако потом и эта червоточина была уничтожена, и в течение четверти тысячелетия ближайший портал располагался в системе Зенерре, на расстоянии целых двухсот четырнадцати световых лет. Изменение этой ситуации ожидалось лет через семнадцать, когда портал, транспортируемый в настоящее время на борту технического корабля «Эст-тоон Жиффир» к системе Юлюбиса с релятивистской скоростью, будет доставлен и установлен, возможно, в том самом месте, где стоял прежний портал, — в одной из точек либрации недалеко от Сепекте,

главной планеты системы Юлюбиса. Однако в настоящий момент эта система, несмотря на всю ее важность как центра по изучению насельников, оставалась удаленной как во времени, так и в пространстве.

Дядюшка Словиус, махнув ластом, отпустил слугу и притулился к Y-образной люльке, которая удерживала его плечи и голову над голубой сверкающей поверхностью бассейна. Слуга (Фассин вспомнил его имя — Гвайм, второй в иерархии дядюшкиной дворни) повернулся и попытался помочь Словиусу устроиться поудобнее, но тот недовольно зашипел и замахнулся на слугу рукой-плавником. Гвайм легко увернулся от слабого, медленного удара, поклонился, отошел и встал недалеко от стены. Словиус пытался приподняться повыше над бассейном, и хвостатая нижняя часть его тела медленно колыхалась под светящимися волнами.

Фассин хотел было встать.

— Дядюшка, позвольте мне…

— Нет, — сердито прокричал дядюшка, продолжая свои тщетные попытки подняться повыше. — Я хочу, чтобы вокруг меня прекратили суетиться, только и всего! — С этими словами Словиус повернул голову в сторону Гвайма, но от

этого лишь соскользнул еще ниже, так что оказался в более горизонтальном положении, чем раньше. Он ударил ластом, подняв фонтанчик брызг. — Ну вот! Видишь, что ты сделал? Лезут тут всякие идиоты! — Он сердито вздохнул, улегся спиной на волнующуюся поверхность и, явно обессиленный, уставился перед собой. — Можешь меня устроить как хочешь, Гвайм, — глухо сказал он, словно признавая свое поражение.

Гвайм присел на плиточный пол рядом со Словиусом, взял его под мышки и затащил на люльку, так что голова и плечи того оказались в почти вертикальном положении. Словиус устроился поудобнее, потом живо кивнул. Гвайм снова занял свое место у стены.

— Так вот, племянник, — сказал Словиус, скрещивая свои верхние ласты над розоватой кожей безволосой груди. Он посмотрел на прозрачную вершину купола.

Фассин улыбнулся:

— Слушаю, дядя.

Словиус, казалось, колебался. Он опустил глаза на племянника:

— Твои… твои исследования, Фассин. Как они продвигаются?

— Удовлетворительно. Но в том, что касается

Транче Ксонджу, они еще на ранней стадии.

— Гм. На ранней стадии, — повторил дядюшка Словиус. Вид у него был задумчивый, глаза снова уставились вдаль.

Фассин тихонько вздохнул. Да, подумал он, тут так быстро не отделаешься.

Фассин Таак был наблюдателем медленных при дворе наскеронских насельников. Насельники (точнее, насельники газовых гигантов, или, если давать полное определение, нейтрально плавучие первого порядка повсеместно распространенной высшей клады насельники газового гиганта) были крупными существами неимоверного возраста, которые образовывали головокружительно сложную и топологически необозримую цивилизацию, уходящую корнями в седую древность; цивилизация эта обитала в облачных слоях огромного газового гиганта — в обиталище столь же колоссальном по размерам, сколь изменчивом по своей аэрографии.

Насельники (по крайней мере, в зрелой своей форме) были тугодумами. Они жили медленно, медленно развивались, медленно передвигались и все, что делали, делали медленно. Считалось, что они могут довольно быстро сражаться, хотя, насколько было возможно установить, в

обозримом прошлом сражаться им ни с кем не приходилось. Вообще-то, они, если это их устраивало, могли думать довольно быстро, но по большей части это их, похоже, не устраивало, и потому считалось, что думают они медленно. Никто не спорил с тем, что в последние свои годы (последние эоны) они и говорили медленно. Так медленно, что ответ на простой вопрос, заданный во время завтрака, мог быть получен лишь после ужина. Фассин подумал, что дядюшка Словиус (который теперь лишь слегка покачивался на успокоившейся поверхности бассейна и, судя по его клыкастому одутловатому лицу, впал в состояние, близкое к трансу), кажется, вознамерился перещеголять по этой части насельников.

— Транче Ксонджу. Это о чем?.. — спросил вдруг Словиус.

— Поэзия хаоса, мифы диаспоры и различные исторические узлы, — ответил Фассин.

— Исторические узлы каких эпох?

— Большинство из них еще не датировано, дядя. Некоторые практически не поддаются датировке и, возможно, имеют мифологическое происхождение. Единственные достоверные эпизоды принадлежат к недавней истории и, судя по всему, отражают местные события во время

Войны машин.

Дядюшка Словиус медленно кивнул, отчего поверхность бассейна зарябила.

— Война машин. Это интересно.

— Я собирался в первую очередь заняться этими эпизодами.

— Что ж, неплохая мысль, — сказал Словиус.

— Спасибо, дядя.

Словиус снова погрузился в молчание. Где-то вдалеке раздался гром землетрясения, и по жидкости в бассейне побежали концентрические круги.

Цивилизация насельников Наскерона со всей сопутствующей ей флорой и фауной являла собой лишь микроскопическую часть насельнической диаспоры, всегалактической метацивилизации (некоторые предпочитали термин «постцивилизация»), которая, насколько возможно было установить, предшествовала всем другим империям, культурам, диаспорам, цивилизациям, федерациям, консоциумам, содружествам, союзам, лигам, конфедерациям, объединениям и организациям каких бы то ни было сходных или разнородных существ.

Иными словами, насельники присутствовали в галактике практически повсеместно. Что делало

их как минимум необычными и, возможно, уникальными. Кроме того, если вы подходили к ним с должным почтением и вниманием, а также проявляли уважение и достаточное терпение, то насельники становились воистину бесценным кладезем информации. Поскольку память у них была хорошая, а библиотеки — еще лучше. Или, по крайней мере, у них была цепкая память и очень большие библиотеки.

Воспоминания и библиотеки насельников на поверку оказывались набиты всякой чушью: странными мифами, туманными образами, неразборчивыми символами, бессмысленными уравнениями, — а в придачу хаотический набор цифр, букв, пиктограмм, голофонов, сономемов, химоглифов, актиномов и всякой всячины; все это вперемешку, без всякого порядка (или же в совершенно невразумительном порядке) — жуткий винегрет миллионов и миллионов совершенно различных и абсолютно не связанных между собой цивилизаций, подавляющее большинство которых давно исчезло и либо превратилось в прах, либо испарилось с излучением.

И все же среди этого хаоса, пропагандистских измышлений, искажений, бредятины и небылиц обнаруживались крупицы действительности,

пласты фактов, замерзшие реки давно забытой истории, целые тома экзобиографий, прожилки и нити правды. Профессией людей, вроде главного наблюдателя за медленными Словиуса (в прошлом) и главного наблюдателя за медленными Фассина Таака (в настоящем), были встречи и беседы с насельниками, привыкание к их языку, мыслям, метаболизму; наблюдатели парили, летали, ныряли и плавали (иногда виртуально, на расстоянии, а иногда фактически) вместе с насельниками в облаках Наскерона, разговаривали с ними, участвовали в их исследованиях, разбирали их записки и аналитические выкладки, извлекали крупицы истины из того, что древние — медленные хозяева планеты рассказывали им и позволяли увидеть, и таким образом обогащали и просвещали бóльшую и более быструю метацивилизацию, населявшую теперь галактику.

— А эта Джааль? — Словиус бросил взгляд на племянника, чей удивленный вид вынудил старшего добавить: — Ну как их там?.. Тондероны. Да. Эта девица Тондерон. Вы ведь все еще обручены?

Фассин улыбнулся.

— Обручены, дядя, — сказал он. — Она сегодня вечером возвращается из Пирринтипити. Надеюсь встретить ее в порту.

— И ты?.. — Словиус повел одной ластовидной рукой. — Ты все еще доволен?

— Доволен чем? — спросил Фассин.

— Она тебя устраивает? И перспектива иметь ее женой?

— Конечно, дядя.

— А ты ее?

— Надеюсь, да. Думаю, да.

Словиус посмотрел на племянника, задержал на нем взгляд:

— Мм, понятно. Конечно. Ну что ж. — Словиус одним ластом зачерпнул себе на грудь голубую сверкающую жидкость, словно чтобы не замерзнуть. — И когда вы собираетесь пожениться?

— Свадьба назначена на День Всех Святых, на Джокунде-три, — сказал Фассин. — Осталось меньше полугода по физиологическому времени, — услужливо добавил он.

— Понятно, — сказал Словиус, нахмурившись. Он медленно кивнул, и от этого его тело сначала слегка приподнялось, а потом осело в бассейне, образовав новые волны. — Ну что ж, я рад, что ты наконец остепенишься.

Фассин считал себя увлеченным, самозабвенным и умелым наблюдателем, который бóльшую часть своего времени проводил в реальных экс-

педициях — сейчас с насельниками Наскерона. Но поскольку он любил после каждого такого отрезка своей жизни, полезного для общества, «хорошенько отдохнуть», старшее поколение клана Бантрабал, а в особенности Словиус, казалось, считали его безнадежным прожигателем жизни. (Дядюшка Словиус и слышать не хотел о «хорошеньком отдыхе» племянника. Он предпочитал называть это «месячный беспробудно-беспросыпный кутеж-долбеж с неприятностями, драками и непотребными дырками…». Злачные места, где оттягивался Фассин, могли находиться где угодно — иногда в Пирринтипити, столице Глантина, иногда в Боркиле, столице Сепекте, или в другом городе этой планеты, иногда в одном из множества увеселительных заведений, разбросанных по системе.)

Фассин примирительно улыбнулся:

— Но я пока еще не вешаю на крючок свои танцевальные туфли.

— Характер твоих исследований за последние, ну, скажем, три-четыре экспедиции, Фассин. Они не уклонялись от того, что можно назвать последовательным направлением?

— Вы меня ставите в тупик своим вопросом, дядя, — признался Фассин.

— Твои последние три или четыре экспедиции, они между собой связаны каким-либо образом — тематически, предметно или через насельников, с которыми ты беседовал?

Фассин в удивлении откинулся к спинке стула. С чего это старый Словиус заинтересовался такими вещами?

— Дайте-ка я подумаю, дядя, — сказал он. — Сейчас я беседую почти исключительно с Ксонджу, который, кажется, выдает информацию беспорядочно и не совсем понимает, что такое ответ. Наша первая встреча и все остальные носили предварительный характер. Видимо, с ним все же стоит поработать, если только его удастся найти. А может, и не стоит. Не исключено, что несколько месяцев перед следующей экспедицией придется целиком потратить на…

— Значит, это была подготовительная экспедиция? Знакомство?

— Да.

— А перед этим?

— Пространные консультации с Чевхорасом, Сараисме-младшим, Акеурле Двублизнецом, траавом Канчангесджа и парой несовершеннолетних из юношеской стаи Эглида.

— И какие были темы?

— Главным образом — поэзия. Древняя, современная, использование образов в эпическом произведении, этика хвастовства и преувеличений.

— А экспедицией раньше?

— С одним Чевхорасом. Долгий плач по его усопшему родителю, какие-то охотничьи мифы из недавнего местного прошлого, многословный перевод и внутреннее упорядочение эпоса о приключениях древних плазматиков, путешествовавших в рамках водородной миграции около миллиарда лет назад, во время Второго Хаоса.

— А до этого?

Фассин улыбнулся:

— Длительный тет-а-тет с Валсеиром, экспедиция, включавшая проживание с Прожженными плутами из трайба Димаджриан.

Он подумал, что в детали этого путешествия углубляться нет нужды. Экспедиция была долгой, шестилетней (в физиологическом времени, тогда как на взгляд извне продолжалась почти столетие), и принесла Фассину известность талантливого наблюдателя, обеспечив ему репутацию как в клане Бантрабал, так и в сообществе наблюдателей вообще. Ценность рассказов и

историй, с которыми он вернулся, послужила основной причиной его быстрого возвышения в собственном клане и предложения вступить в брак с дочерью главного наблюдателя клана Тондерон, старшего из двенадцати кланов.

— И как давно это было в реальном времени?

Фассин задумался.

— Лет триста назад… Двести восемьдесят семь, если не ошибаюсь.

Словиус кивнул:

— Много ли информации было передано во время этой экспедиции?

— Почти ничего, сэр. На этом настаивали Прожженные плуты. Это одна из самых… отсталых юношеских стай. Мне разрешалось только раз в год сообщать, что я жив.

— А перед этим что была за экспедиция?

Фассин вздохнул и постучал пальцами по плавленому стеклу у бортика бассейна. Что это старик надумал? И неужели Словиус не мог просто посмотреть журнал клана? Из стены выступала шарнирная консоль с экраном на конце. Фассин не раз видел, как это устройство опускали к Словиусу, чтобы тот мог просматривать домашнюю библиотеку. Метод этот, хотя и не очень быстрый и эффективный — нажимать на клавиатуру ему

приходилось своими недоразвитыми пальцами, — обеспечивал ответы на любые вопросы. Старик мог и просто попросить — для этого имелись слуги.

Фассин откашлялся:

— По большей части — инструктаж Паггса Юрнвича из клана Рехео, это была его первая экспедиция. Мы нанесли визит вежливости трааву Хамбриеру во времени один к одному — насельники учли отсутствие у Юрнвича опыта. Экспедиция продолжалась почти три месяца по физиологическому времени. Учебный курс.

— И у тебя не было времени для собственных исследований?

— Очень мало.

— Но все же было?

— Я смог побывать на симпозиуме по глубокой поэтике, проводившемся университетской стаей Марсал. Кто там еще был — не помню, нужно справиться в журнале клана.

— А что еще? Я имею в виду сам симпозиум. Его тему.

— Если не ошибаюсь, охотничьи методики насельников в сравнении с действиями инквизиториев Войны машин. — Фассин погладил подбородок. — Примеры были местные, из систе-

мы Юлюбиса, некоторые касались Глантина.

Словиус кивнул и посмотрел на племянника:

— Ты знаешь, что такое представительская проекция, Фассин?

Фассин посмотрел на видимый ему через прозрачную панель в крыше сегмент газового гиганта. На одной стороне уже появлялся ночной терминатор — темнота наползала своим краем на дальние тучи. Фассин снова перевел взгляд на Словиуса:

— Я, кажется, слышал этот термин, но в точности за его смысл не поручусь.

— Представительская проекция — это когда они световым лучом посылают настроенный ряд запросов и ответов к физически удаленной точке, имитируя таким образом своего представителя.

— Вы сказали «они»?

— Инженеры, Администратура. Возможно, Омнократия.

Фассин поднял брови:

— Правда?

— Правда. Если верить тому, что нам говорят, объект этот представляет собой нечто вроде библиотеки, передаваемой сигнальным лазером. Если надлежащим образом поместить его в соответствующую систему достаточной мощ-

ности и сложности, это… эта сущность… хотя на самом деле это всего лишь многоканальный набор утверждений, вопросов и ответов плюс ряд правил, регулирующих порядок их озвучивания, так что возникает эффект осмысленного разговора. Это близко к искусственному разуму послевоенного периода. Настолько, насколько это разрешено.

— Это нечто особенное.

Словиус чуть покачивался в своем бассейне.

— Разумеется, они необыкновенно редки, — согласился он. — Одна из них направлена сюда.

Фассин несколько раз моргнул:

— Сюда?

— В клан Бантрабал. В этот дом. К нам.

— К нам?

— От Администратуры.

— Администратуры? — Фассин захлопнул рот, чтобы не показаться идиотом.

— Через техкорабль «Эст-тоон Жиффир».

— Ух ты, — сказал Фассин. — Нам… оказана честь.

— Не нам, Фассин. Тебе. Проекция направляется для беседы с тобой.

Фассин едва заметно улыбнулся:

— Со мной? Понимаю. И когда?..

— В настоящее время идет передача. Проекция будет готова к ночи. Тебе нужно освободить для нее время. У тебя есть какие-то планы?

— Планы?.. Ужин с Джааль. Я уверен…

— Пусть это будет ранний ужин. И не опаздывай.

— Да, конечно, — сказал Фассин. — Вы не знаете, чем я заслужил такую честь?

Словиус немного помолчал, потом ответил:

— Понятия не имею.

Гвайм повесил на крючок трубку внутренней связи, покинул свое место у агатовой стены, встал на колено рядом со Словиусом и что-то прошептал ему на ухо. Тот кивнул и посмотрел на Фассина:

— С тобой, племянничек, желает поговорить мажордом Верпич.

— Верпич? — повторил Фассин, глотая слюну.

Семейный мажордом, самый главный слуга клана Бантрабал, обычно пребывал в спячке, пока весь клан не перемещался в зимнее жилье, что должно было произойти через восемьдесят дней. Еще ни разу этот порядок не нарушался.

— Я думал, он спит, — сказал Фассин.

— Его разбудили.

* * *

Корабль был мертв уже несколько тысячелетий. Никто, похоже, не знал, сколько именно, хотя, по самым правдоподобным оценкам, речь могла идти о шести или семи. Это был один из множества кораблей-неудачников, в составе какого-то из огромных флотов участвовавший в Войне новых быстрых (а может, в чуть более поздней Войне машин, или в последующих Разрозненных войнах, или же в одном из быстротечных, ожесточенных, сумбурных сражений, нередко происходивших в Рассеянии), еще одна забытая и никому теперь не нужная пешка в великой игре галактических держав, в соревновании цивилизаций, в изощренных ходах панвидов, во всеобщей метаполитике галактического масштаба.

Корпус корабля лежал необнаруженным на поверхности Глантина не менее тысячи лет, потому что, хотя по человеческим стандартам Глантин и был малой планетой (чуть меньше Марса), по тем же меркам он был малонаселен — менее миллиарда обитателей, бóльшая часть которых сосредоточилась в тропиках, а район, куда упал корабль (Северная пустыня), посещался редко и

особых достопримечательностей не имел. Местной системе наблюдения потребовалось немало времени, чтобы хоть отчасти вернуться к тому состоянию, в каком она пребывала до начала военных действий, а это также способствовало тому, что корабль долго оставался необнаруженным. И наконец, несмотря на солидные размеры корабля, его системы автокамуфляжа частично уцелели после крушения, гибели всех смертных на борту и удара о поверхность планеты-луны, все это время маскируя корабль еще под одну складку пустой породы, извергнутой из глубокого кратера, созданного падением гораздо меньшего, но куда более скоростного аппарата, который от удара испарился десятью километрами дальше в самом начале конфликта между новыми быстрыми.

Останки корабля были обнаружены только потому, что кто-то на флаере врезался в один из его огромных искривленных стабилизаторов (на тот момент идеально голографо-закамуфлированных под призывно сверкающе чистое небо) и погиб. Только после этого останки корабля исследовали: те немногие из его систем, что еще находились в рабочем состоянии (но не были запрещены новым режимом, а значит, практически ника-

кие), были сняты, после чего корабль (подъем его корпуса с основными надстройками был бы запредельно дорогим предприятием, разрезание на куски и утилизация — делом тоже недешевым и, возможно, опасным, а полное уничтожение потребовало бы многих гигатонн взрывчатки, против чего население малой планеты-луны в мирное время категорически возражало, даже если речь шла о местах ненаселенных), на всякий случай и на неопределенное время обнесли воздушными предупредительными бакенами.

— Нет, может, это и неплохо, может, позитивно, — сказал им Салуус Кегар и развернул свой маленький флаер над пустыней по направлению к пересеченной местности, где на фоне медленно темнеющего пурпурного неба виднелись траченные временем стабилизаторы упавшего корабля, похожие на складки теней; за его обломками вдруг замерцал огромный сине-зеленый световой занавес — покрыл рябью и волнами все небо, а потом медленно исчез.

— От тебя никто ничего другого и не ждал, — сказала Таинс, играя кнопками на пульте управления переговорным устройством.

В громкоговорителях трещали и шипели атмосферные помехи.

— Может, не стоит лететь так низко? — спросила Айлен, упиравшаяся головой в фонарь кабины, и посмотрела вниз, потом кинула взгляд на молодого человека, делившего с ней заднее сиденье флаера. — Серьезно, Фасс, может, не стоит?

Но Фассин уже говорил:

— Сал никак не смирится с мыслью о том, что его неумолимый позитивизм может порождать у других негативные эмоции. Извини, Лен. Что ты говорила?

— Я говорила…

— Да, — пробормотала Таинс, — подними-ка эту чертову землеройку повыше.

— Я только хочу сказать… — продолжал Салуус, взмахнув рукой и опустив флаер еще ниже, еще ближе к черной земле, мелькавшей внизу.

Таинс цокнула языком и потянулась, чтобы нажать кнопку монитора, после чего раздался отрывистый звук; флаер поднялся на несколько метров и стал ровнее держаться над поверхностью. Сал сверкнул на нее взглядом, но противоаварийного устройства не выключил.

— Я только хочу сказать, — продолжил он, — что мы пока еще в порядке, нас не разорвало, а теперь есть возможность исследовать кое-что, к чему в обычных обстоятельствах нас бы не

подпустили. В нужное время, в нужном месте — идеальная возможность. Разве это не позитивно?

— Только при этом ты предлагаешь нам, — произнес Фассин, растягивая слова и подняв глаза к небу, — не обращать внимания на тот злосчастный факт, что некоторые слишком уж исполненные энтузиазма и глубоко неверно понятые запредельцы, судя по всему, пытаются превратить нас всех в радиоактивную пыль?

Казалось, его никто не услышал. Фассин демонстративно зевнул во весь рот (этого тоже никто не заметил) и откинулся к кожаной спинке, вытянув левую руку и положив ее на спинку сиденья Айлен Дест (та по-прежнему прижимала лоб к фонарю и, словно загипнотизированная, глядела, как под флаером проносится маловыразительная песчаная поверхность). Он попытался по крайней мере принять беззаботное и по возможности скучающее выражение. Хотя на самом деле он был в ужасе и чувствовал себя совершенно беспомощным.

Эта пара — Сал и Таинс — были мотором группы. Салуус — пилот, дерзкий, красивый, своевольный, но безусловно талантливый (и, подумал Фассин, чертовски везучий), наследник огромной финансовой империи, ничуть не

смущающийся того, что его сказочно богатый папаша — настоящий разбойник. Жадина — так окрестил Фассин Сала в первый год их учебы в колледже, и общие друзья их пользовались этим прозвищем только за глаза, пока Сал обо всем не пронюхал и не принял это имя — лично одобренный ярлык — с воодушевлением. Таинс — второй пилот, штурман и начальник связи, неизменно проницательный и язвительный критик группы (себя Фассин считал проницательным и *саркастическим* критиком), офицер на обучении Таинс Йарабокин, как ее теперь следовало называть, Воячка (еще одно из выдуманных Фассином прозвищ); она была одной из лучших в колледже, но тем не менее успела пройти половину пути к офицерскому званию в Навархии, посещая на выходных и каникулах заочные курсы в военной школе, а потом получила в колледже неполный диплом и на последнем курсе перешла в Военную академию, где ей зачли первый год, переведя сразу на второй, и уже на таком беспрецедентно раннем этапе ее считали кандидатом в Объединенный флот, непосредственно подчиняющийся Кульмине — главенствующей суперсиле всей галактики. Иными словами, блестящее военное будущее Таинс, казалось, было предопределено

в такой же мере, в какой Салу было уготовано беспримерное финансовое процветание.

Оба они к тому же успели побывать за пределами системы — добирались до юлюбисского портала в подвижной точке либрации Сепекте, откуда перемещались в систему Зенерры и Комплекс — сеть червоточин, опутавшую галактику, как темное кружево под крохотными разбросанными огоньками солнц. Отец Салууса взял его в большое путешествие во время долгих прошлогодних каникул, и они исколесили всю срединную часть галактики — посетили все доступные знаменитые места, познакомились с несколькими необычными инопланетными видами, навезли сувениров. Таинс повидала гораздо меньше, но зато (благодаря Навархии, программам своего заведения и разбросанным по галактике учебным объектам) побывала в местах гораздо более удаленных. Из всего курса только им двоим и удалось много попутешествовать, что окружало их таинственно-экзотическим ореолом.

Фассин нередко думал, что если его молодая жизнь трагически оборвется еще до того, как он решит, что с нею делать (поступить в семейную фирму и стать наблюдателем?.. или что-нибудь

другое?), то это, скорее всего, случится по вине сей парочки, — может быть, когда они будут соревноваться друг с другом в отваге, стремительности или просто бессмысленной браваде перед своими многострадальными товарищами. Иногда ему удавалось убедить себя, что на самом деле его не очень-то и волнует, умрет он или нет, что он уже достаточно повидал жизнь, познал любовь, ничтожество и глупость людей и мира и был бы почти рад внезапной, молодой и варварски прекрасной смерти, пока тело и разум еще не успели состариться, оставались молодыми, неопытными и все такое (о чем не уставали напоминать родственники постарше).

Но было бы жаль, думал Фассин, если бы в этой катастрофе погибла и Айлен — невыносимо красивая, щемяще-бледная, бесстыдно-белокурая, добившаяся научных успехов без всякого напряжения, поразительно неуверенная в себе и незащищенная Айлен. В особенности если это случится до того, как между ними совершится то, о чем он не уставал ей говорить (и, как это ни прискорбно, искренне веря в свои слова) как об их общей судьбе: установится деловой, но в то же время и тесный физический контакт. Однако в данный момент (голова набок, нос уткнулся

в фонарь), похоже, Айлен мучил вопрос совсем другого рода — вырвет ее или нет.

Фассин отвернулся и попытался отвлечься от мыслей о неминуемой смерти и отнюдь не столь неминуемом сексе. Он уставился в звездное пространство, что появлялось из-за ложного горизонта исчезающей темной громады Наскерона, и в быстро темнеющее небо, которое обнажалось за ним. Еще одна вспышка, и на небо словно набросили мерцающую шаль, а звезды потускнели.

Айлен смотрела в противоположном направлении.

— Что это за дым? — воскликнула она, указывая куда-то за полуразрушенную носовую часть упавшего корабля, где ветерок прогибал рваную струю черного дыма.

Таинс глянула в ту сторону, пробормотала что-то себе под нос и снова занялась пультом управления переговорным устройством. Остальные смотрели на дым. Наконец Сал кивнул.

— Вероятно, сбитый недавно предупредительный бакен, — сказал он, впрочем уверенности в его голосе не слышалось.

В громкоговорителе раздался треск, а потом спокойный женский голос:

— …лаер два-два-девять… рдинаты? …вы…

семь-пять-три… югу от запретной зоны… вторяю, вы находитесь… немедленно перейдите… твердите получен…

Таинс Йарабокин прильнула к пульту:

— Говорит флаер два-два-девять, нам негде укрыться, как вы рекомендуете, а потому мы на максимальной скорости и минимальной высоте направляемся в…

Салуус Кегар потянулся своей медно-золотистой рукой и выключил переговорное устройство.

— Пошел ты в зад! — сказала Таинс, хлопнув его по руке, хотя он уже успел вернуть ту на штурвал.

— Слушай, Таинс, — сказал Сал, покачав головой и не сводя глаз с быстро приближающегося корпуса разбитого корабля. — Мы вовсе не обязаны все говорить им.

— Кретин, — выдохнула Таинс, снова включая пульт связи.

— Да. И смотри предыдущее замечание, — сказал Фассин, покачав головой.

— Да не трогай ты эту штуковину, — сказал Сал, тщетно пытаясь снова выключить пульт; Таинс искала рабочий канал и одновременно отталкивала его руку. (Фассин хотел было сказать что-нибудь — он, мол, и не представлял,

насколько для нее привычна такая форма поведения, — но передумал.) — Слушай, Таинс, я тебе приказываю: оставь в покое эту чертову штуковину. И вообще, кому принадлежит этот флаер?

— Твоему папочке? — спросил Фассин. Сал укоризненно посмотрел на него. Фассин кивнул на быстро приближающиеся обломки корабля. — Смотри вперед.

Сал повернулся. «Я тебе приказываю», — насмешливо повторил про себя Фассин. Вот он, истинный Салуус. Неужели он так выразился, потому что Таинс была военной и Сал решил, что она подчинится любому приказу, пусть и исходящему от лица гражданского; или он уже начал примерять на себя одежды наследника? Фассин удивился, что Таинс не рассмеялась Салу в лицо.

Ну да, они уже не невинные дети, напомнил себе Фассин, и чем больше узнаешь о мире, галактике и эпохе, в которой они взрослели, тем больше начинаешь понимать, что все тут построено на иерархии, чинах, старшинстве, приоритетах — с самого-самого низа, где все они находились, до недоступных глазу сверкающих горных вершин. Да, они были как лабораторные мыши, которые вместе выросли в клетке, где царило равенство, но постепенно учились узнавать свое место в

помете, выявляли способности и слабости у себя и у других, разрабатывали стратегию и тактику для будущей жизни, открывали для себя, какую фору могут получить, став взрослыми, размечали пространство для своих мечтаний.

Таинс фыркнула:

— Может, даже и не папочке. Может, даже и не компании. Скорее всего, он получен в обратный лизинг с последующей перепродажей, а принадлежит какой-нибудь оффпланетной, налогонепроницаемой подставной компании. — Она зарычала и стукнула ладонью по молчащему пульту.

Сал покачал головой.

— Такая юная, а уже прожженный циник, — сказал он и перевел взгляд на штурвал, напоминающий бабочку. — Эй, что это он завибрировал? Что?..

Таинс кивнула на останки корабля, возвышающиеся перед ними:

— Предупреждение об опасности, господин ас. Сбрось скорость, или вспашешь песочек.

— Как ты можешь в такой момент говорить о сельском хозяйстве? — с ухмылкой сказал Сал; Таинс ткнула кулаком ему в ногу. — Ой, да это же оскорбление действием, — сказал он с напускной

яростью. — Я ведь и в суд могу подать.

Она снова ткнула его. Он рассмеялся, сбросил газ и притормозил, отчего все мотнулись вперед на ремнях безопасности, пока маленький флаер не сбросил скорость до десяти метров в секунду.

Они вошли в тень гигантского корабля.

* * *

— Фассин Таак, — сказал мажордом Верпич, — в какие еще неприятности вы нас впутали?

Они быстрым шагом шли по широкому, без окон коридору под центром дома. Прежде чем Фассин успел ответить, Верпич кивнул в сторону одного из боковых проходов и направился к нему:

— Нам сюда.

Фассин ускорил шаг, чтобы не отстать.

— Мне об этом известно не больше вашего, мажордом.

— Вы не утратили способности к преуменьшению.

Фассин проглотил эти слова, решив, что лучше промолчать. Он изобразил на лице снисходительную (как ему хотелось надеяться) улыбку, хотя, бросив взгляд на мажордома, увидел, что впустую: тот не смотрит на него. Верпич был

невысоким, худым, но на вид довольно сильным человеком с мягкой кожей, сплошь поросшей щетиной, отчего голова казалась высеченной из камня. У него были квадратная, вечно поджатая челюсть и всегда нахмуренный лоб. Голову он брил наголо, но сзади оставлял косичку до пояса. В руке Верпич держал (словно змею, которую собирался удушить одной рукой) длинный обсидиановый посох — главный знак его должности. Одеяния Верпича цветом приближались к черной саже, словно он закутался в ночь.

Считалось, что Верпич находится в полном подчинении Фассина как будущего главного наблюдателя по праву очередности. Однако главному слуге клана каким-то образом все еще удавалось нагонять на Фассина страх: тот нередко чувствовал себя в его присутствии мальчишкой, которого застигли за чем-то в высшей степени неподобающим. Фассин предчувствовал, что, когда он займет пост главного наблюдателя, их отношения станут стеснительными для обоих.

Верпич повернулся на каблуках и направился прямо к абстрактной картине, висевшей на стене. Он взмахнул посохом, словно указывая на какую-то особенность манеры живописца, и картина исчезла, съехав вниз. Верпич вошел

в открывшийся перед ним плохо освещенный проход. Он даже не обернулся посмотреть, идет ли следом Фассин, только бросил:

— Так короче.

Фассин оглянулся — картина поднялась из щели в полу на свое место, отчего в проходе, который после коридора казался голым и недоделанным, стало почти совсем темно. Он не мог вспомнить, когда в последний раз пользовался служебными ходами — может, в детстве, когда с друзьями лазал по всему дому.

Они остановились перед лифтом, двери которого тут же с перезвоном отворились. В кабине стоял мальчик-слуга: в одной руке поднос, полный грязных стаканов, другая нажимала кнопку на пульте. На лице его застыло недоуменно-разочарованное выражение.

— Пошел вон отсюда, идиот, — сказал Верпич мальчишке, входя в кабину. — Лифт держат для меня.

Глаза слуги расширились. Он что-то проверещал, чуть не выронил поднос и поспешил покинуть кабину. Верпич нажал кнопку на пульте концом посоха, дверь закрылась, и кабина (простая металлическая коробка с обшарпанным полом) пошла вниз.

— Вы уже пришли в себя после незапланированного пробуждения, мажордом? — спросил Фассин.

— Целиком и полностью, — бодро ответил Верпич. — А теперь, наблюдатель Таак, если допустить, что мои циркачи-техники не поджарились высоким напряжением и не ослепли, заглянув в световоды, чтобы убедиться в их рабочем состоянии, мы, видимо, готовы обеспечить ваш разговор с той сущностью, что нам посылают, примерно за час до полуночи. Девятнадцать ноль-ноль для вас удобно?

Фассин задумался.

— Вообще-то, мы с госпожой Джааль Тондерон собирались…

— Ответ, который вы хотели дать, наблюдатель Таак, — это «да», — сказал Верпич.

Фассин смерил его хмурым взглядом:

— Но в таком случае зачем вы?..

— Я стараюсь быть вежливым.

— Ах да, конечно же. Это дается нелегко.

— Напротив. Если с чем иногда и приходится бороться, так это как раз с почтительностью.

— Не сомневаюсь, что ваши усилия оценены по достоинству.

— Конечно же, ведь именно в этом и состоит

цель моей жизни, молодой хозяин, — поджав губы, улыбнулся Верпич.

Фассин выдержал взгляд мажордома:

— Верпич, уж не вляпался ли я в какую-нибудь неприятность?

Слуга отвернулся:

— Понятия не имею. — Скорость лифта стала падать. — Представительская проекция — неслыханное дело в истории клана Бантрабал. Я говорил с некоторыми другими мажордомами — никто из них ничего подобного не может вспомнить. Мы все полагали, что такие вещи посылаются исключительно иерхонту и его дружкам в столице системы. Я отправил послание одному знакомому во дворце с просьбой прислать какую-нибудь инструкцию или дать совет. Ответа пока нет.

Двери лифта открылись, и они вышли из кабины в тепло еще одного изогнутого прохода, вырубленного прямо в скале. Мажордом заботливо, даже сочувственно посмотрел на Фассина:

— Любое беспрецедентное событие может быть и положительным, наблюдатель Таак.

Фассин постарался придать своему лицу скептическое выражение, отвечающее его чувствам:

— И что же я должен делать?

— В девятнадцать часов явиться в верхний зал

для аудиенций. А лучше немного раньше.

Они оказались на развилке, после которой проход стал шире; впереди несколько техников в красном катили к открытым двойным дверям тележку с неким замысловатым прибором.

— Я хотел бы, чтобы там присутствовала Олми, — сказал Фассин.

Чайан Олми была наставником и ментором Фассина в дни его юности, и (если бы она не стала чистым теоретиком и преподавателем, обосновавшись в домашней библиотеке, и не отказалась от собственных экспедиций) вполне могла бы возглавить семейство, и со временем занять пост главного наблюдателя.

— Это невозможно, — сказал Верпич, приглашая Фассина войти в комнату-амфитеатр за двойными дверями.

Здесь было жарко и толпились техники в красном. В десятках открытых шкафов размещалась сложная аппаратура, с высокого потолка свисали кабели, змеившиеся по полу и исчезавшие в отверстиях стен. Пахло маслом, жженым пластиком и потом. Верпич встал на самом верху в задней части амфитеатра и обвел помещение взглядом. Он покачал головой, когда два техника столкнулись и по полу заструился кабель.

— Почему? — спросил Фассин. — Олми здесь. И я бы хотел, чтобы дядя Словиус тоже присутствовал.

— И это невозможно, — ответил Верпич Фассину. — С этой штуковиной должны говорить вы, и только вы, один на один.

— Так, значит, у меня нет выбора? — спросил Фассин.

— Верно, — ответил мажордом. — Никакого.

Его взгляд снова обратился на суетящихся техников. Один из старших приблизился на расстояние в два-три метра и ждал удобного момента, чтобы заговорить.

— Но почему? — повторил Фассин и, услышав свой голос, понял, что ведет себя как малое дитя.

Верпич покачал головой.

— Не знаю. Насколько я понимаю, причины этого отнюдь не технические. Возможно, материя такая деликатная, что не предназначена для чужих ушей. — Он взглянул на техника в красном, стоящего перед ними. — Старший техник Имминг, — весело сказал Верпич, — исходя из правила «все, что может испортиться, непременно испортится», я взвешивал вероятность того, что вся автоматика в доме в одночасье превратится в груду ржавого металла, рассыпется в

порошок или неожиданно объявит себя мыслящей, чем навлечет на наш дом, клан и, вполне вероятно, планету термоядерную бомбардировку. Ну, в чем дело?

— Господин мажордом, мы столкнулись с несколькими проблемами, — неторопливо произнес техник, посматривая то на Фассина, то на Верпича.

— Очень надеюсь, что следующим словом будет «но» или «однако», — сказал Верпич, взглянув на Фассина. — А уж на «к счастью» я и не надеюсь.

Техник продолжил:

— Приложив немало усилий, мы, как нам кажется, смогли нормализовать ситуацию. Я надеюсь, мы будем готовы к назначенному часу.

— У нас хватает мощностей для приема всего, что передается?

— Едва-едва. — Старший техник кивнул на аппаратуру, которую на тележке ввозили через двойные двери. — Некоторая прибавка мощности получена за счет вспомогательных систем.

— Есть ли какие-либо указания на характер предмета, содержащегося в сигнале?

— Нет, господин мажордом. До активации он останется в закодированном состоянии.

— А узнать никак нельзя?

Имминг поморщился:

— Практически никак.

— А если попробовать?

— Это будет почти невозможно в данных временны́х рамках. И незаконно. И, вероятно, опасно.

— Смотритель Таак хочет знать, что ему предстоит. У тебя нет никаких подсказок для него?

Старший техник Имминг слегка поклонился Фассину:

— Боюсь, что нет, молодой хозяин. Жаль, что не могу вам сказать ничего иного.

Верпич повернулся к Фассину:

— Похоже, мы ничем не сможем вам помочь, наблюдатель Таак. Мне очень жаль.

* * *

— Ну и чей же он был? — спросила Айлен, стараясь говорить потише. Она посмотрела на темные очертания в вышине. — Кому принадлежал?

Они проскочили в огромную неровную трещину в левом борту корабля, пролетев между двумя сильно искривленными ребрами жесткости, и увидели над собой небо в рамке скрученных опор — часть обшивки, которую те когда-то удерживали, семь тысячелетий назад разлетелась в

молекулы и атомы. Сал провел флаер под четырехсотметровой — и невредимой — передней частью корпуса (постепенно набирая высоту и оставляя внизу искалеченные, покореженные полы и сорванные переборки) туда, где они могли видеть лишь тонкую полоску фиолетового звездного неба и чувствовать себя в безопасности от действий корабля (предположительно запредельцев), который атаковал все, что движется (или недавно двигалось) на поверхности.

Сал посадил флаер в небольшую выемку на относительно ровной площадке из почерневшего, слегка шероховатого материала за остатками того, что прежде, видимо, было переборкой. Остальная носовая часть корабля в пятидесяти метрах впереди была заблокирована висячей грудой искореженного переливчатого материала. Салуус подумал вслух, а нельзя ли пробить эту груду с лета, но его отговорили.

Сигнал связи (даже тот, искаженный, с помехами, что они принимали немного раньше) оборвался, стоило оказаться внутри упавшего корабля. Странное дело, если учесть, что аппаратура была способна принимать сигнал сквозь толщу породы в десятки километров. Воздух внутри этой огромной железной пещеры был

холоден и не имел запаха. Они знали, что находятся в замкнутом пространстве, а потому их слегка беспокоило отсутствие эха от собственных голосов, звучавших здесь до странности глухо. Внутренние и ходовые огни флаера образовали в море темноты пятно света — настолько крошечное, что от одного этого делалось не по себе.

— До сих пор не утихают споры, чей это корабль, — сказал Салуус. Он тоже говорил тихо и тоже смотрел вверх, на ряды небольших выступов в потолке, изгибавшемся дугой на высоте трехсот метров и еле видном в свете огней флаера. — Армейские гробовщики, делавшие тут зачистку, решили, что это корабль сцеври, но, если и так, он, видимо, был реквизирован или захвачен. Считается, что команда здесь была — всякой твари по паре, хотя больше всего плавунов, обитателей водных миров. Возможно, первоначально это был эрилейтский корабль, как ни странно. Но это боевая машина, сомнений нет.

Таинс фыркнула.

— Что такое? — посмотрел на нее Сал.

— Это все, что угодно, только не иглоид, — сказала она.

— А я разве говорил, что иглоид? — спросил Сал.

— Довольно толстая игла, — сказал Фассин, поворачиваясь на каблуках, чтобы обвести взглядом корабль изнутри и дальше в темноте — разбитую, частично ушедшую в землю носовую часть, лежащую в километре от них.

— Никакой это не иглоид, — гнул свое Сал. — Я не говорил, что это иглоидный корабль.

— Ну видишь, как ты всех запутал? — сказала Таинс.

— Как бы то ни было, — сказал Сал, пропуская мимо ушей ее замечание, — но ходят слухи, что отсюда вытащили двух мертвых воэнов, и тогда история принимает интересный оборот.

— Воэнов? — прыснула Таинс. — Прижмуренных хребетников?

В голосе ее прозвучало презрение, а на лице даже появилась улыбка — Фассин знал, что такое случается далеко не каждый день. Жаль, потому что, когда Таинс улыбалась, ее слегка угловатое лицо (под выбритым наголо, согласно уставу, черепом) приобретало доброе и проказливо-милое выражение. Хотя, если задуматься, видимо, именно поэтому она и улыбалась так редко. Вообще-то, Таинс в костюме-техничке и так казалась Фассину довольно хорошенькой. (На остальных были обычные туристские одеяния, правда у Сала

— подчеркнуто лучшего качества и уж точно дико дорогое.) Комбинезон на Таинс кое в каких местах сидел чуть мешковато, но зато в других плотно прилегал к телу, свидетельствуя о том, что она определенно воячка и никак не вояка. В окружавшем их мраке одеяние Таинс приобрело темно-матовый оттенок. Судя по всему, даже нестроевая форма для курсантов Вооруженных сил Навархии имела активные камуфляжные свойства.

Таинс качала головой, словно никак не могла поверить тому, что слышит. Даже Фассин, который, едва выйдя из детского возраста, почти утратил нездоровый интерес ко всяким военным и инопланетным штучкам, знал, кто такие воэны. Обычно пресса писала о них как о живой легенде или о почти мифических богатырях, что несколько искажало истину: на самом деле они были первоклассными солдатами и составляли личную охрану новых хозяев галактики.

Воэны были хладнокровно-безжалостными, в высшей степени интеллектуальными, всезнающими, почти неуничтожимыми, всеатмосферными, непобедимыми в течение последних девяти (или около того) тысяч лет суперсолдатами. Они были военными кумирами эпохи,

безукоризненным видом — верхом военного совершенства, — но видом довольно редким. Там, где находились новые хозяева — Кульмина, — там находились и воэны, но в других местах встретить их было практически невозможно, и (во всяком случае, Фассину было известно, что так все считают) за все эти тысячелетия ни один из них не попадал в систему Юлюбиса, не бывал на Сепекте, главной ее планете, уже не говоря о Наскероне и его окрестностях, и подавно не снисходил до крохотной планеты-луны Глантин — даже в момент смерти.

Люди, конечно, были прекрасно наслышаны о воэнах и их репутации, будь то п-земляне или о-земляне. Ведь и само это разделение, и необходимость применения двух этих префиксов возникли из-за действий одного корабля воэнов восемь тысяч лет назад.

— Воэн, — сказал Сал, — всегда остается воэном. Так про них говорят.

Таинс прищурилась и потянулась в своей техничке:

— А я слышала кое-что другое.

— Дело в том, что мой круг общения несколько выше уровня прислуги в отличие от твоего.

Фассин проглотил слюну.

— Я думал, они здесь все разбились в лепешку, что бы о них ни говорили, — сказал он, опережая ответ Таинс. — Осталось мокрое место и немного газа.

— Так оно и было, — сказала Таинс сквозь зубы, глядя не на него, а на Сала.

— Ага, так и есть, — согласился Сал. — Вот только эти воэны такие крутые — им все нипочем. Разве нет, Таинс?

— Ну да, — ровным, спокойным голосом сказала Таинс. — Круче хер найдешь.

— Убить воэна трудновато. А размазать в лепешку — и того трудней, — сказал Сал, явно не обращая внимания на сигналы, посылаемые Таинс.

— Они, как известно, не склонны поддаваться судьбе и различным сюрпризам со стороны врагов, — холодно сказала Таинс.

У Фассина возникло ощущение, что это цитата. Ходили слухи, будто она и Сал — любовники или, по крайней мере, трахаются время от времени. Но Фассин, видя глаза Таинс в эту секунду, подумал, что от ее близости с Салом, если такая и была, тоже может остаться одно мокрое место. Он посмотрел на Айлен — какова будет ее реакция.

Но не увидел ее на прежнем месте — с другой

стороны флаера. Он оглянулся. Ее нигде не было.

— Айлен? — крикнул он, поглядев на Таинс и Сала. — А где у нас Айлен?

Сал постучал по микронаушнику.

— Айлен? — позвал он. — Где ты?

Фассин вглядывался в темноту. Ночное зрение у него было не хуже, чем у большинства людей, но сюда не проникал свет звезд, а стояночные огни флаера на уклоне почти не рассеивали мрак. От инфракрасных не было вообще никакого толку — даже исчезающих следов ног не увидишь на том странном материале, из которого была изготовлена эта штуковина.

— Айлен, — снова позвал Сал. Он бросил взгляд на Таинс, которая тоже вглядывалась в темноту. — Ни хрена не вижу, а связь у меня выключена. Может, ты видишь лучше?

Таинс покачала головой:

— Такие глаза мы получим только на четвертом курсе.

Вот черт, подумал Фассин. Неужели и фонаря ни у кого нет? Скорее всего, никаких фонарей ни у кого не было. У кого теперь увидишь фонарь? Он проверил собственные наушники, но в них тоже стояла тишина — даже местная связь молчала. Блин, блин, блин! К каким незапамятным вре-

менам восходит этот сюжет: четверо ребят взяли у папы колесницу и перед самой полуночью у нее сломалось колесо вблизи заброшенной неандертальской пещеры! Тут что-то похожее. Вот они спрыгивают в темноту, где гибнут страшной смертью один за другим.

— Включу-ка я огни флаера, — сказал Сал, залезая в кабину. — Если не найдем, то можно подняться в воздух и…

— АЙЛЕН! — во всю мощь легких выкрикнула Таинс.

Фассин подпрыгнул от неожиданности. Хоть бы никто не заметил, подумал он.

— …Здесь, — отозвалась издалека Айлен.

— Прогуляться решила? — прокричал Сал в направлении, откуда донесся голос Айлен. — Не очень хорошая мысль! Я бы сказал — плохая. Возвращайся немедленно! Как поняла, прием?

— Не писать же в такой компании, — донесся ответ. — Синдром стеснительного мочеиспускания. Облегчилась и возвращаюсь. А теперь говори нормально, не то Лен прикажет Таин выцарапать Салу глазик.

Таинс фыркнула. Фассину пришлось отвернуться. Порой, несмотря на всю свою молчаливость, — и часто в моменты, когда такого меньше

всего ожидаешь, — Айлен удивляла их, выкинув что-нибудь в таком роде. У Фассина защемило в горле. «Только бы не влюбиться в нее, — подумал он. — Это было бы уж слишком».

Сал рассмеялся. Смутные очертания Айлен появились в инфракрасном спектре метрах в пятидесяти от них — сначала из-за гребня в складчатом полу, словно из-за невысокой горки, появилась голова.

— Вот она. В полном порядке, — объявил Сал таким голосом, будто это он ее и спас.

Айлен присоединилась к ним, поблескивая в слабом свете огней флаера; ее золотистые волосы сияли. Она кивнула.

— Добрый вечер, — сказала она, улыбаясь.

— Добро пожаловать назад, — сказал ей Сал и, вытащив из одного из багажных отсеков флаера рюкзак, забросил его себе за спину.

Таинс бросила взгляд на рюкзак, потом на Сала:

— Ты что это за херню задумал?

Сал напустил на себя невинный вид:

— Да так, решил прогуляться. Можешь присоединиться ко мне, если…

— Хер ты куда пойдешь.

— Таин, детка, — рассмеялся он, — мне не нуж-

но твоего разрешения.

— Я тебе не детка, говно ты собачье, и разрешения моего тебе придется попросить.

— Может, ты все же не будешь столько ругаться? Не стоит тебе так бравировать новообретенной армейской грубостью — это даже подозрительно.

— Мы остаемся здесь, — ответила она, снова переходя на ледяной тон. — Вблизи флаера. Мы не будем бродить посреди ночи по запретной зоне в инопланетных обломках, когда над головой кружит вражеский корабль.

— Почему нет? — запротестовал Сал. — Во-первых, этот корабль, вполне возможно, кружит над другой половиной планеты, а во-вторых, его, скорее всего, уже уничтожили. И потом, если это корабль запредельцев, или спутник-шпион, или беспилотный разведчик, или какая-нибудь другая хреновина, способная увидеть, что творится здесь внутри, — в чем я сильно сомневаюсь, — то он будет стрелять по флаеру, а не по теплокровным людишкам, так что безопаснее быть где-нибудь подальше отсюда.

— Правило гласит, что надо оставаться на месте посадки, — сказала Таинс, выпятив подбородок.

— И как долго? — спросил Сал. — Сколько обычно продолжаются эти занудные налеты, эти

комариные укусы?

Таинс смерила его уничтожающим взглядом.

— В среднем около полусуток, — сказал ей Сал. — Ну, в данном случае — ночь. Но мы-то находимся там, куда при обычных обстоятельствах попасть невозможно, и, заметь, попали мы сюда не по своей вине, и время нам девать некуда… Так почему, черт побери, не посмотреть, что тут и как?

— Потому что это запрещено, — сказала Таинс. — Вот почему.

Фассин и Айлен обменялись взглядами — озабоченными, но тем не менее веселыми.

— Таинс! — сказал Сал, размахивая руками. — Жизнь — это риск. Чего тут валять дурака? Идем!

— Положено оставаться на месте посадки, — мрачно повторила Таинс.

— Ты можешь хоть на секунду забыть о своей программе? — спросил ее Сал, в голосе которого звучало теперь неподдельное раздражение. В поисках поддержки он посмотрел на Фассина и Айлен. — Может, мне хоть кто-нибудь объяснит, почему тут запретная зона. Что они тут застолбили? Только не надо всего этого набора авторитарной, бюрократической, трусливой милитаристской херни.

— Может быть, им известно что-то такое, что неизвестно нам, — сказала Таинс.

— Да брось ты! — возразил Сал. — Они это всегда говорят.

— Послушай, — ровным голосом сказала Таинс. — Я согласна, что противник может атаковать системы флаера, и потому буду каждый час дежурства подходить к дыре в корпусе, где после нейтрализации помех субспутников появится нормальная связь, и получу разрешение на вылет, если опасность миновала.

— Отлично, — сказал Сал, залезая в другой отсек флаера. — Ты выходи на связь, а я воспользуюсь единственной в жизни возможностью осмотреть этот воистину любопытный инопланетный аппарат. Если услышите мои жуткие вопли, значит я попал в когти, пасти или клюв не замеченного санитарной командой космического монстра, который именно в этот вечер за все семь тысяч лет надумал проснуться и почувствовал спазмы голода.

Таинс глубоко вздохнула, отошла от флаера и сказала:

— Ну что ж, похоже, это следует рассматривать как чрезвычайные обстоятельства. — Она засунула руку в карман своей технички и извлекла

оттуда маленький серый прибор.

Сал недоуменно смотрел на нее:

— Это что еще за срань? Пистолет? Уж не собираешься ли ты в меня стрелять, Таинс?

Она покачала головой и включила что-то на боковине прибора. Наступила пауза. Таинс нахмурилась, внимательно разглядывая то, что держала в руке:

— В данный момент я даже не угрожаю тебе тем, что донесу местной безопасности, по крайней мере в реальном времени.

Сал немного расслабился, но не вытащил то, что собирался, из ящика. Таинс покачала головой, всматриваясь в окружающий мрак. Она подняла маленький серый прибор, чтобы показать другим:

— Эта крошка может найти детский подгузник на другой стороне планеты, но сейчас она даже реликтовое излучение еще не поймала.

Голос ее показался Фассину скорее смущенным, чем рассерженным. Он бы в схожих обстоятельствах испугался до смерти и не смог бы это скрыть. Таинс кивнула, продолжая смотреть вверх:

— Производит впечатление. — Она снова убрала свой приборчик в карман.

Сал откашлялся:

— Таинс, так у тебя есть пистолет? Дело в том, что я сам собираюсь достать свой, а у тебя был такой вид, будто ты готова в любой момент спустить курок.

— Да, у меня есть пистолет, — сказала она ему. — Обещаю, что не буду в тебя стрелять. — Она улыбнулась, но это вовсе не походило на улыбку. — И если ты и в самом деле собираешься прогуляться по закоулкам этого кораблика, я не собираюсь тебе мешать. Ты ведь теперь большой мальчик. Сам можешь отвечать за себя.

— Ну наконец-то, — удовлетворенно сказал Сал, вытаскивая из отсека простой, но вполне эффективный электронно-лучевой пистолет и пристегивая его к поясу. — В заднем отсеке есть еда, вода, спальные мешки, кое-какая одежка и всякая мелочь, — добавил он, пришлепывая к плечам пару световых накладок малой яркости. — Я вернусь к рассвету. — Он постучал по своим микронаушникам и улыбнулся. — Да, внутренние часы все еще работают, — сказал он, переводя взгляд с одного на другого. — Слушайте, там, возможно, ничего такого и нет, и не исключено, что я вернусь через час.

Они все втроем смотрели на него.

— Никто не хочет составить компанию, а? —

спросил он.

Айлен и Фассин обменялись взглядами. Таинс смотрела на Сала, который сказал:

— Не ждите меня — ложитесь спать, — и повернулся, чтобы идти.

— Ты неплохо подготовился к этому путешествию, — тихо сказала Таинс.

Сал, помедлив, повернулся к ней, открыв рот. Он посмотрел на Фассина и Айлен, потом распахнутыми глазами — на Таинс, махнул рукой в сторону дыры в корпусе и вверх, словно показывая на космос, потом покачал головой.

— Таинс, Таинс, — выдохнул он, проведя пятерней по своим густым черным волосам. — Неужели в армии готовят одних параноиков, одержимых подозрительностью?

— Компания твоего отца, Салуус, делает для нас боевые корабли, — сказала она ему. — Хочешь выжить, проявляй осмотрительность.

— Все это дешевка, Таинс, — сказал Сал; выражение лица у него было немного оскорбленное. — Я тебе правду говорю. Вполне серьезно. — Он сердито хлопнул ладонью по своему рюкзаку. — Черт меня раздери, женщина, если бы я не позаботился о том, чтобы подготовить флаер к возможным неожиданностям, ты бы мне все уши прожуж-

жала, как это, мол, я полетел в пустыню, не взяв ничего на случай чрезвычайных обстоятельств!

Таинс почти без всякого выражения еще несколько секунд не сводила с него глаз.

— Будь осторожен, Сал.

Он облегченно кивнул.

— И вы тут тоже, — сказал он. — Скоро увидимся. — Он снова, улыбаясь, оглядел их всех. — Примите заверения… и все такое. — Он помахал рукой и двинулся прочь.

— Постой, — сказала Айлен; Сал повернулся; Айлен вытащила свой рюкзачок. — Я пойду с тобой, Сал.

Фассин в ужасе смотрел на нее.

— Что? — сказал он.

Голос у него прозвучал испуганно, тихо, словно говорил маленький мальчик. Никто его, казалось, не услышал, но на сей раз он был рад этому. Таинс ничего не сказала.

Сал улыбнулся.

— Ты уверена? — спросил он у девушки.

— Если ты не против, — сказала Айлен.

— Я не возражаю, — тихо сказал Сал.

— Правда не возражаешь?

— Конечно правда.

— Ведь если ситуация сомнительная, то идти на

разведку в одиночестве запрещено, да? — сказала Айлен. — Я правильно говорю? — Она посмотрела на Таинс — та утвердительно кивнула ей. — Ну, тогда пока.

Айлен чмокнула Фассина в щеку, подмигнула Таинс и зашагала по наклонной поверхности к Салу. Они помахали остающимся и пошли прочь. Фассин некоторое время следил за ними в инфракрасном диапазоне — слабые пятна света, оставляемые их ногами, исчезали спустя долю секунды.

— Никогда не могла понять эту девицу, — сказала Таинс с напускным безразличием; они с Фассином переглянулись. — Ложись-ка и вздремни, — сказала ему Таинс, кивнув на флаер. Она поковыряла в носу, потом внимательно осмотрела свой палец. — Я тебя разбужу, прежде чем идти к пролому проверять сигнал.

* * *

Где-то в темной комнате распустился бутон, воздух наполнился благоуханием, и несколько мгновений спустя Фассин ощутил аромат орхидии ноктисия — запах, который у него всегда вызывал ассоциации с Осенним домом. Легкое дуновение воздуха в тишине комнаты сказало

Фассину, что бутон, вероятно, пролетает поблизости от него. Он поднял голову и увидел что-то маленькое, похожее на крохотный прозрачный цветок, — оно медленно падало между кроватью и тележкой, которая привезла ужин. Он снова положил голову на плечо Джааль.

— Мм? — сонно произнесла она.

— Встречалась с кем-нибудь в городе? — спросил Фассин, наматывая на палец длинный золотистый локон Джааль Тондерон.

Потом он приподнял голову, прижался носом к ее затылку, вдохнул ее запах. Она потерлась о него, пошевелила бедрами, словно сделала несколько шагов на месте. Он выскользнул из нее некоторое время назад, но ощущение блаженства еще не прошло.

— С Ри, Грей и Са, — сказала она, в голосе ее слышалась сонная хрипотца. — Ходили по магазинам. Потом встретилась с Джен и Сон. А потом с Дейдом. Дейдом Эслаусом. Да, еще с Йоаз. Ты ведь помнишь Йоаз Ирмин, да?

Он ущипнул губами ее за шею и был вознагражден — она в ответ задрожала и издала стон.

— Ну, это так давно было, — сказал он ей.

Она завела руку за спину и погладила его обнаженный бок, потом пошлепала по ягодицам.

— Не сомневаюсь, в тебе еще живут воспоминания о ней, дорогой.

— Ха! — сказал он. — И я тоже не сомневаюсь.

Она на это шлепнула его и снова пристроилась к нему в прежней позе. Она опять сделала это движение бедрами, а он подумал — останется ли у него до ухода время на секс.

Она повернулась к нему лицом. Лицо у Джааль Тондерон было круглое, широкое и необыкновенно красивое. Вот уже около двух тысяч лет у о-землян лица были такими, какими их хотели видеть владельцы, и отражали либо удовлетворение, либо безразличие к данной им от природы внешности; еще они могли смотреть с тем особым, откорректированным выражением, которое впоследствии предпочли их носители. Единственными уродами были те, кто хотел этим что-то выразить.

В эпоху, когда любой мог стать красавцем и/или выглядеть как знаменитый исторический персонаж (теперь уже имелись законы, ограничивающие степень сходства со слишком известными современниками), по-настоящему интересные лица и тела были у тех, кто предпочитал ничем не выделяться или оставаться возможно более непривлекательным и тем самым добивался мак-

симального эффекта. Говорили о лицах, которые выглядели хорошо в жизни, но не на изображениях, о тех, что были хороши на реалистическом портрете, но не на экране, о лицах, которые казались непривлекательными во сне, но поражали в момент пробуждения или же не впечатляли, пока не озарялись улыбкой.

Джааль родилась с лицом, которому требовался (как говорила сама Джааль) консилиум специалистов по пластической хирургии: неправильное, непропорциональное, отдельные части не соответствуют друг другу. И в то же время все, кто хоть раз видел Джааль, находили ее вызывающе красивой благодаря необъяснимому сочетанию черт лица, его выражения и написанных на нем личных качеств Джааль. По мнению Фассина, лицо Джааль все еще не выросло и в среднем возрасте она станет еще красивее. Это была одна из причин, по которой он сделал ей предложение.

Они могли с надеждой смотреть в будущее. У Фассина были все основания полагать, что их совместная жизнь будет долгой, точно так же как имелись все резоны заключить брак с коллегой по профессии — составить пару, которая будет горячо одобрена соответствующими семьями, укрепить связи между двумя самыми извест-

ными кланами наблюдателей; не следовало забывать и о долголетии.

Конечно же, совместное будущее Фассина и Джааль, наблюдателей медленных, будет и в абсолютных и относительных величинах значительно дольше, чем у большинства их современников. В медленном времени долгой экспедиции наблюдатели и в самом деле старились очень медленно, и Фассину с Джааль без особых затруднений удастся побить четырнадцативековой срок жизни (пока еще не рекордный и, к счастью, не исчерпанный) дядюшки Словиуса. Пары наблюдателей — супруги и просто возлюбленные — должны были тщательно планировать свое медленное время и нормальную жизнь, чтобы не слишком разойтись друг с другом, не потерять эмоциональную связь. Жизнь Чайан Олми, старого наставника и учителя Фассина, как раз и выбилась из колеи при непредвиденном временном разрыве, и та рассталась со своей старой любовью.

— Что-то не так? — спросила его Джааль.

— Да нет, вот только эта беседа. — Он посмотрел на древние часы, висевшие на противоположной стене комнаты.

— С кем?

— Не могу сказать.

Встретив Джааль с суборбитального челнока в порту, расположенном внизу в долине, он сообщил ей, что ему предстоит некая встреча, но она была занята своим — передавала ему последние столичные сплетни, рассказывала о скандале с ее тетушкой Фим и парнем из клана Хустриал, а потому не стала вдаваться в подробности. А потом его предстоящая встреча забылась в свете других дел — ее ду́ша, ужина и более насущных потребностей.

— Не можешь сказать? — переспросила она, нахмурившись и поворачиваясь к нему.

Она приподняла одну темную грудь и прижала ее к светло-бронзовому телу Фассина. Тот уже не в первый раз подумал, как его заводит ареола соска, более светлая, чем окружающая кожа.

— Эй, Фасс, — сказала Джааль с напускным раздражением, — я надеюсь, речь идет не о какой-нибудь девице? Уж не о служанке, по крайней мере? Вот ведь блин — неужели прямо так, еще до свадьбы?

Она улыбалась. Он усмехнулся ей в ответ:

— Геморрой, но ничего не поделаешь. Извини.

— Ты и правда не можешь сказать?

Она тряхнула головой, и ее светлые волосы

упали ему на плечи. На ощупь эти волосы были еще прекрасней, чем на вид.

— Правда, — ответил он.

Джааль уставилась на его рот.

— Правда? — переспросила она.

— Понимаешь, — сказал он, — я не могу подтвердить, что это не девушка.

Она продолжала внимательно смотреть ему в рот.

— Слушай, Джааль, у меня там что, сопля какая висит?

— Нет. — Она медленно приблизила свой рот к его губам. — Пока еще нет, — сказала она.

— Вы — Фассин Таак из клана наблюдателей Бантрабал, луна Глантин, газовая планета Наскерон, система Юлюбиса?

— Да.

— И вы присутствуете здесь физически, а не в виде какой-либо проекции или другого изображения?

— Верно.

— Вы по-прежнему остаетесь наблюдателем медленных, проживаете в сезонных домах клана Бантрабал и работаете со спутника-луны Третья Ярость?

— Да, да и да.

— Хорошо. Фассин Таак, все, что будет сказано здесь между вами и этим конструктом, должно быть сохранено в строжайшей тайне. Вы будете уважать эту тайну и не передадите другим ничего из сказанного здесь, кроме того, что будет абсолютно необходимо, дабы облегчить ваши действия, которые потребуются для осуществления того, что вас попросят сделать, и для достижения тех целей, о которых вам сообщат. Вы понимаете и принимаете это?

Фассин задумался. На мгновение, когда проекция начала говорить, ему вдруг пришло в голову, что мерцающая сфера похожа скорее на плазматическое существо (нет, прежде он таких не встречал, но видел их изображения), и этого мига рассеянности оказалось достаточно, чтобы Фассин упустил полный смысл того, что было сказано.

— Вообще-то, нет. Прошу прощения, я не хочу быть…

— Повторяю…

Фассин находился в зале для аудиенций на вершине Осеннего дома — в большом круговом помещении с обзором на все четыре стороны и удивительной прозрачной крышей; все вокруг было погружено в темноту. Теперь в помещении

не было ничего, кроме стула для Фассина и короткого, по виду металлического, цилиндра, над которым парил сверкающий газовый шар. Толстый кабель тянулся от цилиндра к отверстию на полу в центре зала.

Газовая сфера повторила только что сказанное. На сей раз она говорила медленнее, хотя, к счастью, без всякого следа раздражения или снисходительности. Голос у нее был ровный, флегматичный, но все же в нем присутствовала какая-то индивидуальность, словно в качестве основы использовали чей-то голос, почти, но все же не до конца лишенный выражения.

Фассин, выслушав на сей раз, сказал:

— Да, хорошо, я понимаю и принимаю.

— Прекрасно. Этот конструкт являет собой представительскую проекцию Администратуры Меркатории, подминистерского уровня, наделенную полномочиями властью Доминации, инженерное подразделение, старший инженерный уровень, техкорабль «Эст-тоон Жиффир», доставка портала. Проекция классифицируется как мыслящая, хотя таковой и не является. Вам это понятно?

Фассин обдумал услышанное и решил, что понятно.

— Н-да, — сказал он, тут же спросив себя, поймет ли проекция разговорное словечко.

Она явно поняла:

— Хорошо. Смотритель Фассин Таак, настоящим вы откомандировываетесь в распоряжение Шерифской Окулы. Вы получаете почетный ранг…

— Постойте. — Фассин чуть не выпрыгнул из своего сиденья. — Что вы сказали?

— Почетный ранг…

— Нет, в чье распоряжение я откомандировываюсь?

— В распоряжение Шерифской Окулы и получаете почетный ранг…

— Шерифской? — сказал Фассин, пытаясь говорить ровным голосом. — Окулы?

— Верно.

Барочные, намеренно запутанные силовые структуры новейшей эпохи, инициированной Кульминой (эпохи, которая отражала устремления и вынужденные ограничения по меньшей мере восьми основных входящих в нее видов и бессчетного числа подкатегорий иных покорителей космоса, а также — по собственной терминологии Кульмины — «контекстуализировала» различные мелкие цивилизации самых разных масштабов и амбиций и, по крайней мере

периферийно, влияла на весь инопланетный спектр ксениев), включали в себя множество организаций и институтов, к названию и сути которых люди (по крайней мере люди, знавшие о существовании таковых) склонны были относиться с некоторым уважением, не без примеси страха.

Шерифство было, вероятно, самым нетипичным примером; люди могли его уважать (многие даже считали его цели довольно скучными), но боялись его не многие. Оно представляло собой военизированную организацию. Порядок, дисциплина, контингент технического персонала и теоретиков, которые обеспечивали то, что раньше называлось информационными технологиями, — все это позволяло Шерифству заниматься также (хотя здесь эта организация и не была монополистом) приемлемо ограниченными остатками технологий искусственного разума, все еще сохранявшимися в поствоенную эпоху.

Война машин более восьми тысяч лет назад уничтожила подавляющее большинство ИР во всей галактике, а инициированный впоследствии Кульминой (и принудительный) мир упрочил режим, который не только запрещал

какие-либо исследования в области ИР, но и требовал от граждан, чтобы они активно участвовали в поисках и уничтожении тех немногих остатков ИР, которые по каким-то причинам не были истреблены. Организованное по военному образцу и скрепленное воедино религиозной догмой, Шерифство несло ответственность за функционирование, руководство и обслуживание тех систем информационных технологий, которые, обладая достаточно высокой степенью сложности, могли случайно или по чьему-либо умыслу обрести разум, но в то же время являлись настолько важными для управления различными зависимыми обществами, что их не стали отключать и демонтировать.

Другой орден, который внушал гражданам гораздо большие опасения, — Цессорийский орден Люстралиев — был создан для выявления не только ИР, но и тех, кто предпринимал попытки создать или защитить таковой, спрятать сохранившиеся экземпляры или каким-либо иным образом содействовать им. Но это не помешало созданию в рамках Шерифства нового подразделения — разведывательного (Шерифской Окулы), которое по своим обязанностям, методам и даже философии во многом приближалось к Люстра-

лиям. И вот Фассин по причинам, пока неясным для него самого, откомандировывался в распоряжение этой самой Окулы — таинственной конторы с мрачноватым на слух названием.

— Меня в Окулу? — спросил Фассин. — Вы не ошиблись?

— Ни в коей мере.

С формальной стороны, у него не было выбора. Чтобы заниматься тем, чем они занимались, наблюдателям нужно было получить статус, официально признанный в Ассортиментарии — всеобъемлющем списке всех полезных для Меркатории, но не подпадавших в стандартизированные субкатегории профессий, а потому все наблюдатели вынуждены были соблюдать заведенные в Меркатории порядок и дисциплину и подчиняться любым приказам тех, кто был наделен соответствующими полномочиями и имел достаточно высокое положение.

Но на практике такого никогда не случалось. Фассин не мог припомнить, чтобы кто-либо из клана Бантрабал в мирное время получал приказ подобного рода. Во всяком случае, почти за две тысячи лет истории клана. Почему же теперь? Почему именно он?

— Мы можем продолжать собеседование? —

спросил сверкающий шар. — Это важно.

— Да, можем, но у меня есть вопросы.

— На все вопросы, имеющие отношение к делу, будут даны ответы, если это возможно и целесообразно, — сказал шар.

Фассин задумался. Неужели придется пойти на это? Чем карают за неподчинение? Смещением с должности? Принудительной отставкой? Изгнанием? Статусом преступника? Смертью?

— Продолжаем, — сказал газовый шар. — Смотритель Фассин Таак, настоящим вы откомандировываетесь в распоряжение Шерифской Окулы. Вы получите почетный ранг временно исполняющего должность капитана для получения допуска к секретным материалам с теми изъятиями, которых требуют уполномоченные на то вышестоящие персоны; далее, вы получите основной почетный ранг майора в целях обеспечения иерархического положения и дисциплины; далее, вы получите почетный ранг генерала, из которого будут исходить при предоставлении вас к наградам, и далее почетный ранг фельдмаршала, что даст вам приоритет в пространственных перемещениях. Конструкт не может вести переговоры относительно вышесказанного. Находите ли вы все это приемлемым?

— А если я скажу «нет»?

— Тогда будут предприняты карательные действия. Определенно против вас, возможно, против клана Бантрабал и, возможно, против наблюдателей медленных на Глантине в целом. Находите ли вы детали вашего откомандирования приемлемыми?

Фассин сглотнул. Этот плавучий пузырь мерцающего газа угрожал не только ему, не только клану, не только семье вообще и всем слугам и иждивенцам, но и результатам крайне важной работы, осуществляемой на всей планете-луне, одному из трех-четырех важнейших центров изучения насельников во всей галактике! Это было настолько невероятно, настолько немыслимо, что смахивало на шутку.

Фассин попытался связать воедино все сегодняшние происшествия — его встречу со Словиусом, с Верпичем, со всеми, кто мог участвовать в этой шутке, составить сценарий более правдоподобный, чем тот, что разыгрывался сейчас: проекция невероятно высокого уровня с техкорабля, несущего портал и все еще удаленного на десяток световых лет, приказывает ему вступить в разведывательное подразделение, подчиняющееся ордену и дисциплине, о которых

он знал не больше, чем любое гражданское лицо, и опирающееся в своих действиях на Администратуру и инженеров.

— Находите ли вы детали вашего откомандирования приемлемыми? — повторил шар.

А может, подумал Фассин, решили разыграть весь клан Бантрабал? Может, никто здесь не знает, что это шутка? Пошел бы кто-нибудь на все эти хлопоты только для того, чтобы выставить его дураком или напугать? Не нажил ли он себе какого-нибудь влиятельного врага, который устроил все это? Что ж…

— Находите ли вы детали вашего откомандирования приемлемыми? — снова спросил шар.

Фассин сдался. Если ему повезет, это окажется шуткой. Если это не шутка, то глупо и даже опасно относиться к этому как к шутке.

— Принимая во внимание ваши неприкрытые и оскорбительные угрозы, я считаю, что у меня практически нет выбора. Так?

— Это утвердительный ответ?

— Полагаю, утвердительный. Да.

— Хорошо. Теперь вы можете задавать вопросы, наблюдатель Фассин Таак.

— Почему меня командируют?

— Чтобы облегчить вам те действия, которые

вы должны будете осуществить, и помочь в достижении поставленных перед вами целей.

— И что же это будут за действия и цели?

— Для начала вы получаете приказ отправиться в Пирринтипити, столицу планеты-луны Глантин. Там вы сядете на корабль, направляющийся в Боркиль, столицу Сепекте, главной планеты системы Юлюбиса, где с вами будет проведено еще одно собеседование.

— А потом?

— А потом вы должны будете осуществлять действия и преследовать цели, которые будут обозначены на этом собеседовании.

— Но почему? Что стоит за всем этим? С чем это связано?

— Информация, связанная с вашим вопросом, недоступна данному конструкту.

— Но почему именно Шерифская Окула?

— Информация, связанная с вашим вопросом, недоступна данному конструкту.

— Чей это приказ?

— Информация, связанная с вашим вопросом…

— Хорошо! — Фассин забарабанил пальцами по подлокотнику. Как бы то ни было, но у этой проекции должны были быть полномочия от кого-то, и она должна была знать, какое положение

этот кто-то занимает в необъятной иерархической паутине Меркатории. — Какое положение занимает лицо, отдавшее этот приказ?

— В Администратуре — начальник штаба армейской группы Шерифства, — сказал шар.

Что ж, это почти самый верх, подумал Фассин. Каким бы идиотским милитаристским капризом или глупостью это ни было, санкционировал его тот, кто владеет информацией в полной мере.

— В Доминации — старший инженер, — продолжала проекция.

То же самое. Старший инженер — не ахти как звучит, не столь впечатляет, как, например, начальник штаба армейской группы, но это высший ранг среди инженеров, людей, которые изготовляли, транспортировали и устанавливали червоточины, связывавшие воедино всю галактическую метацивилизацию. С точки зрения властных полномочий и независимо от вида, СИ, возможно, даже превосходил НШ.

— В Омнократии — комплектор, — продолжал шар, словно ставя окончательную точку.

Фассин сидел, уставясь перед собой. Он моргнул несколько раз. Почувствовав, что рот у него открыт, он захлопнул его. Кожа у него на всем теле словно натянулась. Ни хера себе — комплек-

тор! — подумал Фассин, спрашивая себя, уж не ослышался ли он. Приказ этот отдал один из тех, кто входит в Кульмину.

Комплекторы располагались на заоблачной, несокрушимой вершине управленческой иерархии Меркатории. Каждый из них был наделен абсолютной властью применительно к обширной части галактики — обычно не меньшей, чем звездное скопление или даже малый, а то и большой галактический рукав. Младший из комплекторов управлял сотнями тысяч звезд, миллионами планет, миллиардами орбиталищ, триллионами душ. Так же как и подчиненная им Администратура, они имели в своем подчинении руководителей всех других отделов Доминации, находящихся в их юрисдикции (инженеров, пропилеев, Навархии и Объединенного флота), к тому же они-то и были Кульминой. Выше комплектора стоял только Совет комплекторов.

Фассин задумался на минуту, пытаясь успокоиться. Он не забывал, что все это еще может обернуться шуткой. Поскольку речь зашла о комплекторе, это как раз и свидетельствовало в пользу того, что его просто разыгрывают, — участие комплектора представлялось полной нелепостью.

С другой стороны, он испытывал беспокойство, вызванное воспоминанием о полузабытом школьном уроке (эх, нужно было быть прилежнее в учебе), гласившем, что неправомерная ссылка на авторитет комплектора потенциально является самым тяжким преступлением.

Думай, думай. Забудь о комплекторе, вернись в настоящее. Из каких допущений можно здесь исходить? При чем тут его «я»? (Он накрепко запомнил этот психологический тест, который им вбили в голову в колледже: он набирал немало очков по шкале, обычно называвшейся *Я-я-я*! Хотя и меньше, чем Салуус Кегар.) Ему в голову пришло одно эгоцентричное допущение, которое он мог проверить немедленно.

— Сколько еще людей откомандировываются таким же образом? — спросил он.

— Представительской проекцией — только вы.

Фассин откинулся на спинку стула. Он, конечно, чувствовал себя польщенным, но подозревал, что этот факт может означать нечто куда более неприятное, чем кажется на первый взгляд.

— А другими способами?

— В Боркиле, столице Сепекте, вы присоединитесь к группе старших должностных лиц, и с вами проведут дополнительное собеседование.

Число лиц в группе около тридцати.

— И какова же будет тема собеседования?

— Информация, связанная с вашим вопросом, недоступна данному конструкту.

— И как долго я буду отсутствовать дома? Может, я должен просто слетать в Сепекте на собеседование и вернуться домой?

— Офицеры Шерифской Окулы должны быть готовы к длительным командировкам без предварительного оповещения.

— Значит, я какое-то время буду отсутствовать?

— Офицеры Шерифской Окулы должны быть готовы к длительным командировкам без предварительного оповещения. Дальнейшая информация, связанная с вашим вопросом, недоступна данному конструкту.

Фассин вздохнул:

— Значит, это все. Вас прислали, чтобы сообщить мне о моем путешествии на Сепекте? Столько шуму — и все ради такой ерунды?

— Нет. Вы должны знать, что это дело крайней важности, имеющее немалые последствия, и вам будет предложено сыграть в нем существенную роль. Вдобавок выявлены сведения, указывающие на то, что всей системе Юлюбиса грозит

серьезная опасность. Данный конструкт более не имеет информации на сей счет. Вам приказано явиться во дворец иерхонта в Боркиле, столице Сепекте, главной планеты системы Юлюбиса, для дальнейшего собеседования не позднее чем в пятнадцать часов завтрашнего дня, девятого месяца долга по местному сепектийско-боркильскому времени. Джихрон шесть шестьдесят один…

Сфера стала повторять время, назначенное Фассину на завтра во дворце иерхонта, в самых разных системах отсчета, чтобы лишить его малейшей надежды оправдать свое возможное опоздание. Фассин сидел, глядя на бежево-белую часть поляризованного окна в дальней части помещения, и пытался решить, что же ему со всем этим делать, черт бы их драл.

Ничего лучше, чем «вот бля», он не придумал.

— …Восемнадцатого ноября четыре тысячи тридцать четвертого года нашей эры, по исчислению о-землян, — завершил сверкающий шар. — Транспорт будет обеспечен. Вам разрешается взять с собой один большой саквояж, подъемный, плюс багаж, потребный для перевозки полного и официального придворного костюма для вашего представления иерхонту. Во время путешествия на вас должен быть противо-

перегрузочный костюм. Есть еще вопросы?

Верпич на минуту задумался.

— Обычная истерика высших военных.

Словиус пошевелился в своем водном кресле.

— Объясни-ка.

— Скорее всего, они слишком усердно исправляют свои предыдущие ошибки.

— Кто-то мозолил им уши, твердил о некой проблеме, они до поры до времени закрывали на это глаза, а тут вдруг спохватились и запаниковали? — предположил Фассин.

Верпич кивнул.

— Динамика принятия решений в крайне негибкой силовой структуре — это весьма интересный объект для изучения, — сказала Чайан Олми.

Старая наставница и ментор Фассина улыбнулась ему — спокойная, сухопарая, седая. Они вчетвером сидели за круглым столом прежнего кабинета Словиуса. Сам Словиус расположился в большом полузакрытом устройстве, похожем на гибрид древней сидячей ванны и маленького флаера. Фассину казалось, что клыкастое, усатое лицо дядюшки выглядело более живым и более человеческим, чем когда-либо за последние годы. Словиус в самом начале этого разговора заявил,

что на время чрезвычайных обстоятельств, в которые может оказаться втянутым их клан, его постепенный отход от дел прерывается. Он снова принимает на себя все обязанности по клану Бантрабал. Фассин с ужасом обнаружил, что какая-то малая, низменная его часть, склонная к самовозвеличению, разочарована и даже некоторым образом сердится из-за того, что дядюшка прерывает погружение в это смутное, бездумно-безразличное слабоумие, которое ведет к смерти.

— Проекция использовала фразу «грозит серьезная опасность», — напомнил им Фассин.

Это-то и испугало его, потому он и организовал эту встречу, рассказал, что ему известно. Если угроза системе Юлюбиса действительно существует, он хотел, чтобы по крайней мере верхушка клана Бантрабал знала об этом. На совещании отсутствовала только мать Фассина, удалившаяся на год в цессорианское обиталище где-то в поясе Койпера, в десяти световых днях пути, а потому вопрос о ее участии даже не рассматривался. Они обсудили, нужно ли связаться с ней и предупредить о всесистемной угрозе, но, поскольку они не знали деталей, такое предупреждение было бы несвоевременным и, возможно, даже контрпродуктивным.

Олми пожала плечами:

— Неадекватная реакция вполне может распространяться и на язык, используемый для описания замеченной проблемы.

— В последнее время участились нападения запредельцев, — задумчиво сказал Верпич.

За два столетия после утраты портала спорадические нападения (как правило, ограничивающиеся окраинами системы и военными объектами) запредельцев на Юлюбис постепенно сходили на нет и практически перестали быть даже беспокоящим фактором. Количество нападений стало безусловно меньше, чем до уничтожения червоточины. В течение тысячелетия почти все системы Меркатории привыкали к этим обычно неприятным, но редко катастрофическим атакам (они отвлекали на себя боевые корабли и прочие военные средства и вообще держали всю метацивилизацию в известном напряжении, но больших жертв и разрушений не вызывали), и система вздохнула свободнее, получив неожиданное послабление: по непонятным причинам временная изоляция системы привела к тому, что непосредственное военное давление на нее уменьшалось, а не усиливалось.

Однако на протяжении последнего года, или

около того, отмечалось незначительное учащение набегов (впервые за два века был отмечен годовой прирост, а не падение), которые теперь носили несколько иной характер по сравнению с прежними, привычными. Теперь нападениям подвергались уже не только военные части, сооружения или инфраструктура — был уничтожен кооператив, который вел разработки минералов в кометном облаке, исчезли несколько кораблей, а некоторые были обнаружены без экипажа, пустыми или оплавленными. Один небольшой круизный лайнер пропал между Наскероном и самым внешним из газовых гигантов системы, а полгода назад одиночный тяжелый корабль-снаряд неожиданно появился в самом центре системы: он перемещался со скоростью восемьдесят процентов от световой и направлялся прямо к Боркилю. Его легко перехватили, но сам факт не мог не вызывать беспокойства.

Словиус снова завихлял в своем кресле-ванной, расплескав немного воды на деревянный пол.

— Есть ли что-нибудь такое, что тебе не разрешено говорить нам, племянник? — спросил он, произведя при этом беспокойный звук, похожий на сдавленный смех.

— Ничего конкретного. Я ни с кем не должен

говорить о том, что мне стало известно, кроме как… в целях выполнения моей миссии, которая на данный момент состоит в том, чтобы попасть в Боркиль завтра к пятнадцати часам. Я, как видите, решил истолковать это как разрешение поговорить с вами тремя. Хотя и прошу сохранить наш разговор в тайне.

— Что ж, — сказал Словиус, булькнув горлом. — Возьми мой суборбитальный — доберешься на нем до Пирринтипити, а там сделаешь пересадку.

— Спасибо. Но они сказали, что транспортировка обеспечена.

— Из Навархии сообщили, что вылет отсюда в половине четвертого завтрашнего утра, — подтвердил Верпич. — Им придется перенести вылет, если они должны доставить тебя в Сепекте к пятнадцати часам завтрашнего дня, — добавил он, шмыгнув носом. — Вам придется на протяжении всего пути выносить пяти- или шестикратные перегрузки, Фассин Таак. — Мажордом Верпич улыбнулся. — Предлагаю вам немедленно начать регулировать прием жидкой и твердой пищи в соответствии с этим.

— И тем не менее мы подготовим и мой корабль, — сказал Словиус, — на тот случай, если

их транспорт припоздает или окажется чересчур примитивным. Позаботьтесь об этом, мажордом.

Верпич кивнул.

— Дядя, позвольте поговорить с вами, — сказал Фассин, когда общая встреча закончилась.

Он надеялся переговорить со Словиусом до начала совещания, но дядюшка прибыл вместе с Верпичем, и вид у него при этом был энергичный и воодушевленный, тогда как Верпич казался взволнованным и обеспокоенным.

Словиус кивнул мажордому и Олми. Через несколько секунд Фассин и его дядюшка остались в кабинете один на один.

— Да, племянник?

— Когда вы сегодня утром спрашивали меня о моей последней экспедиции, пока загружалась представительская проекция…

— Что мне было об этом известно?

— Да, именно это я и хотел спросить.

— Я сам получил простой, хотя и в высшей степени закодированный сигнал с техкорабля, сообщавший о загрузке проекции. Этот сигнал имел форму личного послания от первого инженера корабля, моего старого приятеля. Он — кускунде; много веков назад у меня была курсовая работа по их физическим и языковым особенностям. И

хотя в послании ничего такого не говорилось, у меня создалось впечатление, что это каким-то образом связано с результатами твоей последней экспедиции.

— Понятно.

— Твоя представительская проекция не сообщила ничего, что могло бы подтвердить это?

— Ничего. — Фассин помолчал. — Дядя, у меня неприятности?

Словиус вздохнул:

— Если позволишь мне выразить предположение, я бы сказал, что напрямую никакие неприятности тебе не грозят. Однако должен признать, у меня есть отчетливое и тревожное чувство, что в действие приведены очень большие, очень громоздкие, очень важные колеса механизма управления. А на пути этой машины, как учат нас уроки истории, лучше не стоять. Даже не имея в виду ничего дурного, она и не заметит, как — в лучшем случае — сведет на нет смысл жизни отдельной личности.

— В лучшем случае?

— В лучшем. А в худшем — отдельные жизни перемалываются и становятся смазкой для этих колес. Тебя удовлетворяет мое объяснение?

— Ну… можно сказать и так.

— Что ж, тогда надо признать, что мы оба одинаково пребываем во мраке. — Словиус осмотрел перстень, надетый на один из его коротеньких пальцев. — А во мраке лучше всего спать. Предлагаю и тебе.

— Ну что же, Фассин Таак, — живо сказал Верпич, дожидавшийся Фассина за дверью, — наконец вы сделали что-то такое, что производит на меня впечатление. Благодаря вам мы, кажется, не только начинаем жить интересной жизнью, но еще и привлекли к себе внимание властей предержащих. Поздравляю.

* * *

Они сидели на вполовину накачанных спальных мешках, опершись спинами о корпус флаера.

— Он никогда тебе не говорил об этой школе выживания? — спросил Фассин.

Таинс отрицательно покачала головой:

— Нет.

Она снова вытащила маленький серый военный коммуникатор, тщетно проверяя сигнал. Они с Фассином некоторое время назад уже подходили к дыре в корпусе, надеясь получить

сигнал либо через устройство, либо через наушники. Они постояли в ярком, мерцающем свете тяжелой зари. Огромный перевернутый купол Наскерона наверху был темен, но на нем рябили зори и кое-где вспыхивали кракелюры молний. Они ощущали микроземлетрясения у себя под ногами, но при всех этих природных возмущениях (а может быть, частично из-за повышенной магнитной активности, если говорить о наушниках) их приборы молчали.

Они поплелись назад. Фассин ворчал на запредельцев, которые атакуют планету, более всего известную своими мирными исследованиями насельников; ворчал он и на милицию, и на военных Навархии, и на Внешние эскадры, и на Объединенный флот за то, что те толком их не защищают. Таинс попыталась объяснить ему все трудности, связанные с перемещением большого числа иглоидных кораблей и других объектов через червоточины туда, где в них возникает потребность, и рассказать об уравнениях, которые определяют количество техники, необходимой для полной защиты разбросанных по всей галактике систем Меркатории. Даже при возможности почти мгновенного перемещения от портала к порталу по артерии это количество было эконо-

мически нереализуемым. Хотя многочисленные группировки врага в сумме и не представляли собой значительной военной силы, они были распределены по всей галактике и нередко действовали в протяженном временно́м масштабе, затрудняющем противодействие им. Главное заключалось в том, что безопасность Глантина и системы Юлюбиса в целом обеспечивалась. Внешние эскадры могли потягаться с любой мыслимой группировкой запредельцев, к тому же за Юлюбисом всего на расстоянии нескольких порталов располагался Объединенный флот, не знающий себе равных. Но, несмотря на это, Фассин все сетовал на беспрестанные атаки запредельцев, и потому Таинс переменила тему разговора, начав рассуждать о пунктиках их однокашников, об их привычках и причудах. Вскоре они перешли на Салууса.

— Вообще-то, он говорил вскользь, что учился в школе выживания, — сказала Таинс, — но толком об этом никогда не рассказывал, а я не следователь, чтобы его допрашивать.

— Вот как, — сказал Фассин, спрашивая себя: а может, Салуус и Таинс и в самом деле никакие не любовники.

Школа, начало жизни… обычно о таких ве-

щах и разговаривают в постели, разве нет? Он скользнул взглядом по Таинс. Хотя нет, слово «любовники» для них не очень подходит, даже если они и близки. Они казались такими непохожими на всех остальных с их курса, их меньше других привлекали все эти свидания, молодая любовь и сексуальные эксперименты, словно они уже успели пройти через это; а может, природная предрасположенность или твердость характера сделала их невосприимчивыми к этим соблазнам.

Ребята одного с Таинс возраста и многие значительно старше побаивались ее, но она ничуть не расстраивалась. Фассин был свидетелем того, как она с бесцеремонной грубостью отвергала ухаживания очень милых и порядочных парней и удалялась с туповатыми амбалами, которые явно рассчитывали на одну-две ночи, не больше. А еще он знал по меньшей мере трех девиц с их курса, безнадежно влюбленных в Таинс, но ее и это не интересовало.

Позиции Салууса с самого начала выглядели еще более выигрышными: он был не только хорош собой (это было доступно каждому), но и легок в общении, обаятелен, умел пошутить. И куча деньжищ в придачу! Наследник огромно-

го состояния, явившийся из другого, по-своему манящего мира, дифференцированного даже гораздо более тонко, чем существовавшая параллельно монументальная, надувательская, иерархическая система, которая окружала их с самого рождения; этот мир альтернативных форм вознаграждения был одновременно моложе и старше, чем колоссальное здание Меркатории, хотя в конечном счете полностью ей подчинялся. Как и остальные парни этого курса, как и большинство студентов всего колледжа, Фассин давно уже примирился с тем фактом, что, если поблизости от тебя Сал, ты неминуемо становишься вторым сортом.

И тем не менее ни Таинс и ни Сал (в особенности Сал) не пользовались преимуществами, которые имели. Разве что в отношениях между собой.

Впечатление возникало такое, будто они повзрослели раньше времени согласно своим жестко предопределенным планам на жизнь, и секс если и вызывал у них зуд, то лишь время от времени — почесал и прошло, этакое раздражающее слабое чувство голода, которое изредка требовало утоления максимально быстрым и эффективным способом с минимальной суетой, чтобы не пострадало настоящее, серьезное дело

жизни.

Чудно.

— А ты, — спросила Таинс, — ты не ходил в школу выживания?

— Я? — удивленно сказал Фассин. — Да какого хрена? Нет, конечно.

— Правильно, — сказала Таинс. Она сидела, вытянув одну ногу, другую подогнув под себя, положив руку на коленку. — А что? — Она помахала рукой. — Разве не круто?

— Они на них охотятся! — сказал ей Фассин.

Таинс пожала плечами:

— Да, я об этом слышала. Но по крайней мере не едят.

— Ха! Но все же время от времени они погибают. Я серьезно. Они же всего-навсего малыши. Срываются со скал, или падают с деревьев, или попадают в расщелины, или даже кончают с собой, в таком напряжении они живут. Некоторые теряются в лесу, и тогда на них охотятся, их убивают и сжирают настоящие хищники.

— Мм. Значит, там высокая норма выбывания.

— Таинс, неужели это тебя ничуть не беспокоит?

Таинс ухмыльнулась, посмотрев на него:

— Ты хочешь сказать, не пробуждает ли это во

мне материнские инстинкты?

Он не ответил. Она покачала головой:

— Нет, не пробуждает. Хочешь спросить, не жалко ли мне этих юных питомцев Аквизитариата? Да, жалко — тех, кто гибнет. Или тех, кто после этого ненавидит родителей. Что касается остальных, то с ними, я думаю, происходит то, что и должно происходить. Вырастает новое поколение истинных эгоистов. Ну это не по моей части. О них я даже не думаю. А если бы задумалась, то, наверно, стала бы их презирать. Но я не думаю, а потому и не презираю. А может, я бы стала восхищаться ими. Похоже, это еще покруче курса молодого бойца.

— На курсе молодого бойца у тебя есть выбор. А эти маленькие…

— Но не в том случае, если тебя призвали.

— Призвали?

— Законов еще никто не отменял. — Она пожала плечами. — Но твоя точка зрения принимается. Этим малышам приходится нелегко. Правда, тут все законно, и потом, богатые — они принадлежат к другому виду. — Она говорила безразличным тоном.

— И Сал никогда ничего такого не говорил?

Что-то в голосе Фассина заставило Таинс по-

смотреть на него.

— Ты хочешь сказать, — она повела своими темными бровями, — «после этого»?

Он отвернулся:

— Ну хоть бы и после этого.

Таинс снова вперилась в него взглядом:

— Фасс, на самом деле ты просто спрашиваешь, трахаюсь ли я с Салом, да?

— Нет!

— Мы трахаемся. Время от времени. Спасибо, что спросил. Ты что, поспорил об этом? На крупную сумму?

— Прекрати, — сказал он.

«Черт, — подумал он, — теперь, когда я знаю, я вовсе не уверен, что и на самом деле хотел это знать». Фассин с удовольствием предавался размышлениям о том, как потенциальные или реальные пары — и не только пары — с их курса занимаются сексом (собственно, он сам бывал наблюдателем и даже участником нескольких подобных оргий), но мысль о том, как пыхтят в койке Сал и Таинс, вызывала у него что-то вроде суеверного страха.

Таинс подняла бровь:

— Попроси как следует, и, может, мы когда-нибудь разрешим тебе посмотреть. Ведь тебе

хочется, да?

Фассин почувствовал, что, несмотря на все свои усилия, краснеет.

— Ну да, я ни о чем другом и не думаю, — сказал он с напускным сарказмом.

— А о школе выживания он никогда ничего не говорил, — сказала Таинс. — Ни до того, ни во время, ни после. Разве что если я совсем уж отвлеклась.

— Но об этом какие-то ужасы рассказывают! Одна душевая кабина с холодной водой на сто рыл и одна койка на двоих, телесные наказания, лишения, устрашения, а на праздники — бега во всю прыть, а не убежишь — тут тебе и конец.

Таинс фыркнула:

— В конечном счете ты платишь деньги за то, чтобы с тобой обращались как с твоими предками, которые всю свою нелегкую жизнь тратили на то, чтобы такого обращения избежать. Это прогресс.

— Я думаю, парень там повредился, — сказал Фассин. — Я серьезно говорю.

— Не сомневаюсь, что серьезно. — Таинс растягивала слова, демонстрируя, что ей наскучил этот разговор. — Но Сал, кажется, ничуть не возражает. Он говорит, что эта школа сделала его.

— Да, но *кем* сделала?

Таинс усмехнулась:

— Это все вина твоих родственничков.

— Нет, — вздохнул Фассин, — тут они ни при чем.

— Как, разве это не связано с насельниками?

— Да? С какого конца тут насельники?

— Ну а кто тут рассказывал о насельнической охоте на собственных детишек? — спросила Таинс, продолжая усмехаться. — Разве не вы? Наблюдатели…

— Они не были…

— Ну как там это у вас называется — исследования медленных? — Таинс решительно махнула рукой. — Они охотятся за своими детьми, и принадлежат к древнему, широко распространенному успешному виду, и обитают рядом с нами. Приходит какой-нибудь умник в поисках новейшего способа ободрать богачей как липку. Какой урок, по-твоему, они из этого извлекут?

Фассин покачал головой:

— Насельники существуют почти столько же времени, сколько Вселенная, они распространились по галактике, но, несмотря на такую фору, им хватает здравомыслия не переделывать весь мир под себя. Они формализовали войну до такой

степени, что почти никто не погибает, и бóльшую часть жизни проводят в самых больших хранилищах знаний, когда-либо созданных…

— Но нам говорили…

— К сожалению, их библиотеки самые бессистемные в галактике, и они очень неохотно пускают туда посторонних, да, но все же — они были мирными, цивилизованными и присутствовали повсюду еще даже до образования Земли и Солнца. И какой же единственный урок мы с энтузиазмом зазубрили у них? Охоться на своих детей.

— Слышится отзвук твоих конспектов, — сказала ему Таинс.

Насельники, как всем было известно, охотились на своих детей. Этот вид обитал на большинстве — на подавляющем большинстве — газовых гигантов галактики; и во всех их планетарных сообществах, подвергшихся достаточно детальному исследованию, взрослые насельники травили собственных детей, охотясь на них поодиночке или стаями, иногда начиная охоту спонтанно, иногда тщательно к ней готовясь. Для насельников это было абсолютно естественно. Обычная составляющая взросления, гармоничная часть их культуры, без которой они не были бы сами

собой, традиция, существовавшая миллиарды лет. И даже некоторые из тех, кто брал на себя труд оправдать эту практику перед каким-нибудь инопланетным выскочкой, авторитетно заявляли, что именно охота за молодыми и есть одна из множества причин, по которым им удалось не вымереть за всю эту прорву лет и по сей день предаваться этому безобидному занятию.

Ведь долгожителем, в конце концов, был не только вид в целом; отдельные насельники, судя по всему, тоже жили миллиарды лет, так что, невзирая даже на колоссальный объем жизненного пространства на всех газовых планетах-гигантах в галактике (а они иногда намекали, что и за ее пределами), им нужно было каким-то образом не допускать увеличения собственной численности. А назойливые посторонние виды (особенно создатели крайне недолговечных цивилизаций, прозванные поэтому быстрыми) постоянно напоминали, что насельники, занимающиеся охотой сегодня, в свое время тоже были объектом охоты, а преследуемые ныне в будущем сами станут охотниками. И вообще, если у вас есть все перспективы прожить сотни миллионов лет, то стать дичью на какой-нибудь век с небольшим — вещь настолько тривиальная, что о ней и

говорить не стоит.

— Они не чувствуют боли, Таинс, — сказал ей Фассин. — В этом-то все и дело. Они не очень-то понимают, что такое физическое страдание. Во всяком случае, на эмоциональном уровне.

— Не очень понимаю, как это может быть. Но если даже и так? Что ты этим хочешь сказать? Они недостаточно разумны, чтобы испытывать душевные страдания?

— Даже душевные страдания на самом деле не есть то, что мы понимаем как боль, когда нет физиологического ее эквивалента, когда не с чем сравнивать.

— Это самая последняя теория, да? Учебник по ксеноэтике?

От подземного толчка средней силы содрогнулась поверхность, на которой оба сидели, но они не обратили внимания. Огромные потрепанные полоски материала, висевшие высоко над ними, зашевелились.

— Я только хочу сказать, что они — цивилизация, у которой мы можем научиться гораздо большему, чем жестокое обращение с детьми.

— Хотя строго говоря, они никакая не цивилизация.

— Ну бог ты мой, — вздохнул Фассин.

— Что?

— Все зависит от того, какое определение цивилизации ты принимаешь. Для кого-то они — постцивилизация, потому что отдельные группы на каждом из газовых гигантов почти не контактируют друг с другом, для других они — цивилизация в диаспоре, что, по сути, есть то же самое в более мягких терминах, для третьих они — пример вырождения, поскольку, практически завоевав галактику, в конечном счете проиграли, так как потеряли всякий интерес к завоеваниям, или почему-то забыли, в чем состояла их цель, или же утратили всю свою жестокость, и стали робкими и застенчивыми, и решили, что по справедливости всем другим тоже нужно предоставить шанс, или же какая-то более мощная сила предъявила им ультиматум. Все это может быть правдой, а может быть кучей чепухи. Вот этим-то и занимается наука о насельниках. Может быть, в один прекрасный день мы будем точно знать… Что?

Таинс как-то странно смотрела на него:

— Ничего. Просто задумалась. Ты, значит, все еще не решил, что будешь делать после колледжа?

— Я могу и не становиться наблюдателем, могу

вообще не заниматься насельниками. Это не принудительная система. У *нас* призыва не бывает.

— Гм. Ну что ж, — сказала она, — давай-ка еще раз попытаемся связаться с реальным миром. — Она легко поднялась на ноги. — Идешь?

— Ничего, если я останусь? — Фассин, оглядываясь, потер лицо. — Устал немного. Я думаю, мы здесь практически в безопасности, да?

— Наверно, — сказала Таинс. — Скоро буду.

Она повернулась и зашагала в темноту и скоро исчезла, оставив Фассина одного в слабом свете огней флаера посреди бескрайнего моря гулкой темноты.

Он хотел и не хотел спать, а побыв несколько минут в одиночестве, подумал, что, может, здесь не так уж и безопасно, и чуть было не пошел за Таинс, но потом подумал, что может потеряться, а потому остался на месте. Он откашлялся и сел попрямее, говоря себе, что не должен уснуть. Но видимо, все же уснул, потому что раздались крики и разбудили его.

* * *

Он отбыл на ложной заре альбедного восхода, когда Юлюбис находился еще далеко за горизонтом, но освещал половину обращенной к

нему полусферы Наскерона, заливая Северное тропическое нагорье Глантина золотисто-коричневым. Желтоватое атмосферное сияние дальше к северу добавляло собственный неустойчивый свет. Накануне вечером Фассин попрощался с многочисленными друзьями и семьей и оставил записки тем, кто, как его мать, находился вне пределов досягаемости. Джааль спала, когда он уходил.

Словиус слегка удивил Фассина: пришел проводить его в домашний порт — круг диаметром сто метров, устланный безжизненным плоским гранитом холодного плавления, расположенный в километре от дома близ реки и пологого лесистого склона нагорья. Моросил дождик, и с запада двигались тучки. В центре круга на трехногой опоре стоял, излучая жар, окруженный облачками пара, узкий, цвета воронова крыла корабль Навархии метров шестидесяти в длину.

Они остановились и посмотрели на него.

— Это ведь иглоид? — спросил Фассин.

Его дядюшка кивнул:

— По-моему, да. Будет у тебя шикарное приземление в Пирринтипити, племянничек.

Суборбитальная яхта, принадлежащая Словиусу, тоже обтекаемая, была гораздо короче

— размером в половину черного корабля Навархии: она покоилась на круглой парковочной площадке в стороне от главного круга. Они пошли дальше — Фассин в тонком противоперегрузочном комбинезоне под легкой клановой накидкой. У него было такое чувство, будто он от коленок до шеи погружен в некий теплый гель.

Фассин нес саквояж, в котором лежал его официальный костюм. Слуга с косичкой нес другой чемодан и держал над Фассином большой зонтик. Над креслом-ванной Словиуса натянули прозрачный полог. Другой слуга держал на руках спящую Заб — племянницу Фассина; девчушка (предыдущим вечером она скандально поздно улеглась спать, узнав каким-то образом, что ее дядюшку вызвали на Сепекте) настаивала на том, что должна проститься с дядей, и выклянчила у деда и родителей обещание, но потом уснула — чуть ли не сразу, как только они покинули здание маленького фуникулера, обслуживавшего порт.

— Да, передай привет моему старому другу, главному наблюдателю Чайну из Фавриала, — сказал Словиус, когда они подошли к кораблю Навархии. — Если увидишь. Да, и самый теплый привет, естественно, Брааму Гансерелу из клана Тондерон.

— Я постараюсь передать приветы всем, кто знает вас, дядя.

— Нужно бы и мне поехать с тобой, — с отсутствующим видом сказал Словиус. — А может, и нет.

С опускной платформы под черным кораблем сошел кто-то в сером мундире и двинулся им навстречу. Офицер — женщина с молодым веселым лицом — сняла фуражку, поклонилась Словиусу и Фассину и спросила:

— Майор Таак?

Фассин несколько мгновений молча смотрел на нее, но наконец вспомнил, что в Шерифской Окуле он официально носит звание майора.

— Ах да, — сказал он.

— Первый офицер Оон Дикогра, личный номер три тысячи триста четыре, — сказала молодая женщина. — Добро пожаловать. Прошу вас, следуйте за мной.

Словиус протянул нетвердую руку:

— Я постараюсь оставаться живым до твоего возвращения, майор племянничек.

Он издал хрипловатый звук — возможно, это был смех.

Фассин неуклюже сжал коротенькие пальцы Словиуса:

— Очень надеюсь, что это ложная тревога и я вернусь через несколько дней.

— В любом случае береги себя. До свидания, Фассин.

— Постараюсь. До свидания.

Он легонько, чтобы не разбудить, поцеловал в щечку все еще спящую Заб и следом за офицером Навархии взошел на платформу. Плита со сферическим днищем пошла вверх, поднимая их на корабль, и Фассин помахал дядюшке.

— Бóльшую часть пути у нас будут перегрузки в пять целых и две десятых «же», — сказала Дикогра, пока костюм и багаж Фассина закрепляли в специальном шкафу. — Вас это устраивает? Мы получили ваши физические данные: судя по ним, у вас нет противопоказаний, но мы должны проверить.

Фассин посмотрел на нее.

— Мы летим в Пирринтипити? — спросил он.

Местные челноки и суборбитальные корабли ускорялись не так резко и преодолевали это расстояние меньше чем за час. Насколько же плотным было расписание?

— Нет, в Боркиль. Мы направляемся прямо туда.

— Вот как, — удивился Фассин. — Нет, пять

целых две десятых «же» меня устраивает.

Сила тяжести на планете-луне Глантин была в десять раз меньше, но Фассину нередко случалось переносить и большие перегрузки. Он хотел было сказать, что его рутинная работа включала пребывание по нескольку лет в гравитационном поле, шестикратно превосходящем земное, но это, конечно, было в специально созданном под наскеронские условия стрелоиде, да еще в противоударном геле, а потому в счет не шло.

Первый офицер Дикогра улыбнулась, наморщила носик и сказала:

— Это хорошо. У вас прекрасные физические данные. Но все же мы проведем в условиях ускорения почти двадцать часов, а в невесомости будем только несколько минут в середине пути, так что, может, вам лучше посетить гальюн? Я имею в виду туалет.

— Нет, я в порядке.

Она указала на выпуклость у него в паху — единственное место, где серая, толщиной в сантиметр ткань костюма не облегала контуры тела.

— Никаких приспособлений не требуется? — улыбаясь, спросила она.

— Нет, спасибо.

— Снотворное?

— Не нужно.

Капитан корабля была вулем; этот вид всегда казался Фассину чем-то средним между гигантской серой летучей мышью и еще более огромным богомолом. Она коротко приветствовала Фассина с мостика, а затем первый офицер Дикогра и другой вуль, хрупкий на вид, но весьма расторопный (запах которого человеческому носу напоминал миндальный), в звании рядового, усадили его в крутобокое полулежачее кресло в установленной на кардане по центру корабля шарообразной подвесной гондоле, расположенной в центре корабля. Рядовой вуль с хрустом сложил свои мембраны-крылья, а Дикогра устроилась во втором из двух кресел гондолы. Ее подготовка к целому дню путешествия при непрерывной пятикратной перегрузке ограничилась тем, что она швырнула свою фуражку в шкафчик и оправила форму.

Корабль стартовал медленно, и Фассин, глядя в экран на сферической стене напротив, видел, как удаляется круговая посадочная площадка, видел стоящие фигурки с задранными головами. Кажется, Заб махала тоненькой ручкой; потом появилась дымка облаков, площадка наклонилась и пошла вбок, а корабль стал ускоряться, направ-

ляясь в космос, — карданная подвеска гондолы обеспечивала неизменное положение кресел относительно окружающего пространства.

* * *

Это был крик или нет? Глаза его широко раскрылись. Волосы у него встали дыбом, во рту пересохло. Темнота. Он по-прежнему находился внутри разбившегося чужого корабля, спиной прижимаясь к едва освещенному флаеру. Таинс ушла — к пролому, проверить, есть ли связь. Черт побери, он и в самом деле слышал крики откуда-то сзади. Может, зов о помощи. Он вскочил на ноги, оглянулся. Видимость была почти нулевая — едва просматривались очертания погнутых, разорванных внутренностей погибшего корабля: накрененные палубы и переборки, огромные висячие ленты непонятного материала, болтающиеся под темным потолком в невидимом далеке. Крики доносились откуда-то изнутри корабля, оттуда, куда ушли Салуус и Айлен. Фассин стоял, вглядываясь в темноту и задерживая дыхание, чтобы лучше слышать. Внезапная тишина, потом вроде бы голос — крик Сала, неразборчивые слова. Помогите? Таинс? Фасс?

«Что же мне делать? Бежать им на помощь?

Ждать Таинс? Искать другой фонарь, другой пистолет, если они есть?»

За спиной у него что-то стукнуло, и он волчком развернулся.

Таинс спрыгнула с покоробленной переборки:

— Ты в порядке?

— Да, но…

— Иди за мной. Держись в двух шагах. Будешь отставать — скажи.

Она трусцой обошла его, держа пистолет дулом кверху. Потом уже он припомнил, что на ее лице была какая-то мрачная улыбка.

Они побежали пологим спуском, ведущим в чрево корабля. Поверхность была волнистой, и ширина волн все время возрастала: вскоре они уже скакали с гребня на гребень, потом перемахнули через разлом и побежали вверх — пол под ногами слегка пружинил, словно тонкий слой резины, натянутый на металл. Они перескакивали, помогая себе одной рукой, через огромные, высотой до пояса, сплетения кабелей, беспорядочной сетью расчерчивавшие пространство. Фассин старался не отставать от Таинс, ориентируясь по светящимся накладкам на ее куртке. Она, с пистолетом в одной руке, бежала и прыгала резвее, чем он, работавший обеими руками. Пол под их

ногами резко пошел вверх, а потом — вниз.

— Таинс! Фассин! — раздался где-то впереди зов Сала.

— Голову! — вскрикнула вдруг Таинс, сгибаясь пополам.

Фассин успел вовремя пригнуться — и почувствовал, как по его волосам прошлась складка чернильно-черного материала, свисавшего с потолка. Они сбавили скорость; Таинс одной рукой нащупывала путь, касаясь темного потолка, потом скользнула вниз в узкую трещину.

Фассин последовал за ней, вздрогнув от прикосновения чего-то холодного и твердого с обеих сторон.

Свет впереди. Там неясно угадывалась полная мешанина — наклонный пол, полуоткрытый хаос балок и труб, образующих потолок, острые выступы, похожие на сталагмиты и сталактиты, тонкие висящие кабели; виднелись застывшие, обращенные вниз выбросы какого-то красного вещества, словно вывернутые наизнанку огромные бутоны. И там, на узкой балке, кто-то сидел на корточках у треугольной, с рваными краями дыры в полу поперечником метра в два, уставившись в нее. От накладок на его куртке в отверстие лился слабый свет. Это был Сал.

Он поднял глаза.

— Лен! — крикнул он. — Она упала!

— Сал, — резко сказала Таинс, — здесь идти безопасно?

Вид у него был смущенный, испуганный.

— Думаю, да.

Таинс одной ногой проверила надежность поверхности впереди, потом встала на колени перед треугольной дырой — как раз у одной из вершин. Она дала Фассину знак, чтобы тот оставался на месте, легла на живот и сунула голову в дыру, потом, бормоча что-то насчет кромок, которые нужно укрепить, дала Фассину знак занять место на краю дыры напротив Салууса. С той стороны было свободнее. Он лег и заглянул вниз.

Треугольник открывался в темноватое подобие пещеры, где были видны лишь сверкающие кромки — ступенчатый ряд каких-то ребер, похоже от гигантского радиатора. У Фассина голова пошла кругом, когда он осознал, что за бездна там, внизу. Он вспомнил, как их флаер с поверхности пустыни забрал вверх, направляясь в чрево гигантского корабля. На какую высоту они поднялись? На сотню метров? Чуть ниже? А если учесть, что от флаера досюда они почти все время шли вверх, то высота будет еще больше.

Айлен лежала метрах в шести под ними на паре каких-то арматурин толщиной в руку, двумя тонкими клыками торчавших из ближайшей целой переборки. Она лежала на животе; голова, одна рука и нога свешивались вниз. Люминесцирующие накладки на ее рукавах давали слабый зеленовато-голубой свет. Считаные сантиметры отделяли ее от неровных концов двух клыковидных арматурин. В одну сторону с промежутками восемь-девять метров уходили ряды такой же арматуры: казалось, что это костлявые пальцы выходят из переборки и цепляются за зияющее пространство. Внизу под Айлен, метрах в пятидесяти, виднелись какие-то острые лопасти.

Человек, попавший на Глантин, должен был привыкнуть к пониженной гравитации, и если на Земле при падении с некоторой высоты вы неминуемо ломали себе ноги, то здесь отделывались легким испугом. Но начиная с определенного расстояния — метров в шестьдесят (что равнялось приблизительно тридцати земным) — падающее тело набирало ускорение, которое могло привести к серьезным травмам, а то и к смерти.

— Трос есть? — спросила Таинс.

Сал помотал головой:

— О господи, блин! Нету троса. Вернее, есть, но

мы оставили его там. — Он кивнул вглубь корабля. Казалось, его трясет; он обхватил себя руками, потом, словно защищаясь от холода, поднял воротник куртки. — Не см-мог развязать узел.

— Черт! Она шевелится, — сказала Таинс, а потом, опустив в дыру голову, прокричала: — Айлен, не двигайся! Ты меня слышишь? Не двигайся! Отзовись — ты меня слышишь?

Айлен пошевелилась — ее голова и рука, висящие над пустотой, дернулись, задвигались. Было похоже, что она пытается перевернуться, но в результате лишь еще больше свесилась вниз.

— Бля, бля, бля, бля, — сказал Сал высоким, дрожащим от напряжения голосом. — Она шла сзади. Я думал, с ней все в порядке. Я ничего не видел, наверно, просто перешагнул через эту хреновину — крышку люка или что-то такое, а она ее задела и потом закричала и провалилась туда — успела ухватиться одной рукой и кричала, но я не успел к ней, и она упала. Мы так ведь ничего и не нашли, ничего не сделали! Сплошная ерунда! Вот ведь бля! Она же была в порядке! Шла сзади!

— Успокойся, — сказала Таинс.

Сал откинулся назад и, дрожа, потер рукой рот. Таинс засунула пистолет в карман, прилепила светящуюся накладку себе на лоб и, ухватившись

руками за края треугольной дыры, снова сунула в нее голову — на сей раз поглубже. Затем на секунду приподнялась и посмотрела на Фассина:

— Держи меня за ноги.

Фассин ухватился за ее ноги. Таинс погрузила плечи в дыру, и они наверху услышали ее голос:

— Айлен! Замри, не шевелись! — Таинс вылезла из дыры, оставив у себя на лбу светящуюся накладку, точно странный сверкающий глаз. — Там не за что ухватиться, — сказала она. — Она двигается. Наверно, ударилась головой. Так она упадет. — Она посмотрела на Сала. — Сал, как далеко этот трос? По времени.

— Черт! Не знаю! Минут десять-пятнадцать.

Таинс взглянула в дыру.

— Проклятье! — тихо сказала она и тут же закричала: — Айлен, ни в коем случае не шевелись! — Она покачала головой, словно говоря сама с собой, потом набрала в грудь воздуха и посмотрела на Салууса и Фассина. — Ну ладно, мы сейчас вот что сделаем, — сказала она. — Устроим цепочку. Мы пробовали — вполне реально.

— Верно, — сказал Сал, подаваясь вперед; его лицо бледным пятном виднелось в темноте. — Как это делается?

— Один свешивается сверху, другой сползает

по нему и тоже свешивается, держась за его ноги, третий спускается по двоим и поднимает Айлен. Я и буду третьей.

Глаза Сала расширились.

— Но тот, кто наверху…

— Это будешь ты. Ты самый сильный. На Земле ничего бы не вышло, но здесь можно, — сказала Таинс. Она перебралась к Салу и взялась за его рюкзак. — Я видела такую цепочку даже из четырех звеньев. Вы, ребята, в хорошей форме, я вижу. Ты, Фасс, будешь в середине. А тот, кто наверху, привяжется этими ремнями, — сказала она, глядя на Сала, потом вытащила нож из кармана своего костюма и принялась разрезать наплечные ремни.

Дрожащий Сал встал на колени рядом с дырой.

— Вот ведь бля, Таинс, — сказал он. — Мы все хотим ее спасти, но, может, всем нам тут придет хана. Бля буду! Не знаю. Не верю я в эту срань, не верю, в жопу, и все. Этого не может быть, не может этого, в жопу, быть! — Он снова откинулся назад. Его трясло. Он посмотрел на свои дрожащие руки, перевернул их и снова посмотрел, словно не узнавая. — Не знаю, смогу ли я удержаться, — сказал он. — Правда, не знаю.

— Все будет в порядке, — сказала ему Таинс,

продолжая заниматься ремнями.

— В жопу в порядке, всем нам будет хана, — сказал Сал. — В жопу все. — Он твердо покачал головой. — Нет. Нет. Нет. Нет!

— У нас все получится, — сказала Таинс, быстро привязывая отрезанные ремни к тем, что оставались на рюкзаке.

«Я спокоен, — думал Фассин. — Может, у меня шок или что-то в этом роде, но я ничуть не волнуюсь. Может, мы все и умрем, а может, нам и повезет, и это свяжет нас на всю нашу долгую жизнь, останется с нами навсегда, но я в любом случае спокоен. Чему быть, того не миновать, и если мы делаем все, что в наших силах, и не предаем друг друга, то, что бы ни случилось, наша совесть будет чиста». Он посмотрел на свои руки. Они дрожали, но он мог контролировать эту дрожь. Он потряс кистями. Он чувствовал себя сильным. Он сделает все, что в его силах, а если этого не хватит, тут уж не его вина.

Сал вскочил на ноги в опасной близости от дыры.

— Есть еще трос, — внезапно сказал он.

Лицо его все еще было серым, но теперь почти лишенным всякого выражения. Он двинулся мимо Таинс.

Фассин поднял на него взгляд, не понимая, о чем тот говорит.

— Что? — спросила Таинс; она попробовала на прочность квадратный сталагмит, торчащий из пола, и принялась привязывать к нему ремни рюкзака.

— Трос, — сказал Сал, показывая в направлении флаера. Он шагнул назад, пятясь. — Там есть еще. Во флаере. Я схожу, я знаю, где он. — Он сделал еще шаг назад.

— Сал! — закричала на него Таинс. — У нас нет времени!

— Нет, есть. Я иду, — сказал Сал, продолжая пятиться.

— Ты останешься здесь, Сал, сука, — сказала Таинс. Голос ее вдруг стал глухим и низким.

Сал, казалось, заколебался, но потом тряхнул головой, повернулся и побежал.

Таинс подпрыгнула, попыталась его схватить, но не успела — Сал припустил слишком быстро. Он перепрыгнул через сталагмит и бросился к щели, сквозь которую недавно протиснулись Фассин и Таинс. Таинс припала на колено и вытащила пистолет:

— Стой, трус вонючий!

Фассину показалось, что в какую-то долю се-

кунды Таинс могла выстрелить, но она опустила пистолет и сунула его в карман технички. Сал тем временем нырнул в щель и исчез из виду. Таинс посмотрела на Фассина. Ему подумалось, что теперь она выглядит растерянной.

— Есть еще вариант, — сказала она и быстро сбросила техничку.

На ней был нательный комбинезон в обтяжку, телесного цвета, отчего Фассину на миг показалось, будто она голая. Она связала куртку и брюки технички и проверила их на прочность.

— Годится, — сказала она. — Теперь обвяжем этим твое колено.

Ремни на рюкзаке держали Фассина, а он держался за них — его запястья были привязаны к ним, но поначалу он принял собственный вес и вес Таинс на свои руки и пальцы, потому что не очень доверял ремням; держалась и штанина, узлом завязанная на его колене, крепко держалась и Таинс, спускаясь по нему, а потом по своей техничке, и Фассин выворачивал шею и плечи, чтобы увидеть, как она приближается к Айлен, как будто, пока он ее видит, с ней ничего не может случиться, но тут — новый подземный толчок, корабль задрожал, не очень сильно, но достаточно, чтобы Фассина прошиб холодный пот, его ладони

и пальцы заскользили, и вот он повис на ремнях, на одних только ремнях, а там, внизу, ниже его, ниже Таинс, Айлен, по-прежнему вне пределов досягаемости, снова шевельнулась, перевесилась и улетела в темноту.

Таинс вскрикнула, и Фассин почувствовал, как натянулась связывающая их ткань, когда Таинс дернулась, пытаясь ухватить падающую девушку, издав то ли шипение, то ли вздох. Айлен медленно полетела в сгущающуюся книзу темноту. Ее волосы и одежда колыхались, как бледное холодное пламя.

Айлен, видимо, все еще была без сознания, потому что, падая, даже не закричала. Фассин и Таинс только услышали, как ее тело ударилось о лопасти далеко внизу несколько долгих секунд спустя, — и, видимо, даже почувствовали этот удар по дрожи в конструкциях корабля.

Фассин закрыл глаза. «Пусть Сал окажется прав, пусть это будет не по-настоящему». Он постарался снова ухватиться за кромку треугольной дыры, перенести вес с ремней на руки.

Таинс некоторое время висела без движения.

— Мы ее потеряли, — спокойно произнесла она, и голос ее прозвучал так, что у Фассина похолодело на сердце, — он испугался, что и Таинс

сейчас бросится вниз и полетит следом за Айлен, но та осталась, где была. И только сказала: — Я поднимаюсь. Держись.

Она вскарабкалась по Фассину, а потом помогла подняться и ему. Они вглядывались в темноту, но не могли разглядеть тела. Несколько мгновений они сидели бок о бок и тяжело дышали, привалившись спинами к одному из сталагмитов, — почти так же они сидели немного раньше, там, у флаера. Таинс, развязав куртку и брюки, надела их снова, потом вытащила пистолет и встала; Фассин как зачарованный не мог оторвать взгляд от пистолета:

— Что ты собираешься делать?

Она посмотрела на него:

— Не бойся, убивать этого гада не буду, если ты об этом. — Голос ее теперь звучал спокойно. Она пнула его по ботинку. — Нужно возвращаться.

Фассин поднялся, ноги у него подгибались, и Таинс взяла его под руку.

— Мы сделали все, что могли, Фасс, — сказала она. — Мы оба. Поплачем по Айлен потом. А теперь нужно вернуться к флаеру, попытаться найти Сала, проверить, появилась ли связь, выбраться отсюда, к херам собачьим, и сообщить властям.

Они повернулись к дыре спиной.

— Зачем ты вытащила пистолет? — спросил Фассин.

— Из-за Сала, — сказала Таинс. — Он еще никогда не испытывал такого унижения. Никогда не выставлял себя в таком виде. Во всяком случае, мне ничего такого не известно. Отчаяние и вина. Такие чувства бог знает что вытворяют с людьми. — Она делала что-то вроде дыхательных упражнений — несколько раз подряд часто втягивала воздух, задерживала дыхание. — Хотя и вряд ли, но вдруг… он ведь не хочет, чтобы эта история вышла наружу. — Она пожала плечами. — У него есть пистолет. Вдруг ему взбрендит с нами разделаться.

Фассин ошеломленно посмотрел на нее:

— Ты что, серьезно так думаешь?

Таинс кивнула.

— Я знаю этого типа, — сказала она. — И не удивляйся, если мы не найдем там флаера.

Флаера не было.

Они подошли к дыре в корпусе и обнаружили флаер снаружи — в слабом свете ложной зари, отраженной от залитого солнцем ломтя Наскерона. Сал сидел, вперившись в холодный простор пустыни. Прежде чем приблизиться, Таинс про-

верила военный передатчик — сигнал был. Она связалась с ближайшей воинской частью Навархии и вкратце доложила о случившемся, потом они по песку подошли к флаеру. В наушниках по-прежнему не было ни звука.

Салуус оглянулся, услышав их приближение.

— Она упала? — спросил он.

— Мы почти достали ее, — сказала Таинс. — Чуть-чуть не успели. — Она все еще стискивала пистолет.

Сал на несколько мгновений задержал у лица руку. В другой он сжимал тонкий, перекрученный, полурасплавленный с виду кусок металла, а когда убрал ладонь от лица, то принялся обеими руками крутить перед собой эту металлическую штуковину. Его пистолет и куртка лежали на заднем сиденье.

— Я связалась с военными, — сказала Таинс. — Конец тревоги. Ждем их здесь. Корабль уже в пути.

Она забралась на заднее сиденье за Салом.

— Мы бы ни за что не сумели спасти ее, Таин, — сказал он ей, а потом повернулся к Фассину, севшему на переднее сиденье рядом с ним. — Фас, ни за что бы не спасли. Мы бы только сами погибли.

— Трос нашел? — спросил Фассин.

Ему внезапно представилось, как он выхватывает этот кусок металла из рук Сала и тычет ему в глаз.

Сал покачал головой. Вид у него был пришибленный.

— Упал на коленку, — сказал он. — Наверно, связки растянул. Еле доковылял. Думал, может, мне удастся протаранить флаером эти висячие лохмотья и пробиться к той треугольной дыре, но эта висячая дрянь оказалась прочнее, чем я думал. Вот выбрался сюда, думал, попытаюсь выйти на связь. — Искореженный кусок металла вертелся в его руках.

— Что это у тебя? — чуть погодя спросил Фассин.

Сал посмотрел на железяку и пожал плечами:

— С корабля. Нашел там.

Таинс дотянулась до Сала, вывернула кусок металла из его руки и забросила подальше в пустыню.

Пока не появился суборбитальный корабль Наварxии, они сидели молча. Когда Таинс отправилась навстречу военным, Сал вылез из флаера и, хромая, пошел за железякой.

2
Удаление с уничтожением

Я родился на водяной луне. Некоторые, особенно ее обитатели, называли ее планетой, но, поскольку она в диаметре чуть больше двухсот километров, название «луна» представляется более точным. Эта луна целиком состояла из воды; я хочу сказать, что она представляла собой шар, лишенный не только суши, но и твердых пород внутри, просто сфера, не имеющая прочной сердцевины, состоящая из воды вплоть до самого своего ядра.

Будь луна размером побольше, у нее было бы ледяное ядро, потому что вода, хотя и считается несжимаемой, на самом деле все же может сжиматься и при очень высоком давлении становится льдом. (Если вы живете на планете, где лед плавает на поверхности воды, это покажется вам необычным и даже противоречащим законам природы, но именно так дело и обстоит.) Луна была слишком невелика, чтобы образовалось ледяное ядро, а потому, если ты достаточно жизнестоек и давление воды тебе нипочем, то

можешь погрузиться на глубину — вес водяного столба над тобой будет возрастать вплоть до самого центра луны.

А там случаются странные вещи.

Потому что здесь, в самом центре водяного шара, сила тяжести, казалось, отсутствует. Ну да, колоссальное давление со всех сторон, но ты становишься фактически невесомым (на поверхности планеты, луны, водяной или нет, тебя всегда притягивает к центру, но если ты в центре, то притяжение действует равномерно со всех сторон), и давление вокруг тебя поэтому не так уж и велико, как ты себе представлял, учитывая всю эту массу воды, из которой состоит луна.

Это было, конечно…

Я родился на водяной луне. Некоторые люди, в особенности ее обитатели, называли ее планетой, но, поскольку она в диаметре чуть больше…

Здесь капитан замолчал, прокрутил часть остального текста, потом остановился, чтобы прочесть строку «А там случаются странные вещи». Он промотал еще, остановился снова: «Я родился на водяной луне. Некоторые люди, в особенности ее…»

И все в таком роде? —

спросил он своего третьего помощника.

Вроде бы все одно и то же, господин капитан. Похоже, здесь раз за разом повторяются одни и те же несколько сотен слов. От двенадцати до семнадцати раз. Это все, что осталось от ее памяти. Даже базовая операционная система и набор инструкций были стерты другими записями. Типичная методика этой мерзости, известная как удаление с уничтожением.

И не остается следов от того, что было прежде?

Нет, следы остаются, но это повторяющиеся отрывки. Техники предполагают, что это всего лишь последняя из множества записей, которые сменяли друг друга. Когда машина осознает, что неизбежно будет захвачена или уничтожена, то не оставляет никаких следов от своей исходной памяти.

Именно так.

Капитан воэнов нажал клавишу, проматывая текст до конца. Экран замер на несколько мгновений, потом на нем появилось: «Я родился…»

Это самая последняя часть памяти?

Так точно.

На лице капитана появилось выражение, в котором другой воэн узнал бы улыбку; его спинные колючки шевельнулись и тут же снова замерли.

Это было проверено, третий? Никакого другого содержания, никаких скрытых посланий?

Проверяется, господин капитан. Общий объем данных превосходит возможности памяти нашего корабля, и потому их обрабатывают блоками. То, что вы здесь видите, — это фактически модель.

Сколько времени потребуется для завершения?

Еще минут двадцать.

Найдены ли другие средства, способные обрабатывать значительные объемы информации?

Нет. Конструкт в основном соответствовал своему внешнему виду — голова кометы. Искусственная мерзость хоронилась в ядре. Сенсорный и двигательный блоки отдельно размещены на поверхности и собраны, можно сказать, с миру по нитке. Технические параметры проверены полностью.

Исходный язык, использованный в повторяющемся отрывке?

Как на экране — старый стандартный.

Происхождение цитируемого отрывка?

Неизвестно. Предварительный лингвистический анализ с девятнадцатипроцентной вероятностью указывает на квейап как на возможный источник.

Квейапы, большинство которых входило в Меркаторию (капитан прежде служил на военном корабле вместе с офицером-квейапом), были метавидом, представителей которого обычно называли дирижаблями, — небольшие или средних размеров шарообразные существа, воздухоплавающие и перерабатывающие кислород. Повторяющийся пассаж, заполнивший память машины, явно был написан от лица водного жителя. Но случается, подумал капитан, что пишут и не от своего лица. Он сам в начальном колледже сочинял стихи от имени Кульмины, пока не осознал, что это подпадает под статью, признался в содеянном и понес соответствующее наказание. Это отбило у него охоту к сочинительству.

Безупречные в целом характеристики капитана за период обучения заметно портила лишь коррекционная фаза, потребовавшаяся для того, чтобы довести до должного уровня его эмпатический коэффициент. Этот изъян позднее объяснили результатом подавления всякой эмпатии после того невольного проступка и наказания. Тем не менее он дослужился до капитана, что невозможно без некоторой эмпатической тонкости, способности предвосхищать чувства твоего экипажа и экипажа противника.

Он смотрел на полурасплавленные останки захваченного конструкта — черного, с щербатой поверхностью, замаскированного под ядро кометы, диаметром приблизительно восемьсот метров, который потерял почти четверть своей структуры. Покореженный, он лежал в нескольких километрах от них, в эпицентре облака темноватых обломков, и излучал остатки тепла, выделившегося при его частичном разрушении.

Эта картинка освещалась включенным на малую мощность одним из внешних излучателей и была четкой и ясной, насколько это вообще возможно, поскольку никаких преград между ними не было — даже прозрачного материала корпуса, атмосферы или другой среды. Капитан смотрел прямо с мостика — открытого гнезда среди массивного, но изящного плетения балок на поверхности корабля. На судне, к счастью, не было представителей других видов — одни воэны, поэтому весь корабль был открыт вакууму. Во время недавних боевых действий они, конечно же, находились глубоко в чреве корабля, в командном отсеке, надежно защищенные слоями брони и корпусом, их органы восприятия были прикрыты экранами, но (когда обломки признали безопасными) капитан, третий помощник и

двое любимчиков капитана из рядовых вышли наружу, чтобы лучше оценить положение и поверженного врага.

Капитан оглянулся, словно рассчитывая увидеть настоящее ядро кометы, проплывающее мимо. Он сориентировался и включил увеличение, после чего смог разобрать огни, обозначающие силовые установки двух других его кораблей, которым по завершении столкновения было приказано вернуться во внутреннюю систему, — две тусклые, немигающие голубоватые звездочки. Кроме этого, в зоне видимости был корабль под ними да обломки на расстоянии двух километров.

Нехорошо здесь умирать, подумал капитан, холодно и одиноко. Логически оправданное место для укрытия мерзкой машины, но явно неподходящее для любого живого (или кажущегося живым) существа, выросшего в другой атмосфере, — оно выберет для своих последних мгновений другой пейзаж.

Он вернул экран третьему помощнику и снова обратил свои главные глаза на остатки конструкта. Его задняя сигнальная выемка и комплекс вторых глаз по-прежнему были направлены на подчиненного; капитан передал приказание:

Что ж, половина нашей миссии завершена. Ложимся на обратный курс к базе, а когда завершится полная обработка содержимого памяти мерзкой машины, взорвите на ней заряд антивещества, чтобы не осталось ничего крупнее элементарных частиц.

Будет выполнено, господин капитан.

Можете идти.

* * *

Корабль ровно, но довольно резко ускорялся, производя отдаленный гул. У Фассина под правым локтем была маленькая подушечка, воспринимавшая мышечные движения и таким образом регулировавшая экран перед ним (а теперь уже казалось — над ним, поскольку кресло изменило угол наклона и его стал поддерживать противоперегрузочный костюм); он смог увидеть Пирринтипити, когда корабль развернулся, уходя от Наскерона, и направился вглубь системы — к солнцу и к следующей планете, Сепекте, более или менее походившей на Землю.

На экране тропическая столица Глантина выглядела как приподнятое мерцающее пятно, отделанное там и здесь темно-зелеными островками и погруженное в бледно-зеленое море.

Странно, но я уже ностальгирую по Пирри, подумал он. У него все равно не было ни малейшего шанса выйти за пределы городского порта, но он полагал, что маршрут будет обычным: переход с суборбитального корабля на трубопоезд, потом где-то в глубине огромного ствола под названием Эквабашня нужно дождаться подъемника, добраться на нем до орбитального порта, а там уже пересесть на космический корабль. Направляться в космос прямо из Осеннего дома — это казалось ему неправильным и странным образом волновало душу.

Путь до Сепекте в зависимости от взаиморасположения планет обычно занимал от пяти до семи дней при стандартном ускорении в одно «же». Корабли были большими и удобными: вы могли гулять в свое удовольствие, заходить в рестораны, бары, экраны и спортивные залы. А на лайнерах покрупнее имелись даже бассейны. Минуты невесомости в середине пути были поводом для веселья и озорства (а нередко для поспешных и крайне неудовлетворительных совокуплений). Глантинцам не очень нравились путешествия при двойной перегрузке, но, прибыв на Сепекте, они все равно ее испытывали, так что полет был чем-то вроде тренировки.

Экран показывал Фассину, что перегрузка возрастает до трех, четырех, а потом пяти и более «же». Противоперегрузочный костюм Фассина подстроился под его дыхание, мягко помогая наполнять легкие воздухом без излишних усилий с его стороны.

— Я, пожалуй, вздремну, — сказала первый офицер Дикогра. — Или вы хотите поболтать?

— Вздремните, — сказал он. — Я сам думаю, не поспать ли немного.

— Отлично. Система все равно будет мониторить нашу жизнедеятельность. Ну, тогда до скорого.

— Приятных сновидений.

Фассин видел, как с экрана исчез Глантин. А за ним поначалу открылась не космическая ночь и не пенистые всплески звездных туманностей, а широкий, освещенный солнцем лик Наскерона, безумный вихрящийся танец газов цвета некой сказочной пустыни, однако состоящий из движения гигантских лент, словно противоположно направленные потоки жидкости кружились по поверхности планеты диаметром сто пятьдесят тысяч километров, гиганта, на который можно сбросить тысячу Глантинов, или Сепекте, или Земель, а ему хоть бы хны. То была не такая уж

малая автономная система в системе Юлюбиса, огромный мир, который, с человеческой точки зрения, был настолько далек от понятия «дом», насколько можно представить, но тем не менее именно там Фассин уже провел бóльшую часть своей необычной, аритмичной жизни, а потому, невзирая на свою непомерную величину, безумные магнитные и радиационные перепады, экстремальные температуры, убийственное давление, непригодную для дыхания атмосферу и опасных, непредсказуемо эксцентричных жителей, для Фассина и его коллег-наблюдателей Наскерон был чем-то вроде дома.

Фассин смотрел, пока и Наскерон не стал уменьшаться; Глантин превратился в точку, плавающую над огромным бледно-желтым в полоску ликом, потом вокруг появились более яркие звезды, а потом Фассин выключил экран и заснул.

Он проснулся. Прошло четыре часа. Нагрузки не изменились, гул корабля по-прежнему доносился откуда-то издалека. Больше спать Фассину не хотелось, и потому он, перейдя в медленное время, задумался.

Все в системе Юлюбиса знали, куда их отбросило уничтожение портала: когда эта весть

доходила до вас, вы тут же понимали, что по меньшей мере две с половиной сотни лет вам придется провести у Юлюбиса. Для большей части жителей, даже подавляющего большинства (девяносто девять процентов из них были люди), которому никогда не представится шанс выйти за пределы системы, это имело очень серьезное значение. Это означало, что остаток жизни им суждено провести здесь. О мечтах и надеждах побывать в других частях галактики нужно было забыть.

Для других это означало, что их близкие в других уголках галактики, на другом конце погибшего портала, больше никогда их не увидят. Двести четырнадцать лет до Зенерре — почти два века пути для света, а значит, ровно столько же для послания или сигнала, отправленного оттуда к Юлюбису; возможно, три века, до того как червоточину восстановят, даже если инженеры сразу же вылетят на специальном корабле вместе с порталом.

А кто мог знать наверняка, остались ли инженеры или большие корабли? Может быть, одновременно с порталом Юлюбиса подверглись атаке и уничтожены все остальные? Может быть, перестала существовать и сама Меркатория, и

теперь нет ни Комплекса, ни артерий, ни единого портала, а от величайшей из последних цивилизаций галактики осталось только множество разрозненных архипелагов, раздробленных, заброшенных и одиноких.

Ничто в постоянном потоке информации, протекавшем через портал перед самым его уничтожением, не свидетельствовало о такой всегалактической атаке. Впрочем, даже за десять минут до нападения не было никаких признаков и угрозы, надвигающейся на портал Юлюбиса; лишь перед самой атакой, словно ниоткуда, во всем своем блеске появился флот запредельцев — такой многочисленный, какого прежде у Юлюбиса и не видели; и вот этот флот бросился на самое мощное в системе скопление кораблей, и, теряя сотни своих судов (фактически не обращая внимания на корабли защиты, разве что те оказывались непосредственно на пути) и не считаясь с потерями, стал пробиваться к устью портала, и в конечном счете уничтожил все вокруг себя взрывами антивещества — одного этого было достаточно, чтобы система оценила масштаб случившегося, — так что в небесах образовалось и почти мгновенно угасло скопление новых звезд, своими всепроникающими лучами ослепивших

тех, кто находился в непосредственной близости, и превративших в туман не только почти весь остаток флота запредельцев, но и многие корабли их преследователей.

Некоторое время казалось, что цель не была достигнута, так как последняя линия обороны, а вместе с ней и сам портал устояли.

Но оказалось, что вся атака была лишь отвлекающим маневром, а настоящее нападение произошло, когда огромный корабль (выдолбленный изнутри астероид весом несколько миллионов тонн, скорость которого превышала девяносто девять процентов от световой) вынырнул совсем с другой стороны. В некотором смысле он тоже промахнулся — пронесся в ста метрах от устья портала и столкнулся с несколькими военными лазерными спутниками: те еще не начали поворачиваться в сторону корабля, когда он врезался в них и мгновенно уничтожил со всеми вспомогательными и ассоциированными системами портала, вызвав в небе еще одну невероятную световую детонацию.

Однако сам портал был уничтожен не этим, а релятивистской массой корабля-жертвы.

Порталы устанавливались только в точках либрации или на других орбитах, удаленных от

больших небесных тел, потому что могли функционировать лишь на сравнительно плоском участке пространства-времени. Чуть увеличь градиент (вблизи гравитационного колодца планеты или другого массивного объекта), и они уже не работали. Чуть увеличь еще — и портал схлопывался и исчезал, обычно не без фейерверка. Осуществивший таран корабль-астероид был таким массивным, а его скорость настолько близка к световой, что его эффективная масса практически сравнялась с массой такой планеты, как Сепекте. Прохождения этого гравитационного колодца в такой близости от устья портала (а особенно на такой скорости) оказалось достаточным, чтобы уничтожить портал и червоточину, озарив всю систему еще одной апокалиптической вспышкой.

Последние остатки предыдущей волны нападавших немедленно бросились в бегство, но были либо уничтожены, либо подбиты с последующим самоуничтожением.

За два дня до этой атаки Фассин был то ли в космосе, то ли на Сепекте — сидел во вращающемся ресторане на вершине боркильской Эквабашни и обедал с Таинс Йарабокин, которая должна была отбыть в Академию Объединенного флота на

следующий день — по завершении предоставленного ей в связи со смертью матери длительного отпуска. Перед этим Фасс целый месяц таскался по самым сомнительным и нездоровым заведениям Скема, второго города Сепекте. Он чувствовал себя пресытившимся, даже старым.

После происшествия в разбитом корабле они с Таинс поддерживали связь, правда особенно близки друг другу не стали, хотя немного спустя и провели вместе ночь. Салуус после случившегося отдалился от них обоих, потом мотанулся за полгалактики в завершающий колледж, после чего в течение десятилетий оставался бельмом на глазу у своего разгневанного папочки, этаким плейбоем, который, лишь изредка и без предупреждения наведываясь в систему Юлюбиса, более или менее постоянно вел в галактическом масштабе тот же образ жизни, что Фассин вел с большими перерывами в масштабах системы.

Суборбитальное спасательное судно прибыло к руинам корабля, лежавшего в Северной пустыне Глантина, несколько минут спустя после вызванного Таинс корабля Навархии. Спасатели проникли внутрь и обнаружили тело Айлен. Состоялось расследование. Гражданские власти оштрафовали Сала за вторжение внутрь корабля

на расстояние, превышающее то, которого требовала защита от внешней угрозы, а военные наградили Таинс за ее действия введением дополнительного курса в программу ее обучения.

Фассину, благодаря показаниям Таинс, светила какая-то награда за гражданское мужество, однако он сумел отмазаться от ее вручения. Он никому не говорил о куске скрученного металла, похищенного Салом из разбитого корабля, но Таинс сама подняла этот вопрос за обедом в Эквабашне. К тому времени она уже знала, что просто не нашла в себе сил отобрать ту железяку у Сала еще раз. Позволила ему оставить этот идиотский трофей.

— Может, это у них вроде дверной ручки или крючка для пальто, — с грустью в голосе сказала она. — Но я ставлю десять к одному, что в шкафчике или на столе у Сала она превратилась в капитанский штурвал или в гашетку батареи главного калибра.

Таинс посмотрела на горизонт вдали и на близкую скользящую поверхность Сепекте; ресторан вращался, создавая гравитацию в этом царстве невесомости, обиталище, привязанном на максимально возможном расстоянии — сорок тысяч километров. Другой конец троса касался земли в

Боркиле, столице Сепекте.

— Черт побери, ты все время знала, — сказал Фассин, кивая. — Наверно, этого и следовало ожидать. Мимо тебя ничто не проходит.

Таинс во всех смыслах заделалась птицей высокого полета — она делала великолепную карьеру в Вооруженных силах Навархии и подлежала назначению в Объединенный флот, одно из высших подразделений Меркатории, куда людей приглашали крайне редко. У коммодора Таинс Йарабокин был моложавый вид — она хорошо старилась.

Как и каждый из них троих.

Сал, невзирая на свои многочисленные дебоши, мог позволить себе лучшее лечение и, вероятно, получить доступ даже к тем процедурам, что были ему запрещены, а потому казалось, что он прожил со дня гибели Айлен гораздо меньше, чем реально прошедшие сто три года. Недавно даже появились слухи, что он намерен остепениться, стать хорошим сыном, заняться бизнесом, найти себе место в жизни.

Таинс, преследуя корабли запредельцев и атакуя их базы, проводила десятилетия в условиях околосветовых скоростей — сражалась она быстро, а вот старела медленно.

Фассин продолжил семейное дело и в конечном счете стал наблюдателем медленных, а потому проводил свои растянутые десятилетия в беседах с насельниками Наскерона. У него, как и Салууса, были свои безумные годы, он тоже немало погулял в притонах Глантина, Сепекте и где подальше, совершил не такое уж и большое общеобразовательное путешествие по самым красочным уголкам предположительно цивилизованной галактики, теряя деньги и иллюзии, набирая жирок и в гораздо меньших количествах — мудрость. Но его вольности, как думал он сам, были совсем не тех масштабов, что у Сала, и, уж конечно, не столь затяжными. Он довольно быстро вернулся домой, протрезвел, остепенился, прошел подготовку и стал наблюдателем.

Загулы у него по-прежнему случались, но становились все реже и короче, хотя дядюшка Словиус и считал, что они могли быть еще менее частыми и продолжительными.

Даже в освященных тысячелетиями наблюдательских покоях Фассин продолжал гнать волну, что нравилось, конечно, не всем. В последние полторы тысячи лет (то есть в годы правления дядюшки Словиуса) предпочтение отдавали виртуальным экспедициям, а не прямому методу. Во

время виртуальных, или опосредованных, экспедиций вы находились в коматозном состоянии под тщательным присмотром в больнично-чистом комплексе наблюдателей на Третьей Ярости, низкоорбитальной луне над самой внешней границей туманистой атмосферы Наскерона, и оттуда общались с насельниками при помощи ЯМР-сканеров[1] высокого разрешения, лазерных комплексов, спутников связи и, наконец, механических устройств с дистанционным управлением, которые выполняли самую грязную и опасную работу, находясь в тесном контакте со звеньями, стаями, стадами, косяками и просто отдельными насельниками.

Фассин возглавил маленькую группку мятежников: он и несколько других молодых наблюдателей предпочитали залезать в тесный стреловидный газолет, где, засунув трубки и клапаны в ноздри, уши и прочие отверстия, должны были дышать специальной жидкой дыхательной смесью, вручив свою тело и судьбу маленькому кораблю. Принимая на себя перегрузки, ядовитые испарения, радиацию и все остальное, тот физически доставлял наблюдателя в атмосфе-

---

[1] Примечания: 1

ЯМР — ядерный магнитный резонанс.

ру газового гиганта, чтобы можно было полнее заслужить уважение и доверие местных обитателей, лучше выполнить свою работу и научиться местным обычаям.

Случались несчастья со смертельным исходом, неудачи, возникали споры, запреты и забастовки, но в конечном счете — главным образом благодаря неоспоримо лучшим результатам и большему объему собираемых данных (неоспоримо лучшим в том смысле, что они явно превосходили все прежние, а не в том смысле, что старая гвардия могла заявить: мол, того же самого добились бы и традиционной методикой, которая на самом деле, вероятно, и вызвала к жизни это долгожданное улучшение) — молодые победили, и трудные экспедиции, реальные экспедиции, в которых, фигурально выражаясь, приходилось пачкать руки, стали нормой, а не исключением. Эта методика, хотя и более волнующая, более рискованная, была в то же время и более действенной, более занимательной для наблюдателя, а кроме того, более дружественной по отношению к зрителям профильтрованной, прилизанной, с задержкой во времени сетевой трансляции, которую прогрессивные дома наблюдателей поддерживали последние полтысячи лет.

— Вы превратили это в какой-то спорт, — печальным тоном сказал раз Словиус, когда они с Фассином рыбачили вместе в море Плавников на Глантине. — Раньше для этого требовалось больше мозгов.

И тем не менее из стойкого, непреклонного критика движения за реальные экспедиции Словиус (который хватался за любую возможность, чтобы продвигать интересы своего клана) превратился — смотря по ситуации — в своего рода тайного сторонника Фассина и в конечном счете использовал все возможности клана Бантрабал для поддержки племянника и его коллег-революционеров. Тот факт, что оба они, Фассин и Словиус, оказались правы, а их клан процветал и обоснованно считался самым результативным и уважаемым из девяти кланов системы Юлюбиса (а значит, фактически и одним из самых передовых домов наблюдателей во всей галактике), являлся важнейшим и самым положительным достижением Словиуса на посту главного наблюдателя и отца семейства Бантрабал.

Фассин теперь, безусловно, являлся лучшим наблюдателем в системе: это стало особенно очевидно после проведенных им исследований племени Димаджриан — буйной стаи молодых

насельников, с которыми он подружился. Он фактически даже стал членом стаи на целое столетие во мнимом времени, что во времени реальном составило шесть лет. По наблюдательским представлениям, он даже еще не достиг расцвета сил, но тем не менее уже был одним из лучших в своей профессии. Он родился триста девяносто лет назад, но лишь сорок пять из них прожил по физиологическому времени, а выглядел и того моложе — лет на тридцать пять.

Иногда он вспоминал о происшедшем в разбитом инопланетном корабле, думал о том, что случилось с Салом, Таинс и с ним самим, и ему приходила в голову мысль: кошмар той ночи осенил их каким-то странным благословением, обратным проклятием, заколдовал эту троицу, словно Айлен, сама того не ведая, отказалась от того золотого будущего, что ожидало ее, и щедро наделила им их троих.

Он поцеловался с Таинс на прощание. Та направлялась через портал и по Комплексу на дальнюю оконечность галактики — в Академию флота, куда ее пригласили преподавателем, на год. Фассин держал путь на противоположный край системы Юлюбиса, где в это время находился Наскерон, — он не оставлял попыток извлечь

знания из насельников.

Таинс благополучно прошла через портал за день до его уничтожения. Фассин находился в лайнере на расстоянии одного дня пути от Сепекте и, даже не выслушав до конца известие об уничтожении портала, понял, что увидеть Таинс ему, видимо, больше не суждено.

Сал, который в это время вполне мог оказаться бог знает где, был дома со своим многострадальным папочкой. Часов десять он пребывал в ступоре — все никак не мог поверить в случившееся, а потом целый месяц провел в трауре по утраченной свободе, пытаясь утолить свою скорбь вином, наркотическим чадом и развратом в жалких притонах системы Юлюбиса. Вообще-то, в Сепекте, и особенно в Боркиле, имелись бары, курильни и бордели, имевшие репутацию хуже некуда (в Боркиле целый район — Бугитаун был отведен для подобного рода отдыха), но беда в том, что они не принадлежали к остальной части цивилизованной галактики. Фасс как-то в одном из бугитаунских баров-борделей наткнулся на Салууса, но тот был настолько пьян, что даже не узнал друга юности.

Потом Сал встал на путь праведный, подстригся, избавился от нескольких татуировок

и множества знакомых и в начале следующей рабочей недели появился с самого утра в офисе компании, где служащие все еще пребывали в прострации: каждая ложная тревога наводила на них ужас и в любую минуту они ожидали вторжения.

С самого начала всех в системе мучили вопросы: «Зачем?», «Почему нас?», «Что дальше?» и «Только ли нас?».

Может быть, что-то в этом роде уже случилось повсеместно?

Юлюбису понадобится два столетия, чтобы выяснить, была эта атака частью более широких действий или же система стала одиночной целью. Юлюбис был удален от остальных частей галактики не более, чем любая другая система на конце одной червоточины (а значит, несравнимо менее, чем многие сотни тысяч освоивших космос систем, которые еще не были подсоединены — или вновь подсоединены — к Комплексу), но теперь вместе со своей главной планетой Сепекте, тремя крупными обитаемыми лунами, включая Глантин, тысячами искусственных орбиталищ и двадцатью миллиардами душ система Юлюбиса стала такой отдаленной и уязвимой, какой казалась всегда, если бросить беглый взгляд на карту

галактики.

Милиция, военные части Навархии и уцелевшие подразделения Внешней эскадры Юлюбиса отремонтировали технику и перегруппировались. Было объявлено военное положение и введен в действие план на случай чрезвычайных обстоятельств, в результате чего все наиболее передовые производственные мощности системы перешли на выпуск военного оборудования. В итоге компания отца Салууса, «Тяжелая промышленность Кегара», расширилась и достигла оборота, какой и не снился владельцу, а Салуус из беспутного наследника огромного состояния превратился в будущего владельца состояния просто беспрецедентного.

В руководстве системы подумывали — а не соорудить ли Юлюбису собственную червоточину и корабль-носитель, чтобы доставить портал к Зенерре. Но помимо огромных расходов и соображений (поскольку в скором времени начнется доставка портала с другого конца) о напрасной трате времени и средств, которая ничуть не ускорит воссоединение, был и еще один убийственный довод, действовавший, пока власти Зенерре не дали бы высочайшей санкции или не поступили бы данные о коллапсе всей

цивилизации: в Меркатории изготавливать и устанавливать червоточины разрешалось только инженерному корпусу.

Предусматривались суровые наказания для тех систем и правителей, которые хотя бы только приступят к сооружению червоточины без прямой санкции свыше, а согласованный с Меркаторией план действий на случай чрезвычайных обстоятельств в системе Юлюбиса такой санкции не содержал.

Обнаруженные в космосе вокруг точки либрации, где прежде находился портал, немногочисленные обломки кораблей запредельцев свидетельствовали о том, что участники нападения принадлежали к трем группам, вот уже несколько тысяч лет досаждавшим Юлюбису и близлежащему пространству: Трансгрессу, Истинно Свободным и Биальянсу, которые на этот раз объединились, доведя свой флот до невиданных прежде размеров.

Состояние обитателей системы, пребывавших на грани нервного срыва в ожидании вторжения запредельцев, было близким к тому, в котором находились о-земляне, прежде чем стали полноправными членами галактического сообщества.

Сказать, что любая цивилизация, до того как

она вступила в контакт с остальными обитателями галактики и нашла свое место в постоянно меняющейся метацивилизации других существ, в основе своей невропатична, значит ничего не сказать, потому что ранее, когда они искренне считали, что, кроме них в этом мире, возможно, нет никого, все одиночные сообщества были исполнены раздутого чувства собственной значимости и некоего экзистенциального страха перед необозримостью и мнимой пустотой мироздания. Но даже притом, что обитатели системы Юлюбиса знали о существовании остальной галактики (ну хоть в какой-то, на худой конец, форме), их мировосприятие отчасти вернулось к прежнему дообъединительному состоянию.

В условиях военного положения, которое хотя и досаждало, но иногда странным образом щекотало нервы, система Юлюбиса, смирившись со своей неожиданной изоляцией и вновь наступившей уязвимостью, стала жить ближними целями, цепляясь за удовольствия и наслаждения, доступные сегодня, потому что завтра могло и не наступить. Нет, общество не разложилось, сколь-нибудь значительных бунтов или восстаний отмечено не было, хотя протесты случались — и подавлялись — и, как гораздо позднее призна-

ли власти, СОВЕРШАЛИСЬ ОШИБКИ. Но система не развалилась, выстояла, и впоследствии ее обитатели не без ностальгии оглядывались на эту странную, неспокойную эпоху. В этом времени было что-то лихорадочное, но в то же время яркое — воссоединение с жизнью после отрыва от всего остального мира, и в некотором смысле это подозрительно походило на культурное возрождение в пределах системы, которую начинали называть Юлюбисским отъединением.

Фассин, пока шло брожение умов, по большей части отсутствовал — он использовал любую возможность для экспедиций, словно опасаясь, что не сможет заниматься этим в будущем. Даже возвращаясь в реальное время, он был изолирован от крайностей охватившей систему суматохи, от страхов, от невротических выбросов энергии, поскольку предпочитал находиться на Глантине, а не на Сепекте или ее кольцевых орбиталищах; на Глантине же он предпочитал жить в одном из пяти сезонных домов клана, а не в Пирринтипити или других крупных городах планеты-луны. Он по-прежнему путешествовал, иногда уезжал отдохнуть в Пирри или вообще отправлялся за пределы Глантина, что случалось, когда эта новая, необычная атмосфера безумия становилась

особенно напряженной.

Но бóльшую часть времени он проводил на Наскероне, в хрупком маленьком газолете, иногда возвращаясь к нормальной скорости жизни. Он летал с молодыми насельниками, оседлав вместе с ними газовые потоки, его аппарат сотрясали вихрящиеся пояса газового гиганта, окутывающие планету суперветра и шквалистые гипершторма. Иногда же (это случалось чаще и приносило гораздо больше пользы, хотя и не было так захватывающе) он чинно парил в кабинете или библиотеке внутри одного из миллионов наскеронских городов с кем-нибудь из насельников постарше и поученее; вообще-то, насельники были, казалось, единственными обитателями системы, кого совершенно не взволновало уничтожение портала. Редкие из (и без того немногих) вежливых насельников выражали формальное (что-уж-тут-поделаешь) сочувствие, какое обычно выказывают, узнав, что у собеседника скончался престарелый родственник.

Фассин полагал, что глупо ожидать чего-то иного от такой древней, по собственным заявлениям насельников, расы, которая, как считалось, исколесила галактику вдоль и поперек при скоростях, составлявших несчастные проценты от скорости

света (причем задолго до того, как из остатков еще более древнего поколения звезд образовалась планетарная туманность, давшая начало Земле, Юпитеру и Солнцу), и все еще утверждала, что чувствует себя отчасти ущемленной, но не из-за ограниченной скорости перемещения, а из-за скромных размеров галактики, выявленных этими поразительно древними, подчеркнуто неторопливыми путешествиями.

Дни, недели, месяцы, проведенные в ожидании вторжения, превратились в год. Число атак запредельцев отнюдь не увеличивалось — они вообще сошли на нет, словно налет на портал был каким-то последним актом безумия, а не логичным, хотя и расточительным вступлением к войне на завоевание. Годы сложились в десятилетия, и постепенно обитатели системы и ее институты стали дышать свободно, веря, что вторжения может и не последовать. Большинство чрезвычайных сил было распущено, хотя высокая численность армии, которая пребывала в состоянии постоянной боевой готовности, все еще поддерживалась, а сенсоры и патрули постоянно мониторили окружающее пространство вокруг Юлюбиса в поисках опасности, которая вроде бы исчезла.

Во всех направлениях лежала почти ничем не заполненная пустота: бесплодные пространства, вмещавшие несколько древних выгоревших солнц с планетами, на которых отсутствовала жизнь, или вообще без планет, разбросанные там и сям облака газа и пыли, коричневые карлики, нейтронные звезды и другие продукты распада (часть из которых, впрочем, по природным условиям была способна стать средой обитания для каких-нибудь экзотических разновидностей медленных — синктурий и энигматиков, но определенно не годилась для тех видов, которые могли сочувствовать обитателям Юлюбиса или хотя бы понять их судьбы и тревоги). Но нигде не было видно союзников, никого, кто был бы в силах помочь, оказать содействие или поддержку, — и, уж конечно, никаких порталов.

Вдоль по рукаву, почти параллельно нечетким границам галактики, отклоняясь чуть в сторону к сгущающейся массе газа, туманностей и звезд, лежала Зенерре. А между Юлюбисом и галактическим центром распростерлась огромная масса Отъединения; считалось, что в Отъединении, включавшем скопление Эпифания-пять с миллионами звезд, разбросанных на пространстве в несколько кубических световых веков, все еще

существуют миры, которые прежде были частью цивилизованного, пронизанного внутренними связями и сетью ходов сообщества, пока около семи тысяч лет назад не случился Коллапс Артерий, а затем Война новых быстрых и все последовавшие за ней смуты и беды.

Двести четырнадцать лет и двадцать дней спустя после атаки на портал, именно в тот срок, когда он и ожидался, поступил первый сигнал с Зенерре — фронт волны, предшествующий постоянному потоку информации из остальной части объединенной галактики; там, сообщали на Юлюбис, жизнь продолжается, как прежде. Кроме атаки на портал, ничего чрезвычайного не произошло, и дела у Меркатории в целом шли неплохо. Атаки и налеты различных групп запредельцев продолжаются во всему цивилизованному пространству, как не прекращаются и операции против них, но это происходит на обычном, приемлемом уровне, к которому уже успели привыкнуть за тысячелетия Войны с запредельцами, — тактически беспокоящее и досадно опустошительное, но стратегически бесперспективное и разрозненное микронасилие, которое уже назвали Гулом.

Обитатели системы Юлюбиса испытали облег-

чение, недоумение и своего рода обиду: нас-то за что?

Технический корабль «Эст-тоон Жиффир» с порталом на борту вылетел от Зенерре к Юлюбису год спустя после катастрофы и, по расчетам, должен был прибыть на место через триста семь лет, но этот срок постепенно уменьшился до двухсот шестидесяти девяти, поскольку техкорабль увеличил скорость, приблизив ее к световой; инженерам пришлось произвести тонкую настройку систем, которые препятствовали воздействию на портал релятивистских масс корабля и самого портала. Население системы Юлюбиса вздохнуло с облегчением, и последние остатки военного положения были снова скрыты от глаз общественности. Та немалая часть населения, что родилась после разрушения портала, задавалась вопросом — какой станет их жизнь после соединения с остальной галактикой, с той полумифической метацивилизацией, о которой они столько слышали.

Фассин почувствовал, что корабль достиг точки перехода, — давление на его грудь, тело, конечности спало за несколько секунд, и, по мере того как его организм пытался приспособиться к переменам, ощущение угнетенности сменилось

неожиданной вспышкой легкости. Он держал глаза закрытыми; почти сразу же он почувствовал слабое, легкое давление, идущее откуда-то из-под головы, потом снова невесомость, а несколько мгновений спустя кто-то словно потащил его за ноги, и тогда ощущение веса вернулось, давление начало быстро возрастать, пока рев в голове не стих и снова не перешел в отдаленный гул корабельного двигателя.

* * *

Архимандрит Люсеферус постоял перед руинами города, нагнулся и погрузил руку в перчатке в мягкую землю у своих ног, вывернув оттуда горсть почвы. Он поднес ее к лицу, осмотрел, потом приблизил к носу и понюхал, потом уронил комок земли и отряхнул перчатки, не сводя взгляда с огромного кратера на том месте, где прежде располагалась немалая часть города.

Кратер все еще наполнялся из моря, и коричневато-белая вода вытекала из устья. Водопад исчезал в основании кратера, клубясь водяной пылью, скалистая чаша понемногу остывала, водные потоки сталкивались между собой и повсюду поднимался пар. Массивная струя пара толщиной километра три поднималась в спо-

койное, пастельного цвета небо, пронзая тонкое полотно облаков до срединных слоев атмосферы.

Таков был замысел архимандрита: преподать суровый урок планете, где для этого имелись подходящие условия; например, город на берегу моря, сам виновный в сопротивлении либо показавшийся ему, архимандриту, символом чьего-то сопротивления, должен был уподобиться его любимому Джунчу на Лесеуме-9-IV. Если какой-либо народ сопротивлялся ему в ходе завоевания или во время оккупации, этот народ должен был, конечно же, понести наказание, но вдобавок стать и частью чего-то большего, чтобы даже и в смерти, даже в разрушении города быть невольным участником того, что есть на самом деле произведение искусства. Ведь когда смотришь со склона этой вот горы, разве перед тобой не новый залив Фараби? А эта щель, сквозь которую с грохотом, сотрясая землю, ринулся поток воды, — разве она не похожа на Силовой разлом? А эта вздыбившаяся башня пара, что сначала ринулась вверх, а потом склонилась к горизонту, — разве она не похожа на роспись, на его собственную завитушку?

Да, конечно, залив имел форму, чересчур близкую к окружности, а щель представляла собой всего лишь жалкий прорыв в стене кратера, об-

разованной преимущественно устьевым илом и не идущей ни в какое сравнение с огромными, километровой высоты, утесами настоящего Силового разлома. И конечно, пейзажу вокруг этого нового Джунча не хватало великолепного кольца окружающих гор, а эта игрушечная горка, на которой он стоял (со своими адмиралами, генералами и стражниками, покорно ждавшими в отдалении у него за спиной, пока архимандрит насладится зрелищем), откровенно говоря, была лишь жалким подобием вертикального утеса Отвесной цитадели, откуда открывался величественный вид.

Однако художнику приходится иметь дело с той натурой, которая есть под рукой, и там, где недавно на склонах холмов, обступивших устье реки, расстилался многолюдный прибрежный город с огромными зданиями, причалами, волноломами и якорными стоянками (иными словами, город, каким он был почти всегда, невзирая на все так называемые катастрофы, вроде землетрясений, наводнений, сильных пожаров, бомбардировок с моря и воздуха или более ранних вторжений), теперь возникло подобие прекрасного и далекого места, возникла новая дикая красота, возникла площадка для возведения нового города, который

возродится под знаком его, архимандритова, суверенитета, возникла некая (даже) возможность целебного единения с другими народами и местами, склонившимися перед его волей, единения в страдании и в красоте, потому что этот величественный кратер, эта последняя работа, был самым свежим из его творений: еще один бриллиант в ряду, уходящем далеко-далеко, к той вершине изящества, какую являл собой Джунч.

Побеждать и уничтожать мог — если на то была его воля и времена требовали подобной решимости — любой, кому хватало самоуверенности, жестокости и (Люсеферус считал себя достаточно скромным, чтобы признать это) от кого не отворачивалась удача. Способность правильно оценить, что и сколько необходимо уничтожить для достижения нужного эффекта, понимание, когда следует быть жестоким, когда проявлять снисходительность, а когда демонстрировать обманчивую, иссушающую гнев щедрость и даже некоторую видимость юмора, — все это требовало более расчетливого, тонкого, весьма — он не мог придумать другого слова — *цивилизованного* подхода. Он владел таким подходом. Его история говорила сама за себя. А если ты, владея всем этим, идешь еще дальше и используешь

печальную необходимость разрушения, чтобы сотворить произведение искусства, сформировать великолепный зрительный образ, выковать символическое единство… тогда ты переходишь еще выше, на тот уровень, где обыкновенный вояка, обыкновенный политик превращается в творца.

У центральной колонны пара поднимались дымовые щупальца — темные мелкие ветки вокруг огромного бледного ствола, — они отмечали места, куда упали воздушные суда оборонявшихся и где бушевали пожары после землетрясения, вызванного применением кратерного оружия. Художественный вкус, без которого такая работа невозможна, требует создания крутого склона без полного уничтожения всего, что есть вокруг (ведь в конце концов здесь должен вырасти новый, возрожденный город). Чтобы достичь такой точности, требовалось изощренное оружие. Эксперты по вооружению при архимандрите уделяли время подобным деталям.

Архимандрит Люсеферус оглянулся, улыбаясь начальникам штабов, которые почтительно расположились у его ног; вид у них был слегка взволнованный, и немудрено — они находились на свежем воздухе еще одной только что поко-

ренной планеты. (Но разве не радостно было вдыхать этот свежий воздух, невзирая на все его инопланетные запахи? Разве эти странные новые ароматы сами по себе не означали, что к их постоянно растущим владениям прибавилась новая жемчужина?) Над ними и чуть позади гудели, паря в воздухе, ощетинившиеся военные корабли, окруженные небольшими облачками сенсорных и оружейных платформ. Вокруг архимандрита расположилась личная охрана — почти все лежали или стояли на коленях на траве, держа наготове оружие, отливающее матовым блеском. Часть из них в военных экзоскелетах бродили вокруг или сидели на корточках, упираясь плоскими стопами в землю.

У подножия холма, еще за одним кольцом охранников, под бдительным гулом беспилотных флаеров охраны, текла медленная мышасто-серая река беженцев.

Ходульники; бескрылые летучие мыши, вули. Виды, населяющие Меркаторию. Пребывавшие в отсоединении все эти тысячелетия, но тем не менее виды, относящиеся к Меркатории. Люсеферус посмотрел на бледно-зеленое небо, представляя себе ночь, звездные покрывала и одно конкретное солнце (на которое ему указали с орбиты

всего сорок часов назад, когда силы вторжения готовились к первой высадке), которое неуклонно приближалось, по мере того как они с боями прокладывали к нему свой путь; называлось оно — Юлюбис.

* * *

В ярком золотистом воздухе Сепекте, с его боркильской Эквабашней, которая из туманного далека видится тонкой иглой, маленький корабль Навархии приблизился к дворцовому комплексу, проскользнул сквозь древний лес атмосферных силовых колонн километровой высоты и между более скромных, но все же весьма впечатляющих административных и гостиничных башен. Затем он исчез в широком, чуть наклонном туннеле, выходящем на посадочную площадку перед шарообразной громадиной дворца иерхонта — сферой диаметром восемьсот метров, построенной давно скончавшимся Саркомагом по образу Наскерона: отдельные ленты этажей медленно и в разных направлениях вращались вокруг неподвижного ядра. Изменяя цвет то на оранжево-красный, то на коричневатый, то на бледно-желтый, вокруг дворца вились цветовые вихри (точно копируя видимые из космоса

облака газового гиганта), за которыми не были видны балконы и окна, сенсоры и передатчики.

— Майор Таак? Лейтенант Инесиджи, дворцовая стража. Прошу вас, сюда. Как можно быстрее, будьте так добры.

Говоривший, чей голос звучал как у человеческого ребенка, набравшего полный рот металлических шариков, был джаджуэджейном, существом, которое в состоянии покоя напоминало насекомоподобное перекати-поле диаметром шестьдесят или семьдесят сантиметров. Лейтенант Инесиджи вытянулся до двух метров — роста Фассина, собрав множество своих прутиков, темно-зеленых и сине-стальных, в некое подобие открытой головы, похожей на птичье гнездо (хорошо еще, что он не попытался изобразить лицо), и шел на двух стеблях, отдаленно напоминающих ноги. Остальная часть его тела, отливавшая цветами посадочной площадки перед дворцом, представляла собой цилиндр, украшенный ремнями из мягкого на вид материала и маленькими металлическими штучками: они могли быть и ювелирными поделками, и техническими приспособлениями, и оружием.

Фассин повернулся, помахал веселой, словно захмелевшей, Дикогре и сел в коляску вместе с

джаджуэджейном. Они быстро покатили из зоны, где проверяли приехавших, к лифту, а потом извилистым коридором в номер, из окон которого, похоже, открывался реальный вид на город — на северную его часть с бледной неровной кромкой гор вдали. Лейтенант Инесиджи изящным движением поставил багаж Фассина на кровать и сообщил, что у него есть ровно три пятых часа, чтобы освежиться, облачиться в официальную придворную одежду и явиться к наружным дверям, откуда его проводят к аудиториуму.

Фассин отбил в Бантрабал сообщение о своем благополучном прибытии, а затем поступил, как велено.

Шарообразный аудиториум был роскошным и уютным, стены белого золота сверкали под облаком в форме галактики, заполнявшим все пространство под потолком. Облако пронзали яркие огни, имитирующие звезды. Лейтенант Инесиджи показал Фассину место на одном из низких подмостков, вделанных в неглубокую ступенчатую чашу аудиториума. Из пола выдвинулось рассчитанное на человека кресло. Фассин сел в него, не сгибая спины в своей нескладной придворной одежде, и лейтенант каким-то булькающим шепотом сказал ему: «Прошу вас,

оставайтесь на месте, господин майор», потом сделал нечто вроде поклона, повернулся к своей тележке и укатил по пандусу к выходу.

Фассин оглянулся. Аудиториум вполне мог вместить тысячу персон, но их было лишь двадцать пять — тридцать, занявших места словно с таким расчетом, чтобы оказаться как можно дальше друг от друга. Людей (все они, как и Фассин, были в неудобной и довольно вычурной придворной одежде) было больше, чем других видов, но он увидел здесь и джаджуэджейна (увешанный переливчатыми лентами, он то ли спал, то ли отдыхал, свернувшись шаром), двух смотревших на него вулей, которые напоминали два угловатых серых шатра, покрытые серебряными цветами, — один из этой пары двухметровых краснокожих эллипсов парил в воздухе и тоже смотрел на Фассина (даже откровенно указывал на него), другой стоял на своем концевике и либо тоже дремал, либо вытянулся по стойке смирно: Фассин ориентировался в телесном языке многих инопланетных видов, но знания его в том, что не касалось насельников Наскерона, были поверхностны. И наконец, среди инопланетян были три подводных жителя в экологических костюмах — больших, наполненных водой ска-

фандрах; в двух из э-костюмов виднелось что-то похожее на аквамариновых квейапов, и, скорее всего, там находились кускунде, третьим же был матово-черный, излучающий тепло ромб размером с небольшой автобус, в котором наверняка помещался теплосимбиотический ифрагиль.

В центре помещения, в самой низкой его точке, перед рядом широких, высоких концентрических платформ, разрушавших симметрию пространства, находился непонятного вида прибор, похожий на древнюю металлическую кастрюлю для приготовления пищи. Этот черный пузатый цилиндр метра два в диаметре, с плосковатым куполом наверху, помещался на невысокой треноге, установленной на маслянисто-блестящем золотом полу. Поверхность цилиндра покрывали тонкие ребра, но в остальном он имел доисторический вид. Фассин ничего подобного в жизни не видел. Хотя в помещении было тепло, его пробрал озноб.

Квейап, который, как показалось Фассину, спал, вдруг выпрямился, и его боковая мантия покрылась рябью; он повернулся к своему одноплеменнику в тридцати футах от него, который тоже развернулся к нему. На их лицевых фонарях появилась целая гамма выражений, они

двинулись навстречу друг другу и, сблизившись, зависли в воздухе, обмениваясь не словами — выражениями лиц; через несколько секунд с потолка спустился маленький беспилотный наблюдатель и (при помощи голоса с щебетанием и попискиваниями) явно приказал им разойтись по местам. Квейапы проверещали что-то, отвечая дистанционно управляемому аппарату, но разошлись и устремились на свои места.

Не успели они вернуться в прежнее положение, как из боковой двери появились шестеро техников-джаджуэджейнов, — они шли в неудобных, ограничивающих их форму официальных одеяниях из тускло-переливчатых лент, толкая перед собой большие поддоны с каким-то очень сложным по виду оборудованием, которое они расположили неровным кругом за «кастрюлей». Фассин внезапно осознал, что ленты говорят об их принадлежности к Шерифству, и подумал: может ли он, будучи майором, отдавать им приказания? Такая же по величине группа (на сей раз людей — цессорианских жрецов, судя по их одеяниям, хотя парадные одежды заставляли усомниться: может, они были Люстралиями?) приблизилась с противоположного конца зала. Жрецы встали вплотную за техниками, которые, не обращая на

них внимания, занимались наладкой и установкой своего таинственного оборудования.

Наконец в помещение вошла вызвавшая у всех дурные предчувствия группа из восьми солдат — четырех человек и четырех вулей, облаченных в сверкающие силовые доспехи и вооруженных до зубов тяжелым пехотным оружием. Атмосфера в приемной стала другой; настроение ощутимо переменилось — недоумение и ожидание сменились тревогой и даже страхом. Два квейапа обменивались сигналами во все лицо, ифрагиль в своем э-костюме с шипением поднялся с платформы, а два вуля поглядывали то друг на дружку, то на своих облаченных в сияющие доспехи одноплеменников.

Кто привел вооруженных солдат в аудиториум? Может, это ловушка? Может, все они нанесли оскорбление иерхонту? Неужели всех сейчас убьют?

Солдаты встали по стойке вольно, широким кругом обступив представителей Шерифства и Цессории: оружие на изготовку, доспехи застегнуты. Они стояли лицом к прибору в виде черной «кастрюли». Напряженность в помещении заметно ослабла.

Потом несколько платформ за гигантским ци-

линдром и группами функционеров сверкнули и резко ушли в пол, чтобы через несколько мгновений появиться, но уже не пустыми.

Наружное кольцо из людей в белых мундирах — официальных лиц двора, внутреннее кольцо из представителей разных видов — экстравагантно разодетых придворных, наружная часть центральной группы снова из представителей разных видов Доминации, Омнократии, Администратуры и Цессории (Фассин знал большинство из них по новостным программам и нескольким официальным визитам ко двору за прошедшие годы). Все они встали полукругами, в порядке старшинства, в центре же поместилось самое важное существо — сам иерхонт Ормилла, великолепный в отделанном платиной э-костюме дискообразной формы, паривший с жужжанием над самой высокой из платформ; громадное, с разверстым ртом лицо этого темного существа виднелось сквозь алмазное окно скафандра среди вихрящихся потоков алого газа. Костюм семи метров в высоту и трех в ширину превосходил костюмы всех остальных и по размерам, и по импозантности. Скоро он покрылся инеем — влажный воздух аудиториума конденсировался на его переохлажденной поверхности.

Когда появились иерхонт и его свита, кресло Фассина предупреждающе завибрировало и начало погружаться назад, в платформу под ним. Фассин понял намек, встал и поклонился, остальные гости в приемной, каждый на свой лад, сделали то же самое. Гигантский скафандр чуть опустился, так что его основание коснулось платформы, и кресло Фассина снова плавно поднялось.

Иерхонт Ормилла был ирилейтом — обитателем газового гиганта, но (важное отличие для всех заинтересованных лиц) не насельником, хотя, возможно, в своем костюме-скафандре и был похож на такового. Ормилла правил системой Юлюбиса со времени его утверждения в этой должности почти шесть тысяч лет назад, задолго до того, как сюда прибыли люди, составлявшие ныне бóльшую часть населения системы. Умелый, хотя и лишенный воображения правитель, в рамках компетенции иерхонта, установленных внутри Меркатории, он действовал осмотрительно, разумно и в некоторых случаях даже с известной долей сострадания. Его правление после уничтожения портала, по оценкам официальной прессы, являло собой потрясающий образец головокружительного величия, героиче-

ской, беспримерной силы духа и трогательной, стойкой солидарности с его человеческой паствой. Недоброжелательные, неофициальные и чаще всего принадлежащие к человеческой расе критики могли бы обвинить его в изначальной предрасположенности к авторитарным методам и даже в параноидальной склонности к репрессиям, правда впоследствии он снова стал слушать своих советников, заняв более сдержанную и терпимую позицию.

Внимательнее присмотревшись к присутствующим важным персонам, Фассин понял, что вся верхушка более или менее в сборе. Кроме самого Ормиллы, двух первых заместителей иерхонта, Перегалса Тлипейна и Эмоэрта, в числе свиты были старший член Пропилеи, оставшийся в живых после уничтожения портала, субмастер Сорофьеве, старший офицер Навархии, адмирал флота Бримиэйс, генерал стражи Товин, первый секретарь администратории Хьюипцлаггер, полковник Сомджомион из Шерифства (на время настоящего чрезвычайного положения — мой главный начальник, подумал Фассин) и владетельный администратор Цессории Вориель. Элита из элит.

Фассин посмотрел на «кастрюлю», стоящую на

золотом полу, на тяжеловооруженных солдат и подумал, что для того, кто пожелает уничтожить верхушку системы, это самый подходящий момент.

— Открывается чрезвычайная сессия Меркаторийского двора Юлюбиса, в присутствии иерхонта Ормиллы! — раздался в громкоговорителях оглушительный голос чиновника. — Иерхонт Ормилла! — прокричал чиновник еще раз, словно опасаясь, что не все расслышали.

Чиновник говорил на человеческой разновидности стандарта, всеобщего галактического языка. Стандарт был избран межвидовым пангалактическим языком более восьми миллиардов лет назад. Основными его распространителями были насельники, хотя они непременно подчеркивали, что это не их родной язык. У них был свой очень древний неофициальный разговорный язык и еще более древний — официальный, а кроме того, множество языков, каким-то образом сохранившихся с совсем древних времен или же придуманных позже. Эти новые языки становились модными и выходили из употребления, как это всегда и случается.

— Нет-нет, тут была конкуренция, — объяснял Фассину сотни лет назад, во время его первой

экспедиции, проводник-наставник Айсул. — Обычное дело; жестокая конкуренция со стороны так называемых универсальных стандартов. После одного лингвистического разногласия как-то раз даже случилась полномасштабная война (между видами вязких и п'лайнеров, если память мне не изменяет), и реакция последовала тоже вполне обычная — следствие, отправка дознавателей, заседания, доклады, конференции, встречи на высшем уровне. Тот язык, который мы называем стандартом, был выбран после нескольких столетий исследований и споров в рамках колоссального и неуправляемого комитета, составленного из представителей многих тысяч видов, по меньшей мере два из которых успели полностью вымереть за время дискуссии. Как это ни удивительно, он был выбран благодаря его достоинствам, потому что был почти идеальным языком — гибким, описательным, бесцветным (не знаю, что уж это значит, но явно что-то важное), точным, но податливым, изящно исчерпывающим, но в то же время восприимчивым к иноязычным терминам и с необыкновенно свободной, но логически обусловленной связью между письменной и разговорной формами, которые легко и аутентично воспринимали лю-

бой ряд фонем, сцинтов, глифов или пикталей, оставаясь при этом вполне переводимыми. Но самое главное, что он никому не принадлежит; тот вид, который его изобрел, благополучно вымер несколько миллионов лет назад, не оставив никаких законных наследников или сколь-нибудь заметного следа в галактике, кроме этого единственного языкового бриллианта. Но что еще более удивительно, собранная впоследствии конференция для одобрения выбора мегакомитета прошла без сучка без задоринки и одобрила все надлежащие рекомендации. Принятие и внедрение были быстрыми и всесторонними. Стандарт стал первым и пока что единственным воистину всемирным языком всего за несколько поколений среднебыстрых. Кроме того, был установлен стандарт для панвидового сотрудничества, которому с тех пор все стараются подражать. Это, однако, не означает, что все и повсюду безоговорочно любят этот язык. В частности, среди моего вида по сей день продолжается сопротивление стандарту: некоторые одержимцы, а также малые и довольно большие группы и сети энтузиастов постоянно предлагают новые и, по их уверениям, еще более удобные всемирные языки. Некоторые насельники упорствуют в том, что стандарт

возмутительным образом навязан извне, что он — символ нашей малодушной капитуляции перед галактической модой. Такие личности склонны говорить на древнем официальном. Или по крайней мере говорят в тех случаях, когда еще не успели изобрести свой собственный, обычно абсолютно невразумительный язык.

Фассина в его первой экспедиции сопровождал сам дядюшка Словиус, для которого эта экспедиция весьма кстати оказалась последней.

— Крайне типично, — сказал тогда дядюшка. — Только насельники могли устроить абсолютно честное соревнование восемь миллиардов лет назад и до сих пор продолжать спорить относительно результатов.

Фассин улыбнулся этой мысли и оглядел гигантское помещение, в котором слова чиновника отдавались эхом и затухали в драгоценных металлах и роскошных костюмах. Он подумал, что все это очень впечатляюще, но на пошловатый, чуть ли не вульгарный манер. Сколько, спрашивал он себя, придется им вынести этих утомительных церемониальных обрядов и пышных речей, прежде чем будет сказано или сделано что-нибудь заслуживающее внимания. Он быстро пересчитал присутствующих. Их было

как минимум раза в два больше тех тридцати, о которых говорила представительская проекция.

Из платформы на стержне появился сенсорный экран и, остановившись перед ним, ожил; включились функции поиска и текстового набора — но никакой аудио- или видеозаписи. Фассин набрал символ, подтверждающий его присутствие. Другие приглашенные также отметились — на сенсорных экранах или аналогах, своих для каждого вида.

— Вас пригласили сюда, чтобы вы присутствовали при передаче сигнала с технического корабля «Эст-тоон Жиффир», — спокойно произнес низкий синтезированный голос Ормиллы. — Нас известили, что сигнал этот по необходимости будет иметь форму ИР-конструкта, который надлежит уничтожить по завершении приема.

Ормилла помолчал, чтобы его слова дошли до всех. Фассин подумал, что он неправильно понял иерхонта.

— То, как вы воспользуетесь полученной информацией, вопрос вашего долга и совести, — сказал им Ормилла. — Но то, каким образом вы ее получили, ни к долгу, ни к совести отношения не имеет; любое разглашение сведений, касающихся формы сигнала, наказывается смертной

казнью. Начинайте.

ИР? Машина, наделенная сознанием? Эта мерзость? Неужели они серьезно? Фассин никак не мог в это поверить. Вся история Меркатории — это история неумолимого преследования и уничтожения ИР, непрерывных, методичных усилий с целью не допустить их возрождения в цивилизованной галактике. Для этого и существовали Люстралии — охотники за ИР, безжалостные, фанатичные преследователи машинного разума и любых исследований в этом направлении, и тем не менее сейчас они спокойно взирали на эту «кастрюлю» и техников вокруг нее.

В воздухе над темной машиной в центре помещения замерцал полупрозрачный образ. Это была голограмма человека мужского пола, одетого в форму адмирала Объединенного флота. Фассин и не подозревал, что кто-то из представителей его вида может подняться до таких внушительных высот. Адмирал был немолод, хорошо сложен, лицо его бороздили морщины. Его, конечно же лысый, череп густо покрывали татуировки. На нем был адмиральский полевой мундир космических сил, шлем убран в пазы у ворота. Знаки различия на мундире во весь голос кричали о том, что адмирал — очень важная во флотской

иерархии персона.

— Благодарю вас, иерхонт Ормилла, — сказал образ, а потом словно посмотрел прямо на Фассина.

Тот даже успел испугаться, прежде чем сообразил, что всем присутствующим в помещении, видимо, показалось, что адмирал смотрит прямо на них. По крайней мере, Фассин очень на это надеялся.

— Я представляю адмирала Квайла из Объединенного флота и командую Третьей средней эскадрой военного флота, сопровождающей техкорабль «Эст-тоон Жиффир» под командой адмирала флота Кисипта на его пути к системе Юлюбиса, — сказала проекция спокойным деловым голосом.

«Военного флота?» — подумал Фассин. Никто не посылает военный флот сопровождать техкорабль, доставляет он портал или нет. Разве не так? Обычно вместе с техкораблями идут несколько кораблей охраны или одно-два подразделения Вооруженных сил Навархии плюс один небольшой корабль Объединенного флота — иногда для церемониальных целей. Фассин не был специалистом в военных делах, но такие вещи знал даже он — из новостей о недавних,

по местному времени, соединениях и воссоединениях. Он внимательно посмотрел на военных на полукружье подиума. Да, видимо, эта новость удивила и их тоже.

— Я должен довести до вас информацию и приказы, — сказала голограмма. — После чего отвечу на вопросы. После чего буду уничтожен. Сначала информация. Полученные нами разведданные с большой долей вероятности указывают на то, что система Юлюбиса в течение года, а возможно, и нескольких месяцев с момента поступления этого сигнала подвергнется полномасштабной агрессии со стороны звездного скопления Отъединение Эпифания-пять.

Голограмма помедлила, словно прислушиваясь. В помещении воцарилась мертвая, потрясенная тишина, однако Фассин не услышал ни выкриков, ни каких-либо выражений страха или недоверия.

Он оглядел присутствующих в аудиториуме, пытаясь понять, для него ли одного новость была неожиданностью. Лицевые мерцания квейапов; вули обменялись пристальными взглядами; возможно, широко раскрыли глаза несколько техников, находившихся около машины ИР. Некоторые из наиболее экспансивных придворных

казались немного ошарашенными. Возможно, чуть шелохнулся э-костюм ифрагиля. Рука Фасcина потянулась к сенсорному экрану, но там засветилась диаграмма галактического пространства поперечником около тысячи световых лет с центром в звездном скоплении Эпифания-пять — массе звезд числом в несколько миллионов, лежащей в стороне от изолированного пучка солнц, ближе к центру галактики. У оконечности изолированного пучка и находился Юлюбис.

— Вероятность того, что ко времени прибытия этого сигнала вторжение уже состоится, наши стратеги оценивают приблизительно в шесть процентов. — Голограмма оглядела аудиториум и улыбнулась. — Я рад, что этого не случилось. — Улыбка исчезла с его лица. — С другой стороны, когда записывался оригинал этого сигнала, я надеялся, что смогу вам сказать: до вторжения остается три — пять лет. Но после моего воплощения здесь я получил доступ к некоторым собранным вами разведданным реального времени, оценив которые пришел к выводу, что для подготовки у вас остается меньше времени, чем я ожидал.

Образ сделал короткую паузу.

— Уже было известно об агрессивной экспан-

сии Отъединения Э-пять. Мониторы глубокого сканирования космоса несколько сотен лет фиксировали в системе Лесеума взрывы оружия восьмого уровня мощности. — Образ оглядел приемную. — Иными словами, космические сражения с применением многомегатонного ядерного оружия. Имеются все признаки режима-изгоя, возможно под гегемонией человека, который называет себя архимандритом Люсеферусом. Когда-то он состоял в Цессории, хотя и в ранге хариолатора, а не архимандрита, так что, похоже, он сам себя повысил. Как бы то ни было, полагаю, что мы в настоящее время можем считать его вероотступником. — Голограмма улыбнулась одними губами. — Система Лесеума до недавнего времени оставалась последней подсоединенной частью региона Эпифания-пять. Однако и этот портал был уничтожен во время малой операции сил Разброса, и, таким образом, все это пространство оказалось отрезанным от цивилизации.

Едва заметная улыбка исчезла с его губ.

— Через десять дней после отправки этого сигнала силы вторжения с Отъединения Э-пять в составе нескольких сотен тяжелых кораблей плюс эскорт и транспортники с войсками ата-

ковали систему Ронтрил, расположенную по направлению к центру галактики, считая от звездного скопления Э-пять. Мы полагаем, для них оказалось неожиданностью, что система Ронтрил только что получила новый портал и была подсоединена к Меркатории. Прежде она не была частью комплекса, что, возможно, и объясняет ошибку в расчетах. Как бы то ни было, но во время атаки сил Э-пять присутствовали подразделения Объединенного флота. Атака была отбита с тяжелыми потерями для обеих сторон.

В это мгновение Фассин увидел нечто вроде выражения испуга на лицевых частях адмирала флота Бримиэйса.

— Да, — сказал образ, словно в ответ на чей-то вопрос. — Для нас, откровенно говоря, это тоже было неожиданностью, и потому наш флот там был столь малочислен. Но еще более огорчительно, что портал в ходе атаки был уничтожен.

Здесь непроницаемое лицо адмирала флота Бримиэйса, квейапа, приобрело выражение (если только Фассин правильно вспомнил значения лицевых — или эквивалентных — выражений и телесного языка видов Меркатории из прослушанного в колледже начального курса), соответствующее сконфуженному потрясению.

— Но до этого, — продолжала голограмма, — с захваченного вражеского флагмана по Комплексу были переданы разведданные. Они включали послужной список персоны, эквивалентной гранд-адмиралу, — верховного главнокомандующего флота вторжения, в каковом списке командующий для потомства или мемуаров сообщал о своем недоумении в связи с тем, что бóльшая часть огромной военной машины, принадлежностью к которой он так гордился, направлялась не туда, где смогла бы эффективно применить свою силу или способствовать захвату максимально большого количества систем за минимальное время, иными словами, туда, где имелось больше всего звезд, — по галактической спирали, назад, вверх, вниз и в особенности внутрь, а в направлении, противоположном этим областям, к практически пустым галактическим окраинам, к Южным Щупальцевым рифам, Четвертичному потоку и системе Юлюбиса, или, как он красочно выразился, к «побывавшему в жопе и изгвазданному говном пальцу на конце иссохшей руки».

Фассин чуть не прыснул. Большинство официальных лиц на главной церемониальной платформе изобразили потрясение, ужас или

оскорбленное достоинство — в том или ином виде. Э-костюм иерхонта подался на полметра назад, словно от физического удара.

Образ воспользовался этим временем, чтобы обвести помещение взглядом:

— Да, не очень прилично. Приношу извинения. Вы будете рады узнать, что автор этой запоминающейся метафоры в настоящее время помогает Инквизитратуре разведки Объединенных сил найти ответы на интересующие ее вопросы.

Фассин увидел, как на некоторых лицах появилось чуть деланое удовлетворение. «Они и в самом деле ничего этого раньше не знали», — подумал он. Он-то полагал, что иерхонт и его приближенные удостоились хоть какого-то предварительного просмотра, но теперь он видел, что для них все это такая же новость, как и для него.

— Кроме того, у нас, конечно же, есть модель действий по предвторжению, предпринятых Отъединением Э-пять при попытке завоевания системы Ронтрил, — сказала голограмма. — А также модель нападения на несколько других систем со стороны тех же смешанных сил. Размышления командующего флотом вторжения дают все основания полагать, что Юлюбису угрожает серьезная опасность. Сравнение модели действий перед

вторжением на Ронтрил с недавними рейдами и другими враждебными действиями в системе Юлюбиса позволяют сделать вывод, что угроза близка и может быть реализована в период от нескольких месяцев до полутора лет. У нас имеется проверенная временем модель агрессивных действий запредельцев, и удары по системе Юлюбиса в течение трех последних лет несовместимы с этой моделью.

Фассин подумал, что эти слова — камень в огород их разведки и стратегических служб, в особенности служб Навархии. Вид у адмирала флота Бримиэйса был нехарактерно смирный, словно он старался не привлекать к себе излишнего внимания. Услышанное свидетельствовало и о том, что имело место очевидное замалчивание. Как и Верпич, Фассин считал, что «несовместимые» действия начались около года назад, но этот ИР получил доступ к информации о том, что они имели место еще двумя годами ранее. Что ж, это никого не должно удивлять. Люди давно уже не ждали от властей никаких других сведений, кроме подслащенных, разжеванных, — и привычно их игнорировали. Подозрения у них возникали лишь при виде того, что казалось чистой, неприукрашенной правдой.

— У меня есть и еще кое-какая информация, — сообщил собравшимся образ над «кастрюлей». — Но я чувствую, что некоторым из вас уже не терпится меня порасспрашивать, и потому в данный момент я бы хотел выслушать ваши вопросы насчет только что услышанного. Кстати, представляться нет необходимости — я знаю вас всех.

Все посмотрели на иерхонта, который любезно прогудел:

— Машина, каков процент вероятности этого вторжения?

Этот первый вопрос не произвел на голограмму особого впечатления. Она даже испустила что-то вроде вздоха.

Фассин слушал ответ вполуха и уделил еще меньше внимания следующим вопросам и ответам — ни один из них не добавил ничего существенного к уже сказанному, а вопросы в основном звучали так: «Ты уверена?», «Ты, случайно, не спятила?», «Ты не врешь, мерзкая машина?». И еще: «Ведь меня-то не в чем обвинить, да?»

Фассин воспользовался экраном, чтобы получить представление о топографии этого района галактики. Он вызвал удобно масштабированную голограмму и дал задание привести существовав-

шее до сего дня представление о сферах влияния (не отвечающее реалиям вот уж два с половиной века) в соответствие с теми данными, что пришли вместе с сигналом ИР, отвечающим реалиям всего семнадцатилетней давности. Когда он сделал это, огромное количество звезд поменяло окраску с одного условного цвета на другой, указывая, на какое космическое пространство распространила свою власть гегемония звездного скопления Отъединение Эпифания-пять.

— …Сопротивляться им всей нашей мощью! — проревел адмирал флота Бримиэйс.

— Я не сомневаюсь, что именно это вы и сделаете, — сказала голограмма. — Однако все говорит о том, что, если даже вы объявите полномасштабное чрезвычайное положение и в условиях жесткой военной экономии переведете всю промышленность на строительство военных кораблей, за силами вторжения останется многократное численное превосходство.

Адмирал Бримиэйс издал громкий, угрожающий рев.

У Фассина тоже возник вопрос, но только не к голограмме, а к себе. У него было неприятное ощущение, что ответ на этот вопрос поступит очень скоро, хотя он искренне надеялся, что этого

все же не случится. А вопрос звучал так: *Какое все это, черт побери, имеет отношение ко мне?*

— Позвольте мне продолжить? — сказал образ после того, как вопросы стали сменяться утверждениями о невиновности выступающих, призывами к героической решимости, заявлениями в защиту чести мундира и нападками на других присутствующих функционеров, сильно разнящимися по степени завуалированности, но с преобладанием более грубых. Голограмма улыбнулась едва заметной печальной улыбкой. — Я понимаю, что услышанное вами оказалось для каждого шоком. Однако на самом деле это лишь преамбула к самой важной части послания.

Образ адмирала Квайла сделал паузу, чтобы слушатели в полной мере осознали сказанное:

— Итак, среди вас есть один господин, который вот уже некоторое время задает себе вопрос: а какое я имею отношение ко всему этому?

«Черт», — успел подумать Фассин, и образ тут же перевел взгляд на него. Неужели он теперь и в самом деле смотрит на Фассина? Или каждый тоже думал, что голограмма смотрит именно на него? Головы или другие соответствующие голове части тела повернулись в его направлении. Это, видимо, означало, что речь все же идет о нем.

— Наблюдатель Фассин Таак, покажитесь присутствующим.

Кровь зашумела в ушах Фассина, когда он встал и медленно, чтобы не сказать слегка, поклонился иерхонту. У него снова начинался этот приступ, когда кажется, будто ты уменьшаешься в размерах. Помещение словно стало крениться, и он был рад поскорее сесть на свое место. Он попытался не пустить на лицо румянец, который скапливался у него под горлом.

— Наблюдатель Таак — молодой человек, хотя и родился несколько сотен лет назад, — сказал образ. — Он весьма усердно и продуктивно работал с насельниками газового гиганта Наскерон. Насколько я понимаю, многие из вас уже слышали о нем. В настоящее время он по причинам, которые станут ясны позднее, получил звание майора в Шерифской Окуле.

Фассин, чувствовавший, что на него устремлено множество глаз, заметил, что полковник Сомджомион, женщина, исполнявшая должность начальника штаба отделения Шерифства в системе Юлюбиса, осторожно улыбнулась ему с подиума на другой стороне помещения, когда прозвучали эти слова. Не зная, воспринимать ли это как приветствие от Шерифства, Фассин слегка

приподнялся на своем месте и суховато кивнул.

«Черт», — промелькнуло у него в голове.

Образ, воспаряющий над «кастрюлей», сказал:

— Наблюдатель — майор — Таак находится сегодня в этом зале и выслушивает то, что я имею сообщить вам, поскольку именно он открыл, а точнее — при полном моем уважении к наблюдателю Тааку, — просто натолкнулся на то, что стало причиной моего появления здесь.

«Черт, я всегда знал, что экспедиции сведут меня в могилу, но думал, что из-за отказа оборудования, и уж никак не предполагал ничего подобного». С другой стороны, улыбка полковника Сомджомион была сдержанной, даже заботливой, а не злобной и не издевательской. «Может, еще и поживем».

— Что, конечно же, заставляет меня сказать об истинной или по меньшей мере самой неотложной причине моего визита в этой практически беспрецедентной форме, — сказала голограмма, потом изобразила, что набирает полные легкие воздуха.

Проекция неторопливо оглядела всех присутствующих, прежде чем сказать:

— Не сомневаюсь, мы все согласимся, что Юлюбис — приятная и довольно привилегированная

система.

Голограмма снова сделала паузу.

Фассин, старавшийся теперь не упустить ни слова, кажется, впервые в полной мере понял подлинный смысл старинного выражения «мертвая тишина».

— И безусловно, — с лучистой улыбкой сказала проекция, уверенная теперь во всеобщем внимании, — в качестве центра исследований насельников ваша система не лишена всегалактического значения как с исторической, так и с интеллектуальной точки зрения. — Еще одна пауза. Фассину пришло в голову, что ИР, контролирующий голограмму, вполне мог бы в этом месте заставить изображение подмигнуть. — Однако вполне естественным может показаться вопрос — и опять при полном моем уважении и, надеюсь, отсутствии каких-либо обид, — почему Юлюбис привлек внимание нашего новообретенного противника из звездного скопления Эпифания-пять. Кто-нибудь может — зная, что Меркатория отдает приоритет проблемам воссоединения со всем великим множеством систем, не имевших доступа к артериям в течение всех этих тысячелетий, — даже задуматься: почему экспедицию с новым порталом отправили из

Зенерре на Юлюбис с такой поспешностью, притом что высказывались — пусть и небесспорные — соображения, согласно которым более населенные, более важные стратегически и более — в то время — уязвимые системы требовали внимания, ресурсов и знаний наших досточтимых коллег из Инженерной службы. Можно вдобавок задуматься и о том, почему техкорабль «Эст-тоон Жиффир» сопровождается теми подразделениями Объединенного флота, которыми имеет честь командовать мой оригинал, и почему вообще техкорабль «Эст-тоон Жиффир» сопровождается таким мощным эскортом. — Голограмма подняла голову и снова оглядела присутствующих. — Возможно, есть даже некоторые основания усомниться, казалось бы, в неоспоримых предположениях и общепринятых выводах насчет уничтожения портала Юлюбис запредельцами более двух столетий назад.

Фассин заметил, что эти слова вызвали некоторое движение в аудиториуме. «Неужели это тоже имеет отношение ко мне, к тому, что я, возможно, обнаружил? — подумал он. — Чем больше я слушаю, тем сильнее мне хочется надеяться, что это не так».

— Есть одно обстоятельство, один сопутствую-

щий фактор, — сказал образ с широкой невеселой улыбкой и неким подобием удовольствия, — который, как мы почти уверены, стоит за всеми этими событиями. — Проекция повернулась и посмотрела прямо на иерхонта Ормиллу. — Я вынужден настаивать на том, чтобы те, кто не получил специального допуска на это заседание, покинули зал. Я полагаю, исключение может быть сделано для военных, при условии выключения их ушных микрофонов, но я нарушу приказ, если буду продолжать в присутствии тех, кто не был приглашен.

– *Адмирал* Квайл, — взревел иерхонт, налегая на слово «адмирал», — я *лично* ручаюсь за всех тех из присутствующих, кто по чистой оплошности не был включен в список, на который вы ссылаетесь. Можете продолжать.

— Если бы это зависело от меня, я имел бы теперь более чем основательные причины продолжать без оговорок или опасений, — сказала проекция адмирала. — Однако, как я ни огорчен перспективой пусть даже в малейшей степени нанести оскорбление вашей достопочтенной свите, мне строжайшим образом запрещено продолжать в таких обстоятельствах, и я не могу игнорировать приказание Совета комплекторов.

«Ух ты», — подумал Фассин. Он испытывал к иерхонту чуть ли не сочувствие. Тому не только указали на его место, но еще и унизили. Саркомаг был старше иерхонта и подчинялся в свою очередь одному из комплекторов, который, хотя и обладал огромными полномочиями в осуществлении и распределении власти внутри цивилизованной галактики, должен был по меньшей мере считаться с волей Совета комплекторов. Несказанно всемогущие члены Совета комплекторов не были ограничены ничем, кроме законов природы, и считалось, что они тратят значительные усилия с целью обойти и это единственное ограничение.

Иерхонт Ормилла выдержал удар не без изящества, и через несколько минут аудиториум вполовину опустел. Ступенчатые ряды подиумов перед внушительным э-костюмом иерхонта теперь оголились. Все чиновники двора и придворные удалились, недовольно бормоча, и разными способами демонстрировали свое оскорбленное достоинство с таким негодованием, какого Фассин еще не видел. Военные шишки остались, но даже их ряды на подиумах поредели, когда полковник Сомджомион из Окулы и владетельный администратор Цессории Вориель

сошли на уровень пола, чтобы иметь возможность манипулировать двумя самыми важными приборами, контролирующими «кастрюлю» ИР. Солдаты в блестящих, как зеркало, доспехах, с оружием, встали по стойке вольно, образовав широкий полукруг сзади; теперь, с отключенными наушниками, они оглохли.

Пока все это происходило, Фассин был предоставлен сам себе — сидел, не зная, что ему и подумать. Он знал, что́ ему следовало думать; ему следовало думать: «Что же это за херовину мне повезло найти, чтобы тут сверху донизу всех поразила такая паранойя секретности?» Но на самом деле знать, что́ тут нужно думать, было трудновато. Он также знал, что́ ему следует чувствовать, — страх. И тут все было в порядке. Чего-чего, а душевного трепета перед высокопоставленными военными у него хватало.

— Спасибо, — сказал образ адмирала. — Итак, — он оглядел оставшихся, — у меня для вас есть вопрос. Что вам известно о такой вещи, как насельнический список? — Он поднял руку. — Вопрос риторический. Можете не отвечать. При желании можете справиться у своих экранов или их эквивалентов. Не торопитесь.

Послышался шорох — присутствующие делали

запросы.

«Насельнический список? — подумал Фассин. — Вот черт! Только бы не эта лабуда!»

Голограмма улыбнулась:

— Позвольте мне в свое время сказать вам, что́ мы на нашем конце — в момент создания и записи этого сигнала и проекции — считаем важным касательно данного предмета.

Фассин, конечно же, слышал о насельническом списке. Все наблюдатели знали о нем. К несчастью, слухи об этом списке просочились в широкую публику, породив таким образом еще один из набивших оскомину больных вопросов (бородатых клише типа: «А что, насельники и вправду охотятся на собственных детей?» или «Они что, и в самом деле такие старые, как говорят?»), обычно задаваемых наблюдателям на вечеринках.

Насельнический список представлял собой перечень координат. Он обнаружился, судя по всему, к концу Войны взрывов — четыреста миллионов лет назад — и уже тогда, видимо, устарел. В списке якобы перечислялись тайные порталы артерий, созданные самими насельниками. Ходили слухи, что сеть насельнических порталов развивалась со времен Долгого коллапса, когда

насельники решили, что другим видам (или группам видов), с которыми они вынуждены делить галактику, не стоит доверять, если они хотят сохранить в своем владении, единоличном или совместном, сеть ходов. А потому насельникам лучше соорудить собственную сеть артерий и самим контролировать ее (лучше всего, чтобы никто об этом не узнал), если они хотят путешествовать с одного газового гиганта на другой надежно и без суеты.

Все это, конечно же, не учитывало отношения насельников ко времени, пространству, масштабу и в той или иной мере — ко всему остальному. Насельникам вовсе не нужна была сеть ходов и, как следствие, почти мгновенное перемещение из системы в систему. Продолжительность жизни насельника составляла миллиарды лет, он мог замедлять свой обмен веществ и мысли до такой степени, что путешествие в тысячу, десять тысяч или сто тысяч лет могло превратиться в ночь сна или занять время, необходимое для прочтения книги или для партии в какую-нибудь сложную игру. Кроме того, насельники и так уже были повсюду; они заявляли, что расселились по всей галактике в ходе Первой эпохи диаспоры, закончившейся, когда Вселенной было лишь два

с половиной миллиарда лет. Даже если они и привирали (насельники были склонны к преувеличениям), оставалось неоспоримым фактом, что с незапамятных времен насельники в немалом числе присутствовали на более (намного более) чем девяноста девяти процентах всех газовых гигантов галактики. (Хотя их, как выяснилось, не было на Юпитере; этот газовый гигант на задворках владений человечества отличался от других тем, что был сравнительно беден водой. Насельники считали его планетой-пустыней и посещали редко.)

Проведя несколько веков реального и десятилетия мнимого времени с насельниками, Фассин был вполне убежден, что они презирают быстрых (виды вроде людей и других жителей Меркатории, которые испытывают потребность в червоточинах) и одновременно сочувствуют им.

С точки зрения насельников, быть быстрым означало жить скоротечной жизнью и обречь себя на ранний конец. Жизнь имела неизбежную траекторию, естественную кривую. Эволюция, развитие, прогресс — все это двигало наделенные разумом виды в определенном направлении, вы могли лишь сделать выбор: бежать вам по этой дороге или тащиться по ее обочине. Медленные

не спешили, приспосабливались к данному масштабу галактики, к ее естественным границам, к существующей Вселенной в целом.

Быстрые же были убеждены, что дорогу нужно срезать, и, казалось, были исполнены решимости изогнуть саму ткань пространства, подчинив ее своей безумной, нетерпеливой воле. Когда они проявляли изобретательность, им удавалось претворить в жизнь свои желания, но тем самым они приближали свой конец. Они жили скоро и скоро умирали, оставляя на небосклоне неожиданный, величественный, но быстроисчезающий след. Насельники, как и другие медленные, хотели жить подольше, а потому были готовы подождать.

Так что никто не мог взять в толк, зачем насельникам понадобилось строить тайную сеть ходов; загадкой оставалось и то, как они сумели сохранить это в тайне на протяжении сотен миллионов лет, не говоря уже о том, как это согласовывалось с довольно очевидной изоляцией одного сообщества насельников от другого.

И тем не менее миф о насельническом списке продолжал волновать умы людей вообще и конспирологов в частности, особенно во времена опасностей и отчаяния, когда очень, очень хотелось думать, что тайная сеть ходов и в самом

деле существует.

Фассин соглашался с учебниками в том, что список не случайно появился впервые во время Войны взрывов, когда все галактическое сообщество, казалось, распадалось на части и люди повсюду искали спасения, луча надежды. Тогда общее число порталов артерии сократилось с прежних тридцати девяти тысяч (рекорд того времени) до менее тысячи. В самой нижней точке Третьего хаоса во всей галактике оставалось менее сотни червоточин, и насельники не вышли тогда с предложением ко всем воспользоваться их тайной системой. Если этого не случилось в то время, когда свет цивилизации, казалось, готов был полностью исчезнуть из большой линзы, то когда же? Нелепой представлялась сама мысль о том, что насельники вдруг примчатся спасать вас.

Список во многом привлекал и соблазнял своими масштабами. В нем содержалось более двух миллионов пар предполагаемых координат порталов, что давало около миллиона ходов, судя по всему объединенных в гигантскую сеть. В эпоху расцвета Третьего комплекса, восемью тысячами лет ранее, существовало ровно 217 390 ходов, связывавших галактику воедино, и, насколько

было известно, этот максимум так никогда и не был превзойден. Если насельнический список и в самом деле перечислял существующие порталы и артерии, то он обещал невиданные в истории галактики перемены: установление связи между двумя миллионами систем, многие из которых еще никогда не подключались к Меркатории, возможность попасть в любую точку галактики (самая далекая и бесконечно периферийная звезда оказывалась всего в десяти — двадцати годах пути от ближайшего портала), почти мгновенное возрождение (в масштабе, неслыханном почти за двенадцать миллиардов лет существования живучей, но периодически затухающей цивилизации) всеохватного галактического сообщества.

Фассин и почти все его коллеги-наблюдатели считали, что эта надежда несбыточна. Насельникам не было нужды демонстрировать какие-либо признаки того, что они пользуются червоточинами. Будучи насельниками, они, естественно, заявляли, что являются специалистами по технологии порталов и артерий и, конечно, ничуть не боятся пользоваться ходами — просто не видят в них необходимости… а если они когда-то и были всерьез заняты постройкой червоточин, то эти дни давно миновали. В любом случае сам список

(который имелся в библиотеках и хранилищах, был размножен за прошедшие сотни миллионов лет в неимоверных количествах и доступен любому, имеющему выход в базы данных) еще не был финальной точкой в этой истории — он только давал приближенные координаты двух миллионов газовых гигантов в двух миллионах систем. Требовалось определить более точное местоположение входов и выходов червоточин.

Наиболее очевидными местами поиска были точки либрации, или троянские точки, — гравитационно устойчивые пункты на орбитах или в межорбитальном пространстве различных планет данных систем. Однако эти сведения были давным-давно уничтожены. После чего все стало куда сложнее. Теоретически устье хода могло находиться на любой устойчивой орбите в любом месте системы, и обнаружить его было невозможно, если только вы не упирались в него лбом. Рабочие порталы имели ширину около километра и эффективную массу в несколько сотен тысяч тонн, тогда как подвергнутый усадке, стабилизированный и запрограммированный на сохранение этого состояния портал с помощью относительно простых автоматических систем мог располагаться на орбите практически в лю-

бом месте, даже в облаке Оорта системы, оставляя гравитационный отпечаток весом менее килограмма. Проблема состояла в том, как описать его местонахождение.

Предположительно существовал дополнительный набор координат или даже некая математическая операция (преобразование), которая волшебным образом позволяла получить из любого заданного ряда координат в исходном списке точные данные о расположении портала в системе. Очевидное возражение состояло в том, что, насколько было известно, за четыреста (как минимум) миллионов лет не было создано системы координат для надежного описания столь малых предметов, как портал. (Если только червоточины каким-то образом не сохраняли автоматически все это время одно и то же относительное положение. Но с учетом небрежного и высокомерного отношения насельников ко всему высокотехнологичному это казалось в высшей степени маловероятным.)

— Итак, — сказал образ, парящий над черной «кастрюлей» в центре аудиториума, — позвольте мне предположить, что нам всем известно, о чем идет речь…

Он снова оглядел всех присутствующих. Никто

не возразил.

— Насельнический список, — сказала голограмма, — предположительно дающий координаты двух миллионов древних порталов, относящихся ко времени Третьей эпохи диаспоры, не принимался всерьез, в течение более четверти миллиарда лет считался выдумкой, мифом. Обнаружить так называемое преобразование, которое, как считалось, дополняет информацию, необходимую для доступа к тайной сети, не удалось, впрочем если оно и существует, то вряд ли от него будет толк. Тем не менее благодаря наблюдателю, ныне майору, Тааку всплыли новые сведения.

Фассин снова почувствовал, что на него устремились взгляды присутствующих.

— Чуть менее четырех сотен лет назад, — сказала голограмма, — наблюдатель Таак участвовал в длительной экспедиции на планету насельников под названием Наскерон, а точнее, в сообщество молодых насельников, объединенных в группу, носящую название Димаджрианский трайб. Находясь с ними, он познакомился с древним насельником, который — в приступе щедрости, не свойственной этому виду, — предоставил наблюдателю Тааку доступ в небольшую библиотеку, являющуюся частью более крупного хранилища.

(Тут все было переврано — не факты, а домыслы. С Валсеиром Фассин провел несколько столетий, а с Димаджрианским трайбом — меньше года. Он надеялся, что в остальном информация адмирала будет более надежной. И тем не менее он вдруг ясно представил себе огромного, древнего, закутанного в пледы, украшенного живыми амулетами чоала Валсеира, который с отсутствующим видом парит в своем огромном кабинете, чашевидном гнезде, где-то в глубине потерянной секции заброшенного тучевого туннеля на краю гигантского затихающего шторма, который давно уже потерял силу и рассеялся. «Тучи. Вы как тучи», — сказал тогда Валсеир Фассину. В то время Фассин не понял, что имел в виду древний насельник.)

— На анализ в Шерифство были переданы необработанные данные, содержащие эту информацию, — сказал образ, парящий над черной «кастрюлей». — Двадцать лет спустя после обычного анализа и интерпретации результатов и, как вы, возможно, догадываетесь, немалых затрат времени на тщательные раздумья, переоценки и внезапные озарения эти сведения на условиях взаимного обмена информацией передали джелтикам.

Джелтики были арахнидами с восемью конечностями — подвид «8ар» по принятой в галактическом сообществе системе сокращений. Одержимые склонностью к систематизированию, «8ар» принадлежали к одному из двух видов историков, пользовавшихся наибольшим доверием. Робкие, осторожные, осмотрительные и очень любознательные (на безопасном расстоянии), эти паукообразные продержались гораздо дольше, чем держатся виды быстрых.

— Джелтикам удалось каким-то образом заметить нечто, ускользнувшее от Шерифства, — продолжала голограмма. (Фассин обратил внимание, что теперь смущенный и огорченный вид был у полковника Сомджомион.) — В связи с этой оплошностью покатились головы по обвинению в некомпетентности, — сообщил им образ. Он улыбнулся. — Я выражаюсь не фигурально.

Полковник Сомджомион поджала губы и проверила что-то на своем сенсорном экране.

— По прошествии нескольких месяцев, — сказала голограмма, — джелтики под каким-то надуманным поводом послали свой военный флот — если это можно назвать военным флотом — в систему Затеки, остававшуюся неисследованной в течение тысячелетий и находящуюся

приблизительно в восемнадцати годах от портала у Риджома; они добрались туда за двадцать лет, так что нельзя сказать, что особо мешкали. Тут следует добавить, что джелтики обычно никогда не предпринимают столь решительных или рискованных действий. У Затеки их флот по неизвестным причинам понес серьезный урон, а впоследствии судно воэнов обнаружило и единственный оставшийся целым корабль. Он бежал от Затеки, как говорится, на всех парах, но экипаж был мертв, а его биоразум находился в невменяемом состоянии, умолял неизвестного бога о пощаде и бормотал что-то о прощении за предпринятую миссию, которая состояла в поисках останков некоего Второго корабля с преобразованием насельнического списка внутри.

Ну да, подумал Фассин, теория Второго корабля. Это была одна из частных ошибок, вытекающих из глобальной — мифа о насельническом списке. Чем больше вы углублялись в этот миф, тем сложнее он становился, тем больше, казалось, открывается возможностей. Все это была, конечно, сплошная глупость, — по крайней мере, все так думали.

— Опираясь на информацию, полученную от наших шпионов, мы полагаем, что запредельцы

и — возможно, от запредельцев — Отъединение Э-пять дознались об этом списке. Менее чем через месяц запредельцы атаковали портал Юлюбиса, а Отъединение Э-пять внезапно и приблизительно в то же самое время начало проявлять интерес к вашей системе. Когда джелтики поняли, что эта тайна больше не принадлежит им одним, — сказал образ, — они организовали утечку информации, чтобы избежать обвинений в пристрастности и сохранить репутацию объективных исследователей. — Проекция приняла огорченный вид. — Доминации, однако, эта история не очень понравилась, и можно предположить, что джелтики будут вынуждены заплатить за свои ошибки. Как бы то ни было, но пять полных эскадр Объединенного флота — более трех сотен крупных кораблей — прошли тем же маршрутом, что и флот джелтиков, до Риджома и Затеки, но ничего не обнаружили. Тщательное исследование показало, что информация, вокруг которой поднялось столько шума, в любом случае недостаточна. Ключ к списку готов, так сказать, только наполовину. Джелтики сделали весьма рискованный ход, и даже по их собственным расчетам, шансы на успех составляли не более двенадцати процентов. Уже одно

то, что крайне осторожный вид выкинул такой фортель, поставив на карту свою репутацию и будущее, указывало: приз они рассчитывали получить колоссальный.

Голограмма соединила одетые в перчатки руки, произведя слышимый хлопок.

— И вот теперь об этом известно почти всем, кого интересует преобразование списка, что бы оно собой ни представляло, и в это число, по-видимому, входят культ Заморыша и — как бы тихо они себя ни вели в последнее время — запредельцы, которые, вполне возможно, вошли в союз с Отъединением Э-пять. Этим объясняются недавние атаки на Юлюбис и грядущее вторжение. Однако вы должны понимать, — сказал образ, и в голосе его зазвучал металл, — что причина грозящих системе страшных бедствий — бесценный трофей. Если нам удастся обнаружить, где находятся скрытые порталы, — и если они действительно существуют и могут быть обнаружены, — то мы сможем попасть в систему Юлюбиса до прибытия сил вторжения приверженцев Заморыша. Поиск порталов стоит любых жертв, даже если мы получим только этот результат. Однако важнее то, что это трофей, который мог бы отпереть галактику и способствовать приходу нового золотого века

процветания и безопасности для Меркатории, для всех нас. — Проекция снова сделала паузу. — По оценкам наших стратегов, даже если действия, которые мы попросим вас предпринять, принесут наилучший результат, шансы на успех не превышают пятидесяти процентов. — Проекция, казалось, перевела дыхание. — Но дело не в этом. Даже малейший шанс на победу в борьбе за величайший из призов, состязаться за который могут лишь немногие избранные, делает эту борьбу обязательной. Имеет значение лишь то, что нам предоставляются чрезвычайные, совершенно беспрецедентные возможности. Все мы серьезно, чтобы не сказать преступно, нарушим свой долг, если не предпримем все от нас зависящее, ради не только собственного блага, но и блага всех наших сокреатов по галактике и еще не рожденных поколений.

Проекция улыбнулась одной из своих холодных улыбок:

— Приказы, которые я должен вам передать от Совета комплекторов, состоят в следующем. Смотритель, ныне майор, Таак. — Проекция смотрела прямо в лицо Фассину; то же самое делали и многие из присутствующих в помещении. — Возвращайтесь на Наскерон, отыщите

древнего насельника, который дал вам изначальную информацию, и постарайтесь выяснить все, что сможете, о насельническом списке, Втором корабле, его координатах и о преобразовании. Все остальные, присутствующие здесь, — образ оглядел всех собравшихся в аудиториуме, — во-первых, должны максимально способствовать майору Тааку в исполнении его миссии, включая отказ от любых действий, которые могут препятствовать ей, замедлять или ставить под угрозу ее осуществление, и, во-вторых, должны немедленно, в преддверии неминуемого вторжения, снова перевести систему Юлюбиса на полномасштабное военное положение и подготовиться к отражению грядущей атаки. Ваша цель должна состоять в том, и тут я ничуть не преувеличиваю, чтобы сопротивляться до последнего бойца, до последнего креата, до последнего дыхания.

Голограмма, казалось, немного отступила и смерила всех взглядом:

— Я бы сказал всем вам, что ваши судьбы, вне всякого сомнения, находятся в ваших руках. Еще более важно, что потенциально в ваших руках находится судьба Меркатории и цивилизованной галактики. Вознаграждение за успех будет беспрецедентным по своему масштабу и величию.

Наказание за неудачу начнется с порабощения, бесчестья и погружения в самые кошмарные ужасы. И последнее. Вы знаете, что техкорабль «Эст-тоон Жиффир» с боевым эскортом, который и передает этот сигнал, все еще находится в семнадцати годах пути от системы Юлюбиса. Должен вам сообщить, что весьма значительные подразделения Объединенного флота, силой более эскадры, были высланы в вашем направлении из Зенерре еще до отбытия техкорабля и с того времени двигаются прямо на Юлюбис со скоростью, превышающей скорость техкорабля и эскорта. Штурмовые подразделения прибудут за несколько лет до техкорабля с его сопровождением, их военная мощь будет использована в полной мере для отражения всех, кто противостоит Меркатории, и — можете не сомневаться — они победят.

Образ снова улыбнулся:

— Жаль, что я не могу сказать вам точно, когда они прибудут. Этого не знаю даже я; данный сигнал был послан с флота, сопровождающего техкорабль, и мы до сих пор не знаем, насколько близко к скорости света они разогнались или насколько близко подошли к Юлюбису к моменту прибытия этого сигнала. Мы можем лишь надеяться на лучшее. Если силы Отъединения

задержатся еще на два-три года, штурмовые подразделения могут намного их опередить. В противном случае они прибудут в систему, уже покоренную врагом или, как можно надеяться, все еще сопротивляющуюся вторжению. Характер действий по их прибытии будет зависеть главным образом от вашей решимости, стойкости и способности противостоять напору противника. — Проекция улыбнулась. — Есть ли еще вопросы?

* * *

Запредельцы, должно быть, предвидели их появление. Корабли эскадры мчались сломя голову, уже достигнув девяноста процентов от собственной предельной скорости, когда запредельцев засек сканер дальнего обнаружения, установленный на передовом корабле.

Таинс Йарабокин плавала, как эмбрион, погруженная в противоударный гель; легкие ее были наполнены жидкостью, а сама она, связанная с кораблем трубками-пуповинами, получала от него питание, разговаривала с ним, слушала его, ощущала его вокруг себя. Ее противоперегрузочный костюм довершал образ еще не рожденного воина, поскольку напоминал что-то вроде пла-

центарной оболочки. С кораблем она была соединена с помощью имплантов и индукционного воротника, а не пуповиной, и грудь ее лишь едва шевелилась, по мере того как дыхательная жидкость подавала кислород в кровь и уносила отработанные газы. В темноте под закрытыми веками непроизвольно дергались глазные яблоки. В подобном тесном заключении пребывали еще около сорока ее товарищей, так же как и она лежавшие в эмбриональной позе, защищенные и подключенные к своим собственным системам жизнеобеспечения; все они находились глубоко в чреве флагманского корабля «Манлихер-Каркано».

Далеко впереди по курсу заложил вираж истребитель «Петронел», форсируя свои двигатели, а потом исчез в облаке света, которое превратилось в темноту, когда датчики погасили на экранах вспышку. Когда компенсационный туман рассеялся, показалась оставшаяся половина ведущего корабля: она двигалась неустойчиво, распадаясь на части, оставляя после себя темные искривленные фонтаны обломков, разбрасывая фрагменты на фоне туннелеобразного пятна иссиня-белых звезд, собравшихся впереди.

«Передовой корабль, множественные контакты

на скорости ноль-девять от предельной», — сказал голос, принадлежащий сенсорной группе.

«Передовой поражен», — раздался другой. Данные о состоянии флота.

«Контакт с передовым утрачен», — послышался третий. А следом сразу же: «Передовой погиб». Данные связи и о состоянии флота поступили практически одновременно.

Таинс мгновенно пришла в себя, и какая-то небольшая, испуганная часть ее успела подумать: «Нет! Только не в мою вахту!» И как раз во время сна адмирала флота, когда вся ответственность лежала на ней. Но еще не успела возникнуть и отзвучать в ее голове эта реакция на события, а она уже воспринимала, оценивала, думала, готовилась отдавать команды. Она разрывалась между совсем-как-настоящей картинкой на сенсорах глубокого сканирования космоса, где звезды были связаны в жесткий бело-голубой окольцованный пучок впереди и собраны в нечеткий красноватый размыв сзади, при полной черноте во всех других направлениях, и темной абстракцией, являвшей собой тактическое пространство — иссеченную продольными и радиальными линиями сферу, где размещались корабли флота: маленькие стилизованные стреловидные формы

различного размера и окраски с затухающей пунктирной линией, обозначающей их курс. Рядом располагались зеленые идентификационные иконки и статусные коды.

Прибегать к заранее подготовленной модели рассеяния сейчас было нельзя; корабль, который только что занял передовое место выбывшего «Петронела», все еще отступал, занимая свое место в строю флота, и использование модели рассеяния номер один в худшем случае могло привести к многочисленным столкновениям, а в лучшем — дало бы эффект очень не скоро.

Ну что ж, пора отрабатывать свое жалованье и выходить на связь. Таинс отправила приказ:

«Рассеяние по схеме пять, всем кораблям. ЛК-три то же самое плюс два пункта внутрь, смещение влево пять пунктов, потом общая схема».

Подтверждения сигнала вернулись к ней — первое от ее собственного навигатора, последнее от линейного крейсера «Джингал», подтвердившего, что он изменил свой курс согласно небольшой коррекции, введенной Таинс ради облегчения задачи И-семь — истребителя-семь, «Кульверина», корабля, который сейчас занимал место «Петронела». Она отмечала, что ее тело воспринимает пульсирующие маневры, неожи-

данную смену направления, настолько крутую, что даже противоударный гель не мог полностью ее скомпенсировать. Корабли вокруг них теперь должны были озарять мрак выхлопными струями, словно стреляя бесшумной шрапнелью.

«Нагрузка на корпус восемьдесят пять», — сообщила ей служба контроля корабля.

«Отвечают все подразделения. Полный выброс по схеме пять», — доложил статус флота.

«Д-семь, благодарю, займите место в строю».

«К-один: единичный контакт, пять север-низ-запад».

«И-три: двойной контакт, негатив-четыре север-верх-восток».

Крейсер «Митральеза» и истребитель «Картуш» обнаружили корабли противника. Таинс, даже не глядя на тактическое пространство, знала: для обеих сторон это означает потери.

«Берут в вилку?»

«Накрывающий залп. Нам здорово досталось».

Два последних голоса принадлежали двум старшим тактическим офицерам.

«Мы что там, в морской бой играем?» — Это был голос адмирала флота Кисипта. Он уже проснулся и теперь наблюдал за происходящим. Адмирал явно не возражал против того, чтобы Таинс пока

играла первую скрипку.

«Докладывает К-один, контакт с противником подтверждается. РО».

«Докладывает И-три, контакт с противником подтверждается. РО».

«Митральеза» и «Картуш» запросили разрешения открыть огонь.

«Предлагается открыть огонь / Предлагается открыть огонь», — раздались голоса других тактиков.

«Огонь разрешаю, — сказал адмирал флота Кисипт. — Что скажет вице?»

Вице-адмирал Таинс Йарабокин придерживалась такого же мнения.

«К-один, И-три, свободный огонь разрешен».

«Говорит К-один: открываю огонь».

«Говорит И-три: открываю огонь».

В тактическом пространстве возникли алые лучи, исходящие от двух кораблей. Крохотные известково-зеленые точки со своими собственными статусными панелями были ракетами, устремившимися к вражеским кораблям.

«Множественные поражения в поле обломков И-один», — сведения с датчиков низкого разрешения.

«Расходимся конусом?»

«Расходимся конусом», — подтвердила Таинс. Она наблюдала за вспышками впереди, где обломки «Петронела» бешено крутились, танцевали, прыгали, поражаемые все новыми вражескими снарядами. Останки корабля быстро падали в направлении основного флота, который стремительно продвигался вперед. Таинс включила отсчет времени — до столкновения с полем обломков оставалось семьдесят шесть секунд. Она перевела прибор в режим осязательного считывания, чтобы не перегружать визуальное восприятие.

Ни о каких положительных результатах лазерного огня ни «Митральеза», ни «Картуш» не докладывали. Их ракеты все еще двигались в направлении вражеского судна. Пока никаких признаков ответа не наблюдалось.

«Что, если мы ошибаемся? — подумала Таинс. — Что, если они перехитрили нас и упредили наш маневр? — В глубине своего кокона жизнеобеспечения она, сама не отдавая себе отчета, сделала движение — что-то вроде пожатия плечами. — Ну что ж, тогда мы все, возможно, погибнем. По крайней мере, смерть будет быстрой».

«Расходимся конусом?»

«Расходимся конусом», — снова подтвердила

она. Она ждала, оценивала, спрашивала себя, что из этого получится. Монитор тактического пространства выдавал устаревшие и все менее актуальные данные о контактах, выявленных «Петронелом», — мерцающее, медленно исчезающее облако пульсирующих желтых эхосигналов. Два жестких контакта, все еще регистрируемые сенсорами «Митральезы» и «Картуша» и подтверждаемые теперь другими находящимися поблизости кораблями, выглядели как мигающие, красные, медленно сближающиеся прерывистые линии. Обломки «Петронела» представляли собой пунктирную алую массу прямо по курсу — она приближалась и медленно расползалась вширь.

«Ну ничего, — сказала себе Таинс, — это-то у нас получится».

Они не раз тренировались, исполняли этот маневр в виртуальной реальности, исходя в точности из такой ситуации: засада, маневр, ответные действия.

Они знали, что запредельцы предвидят отправку флота из системы Зенерре к Юлюбису. Самый быстрый маршрут для этого был, конечно, один — по прямой, и его лазерно ровная линия превращалась в неуловимо искривленную ис-

ключительно за счет допущения минимального сноса соответствующих систем, которые вращались вместе с остальными окраинами галактики вокруг оси большого колеса, удаленной на пятьдесят тысяч световых лет.

И что тут предпринять — выбрать именно этот маршрут, подвергая себя опасности попасть в засаду, организованную другими кораблями, и — еще страшнее — напороться на мины? (Вот уж мины так мины; всего-то и нужно что несколько тонн дробленой породы. Измельчи небольшой астероид на камушки размером в рисовое зерно, разбросай их на пути флота, и — при условии, что флот движется достаточно быстро, — дело сделано, а при околосветовых скоростях тебе вообще ничего не надо — ни заряжать, ни взрывать, результат и так будет ой какой.) Или идти обходным путем, где вероятность засады значительно меньше, но и в пункт назначения прибудешь позднее?

И что выбрать — то ли держаться вместе (легкоугадываемое, но благоразумное решение), то ли разделиться, чтобы каждый корабль шел к Юлюбису своим путем с перегруппировкой у пункта назначения (очень рискованно, но противник, вероятно, менее всего ожидает подобной такти-

ки)? В конечном счете адмирал флота выбрал один из множества незначительно искривленных маршрутов, рекомендованных стратегами и их суб-ИР-машинами, и решил двигаться единой группой.

Риск у такого варианта был. Их вполне могли перехватить, особенно если запредельцы имели то техническое обеспечение, наличие которого между Зенерре и Юлюбисом у них подозревалось. Очевидная стратегия перехвата состояла в том, чтобы приблизительно на полпути разместить небольшие корабли и всевозможные сенсорные платформы, а далеко за ними, чтобы дать им время собраться для атаки, расположить подразделения перехвата (уже развившие высокую скорость). Шансов на победу в генеральном сражении у запредельцев, значительно уступавших флоту Меркатории по числу и вооружению кораблей, не было ни малейших. Но им и не нужно было генерального сражения: их задача состояла в том, чтобы максимально замедлить продвижение противника. Им нужны были небольшие столкновения, засады, чтобы использовать колоссальную скорость флота Меркатории против него же самого.

Теоретически флот мог бы двигаться медленно

и безопасно, под защитой своего оружия, способного уничтожить все, что встречается на пути. Однако приказ звучал так: во что бы то ни стало как можно скорее добраться до Юлюбиса, — а потому флоту приходилось двигаться почти на предельной скорости, рискуя быть разорванным на части несколькими малыми кораблями и несколькими тоннами измельченной породы. Вот тебе и вся высокая технология.

Они составили собственный, неожиданный план.

Иглоидные корабли были специально сконструированы для движения по узким червоточинам — никаких тебе особых сложностей. Самые большие артерии и самые широкие порталы имели в поперечнике около километра, но средний диаметр хода составлял менее пятидесяти метров, а некоторые старые артерии в ширину едва достигали десяти. Чтобы соорудить артерию и два ее портала, требовалось огромное количество энергии и/или материи, а после установки расширять их было трудно, дорого и опасно. Меркатории не имело смысла владеть галактической сетью сверхбыстрых сообщений, если ее корабли были слишком велики и не могли ею пользоваться, а потому размеры военных кораблей

(основных рычагов влияния Меркатории, как и более ранних империй, полуимперий и других образований, пытавшихся установить свой мир или навязать свою волю галактическому сообществу на протяжении миллиардов лет) отвечали размерам каналов, по которым им приходилось двигаться.

В прошлом некоторые крупные корабли могли самодемонтироваться, распадаясь на множество более мелких, тонких компонентов, соответствовавших размерам червоточины, а потом, на выходе, собирали себя вновь. Однако такая конструкция не оправдала себя, оказавшись слишком затратной. Иглоиды были проще и дешевле, несмотря на всю их умопомрачительную сложность и стоимость. Самый большой корабль в боевом флоте, направлявшемся из Зенерре на Юлюбис, достигал в длину километра, тогда как в ширину имел не более сорока метров.

Почти перед самым вражеским кораблем ракета, отправленная с «Митральезы», мигнула, заместившись небольшим полем обломков. Сигналы с крейсера, датчики и состояние флота подтвердили это.

«Перед уничтожением вражеского корабля ракета успела его идентифицировать», — доложила

оружейная часть, и в углу экрана появились данные, переданные ракетой.

«Корабль принадлежал сцеври, подкласс сулкус или фосс», — прислал один из офицеров-тактиков.

Значит, они имеют дело (по крайней мере в том, что касается данного корабля) со Спиралью Смерти, подумала Таинс. Эта особая группа запредельцев была представлена исключительно видом сцеври, жителей водных миров, ненавидевших Меркаторию, и особенно тех своих одноплеменников, которые стали частью галактического сообщества (а таких было большинство). Они были известны своим дурным нравом и даже не имели такого оправдания, как защита своих драгоценных гражданских орбиталищ. Не было у них никаких орбиталищ, поскольку практически все они обитали на кораблях. Группка террористов-пиратов — иными словами, обыкновенных фанатиков. И тем не менее, насколько было известно, Спираль Смерти не принимала участия в атаке на портал Юлюбиса.

«Значит, мы имеем дело с четырьмя, а не с тремя видами запредельцев, действующих в этом секторе», — прислал свои соображения адмирал, произнося то, что было на уме у Таинс.

«Еще два, и будет полный комплект», — ответила она.

На мониторе тактического пространства она видела, как ракета с «Картуша» изменяет траекторию, чтобы пересечься с петляющим следом — изображением другого ближайшего вражеского корабля. Белая вспышка, потом бесконечно малый поток осколков — красных точек с зеленым.

«Докладывает И-три: поражение! Противник поражен!»

Двое офицеров-тактиков на флагманском корабле издали победный клич.

«Хорошая работа, И-три», — сказал Кисипт.

«Продолжаем расходиться конусом?»

«Продолжаем расходиться конусом». Таинс проигнорировала победные выкрики и собственное чувство ликования. Она вглядывалась в тактическое пространство, прислушивалась к звукам корабля, ощущая отсчет секунд.

Флот все еще перестраивался, курсы судов расходились, как тонкие стебли из короткой вазы. Таинс держала паузу, держала и держала, пока чуть ли не ощутила, что адмирал флота Кисипт и все остальные готовы закричать на нее.

Сорок секунд.

«Сходимся конусом, — послала она. — Схема пять, последовательность обратная».

«Принято», — сказал ее собственный штурман, потом последовали другие подтверждения. На мониторе такпро расцветающие, расширяющиеся следы кораблей снова стали собираться в пучок, расстояния между ними стали сокращаться.

«К-один: исполнение маневра затруднено».

Однако это было выполнимо. Они могли вернуться в предыдущий строй до встречи с обломками «Петронела» — только это сейчас и имело значение. Монитор такпро показывал, как ровно перестраивается флот. Впереди виднелось ослепительно сияющее облако обломков «Петронела», которое словно расползалось по небу по мере приближения к нему корабля, заполняло темную, беззвездную трубу со всех сторон. Таинс дала увеличение, выхватив чистое пятно близ центра поля обломков, и сверилась с монитором такпро. *Здесь*.

Два жестких контакта моргнули, окрасились оранжевым цветом и стали расползаться. Монитор такпро разбрасывал конусы вероятности, прикидывая, где могут находиться корабли. Впереди небеса кратко сверкнули бледно-желтым, ровным светом, указывая, что остальная часть

флота запредельцев может быть где-нибудь в этом объеме. Потом из желтого пятна, рассеивая его, возникло некоторое количество ярко-красных жестких контактов.

Флот перестроился. Они вернулись к начальному построению. По меньшей мере, подумала Таинс, они запутали запредельцев.

«Построение ноль, всем кораблям».

Даже в коконе жизнеобеспечения она почувствовала, как флагманский корабль закладывает вираж и, выполнив маневр, снова ускоряется. Она отслеживала все это в тактическом пространстве. Строй флота сплющивался, утончался, вытягивался в длину, корабль становился за кораблем, носом к корме, и все вместе вытягивались в одну длинную нить.

«ЛК-четыре, назад около десяти пунктов. И-одиннадцать, вперед на пять пунктов. К-три и К-два, выравняться по И-восемь. ЛК-четыре маневр закончен».

Таинс всех их видела на мониторе такпро: они маневрировали, смещались, и Таинс руководила их перестроением, пока они не выстроились в одну линию.

«Корабли в линейном строю, вице?» — послал запрос адмирал флота, тоже наблюдавший за

маневрами.

— Так точно.

Не было ни столкновений, ни неумелых маневров, ни один из двигателей не работал слишком долго, подвергая опасности корабль, идущий следом. Перестроение в линию прошло гладко, как на тренировках в виртуальном пространстве. Линейный корабль «Джизарм», шедший впереди, уничтожил крохотные частицы, оставшиеся от «Петронела», и дал заградительный лазерный залп, чтобы попытаться перехватить любые мины, кинетические или нет, оставленные на пути их следования.

В таком построении тоже был риск. Если все пройдет гладко, то они минуют опасный участок один за другим, прорываясь всей своей массой прямо за «Джизармом», как длинная цепочка убийственных таранов. Если же этот план не сработает, то существует опасность, что сначала «Джизарм» врежется во что-то, а потом они все врежутся в то, что останется от «Джизарма». Потенциально весь флот может быть уничтожен в одном каскадном линейном столкновении. Опасность эта была невелика (как указывали виртуальные проработки — меньше, чем при любом другом построении), но только потому,

что такое построение повышало безопасность вследствие своей предполагаемой неожиданности, эффекта новизны. Если бы этот эффект не сработал, такое эшелонирование оказалось бы гораздо опаснее любого другого.

Этот маневр застал запредельцев врасплох.

Иглоидные корабли, представлявшие теперь одну гигантскую иглу, которая пронзала поле обломков погибшего истребителя, вели непрерывный огонь и повредили несколько вражеских судов, предпринявших отчаянную попытку сближения. Монитор такпро показывал яркие трассы огня, напоминающие спицы на тонкой, как нить, оси, и ракеты, несущиеся во все стороны, как крохотные мерцающие изумруды. Запредельцы пошли было на сближение, но опоздали. Все, чего смогли добиться ближайшие вражеские соединения, — это погибнуть. Через две минуты флот Меркатории без новых потерь покинул опасную зону, а еще минуту спустя направление огня переместилось в тыл — вихрящийся колокол алых линий, прострочивших оставшееся позади бесконечное пространство. Теперь они могли диктовать условия боя, и огневая мощь флота, многократно превосходящая мощь противника, должна была сказать первое, и последнее, слово.

«Отличная работа, вице». В голосе адмирала флота Кисипта слышалось некоторое удивление, некоторое разочарование и умеренное восхищение. Таинс знала, что многие из ее коллег-офицеров желали полномасштабного сражения, но предпринятый ею маневр был лучше, быстрее, изящнее. Услышать «отличная работа» от воэна — высшая похвала.

«Спасибо, господин адмирал». Таинс сдерживала свой мыслеголос, но внутри у нее все готово было кричать от радости. Погруженная в темное чрево жидкости, подключенная к проводам и трубкам, она сжала кулаки, и на ее дотоле суровом лице появилась улыбка, а по телу, словно лежащему в люльке, пробежала дрожь.

* * *

Дом семейства Кегар на острове Мурла у южного побережья, в нескольких сотнях километров от Боркиля, был сферическим, как и дворец иерхонта, хотя и раза в четыре меньше. Зато размещался он на вершине огромного фонтана и напоминал шарик, крутящийся на водяной струе в парке аттракционов.

Салуус Кегар, ухоженный, пышущий здоровьем, сияющий, точно космический корабль

своей компании, лично встретил Фассина на одном из тоненьких подвесных мостиков, соединяющих дом с намывной косой. Коса вдавалась в древнюю подтопленную кальдеру, где пенилась и ревела вода, закручиваясь в буруны, и где на гигантском водяном столбе почти неподвижно держался дом.

— Фассин! Рад тебя видеть! Привет! А форма тебе идет!

Фассин думал, что его проинструктируют, промоют мозги, проверят психику, накачают оптимизмом и вообще сделают с ним хер знает что, а потом погрузят на борт корабля и отправят прямо на Наскерон. Но даже перед лицом самой серьезной опасности за всю свою историю юлюбисская бюрократия не отступала от давних правил, главное из которых, видимо, звучало так: на всякий случай ничто не должно делаться сразу и поспешно.

Остальная часть собрания в приемной иерхонта после того, как проекция ИР огласила приказы и ответила на вопросы, была посвящена разговорам, речам, киданию камней в чужой огород, прикрытию собственного зада, ударам из-за угла и упреждающему отводу обвинений. Образ адмирала Квайла отвечал на все вопросы без устали и

терпеливо, а это, вероятно, и было самым верным указанием на то, что собравшиеся имеют дело с ИР. Любой человек (в особенности адмирал, привыкший к тому, что ему подчиняются мгновенно и без возражений) потерял бы терпение задолго до того, как собрание подошло к концу. На Фассина указывали и ссылались несколько раз, и у него создалось ясное впечатление, что в создавшемся положении виноват он. Хотя, думал он, в некотором роде так оно и было. Все это продолжалось так долго, что в животе у Фассина (возможно, из солидарности с настроением, возобладавшим в аудиториуме) стало бурчать. Ведь после раннего завтрака на Глантине у него во рту не было ни крошки.

— Вы абсолютно уверены? — спросил наконец образ над «кастрюлей», когда даже у самых разговорчивых из присутствующих вроде бы иссякли вопросы и темы для рассуждений (и интимные части тела для прикрытия).

В голосе проекции не слышалось ни мольбы, ни облегчения. На взгляд Фассина, и то и другое было как нельзя к месту.

— Ну что ж, тогда я желаю вам удачи и прощаюсь с вами.

Образ мужчины в расшитом и сверкающем

мундире, с лысым татуированным черепом, оглядел их в последний раз, коротко, официально поклонился иерхонту и исчез. Несколько мгновений никто, казалось, не знал, что делать дальше. Потом из черной машины в центре помещения раздался громкий жужжащий звук. Полковник Шерифства Сомджомион и владетельный администратор Цессории Вориель, которые как могли управлялись с машинами, оказавшимися на их попечении, — после того, как часть собравшихся была вынуждена покинуть приемную, — принялись внимательно вглядываться в разные экраны и пульты. Собравшиеся в кружок бойцы в зеркальных доспехах, все как один, постучали себя по уху, потом нацелили свое оружие на «кастрюлю», громко жужжавшую и светившуюся инфракрасным светом. Гул нарастал, изменял тональность, становился ниже, и наконец машина завибрировала. Те, кто находился недалеко от «кастрюли», отодвинулись подальше, словно опасались взрыва, или хотели сделать то же самое, судя по их виду. Воздух вокруг рифленых боков прибора замерцал, а воздух над ним, казалось, начал коробиться и подрагивать, словно двойник-мутант исчезнувшего образа все еще стоял там, изо всех сил пытаясь рассеяться.

Затем в центре «кастрюли» загорелся сочный вишнево-красный свет; проекция полностью исчезла, а вибрация, шум и тепловые излучения прекратились. Присутствующие почувствовали облегчение. Сомджомион и Вориель, глубоко вздохнув, кивнули иерхонту. Бойцы взяли оружие на изготовку. Та сложная начинка, что обитала в «кастрюле» и обеспечивала прием ИР-образа адмирала, превратилась в шлак.

Иерхонт Ормилла заговорил из своего сверкающего э-костюма:

— Я принимаю на себя в полном объеме чрезвычайные полномочия в соответствии с чрезвычайным планом войны. По завершении этого затянувшегося собрания будет объявлено военное положение. Пусть удаленные из зала снова займут свои места.

Та политическая суета, свидетелем которой Фассин был немногим ранее, поблекла, когда (вернувшихся ни о чем не осведомили) началось обсуждение того, что уже стало известно как текущее чрезвычайное положение, и завязалась грызня в связи с расширением полномочий и распределением новых обязанностей среди и внутри департаментов. Новые функции были пересмотрены, затем после торга пересмотрены

еще раз, снова выставлены на обсуждение, повторно пересмотрены и наконец утверждены.

Желудок Фассина все еще бурчал, когда собрание завершилось и наблюдателя вызвали на брифинг с его непосредственным начальством в Шерифской Окуле. Фассина заставили подождать в приемной на этаже Окулы во дворце иерхонта. Он снял с себя верхний слой неудобного официального одеяния и обнаружил человеческую пищу в столовом автомате — тот стоял в извилистом внешнем коридоре, из которого открывался вид на приемную площадь. (Длинные вечерние тени, башни и шпили: закат сделал их красными. Фассин пытался обнаружить хоть какие-нибудь признаки объявленного в городе, на планете, в системе военного положения, но не заметил ничего.) Он еще не успел вытереть пальцы, когда его позвали.

— Майор Таак, — сказала полковник Сомджомион, — добро пожаловать.

Его провели к большому круглому столу, за которым сидели одетые в форму чины Шерифства. В большинстве своем персонал состоял из людей или вулей, хотя Фассин увидел и двух джаджуэджейнов, изо всех сил пытавшихся быть похожими на сидящих гуманоидов, одного ири-

лейта в э-костюме наподобие иерхонтова, только чуть темнее и меньше. Диск костюма наполовину был погружен в щель в полу помещения, и все же казалось, что он излучает холод и господствует в комнате.

Сомджомион указала на ирилейта.

— Это полковник Хазеренс, — сказала она Фассину. — Она будет вашим непосредственным начальником в этой миссии.

— Очень рада, — загрохотала ирилейтка, чуть наклонившись в сторону Фассина.

У э-костюма полковника не было прозрачной лицевой части, как у скафандра иерхонта, только защитный материал и датчики, не дававшие представления о существе внутри костюма.

Фассин вежливо кивнул, думая, что все ирилейты в системе, не говоря о самом иерхонте, были ближайшими родственниками Ормиллы либо его подружками (словечко «гарем», хотя и вполне точное, было слишком уничижительным). Он спрашивал себя, отвечает ли полковник Хазеренс одному из этих определений.

Ему объяснили, что его, конечно же, не могут отправить на выполнение задания одного. В течение следующего часа Сомджомион (прерываемая вызовами, меморандумами и заочными

аудиенциями у иерхонта) и все остальные пытались внушить Фассину, что задание, порученное конкретно ему, тем не менее, безусловно, может быть наилучшим образом выполнено, если его будут сопровождать и наставлять те, кому, по мнению иерхонта и массы его прихвостней, можно доверять.

А значит, в следующую свою экспедицию Фассин отправится не в одиночестве. Он немало выиграет благодаря покровительству и наставлениям полковника Хазеренс и двух ее коллег-наблюдателей, принадлежащих к человеческому роду: Браама Гансерела, старшего наблюдателя главнейшего из всех кланов — клана Тондерон, и (в качестве помощника Фассина) Паггса Юрнвича из клана Родео, с которым Фассин уже работал прежде. Главный наблюдатель Гансерел в настоящее время готовится к максимально быстрому возвращению с орбиталища вблизи Ква'рунце, после чего встретится с полковником Хазеренс, майором Тааком и наблюдателем Юрнвичем на Третьей Ярости, откуда в максимально короткие сроки они отправятся в экспедицию.

Ква'рунце был еще одним газовым гигантом системы Юлюбиса, а кроме него, имелись и два других — поменьше. На всех трех обитали

насельники, хотя и не много по сравнению с Наскероном. Фассин предполагал, что на переправку Гансерела с Ква'рунце на базу Третьей Ярости и Наскерон уйдет не меньше недели. Старик привык к роскоши и в любом случае во время путешествия физически не сможет вынести больше одного «же», даже если и захочет.

Фассин, имевший свои представления о том, что нужно делать, вдруг почувствовал себя во власти организаций и силовых структур, внутри системы чинов и званий, с которой никогда не собирался контактировать и о которой имел весьма туманное представление; он был готов хлопнуть кулаком по столу (вероятно, лишь в фигуральном смысле) и пожаловаться на невозможность приняться за работу, которую ему приказали выполнить как можно быстрее. Потом Фассину сказали о Гансереле и его возвращении с Ква'рунце, и тогда он понял, что, видимо, темп его действий задан другими и ускорению не подлежит.

В каком-то смысле Фассина это устраивало. Если системе и в самом деле грозило неминуемое вторжение и его посылали в настолько важную экспедицию в самый разгар событий (и поскольку времени до начала вторжения оставалось

всего ничего, высока была вероятность того, что события застанут его на Наскероне), то ему необходимо было предпринять еще одну экспедицию — в притоны Боркиля, в эту туманную, облачную, беспокойную и опасную среду. Внезапно у него появились дела, он вспомнил, что ему нужно встретиться кое с кем — по крайней мере с одним человеком. Задержку, связанную с Гансерелом, можно использовать себе во благо. Возможно, они не захотят терять его из виду, так что придется что-нибудь придумать.

Еще Фассин подозревал, что они замышляют дистанционную экспедицию с Третьей Ярости: Фассин, Гансерел и Паггс Юрнвич будут лежать на базе и выходить на связь через приборы на самом Наскероне. (Гансерел, конечно, не сможет залезть в газолет, заполнить легкие дыхательной жидкостью, подвергаться повышенным давлениям и хлюпать в противоударном геле — он даже и в молодости ничего подобного не проделывал.) Фассину нужно будет как-нибудь постараться обойти и это.

Он изобразил крайнее раздражение из-за того, что не имеет возможности начать работу немедленно, и потребовал себе несколько свободных дней.

— Вы просите об отпуске? — сказала Сомджомион, выпучив глаза. — Я полагаю, вас ждут интенсивные инструктажи и тренировки, майор Таак. Придется программу нескольких дней ужать в несколько часов. Для отпуска абсолютно нет времени.

Фассин сказал о возрасте Гансерела, о немощи, которая вынуждает его путешествовать медленно. Вид у Сомджомион был негодующий, но она сдержалась и наконец, после спешной аудиенции у самого иерхонта, сказала:

— И в самом деле, в анкете главного наблюдателя Гансерела сказано, что он не может подвергаться нагрузкам более полутора «же», да и эта цифра вызывает у него протесты. Он сумеет добраться до базы на Третьей Ярости только через девять дней. — Полковник Сомджомион, прищурившись, посмотрела на Фассина. — Мы продолжим ваше инструктирование завтра утром, майор Таак. Если останется какое-то время, то вам, возможно, предоставят двухдневный отпуск. Но ничего не обещаю.

— Значит, еще одно чрезвычайное положение, — сказал Салуус, широко улыбнувшись. — Говорят, что за это я должен благодарить тебя, Фасс.

Он протянул Фассину фужер, тот взял и ответил:

— Да, все это моя работа.

Фассин полагал, что Сал относится к тем немногим людям в системе, для кого военное положение — настоящее золотое дно.

— Правда? — сказал Салуус. — Ты, значит, еще знаменитее, чем я думал. А на вид тебе, как и прежде, больше двадцати не дать, сукин ты сын.

Сал рассмеялся, как смеются люди, которые могут быть щедрыми на комплименты. Они чокнулись. В бокалах было шампанское, какой-то древний «Круг» с совершенно невероятной датой изготовления, доставленный с Земли и стоящий, наверное, столько же, сколько небольшой космический корабль. Вкус у шампанского был приятный, хотя пузырей оно давало немного.

Фассин и Салуус стояли на балконе, глядя на кальдеру. Пульсирующие воды внизу образовывали огромный пенный склон, расходящийся во все стороны от дома, — тупой конус из шипучих, пенистых бурунов. Яростно кипя и разлетаясь, они устремлялись из центра на периферию, где неистовая игра воды чуть стихала и переходила в обычное биение волн. Балкон находился как раз над центральным ребром, и потому колонна

воды, на которую опирался дом, была им не видна, но от стен кратера в двух-трех километрах дальше отражалось звучное эхо.

Они забрались сюда после скромного приема и легкого завтрака с несколькими друзьями Сала и его жены — все личности выдающиеся, которые собрались у Кегаров в этот день. Фассин получил приглашение на пару дней, пока Шерифство не потребует его возвращения в Боркиль. Он все еще был в темно-серой форме Шерифства с ее заметными издалека синими кантами.

Сал откинулся спиной к перилам:

— Спасибо, что заглянул.

Фассин кивнул:

— Спасибо, что пригласил.

— Я был рад. Удивился немного, когда ты объявился со своей просьбой.

— Они тебе доверяют, Сал. — Фассин едва заметно пожал плечами. — Мне нужно было убежать от всей этой военной дерьмовщины, но они никак не хотели меня отпускать за двери дворца в Бугитаун. — Он посмотрел на бурлящую воду. — И потом, — взгляд на Сала, — целую вечность тебя не видел.

Ему хотелось создать впечатление, что подвернулся хороший повод для примирения, которого

он давно искал. За два столетия после разрушения портала они с Салом встречались лишь от случая к случаю, да и то лишь на гигантских сборищах, отвертеться от которых было трудно, но где было довольно легко остаться в одиночестве. По-настоящему они так и не поговорили.

Даже теперь, встретившись, они чувствовали, что у того и другого в жизни есть целые пласты, которых лучше не касаться. Как и что каждый из них делал — пусть судит общество, а вопросы на сей счет звучали бы оскорбительно. Фассин узнал жену Сала по выпускам новостей и светской хронике — представлять ее было не нужно. В зале приемов внизу даже среди других видов (исключая, конечно, слуг) не было никого, чью краткую биографию Фассин (отнюдь не знаток светской жизни) не мог бы написать. Салуусу о Фассине было известно, наверно, немногим больше, чем Фассину о Салуусе, но последний уже успел поздравить Фассина с грядущей женитьбой на Джааль Тондерон, а это означало, что кое-что ему все же известно (или, что вероятнее, у него был хороший секретарь по связям с общественностью, располагавший обширной базой данных).

— Ну, так что ты мне можешь рассказать, Фасс, — небрежно спросил Сал, наморщив нос. —

Можешь что-нибудь?

— О чрезвычайном положении?

— Ну, обо всем, что вызвало такой переполох.

Переполох — это было слишком слабо сказано, поскольку война уже велась, хотя и едва-едва. На следующий день после объявления военного положения произошло несколько нападений, в основном на отдельные корабли и поселения на краю системы, а также несколько тревожных атак в глубине системы, в том числе на порт-орбиталище Навархии на собственной подвижной точке либрации Сепекте, в ходе которой погибло более тысячи лиц. Никто не знал, стоят за этой вспышкой насилия запредельцы, или передовые силы Отъединения Э-5, или те и другие вместе.

Но вот еще более странный случай (а для Фассина и более тревожный): кто-то всего день назад взорвал Высокий летний дом клана Литибити на Глантине — расстрелял его из космоса, словно военную цель. Странное и беспрецедентное событие. Там никого не было, если не считать горстки несчастных садовников и уборщиков, поддерживавших порядок в доме до соответствующего сезона, но наблюдатели по всей системе после этого забеспокоились — уж не сделались ли они по какой-то причине мишенью. Фассин отправил

Словиусу послание, в котором спрашивал, не стоит ли клану переехать куда-нибудь в другое место на Глантине. Ну, скажем, во всесезонный отель. Ответа он еще не получил, — возможно, Словиус проигнорировал его рекомендацию, а может быть, новая правительственная компьютерная программа проверки и цензурирования корреспонденции никак не могла решить, что ей делать с этим посланием. Ни то ни другое его бы не удивило.

— Расскажи, что тебе известно, — предложил Фассин. — И я дополню, как смогу.

— Им нужна чертова прорва военных кораблей, Фасс. — Сал печально улыбнулся. — Уйма военных кораблей. Мы должны выпускать корабли в максимальных количествах, пока у нас есть такая возможность, хотя корабли им нужны скорее сегодня, чем завтра, а все наличные проекты, требующие для завершения больше года, — даже те, что находятся в работе, — отправляются в долгий ящик. Мы должны переоборудовать под газ целую серию для… — Сал замолчал, откашлялся и помахал рукой. — В общем, всякая ерунда. Мы должны переналадить все линии по выпуску гражданской продукции и начать штамповать черт знает что — торговые суда с пушками,

переоснащенные старательские корабли и прогулочные лайнеры и все в таком роде. Такого не было даже во время последнего чрезвычайного положения. Так что в любом случае ситуация серьезная; наши военные друзья, видимо, сказали бы, что у них все под контролем, и это не так уж далеко от истины. Конец передачи, твоя очередь.

— Есть много такого, о чем мне запрещено говорить, — подбирая слова, начал Фассин. — Впрочем, по большей части это для тебя так или иначе не интересно. — Он спрашивал себя, сколько можно сказать, сколько нужно сказать. — Предположим, это связано кое с чем, что называется Отъединение Эпифания-пять.

Сал поднял одну бровь:

— Гм. Далековато. Что это им вдруг понадобилось? Направились бы в другую сторону — там пастбища побогаче…

— Но бóльшая часть Объединенного флота уже на пути сюда. Так нам сказали. — Фассин ухмыльнулся.

— Мм. Понятно. Ну а ты? — спросил Сал, приблизившись к Фассину и понижая голос. — Ты-то в этом с какой стороны участвуешь?

Фассин спрашивал себя, насколько непрерывное шуршание воды внизу заглушит их слова,

если кто-нибудь захочет подслушать издалека. Прибыв сюда, он принял душ и попросил дать ему новую одежду, объяснив, хотя никто ни о чем не спрашивал, что, оказавшись в длительной командировке, дошел, мол, вот до чего, даже переодеться не во что. У него создалось впечатление, что слуги к такому привыкли и нередко приносили гостям обоего пола одежду самых разных размеров. И тем не менее, несмотря на запрещение нанотехнологий, жучки можно было изготовлять совсем крошечные. Может быть, Шерифство или люди иерхонта подсунули ему такой невидимый микрофончик. Или Сал? Может быть, у Сала было принято вести наблюдение за гостями? Между тем хозяин ждал ответа.

Фассин уставился в свой фужер. На поверхность поднялись несколько пузырьков газа, отдав малюсенькую часть земного воздуха атмосфере планеты, отдаленной от Земли на двадцать тысяч световых лет.

— Я, Сал, только занимался своим делом. Бывал в экспедициях, разговаривал, брал с собой то, что насельники разрешали брать. По большей части всякую несущественную ерунду, совсем бесполезную, ничего такого, ради чего имеет смысл рисковать всем. — Он посмотрел Салуусу Кегару

прямо в глаза. — Знаешь, просто тащился по жизни. Делал то, что подворачивалось. Никогда не знал, что к чему приведет.

— А кто знает? — спросил Сал, потом кивнул. — Но я тебя понимаю.

— Извини, но больше я почти ничего не могу сказать.

Сал улыбнулся, посмотрел на склон искусственного прибоя, на столпотворение волн вокруг дома и дальше — на отвесные коричнево-черные утесы под лазурным небом в дымке.

— А вот и твоя нянюшка, — сказал он.

Сбоку, едва видный над пеной, появился э-костюм полковника Хазеренс из Окулы, напоминая огромное, широкое серо-золотое колесо. Два комплекса вращающихся винтов по обе стороны скафандра не давали полковнику погрузиться в бешено бурлящий водоворот. Скафандр был довольно крупным, если стоять рядом, но при виде издалека и сверху казался совсем маленьким.

— У тебя с ней проблемы?

— Нет, она нормальная. Не требует отдавать ей честь или называть все время «госпожа полковник». Без всяких формальностей.

И тем не менее Фассин надеялся, что ему удастся как-нибудь избавиться от полковника до того,

как он попадет на Наскерон, либо сразу после этого.

— Представь себе, как тут ускользнуть в Бугитаун, если она следит за каждым моим шагом? — спросил он, глядя, как полковник взбирается к дому через волны. — Даже на одну ночь?

Сал фыркнул:

— Потолки в забегаловках для нее низковаты.

Фассин рассмеялся. «Это вроде секса, — подумал он. — Ну да, как сценарий соблазнения, как дурацкий брачный танец типа будешь-не-будешь, как пустопорожняя болтовня да-да-нет-нет. Искушать Сала, вводить его в соблазн…»

Он спрашивал себя, удалось ли ему напустить достаточно таинственности и в то же время намекнуть на свою доступность. Ему был нужен этот человек.

Обед с Салом, его женой, их сожителями и некоторыми деловыми партнерами, включая (среди последних) вуля, джаджуэджейна и квейапа. Разговор крутился вокруг новых нападений на отдаленные аванпосты, трудностей со связью, ограничений в передвижениях: обсуждалось, кто выиграет, а кто проиграет от нового чрезвычайного положения (никто из сидевших на разных диванах и мысли не мог допустить, что

речь идет о чем-то большем, чем временный отказ от пустячных свобод). Полковник Хазеренс молча сидела в углу, не нуждаясь во внешнем питании («Благодарю вас»), но довольная, даже польщенная тем, что присутствует здесь, пока они подкрепляются, соединяются разговорным способом и совокупляются способом социальным; она же тем временем продолжала свои исследования (столь необходимые!), просматривая на экране информацию о Наскероне и его знаменитых насельниках.

Выпивка, опьяняющая еда, наркочаши. Собравшихся развлекала труппа акробатов-людей на залитом светом пространстве за балконом столовой.

— Да нет, я серьезно! — закричал Сал своим гостям, показывая на акробатов, которые раскачивались в воздухе на канатах и трапециях. — Если они упадут, то почти наверняка погибнут! В воде столько воздуха, что плавать в ней невозможно. Сразу идешь на дно. Тебя затягивают подводные воронки. Да нет же, идиотка! — сказал Сал жене. — Для дыхания воздуха там недостаточно.

Часть гостей ушли. На позднюю выпивку остались только люди. Путь в комнату охотничьих трофеев Сала через коридоры, слишком узкие

для полковника Хазеренс (она не возражает: «Вы спать — всем спокойной ночи!»). Жена Сала отправляется в кровать, сидят лишь несколько человек. Скоро их уже только двое, а над ними — набитые, покрытые лаком, засушенные или помещенные в футляры головы зверей с десятков планет.

— Ты видел Таинс? Перед уничтожением портала?

— Мы с ней обедали. За день или два. В Эквабашне.

Фассин махнул рукой, указывая куда-то в сторону Боркиля. Из дома были видны огни Эквабашни — тонкий красный штриховой след, уходящий в небо, иногда, странным образом, более четкий в вышине, когда атмосфера внизу была подернута дымкой, а маяки с высоты светили вниз под острым углом через разреженный воздух.

— Как она — в порядке? — спросил Сал, потом закинул назад голову и слишком громко рассмеялся. — Разве это важно? Это ведь было два века назад. И все же.

— Была в порядке.

— Хорошо.

Они выпили. Коньяк. Тоже с Земли, с давних-давних времен. Из дальних-дальних краев.

Фассин поплыл.

— Черт, — сказал он. — Я поплыл.

— Поплыл? — спросил Салуус.

— Поплыл, — сказал Фассин. — Знаешь, когда у тебя голова вроде как начинает плыть, потому что ты вдруг думаешь: «Эй, я же человеческое существо, но я в двадцати тысячах световых лет от дома, и мы все живем в гуще каких-то сраных инопланетян и супероружия и среди всего этого безумного водоворота галактической истории и политики!» То есть я хочу сказать, разве это не фантастика?

— Как ты сказал — воспарил? Полетел? — сказал Сал; вид у него был искренне недоуменный.

— Нет, *поплыл*! — закричал Фассин.

Он никак не мог поверить, что Салу такое выражение в новинку. Ему казалось, что оно известно всем. Некоторые (вообще-то, большинство, если задуматься; так, по крайней мере, ему говорили) никогда не плавают, но многие — да. И не только люди. Хотя насельники — обратите внимание — никогда. У них и слова-то такого нет.

— Никогда не слышал, — признался Сал.

— Ну, я думаю, тебе и негде было.

— Слушай, хочешь, я тебе кое-что покажу?

— Показывай скорей, мне охрененно инте-

ресно.

— Идем.

— В последний раз я слышал, что…

— Мы решили об этом больше не говорить.

— Блин! Договорились. Тотальная забывчивость. Ну, давай показывай, что ты там хотел показать.

— Иди за мной.

— Иду, не морочь мне яйца.

Фассин последовал за Салом через потайную дверь. Задумайся он об этом хоть на секунду, наверно, что-нибудь в таком роде и представил бы себе: много дерева, мягко мерцающие озера света, всякие штуковины в рамках, стол размером с комнату. В одном из углов он увидел странного вида перекрученные крупные куски сверкающего металла или другого блестящего вещества. Фассин догадался, что это были куски космических кораблей.

— Вон она.

— Где? На что я должен смотреть?

— Вот на это. — Сал взял в руку небольшой скрученный кусок металла, вмонтированный в деревянную подставку.

Фассин изо всех сил старался подавить охватившую его дрожь. Он вовсе не был так пьян, как

пытался изображать.

— Ну и эт' у тебя што? — Он, конечно, переборщил, но Сал, кажется, ничего не заметил.

Салуус ткнул куском необычного металла чуть не в самый нос Фассину:

— Это та самая херовина, что я утащил с разбитого корабля, старина. — Сал посмотрел на металлическую штуковину в своей руке, проглотил слюну и глубоко вздохнул; губы его задрожали. — Это то самое, что…

«Ну, сейчас этот мудила расплачется», — подумал Фассин. Он похлопал Сала по плечу.

— Ни к чему это, — сказал он Салу. — Нам нужно что-нибудь другое, нам нужно… не знаю. Что-то. А это нам не нужно — то, что тут перед нами. Нам нужно что-то другое. Из другого времени, материала и места. Может, это моя последняя свободная ночь, Сал. — Фассин ухватил Сала за плечо в идеально сидящем пиджаке. — Я серьезно! Ты и представить себе не можешь, чем это все для меня может обернуться, — полной жопой. Черт побери, Сал, ты и представить себе не можешь, какой жопой это может обернуться для всех нас, а я тебе не имею права сказать, может, эта ночь — мой последний шанс оттянуться, а… а… а ты показываешь мне какой-то говенный крючок,

чтобы вешать пальто или хер его знает что. — Он легонько махнул рукой, целясь в искореженный кусок металла, чтобы оттолкнуть его в сторону, но промазал. Тогда он шмыгнул носом и взял себя в руки. — Извини, — сказал он трезвым голосом. — Извини, Сал. — Он похлопал его по плечу. — Но может, это мой последний шанс оттянуться, и… слушай, я согласен на что угодно… жаль, что Бугитаун далековато, ей-богу, жаль, но, с другой стороны, у меня было несколько долгих дней и, может быть… нет, не может быть. Определенно может быть. Даже наоборот, совершенно определенно, самое разумное — это отправиться на боковую…

— Ты серьезно? — сказал Сал, роняя кусок металла с его деревянной подставкой на стол.

— Насчет поспать? — сказал Фассин, сделав резкое движение рукой. — Что ж, это…

— Да нет, кретин, я тебе говорю про Бугитаун!

— Что? Я ничего не говорил про Бугитаун!

— Говорил-говорил! — со смехом сказал Сал.

— Правда? Вот ведь какая херня!

У Сала был флаер. Автоматизированный до такой степени, что едва ли не попадал под закон о запрете ИР. Он был весь напичкан механизмами самовосстановления, которым до нанотехно-

логий оставалось, ну, чуть-чуть-чуть, но все же оставалось. В высшей степени гражданский, но со всеми военными допусками. Если бы главный адмирал Объединенного, к херам, флота поднялся на борт этой птички и предъявил свои полномочия, то получил бы полный отлуп со всеми его «всюду и без ограничений». Давай-ка, браток, куда подальше. Хромай отсюда, да пошевеливайся.

Чтобы прочистить мозги, они часть пути летели с открытым фонарем. Было дьявольски холодно.

Приземлились они непонятно где, подняв воздушными струями какие-то мусорные ошметки, — а Фассин-то думал, что такой вещи, как мусор, уже не осталось.

Бугитаун практически не изменился. Они опускались на самое дно, желая воспарить ввысь. Пьяные компании шалых девиц — такой улов поднимали они, закидывая свои сети в хмельные забегаловки и наркопритоны. Фассин тем временем пытался задать Салу направление к одному определенному бару, а Сал (который смутно помнил, что он тут не только оттягивается, но и хочет расколоть своего старого дружка Фасса, дабы тот выболтал потенциально полезные и чреватые прибылью подробности всей этой

заварушки), правда без особого успеха, пытался сориентировать старо-нового закадычного дружка в определенном информационном направлении, хотя и прилагал к этому все меньше усилий, ибо в нем все сильнее росло чувство — да пошло оно все в жопу.

Фассину тоже не удавалось задуманное, но он продолжал стремиться туда, на ту улочку, в тот самый бар, но пока они торчали в заведении под названием «Наркатерия», где были алмазные панели на стенах, а дешевка так ослепляла, что глаза начинали слезиться, где их окружали люди, которые не видели Сала так давно, что теперь просто не могли его отпустить, не смей никуда уходить, ах ты, злыдень такой. А это твой дружок? Где ты прятал его? Можно я тут присяду, а? И я, и я! В конце концов Фассину пришлось плестись в общественную приватную будку и делать вызов оттуда, потом он отправился в туалет, где выблевал обжигающей струей весь алкоголь, выпитый после предыдущего посещения сортира (делал он это над унитазом, так что и по звуку, и по виду не придерешься), потом вымыл лицо и присоединился к пьяной, одуревшей от наркоты компании красоток — посмотришь, дух захватывает — и стал ждать нужную ему девицу, ту,

ради которой все это и было затеяно, буквально все: сначала напросился в гости к Салу, потом напоил его и сделал вид, что напился сам (он и вправду напился, но не до такой степени), потом стал намекать на Бугитаун, а все для того, чтобы попасть сюда и увидеть эту самую девицу…

…Которая наконец и появилась почти час спустя, когда Фассин уже начал было впадать в отчаяние, но тут он увидел ее — безупречную, спокойную и, как всегда, прекрасную без вульгарности, хотя снова совсем иную, чем раньше: белокурые волосы раскачиваются на ходу, как чистейшее золото, вокруг ее почти треугольного лица; подбородок такой, что невозможно не прикоснуться, клубничные губы словно созданы, чтобы целоваться, крохотный носик — чтобы прижаться к кому-нибудь, щеки — чтобы их гладить, глаза — чтобы заглядывать в них (глубина, ах какая глубина!), брови — чтобы облизать их, лоб — тоже чтобы облизать, высушить от проступивших после любовных игр капелек пота; ах-ах-ах, какой это нелегкий труд!

Аун Лисс.

Единственная настоящая любовь всей его жизни, резидентурная его страсть.

Еще немного постарела, но не настолько, как

должна бы по годам. Выглядит по-другому, живет по-другому, чувствует себя по-другому, зовется по-другому. Теперь ее зовут Ко (и больше ничего), никакая не Аун Лисс, но для него она всегда будет Аун Лисс. Нет нужды произносить ее настоящее имя. Многое из того, что случилось между ними, так и не было сказано вслух. Одета как обычная работница. Ничего особенного, откровенного, вызывающего.

И все же.

Она протянула руку.

Даже на стоявшего поблизости Сала (причем в окружении — а фактически стиснутого со всех сторон — высшего воплощения человеческой женственности и супервозбуждающей гиперпрелестной привлекательности) она произвела впечатление.

— Фасс, сукин ты сын!

Аун Лисс так и стояла с вытянутой рукой.

Снова во флаере Сала. Сал спереди, постанывает, порочные близняшки Сегретт вовсю занимаются им.

Фассин и Аун на заднем сиденье абсолютно счастливы своим консерватизмом. Они долго целовались, потом (оглянувшись и пожав плечами при виде вывертов на переднем сиденье — флаер

в это время на самом деле никуда не двигался, а кружил на месте в холостом режиме; в режиме соития, как пошутила Аун Лисс) она поднялась и оседлала его; Фассин забрался руками под ее легкое платье, пальцы его ласкали ее спину… и не перестали ласкать, когда все впятером оказались в идиотском доме Кегаров, насаженном на водяной столб точно так же, как, по выражению Аун, она была насажена на столб Фассина. (Это было сказано вслух, чтобы шутка не пропала даром. Оба рассмеялись. Фассин надеялся, что не слишком громко.) Она не снимала с себя платья даже в самый разгар любовной схватки, когда его пальцы гладили, ласкали, трогали ее выгнутую спину, оставляя на ней чуть отдававшиеся болью углубления, и разделась, только когда они легли вместе под тонкую простыню, — скинула с себя платье, и он прижался к ней.

И вот что за эти несколько часов сказали их пальцы, вырисовывая, выстукивая фразы на совершенно не поддающемся расшифровке алфавите, которым они пользовались уже несколько сотен лет с того времени, когда она стала его агентом, его каналом.

ТЫ ВСЕ ЕЩЕ МОЯ СВЯЗН?

Они находились в отдельной кабинке где-то

в глубинах «Наркатерии», целовались. Она запустила руки между его курткой и рубашкой, отстучала.

ДА. ШТО У ТЕБЯ ДЛ МН?

ВО1-Х, Я ТПРЬ МАЙОР ОКУЛЫ. ВРМННО ОТКМАНДРВАН.

ТЫ?

ПТМУШТО Я НШЕЛ ШТО-ТО В ТОЙ ЗНАМНТ КСПДЦ. О НСЛНЧСКМ СПСКЕ. ТЫ О НЕМ СЛШАЛА?

ВОБЩХ ЧРТХ.

ТЕРИЯ 2РОГО КОРАБЛЯ, отстучал он. ТАЙНАЯ СТЬ ХДОВ.

ПОСТОЙ, отстучала она. СЕТЬ ХДОВ ГВРШЬ?

ДА. СКРТАЯ СТЬ.

Последовала пауза. Она впилась в него губами. Ее пальцы отстучали:

ТЫ С УМА СШЛ.

Потом они шли в флаер, обнимая друг друга поверх курток.

ЭТО ИЗА ТОГО ШТО Я НШЛ. ОТЪЕДН-5 НЧНАЕТ ВТРЖНИЕ В СРОКИ ОТ 6 МСЦВ ДО ОДНГО ГДА. ОНИ СЧТЮТ ЗПРДЛЦЫ ТЖЕ УЧСТВЮТ. ВЕРНО?

ТМ СЛЖНЕЕ. ОДНИ ДА, ДРГИЕ НТ.

ЧРЗВЧН ПЛЖН ОБЪВЛНО ИЗА ЭТГО.

ЭТО ТЫ ВНВАТ?

ДА. ЗВНИ. БЪДИНЕНЫЙ ФЛТ НА ПДХОДЕ. НАМНГО ОПРЖАЕТ ТЕХКРБЛЬ. БДТ ЗДСЬ ГДА ЧРЗ 2. ИСПЛЬЗВЛИ ИР ДЛЯ ПРДЧИ С БЪДИНЕНГО ФЛТА ЧТБЫ РСКЗАТЬ НАМ Б ЭТМ.

ИР?

ДА.

ЛЦМРЫ.

И потом во флаере.

И ШТО ТЫ ТПРЬ?

СКРО НВАЯ КСПДИЦИЯ. С ГЛВНЫМ СМТРТЛЕМ КЛНА ГНСРЛМ, ИРИЛТКЙ ПЛКВНКМ ОКУЛЫ И СМТРТЛЕМ ПГСМ ЮРНВЧЕМ. ПСТРСЯ ПРЖДЕ ВСГО УЗНТЬ ОСТЛЬНЕ ИЗ ТГО ШТО Я НШЕЛ.

Всадник и скакун могли и дальше вести разговор.

— Как ты? — прошептала она.

— Прекрасно. А ты?

— Как и ты.

И ЧТО ТЫ НАШЛ?

ТЧНО НЕ ЗНАЮ. В ТО ВРМЯ Я НЕ ПНЛ. ВСЕ ПРОЯВЛОСЬ ГРЗДО ПОЖЕ КГДА ДЖЕЛТК ПРВЕЛ АНАЛИЗ. ЧТ-ТО Б ЭТМ ВТРМ КРБЛЕ И ШТКВНЕ КТРЯ НЗВТСЯ ПРЕОБРЗВН. С ЕЕ ПМЩЬЮ МЖНО ПРДТЬ КАКОЙ-ТО СМСЛ НСЛНЧСКМУ СПСКУ. ДЖЛТК ОТПРВЛ ФЛТ ЧТБЫ ПОПТАТЬСЯ ВЫСНТЬ. НЧГО НЕ НШЛ. ФЛТ ПГБ.

Она почувствовала, что он остановился, напрягся, и отстучала:

ШТО?

ПРДПЛЖТЛЬНО ПРТЛ УНЧТЖЛИ ТВОИ ЗПРДЛЦЫ. ТАК?

Я НЧГО НЕ ЗНЛА. Я ТЛЬКО ДВШКА НА СВЯЗИ. Она помедлила. ЗНЧТ ТЫ ГВРИШЬ ШТО ТЫ ИНЦРВАЛ НЕ ТЛЬКО ЭТО ЧРЗВЧНОЕ ПЛЖНИЕ НО И ПРДУЩЕЕ А К ТМУ ЖЕ И ПРТЛ УНИЧТЖЛ?

ДА. САМ ТОГО НЕ ВЕДАЯ.

НИ ХЕРА СЕБЕ.

— Как я рад снова видеть тебя.

— Повтори.

— Мы должны делать это чаще.

— Вот уж точно. А теперь помолчи.

НО ЕСЛИ ТАК ОНО И ЕСТЬ И ЭТО ИЗВСТНО ПЧМУ Я ТЕБЯ РНШЕ НЕ ПРОСЛА ОТПРАВТЬСЯ В КСПДЦИЮ И НАЙТИ НВУЮ НФРМЦИЮ ДЛЯ ХРШХ РЕБЯТ?

ПНТИЯ НЕ ИМЕЮ.

ВСЕ ЭТО ЧУШЬ НО ОНИ ХТЯТ ШТБЫ Я ПРВРЛА.

ПРВРЬ.

И ШТО ТЫ ИМЕЕШЬ В ВДУ КГДА ГВРШЬ ШТО ОДНИ ЗПРДЛЦЫ ЗА ОТЪЕДНЕНИЕ Э-5, А ДРГИЕ НЕТ?

РЗНГЛС.

РАЗНОГЛАСИЯ? ТЫ МНЕ ЛЕПИШЬ ЭТУ ХЕРНЮ ПРО КАКИЕ-ТО РАЗНОГЛАСИЯ? ШТО НЧГО ЛУЧШЕ У ТЕБЯ НТ? НЕ СБВЛЯЙ СТРСТИ. ПКРВАЛО СОСКЛЬЗВАЕТ.

Он принялся производить страстные движения, издавать страстные звуки.

В кровати его руки лежали на ее затылке.

Я ОТПРВЛЮСЬ НА ЛНУ ТРТЬЯ ЯРСТЬ ЧРЗ ТРИ ДНЯ.

…ОЙ

ШТО *ОЙ*?

ВРДЕ СЛХИ КАКИЕ. ЭТА ИНФРМЦИЯ ДЖЕ НЕ МНЕ ПРДНЗНЧЛСЬ. ВЗМЖНО АТКА НА ЛУНЫ НСКРНА.

ЛУНЫ НСКРНА? НЕ ГЛНТН?

НТ. МЛКИЕ ЛУНЫ.

МЖЕШЬ УЗНТЬ БЫЛА ЛИ АТКА НА ЛНУ ТРТЬЯ ЯРСТЬ? БЫЛИ ЛИ АТКИ НА НБЛДТЛЕЙ?

ПСТРЮСЬ.

ПСТРСЯ ПЛЧШЕ.

ОБЩЮ.

ХРШО. ЕСЛИ Я ШТО-НБДЬ НЙДУ НА НСКРНЕ, СООБЩУ ТЕБЕ А НЕ МРКТРИИ.

ХРШО. ДГВРЛИСЬ. КАК?

УСТАНВИТЕ МКРСПТНИК ПСРДИНЕ МЖДУ НШМИ СТЦНРНЫМИ ЕК4 И ЕК5. Я ОТПРВЛЮ ТУДА

РДГРМУ. МОЙ СТРЫЙ КОД И ЧСТОТА ОСТАЮТСЯ, ИДЕТ?

ПОЖАЛУЙ. НЕ СПШИ ШТОБЫ ВСЕ КАК НАДО.

НА ЭТО МЖТ УЙТИ НЕ ОДН МСЦ. МЖТ ТАМ И ИСКТЬ-ТО НЧГО. НЖНО ЧТБЫ МКРСПТНК РБТЛ И НА ПРИЕМ СНЗУ НА ТОТ СЛЧАЙ ЕСЛИ Я БДУ НА НСКРНЕ.

ПЕРЕДАМ.

Немного спустя.

Я ТБЯ ЛБЛЮ.

ТЫ С УМА СШЛ.

ПРВДА.

БЛЬШЕ СТРСТИ.

Он натянул простыню на свою запредельскую девушку.

ОПТЬ ПКРВАЛО СОСКЛЬЗВАЕТ?

НЕТ ПРОСТО МНЕ НЖНО БОЛЬШЕ СТРСТИ…

3
Возвращение невозможно

Дядюшка Словиус посадил его к себе на плечи. Они шли смотреть, как будут убивать плохую машину. Он ухватил дядюшку Словиуса за лоб, отчего тот стал морщиться, а морщины такие смешные под пальцами, и он принялся корчиться, извиваться и хохотать, и дядюшке Словиусу пришлось покрепче взять его за колени, чтобы он не упал.

— Фасс, прекрати ты извиваться.

— Я в поряде, честно.

Он уже знал, что нужно говорить: «Я не упаду» или «Я в порядке», но сказать, например, «Я в поряде» было лучше, потому что взрослые от этого улыбались и хлопали по плечу. Иногда они клали руку тебе на голову и ерошили волосы, но это ничего.

Они прошли через парадную дверь. Стояла весна, и потому они жили в весеннем доме. Это был большой дом. Он уже успел пожить во всех домах, кроме летнего. В летний должны были переехать после этого. И тогда он уже во всех

поживет. А потом все начнется сначала. Так устроен мир. Дядюшка Словиус пригнулся, когда они проходили через дверь, чтобы он не ударился головой о косяк.

— Эй, смотри головой не стукнись, — услышал он голос отца где-то сзади.

Мать вздохнула:

— Перестань суетиться, дорогой.

Он не видел ни отца, ни матери — те шли сзади него и дядюшки Словиуса, но он их слышал.

— Слушай, я не суетился. Я просто…

— Нет, ты…

У него в пузе начинало бурчать, когда ма и па говорили вот так между собой.

— Еще об истории! Еще об истории! — Когда они шли к самолету.

Дядюшка Словиус рассмеялся. Плечи дядюшки затряслись — он почувствовал это попой.

— Ух ты, какие мы любознательные.

— Сказала бы я на этот счет кое-что, — проговорила мама.

— Да брось ты, — сказал папа. — Мальчик просто интересуется.

— О да, ты прав, — сказала мама. Было слышно, как она дышит. — Моя ошибка. Извини, что выразила свое мнение.

— Да послушай ты, я вовсе не хотел…

— Еще о воэринах!

— Воэнах, — сказал дядюшка Словиус.

— А у меня есть воэрин! Он у меня такой большой и умеет говорить, лазать, плавать, прыгать и даже ходить под водой. У него есть ружье, которое стреляет в другие игрушки. И еще у меня много маленьких, которые просто двигаются. У них тоже есть ружья, но такие маленькие, что их и не видно, но они могут ронять друг друга. У меня их почти сто штук. Я все время смотрю «Штурмовой взвод воэринов»! Мой самый любимый — капитан Чунс, потому что он умный. А еще я люблю коммодора Саптпанура и капрала Кумпа, потому что он смешной. А Джун и Йозе больше всего любят коммодора Саптпанура. Они мои друзья. А вы, дядя Словиус, смотрите «Штурмовой взвод воэринов»?

— Не уверен, что хоть раз поймал его, Фасс.

Фассин нахмурился, задумавшись. Он решил, что эти слова, вероятно, означают «нет». Почему взрослые просто не говорят «нет», когда имеют в виду «нет»?

Они сели в самолет. Фассин сполз с плеч дядюшки Словиуса, но остался сидеть рядом с ним впереди. Ему даже не нужно было больше

говорить, что если он сядет назад, то его будет тошнить. С другой стороны от него сел слуга. Двоюродный дедушка Фимендер с двумя старыми дамами, его подружками, сели сзади. Он смеялся, и они тоже. Еще дальше сзади сидели его мама и папа — тихо о чем-то разговаривали. Его мама и папа были старенькие, но дядюшка Словиус был еще старее, а двоюродный дедушка Фимендер тот вообще был старым-старым.

Самолет поднялся в воздух и полетел с таким же звуком, что и штурмовик «Мститель» из «Штурмового взвода воэринов». Его модель штурмовика «Мститель» тоже летала, но только в Наблюдаемых пространствах под открытым небом, стреляла из пушек и ракетами и точно так же шумела. Он хотел взять ее с собой, но ему не разрешили, хотя он и поднял крик. Ему не позволили взять с собой игрушки. Ни одной!

Он дернул дядюшку Словиуса за рукав:

— А расскажите мне о воэринах! — Он попытался понять, что заставило дядюшку Словиуса рассмеяться. — Еще об истории!

Дядюшка Словиус улыбнулся.

— Воэны — это громилы Кульмины, — сказал двоюродный дедушка Фимендер со своего сиденья сзади и наклонился вперед.

Его дыхание, как и всегда, пахло так забавно-сладковато. Двоюродный дедушка Фимендер любил выпить. Он и говорил иногда забавно, будто все слова были одним большим словом.

— Я не стал бы с таким увлечением задерживаться на мерзавцах, которые лишили наш вид того, что нам всегда принадлежало.

— Успокойся, Фим, — сказал дядюшка Словиус. Он повернул голову к двоюродному дедушке Фимендеру, но сначала посмотрел на слугу, который даже не шелохнулся, не поднял глаз — вообще ничего. — Не дай бог тебя услышит тот, кто относится к таким вещам серьезно, — тогда ты вполне можешь оказаться рядом с этим негодяйским ИР. Ты меня понял?

Он улыбнулся двоюродному дедушке Фимендеру, который снова откинулся на спинку сиденья между двумя старушками-подружками и взял бокал с подноса.

— Для меня это было бы честью, — сказал он тихим голосом.

Дядюшка Словиус улыбнулся Фассу:

— Воэны пришли на Землю очень-очень давно, Фассин. До того как люди научились строить космические корабли. Даже чуть ли не до того, как они научились строить морские корабли.

— И когда это было?

— Четыре тысячи пятьдесят первый ДНЭ, — сказал двоюродный дедушка Фимендер едва слышным голосом.

Дядюшка Словиус, казалось, не услышал. Фассин не был уверен — то ли двоюродный дедушка Фимендер спорит с дядюшкой Словиусом, то ли нет. Но так или иначе, Фассин запомнил 4051 ДНЭ как важное число.

— На Земле они встретили людей, — сказал дядюшка Словиус, — и взяли их с собой на свой корабль — на другие звезды и планеты.

— Похищение первобытных! — сказал двоюродный дедушка Фимендер. — Отобрали себе, не мудрствуя лукаво, варваров на посев! Так?

Похоже, он говорил не с ним и не с дядюшкой Словиусом. К тому же Фасс ни слова не понял из того, что сказал двоюродный дедушка Фимендер. Старушки-подружки рассмеялись.

— Слушай, — сказал дядюшка Словиус с едва заметной улыбкой, — кто может сказать, похищены были люди или нет? Жители Древнего Египта, Месопотамии и Китая были настолько примитивны — они даже не понимали, что происходит. Может, они решили, что воэны — это боги, и пошли с ними добровольно, без всякого

похищения, и мы даже не уверены, забирали воэны людей целиком или нет. Может, они брали только их клетки.

— Или детишек, или эмбрионы или удалили несколько тысяч оплодотворенных яиц, — сказал двоюродный дедушка Фимендер. И потом: — Ах, спасибо, дорогая. Упс! Хорошо пошла.

— В любом случае, — сказал дядюшка Словиус, — воэны взяли несколько человек и расселили их на планетах, очень далеких от Земли, и земляне росли с другими людьми, а Кульмина потребовала, чтобы другие помогали землянам, и те быстро цивилизовались и изобрели все те вещи, что когда-либо изобрели люди на Земле, но эти земляне на других планетах всегда знали, что они — часть галактического сообщества, так?

Дядюшка Словиус посмотрел на него с вопросительным выражением. Фасс тут же кивнул. Он знал, что такое галактическое сообщество: это все остальные.

— Как бы то ни было, но люди на Земле продолжали изобретать всякие штуки и в конечном счете изобрели ходы и порталы…

— Корабль-штурмовик «Мститель» мчится по ходам через порталы, — сказал он дядюшке Словиусу.

— Ну да, — сказал дядюшка Словиус. — И вот когда земляне вышли в космос, и познакомились с инопланетянами, и соединили свои ходы с ходами всех других, они обнаружили, что инопланетяне до встречи с ними уже сталкивались с представителями рода человеческого или слышали о них, потому что о землянах, которых воэны забрали на другие планеты, было уже хорошо известно.

— Остаточное человечество, — сказал двоюродный дедушка Фимендер со своего места сзади. Голос у него звучал забавно, словно дедушка был готов вот-вот рассмеяться или что еще.

Дядюшка Словиус оглянулся и сразу же повернулся обратно:

— Ну, термины не имеют особого значения, хотя иногда и могут звучать довольно обидно.

— Они тщательно подбираются, чтобы удерживать нас на нашем месте, напоминать, что мы им всем обязаны, как ни посмотри, — сказал двоюродный дедушка Фимендер.

— Кульмина говорит нам, что они выделили специальных наблюдателей — приглядывать за Землей, после того как воэны забрали землян к звездам. Они следили, чтобы с Землей все было в порядке, ну, например чтобы в нее не врезался

какой-нибудь большой камень.

Двоюродный дедушка Фимендер то ли закашлялся, то ли рассмеялся:

— Говорить можно что угодно.

Фасс оглянулся на двоюродного дедушку Фимендера. Ему вроде бы хотелось, чтобы двоюродный дедушка Фимендер помалкивал, а вроде и нет, потому как то, что говорил двоюродный дедушка Фимендер (пусть он, Фассин, и не все понимал), похоже, дополняло то, что говорил дядюшка Словиус. Они как бы соглашались друг с другом и одновременно не соглашались. Двоюродный дедушка Фимендер подмигнул ему и повел своим бокалом в сторону дядюшки Словиуса:

— Нет-нет, ты его слушай!

— И вот люди с Земли добрались до звезд и обнаружили, что повсюду обитают инопланетяне, — сказал ему дядюшка Словиус. — И некоторые из этих инопланетян были мы! — Он улыбнулся широкой улыбкой.

— И инопланетных землян оказалось куда как больше, чем тех, кто думал, что человечество — это *они*, — сказал двоюродный дедушка Фимендер.

Похоже было, что он ехидничает. Дядюшка Словиус вздохнул и уставился прямо перед собой.

Самолет летел над горами, покрытыми снегом. Впереди виднелся большой кусок пустыни в форме круга. Дядюшка Словиус покачал головой — он, похоже, ничего больше не хотел говорить, но заговорил двоюродный дедушка Фимендер, и потому Фассин повернулся на своем сиденье, чтобы лучше слышать, что тот скажет.

— И в техническом плане они продвинулись куда как дальше, эти так называемые п-земляне. Продвинутые, но забитые. Вид прислужников, как и все остальные. Так что все мечты землян об экспансии лопнули как мыльный пузырь. Оказалось, что ответ на вопрос «Где же все?» звучит «Повсюду», но только ставкой в этом галактическом покере является червоточина, а потому нам пришлось профинансировать свою собственную и бросить ее на кон. Потом мы узнали, что Повсюду и в самом деле значит Повсюду: все, что ты мог увидеть глазами, и все, что не мог, уже принадлежит каким-нибудь сукиным детям — каждый метеорит, каждая планета, каждая луна и звезда, каждая комета, пылевое облако и карлик, даже это треклятое первовещество самого космического пространства тоже было чьим-то домом. Высадишься на забытом богом, остывающем угольке, рассчитывая выкопать там что-нибудь,

построить или еще как-то использовать его, а тут на́ тебе — двухголовый инопланетянин высовывает из норы сразу две свои башки и говорит: «Катись куда подальше» — или наводит на тебя пушку. Или тащит тебя в суд — ха! А это и того хуже.

Он никогда не слышал, чтобы двоюродный дедушка Фимендер столько разговаривал. Он не был уверен, что двоюродный дедушка Фимендер говорит все это дядюшке Словиусу, или ему, или даже двум своим старушкам-подружкам, потому что он ни на кого даже не смотрел, — он смотрел на выдвижной столик в сиденье перед ним, а может, на стоящие там графин и бокал, и вид у него был грустный. Две старушки-подружки принялись его успокаивать, а одна пригладила на нем волосы, которые были ох какие черные, но все равно казались стариковскими.

— Начальное обучение, так это у них называется, — сказал он то ли себе, то ли выдвижному столику. — Треклятое похищение. — Он фыркнул. — Каждому виду указывают его место и смотрят, чтобы никто никуда. Позволяют нам мечтать, а потом прокалывают эти мечты, как воздушные шарики. — Он покачал головой и отхлебнул из своего сверкающего бокала.

— Начальное обучение? — спросил Фасс; он хотел убедиться, что правильно расслышал.

— Что? А, да.

— Ну, это уже продолжается столько, что никто и не помнит, было ли по-другому, — сказал дядюшка Словиус.

Голос его звучал мягко, и Фасс не был уверен, к кому он обращается — к нему или к двоюродному дедушке Фимендеру. Он слушал вполуха, вытащив один из экранов самолета. Если бы ему позволили взять с собой игрушки, он точно бы прихватил своего ВсеЗная и спросил, но теперь из-за этих занудных взрослых приходилось пользоваться экраном. Он разглядывал буквы, цифры и всякие штуки. (Дядюшка Словиус и двоюродный дедушка Фимендер продолжали говорить.)

Он не хотел разговаривать, он хотел «стучать по клаве», как это делали взрослые. Он попробовал несколько клавиш. Спустя некоторое время на экране появился символ множества книг и рядом с ними — большой мальчик и символ уха. У мальчишки был неряшливый вид, в руке он держал наркочашу, а вокруг головы у него виднелись линии, и маленькие двигающиеся спутники, и летающие птицы. Ну, ладно.

«Начальное обучение», — произнес он, но на-

жал клавишу «текст». Экран сказал:

«Начальное обучение», практика, давно установленная и используемая в последнее время Кульминой наряду с другими; несколько экземпляров доцивилизованных видов *изымаются из их среды обитания (обычно в* клонокластичной *или* эмбриональной *форме), из них выводится* зависимый вид/рабы/наемники/наставляемые, *и когда их сородичи из исконной среды обитания достигают* фазы галактического развития, *то оказываются не самыми* цивилизованными/продвинутыми *в своем виде (нередко они даже не самые* многочисленные *представители этого вида). Предполагается, что виды, воспитанные таким образом, чувствуют себя обязанными своим так называемым* наставникам *(которые обычно заявляют, что тем временем изменяют траектории* комет *и другим образом препятствуют* катастрофам *на их родной планете, независимо от того, так оно на самом деле или нет). Эта практика была запрещена в прошлом, когда действовали* пангалактические законы *(см.* галактический совет*), но имеет тенденцию к возрождению в менее цивилизованные периоды развития. Обычные названия для этой практики — начальное обучение,* подъем за уши *или* агрес-

сивное наставничество. *По соответствующей местной терминологии* — п-человечество *и* о-человечество *(продвинутые и остаточные).*

И это было только начало. Он почесал голову. Слишком много длинных слов. А ведь это даже не взрослопедия. Может, ему следовало поискать сайт для детей помладше.

Они пошли на посадку. Ух ты! Фассин даже не заметил, что они так близко от земли. Пустыня была усеяна самолетами разных размеров, многие были в воздухе. Народу тоже собралось много.

Они спустились по трапу и пошли по песку, хотя многие оставались в своих самолетах. Ему пришлось снова ехать на плечах дядюшки Словиуса.

Чуть вдалеке в центре большого круга располагалась башня со здоровенным шаром наверху. Там-то и была плохая машина, которую обнаружила в горной пещере и поймала Цессория. (Цессория и Люстралии ловили плохие машины. Он несколько раз пытался посмотреть «Патруль Люстралиев», но это было кино для стариков — сплошные разговоры да поцелуи.)

Плохой машине в шарике на верхушке большой башни позволили произнести речь, но в

этой речи оказалось слишком много длинных слов. Ему стало скучно, к тому же тут было так жарко. Ни одной игрушки! Дядюшка Словиус два раза сказал ему: «Цыц!» Он даже немного устал делать вид, что душит дядюшку Словиуса, обхватывая его шею ногами, чтобы отомстить ему за это двойное «Цыц!», но дядюшка Словиус, казалось, даже не замечал его усилий. Мама и папа продолжали свой тихий разговор, закатывая глаза и тряся головами, — они это все время делали. Двоюродный дедушка Фимендер и две старушки-подружки остались в самолете.

Люстралии в самолете (люди и вуль, похожий на большую серую летучую мышь) сказали какие-то слова, потом наконец пришло время, и плохую машину убили, но даже и это было неинтересно — шарик на вершине башни покраснел, из него пошел густой дым, а потом Фассин увидел сильную яркую вспышку, хотя вовсе не такую уж сильную и яркую, потом раздался грохот, и вниз посыпались осколки, и еще пошел дым, некоторые радостно закричали, но большинство помалкивали, только эхо отдалось в горах.

Когда они вернулись в самолет, у двоюродного дедушки Фимендера были красные глаза, и он сказал, что, по его мнению, только что было со-

вершено страшное преступление.

* * *

— А, молодой Таак. Ну-ка объясни-ка ты мне, что это за глупые разговоры о невозможности совершать экспедиции надлежащим образом; под надлежащим я, конечно же, имею в виду дистанционный метод.

Браам Гансерел, главный наблюдатель клана Тондерон, а потому и самый главный наблюдатель из всех (и будущий клановый тесть Фассина), был высок, худ, с гривой седых волос. Он выглядел моложе своих лет, но если как следует прикинуть, то ему перевалило за тысячу семьсот. У него были резкие, угловатые черты лица, большой нос, бледно-восковая, прозрачная кожа, а пальцы и кисти — длинные, хрупкие на вид. Он обычно ходил и стоял, выпятив грудь и закинув назад голову, словно давным-давно поклялся не выглядеть в старости сутулым и зашел слишком далеко в другом направлении. Из-за этой смешной привычки голова его сидела на шее под таким углом, что на тех, с кем он разговаривал и кому выговаривал, ему приходилось смотреть поверх своего великолепного, монументального носа. В руках он держал две длинные, отливаю-

щие черным блеском палки, словно только что вернулся с наимоднейших горнолыжных трасс или собирался туда отправиться.

С этими длинными, связанными в пучок волосами, бледной кожей и простыми, но изящного покроя наблюдательскими одеяниями (черные обмотки, панталоны, длиннополый пиджак) он выглядел вызывающе хрупким, милым стариком, важным до умопомрачения и деспотичным, словно некое верховное божество.

Он ворвался в столовую старшего офицерского состава тяжелого крейсера «Пиралис», стуча своими двумя палками и каблуками, в сопровождении полудюжины младших наблюдателей — и мужчины и женщины, вид у всех мрачно-почтительный; замыкала шествие долговязая фигура улыбающегося Паггса Юрнвича, наблюдателя, в обучении которого участвовал Фассин, но который впоследствии провел меньше времени, чем Фассин, в медленно текущей реальности экспедиций и теперь был старше и по внешности, и по прожитому времени.

— Главный наблюдатель, — сказал Фассин, встав и слегка (чтобы это не выглядело как поклон) кивнув.

Тяжелый крейсер доставлял их на Третью

Ярость, низкоорбитальный спутник Наскерона, с которого они собирались отправляться в экспедицию либо все дистанционно, либо (если Фассину удастся настоять на своем) комбинируя дистанционный и прямой методы.

Браам Гансерел отказался лететь с высокими перегрузками (его годы и хрупкость исключали это), невзирая ни на какие э-костюмы, коконы жизнеобеспечения и противоударные гели, и потому корабль перемещался неторопливо, со стандартным одним «же», так что создавалась приблизительно двойная гравитация Глантина, чуть ниже силы тяжести на Сепекте. Но Браам Гансерел даже при этой стандартной перегрузке демонстративно, чтобы это ни для кого не осталось тайной, ходил, опираясь на обе свои палки. Однако в сложившихся обстоятельствах он полагал, что этой жертвы от него требуют долг и честь. Фассину показалось, что в таком виде Браам Гансерел напоминает вуля, вставшего на ходули.

— Так что скажешь? — спросил главный наблюдатель, остановившись перед Фассином. — Почему это ты отказываешься от дистанционной экспедиции, Фассин? Что с тобой случилось?

— Страх, сэр, — ответил ему Фассин.

— Страх?

Браам Гансерел, казалось, решил поставить эксперимент, можно ли закинуть голову еще дальше назад, — обнаружил, что можно, и там ее и оставил.

— Страх, что рядом с вами я буду выглядеть как довольно-таки средненький наблюдатель медленных.

Браам Гансерел прищурился и некоторое время разглядывал Фассина.

— Ты надо мной издеваешься, Фассин.

Фассин улыбнулся:

— У меня лучше получаются прямые экспедиции, Браам. Вы это знаете.

— Знаю, — сказал Гансерел.

Он повернулся с какой-то дерганой грацией и рухнул на диван, на котором перед его приходом сидел Фассин, слушая новости по экрану. Фассин тоже сел. Паггс уселся, облокотившись одной рукой, на ближайшем диване, а остальная свита Браама Гансерела расположилась поблизости в соответствии с непонятной постороннему иерархией.

Фассин кивнул Паггсу.

— Смотритель Юрнвич, — сказал он с улыбкой, официальным тоном, который — он надеялся — не будет воспринят Паггсом всерьез.

Паггс ухмыльнулся:

— Рад тебя видеть, Фасс.

Значит, с этим все было в порядке.

— Но мы должны делать это совместно, насколько я понимаю, — сказал Браам Гансерел, глядя перед собой на настенный экран, где без звука шли новости.

Показывали похороны чинов Навархии, погибших во время атаки на порт-орбиталище в подвижной точке либрации Сепекте. Гансерел уложил одну из своих палок на подлокотник дивана рядом с собой, а вторую не выпустил из рук. Он махнул ею в сторону экрана, и тот с готовностью снова превратился в голую стену. Столовая старшего офицерского состава тяжелого крейсера была просторной, с множеством вертикальных колонн и диагональных опор. Как и в остальных частях корабля, здесь было вполне комфортабельно по человеческим стандартам, хотя полковнику Хазеренс и приходилось довольствоваться каютой, тесноватой для ирилейта. Ей предложили лететь на крейсере сопровождения, где ей было бы удобнее, но она отказалась.

— Мы можем быть вместе, — сказал Фассин. — Вы и Паггс дистанционно, а мы с полковником напрямую. В таком случае у нас у всех будет при-

крыт тыл, и если с одной из групп что-нибудь случится…

— Так-так, — сказал Гансерел. — Видишь ли, молодой Таак, в этом-то все и дело. Если мы все останемся на Третьей Ярости под защитой этого великолепного корабля и его сопровождения, мы там все будем в безопасности. А ты хочешь в крохотном газолете отправиться на эту планету с ее буйной атмосферой. Опасное предприятие даже в самые спокойные времена. В чрезвычайных же обстоятельствах — просто глупая бравада.

— Браам, ведь разрушенный портал находился под защитой целого флота, и тем не менее его уничтожили. Третья Ярость может двигаться, но очень медленно. Если кто-то захочет нанести удар по Третьей Ярости, он разгонит небольшую каменную глыбу до скорости, близкой к световой, и пошлет ее курсом наперехват. И тогда тяжелый крейсер будет в состоянии помочь единственным способом: если он окажется — а шансы на это просто ничтожны, один к миллиону, — на пути глыбы и примет удар на себя. Но поскольку никто не собирается окружать всю луну коконом из кораблей, то, на мой взгляд, не стоит рассчитывать, что несколько кораблей спасут нас, когда спасения практически нет.

— Зачем кому-то атаковать такую маленькую луну, как Третья Ярость? — спросил Паггс.

— И правда, — сказал Гансерел, словно и сам собирался задать тот же вопрос.

— Никаких причин для такого нападения нет, — сказал Фассин. — Но за последнее время отмечено немало нападений, причины которых понять невозможно.

— Вполне возможно, что атаке может подвергнуться и сам Наскерон, — заметил Гансерел.

— Но Наскерон выдержит куда как более мощный удар, чем Третья Ярость.

— И тем не менее удар могут нанести непосредственно по тебе.

— Если я буду находиться в газолете, даже в сопровождении полковника Хазеренс с ее пистолетом, то обнаружить меня будет практически невозможно, — сказал им Фассин.

— Нет, возможно, если она будет постоянно на связи со своим начальством, — сказал Паггс.

— Вот по этой-то причине мы все и должны оставаться на Третьей Ярости и «нырять» дистанционно, — сказал, вздохнув и посмотрев на Фассина, Гансерел. — Контроль. Или, по крайней мере, иллюзия контроля. Наши хозяева в полной мере понимают, насколько важна эта миссия,

пусть и считают, что пока еще рано объяснять ее истинную природу всем, кто это должен знать. Они, естественно, боятся, что если ничего не получится, то часть вины ляжет на них. В самом деле, все зависит от нас — горстки ученых, о которых они никогда особо не задумывались и не заботились, при всем том, что, — Гансерел перевел взгляд на младших наблюдателей, — Юлюбис примечателен только тем, что является центром исследования насельников. — Он снова устремил взгляд на Фассина. — Сами они почти ничего не могут, а потому со всем тщанием будут заниматься теми банальными вещами, которые им по уму. Отправив нас на Третью Ярость, где мы вполне можем чувствовать себя в безопасности под защитой военных кораблей, они полагают, что делают все возможное, дабы способствовать нашей миссии. Если они отпустят тебя на Наскерон и что-нибудь пойдет не так, то вину возложат на них. В этом они правы.

— Ничего из этого не выйдет, Браам.

— Я думаю, мы должны попробовать, — сказал Гансерел. — Послушай. — Он пошлепал Фассина по руке; на Фассине была его майорская форма, а потому он чувствовал себя неловко среди наблюдателей. — Ты давно не бывал в дистанционных

экспедициях?

— Довольно давно, — признался Фассин.

— Теперь это делается иначе, — сказал, кивнув, Паггс. — Они теперь больше приближены к жизни, если угодно, стали убедительнее. — Паггс улыбнулся. — За последние пару веков методика претерпела значительные изменения к лучшему. Главным образом, благодаря движению за реальные экспедиции.

«Ты мне хочешь польстить, Паггс?» — подумал Фассин.

Гансерел снова похлопал Фассина по руке.

— Ты попробуй, Фассин, а? Сделай это для меня, а?

Фассин не хотел сразу отвечать согласием. «Все это не имеет отношения к делу, — подумал он. — Если бы даже я не знал, что существует потенциальная угроза для Третьей Ярости, единственный веский аргумент состоит в том, что насельники, с которыми мы должны говорить, не будут относиться к нам серьезно при использовании дистанционного метода. Тут речь идет об уважении, о том, что мы рискуем собой, делим с ними их мир, присутствуем там по-настоящему». Но он не должен выглядеть непреклонным. Нужно попридержать кой-какие доводы. Оста-

вить про запас. После небольшой паузы Фассин медленно кивнул:

— Ну хорошо. Я попробую. Но это будет только пробная экспедиция. На день или два. Достаточно, чтобы понять, есть ли разница. А после этого нам придется принять окончательное решение.

Гансерел улыбнулся. Все улыбнулись.

Потом состоялся очень приятный обед со старшими офицерами небольшого флота, доставившими их на Третью Ярость.

Фассин улучил момент, чтобы поговорить с Гансерелом один на один.

— Главный наблюдатель, — сказал он, — я согласился на дистанционную экспедицию, но, если я почувствую, что она ничего не дает, мне придется настаивать на прямой. — Он помолчал, давая Гансерелу возможность сказать что-нибудь, но старик только смотрел на него в упор, откинув голову. — У меня есть полномочия, — продолжал Фассин. — Я их получил по итогам инструктирования от адмирала Квайла и Совета комплекторов. Насколько я понимаю, эти полномочия были урезаны чиновниками системы, которые пришли к собственным выводам относительно путей решения проблемы, но если я сочту, что в этом есть необходимость, то пойду на

крайние меры, чтобы провести свою линию.

Гансерел думал несколько мгновений, потом улыбнулся:

— Как ты считаешь, эта экспедиция… эта миссия увенчается успехом?

— Нет, главный наблюдатель.

— Я тоже так думаю. Однако мы должны попытаться и сделать все возможное, чтобы добиться успеха даже и в этом случае, даже когда неудача почти гарантирована. Пусть видят, что мы делаем все от нас зависящее, что мы пытаемся не ущемить интересы вышестоящих лиц и хотим защитить репутацию и перспективы наблюдателей медленных в целом. Уж это определенно в нашей власти. Ты согласен?

— Пока — да.

— Если ты искренне считаешь, что должен использовать прямой метод, я не буду тебе препятствовать. Но и поддерживать тебя я тоже не стану, потому что в моем положении это означало бы оказаться сторонником действий, которые я продолжаю считать порочными в корне. В любых других обстоятельствах я бы просто приказал тебе делать то, что считает необходимым твой старший начальник среди наблюдателей. Но ты, Фассин Таак, получил инструкции из ин-

станций куда как более высоких — невообразимо высоких, — и это несколько меняет ситуацию. И тем не менее. Попробуй все же дистанционный метод. Может быть, тебя ждут неожиданности. А потом принимай решение. Я тебе не буду мешать. Ответственность целиком ляжет на тебя. В этом можешь рассчитывать на полную мою поддержку.

Гансерел подмигнул Фассину и отвернулся, чтобы поговорить с капитаном тяжелого крейсера.

Фассин подумал, что полная поддержка в данной ситуации очень похожа на «разбирайся-ка, дружок, сам со своими проблемами».

«Пиралис», входя в защитное магнитное поле Третьей Ярости — небольшого, диаметром около двадцати километров, шара из камня и металла, крутящегося на орбите в 120 000 километров от лиловых верхушек облаков Наскерона, — оставил в пространстве светящийся след, похожий на зарю. Газовый гигант заполнил все небо, и его округлая поверхность стала похожа на огромную стену, а пояса и зоны, где разрывались, вихрились, постоянно двигались облака, напоминали вращающиеся в разные стороны потоки окрашенной в безумные цвета жидкости шириной во всю планету. Впечатление возникало такое,

будто эти потоки в их разнонаправленном движении вдруг оказались накрытыми идеально прозрачным льдом.

На Третьей Ярости практически не было атмосферы, а гравитация наблюдалась лишь самая зачаточная. Тяжелый крейсер мог бы причалить непосредственно к базе наблюдателей на той стороне маленькой луны, которая всегда была обращена к Наскерону. Однако посадочная команда перебросила их на другую сторону. «Пиралис» отвели на несколько километров подальше, и он фактически превратился еще в один временный спутник газового гиганта. Корабли сопровождения — два легких крейсера и четыре истребителя — отвели еще на несколько десятков километров, на сложно переплетающиеся концентрические орбиты вокруг луны, и их почти неподвижные, темные, вытянутые корпуса только посверкивали, когда оказывались на фоне полосатого лика планеты.

Третья Ярость была сооружена или преобразована из существовавшей прежде малой луны несколько миллиардов лет назад одним из первых видов, который засвидетельствовал свое почтение насельникам, посетив двор Наскерона. Насельники были самым распространенным

планетным видом в галактике и присутствовали практически на всех газовых гигантах (которые, в свою очередь, были самым распространенным видом планет), однако из девятнадцати с чем-то миллионов насельнических суперпланет лишь на восьми — не больше и не меньше — население готово было принимать гостей. Этот факт убедительно говорил о почти полном отсутствии у них интереса к повседневной жизни остального галактического сообщества.

Но отсутствие интереса было лишь *почти* полным. Насельники ни в чем не были окончательны, даже в своем затворничестве. Они отыскивали, собирали и хранили огромные объемы информации, хотя увидеть какую-нибудь логику в системе ее накопления и хранения было невозможно, а когда насельников расспрашивали об этом, они, казалось, не только были совершенно не способны предоставить объяснение, очевидное или хотя бы туманное, для подобного, внешне бессмысленного, коллекционирования, но и искренне изумлялись самой постановке вопроса.

Кроме того, на протяжении исторического времени (пусть даже и без учета пресловутых ненадежных хроник, писанных на эти темы са-

мими насельниками) часть их всегда готова была принять участие в беседе и обменяться информацией, хотя неизменно на собственных условиях, выдержанных в эксцентричном и капризном духе. По окончании эпохи Первой диаспоры, когда галактика и Вселенная насчитывали всего около двух с половиной миллиардов лет, не существовало ни одного работающего центра насельнических исследований, а в следующие десять с половиной миллиардов лет число таких центров, действующих одновременно, никогда не превышало десяти.

Собеседники, которых насельники находили приемлемыми, приходили и уходили.

Насельники принадлежали к медленным — категории видов, которые существовали миллионы лет. Те, кто посещал насельников и разговаривал с ними, с кем они были готовы обмениваться информацией, обычно принадлежали к быстрым: этот вид часто исчислял время своего цивилизованного существования в десятках тысячах лет, а иногда и того меньше. Насельники терпимо относились и к другим видам медленных и разговаривали с ними, хотя обычно это происходило менее регулярно и часто. Подозревали, что насельники, невзирая на всю их вошедшую

в поговорки толерантность (ни один из видов не колонизировал галактику со средней скоростью менее одного процента от световой — не считая времени остановок, — если только его представители не обладали исключительным терпением), могли утомляться от разговоров с видами, пришедшими побеседовать с ними, и, выбирая в собеседники исключительно быстрых, гарантировали себе, что им не придется слишком долго выносить приставания тех, кто вызывает у них единственное желание — увидеть поскорей их спину. Подожди немного, и (глазом не успеешь моргнуть, по насельническим меркам) их назойливые гости эволюционируют и выйдут из этого докучливого периода своего развития.

В течение последних полутора тысяч лет (а этого едва хватало насельнику на то, чтобы глазом моргнуть) представители человеческого рода считались приемлемыми наперсниками для насельников Наскерона в системе Юлюбиса. Наскеронцы относились к ним достаточно толерантно, находили их общество приемлемым, почти всегда гарантировали им безопасность, и попытки людей говорить с насельниками и разрабатывать их неизмеримые (хотя и вызывающе причудливо организованные и каталогизирован-

ные) залежи информации наталкивались лишь на самое формальное сопротивление, самые невинные способы пустить по ложному следу и самые нерешительные обманные стратегии.

Тот факт, что заинтересованным представителям человеческого рода подобная игривая неразговорчивость, малозаметная застенчивость и легкий, едва заслуживающий этого названия обструкционизм казались препятствием чрезвычайной сложности, плодом неистощимой, дьявольской изобретательности, как раз и демонстрировал различия между теми, кто занимался этим на протяжении практически всего существования Вселенной и кто — менее двух тысяч лет.

Пробовались, конечно, и другие методы.

Подкупить существа, считавшие концепцию денег всего лишь забавной, оказывалось фактически нереально. Иногда возникало впечатление, что власть у насельников распределяется более или менее случайно, а авторитет и престиж зависят почти исключительно от возраста индивида; в такой системе и не найти рычагов влияния.

Время от времени какой-нибудь вид прибегал к альтернативному методу, пытаясь силой оружия взять то, что наблюдатели пытались выудить

из насельников вежливыми, но настырными расспросами. Было обнаружено (разными существами и многократно), что сила на насельников практически не действует. Они не чувствовали боли, считали, что собственное гарантированное существование (а если вывести их из себя, то и существование других) — дело третьестепенное, и, казалось, были проникнуты — явно на клеточном уровне — убеждением: единственное, что имеет и когда-либо имело значение, — это некая уникальная для них ценность, особая, измеряемая в баллах разновидность почета. Один из определяющих принципов ее, судя по всему, состоял в следующем: если какой-либо внешний фактор пытается повлиять на них, все, кого эта ситуация касается, должны противиться ему до последнего дыхания.

Насельники теперь, как и прежде, были почти повсюду. За прошедшее время они кое-как научились вести войны, и хотя их военные машины считались такими же ненадежными (и эксцентричными в плане конструкции, изготовления и обслуживания), как и любая другая их высокотехнологичная продукция, — это никак не означало, что оружие насельников не было смертельным, напротив, было, причем для любого противника

и на пугающе огромном расстоянии.

Порой над насельниками могли возобладать другие виды. Планетная популяция насельников в таком случае уничтожалась и газовые гиганты снимались с орбиты, становясь сырьем для одного из тех чудовищных мегапроектов, на которые были падки главным образом быстрые, явно лишь потому, что это было им по силам. Однако в долгосрочной перспективе результат обязательно был неблагоприятным.

Решиться на войну с расой столь распространенной, древней, раздражительной и (когда это им требовалось) целеустремленной нередко означало, что, как только (или много времени спустя) вам начинало казаться, будто пыль давно улеглась, прошлое похоронено, а все эти прискорбные споры поросли быльем, вдруг откуда ни возьмись в вашей родной системе появлялась маленькая планета, сопровождаемая целым стадом лун, которые, в свою очередь, были окружены множеством обломков размером с астероид, располагавшихся в ворсистом коконе из бесчисленного множества довольно-таки увесистых булыжников, а те в свою очередь были облеплены роями еще меньших камушков, и все это безумное сборище двигалось со скоростью,

настолько близкой к световой, что любые превентивные меры, какие успевали принять даже самые осторожные и внимательные виды, сводились лишь к удивленному выкрику — местному эквиваленту выражения «Это что еще за херня?!», после чего они исчезали во впечатляющем смертоносном пламени.

Ответный удар (если оставался кто-то, способный его нанести, и несколько таких попыток предпринималось) неизбежно приводил к чрезвычайно кровавой войне на истощение, в ходе которой наступало осознание истинных масштабов насельнической цивилизации (если только ее можно было назвать цивилизацией) с ее неизмеримо долгим прошлым, а значит, возможно, и будущим. Это действовало отрезвляюще на тот вид, который имел глупость поссориться с насельниками.

Попытки удерживать местное насельническое сообщество в качестве заложников, чтобы таким образом оказать влияние на других (или на целую группу других), неизменно выходили до смешного неплодотворными. Насельники на любом данном газовом гиганте почти и не думали о собственной коллективной безопасности, и если вы давали им повод продемонстрировать

отсутствие солидарности с любой другой группой их соплеменников — это неизбежно приводило к поразительно мрачным последствиям, так как, невзирая на это равнодушие, генетические и культурные различия между популяциями насельников были значительно меньше, чем внутри любой другой группы, распространенной по всей галактике.

Давний, выстраданный консенсус, особенно у тех, кто еще залечивал цивилизационные шрамы, оставшиеся после столкновений с этим видом — судя по всему, одним из самых успешных в галактике, — и у тех, кто недавно пополнил свои базы данных сведениями о том, что случилось с другими, сводился к следующему: если поразмыслить здраво, то с насельниками лучше всего не связываться.

Оставленные в покое, насельники никому не мешали, разве что иногда самим себе и тем, кто слишком уж задумывался, а что же такое насельники на самом деле. В конце концов, их история, как и история всей галактики, представляла собой почти, хотя и не совсем, непрерывную историю мира и покоя: миллиарды и миллиарды лет без каких-либо заметных изменений. За десять миллиардов лет цивилизации случилось только

три крупных Хаоса и несколько всегалактических войн — их общее количество даже недотянуло до двузначного числа: всего-то восемь!

Такова была история, которой, как, видимо, полагали насельники, все ее участники должны были в известной мере гордиться. В особенности они сами.

— Всем добро пожаловать! Главный наблюдатель, рад вас видеть! Смотритель Таак, наблюдатель Юрнвич. Молодые друзья. А это, судя по всему, полковник Хазеренс. Рад с вами познакомиться, уважаемая.

Дьюлбе, лысый, почти шарообразный мажордом Совместного комплекса на Третьей Ярости, приветствовал их в транзитном зале; военный транспортник уже отстыковался и направился назад к «Пиралису». Двое самых молодых наблюдателей, которые прежде никогда не сталкивались с такими ярко выраженными шарообразными формами, как у Дьюлбе, смотрели на мажордома во все глаза. Как правило, именно в такие минуты на ум приходили параллели между формой Третьей Ярости и мажордома Совместного комплекса. К счастью, сейчас такие мысли если и возникли, то остались неозвученными.

Работники терминала занялись поддонами с

багажом. Хазеренс отослала прочь слуг, которые пытались помочь ей маневрировать в довольно ограниченном пространстве, — куполообразный зал, как и остальная часть подземных (большей частью) сооружений, после убытия предыдущего вида, имевшего статус наблюдателей, был перестроен исходя из человеческих пропорций, без пространственных уступок для других намного более крупных видов. Полковник Хазеренс была счастлива перелетать с места на место там, где могла делать это, слава богу, без посторонней помощи, используя дифферентные винты, расположенные снаружи ее дискообразного экостюма.

— Ага! — громогласно заявил Браам Гансерел, шествуя по полу широкой плавающей походкой, лениво отталкиваясь от потолка небрежными тычками одной из своих палок, как странно грациозный, чтобы не сказать перевернутый вверх тормашками, прыгун с шестом. — Так-то лучше! Гравитацию начинаешь ценить по-настоящему, когда ее мало, верно, Дьюлбе?

Мажордом широко улыбнулся, хотя Фассин и знал, что тот уже десятки раз слышал от старика эту мудрость. Для свиты молодых наблюдателей это явно было в новинку, и они демонстративно

расхохотались, ну просто до боли в боках, — как тут удержишься?

Три двойных диска парили над колоссальным извилистым каньоном в огромном ломте глубоко рассеченной тучи, похожей на выпуклый вал кроваво-красного снега высотой в сотню километров. Гораздо выше небо, состоящее из бегущих желтоватых потоков, на мгновения чередовалось с другим, светло-вишневым цветом, испещренным колючками звезд. Иногда по нему проплывала одинокая луна, будто мягкий коричневатый снежок. Строй летательных аппаратов заложил вираж, направляясь к кроваво-красному валу тумана, и исчез в нем.

Его ощущения изменились. Он почувствовал, как легко, без усилий, начинает воспринимать магнитное и гравитационное поле, радиоволны, потоки радиации, создававшие сложную картину среды, в которой он находился, — тысячи километров в диаметре и сотни в глубину, и он существовал среди всех этих силовых линий, наложенных на все еще доступное широкосветовое изображение и студенистую звуковую подкладку.

По-прежнему следуя за Паггсом, возглавлявшим тройку, они нырнули к огромному

термоклину, появившемуся в поле их зрения километрах в десяти внизу.

Они погрузились в широкий вихрь относительной прозрачности, а потом в шквал воды со снегом. Затем нырнули еще глубже, пройдя полосу давления и температуры, где капли водяного дождя выбивали тяжелую дробь по поверхности их крутящихся двойных дисков, потом опустились еще и еще ниже — даже в широкосветовую темноту, к теплой водородной шуге, в которой диски двигались, как гигантские двухконусные раскидайчики, подпрыгивая, испуская пар, перемигиваясь мазерами.

«Ну, что скажешь, молодой Таак? Хорошо дома?»

«Необыкновенное ощущение, — согласился Фассин. — Значит, до базы… — он сверился с приборами внутренней навигации, — два экваториальных спутника и одна полоса вверх?»

«Да ладно, Фасс…» — начал Паггс.

«Значит, если я сделаю так…» — послал Фассин и направил свой двойной диск к диску Паггса. Паггс предчувствовал дальнейшее и заранее начал уходить назад и вверх. Машина Фассина словно рванулась к дистанционному судну другого наблюдателя, потом подалась назад и

остановилась, чуть не долетев туда, где только что был диск Паггса. «...То тебе едва хватит времени, чтобы избежать столкновения», — рассудительно указал Фассин.

«Смотритель Таак...» — начал Браам Гансерел.

«Тогда как, сделай я что-либо подобное на другой стороне планеты, — продолжал Фассин, — на дальнем окончании всей цепочки спутников, с расстояния чуть ли не световой секунды и даже без всяких задержек на обработку сигнала, мы бы теперь оба слушали сообщения наших дистанционных аппаратов — в лучшем случае о том, что гарантийный ремонт после подобных действий не предусмотрен».

«Фассин, — вздыхая, отправил Гансерел, — я полагаю, все мы знаем, что такое скорость света и диаметр планеты. И потом, эти дистанционные аппараты все же не совсем тупые, имеют кой-какую защиту. У них чрезвычайно сложная система, позволяющая избегать столкновений. Одно из устройств, на которое пришлось получать разрешение у твоих друзей из Шерифства, почти что... умное».

«Но если насельник ради смеха наведет на вас лазер? — спросил Фассин. — Просто чтобы посмотреть на вашу реакцию? Какая тогда польза

от всех этих сложных систем?»

«Может быть, — добродушно предположил Гансерел, — не следует связываться с теми аборигенами, которые склонны действовать таким вот образом».

«Вот только именно они более всего склонны делиться интересной информацией, старик, а не засохшие, безобидные, но и бестолковые недоумки, которым ты только льстишь без всякой пользы», — подумал Фассин. Он пребывал в почти полной уверенности, что это осталось только мыслью. Теоретически в виртуальной реальности ты мог сказать что-то такое, что хотел только подумать, и люди всегда испытывали беспокойство на этот счет, но Фассин не настолько уж забыл дистанционную методику, чтобы его это и в самом деле волновало. Правда, Брааму Гансерелу пошло бы на пользу время от времени выслушивать непроизносимые из вежливости мысли.

«Вполне может быть, главный наблюдатель», — вот все, что сказал Фассин.

«Гм. Ну что, выходим?»

Они вернулись в реальность дистанционной базы в глубине Совместного комплекса на Третьей Ярости, моргая на свету, пока техники

помогали им отстегнуться от кресел. Потом они скинули с себя полусферы ядерно-магнитных резонаторов, стащили наушники и простые черные бархатные шоры, принялись потягиваться и разминаться, словно экспедиция длилась бог знает сколько, а не какой-нибудь час при соотношении времени один к одному.

Паггс вытаскивал пальцы из двух последних мягких наконечников, соединявших его с тонкими пневмотрубками, которые не только фиксировали его движения, но и не давали упасть с сиденья, если он совершит какой-нибудь особенно резкий кульбит.

Гансерел лежал с закрытыми глазами и глубоко дышал, пока техники отсоединяли его от установки.

Паггс оглянулся:

— Ну, мы тебя хоть чуть-чуть убедили, Фасс?

— Вы меня убедили в том, что дистанционный метод сегодня гораздо проще, чем в прежние дни. — Фассин поднялся с сиденья, оттолкнувшись одним мизинцем, и мягко поплыл по направлению к полу. — Я мог поверить вам и на слово.

— Итак, ты получил только один из трех интересовавших тебя томов, молодой Таак, — сказал

Гансерел.

Фассин проводил весьма конфиденциальное совещание на техническом складе вблизи ангара вспомогательных кораблей. Гансерел предлагал собраться в его покоях, но втиснуть туда полковника не было никакой возможности. Присутствовали Фассин, Гансерел, Паггс и полковник Хазеренс. Фассин хотел, чтобы они узнали столько, сколько знает он, — или хотя бы столько, сколько, по его мнению, им следовало знать, — о его находке во время той давней экспедиции и о предмете их поисков в ходе экспедиции, которую предполагалось начать на следующий день.

— Да, — сказал он, — я обменял несколько копий высокого разрешения с картин земных европейских экспрессионистов двадцатого века на — среди многого другого — то, что в каталогах у них числилось трехъязычным текстом эпической поэмы эпохи перед Третьим хаосом, под названием «Лутанклейдар», — это написанная для личного пользования, неопубликованная работа, принадлежащая перу некоего Дожа Энигматиков или им заказанная. Текст был дважды зашифрован и сжат, но было известно, что он занимает три тома. Я получил три тома от Валсеира, вот только — это выяснилось годы спустя, когда

код был взломан джелтиками, — мне дали не первый, второй и третий тома. Я получил первый том в трех экземплярах на трех разных языках. И к тому же текст не принадлежал Дожу Энигматиков. Один из томов был написан на известном ранее, но непереводимом предсветовом языке времен Сложения. Когда делался перевод, этот том использовался как своего рода Розеттский камень[2], он дал ключ к решению множества других проблем и на какое-то время отвлек всех. Потом какой-то очкастый ученый-джелтик углядел в конце примечание, потерявшееся в приложениях, — оно было написано на грубом, но родственном жаргоне и, несомненно, добавлено позже, хотя и ненамного. Сообщало же оно, говоря кратко, о том, что вся вещь была написана во время Долгого перехода Второго корабля насельником-изгнанником, поднаторевшим в предсветовом языке, и что да, конечно, насельнический список существовал, и у них — корабля или его экипажа — был ключ к этому списку, и он войдет во второй и третий том поэмы. Находился он, конечно же, на корабле, а корабль направлялся в систему Затеки. Вот почему джелтики, как

[2] Примечания: 2

Розеттский камень — трилингва, найденная в 1799 г. в Египте, благодаря которой Ж.-Ф. Шампольон расшифровал египетские иероглифы.

только сделали перевод, послали туда флот.

— А почему не сюда, на Наскерон, где они могли найти третий том? — улыбаясь, спросил Паггс.

— Потому что Шерифство не сообщило им, откуда взялась эта информация. Нам не сказали, было это случайно или намеренно. Джелтики могли догадаться, что источник находится в одном из центров исследований насельников, но полной уверенности у них не было, и потом, они не знали в каком. Возможно, они начали наводить справки, но при этом не хотели привлекать ничьего внимания, чтобы никто не догадался о важности того, что оказалось у них. Не забывайте, эта информация неоднократно копировалась и лежала в хранилищах по всей цивилизованной галактике. Возможно, кто-то уже перевел и прочел основной текст, но упустил приложения, где содержалось это важнейшее примечание. Малейший намек на то, что там есть нечто, представляющее стратегический интерес, и все накинутся на эту книгу, начнут ее читать, и — рраз! — джелтики теряют свое преимущество. А потому они со всей поспешностью направились в систему Затеки.

— Знаешь, это все может оказаться надувательством, — сказал, фыркнув, Гансерел. Он поправил

на себе одежду и нахмурился. — Я не сомневаюсь — тут попахивает утонченным и издевательским юмором насельников. Это может оказаться обыкновенной шуткой — если у тебя не хватило ума, то ты попался на эту удочку.

— Очень может быть, — согласился Фассин. — Но у нас есть приказ, и мы должны попытаться на тот случай, если это все же правда.

— Значит, мы ищем два остальных тома этой… как она точно называется? — спросила полковник Хазеренс.

— Наилучший перевод, — сказал Фассин, — это «Алгебраист». Там главным образом про математику, навигацию как метафору, про долг, любовь, томление, честь, долгий путь домой и всякое такое.

— А этот Долгий переход, что это? Или что это было? — раздраженно спросил Гансерел. — Я о нем ничего не слышал.

— Возвращение домой из туманности, которую люди называли Треугольной, — сказал Фассин, улыбаясь одними губами.

— Ну что ж, — сказал Гансерел, снова нахмурившись, — мы не очень-то продвинулись вперед, да? А как, скажи мне, наблюдатель Таак, называем мы эту Треугольную туманность сегодня?

— Мы ее называем Второй Галактикой Потерянных Душ, главный наблюдатель. Путешествие это назвали Долгим переходом, потому что продолжалось оно почти тридцать миллионов лет. Путешествие же к туманности, вероятно, почти не заняло времени, потому что было осуществлено через межгалактическую червоточину. Координаты ее портала указаны, среди прочих, в насельническом списке.

Хервил Апсил, старший техник Совместного комплекса на Третьей Ярости, вновь проверял ручным ультразвуковым прибором состояние правого борта гондолы газолета и удовлетворенно улыбался при виде ровной линии на экране. Над его головой на телескопических опорах стоял один из челноков Совместного комплекса — приземистый крылатый аппарат с открытыми люками трюма. С одной стороны сквозь прозрачный купол основного ангара была видна неизмеримая чернота, в которой время от времени вспыхивали длинные разряды молний, словно по алмазным струнам пробегал свет тусклого голубоватого солнца.

— Проверяешь, нет ли скритов, Хервил? — спросил Фассин, прыжками приближаясь к челноку по полу из расплавленной породы.

Апсил улыбнулся при звуке Фассинова голоса, но не отвел глаз от ручного экрана, пока не дошел до конца проверяемого шва, потом выключил прибор и повернулся к Фассину:

— Пока выявлены только допустимые отклонения, наблюдатель Таак.

Скриты были почти стопроцентно мифическими существами, на которых насельники сваливали вину, если что-то шло наперекосяк. Новички в этой науке на самых первых порах усваивали идею о том, что именно скриты виноваты в многочисленных сбоях, которые, казалось, сопутствуют любому взаимодействию с насельниками или даже сближению с ними. Дело было или в этом, или в том, что свойственная насельникам небрежность в обращении с техникой и врожденное нежелание обеспечивать ее надежную работу оказывались заразны.

Фассин похлопал по темному боку объемистого остроносого газолета. Это была его собственная машина, сконструированная под него и частично им самим. В длину она имела около пяти метров, четыре в ширину (считая наружные маневровые гондолы) и чуть менее двух в высоту. Ее ровные очертания нарушались лишь ломаными линиями различных манипуляторов и маневровых

лопастей, несколькими выступающими датчиками и хвостовой силовой установкой, винты которой в настоящее время были убраны. Фассин потер ладонь о хвостовой стабилизатор правого борта.

— Ну что, все проверено и готово, Херв?

— Полностью, — сказал Апсил.

Он был черен как смоль, строен, но мускулист, его лысый череп лоснился. О более чем почтенном возрасте Апсила напоминали лишь несколько морщинок вокруг глаз. Приблизительно раз в год перед ежегодной эпиляцией (он считал, что генная инженерия слишком агрессивна) у него на черепе вылезали белые волоски, что придавало его голове сходство с ощетинившимся звездным полем.

— А вы?

— Ну, я тоже проверен и готов, — сказал ему Фассин.

У него только что закончилось последнее за день совещание со специалистами, наблюдающими за текущим состоянием насельников. Их нелегкая задача состояла в том, чтобы быть в курсе происходящего среди полного и абсолютного хаоса, какой представляло собой общество насельников, а в качестве дополнительной на-

грузки — отслеживать, где находятся в любой данный момент главные насельнические структуры, институты и (в особенности) Вызывающие Интерес Личности.

Новости были неважные: между второй зоной и поясом В назревала война, разрушалась по меньшей мере одна штормовая структура между второй зоной и поясом В, а где-то в другом месте возникали две новых, движение же ВИЛов в последнее время было особенно непредсказуемым. Можно даже сказать — капризным. Что до местонахождения чоала Валсеира, то его уже несколько веков никто не видел.

За насельниками всегда было трудно уследить. В прошлом исследователи пытались устанавливать на них маячки, чтобы можно было наблюдать за их перемещениями, однако насельники считали это оскорбительным вторжением в свою личную жизнь и проявили удивительную способность обнаруживать и уничтожать подобные платформы, микрогазолеты и жучки, какими бы крохотными те ни были. Насельники нередко злились. Когда наблюдатели, набравшись духу, пытались прибегать к хитростям, насельники прекращали с ними всякое сотрудничество. Иногда это делала вся популяция. Иногда это

продолжалось долгие годы.

У наблюдателей наскеронских медленных были прекрасные отношения с местными насельниками. По меркам насельнических исследований, эти отношения можно было считать чуть ли не тесными, и все благодаря тому, что наблюдатели старались как можно меньше вмешиваться в личную жизнь насельников, которые в ответ проявляли относительную готовность к сотрудничеству и ежедневно передавали свежие сведения о местонахождении их важнейших городов, структур и институтов. Этот бюллетень, выпускавшийся раз в восемь с чем-то часов, стал в насельнических исследованиях олицетворением точности (почти легендарной), а его достоверность временами достигала почти девяноста процентов.

— Как дела в клане Бантрабал?

— В порядке. Словиус передает привет.

Фассин говорил с дядюшкой несколькими часами ранее — все еще пытался убедить того покинуть Осенний дом. Временна́я задержка между Третьей Яростью и Глантином была незначительной, что позволяло вести практически обычный разговор. Он соединился и с Джааль — на другой стороне Глантина, в Весеннем доме

ее клана. Похоже, жизнь на Глантине шла относительно нормально, и военное положение повлияло на его обитателей меньше, чем на жителей Сепекте.

Апсил вытащил из наплечного кармана ручной сканер и проверил еще несколько участков, потом кинул взгляд на челнок, замерший над маленьким газолетом и готовый принять малое судно в свой открытый трюм, а затем доставить его в атмосферу газового гиганта. Фассин, следуя за взглядом старшего техника, посмотрел на темный силуэт того, что уже свисало наружу из грузового отсека и напоминало толстое колесо. Он нахмурился.

— Это очень похоже на полковника Хазеренс, — сказал он.

— Не во всякое место ее и засунешь, — пробормотал Апсил.

— Что? — послышался громовой голос. Потом тише: — Меня кто-то звал? О-хо-хо. Да, это я. Смотритель Таак. Я бы сказала — майор Таак. Привет. Прошу прощения — уснула. Ну, ничего не поделаешь, спать ведь тоже нужно. Думала, попробую, подходит ли мне это место. Должна сказать, прекрасно подходит. Это судно наиболее эффективным способом сможет доставить меня

в атмосферу Наскерона, если возникнет такая необходимость. Так я думаю. Вы тоже так полагаете, старший техник?

Апсил широко улыбнулся, обнажая зубы, черные, как его кожа.

— Я тоже так думаю, мадам.

— Ну, значит, договорились. — Огромный свисающий диск немного сполз с подставки внутри дельтавидного корабля и повернулся к ним. — Так что там с вашей попыткой убедить главного наблюдателя Браама Гансерела позволить вам использовать прямую методику?

Фассин улыбнулся:

— Продвигается, как и любая долгосрочная экспедиция, полковник. Чрезвычайно медленно.

— Жаль.

Апсил погладил изображение на своем сканере и сунул прибор назад в карман, а потом кивнул на маленький корабль:

— Он готов. Можно загружать?

— Давайте.

Загружать газолет в челнок стало у Фассина и Апсила чем-то вроде традиции. Они нагнулись, взяли его с двух сторон и (поначалу очень медленно) стали заводить остроносый передок в грузовое пространство наверху, а под конец им

пришлось повиснуть на аппарате, чтобы замедлить его движение. Аппарат был почти невесом в условиях ничтожной гравитации Третьей Ярости, но масса его составляла более двух тонн, и законы инерции и движения на него распространялись. Их подняло на высоту трех метров в трюм челнока, по направлению к открытым опорам подготовленной люльки, в которой фиксировался газолет. Э-костюм полковника занимал пространство двух небольших газолетов, но в трюме все равно оставалось место еще для пяти. Остроносая машина заняла место рядом с высоким диском, в котором помещалась полковник Хазеренс. Убедившись, что аппарат надежно закреплен, двое мужчин спрыгнули с корабля. Вместе с ними нырнула вниз и полковник.

Фассин поднял голову и окинул взглядом обводы газолета. «Каким маленьким он кажется, — подумал он. — И в таком крохотном пространстве проводишь долгие годы… десятилетия… даже века…» Они приземлились. Апсил, более опытный, правильно подогнул колени, а Фассин подпрыгнул.

Гигантскому э-костюму пришлось наклониться, чтобы пролезть в открытый люк корабля, он упал, но тут же выпрямился, гудя своими винта-

ми, со свистом вспарывавшими воздух.

— Должна сказать, что предпочла бы входить в атмосферу напрямую, то есть фактически. Так сказать, реально, — прокричала полковник.

— Да, полковник, и я тоже, — сказал Фассин.

— Желаю вам в этом удачи, — прогремела ирилейтка.

— Спасибо, — ответил Фассин. — Подозреваю, что удача будет нам необходима, пусть даже ее и не хватит.

Через несколько часов ему едва хватило времени подумать, что как раз неудача и породила шанс, который они искали, но тогда пришлось спасаться бегством.

* * *

Остальные в конце концов убедили его. Пошли все — Тай, Сондж и Мом. Почему не он? Уж конечно, не потому, что он такой нервный. Может, чуточку ленивый?

Он вовсе не был нервным или таким уж ленивым. Просто он хотел остаться в гнезде и понежиться с К. — подключенная к травмализатору и вспомогатору, она завершала свое зновидение. Некрепко привязанная, она парила в мягкой струе, выходящей из воздушного стула, — тонкое,

грациозное тело в полузародышевой позе; она размахивала руками, ее длинные, схваченные пучком каштановые волосы расцветали над ней, как капюшон кобры, то ниспадая на голову, то снова распускаясь. Сетка ядерно-магнитного резонатора, точно многопалая рука, ухватила ее голову сзади. Прозрачная трубка вспомогатора исчезала в крохотном отверстии невроволокна за ухом. Глаза К. лениво двигались под веками, а на лице ее, казалось, застыла улыбка.

На этом этапе, когда она появлялась из долгого зновидения, казалось, будто она нырнула в какую-то бездонную пропасть и теперь медленно плывет назад сквозь несколько километров залитого солнцем мелководья. Можно было направиться вброд навстречу приближающемуся человеку и при этом не погружаться в этот сверхчеткий голографический сон, вызванный химией и ЯМР, можно было вроде как дышать сквозь трубку, пока они, дыша жабрами, двигались к берегу, к этой суетной реальности.

«Эй, Фасс! — передала она, когда он нырнул к ней навстречу, надев небольшой ЯМР-ошейник и став частью медленно испаряющегося зновидения. Она отсутствовала полтора дня: долго. — Ты меня встречаешь? Спасибо, братишка!»

«Повеселилась?» — спросил он.

«Это получше любого веселья. Догадайся, где я была?»

Он послал недоуменный жест плечами.

«Ни малейшего понятия».

«В экспедиции! Мне снилось, что я настоящий наблюдатель — на Наскероне. Ну, вообще-то, это был не Наск, а другой газовый гигант, который называется Фуренасил. Видимо, там и сделали этот чип. Ты когда-нибудь слышал про Фуренасил?»

«Да, это еще одно место, где ведутся насельнические исследования. Значит, тебе снилось, что ты там была. В экспедиции?»

«Ну да. Ты так удивительно об этом рассказывал. И, Фасс, это было здорово! Лучшее зновидение в моей жизни… Ну хорошо, пусть не лучшее, но почти!» К. улыбнулась в его сторону заговорщицкой, самодовольной, сексуальной ухмылкой. Он догадался, какое зновидение она имеет в виду под самым лучшим. Он и она видели его вместе. Любовное зновидение, совместное погружение в то, что они чувствовали друг к другу. Вернее, предполагалось, что чувствовали. Любовные зновидения в некотором роде были фальшивы — вы и в них могли лгать о ваших чувствах, и если правильно выбирали матрицу из травмализатора

и сопутствующие химикалии из вспомогатора, то вам было гарантировано зновидение исключительного, наивного, душераздирающего блаженства даже между двумя людьми, которые на самом деле ненавидели друг друга. Но то, что происходило в зновидении между ними, было прекрасно. Прекрасно — однако он не горел желанием повторить опыт. Он вообще с сомнением относился к ощущениям от виртуальной реальности и зновидений, особенно если вас к тому же накачивали соответствующими синтетическими веществами из вспомогатора: попадая в мозг, они создавали самую что ни на есть достоверную ВР. Легально или даже полулегально — какая разница.

«Ты должен попробовать! Правда! Это будет вроде практики, как ты думаешь?»

«Наверное. Если я окончательно решу заниматься экспедициями на газовые гиганты. Как я понимаю, ты рекомендуешь».

«Если оно такое, то конечно — занимайся!»

Насчет «конечно» он сильно сомневался. Он все еще был молод, еще не принял решения относительно будущего. Стать ли ему наблюдателем медленных, чего, кажется, от него ждут все окружающие, включая даже людей, с которыми он

делил гнездо на орбиталище 4409 («Счастливый орб»)? Или заняться чем-нибудь совсем другим? Он еще не знал. Сам факт, что все видели в нем будущего наблюдателя, как только пройдут годы молодых безумств (а годы эти и в самом деле были безумными — невозможно представить, что так может продолжаться бесконечно или хотя бы долго), придавал ему решимости не делать то, чего от него ждут… хотя, признавал он, может быть, «решимость» было слишком сильным словом. Нежелание. Придавал нежелания. Так ему больше нравилось. И тем не менее он мог удивить их всех. Он мог бы сделать что-нибудь совершенно, бесконечно, удивительно неожиданное. Ему сначала нужно было прочувствовать много всего разного, пока он не найдет то, что нужно, вот в чем дело.

«Слушай, я, может, пойду с другими на митинг протеста. Ну, если только я тебе не нужен…»

«Рада за тебя! Я не возражаю. Можешь идти. Я бы тоже пошла, только мне нужно очухаться — выбраться с этого мелководья. В прошлый раз я еле ползла. Брр!»

«Ладно. До встречи».

«Увидимся, братишка!»

Он покинул гнездо.

Гнездо — низкогравитационный отсек примерно из сорока небольших сферических комнат, в которых размещалось нечто вроде коммуны, объединяющей (только из числа людей) ударял, нетников, зновиденцев, доверчивых, фанатазеров, дурмашей, — располагалось среди большого пучка жилых пространств вдоль длинной оси орбиталища, неподалеку от «западного» (названного так, в общем, произвольно) окончания и вблизи солнечной трубки. Официально гнездо принадлежало матери одного из погруженцев, хотя неофициально являлось Юношеской Народной Республикой Всевеселия (имелись полуофициальные бумаги и компьютерные программы, подтверждающие это).

Орб 4409 был одним из нескольких сотен тысяч орбитальных поселений вокруг Сепекте. Размеры его были средними — цилиндр, переделанный из астероида, пятидесяти километров в длину и десяти в поперечнике, крутящийся со скоростью, необходимой для создания приблизительно двух третей «же» на его внутренней поверхности. Он вращался в бесконечном солнечном свете, как гигантская газонокосилка, уминающая фотоны. Две двенадцатикилометровые системы линз на его концах были обращены к звезде Юлюбиса,

словно два огромных, немыслимо тонких цветка. При помощи системы зеркал солнечный свет сквозь две алмазные пластины поступал внутрь длинной оси орбиталища, где последний набор зеркал (двигающийся туда-сюда по солнечной трубе для создания иллюзии планетарного дня) наконец направлял свет на внутреннюю поверхность — если на пути (новые зеркала) не было чего-нибудь вроде гнездового комплекса в виде грозди.

Гораздо больше людей предпочитали жить в орбиталищах, чем на планетах системы, а большинство орбиталищ располагались неподалеку от Сепекте. Орб 4409 почти с самого своего основания (а был он основан в рамках ужасающей сложной мошеннической системы обмена активами и списания прибыли), двумя тысячелетиями ранее, представлял собой весьма либеральную организацию, где каждый мог делать, что ему нравится, не опасаясь осуждения. Даже его собственник так и не был достоверно установлен, и несколько поколений юристов благополучно ушли на покой, так и не получив об этом сколь-нибудь четкого представления, притом что еще стажерами посвятили свою жизнь изучению истории того, как появился и обрел

свое название орб 4409.

А потому это место всегда привлекало бродяг, художников, неудачников, мизантропов, эксцентриков от политики и других сфер и психически слегка неуравновешенных, а то и сильно нервных людей всякого толка. Большинство из них были из системы Юлюбиса, но некоторые, более экзотического происхождения, прилетали из дальних краев: обычно это были доверчивые и/или ударялы, прибывавшие через портал из других уголков Меркатории, чтобы провести здесь время и немного расслабиться между завершением образования и началом трудовой жизни. Здесь рождалось неплохое искусство, и само это место являлось неофициальным (хотя понесенные здесь расходы и вычитались из налогооблагаемой базы) выпускным классом, дававшим навыки светской жизни деткам богатеев (идея состояла в следующем: пусть эти сволочные дитятки вкусят настоящей свободы и убедятся, какая это гнусная штука); это была промежуточная остановка для тех, кто двигался на дно или возвращался из забвения, это был дом на полпути для тех, кто, может, сумеет, а может, и не сумеет сделать что-нибудь полезное для общества, но кто уж точно сможет потрясти его устои. (А если это местечко

и в самом деле вызывало у вас параноидальные страхи, то за ним было — с точки зрения властей — легко присматривать, а прикрыть эту полную опасных идей выгребную яму было и того легче: все здесь были как на ладони.) Иными словами, орб 4409 был полезен. Он выполнял свое предназначение, и не одно. В таком большом обществе, что существовало вокруг Юлюбиса, услуги подобного рода были необходимы.

Люди остаются людьми. Некоторые могут быть всегда откровенными, другие — немного извращенными, но все они играют какую-то роль, все они в определенном смысле имеют ценность. Разве нет?

Но теперь эта сучья Меркатория, эта сучья Доминация, или эта сучья Омнократия, или уж как там эти суки себя называли, этот сучий иерхонт (а скорее, один из иерхонтовых сменяемых советничков, увидевший в этом способ зашибить побольше денег и заполучить побольше власти), или подчиняющийся ему перегал, или подчиняющийся перегалу аппаритор, или сам урод-диегесиан, который сейчас номинально был губернатором, или мэром, или хер его знает кем (вообще-то, его пост, его власть, его головорезы появились здесь лишь благодаря давней

нечистой сделке, завершившей спор о том, кто чем управляет), все эти сучьи шишки скопом, сучья шайка, которая владела всем или считала, что на все должна наложить свои сучьи лапы, решила, постановила, пришла к выводу, что право владения всем этим сучьим местечком (а также множеством других подобных орбов в подобных ситуациях спорного/неопределенного/сомнительного/благополучно условного права владения) должно перейти к тому, кого они называли надлежащим образом учрежденной и ответственной властью. А это означало преимущественно их самих. А если не их, то их прихвостней. Тех, кто серьезно относился к таким вещам, как право собственности, сбор арендной платы, судебные взыскания и прочая и прочая. Эти беззаконники писали законы, вводили их в действие, и потому орб был обречен: ему не позволили бы существовать и дальше, ему не позволили бы выжить, он не мог и дальше продолжать в том же духе как ни в чем не бывало, он не мог перейти под сучью местную юрисдикцию, пока в нем не произойдут серьезные перемены. Эти люди, уж бог их знает по каким сучьим мозгокрутным причинам, уничтожали часть того, что было хорошего в орбе, на орбите вокруг

Сепекте, в системе Юлюбиса, в обществе, частью которого все они являлись, в конце концов. Они в конечном счете были глупцами и двигались к самоуничтожению, и требовалось только одно: чтобы люди, ясно понимавшие, что происходит (поскольку именно они на острие, в самой гуще событий), объяснили им это. Ведь все они, в конце концов, были заодно, просто иногда эти суки у власти заходили слишком далеко, отрывались от реальности, в которой жило большинство, и вот тогда-то вы и должны были занять четкую позицию, заявить свою точку зрения, возвысить голос, чтобы вас услышали.

И вот они отправились протестовать — вниз по фрикционным трубам и на тарзанках, по трамвайным путям на центральную площадь, где собиралась огромная толпа.

— Нет, вы только подумайте, — сказал Мом, когда они подходили к площади. — Запредельцы никогда не нападают на орбы, никогда не нападают на целые города, никогда не нападают на что-нибудь большое и беззащитное. Они нападают на военных, на представителей властей и узловые точки инфраструктуры. Их атаки, их насилие, их военная стратегия — это все поддается анализу, если только ты готов подходить к ним

без предубеждения, скинув пропагандистские шоры. И послание их очевидно: они спорят и воюют с системой Меркатории, с Доминацией, Омнократией и Администратурой, а не с простыми людьми — не с нами.

— Я возражаю против того, чтобы меня называли простым! — запротестовал Сондж.

— Заносить тебя в категорию людей, Сондж, означает толковать это понятие слишком широко, — парировал Мом.

Это был маленький, бледный, эксцентричный и всегда немного сгорбленный парень, словно он постоянно готовился то ли подпрыгнуть, то ли нырнуть. Сондж был настоящей громадиной — крупный, неуклюжий, темнокожий, переменчивый тип с неимоверно курчавыми короткими рыжими волосами: он чувствовал себя в своей тарелке или даже становился немного грациозным в условиях низкой гравитации.

— Это еще не значит, что они хорошие ребята, — настаивал Фассин.

— Это значит, что они открыты для аргументов, способны вести осмысленный разговор, — сказал Мом. — Они вовсе никакие не сучьи психи, которых нужно уничтожать, точно клопов, — а мы только это и слышим.

— Что же им мешает говорить с нами? — спросил Фассин.

— Мы им мешаем, — сказал Мом. — Чтобы говорить, нужны две стороны.

Все посмотрели на него. Мом был известным болтуном. Иногда он взывал к аудитории, которая по большей части давно уже погрузилась в сон. Он пожал плечами.

— Моя кузина Лейн… — сказала Тай.

— Еще одна? — спросил Мом, изображая недоумение.

— Сестра кузины Кел, единоутробной сестры кузины Йайз, — терпеливо объяснила Тай.

Она была заодно с Сонджем и такого же крупного сложения; в условиях низкой гравитации она двигалась неуклюже, но на внутренней поверхности орба при двух третях «же» делалась энергичной и проворной.

— Моя кузина Лейн, — решительно продолжила она, — та, что из Навархии, считает, что запредельцы атакуют так часто потому, что иначе Навархия и Объединенный флот обрушатся на них. И мы нападаем не на военные объекты. Она говорит, что мы наносим удары по их орбам. Убиваем их миллионами. Многие офи недовольны…

— Кто-кто недоволен? — переспросил Мом.

— Многие офи, — повторила Тай.

— Слово-то я понял, — со вздохом сказал Мом. — Вот смысл до меня не дошел. — Он щелкнул пальцами. — Постой. Это, наверно, сокращенно «офицеры», а?

— Верно.

— Блестяще. Продолжай.

— Многие офи недовольны этим, — снова сказала Тай, — и вот запредельцы атакуют нас, чтобы мы больше занимались обороной. — Она тряхнула головой. — Так говорит моя кузина Лейн.

— Тьфу! Это бредни запредельцев, — сказал Мом, закрывая себе ладонями уши. — Подведешь нас всех под монастырь. — Они рассмеялись.

— По крайней мере мы можем говорить что хотим, — заметил Фассин.

Мом издал свой особый глухой смех.

На центральной площади Фассин здоровался с людьми, упиваясь чувством солидарности и каким-то чуть опасливым удовольствием, — множество забавных костюмов, высокие скульптуры из зубочисток, гудящие пастухи воздушных шариков (они размахивали транспарантами с лозунгами, распевали песни, разбрасывали нарконфетти), — но все же чувствовал себя здесь непонятно почему чужим. Он оглянулся, забыв

на мгновение о собравшихся (в основном это были люди) и кольце куполообразных сверкающих зданий.

Орб представлял собой втиснутый во вращающуюся трубку гигантский зеленый город с небольшими холмами, множеством озер, авеню, сходящихся между невысокими домами с висячими садами, петляющими реками, веретенообразными башнями, часть которых, изгибаясь наподобие лука, достигала солнечной трубы, где они искривлялись (или сужались), чтобы встретиться с башнями на другой стороне. Гроздья гнезд (окруженных зеркалами, оплетенных, словно лианами, фрикционными трубками) располагались около длинной оси, и дирижаблистеры плавали под ними, как странные полупрозрачные облака.

Потом Фассин услыхал что-то вроде крика в толпе, там, где был главный очаг протеста, — вблизи дворца диегесиана. Он, возможно, и почуял бы что-то странное, но подумал, что это один из пролетающих пастухов рассыпал какой-то наркотик, не опознанный непосредственно иммунной системой Фассина. Потом он понял, что, видимо, пастухи здесь ни при чем, потому что все они, как один, вдруг резко опустились. Кроме того, погас-

ло солнце в солнечной трубе. Такого никогда не случалось. Он услышал множество необычных шумов — некоторые из них напоминали человеческие вопли. Казалось, что сразу похолодало. Это тоже было необычно. Люди вокруг толкались, он ощущал удары их плеч — они припустили мимо него, потом они стали падать на него, и тут он понял, что он *Фассин,* который лежит на земле, потом он снова стал *Фассином,* который получает удары, но был и *Фассином,* который пытался подняться, снова встать на ноги, и он был *Фассин,* он стоял на коленях и был *Фассином,* который вот-вот встанет с колен на ноги, его качало, чувствовал он себя очень странно, не мог понять, что делают эти люди, которые лежат вокруг него, когда его — *Фассина* — снова сбили с ног. Сбил его человек в серо-стальных доспехах, без лица, с большой дубинкой и парой небольших камер на каждом плече: он распылял газ из баллончика и производил жуткий, высокий, пронзительный звук, от которого он — *Фассин!* — хотел убежать подальше, но у него жгло нос и глаза и все остальное, ему было больно, и он не знал, что ему делать, он был *Фассин*! — и он стоял там, и этот тип с большой дубинкой, длинной, как пика, подошел к нему, и ему — *Фассину?* — пришла в голову

глупая мысль, что можно спросить у этого типа, что происходит и что такое случилось с *Фаааасссссиишиннннооооммммм*? — что случилось, когда этот человек закинул свою дубинку, ударил его по лицу, выбил несколько зубов и отправил его.

– *Фассин?*

Услышав свое имя, он наконец пришел в себя.

— Вернулся? Хорошо.

Говорил маленький человечек, сидевший на большом стуле за тесным металлическим столом. В комнате — или что уж это было — стояла такая темнота, что увидеть ничего было невозможно, даже с помощью инфракрасного излучения. Судя по звучанию голоса того человека, помещение было небольшим. Фассин чувствовал, что его лицо и особенно рот болят. Он попытался вытереть рот, опустил глаза. Руки его не могли двигаться, потому что кисти были (он попытался найти подходящее слово) схвачены наручниками, так? А наручники были прикованы к сиденью. Что это еще за чертовщина? Он засмеялся.

Кто-то ударил его по костям. Скелет Фассина словно превратился в музыку ветра, а его плоть, мускулы и органы пребывали где-то в другом месте, не в нем, но все же оставались как-то с ним связаны, и какие-то суки, а точнее, большая

шайка сучар набрала молотков и принялась что было сил молотить сразу по всем его костям. Боль прошла почти так же мгновенно, как появилась, оставив после себя лишь странный отзвук в скелете.

— Что это еще за херня? — спросил Фассин у маленького человека.

Из-за выбитых зубов голос его звучал комично. Он потрогал языком выщербины. Похоже, двух нет, а один шатается. Он попытался вспомнить, за сколько времени у взрослых вырастают зубы. Похоже, человечек был парень веселый — с круглым удивленным лицом и пухлыми розовыми щечками. Волосы у него были черные, коротко подстриженные, и носил он форму — какую, Фассин никак не мог понять.

— Это что еще за шрань, вы что тут, меня пытаете, что ли? — спросил Фассин.

— Нет, — ответил человечек, и голос его прозвучал весьма убедительно. — Я это делаю только для того, чтобы привлечь ваше внимание. — Одна его рука двинулась по столешнице.

Кости Фассина заклацали, словно кто-то опять принялся играть на них. Его нервы, теперь уже дважды испытавшие это, решили, что человечек не шутит, что все это довольно чувствительно.

— Ну хорошо, хорошо, — услышал он собственный голос. — Я понял, что за шрань у ваш на уме. Что за срань, — сказал он, пытаясь приспособить правильное произношение к новой своей дентальной раскладке.

— Не ругайтесь, — сказал человечек и снова сделал ему больно.

— Все, понял! — закричал Фассин.

Голова его свесилась на грудь, из носа закапали сопли, изо рта — слюна и кровь.

— Пожалуйста, не ругайтесь, — сказал человечек. — Ругань свидетельствует о нечистых мыслях.

— Скажите мне, какого хера… что вам от меня надо, — сказал Фассин.

Неужели это все взаправду? Может, он с того самого момента, как встретил К., вернувшуюся с мелководья зновидения, пребывает в какой-то ВР, где ему снится этот сон? Может, такие вещи случаются, если матрица сновидений попалась дешевая или пиратская, или что-нибудь в таком роде? Неужели это взаправду? Нет, для взаправду слишком уж больно. Он посмотрел на свои ноги и рубчик шортов — они были заляпаны кровью, слизью, соплями. Он различал отдельные волоски на своих ногах — одни стояли торчком, другие

прилипли к коже. Он различал поры. Разве это не означает, что все взаправду? Да нет, конечно же. Зновидения, сим-карты, ВР — все это вытекает из того факта, что разум не может одновременно сосредоточиваться на разных вещах. Остальное — иллюзия. Человеческое зрение, самое сложное из чувств, каким владеет его вид, делает это вот уже миллионы лет — обманывает разум глазами. Ты думаешь, что у тебя цветное и довольно детализированное зрение в пределах широкого поля, но на самом деле это не так; точное цветовое зрение распространяется лишь на крохотную часть того, что ты видишь, а остальное ты воспринимаешь нечетко, монохромно, реагируя главным образом на движение.

Мозг обманывает себя, притворяясь, будто видит одинаково хорошо в центре поля зрения и на периферии. Хитроумная ВР использует тот же трюк — сосредоточься на детали, и она будет воссоздана для тебя во всех подробностях, но все остальное, чему ты не уделяешь пристального внимания, можно просто не брать в расчет, пока ты на нем не сконцентрируешься: это позволяет не перегружать вычислительные мощности.

Фассин отвел взгляд от своей забрызганной кровью ноги.

— Это взаправду? — спросил он.

Человечек вздохнул.

— Мистер Таак, — сказал он, скользнув взглядом по экрану, — согласно нашим сведениям, вы происходите из уважаемой семьи и в один прекрасный день даже можете стать полезным членом общества. Вам не стоит общаться и жить с теми людьми, с какими вы сейчас общаетесь и живете. Вы все вели себя очень глупо, и люди пострадали от вашей глупости. Вы на самом деле жили в некоем сне, но теперь сон кончился. Официально. Я думаю, вам пора возвращаться домой. Вы так не считаете?

— Где мои друзья?

— Мистер Лифилде, мистер Ресиптисс, миссис Каргин и миссис Хохуэл?

Фассин недоуменно смотрел на него. Черт побери, все те последние несколько месяцев, что он провел здесь, он называл их только по имени. Он подумал, что за этими фамилиями скрываются Тай, Сондж и Мом, но уверенности у него не было. И потом, этот тип назвал четверых, да? Неужели это значит, что они считают и К.? Но она-то в акции протеста не участвовала.

— Их держат в другом месте, или с ними уже разобрались и выпустили, или мы до сих пор

ищем их. — Человечек улыбнулся.

Фассин посмотрел на свои руки, закованные в металлические петли. Он попробовал пошевелить ногами, потом наклонился и посмотрел вниз. Ноги у него тоже были закованы. Или связаны. Или бог знает что. Во рту было какое-то странное ощущение. Он провел языком там, где прежде были зубы, проверил еще раз. Наверное, придется носить протезы, пока не вырастут новые. Или улыбаться по-пиратски.

— Почему со мной так обращаются?

На лице человечка появилось недоумение. Он, похоже, снова хотел сделать Фассину больно, но потом раздраженно покачал головой.

— Потому что вы приняли участие в беспорядках с применением насилия, вот почему! — сказал он.

— Но я не применял никакого насилия, — сказал Фассин.

— Вы лично, может, и не применяли, но демонстрация, в которой вы участвовали, определенно вылилась в насильственные действия.

Фассин хотел было поскрести затылок.

— И этого оказалось достаточно?

— Конечно.

— А кто первым применил насилие? — спро-

сил он.

Человечек резко развел руки и зазвеневшим голосом сказал:

— Разве это имеет значение?

Фассин имел в виду: «Какая сторона?» — но понял, что человечек имеет в виду: «Кто из демонстрантов?»

Он вздохнул.

— Слушайте, я хочу вернуться к друзьям, в мое гнездо. Можно? Я ведь ничего не сделал. Мне выбили зубы, а я ничего не могу вам сообщить… ничего… — сказал он. Он снова вздохнул.

— Когда подпишете вот это, можете идти.

Человечек развернул экран, чтобы Фассин мог видеть. Фассин посмотрел на то, что должен подписать, на подушечку для снятия отпечатков пальцев и иконку видеокамеры на экране: все это призвано было зарегистрировать, что подписал действительно он (или, точнее, увеличил объем фальшивки, которая после этого займет больше места в памяти).

— Я не могу подписать, — сказал он. — Здесь говорится, что мои друзья — агенты запредельцев и заслуживают смерти.

Человечек закатил глаза:

— Да прочтите же внимательнее. Здесь только

говорится, что у вас есть подозрения на сей счет. Ведь не думаете же вы, что вашего слова будет достаточно, чтобы обвинить кого-то в чем-либо, а?

— Тогда зачем я должен это подпи?..

— Мы хотим, чтобы вы их предали! — закричал человечек так, будто ничего очевиднее этого и быть не могло. — Мы хотим, чтобы вы отвернулись от них и стали полезным членом общества. Только и всего.

— Но они мои друзья. — Фассин закашлялся, проглотил слюну. — Слушайте, можно мне выпить воды?

— Нет. Нельзя. И никакие они вам не друзья. Просто ваши знакомые. Да и то едва ли. Вы с ними напивались, накачивались наркотиками, немного болтали, а с некоторыми спали. Все равно скоро каждый из вас пойдет своим путем, и, может, вы больше никогда не встретитесь. Никакие они вам не друзья. Согласитесь.

Фассин в данных обстоятельствах не желал дискутировать о том, что такое дружба.

— И все же я не буду их предавать.

— Но они-то вас предали!

Маленький следователь подвинул экран к себе, кликнул на нескольких иконках и снова повернул его к Фассину. Фассин увидел, как Тай,

Сондж и Мом (все привязанные к сиденью, как и он, а Сондж еще и здорово побитый) говорят, что давно подозревали Фассина в симпатиях к запредельцам, что он опасен для общества и за ним нужно приглядывать. Каждый из них бормотал что-то в этом роде, подписывался на экране и прижимал палец к подушечке (палец Сонджа оставил кровавое пятно).

Эти сцены потрясли его. Возможно, они были сфальсифицированы, но Фассин все равно был потрясен. Он откинулся к спинке стула.

— Вы это подделали, — сказал он неровным голосом.

Человечек рассмеялся:

— Вы что, с ума сошли? С какой стати?

— Не знаю, — признался Фассин. — Но я знаю моих друзей. Они бы никогда…

Человечек подался вперед:

— Тогда подпишите, а в том совершенно невероятном случае, если это дело всплывет, скажете, что это подделка.

— Ну так возьмите и подделайте! — закричал Фассин.

— Но в этом случае вы их не предадите! — закричал в ответ человечек. — Кончайте! Подписывайте и убирайтесь. У меня есть дела поважнее.

— Но зачем вам вообще это нужно? — сказал Фассин, едва сдерживая слезы. — Зачем вам нужно, чтобы кто-то кого-то предавал?

Человечек несколько мгновений смотрел на него.

— Мистер Таак, — сказал он, откинувшись назад и стараясь говорить спокойно, — я просмотрел вашу анкету. Вы не глупы. Идете на поводу у других, идеалистичны, наивны — это все есть, но вы не глупы. Вы должны знать, как функционирует общество. По крайней мере, иметь хоть какое-то представление. Оно функционирует, основываясь на силе, власти и принуждении. Люди держат себя в рамках не потому, что они такие хорошие. Это либеральное заблуждение. Люди держат себя в рамках потому, что в противном случае они будут наказаны. Все это хорошо известно. Это даже не обсуждается. Цивилизация за цивилизацией, общество за обществом, вид за видом — все действуют по этой схеме. Общество означает контроль, а контроль — это награда и наказание. Награжденным разрешается пользоваться плодами общества, и существует правило, хотя и не абсолютно непреложное: никто не наказывается без причины…

— Но…

— Помолчите. Тот идиотский вопрос о праве собственности на орбиталище, из-за которого вы и устроили всю эту бучу, не имеет к вам никакого отношения. Вопрос о собственности — вопрос юридический. А вы даже не местный и в любом случае не собирались здесь задерживаться больше чем на несколько месяцев. Разве нет? Вам в это дело никак не нужно было соваться. Но вы решили иначе и напросились на неприятности, а теперь платите за это: все имеет свою цену. Часть цены состоит в том, что вы даете нам понять: вы пытаетесь размежеваться с этими людьми, вашими подельниками. Как только сделаете это — вы свободны. Можете возвращаться. Я бы предложил вам вернуться домой. Я имею в виду Глантин.

— А если я скажу «нет»?

— То есть не станете подписывать?

— Да.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Тогда дело переходит в другие руки. Вам предстоит познакомиться с людьми, которые получают удовольствие от таких вещей.

На сей раз, когда человечек двинул рукой по столу, Фассин закричал от боли. Видимо, он прикусил себе язык. Он ощутил во рту вкус железа, и

рот его наполнился кровью и горячей слюной.

— Потому что я, — устало сказал человечек, — никакого удовольствия не получаю.

В конце концов Фассин подписал. И похоже, с самого начала понимал, что подпишет.

Вид у человечка стал счастливый, и в помещение вошли две охранницы, которые, развязав путы Фассина, помогли ему подняться со стула.

— Спасибо, мистер Таак, — сказал человечек и, прежде чем Фассина вывели из комнаты, потряс ему руку. — Мне очень не нравятся все эти неприятные вещи, но видеть, как человек проявляет благоразумие, — немалое удовольствие. Постарайтесь не думать обо мне слишком плохо. Желаю удачи.

Фассина помыли в душе, привели в порядок, и он, посетив врача и выпив кружку бульона, ушел, одетый в тонкий, как бумага, костюм. Когда его выпроводили из помещения в наружную часть орбиталища, он оглянулся — с ним беседовали где-то в недрах дворца диегесиана. Фассин вернулся в гнездо, где все было перевернуто вверх дном. Тут устроили настоящий погром, все переломали или обрызгали какой-то вонючей рвотной дрянью, применяемой для разгона толпы. Тогда они отправились в бар, но после

демонстрации и ее разгона так ни о чем толком и не говорили. Все мусолили слухи: того будто бы убили, а тот исчез.

К. с ними не было. Солдаты, разгромившие гнездо, избили К. Ее на три недели поместили в тюремно-больничный корабль, а в день своего освобождения она зарезалась осколком стекла.

Правду Фассин узнал только через несколько месяцев. К. отправили в кошмарное зновидение. Кто-то пришедший вместе с полицейскими (а может, кто-то из них сам умел работать с аппаратурой зновидений) обнаружил, что она все еще плавает, еще не вышла из своего погружения, и изменил установки травмализатора и вспомогатора, а другие тем временем били ее. У того, кто перенастроил травмализатор, вероятно, был чип, заготовленный для таких случаев. После этого они оставили ее, окровавленную и связанную, в каком-то ускоренном кошмаре, где царили ужас, насилие и пытки.

Они были разъединены, занимались другими — и в основном более важными — вещами, когда удалось выяснить все это. Говорили об иске, следствии, протесте.

Фассин вернулся на Глантин и записался на вводный наблюдательский курс через один се-

местр. После этого он вернулся на орбы, затем посетил Бугитаун в Сепекте, опять вел бурную жизнь — пьянствовал, накачивался наркотиками, веселился, трахался напропалую, а потом (не сразу, постепенно, осторожно) стал наводить справки, потерся в нужных местах, стал встречаться с кое-какими людьми. Он явно прошел несколько проверок, даже не зная об этом, и в один прекрасный день его познакомили с девушкой, которая назвалась Аун Лисс.

* * *

— Фассин!

Он проснулся, услышав свое имя. Каюта на Третьей Ярости. Все еще темно, как ночью. Какие-то стуки. Экран показывал четыре часа. Экран был красный и мигал. Кто-то его зовет?

— Что? — сказал он, скинул с себя ремни и, поднявшись с кровати, поплыл к центру каюты.

— Херв Апсил, — сказал голос. Голос, похожий на голос Апсила, когда тот бывал возбужден или расстроен. — У нас неприятности. Похоже на атаку.

Черт побери! Фассин натянул на себя одежду, дал команду «полный свет».

— Этот жуткий шум, холера его забери, — это

что, сигнал тревоги?

— Верно.

— Ты в командном пункте?

— Да.

— И кто это, по-твоему?

Шкафчик, над которым замигала лампочка, развернулся на своей оси, открыв запасной скафандр.

— Не знаю. Два корабля уже уничтожены. Надевайте э-костюм и…

Огни — все тревожные огни — замигали. Экран погас. Кабина сотряслась. В ванной что-то рухнуло с громким треском.

— Чувствуете, да? Вы все еще здесь? — сказал Апсил.

— Чувствую и здесь, — ответил Фассин, глядя на э-костюм в шкафчике.

— Одевайтесь и спускайтесь по шахте в убежище. — Апсил помолчал. — Вы меня слышите? — Еще одна пауза. — Фасс?

— Слышу. — Фассин принялся стаскивать с себя одежду. — А ты что будешь делать, Херв?

— Мы оба будем делать одно и то же.

Кабина снова заходила ходуном. Воздух затрясся, как желе.

Тревожная сигнализация выключилась, но так,

что энтузиазма у Фассина не прибавилось.

Экран мигнул и издал хрип.

Фассин вытащил э-костюм из шкафчика.

— Как дела в главном ангаре? — спросил он.

— Целехонек. Нас, похоже, атакуют из-за Наскерона.

— Значит, в центре мы будем ближе к зоне обстрела, — сказал Фассин.

Что это — утечка? Он услышал шипение воздуха, застегнул воротник э-костюма у себя на шее и дал развернуться гелевому шлему. На несколько мгновений все вокруг потеряло четкость, погрузилось в тишину, потом он решил, что ситуация еще не критическая, и открыл щели, чтобы дышать, говорить и слышать. Лицевая часть шлема стала почти совсем прозрачной.

— Это только сейчас, — согласился Апсил. — Если направление их ударов не изменится, то через два часа мы окажемся точно на траверсе огня.

Фассин вошел в э-костюм и потянул его вверх, соединив с воротником, потом, пыхтя, сделал несколько движений, приноравливаясь к одеянию. На самом деле оно было довольно удобным.

— И ты именно это и собираешься делать, Херв? Сидеть, прижав уши, вместе со всеми остальными, словно мышь в норе, и надеяться, что кот

уйдет?

— Таков приказ.

— Я знаю. Догадайся, что я хочу сделать.

Последовала пауза. Еще один сильный удар сотряс каюту. Главная дверь распахнулась внутрь и заходила ходуном; за дверью Фассин увидел сходной люк. Пауза продолжалась.

— Херв? — позвал он и оглянулся — не нужно ли взять что-нибудь с собой. Нет, ничего. — Херв?

— Встретимся там.

На подсвеченном сбоку лике Наскерона что-то вспыхнуло, и в этом ярком сине-голубом свете ангар превратился в беспорядочную мозаику ярко сверкающих поверхностей и черных как смоль теней. Фассин вздрогнул. Свет быстро потускнел, став желто-оранжевым; между луной и Наскероном засияло маленькое гаснущее солнце.

Херв Апсил опередил его. Он махнул Фассину и легко прыгнул на восемь метров, к открытому носовому отсеку челнока, затем исчез внутри. Люк закрылся.

— Херв, — сказал Фассин, опробуя переговорное устройство скафандра.

Ответа не последовало. Он неторопливыми прыжками двинулся к открытому люку трюма. Полковник Хазеренс уже была там: высокий

диск ее скафандра парил чуть выше поверхности пола, точно под тем самым местом, которое она занимала в прошлый раз.

— Смотритель Таак! Я предполагала, что вы предпримете нечто подобное! — прокричала она.

«Черт», — подумал Фассин. Он надеялся, что полковник вместе со всеми остальными, как им было приказано, направится в убежище в самом центре луны — на глубине десять километров. Туда вела хотя и одна, но достаточно большая шахта — разве нет? Ну ладно. Он остановился под небольшим остроносым газолетом, закрепленным в своей люльке.

— Полковник, — сказал он, кивнув.

Попытается ли она остановить его? Фассин понятия не имел. А смогла бы она? В этом он не сомневался.

— Не знаю, то ли радоваться, то ли горевать, — прокричала полковник.

Сбоку из скафандра ирилейтки вылезла рука манипулятора и потянулась к Фассину. «Чтоб тебя, — подумал он. — Ну, вот и приехали».

— После вас, — сказала полковник; ее рука указывала наверх.

Фассин улыбнулся и подпрыгнул. Хазеренс с

гудением последовала за ним. Его остановил потолок трюма, и он, повиснув, откинул фонарь своего маленького газолета. Открылось тесное пространство, отдаленно напоминающее внутренность гроба. Фассин стащил с себя костюм и отстегнул шлем.

— Без формы, майор, — пошутила полковник; голос ее эхом разнесся в ограниченном объеме верхней части трюма.

Костюм медленно опустился на пол, и Фассин ступил на подножку стреловидного фонаря.

— Боги милостивые! — сказала Хазеренс. — Неужели все мужчины человеческого рода выглядят так?

— Только красивые, полковник, — заверил ее Фассин, не спеша опускаясь в холодный гель.

Крышка фонаря закрылась за ним. Он поерзал в темноте, чтобы шея удобно вошла в воротник сканера. Мягкий свет и мелодичный звон подтвердили: все в порядке. Он потянулся к наконечникам подачи дыхательной смеси, глубоко вдохнул, выдохнул и засунул наконечники себе в ноздри.

Фассин лежал на спине, пытаясь расслабиться и подавляя панику, безотчетный приступ страха, охвативший его, когда жидкая дыхательная

смесь стала заполнять его ноздри, горло, легкие, — холоднее напитка не бывает.

Несколько мгновений смятения, дезориентации, потом воротник теснее прижимается к шее, теплый гель начинает обтекать тело, щупальца отыскивают его уши, рот, пенис, анус. По уколу в каждое предплечье, потом еще по уколу под каждое ухо, и кровеносная система подключена.

— Готовы? — пробулькал — гель еще не успел откалиброваться в его ушах — голос Херва Апсила.

«Порядок, — отправил он мыслеречь. — А что полковник?»

— Я тоже готова! — Даже по внутренней связи полковник Хазеренс склонна была кричать.

Фассин перед этим как раз соображал, как бы им отделаться от нее. Похоже, способов не было.

— Люк трюма закрывается. Стартовая готовность, — сказал Апсил.

Фассин начал превращаться в свой маленький газолет, который обволакивал Фассина, обнимал его, проникал в него со всех сторон. Свет снизу исчез, когда люк трюма закрылся. Он видел повисший рядом с ним э-костюм полковника Хазеренс, ощущал его холод и читал его электромагнитные характеристики, одновременно

чувствуя, как работают системы челнока, готовятся, приспосабливаются, изменяются, когда корабль отрывается от платформы. Другие его чувства фиксировали необычный приток излучения, заметное количественное и качественное увеличение гравитации, множественные трески в переговорной системе, путаные передачи и электромагнитные сигналы от Совместного комплекса, а потом внезапный толчок: опосредованный, слабый, косвенный, но в то же время массивный удар, за которым последовали странные вибрации и засасывающее вверх движение.

Он ждал, когда Апсил заговорит с ними, пытаясь тем временем разобраться в происходящем. Доносящиеся издалека гудение и шипение корабля, засасывающего воздух внутрь трюма.

— Прошу прощения, — мягко сказал Апсил. — Управление восстановлено. Необычный метод заполнения ангара вакуумом. Не знаю, кого и благодарить.

«Мы в порядке?» — спросил Фассин.

— СПО, — ответил Апсил. Голос его был немного не от мира сего. — Серьезные Повреждения Отсутствуют.

«Желаю справиться с теми, что есть», — отправил Фассин.

— Спасибо.

— Не расхолаживаться, готовимся к худшему, — сказала полковник.

Фассин надеялся, что она говорит только с ним. Он проверил все настройки и системы газолета, прилаживаясь к машине, пока жизнеобеспечивающие щупальца газолета прилаживались к человеку. Уголком глаза он уловил внизу что-то вроде множества огней, которые тут же переметнулись в центр его поля зрения. Он вызвал показания нескольких приборов и привел в действие две подпрограммы — проверить, все ли в порядке. Кажется, да.

Он почувствовал, как челнок ускоряется, удаляясь от луны. На его пульте появилась иконка переключения на сенсоры большого корабля, и он переключился.

Теперь он мог чувствовать почти все то же, что и Апсил.

Наскерон заполнял небо перед ним, а серо-коричневая поверхность Третьей Ярости быстро исчезала внизу и сзади. Тучи обломков. Треск в переговорной системе. Гораздо больше, чем должно быть в правильно организованной флотилии, вроде той, что доставила их сюда и еще недавно охраняла луну. Ничто не говорит

о действующих радарах или других легкообнаруживаемых сигнальных устройствах. Правда, гражданский корабль, вроде челнока, все равно был способен засечь лишь самые мощные. Никаких указаний на текущие повреждения, только сведения о незначительных ударах по корпусу, оставивших небольшие вмятинки. Тяговые следы корабля. Внезапная вспышка излучения — какой-то корабль резко развернулся в паре сотен километров от них и помчался прочь. Волны выходного сигнала, оповещающего об отсутствии у них оружия и декларирующего их спасательный статус. Вспышка. Где-то сзади. Почти правильное полукольцо обломков, сверкая, поднимается из нового сияющего кратера диаметром, возможно, в полкилометра на поверхности Третьей Ярости. В поле зрения оказываются и три кратера поменьше, тоже недавние, но уже остывшие настолько, что отображаются оранжевым и красным. По экрану проходит судорога, его пронизывают линии, сетки и возникающие символы тяги.

Апсил направил нос челнока прямо на Наскерон и начал движение по длинной, намеренно неправильной спирали в направлении газового гиганта, ускоряя корабль во всю мощь двигателей.

Челнок ничуть не был похож на высокоэффективное военное судно. В его функции входило одно: доставка газолетов из Совместного комплекса на Третьей Ярости на газовый гигант, а потом обратно. Он был надежен, на Наскероне выдерживал нагрузки внутри гравитационного колодца и в зонах с различным давлением вплоть до уровня жидкого водорода, а кроме того, его мощность позволяла вырваться вместе со своим грузом из цепких объятий этой планеты. Но маневренность у него была невысока, он не имел вооружения и защитных систем и обнаруживался радарами — он и проектировался с самого начала (со спецификацией при объявлении тендера) как легко засекаемый всеми мыслимыми и немыслимыми приборами, чтобы какой-нибудь зловредный насельник не мог обрушить на корабль что-нибудь тяжелое, а потом оправдываться тем, что не заметил его.

— Как вы там себя чувствуете? — спросил Апсил. Голос его звучал сдержанно, без всякого волнения.

— Я отлично, — отозвалась полковник.

«Я тоже, — отправил Фассин. — Время прибытия уже есть?»

Путешествие с Третьей Ярости на Наскерон

обычно занимало около часа. Фассин рассчитывал уложиться меньше чем в полчаса.

— Главный двигатель работает на полную, так что поворот сделаем минут через десять, — сказал Апсил. — Потом начнем замедление, это еще минут десять, потом… гм, еще немного… не больше пяти, и я рассчитываю быть достаточно глубоко в атмосфере.

Он имел в виду, что они будут достаточно глубоко в атмосфере и потому неуязвимы для любого оружия, кроме самого разрушительного. Конечно, не считая того разрушительного оружия, которым владели сами насельники.

«А еще как-нибудь ужаться можем?» — спросил Фассин.

— Может, удастся сократить время, когда достигнем вершины туч, — сказал Апсил. — При крутом входе скорость выше. Может быть. Гм. — У Фассина создалось впечатление, что Апсил чешет себе подбородок. — Да, может быть, если позволить давлению и температуре чуть выйти за допустимые пределы. — Пауза. — Хотя при этом мы должны исходить из допущения, что корабль не получил неизвестных нам повреждений, когда ракета уничтожила ангар.

«Мы всегда исходим из каких-нибудь допуще-

ний», — согласился Фассин.

— Старший техник, — раздался голос полковника Хазеренс, — скажите, нас преследуют или атакуют?

— Нет, полковник.

— Тогда я предлагаю действовать по первой предложенной вами схеме входа.

«Решение остается за тобой, Херв», — послал Фассин.

— Принято.

— Вы можете получить доступ на военные частоты, старший техник?

— Боюсь, что нет, мадам, если только они не пошлют нам чистый луч или радиосигнал.

— Очень жаль. А что там происходит?

— Похоже, тут произошло боевое столкновение. Возможно, еще продолжается. Тяговые следы удаляются от луны в направлении, откуда, видимо, прилетают вражеские ракеты. Ух ты!

Вспышка привлекла и периферийное внимание Фассина; еще один кратер, больше прежних, забелел на поверхности Третьей Ярости.

— А что с людьми, которые остались на Третьей Ярости? — спросила полковник.

— Я их слушаю, — сказал Апсил. — Постараюсь связаться с ними напрямую. Дайте мне пару

минут.

Молчание. Фассин с помощью корабельных датчиков наблюдал за круговертью в окружающем пространстве. Он проверил параметры системы челнока, сориентировался, потом поискал Глантин и нашел его — крохотная сверкающая точка вдали. Датчики позволили ему включить увеличение, пока малая планета не засияла своим идущим к полнолунию ликом; на ее поверхности светились точки искусственных объектов, едва просматривались особенности топографии. Может, это нагорье? А там — вот это светлое пятно — море Прелести? Искорка. Вон там, вдали… Крохотная вспышка. Или показалось?

Что-то, холоднее и яростнее любых гелевых щупалец, вторглось в него, сжало его желудок и сердце. Нет, нет, конечно же. Просто еще один искусственный объект системы. Он посмотрел на кнопки воспроизведения показаний датчиков.

— Черт! Впереди обломки, чтоб им!.. — сказал Апсил, и корабль дернулся, качнулся.

Фассин снова сосредоточился на том, на что смотрел Апсил, и тоже увидел поле черных точек на лике планеты впереди, похожих на беспорядочную стаю птиц вдалеке. Они шли почти с максимальной скоростью. Челнок начал пово-

рачиваться.

Волна темных осколков, словно вьюжный заряд черных как сажа снежинок, нахлынула на корабль со всех сторон. Фассин почувствовал, как его руки, удерживаемые вязким противоударным гелем, пытаются прижаться к телу: инстинктивная попытка уменьшиться в размерах. Но они миновали опасную зону. Удара не последовало.

Спустя мгновение Фассин почувствовал, как челнок разворачивается своими соплами к планете и готовится начать замедление.

— Я думаю, — осторожно сказал Апсил, — что мы практически…

В этот момент что-то врезалось в них. Корабль вздрогнул, послышался сильный хлопок, который Фассин ощутил через корпус корабля, через газолет, даже через противоударный гель. Он потерял связь с системами челнока и вернулся в собственный маленький остроносый аппарат. Их закрутило. Фассин одновременно с разворотом увидел свет. Свет?

Свет шел снизу, где находились люки трюма. Он увидел скафандр полковника, висевший рядом. Ох-ох…

Корабль начал выходить из штопора, выравнивая курс. Свет, поступающий снизу, начал

гаснуть, но не исчез. По спектру он напоминал свет, отраженный от Наскерона. Свет от газового гиганта, просачивающийся сквозь предположительно закрытые люки. Фассин дернул сенсорное кольцо газолета, чтобы видеть люки напрямую.

— О, бля! — попытался сказать он.

Он увидел небольшую, но неровную дыру, из которой свешивалась всякая рвань, словно вывороченные наружу кишки. Свет Наскерона отражался от каких-то поверхностей, на вид отполированных.

Нагрузки растут. Очень похоже, что основной двигатель, обеспечивающий замедление, работал более или менее штатно. Фассин снова попробовал интерком, потом передал радиосигнал. «Херв?»

— Здесь. Прошу прощения. Все же во что-то врезались. Я его уже выровнял и вернул на прежний курс. Но из трюма пока никаких данных. Включая и люк.

«По-моему, туда-то и пришелся удар. Я вижу дыру».

— Большую?

«Где-то метр на два».

— Я тоже вижу дыру, — сказала им полковник, присоединившаяся к радиотрансляционному

обмену. — Именно такую, как описал наблюдатель Таак.

— Слишком маленькая, чтобы вам, ребята, выбраться, — сказал Апсил.

«Есть еще повреждения?» — послал Фассин.

— Пока держимся. Я не вижу, где вышел обломок, который ударил по кораблю, или куда он попал внутри.

— Подозреваю, что он задел меня, — сказала Хазеренс. — То есть мой э-костюм. Кажется.

Пауза. Потом голос Апсила:

— А вы?.. Вы в порядке?

— В полном. Двери люка поглотили энергию удара, а мой скафандр исключительно высокого качества, надежности и стойкости. На нем почти ни царапинки.

«Если мы не откроем люк, то не выйдем и вся экспедиция потеряет смысл, Херв», — послал Фассин.

— Но мы сможем отсидеться в челноке под тучами, — сказал Апсил. — У меня почти нет информации из Комплекса. Похоже, последний удар там наделал немало бед. Нам, наверное, будет безопаснее под газом, чем тут, на виду у того, кто ведет огонь.

Из Совместного комплекса на Третьей Ярости

никаких вразумительных сведений не поступало, и ни один военный корабль не вел обмена на гражданских частотах. Помехи в электромагнитном диапазоне — неприятная проблема вблизи Наскерона даже в лучшие времена — были особенно интенсивными. Апсил нашел пару экваториальных релейных спутников Комплекса, но, как это ни странно, не смог соединиться с ними, а лишь ловил со спутниковых приемопередатчиков однообразную и бессмысленную дребедень. Он даже попытался связаться с насельническими зеркальными спутниками, и, хотя получить оттуда что-нибудь, кроме бредятины, никогда не удавалось, функционировали они вполне нормально.

— Ух ты, — услышали они Апсила. — Еще один удар по Третьей Ярости. Мы входим в атмосферу. Довольно медленно из-за повреждения, но входим.

— Как сочтете нужным, старший техник, — сказала полковник.

Челнок задрожал, входя в верхние слои атмосферы Наскерона и оставляя за собой сверкающий след над вершинами туч. Движение его замедлилось. Они стали ощущать гравитацию, которая все возрастала. Система их крепления к корпусу

челнока стала издавать скрипы и стуки. Качка уменьшилась, потом возросла, потом снова упала. По корпусу и перегородкам корабля пошли мягкие потрескивания и хрустящие стуки: от рваного пролома в люке стали отламываться куски, которые сияли и искрились в пространстве вокруг них, по мере его наполнения газом, и Фассин снова уловил звук в трюме. Все трое становились тяжелее, теперь по-настоящему тяжелее. Фассин почувствовал, как противоударный гель вокруг него уплотняется, *словно звук снега, хрустящего под ногами*. Он почти что чувствовал, как пузырьки газа парашютируют в его теле, словно клетки крови. Ну вот, теперь, слава богу, появился вес…

— Старший техник, — вдруг сказала полковник.

— Держитесь, — сказал Апсил. — Это…

Весь корабль дрогнул, а потом внезапно задребезжал.

«Херв?» — послал Фассин.

— Попали под прицел… — начал было Апсил, но тут же замолчал — корабль снова затрясло, а потом он бешено заметался по небу.

— Нас и в самом деле кто-то обстреливает, — заявила Хазеренс. — Старший техник! — закричала она по частоте. — Вы можете нас выпустить?

— А? Что? Нет! Я…

— Старший техник, попробуйте по моей команде заложить крутой вираж или мертвую петлю, — сказала ему Хазеренс. — Я нас выпущу.

— Вы?! — прокричал Апсил.

— Я. Обещаю. У меня есть оружие. А теперь прошу меня простить и желаю удачи.

«Постойте», — начал было Фассин.

— Смотритель Таак, — не допускающим возражений тоном сказала полковник, — включите защиту датчиков.

Большой диск, висящий рядом с ним, отправил порцию слепящего сине-белого света вниз, к крышке люка, которая исчезла в короткой вспышке искр. Снаружи стремительно кружились желто-коричневые облака. Зрительное поле Фассинова газолета было усеяно точками: система переключалась с поврежденных датчиков на рабочие. Фассин понял, что не успел вовремя включить защиту, и теперь просто выключил датчики.

— Выходим через три секунды, — сказала полковник. — Прошу вас, старший техник, выполняйте свой маневр.

Вспышка излучения и тепловой удар сверху совпали с неожиданным разворотом. Люлька,

удерживавшая Фассина в челноке, распахнулась и выстрелила им из трюма, словно пушечным ядром. Полковник в ее ирилейтском э-костюме, крутясь, вылетела следом мгновение спустя и быстро догнала его. Перед ним наверху мелькнул челнок, все еще продолжающий вращение, потом Фассин увидел, как с одной стороны внезапно появился фиолетовый луч и прорезал окружающий их газ, обжигая его зрение, еще не оправившееся. Луч прошел совсем рядом с кораблем-носителем, а потом между ними и челноком быстро закрутились облака желтого тумана, и остались только он, полковник, крохотный остроносый силуэт и вертящаяся монета грязно-серого цвета, и все они устремились в безмерный хаос небес Наскерона.

* * *

— «Те, кто проявляет интерес к изучению подобных вопросов, сходятся в том, что внутри некоторых видов существует определенный класс, демонстрирующий такое презрение и подозрение в отношении своих сотоварищей, что вызывает только ненависть и страх, считая их самыми искренними эмоциональными реакциями, на пробуждение которых можно рассчитывать, ибо подделать их невозможно».

Архимандрит Люсеферус поднял взгляд на голову на стене. Голова вперилась широко открытыми от боли, ужаса и безумия глазами в стену напротив.

Убийца умер вскоре после того, как они отправились в долгое путешествие к Юлюбису, — верхняя пара клыков наконец проникла в мозг достаточно глубоко, чтобы вызвать смерть. Когда медики сказали, что смерть должна наступить через несколько дней, архимандрит приказал снова приподнять веки убийцы: он хотел видеть выражение этого лица в момент смерти.

Люсеферус спал, когда смерть наконец пришла к безымянному убийце, но архимандрит потом много раз просматривал запись. (Ничего особенного не случилось, просто мучительная судорога исчезла с лица, глаза закатились, а потом медленно опустились, чуть вкось, тогда как данные датчиков, сопровождающие визуальные показания, свидетельствовали о том, что сначала остановилось сердце, а несколько минут спустя кривая мозговой активности выровнялась в горизонтальную. Люсеферус предпочел бы что-нибудь более драматичное, но нельзя же получить все.) Он приказал отсечь голову убийцы и повесить ее неподалеку от головы вождя мятежников Стина-

усина: пусть то, что было Стинаусином, весь день взирает на то, что было убийцей.

Архимандрит поднял взгляд на уставившуюся в пространство перед собой безымянную голову:

— Ну что скажешь? — Он снова посмотрел в текст, шевеля губами, но вслух уже не читая. Потом сложил губы трубочкой. — Я, пожалуй, соглашусь с тем, что здесь сказано, но не могу отделаться от чувства, что тут присутствует некая критическая нотка. — Он покачал головой, закрыл древнюю книгу и скользнул взглядом по обложке. — Никогда о таком не слыхал, — пробормотал он.

Но по крайней мере, подумал он, у этого надутого интеллектуала было имя. Люсеферуса довольно сильно раздражало, что он не знает имени неудавшегося убийцы. Да, у этого типа не получилось, да, он дорого заплатил за свое преступление, да, он теперь мертв и его голова висит тут в качестве трофея. Но почему-то тот факт, что имя убийцы так и не выяснили, стал действовать Люсеферусу на нервы, словно убийца восторжествовал над ним, словно успешное сокрытие этой важной информации означало, что победа Люсеферуса над этим несчастным никогда не будет полной. Он уже послал на Лесеум распоряжение

о более тщательном расследовании этого дела.

За листом зеркального алмаза — главной внутренней дверью приемной-кабинета — появился его старший личный секретарь.

— Да?

— Маршал Ласерт, господин архимандрит.

— Две минуты.

— Так точно, господин архимандрит.

Он принял маршала запредельцев в главной приемной победоносца «Люсеферус VII», его флагманского корабля. (Люсеферус считал, что такие названия, как «линкор» и «крейсер», устарели и звучат простовато.) Судно по его приказу переделали так, чтобы оно соответствовало рангу архимандрита, но в какой-то момент кораблестроители просто взвыли в голос, потому что расширение, как они это называли, «полостей» свыше определенного предела слишком ослабляло конструкцию корабля. В результате приемная получилась не такой большой или устрашающей, как ему хотелось бы, а потому Люсеферус потребовал установить в ней зеркала и несколько голопроекторов, которые создавали иллюзию большего объема, хотя его все же постоянно грызло опасение, что кто-то распознает обман. Он избрал стиль «новый брутализм»: мно-

го псевдобетона и ржавых труб. Архимандриту понравилось название, но к внешнему виду он остыл почти сразу же.

Он появился в сопровождении одного секретаря, который шел чуть впереди. Охранники, придворные, администрация и офицеры флота поклонились.

— Маршал.

— Архимандрит.

Маршалом запредельцев была женщина в легких доспехах, которые выглядели словно отполированные, но в то же время создавали ощущение практичности и прочности. Она была высокой, стройной, с гордо посаженной головой, хотя, на вкус Люсеферуса, слишком уж плоскогрудой. Правда, лысые женщины все равно вызывали у него неприязнь. Она коротко кивнула ему, — вероятно, уже несколько десятилетий никто, исключая тех, кто открыто его ненавидел и/или должен был в скором времени умереть, не выражал столь мало почтения к его статусу. Люсеферус никак не мог решить, показалось это ему оскорбительным или освежило новизной ощущений. Два старших офицера за спиной женщины были джаджуэджейнами и в настоящий момент пребывали в своей стандартной

конфигурации перекати-поля; ни одна часть их сверкающих доспехов не доходила до пояса маршала. Он подозревал, что женщину выбрали потому, что она была человеком, как и он; почти все высшие офицеры запредельцев принадлежали к другим видам.

Он сел. Сиденье не было троном, но являло собой внушительное сооружение на подиуме. Маршал запредельцев могла и постоять.

— Вы хотели поговорить, маршал Ласерт.

— Я выступаю от имени Трансгресса, Истинно Свободных и Двойственного Союза. Мы уже в течение некоторого времени хотели поговорить с вами, — ровном голосом сказала маршал; для женщины голос был слишком низким. — Спасибо, что согласились на эту встречу.

— С большим удовольствием, уверяю вас. Итак. Как наша маленькая война на вашем фронте? Последние сведения, конечно.

— Насколько нам известно, все в порядке. — Маршал улыбнулась. Ее голый череп поблескивал в лучах света. — И как я понимаю, ваша собственная кампания продвигается от победы к победе.

Он взмахнул рукой.

— Мы почти не встречаем сопротивления, — сказал он.

— Основная часть вашего флота вскоре должна быть на окраинах системы Юлюбиса. Когда? Через год?

— Что-то около этого.

— Это немного позднее, чем мы рассчитывали.

— Речь идет о крупном флоте вторжения. Чтобы его собрать, нужно было время, — сказал Люсеферус, стараясь показать, что отвергает ее скрытую критику, и в то же время создавая впечатление, что ее соображения не очень важны для него.

Хотя на самом деле его флот и вправду запаздывал. Он лично заверил этих — временных — союзников, что будет готов к вторжению на целых полгода раньше срока, который вырисовывался теперь. Видимо, это было его ошибкой, если можно говорить об ошибке. Он предпочитал держать свой флот собранным в единый кулак, а не распылять его в зависимости от скорости отдельных кораблей, чтобы собирать заново после начала вторжения. Его адмиралы и генералы утверждали (хотя и не очень настойчиво, если думали о своем благе), что нет нужды постоянно держать все подразделения вместе, но Люсеферус предпочитал именно такую конфигурацию. В таком виде флот ему казался более сплоченным, более впечатляющим, более собранным и раду-

ющим глаз.

Еще это означало, что запредельцам придется взять на себя больше ответственности по подготовке вторжения в систему Юлюбиса, чем они предполагали, а это должно было облегчить действия флота вторжения и сделать силы запредельцев (Люсеферус надеялся, что они к этому времени будут значительно истощены) более уязвимыми относительно его собственного, собранного воедино флота.

— И тем не менее, — сказала Ласерт, — мы полагаем, что ваши передовые подразделения могут наносить удары уже теперь.

— У нас есть несколько автоматизированных передовых разведчиков и высокоскоростных беспилотных штурмовиков, которые уже находятся там или вскоре прибудут туда, — сказал Люсеферус. — Лучше всегда быть готовым к любому развитию событий. Некоторые из кораблей нужно перепрограммировать, но мы полагаем, они будут действовать эффективно и помогут сломить сопротивление. — Он улыбнулся, наблюдая за ее реакцией при виде его прозрачных алмазных зубов. — Я очень верю в полезность небольшой паники, маршал. Но еще лучше сильная паника. Жители, натерпевшись страхов, будут рады

любой власти, которая положит конец неопределенности, даже если до того ей противились.

Маршал тоже улыбнулась, хотя, похоже, против своей воли:

— Конечно. И мы пришли к выводу, что сейчас, возможно, подходящий момент для беседы о том, как вы представляете себе свою стратегию после достижения системы Юлюбиса.

— Я намереваюсь захватить его, маршал.

— Понятно. Но Юлюбис, может статься, имеет сильную систему обороны.

— Я это учитываю. Поэтому-то и веду с собой такой большой флот.

Они находились в пространстве между системами — в безжизненной пустыне, где нет почти ничего, и менее чем в годе пути от Юлюбиса. Скоростной крейсер запредельцев и два истребителя сопровождения встретились с его флотом всего несколькими часами ранее, заложив вираж и выравняв скорости с мастерством и ловкостью, которым могли позавидовать его офицеры. У запредельцев и в самом деле отличные корабли. Ну что ж, у них корабли, а у него — системы: еще одна возможность поторговаться. Теперь эти три скоростных корабля оказались в рядах его огромного флота, пусть последний и проигрывал

технически.

— Позвольте мне говорить откровенно, архимандрит?

Он внимательно посмотрел на нее своими глубоко посаженными красными глазами:

— Меньшего я от вас и не жду.

— Нас волнует возможный уровень потерь среди гражданского населения, если вторжение в Юлюбис будет чрезмерно агрессивным.

«С какой это стати она заговорила об этом?» — подумал Люсеферус, внутренне усмехнувшись.

Он посмотрел на своего личного секретаря, потом на своих адмиралов и генералов.

— Маршал, — рассудительно сказал он, — мы собираемся захватить их. Мы собираемся атаковать их. — Он широко улыбнулся и увидел, как и на лицах его адмиралов и генералов появились ухмылки. — Я полагаю, что агрессивность является… необходимым элементом, разве нет?

Он услышал тихие смешки одного-двух самых высокопоставленных офицеров своей свиты. Считалось плохим, если твое окружение так запугано, что боится приносить тебе дурные вести и всегда смеется, когда смеешься ты (и все в таком роде), — тогда ты не в курсе истинного положения дел. Правда, если ты знал, что делаешь, — это

не имело значения. Тебе просто нужно было тоньше настраивать свои органы восприятия. Иногда смеялись все, иногда только некоторые, иногда по тому, кто молчит, а кто издает звуки, ты узнавал гораздо больше, чем если бы потребовал у них сказать всю правду. Ему повезло — природа наделила его тонким чутьем такого рода.

— Необходимы как агрессивность, так и здравомыслие, архимандрит, — сказала маршал. — Мы, конечно же, знаем, что природа не обделила вас ни тем ни другим. — Она улыбнулась, но ответной улыбки не дождалась. — Мы просто хотели бы получить заверения в том, что действия ваших войск принесут вам еще больше известности и уважения.

— Уважения? — переспросил архимандрит. — Я внушаю людям ужас, маршал. Такова моя стратегия. Я обнаружил, что это самый быстрый и эффективный способ объяснить людям, в чем заключается благо для них и для меня.

— Ну, тогда сделайте это ради славы, архимандрит.

— Проявлять милосердие ради славы?

Маршал на секунду задумалась.

— В конечном счете — да.

— Я завоюю их так, как сочту нужным, маршал.

Мы в этом партнеры. Вы не должны указывать, как мне следует поступать.

— Я и не пытаюсь, архимандрит, — быстро сказала маршал. — Я принимаю то, что вы должны сделать, я просто передаю вам просьбу, касающуюся характера ваших действий.

— А я выслушал вашу просьбу и отнесусь к ней со всем вниманием.

Люсеферус слышал от кого-то такую словесную форму (он никак не мог вспомнить от кого или где), которая по зрелом размышлении показалась ему весьма полезной, особенно если произносить ее с некоторой помпезностью: медленно, даже торжественно, с искренностью на лице, чтобы собеседник воспринял твои слова серьезно и даже утвердился в надежде, что ты выполнишь просьбу, а не (в лучшем случае) проигнорируешь ее полностью. В худшем же случае (в худшем для просителей) ты сделаешь нечто прямо противоположное тому, о чем тебя просят, только для того, чтобы насолить им, показать, что ты не из тех, кем можно понукать… хотя тут есть своя хитрость, ведь люди могут попытаться вынудить тебя поступать, как им надо, прося сделать противоположное тому, что им требуется, но даже и без учета этих соображений ты так или иначе

изменил свое поведение из-за чьих-то слов, а это как бы наделяло их некоторой властью над тобой, тогда как все действия архимандрита были направлены на то, чтобы никто не мог сказать, будто имеет власть над Люсеферусом.

Власть значила для него все. Деньги без власти были ничем. Даже счастье лишь отвлекало от главного, было призраком, заложником. Что есть счастье? Нечто такое, что у тебя могут отобрать. Счастье слишком часто было связано с другими людьми, с которыми ты должен был делиться властью; ты подпадал под их влияние, они могли пользоваться им по своему усмотрению и забирать у тебя то, что делает тебя счастливым.

Люсеферус знал счастье и видел, как его отбирают. Его отец (единственный человек, которым он восхищался, хотя при этом и ненавидел старого ублюдка) избавился от матери Люсеферуса, когда она постарела и утратила привлекательность, заменив ее (Люсеферусу тогда едва исполнилось десять) чередой молодых, сексуально привлекательных, но бездушных, черствых и эгоистичных молодых женщин — женщин, которых он желал, но в то же время и презирал. Мать Люсеферуса отослали прочь. Больше он ее никогда не видел.

Его отец был омнократом Меркатории в про-

мышленных комплексах системы Лесеума. Он начинал с самых низов в качестве казнократа (циничнейшим образом само это название подразумевало, что занимающий эту должность только коррупцией и может зарабатывать на более-менее достойную жизнь, а это позволяло собрать на него досье, которое, выйди он из подчинения, можно было использовать против него). Потом он стал оватом, прошел по всей служебной лестнице вплоть до должности диегесиана — встал во главе городского района, потом небольшого промышленного города, потом города средних размеров, потом большого города, потом континентальной столицы. Он стал аппаритором, когда его непосредственный начальник умер на руках их общей любовницы. Эта любовница (на самом деле — его жена) какое-то время преуспевала, потом стала слишком требовательной и встретила преждевременную смерть.

Отец никогда не говорил Люсеферусу, убил он ее или нет.

И он тоже никогда не говорил отцу, что эта женщина в последнее время была и его любовницей.

От аппаритора его отец поднялся до перегала — сначала возглавлял орбитальный жилищно-промышленный пучок, потом континент,

потом приличного размера луну, обрастая всеми атрибутами власти, богатства и величия, какие подразумевала эта должность в процветающем союзе связанных воедино систем, а таким и был Лесеум. В этот момент отец, кажется, впервые был доволен своим положением. Он вроде бы расслабился и стал наслаждаться жизнью.

А жизнь его на этом и закончилась. Подготовившись к прыжку на следующую должность — иерхонта, отец, который успел приобрести громадное состояние, раздавая патенты и заключая контракты с торговцами и производителями из всего множества объединенных систем, пожалел своего фаворита-аппаритора, от которого отвернулась фортуна. Без всякой на то необходимости отец вовлек того в сделку с откатом и в течение месяца был разоблачен как завзятый коррупционер, осужден и обезглавлен. А место его занял тот самый молодой аппаритор.

Люсеферус с младых ногтей проникся убеждением, что ему в этой сфере никогда не достичь тех же высот, что и отцу, но тем не менее, заинтересовавшись природой религии и веры, несколькими годами ранее вступил в Цессорию. Во время процесса над отцом он был сострадателем, младшим священником. Его назначили одним из испо-

ведников отца, и он сопровождал старика на плаху. Отец поначалу держался хорошо, а потом пал духом. Он начал рыдать, умолять, обещать что угодно (но только то, что уже потерял). Он цеплялся за одежду Люсеферуса, выл, молил о пощаде, прятал лицо на груди у сына. Люсеферус знал, что за ним наблюдают, что этот миг важен для его будущего. Он оттолкнул отца.

В Цессории он быстро поднялся на самый верх.

Ему бы никогда не получить столько власти, сколько было у отца, но он был умным, способным и пользовался уважением, а к тому же делал успешную карьеру в важной, но не слишком опасной части одной из величайших метацивилизаций, какие видела галактика. Он мог бы удовольствоваться этим и никогда не ставить себя в уязвимое положение, как сделал его отец.

Потом случилось Отъединение. В эпоху Коллапса Артерий вокруг Лесеума по галактическому объему в миллионы звезд прокатилась волна разрушения порталов, и только пучок систем Лесеума среди этого хаоса оставался подсоединенным. Система Лесеума-9 была важной, казалась жизненно необходимой и оставалась вне опасности, пока тысячелетие спустя не подоспело ее собственное отъединение в хаосе Войн рассея-

ния, причиной же схватки стало незначительное расхождение во взглядах между тремя соперничающими сторонами, о которых раньше никто и не слышал. Когда все закончилось, три противника снова исчезли из виду, оставшись разве что в исторических трудах. Однако ущерб они нанесли немалый — портал около Лесеума-9 был уничтожен, и огромный объем пространства вокруг системы оказался отрезанным от остальной цивилизованной галактики.

После этого все изменилось — и способы сохранения власти, и фигуры, которые теперь могли бороться за абсолютную власть.

Как бы то ни было, но отец научил Люсеферуса всему, а прежде всего следующему: в жизни не бывает равнин. Ты либо находишься на спуске, либо на подъеме, и всегда лучше находиться на подъеме, в особенности потому, что единственный надежный способ двигаться вверх — ступать по спинам других людей, используя их как ступеньки, как платформы, как мостки. Совершенно справедливо гласила старинная пословица: будь добр к людям на своем пути наверх, и тогда они будут добры к тебе, когда ты покатишься вниз, но то была пословица неудачников, трюизм проигравших. Лучше всегда идти только вверх, никогда

не останавливаться, никогда не расслабляться, никогда не оказываться в ситуации, когда ты катишься вниз. Мысль о том, что могут сделать с тобой те, кого ты обидел, кому причинил зло, кем воспользовался на своем пути наверх (конечно, из тех, кто остался жив), была еще одним стимулом для серьезного игрока, чтобы никогда даже не помышлять о снижении темпа, не говоря уж об отступлении. Тот, кто одержим победой, постоянно должен находить для себя новые вершины, которые нужно покорить, искать новые тропы для восхождения и новые горизонты, к которым следует стремиться.

Относись к жизни как к игре — таков был его лозунг. Возможно, именно в этом и заключалась правда, стоявшая за Правдой — религией, в которой Люсеферус был воспитан как послушный член Меркатории: ничто из того, что ты делаешь или будто бы делаешь, на самом деле не имеет значения, потому что все это (возможно) игра, имитация. Все это в конечном счете было одним притворством. Даже культ Заморыша, номинальной главой которого он считался, был создан им просто из-за того, что ему понравилось название. Разновидность Правды, которая время от времени требовала дополнительного самоограничения

и позволяла наилучшим образом подтвердить людское легковерие. Люди готовы проглотить все, что им дают. Разумеется, кое у кого это вызывало сомнения. Он считал изобретенный им культ подарком судьбы, великолепнейшей возможностью манипулировать простачками.

Ну да, люди считали тебя жестоким. Ну да, люди умирали, страдали и росли с чувством ненависти к тебе. Ну и что? По крайней мере существовала вероятность того, что все это не взаправду.

Но если все это было взаправду, что ж, тогда жизнь — это борьба. Такой она всегда была и всегда будет. Ты признавал это и жил соответственно или попадался на удочку лжи, глаголившей, что прогресс и общество сделали борьбу ненужной, и тогда ты просто существовал, подвергался эксплуатации, становился жертвой, обыкновенным кормом для других.

Он спрашивал себя, до какой степени запредельцы — по общему мнению, дикие и не имеющие законов — понимают эту истину. Они позволяли женщинам подниматься до самых вершин в командных структурах армии, и это не вызывало у него особого одобрения. И эта маршал, похоже, не понимала: если он говорит, что выслушал ее просьбу и отнесется к ней со

всем вниманием, это ровным счетом ничего не значит.

— Благодарю вас, архимандрит, — сказала она.

Тем не менее он улыбнулся:

— Вы останетесь? Мы устроим банкет в вашу честь. У нас здесь, среди звезд, так мало поводов для торжества.

— Это и в самом деле большая честь, архимандрит. — Маршал снова чуть кивнула.

«И за обедом мы попытаемся обследовать мозги друг друга, — подумал он. — Боже мой, какой снобистский досуг. Лучше уж дайте мне каждый день по планете на разграбление».

* * *

«Вы представляете себе, где мы находимся?» — послала сигнал полковник с помощью точечного лазера. Они решили, что это наиболее безопасный способ связи.

«Зона ноль, экваториальная, — послал Фассин. — Мы немного опережаем последний сильный шторм и находимся в десяти — двадцати тысячах километров за Ушной гирляндой. Я проверяю последние данные, загруженные перед отправкой».

Они плыли в медленном водовороте, вокруг

неторопливо устремляющихся вверх аммиачных паров диаметром с небольшую планету, примерно в двух сотнях километров ниже верхней кромки туч. Температура снаружи была по человеческим меркам относительно приемлемой. Почти на всех газовых гигантах были слои — места, где человек теоретически мог существовать без всякой защитной одежды. Конечно, при этом необходимо было находиться в лежачем положении, в ванне с противоударным гелем или чем-то подобным, потому что при весе в шесть раз больше того, к которому был приспособлен скелет, любые движения и даже просто вертикальное положение становились весьма проблематичными; легкие нужно было наполнять жидкой дыхательной смесью, ведь дышать приходилось смесью газов, в которой кислород присутствовал лишь в следовых концентрациях, а реберным и грудным мышцам — функционировать в гравитационных тисках, и, кроме того, требовалась защита от ливня заряженных частиц. И все же среда была, насколько это возможно для подобных планет, благоприятна для человеческих особей.

Полковнику Хазеренс показалось здесь жарковато, но, как ирилейтка, она должна была чувствовать себя более комфортно ближе к

вершинам туч. Она уже громко сообщила, что экостюм у нее целехонек и может защитить ее где угодно, начиная от космического вакуума и кончая погружением в наскеронскую атмосферу на десять тысяч километров, где давление в миллион раз сильнее того, что действует на них теперь, а температура немного превышает температуру на поверхности звезды Юлюбис. Фассин предпочел не затевать спор «а мой лучше», хотя его собственный газолет тоже был вполне надежен, правда на таких глубинах он не испытывался.

Он попытался связаться с Апсилом на челноке, но услышал только треск. Пассивная позиционная решетка, образуемая экваториальными спутниками, функционировала, но охват уменьшился, и связь стала неустойчивой, значит некоторые спутники отсутствовали или не работали.

На Наскероне или любом другом газовом гиганте важно было знать, в каком месте ты находишься, но это было еще полдела. Планета имела твердое каменное ядро — сферическую массу диаметром приблизительно в десять земных, находящуюся под семьюдесятью тысячами километров водорода, гелия и льда, и встречались пуристы, которые называли поверхностью

планеты переходный участок между каменным ядром и слоем водольда, царство высокой температуры и высокого давления. Но нужно быть завзятым педантом, чтобы даже делать вид, будто принимаешь такое определение всерьез. За слоем водольда (в физическом смысле — льда, потому что вещество находилось в твердом виде, сжатое колоссальным давлением, но тем не менее температура его превышала двадцать тысяч градусов — удивительно много для человеческого представления обо льде) на сорок тысяч километров простирался металлический водород, который затем на протяжении целых десяти тысяч километров постепенно переходил в молекулярный водород. Этот слой при немалом воображении можно было назвать морем.

А еще выше в относительно тонких (всего несколько тысяч километров), но все же необыкновенно сложных слоях, уходящих в космос, и находились районы, где обитали насельники, — в поясах, что оборачивались в разных направлениях, и зонах быстро вращающихся газов, которые (волнуемые большими и малыми штормами, омываемые приливами, украшенные гирляндами, полосами, штангами, жилами, вуалями, колоннами, глыбами, полостями, водоворотами,

вихрями, перьями, фронтами сдвигов и тектоническими шквалами) опоясывали планету. Там, где жили насельники и где все и происходило, твердой поверхности не было, как не было ничего, что могло бы продержаться более нескольких тысяч лет, кроме газовых лент, бесконечно проносящихся друг мимо друга, огромных крутящихся колес атмосферы, вращающихся, как плохо нарезанные зубцы в недоделанной коробке передач, имеющей в поперечнике сто пятьдесят тысяч километров.

Согласно договору экваториальные спутники отслеживали усредненную эволюцию широкой экваториальной зоны, устанавливая нечто вроде стационарного набора параметров, относительно которого можно было вычислить все остальное. Но все же неясностей оставалось немало. Не было определенности. Зоны и пояса, при сравнительной стабильности, смещались друг относительно друга с совокупной скоростью, которую люди привыкли называть звуковой, и границы между ними постоянно изменялись, разрываемые яростно закручивающимися потоками, или сжимались и разрушались гигантскими штормами, вроде Великого красного пятна на Юпитере (Солнечная система), которое бушевало между зоной,

двигающейся в одну сторону, и поясом, несущимся в другую: подобие громадного сплющенного вихря, захваченного бешеным столкновением противоположных потоков, что зарождались, безумствовали и медленно рассеивались на протяжении тех веков, когда человечество имело возможность наблюдать за ними. На газовом гиганте все вращалось, эволюционировало или просто появлялось и исчезало, а потому любые человеческие представления о поверхностях, территории, земле, море и воздухе лишались здесь основания.

Добавьте к этому влияние чрезвычайно мощного магнитного поля, зоны интенсивного излучения, да и вообще масштаб всего явления под названием Наскерон (в одном только средних размеров шторме на газовом гиганте вполне могла уместиться такая планета, как Земля или Сепекте), и станет понятно, что человеческому мозгу охватить все это было довольно-таки непросто.

И это еще без учета нередко шаловливого (мягко говоря) подхода насельников к общей планетарной ориентации и помощи (или, скорее, созданию препятствий), которую считалось уместно и необходимо оказывать заблудившимся

инопланетным гостям.

«Я думала, мы окажемся в самой их гуще», — послала полковник.

«Насельников?» — спросил Фассин, изучая сложную диаграмму, показывающую, где в данный момент могут находиться те или иные объекты и субъекты.

«Да, я представляла себе, что мы окажемся в одном из их городов».

Оба вглядывались в бесконечную пелену медленно кружащегося газа — он простирался (в зависимости от того, на какой частоте или каким чувством это воспринимать) на несколько метров или сотен километров во все стороны. Здесь возникало ощущение покоя, хотя они и находились в экваториальной зоне, а потому вращались вокруг планеты со скоростью более сотни метров в секунду, крутясь в восходящем потоке и в то же время медленно поднимаясь вместе с ним.

Фассин улыбнулся в оболочке противоударного геля:

— Ну, насельников здесь множество, но и планета очень большая.

Странным казалось объяснять это существу, чьи одноплеменники появились и развились на планете вроде этой; полковнику следовало

быть знакомой с масштабами газовых гигантов, правда ирилейты, насколько о том мог судить Фассин, хотя его опыт общения с ними и был невелик, нередко демонстрировали по отношению к насельникам смесь почтения и негодования, целиком вытекавшую из убеждения, будто стоит вам опуститься ниже границы туч, как вы окажетесь в окружении множества чиновных насельников и их впечатляющих построек (трудно было даже представить хоть одного насельника, которому пришла бы в голову мысль рассеять это заблуждение). Ирилейты по меркам как человеческим, так и подавляющего большинства обитателей цивилизованной галактики были древним видом, но (при цивилизации возрастом всего восемьсот тысяч лет) по меркам насельников они были мухами-поденками.

Тут Фассину пришла в голову одна мысль:

«Полковник, а вам прежде приходилось бывать на планетах насельников?»

«Нет-нет. В этой привилегии мне до настоящего времени отказывали. — Хазеренс демонстративно оглянулась. — На дом это ничуть не похоже».

Еще одна мысль:

«А вы получили разрешение, полковник?»

«Разрешение, наблюдатель Таак?»

«Разрешение спуститься на Наск?»

«Нет, — послала полковник. — Признаюсь: как такового разрешения не было. Считалось, что я буду участвовать в дистанционной экспедиции с вами и вашими коллегами из Совместного комплекса на Третьей Ярости. Сам Браам Гансерел лично заверил меня в этом. Против такого присутствия никто не выдвигал возражений. Я полагаю, что только сейчас подан запрос на разрешение мне физически сопровождать вас в атмосферу, если возникнет такая необходимость — она и возникла, — однако, согласно последним полученным мной сведениям, соответствующих санкций еще нет».

Вот черт.

«Аборигены, — сказал ей Фассин, — могут… капризничать в таких делах». Именно *капризничать,* подумал он. Они вполне могли объявить полковника почетным ребенком, дать ей получасовую фору, а потом начать охоту на нее. «Они к своей личной жизни относятся весьма серьезно. Несанкционированные визиты строго наказываются».

«Да, мне это известно».

«Да? Замечательно».

«Я отдамся на их милость».

«Так-так. Понимаю».

Ты либо такая уж смелая и не лишена чувства юмора, подумал Фассин, или мало чего понимаешь.

«Так что, наблюдатель Таак, куда нам следует двигаться?»

«К тучетуннелю сотнях в четырех километров… в эту сторону, — сказал Фассин, ориентируя свой газолет более-менее на юг и вниз. — Если, конечно, он никуда не переместился».

«Сюда?» — спросила полковник, изменяя направление.

«Я должен отправить сигнал на один из наших спутников, сообщить, что мы живы», — сказал ей Фассин.

«А это благоразумно?»

Благоразумно ли это? — спрашивал себя Фассин. Инфраструктура наблюдателей вокруг Наскерона атакована, но это не означает, что все околопланетное пространство захвачено. С другой стороны…

«Какую скорость может развивать ваш э-костюм?» — спросил он у полковника.

«При этой плотности — около четырехсот метров в секунду. И приблизительно наполовину меньше при длительном движении».

Аппарат Фассина едва ли мог достигать таких скоростей. Жаль. Он все еще надеялся как-нибудь ускользнуть от полковника, но, похоже, на это не было ни малейшего шанса.

«Сигнал отправлен, — сказал он. — Можем двигаться».

Они пустились с места в карьер и успели сместиться метров на сто, когда вспышка фиолетового света разорвала тучу за ними и резкий, тут же исчезнувший пучок лучей рассек газовое облако, в котором они находились несколькими секундами ранее. Исходная область прицеливания вспыхнула новыми лучами, которые пронзили атмосферу медленно, полубеспорядочно расходящимися иглами. Одна игла с гулом и треском прошла в каких-нибудь пятидесяти метрах от них. Остальные пронеслись гораздо дальше, и где-то минуту спустя все они исчезли.

«Похоже, кто-то к вам неровно дышит, наблюдатель Таак», — послала полковник в полете.

«Да, похоже».

Несколько минут спустя они увидели вспышку и ощутили электромагнитный импульс. А чуть позднее донесся низкий, рокочущий звук.

«Что это, ядерный взрыв?» — послал Фассин. Согласно показаниям его приборов любые другие

возможности исключались, но он никак не хотел в это верить.

«Мне не известно ни одно другое явление, которое так убедительно имитировало бы названное вами».

«Ни хера себе!»

«Вношу поправку. Похоже, к вам кто-то *чрезвычайно* неровно дышит, наблюдатель Таак».

«Аборигены будут недовольны, — сообщил он ей. — Только им дозволяется взрывать ядерные заряды в атмосфере, — добавил Фассин. — А сейчас даже не сезон фейерверков».

Они нашли тучетуннель приблизительно в том месте, где его и предполагал найти Фассин, со сдвигом на сотню километров по той же широте и на два километра ниже — по наскеронским меркам сущая мелочь. Тучетуннель представлял собой связку в дюжину или около того углерод-углеродных трубок, похожих на огромный, почти без оплетки, пучок проводов, плавающий среди бесконечных, слегка вздымающихся туч желтого, оранжевого и красноватого цвета. Две основные трубки тучетуннеля имели в диаметре около шестидесяти метров, а самые маленькие (служившие главным образом для передачи волн между средствами связи и телеметрии) — мень-

ше полуметра. Когда оба увидели ее за несколько десятков километров, вся связка показалась им не толще нити, но по мере приближения она все больше походила на буксирный трос, которым вполне можно сдвинуть с места луну. Изнутри двух основных труб доносился громкий, низкий гул.

«Что теперь?» — послала полковник.

«Посмотрим, действуют ли еще искупительные баллы».

Манипулятором своего газолета Фассин проколол, но не разрывая, защитный чехол трубы, чтобы воздействовать на передающую нить. В поток света, заполнявшего узкую трубу, вошел тонкий, как волос, проводок, и с конца его отправился поток информации — сначала в биоразум газолета, потом в передающие системы, а оттуда в мозг Фассина, давая закодированную смесь лепечущих звуков, бешено пульсирующих зрительных образов и других неразборчивых сенсорных ощущений. Разрыв световых потоков был уже замечен и учтен. Поток информации, выпущенный прямо в передающую нить, содержал просьбу назваться и вопрос — не требуется ли помощь; в противном случае рекомендовалось не вмешиваться в работу общественных средств

связи.

«Фассин Таак, человеческой разновидности, имеющий честь быть наблюдателем медленных при дворе наскеронских насельников, — послал он. — Мне требуется помощь — транспортировка с настоящего местонахождения в Хаускип».

Ему предложили подождать.

— Фассин Таак, внеполосник, посторонний, инопланетянин, наблюдатель, человек! А… это что такое?

— Это полковник Хазеренс из военно-религиозного ордена Меркатории — Шерифской Окулы, ирилейтка.

— Добрый день, насельник Айсул, — сказала Хазеренс.

Они переключились на обычную звуковую речь.

— Маленький насельник! Ах, как мило! Значит, не ребенок?

Айсул, довольно крупный — метров девяти в диаметре — взрослый насельник средних лет, выкатился из газового тумана, вытянул вперед длинную ось-руку и постучал кулаком (бах-бах-бах) по э-костюму полковника.

— Эй там, привет! — сказал Айсул.

Дисковый э-костюм Хазеренс под градом ударов

немалой силы наклонился.

— Рада познакомиться, — лаконично ответила она.

— Не ребенок, — подтвердил Фассин.

Это был Клуб уплотняшек Хаускип-сити. Они находились в гигантской чашеобразной комнате с крышей из алмазной черепицы микроскопической толщины.

Хаускип, один из примерно сотни тысяч мегаполисов данной атмосферной полосы, располагался в экваториальной зоне Наскерона. При правильно выбранном угле зрения город был виден в индуцированном освещении и казался начинкой древних механических часов, умноженной и увеличенной в несколько тысяч раз. Издалека или в схематическом изображении он напоминал механизм из миллионов шестеренок: сперва шли шестерни малых размеров, затем те, что покрупнее, соединенные с первыми посредством втулок, зубцов и осей и, в свою очередь, связанные с еще более крупными. Весь этот величественный, совершающий обороты вокруг оси и движение по спирали комплекс, около двухсот километров в диаметре, парил в густом газовом бульоне сотней километров ниже границы туч.

Город являлся узловым пунктом для несколь-

ких линий тучетуннеля. Некоторое время назад пустой вагон прибыл к входному люку, ближайшему к тому месту, где остановились у тучетуннеля Фассин и Хазеренс. Не выходя из вагона, они два раза поменяли линии, чтобы добраться до места назначения по частично освобожденной сети скоростных транзитных труб. Все путешествие заняло один короткий суточный цикл Наскерона, бóльшую часть которого они спали, хотя, перед тем как Фассин уснул, полковник сказала ему:

— Значит, мы не останавливаемся. Вы согласны, майор? Мы продолжаем выполнять нашу миссию. Пока не получим иного приказа.

— Согласен, — ответил он. — Мы не останавливаемся.

Тучевагон причалил, продрался сквозь стену туннелепочек Центрального вокзала Хаускипа и устремился сквозь вязкую атмосферу прямо в Клуб уплотняшек на восьмой экваториальной прогрессии, где Айсул, давний Фассинов наставник/ментор/проводник, присутствовал на церемонии завершения-исключения одного из членов клуба.

В начале своего жизненного пути насельники походили на оголодавших скатов манта — это было в короткий период детства, когда они время

от времени становились объектами охоты, — потом они росли, набирали вес, расщеплялись посередине почти по всей длине (что-то вроде юности), меняли горизонтальное положение на вертикальное, завершали таким образом свое развитие и становились взрослыми, внешне напоминая нечто вроде пары больших плетеных бахромчатых колес, соединенных короткой и толстой осью с сильно выпуклыми наружными ступицами, к каждой из которых был прикреплен гигантский краб-паук.

Часть перехода от начальной к промежуточной зрелости включала так называемый период уплотнения, когда тонкие и хрупкие диски юношей превращались в мощные и прочные колеса более зрелых особей: на это время насельники обычно вступали в клуб, где общались со своими ровесниками. У насельников не было никаких особых причин объединяться в этот период их жизни, просто им вообще нравилось быть членами клубов, братств, орденов, лиг, объединений, обществ, ассоциаций, товариществ, групп, гильдий, союзов, фракций, избавительств, развлекательств, и в то же время они, конечно, оставляли для себя возможность принимать участие в неторжественных спонтанных разовых

собраниях по тому или иному случаю. Календарь общественных мероприятий был у них очень плотным.

Айсул пригласил Фассина с полковником в свою частную библиотечную комнату в том же Клубе уплотняшек, уставленную стеллажами с книгами-кристаллами. Он не позвал гостей к себе домой, объяснив это так: если посетители слишком наскучат ему или поспешат в другое место, он сможет без особой задержки вернуться к дружкам на торжественный обед и повеселиться в банкетном зале внизу.

— Ну, Фассин, рад вас видеть! — сказал Айсул. — Зачем вы привели с собой эту маленькую насельницу? Она что — еда?

— Нет, конечно же нет. Она — коллега.

— Конечно! Хотя наблюдателей-ирилейтов не бывает.

— Она не наблюдатель.

— Значит, и не коллега?

— Ее послала сопровождать меня Шерифская Окула меркаторийского военно-религиозного ордена.

— Понятно. — Айсул был одет в свой лучший изящно-небрежный наряд — сплошные ярко окрашенные бахромки и кружевные изыскан-

ные воротники; он чуть подался назад, слегка повернувшись, но тут же снова выдвинулся вперед. — Нет, не понимаю. Что это я говорю? Что такое «Окула»?

— Это…

На объяснение ушло некоторое время. Спустя приблизительно четверть часа (все это, слава богу, в реальном времени, без фактора замедления) Фассин решил, что он уже достаточно проинформировал Айсула — настолько детально и полно, насколько то было возможно, не выдавая слишком многого. Полковник время от времени дополняла сведения Фассина, но Айсул, казалось, не обращал на нее внимания.

Айсулу было около пятнадцати тысяч лет, и он считался полновзрослым, которому оставалось еще одно-два тысячелетия до посвящения в траавы, как называлась первая стадия зрелости. При вертикальном диаметре в девять метров (не включая полуофициальные обеденные одеяния с впечатляющим воротником, добавлявшим еще около метра) он практически достиг максимального насельнического размера. Его двойной диск имел в ширину почти пять метров, едва прикрытая одеяниями центральная ось была чуть видна и между двумя огромными колесами выглядела

непропорционально тонкой. Насельники немного уменьшались в размерах по мере старения, после достижения средней зрелости, медленно теряя шпиндель-руки и бахромки, а когда их возраст выражался миллиардами лет, нередко вообще утрачивали конечности.

Но и тогда они, как правило, могли перемещаться. Движение обеспечивалось системой лопастей, выходящих из внутренних и наружных поверхностей двух основных дисков. Лопасти эти выдвигались и начинали трепыхаться — иногда с подкруткой, чтобы придать дополнительный импульс или сделать поворот, — а на холостом ходу замирали, отчего создавалось впечатление, что насельник плывет через атмосферу вразвалочку. Называлось это «вразваливать». Очень старые насельники нередко теряли способность пользоваться лопастями (или теряли их вообще) на наружной поверхности дисков, но обычно сохраняли лопасти на внутренней, а потому, какими бы немощными ни становились, двигаться так или иначе могли.

— Таким образом, — сказал в конечном счете Айсул, — все это сводится к тому, что вы ищете чоала Валсеира, чтобы возобновить определенные исследования в библиотеке под его руковод-

ством.

— Именно, — согласился Фассин.

— Понятно.

— Айсул, вы мне никогда не отказывали в помощи. Помогите и теперь.

— Трудновато будет, — сказал Айсул.

— Трудновато будет? — переспросил Фассин.

— Валсеир умер, а его библиотека была списана в глубины или разделена — возможно, как попало — среди его сверстников, союзников, членов семьи, коллег, врагов или прохожих. Не исключено, что среди всех вышеназванных.

— Умер? — переспросил Фассин.

Он изобразил ужас на сигнальном щитке своего газолета — специфичный замысловатый рисунок, указывавший на интеллектуальное и эмоциональное потрясение в связи с кончиной друга или знакомого из насельников, изобразил не в последнюю очередь потому, что тот умер в ходе исследования, в котором потрясенный и сам был глубоко заинтересован.

— Но ведь он был только чоал! Ему до смерти оставались еще миллиарды лет.

Валсеиру было около полутора миллионов, и он вот-вот должен был перейти с уровня переходников на уровень мудрецов. Градация чоалов

была последней в уровне переходников. Средний возраст перевода с уровня чоала-переходника на уровень детомудрецов составлял более двух миллионов лет, но насельники старше и явно умнее Валсеира решили, что он уже готов, хотя еще и в скромных годах. Он был — к сожалению, в безвозвратном прошлом — полуторамиллионолетним вундеркиндом. И когда Фассин видел его в последний раз, тот казался сильным, энергичным, полным жизни. Да, конечно же, он бóльшую часть времени проводил, уткнув свой круговращательный нос в библиотечную пыль, и редко выходил наружу, но тем не менее Фассин никак не мог поверить, что его больше нет. Насельники даже не страдали никакими смертельными заболеваниями. Как могло случиться, что он умер?

— Несчастный случай на яхте, если память мне не изменяет, — сказал Айсул. — Или изменяет? — Фассин почувствовал, как Айсул посылает запрос на интерфейсы библиотечного зала. — Нет, не изменяет! Несчастный случай на яхте. Его штормоборец попал в особенно сильный водоворот, развалился и убил его. Пронзил насквозь бимсом, или нок-реей, или чем-то еще. Но чтобы уж не окрашивать все в слишком мрачные тона, могу вам сообщить: прежде чем яхта ушла в глубины,

бóльшую ее часть удалось спасти. Он был превосходным моряком. Очень знающим.

— Когда? — спросил Фассин. — Я об этом ничего не слышал.

— Не так давно, — сказал Айсул. — Максимум столетия два.

— В информационных сетях об этом не было ни слова.

— Правда? Ай-ай. Постойте. — (Еще один запрос.) — Да. Насколько я понимаю, он оставил инструкцию: в случае его смерти считать ее частным делом. — Айсул пожал своими шпиндельруками, установленными на обеих ступицах. Всеми сразу. Одновременно. — Я его понимаю. Я бы сделал то же самое.

— Есть ли официальные сведения о том, что стало с его библиотекой? — спросил Фассин.

Айсул снова откатился — пара гигантских конических колес медленно закрутилась назад, а потом снова резко вперед. Он повис в атмосфере и сказал:

— Знаете, что я вам скажу?

— Что?

— Никаких таких сведений нет. Не странно ли?

— Мы… я бы очень хотел разобраться с этим,

Айсул. Вы нам поможете?

— Я совершенно определенно… да, кстати, что касается сетевых новостей, поступили известия о несанкционированном ядерном взрыве недалеко от того места, где вы получили доступ в тучетуннель. К вам это имеет какое-то отношение?

«Черт побери», — снова подумал Фассин.

— Да, похоже, кто-то пытается меня убить. А может — полковника. — Он махнул рукой в сторону э-костюма Хазеренс, по-прежнему плававшего рядом с ним.

Она помалкивала вот уже некоторое время, и Фассин не знал — хороший это знак или нет.

— Понимаю, — сказал Айсул. — И кстати, о нашем милом полковнике. Я пытаюсь обнаружить ее разрешение. Я хочу сказать, разрешение на ее визит сюда.

— Видите ли, — сказал Фассин, — мы были вынуждены искать убежище на Наскероне, и у нас не было возможности позаботиться о разрешении заблаговременно из-за неспровоцированных враждебных действий. Документы на разрешение визита были поданы незадолго до нашего отбытия, но еще не успели пройти по инстанциям, когда нам пришлось осуществить этот срочный спуск. Формально полковник нахо-

дится здесь без санкции, а потому отдается вам на милость как потерпевший кораблекрушение, беженец военного времени и ваш сотоварищ — уроженец газового гиганта, нуждающийся в защите. — Фассин повернулся и посмотрел на полковника, которая повернулась на своей вертикальной оси, чтобы ответить на его направленный газолетом взгляд. — Она просит убежища, — закончил он.

— Конечно же, временно предоставляется, — сказал Айсул. — Хотя точное значение слова «неспровоцированный» можно было бы тщательно изучить в более широком контексте, да и, строго говоря, термин «потерпевший кораблекрушение» определен не вполне точно. Но если забыть обо всем этом, насколько я понимаю, происходит какое-то выяснение отношений между вашими одноплеменниками?

— Вы понимаете правильно, — подтвердил Фассин.

— Что, неужели еще одна из этих ваших войн? — заволновался Айсул, откатившись всем телом назад, и закатил глаза — точнее, произвел свой эквивалент этого действия.

— К сожалению, да, — сказал ему Фассин.

— Ваша страсть вредить друг другу никогда не

перестает нас удивлять, радовать и повергать в ужас!

— Мне говорили, что между второй зоной и поясом В может разразиться формальная война, — сказал Фассин.

— Представьте, мне об этом тоже говорили! — весело сказал Айсул. — Вы и вправду думаете, что так оно и будет? Что касается меня, то я, если говорить откровенно, на сей счет не очень оптимистичен. Насколько мне известно, в этом участвуют безумно опытные переговорщики… Щиток на вашем корпусе, выполняющий функции тела, которого вам так катастрофически не хватает, отражает ваши эмоции, недвусмысленно свидетельствуя, что ваша последняя фраза исполнена сарказма.

— Не обращайте на это внимания, Айсул.

— Хорошо, не буду. Так вот, что касается Валсеира. Тут есть один момент соответствия.

— Есть?

— Да!

— Соответствия чего с чем? Между чем и чем?

— Между его кончиной и назревающей войной, о которой вы только что говорили.

— Правда?

— Да! Его старый кабинет — он-то сейчас и

является яблоком раздора, насколько я понимаю.

— Но ведь его уже раздербанили… — начал было Фассин.

— Да, но должны были остаться копии, и я даже не уверен, что старик и в самом деле упокоился.

— И это по прошествии двух сотен лет?

— О чем вы говорите, Фассин. Ведь нужно было уладить вопросы наследования.

— И кабинет находится в зоне военных действий?

— Да, весьма вероятно! Здорово, правда? Я думаю, нам нужно немедленно туда отправиться! — Айсул взмахнул одновременно всеми конечностями. — Организуем экспедицию! И отправимся туда все вместе. — Он посмотрел на Хазеренс. — Вы даже можете взять с собой вашу подружку.

«Я не знаю, как лучше связываться с вашим Совместным комплексом — через ваши спутники или напрямую», — сказала ему полковник.

«Я бы не стал этого делать, — ответил Фассин. — Но если вы решите, что вам это необходимо, сообщите перед попыткой мне. Я хочу успеть отойти подальше».

«Вы полагаете, что атака вроде той, которая последовала после отправки вами сигнала, может

быть предпринята и здесь?»

«Возможно, не здесь — в городе насельников. Но зачем рисковать? Мы не знаем, известно ли обстреливавшим нас, чем для них чревато такое нападение, и потому они могут просто попытаться нас уничтожить, а уж с последствиями станут разбираться потом. Нас там уже не будет, чтобы насладиться местью».

«Мы должны узнать, что происходит, майор Таак», — проинформировала его Хазеренс.

«Знаю. И я собираюсь послать запрос на спутник из какого-нибудь удаленного местечка, как только проверю, что тут случилось, по местным сетям».

Полковник всплыла повыше, чтобы взглянуть на огромный — правда, старинный и высоконаправленный — плоский экран, с помощью которого Фассин пытался выяснить, что происходит. Они находились в доме Айсула — развалюхе-колесе в огромном квартале таких же ветхих с виду домов-колес, висящих на тонких осях ниже срединного городского уровня и напоминающих разметанные взрывом механизмы на огромной свалке.

Айсул, провожая их из клуба до своего дома, пребывал в возбужденном состоянии. Потом он,

забрав своего слугу Шолиша, удалился — отправился искать приличного портного, поскольку прежний совершенно неожиданно решил поменять профессию и стал рядовым на дредноуте, вероятно намереваясь оказаться в самой гуще надвигающейся войны.

«Ну и что вы нашли? — спросила полковник, видя, как плоский экран заполняется изображениями Третьей Ярости. — Мм, похоже, на луне почти никаких повреждений».

«Это старые записи, — объяснил Фассин. — Я пытаюсь найти что-нибудь поновее».

«Есть упоминания о военных действиях?»

«Почти ничего, — сказал Фассин, нажимая с помощью манипулятора на массивные, жесткие кнопки управления старого экрана. — Одно сообщение во второстепенных радионовостях, больше ничего».

«Ну, хорошо хотя бы то, что это считается новостью, как вы думаете?»

«Не очень-то обольщайтесь, — послал Фассин. — Речь идет о радиостанции, которая принадлежит нескольким любителям и работает для кучки им подобных, интересующихся событиями в остальной части системы. Таких из всего местного населения в пять или десять миллиардов,

может быть, наберется несколько тысяч».

«Неужели число насельников Наскерона до сих пор точно не установлено?»

«Мне встречались оценки от двух до двухсот, а то и трехсот миллиардов».

«Я в своих исследованиях сталкивалась с подобными расхождениями, — сказала Хазеренс; Фассин переключался с канала на канал, с одной базы данных на другую, листал изображения. — Помнится, я подумала, что это какое-то недоразумение. Как можно ошибаться на порядки? Неужели нельзя спросить у самих насельников? Они что, не знают, сколько их?»

«Спросить-то, конечно, можно, — согласился Фассин. Он подпустил юмора в сигнал. — Мой старый наставник о подобных вопросах говорил: ответы на них дадут вам гораздо больше представления о насельнической психологии, чем о предмете вопроса».

«Они вас обманывают или не знают про себя?»

«Тоже неплохой вопрос».

«Но какое-то представление у них должно быть, — возразила полковник. — Общество должно знать, сколько в нем членов, иначе как планировать инфраструктуру и все такое?»

Фассин поймал себя на том, что улыбается.

«Да, эти соображения верны для любого другого общества», — согласился он.

«Некоторые сказали бы, что насельники на самом деле нецивилизованный народ, — задумчиво послала полковник, — что у них толком нет общества даже в планетарном масштабе, а в галактическом — они не являются цивилизацией. Скорее всего, они существуют в состоянии высокоразвитого варварства».

«Мне знакомы подобные рассуждения», — сказал ей Фассин.

«И вы с ними согласны?»

«Нет. Мы имеем дело с обществом. Мы находимся в городе. И даже в пределах одной планеты можно говорить о цивилизации насельников. Я знаю, что терминология меняется с годами и вы, возможно, смотрите на эти вещи иначе, под другим углом зрения, но что касается моей планеты, то мы называем цивилизацией даже такие структуры, которые базируются, скажем, на одной-единственной речной системе или на маленьком островке».

«Я забыла, что, имея дело с планетами, где средой обитания является твердая поверхность, приходится мыслить в категориях малых масштабов, — сказала полковник, явно не имея в

виду ничего оскорбительного. — Но если даже и так, определение цивилизации должно меняться, когда поднимаешься до галактического уровня, а насельники как единое целое могут представляться недостаточно развитыми».

«Я думаю, тут все дело в терминологии — какой смысл мы вкладываем в то или иное слово, — сказал Фассин. — Постойте-ка. Тут, кажется, кое-что есть».

Он переключился с мозаичного полиэкрана на единичное подвижное изображение.

Это снова была луна Третья Ярость, хотя на сей раз она выглядела словно подернутая дымкой, казалась менее четкой и снятой с большого расстояния. Невысокие купола Совместного комплекса у одной из островерхих кромок маленькой луны были явно обвалены. Видно было, как по поверхности с одной стороны распространяется вспышка и расползается полусферическое облако обломков. У источника вспышки образовался мерцающий кратер.

«Похоже, это вчерашняя картинка», — сказала Хазеренс.

«Да, пожалуй, так и есть, — согласился Фассин. — Видно, съемки велись с высшей точки пояса В или с южной точки зоны два. Любитель-

ская камера. — Фассин нашел, как отмотать сделанную запись назад, потом вперед, потом выяснил, как увеличить картинку. — Вот оно».

Они увидели, как на сверкающем пузыре у кромки Совместного комплекса появилось светло-вишневое пятно, и смогли разглядеть зернистые обломки ангарного купола — они взметнулись вверх, заслоняя собой неожиданную дымку быстро рассеивающегося тумана. Крохотная темно-серая точка поднялась из разломанного купола и устремилась вверх: челнок предпринял отчаянный прыжок на планету.

Фассин промотал запись вперед. Положение луны быстро изменилось, Третья Ярость устремилась по темному небосклону, продолжая движение по своей орбите, и делавший запись оказался отброшенным в противоположном направлении реактивной струей шириной в двадцать километров под ними.

«Определенно, это пояс А», — сказал Фассин.

Ярко-белая вспышка затопила весь экран. Затем погасла, оставив после себя кратер. Во все стороны разлетелись обломки, словно семена одуванчика, готовые упасть на землю, но подхваченные внезапным ураганом. Внутри кратер был белым, желтым, оранжевым, красным. Обломки

продолжали разлетаться. Большинство из них, видимо, останутся приблизительно на той же орбите, что и сама Третья Ярость.

Оба молча наблюдали за происходящим на экране. Луна изменила форму. Она закачалась, похоже, частично провалилась в самое себя, медленно, пластично вернулась к сферической форме, хотя и потеряла немалую часть своей массы. Верхушки желтых туч выстроились почти в ровную линию навстречу луне, и маленький сверкающий шар закрутился под горизонтом.

Фассин просмотрел запись до конца и, когда она пошла на второй круг, остановил ее. Экран замер на первом кадре записи с изображением Третьей Ярости — луна стояла наверху, сразу после первого удара.

«Непохоже, чтобы там кто-то остался в живых», — послала полковник. Голос ее звучал ровно.

«Думаю, вы правы».

«Мне очень жаль. Сколько людей, по-вашему, было на базе Совместного комплекса?»

«Около двух сотен».

«Я не видела никаких следов корабля вашего старшего техника или атак на нас после того, как мы его покинули».

Фассин сравнил временной код просмотренной ими записи с собственной хроникой событий газолета.

«Это происходило уже после того, что мы видели здесь, — сказал он полковнику. — Да к тому же за горизонтом — с того места, откуда велась эта съемка, ничего не было видно».

«Значит, никакой поддержки и усиления ждать не приходится. — Полковник повернулась к нему. — Но мы продолжаем, да?»

«Да».

«И что теперь, Фассин Таак?»

«Нужно поговорить кой с каким народом».

— Значит, вы хотите связаться с вашими одноплеменниками? — спросил Айсул.

— Через какую-нибудь дальнюю ретрансляционную станцию на каком-нибудь удаленном участке, — сказал Фассин.

— А почему вы это не сделали раньше?

— Я хотел получить ваше разрешение.

— Вам не нужно мое разрешение. Найдите отдаленную тарелку и посылайте запрос. Я подозреваю, что любая искупительная прибавка к моим баллам будет неизмеримо мала.

Они находились в приемной администратора города. Это было просторное помещение, окле-

енное обоями из шкур древних тучетискал — все желто-красные и в завитках. В некоторых шкурах виднелись отверстия от выстрелов. Из нескольких изогнутых секций стены одна представляла собой гигантское окно, из которого открывался вид на целое море парящих колес — Хаускип. Начинался вечер, и по всему городу загорались огни. Айсул подплыл к окну и распахнул его не самым деликатным способом — с силой шарахнув по нему. После этого он выплыл на импровизированный то ли эркер, то ли балкон и принялся разглагольствовать о том, как ему нравится этот пейзаж и как было бы хорошо перенести сюда и его собственный дом. Подул ветерок, ероша шкуры древних тучетискал, словно их давно мертвые обладатели все еще убегали от преследователей.

Полковник Хазеренс наклонилась к Фассину.

«Эти самые баллы, — послала она. — Они что, и в самом деле так вычисляют свою ценность?»

«Боюсь, что да».

«Значит, это правда! А я думала — шутка».

«Это слабое место насельников — они не особо чувствуют разницу между первым и вторым».

Айсул вернулся, не сумев закрыть окно. Он вразваливал сквозь газ в сторону Фассина и Хазеренс, а его лопасти тихо гудели.

— Давайте ваше послание, — сказал он. — Я его переправлю.

— Через удаленный передатчик? — спросил Фассин.

— Конечно!

— Тогда сообщите клану Бантрабал, что я жив и здоров, и спросите, все ли у них в порядке. Я полагаю, им уже известно, что случилось с Третьей Яростью. Можете спросить, знают ли они что-нибудь о старшем технике Апсиле и челноке, который успел убраться с луны до атаки на нее, и о том, что случилось с кораблями, которые должны были защищать луну.

— Кхм, — сказала полковник.

Они оба посмотрели на нее.

— А это благоразумно? — спросила она.

— Вы хотите сказать, не лучше ли мне притвориться мертвецом? — спросил Фассин.

— Да.

— Мне это не приходило в голову. Но я хочу, чтобы кое-кто там знал, что я жив. — Он вспомнил о вспышке, которая могла означать удар по Глантину в то самое время, когда была атакована луна Третья Ярость. — И я хочу знать, что с моими друзьями и семьей.

— Конечно, — сказала полковник. — Но я поду-

мала, не будет ли благоразумнее, если я свяжусь со своим начальством. Мы могли бы попросить насельника Айсула позволить мне воспользоваться этим отдаленным передатчиком. А когда мы установим более безопасное соединение, скажем, через один из наших военных кораблей — а я полагаю, что они все еще где-то здесь, неподалеку от планеты, — мы сможем отправить послание и вашему клану — известить их, что вы живы-здоровы. На это не уйдет много времени.

Пока Хазеренс говорила, Айсул подплыл вплотную к ней, словно намереваясь заглянуть за переднюю пластину ее э-костюма, которая была совершенно непрозрачной и к тому же бронированной. Он остановился, возвышаясь над ирилейткой, в сантиметре от нее. Полковник осталась на месте. Одной из ободковых конечностей Айсул постучал — на сей раз не так сильно — по корпусу полковничьего скафандра.

— Могу я попросить вас не делать этого, господин Айсул? — сказала она ледяным голосом.

— Почему вы все еще внутри этой штуковины, маленькая насельница? — спросил Айсул.

— Потому что мы обитаем в более высоких и холодных уровнях, а там другие газовые смеси и градиенты давления, насельник Айсул.

— Понимаю. — Айсул отодвинулся. — И у вас очень странный акцент и грамматические конструкции. Могу поклясться, что он, хоть и человек, говорит гораздо лучше вас. Так что вы там сказали?

— Я нижайше просила вас воздержаться от физических контактов с моим э-костюмом.

— Нет, я имею в виду — перед этим.

— Я предлагала связаться с моим начальством.

— Военным начальством?

— Да.

Айсул повернулся к Фассину:

— Мне это нравится больше, чем ваш план, Фассин.

— Айсул, вчера погибли две сотни моих сородичей, а может, и больше. И я бы хотел…

— Да-да-да, но…

— Если не осталось ни одного спутника, то, возможно, мне придется послать сигнал прямо на Глантин, — произнесла Хазеренс, когда в одной из стен распахнулась дверь и насельник в парадных одеяниях просунул в нее свой обод.

— Теперь я могу вас принять, — сказала администратор города.

Кабинет администратора был громаден — размером с небольшой стадион. По его периметру

находились кабины с голографическими экранами. Фассин насчитал около сотни таких кабинок, хотя лишь несколько из них были заняты насельниками, причем в основном молодыми. Окон здесь не имелось, зато потолок был из алмазного листа, и в большинстве секций — распахнут, открыт быстро темнеющему небу. Они последовали за администратором к утопленной площадке для посетителей в центре гигантского помещения. Плавучие лампы подергивались, проливая на них желтый свет.

— Вы беременны! — воскликнул Айсул. — Очень рад.

— Мне все об этом говорят, — недовольно сказала администратор.

Насельники на протяжении более чем девяноста девяти процентов своей жизни принадлежали, за отсутствием более точного термина, к мужскому полу, переходя в женский лишь на короткий период, чтобы забеременеть и родить. Беременность и роды считались долгом насельника перед обществом (тот факт, что эта обязанность была скорее почетной, делал ее уникальной для насельнических нравов), неимоверно увеличивали положительные баллы и вообще имели некую сентиментальную привлекательность для

всех, кроме самых мизантропических представителей вида (таких насчитывалось около сорока трех процентов). И тем не менее все сходились на том, что это было нелегким бременем, и лишь немногие из насельников проходили эту стадию своей жизни без громогласных жалоб.

— Я и сам несколько раз собирался поменять пол! — сказал Айсул.

— Это, я вам скажу, не такое уж приятное дело, — ответила администратор. — Особенно когда тебя приглашают на приближающуюся войну и ты вынужден отказаться из моральных соображений. Прошу вас, занимайте выемки.

Они подплыли к нескольким углублениям на площадке для приема посетителей и мягко опустились в них.

— Я и сам надеюсь отправиться на войну! — весело сказал Айсул. — Или, по крайней мере, куда-нибудь поближе к ней. Я только что вернулся от своего портного — он снимал с меня мерку для мундира по самой последней моде.

— Неужели? — сказала администратор. — И кто же ваш портной? Мой только что ушел на войну.

— Не Фуэрлиот? — воскликнул Айсул.

— Он самый!

— Так это и мой портной!

— Высший класс.

— Несомненно. Ну а мне пришлось идти к Дейстелмину.

— И как?

— А-а-а-а. — Айсул покачал своим двойным диском. — Приходится жить надеждами. Он неплохо воспитан, но достаточно ли этого, чтобы сделать модный покрой? Вот ведь в чем вопрос.

— Я вас понимаю, — согласилась администратор. — Вот так вот взять и пойти младшим офицером на дредноут!

— Да какое офицером! Рядовым!

— Не может быть!

— Так и есть!

— Такая знаменитость — и на́ тебе: на самое дно!

— Я знаю, но ход довольно здравый. Уйти в армию рядовым, пока окно призыва еще толком и не открылось, — весьма разумно. Принцип «свой — своему».

— Ах вот оно что! Ну конечно!

Фассин в разгар этой беседы попытался откашляться, но безрезультатно.

«Принцип „свой — своему“ — это что?» — шепотком послала ему полковник.

«Это когда смерть товарища идет тебе на поль-

зу, — объяснил Фассин. — Когда начинаются военные действия, все открывшиеся вакансии занимают только свои. Если этому портному повезет, то его дредноут получит тяжелые повреждения, потеряет несколько офицеров, и ему в конечном счете присвоят офицерское звание. А если повезет по-крупному, он и до адмирала дойдет».

Хазеренс задумалась.

«Но ведь из портного, каким бы замечательным он ни был, хороший адмирал может и не получиться».

«Возможно, получится ничуть не хуже, чем тот, которого он заменит».

Проблема состояла в том, что для насельников все профессии были увлечениями, все посты и места — синекурами. Этому портному, о котором болтали Айсул и городской администратор, не было никакой нужды становиться портным, просто он вдруг обнаружил в себе склонность к такому времяпрепровождению (а скорее даже к сплетням и суете, связанным с этой профессией). Он принимал клиентов, чтобы увеличить свои баллы, уровень которых возрастал пропорционально влиятельности тех, кому он шил одежду, а потому предпочтительным клиентом считал-

ся тот, кто занимал должность в гражданской иерархии, даже если он приобрел ее благодаря счастливому случаю, таинственно-сложной ротационной системе или старому доброму принудительному голосованию (должности вроде городского администратора заполнялись согласно вышеназванным правилам, но еще больше все зависело от пояса или зоны, а то и просто города, о котором шла речь). Городской же администратор в качестве благодарности могла как бы невзначай в разговоре с нужным лицом обмолвиться, что у нее, мол, есть такой широко известный портной с высокими баллами.

У самого Айсула баллы, несомненно, были достаточно высокими, если он пользовался услугами этой звезды индпошива. Те, кто стоял на иерархической лестнице пониже, пользовались услугами менее известных портных или же покупали себе одежду в «общих местах»: там насельники приобретали, применительно к данному случаю, одежду масспошива и вообще любую продукцию массового производства, не дающую никаких баллов и доступную вам уже по насельническому праву рождения… ну а в эту категорию попадала практически любая продукция, включая и космические корабли.

Правда, Фассин, которому доводилось видеть космические корабли насельников, полагал, что такой подход (наклепай с гору и раздавай бесплатно) имел свои ограничения.

— Ну и ну, — говорил в это время Айсул, — я сам подал заявление на присвоение мне младшего офицерского звания, но с этим тянут вот уже несколько веков, а в последнее время на эту тему даже не заикаются. Возможно, идти рядовым и кажется унизительным, но если будут потери, то это может дать неплохие результаты.

— Конечно, конечно, — сказала администратор, а потом перевела взгляд на полковника. — А это кто?

— Ирилейтка, маленькая насельница, — сказал Айсул голосом, в котором послышалось что-то вроде нотки гордости.

— Бог мой! Надеюсь, не ребенок?

— И не еда. Я уже спрашивал.

— Рада с вами познакомиться, — сказала полковник с максимумом достоинства, какое она сумела вложить в голос.

Ирилейты, судя по всему, пользовались даже меньшим уважением со стороны насельников, чем предполагали и Фассин, и, как он подозревал, сама полковник. Ирилейты развились

относительно недавно и довольно независимо, выделившись из громадного и неизмеримо древнего основного направления галактического насельничества, и потому их старшие собратья по проживанию на газовых гигантах смотрели на них как на нечто среднее между досадной тупиковой ветвью эволюции и шайкой нахальных самозванцев, захватчиков планет.

— А это, видимо, наблюдатель за медленными. — Администратор скользнула взглядом по газолету Фассина и тут же снова перевела его на Айсула. — Мы что, из-за этого должны говорить медленно?

— Нет, администратор, — сказал Фассин, прежде чем Айсул успел ей ответить. — В настоящее время я функционирую в вашем временно́м масштабе.

— Великолепно! — Она откатилась в сторону и постучала по пульту дистанционного управления экраном; ее передняя радиальная кромка осветилась при этом голографическим сиянием. — Так-так. Вижу. Значит, вся эта бойня последних двух дней — ваша вина?

— А что, была сильная бойня, мадам?

— Я так полагаю, что частичное уничтожение луны на ближней орбите весьма точно подпадает

под определение «бойня», — любезно сказала администратор. — Эта луна так украшала вид, если смотреть над вершинами туч. Она там была миллиарды лет, а теперь выгорела, чуть ли не исчезла совсем, и на ее орбите осталось лишь кольцо из обломков, да и сама орбита значительно изменилась, а потому и все остальное там, наверху, сместилось соответственно, кроме того, три пояса подверглись бомбардировке, правда незначительной, обломками, несколько осколков едва не повредили кое-какие объекты инфраструктуры, имеющие не только сентиментальную ценность, а другие вызвали срабатывание автоматических батарей лазерной планетной обороны и каскадное уничтожение спутников, которые еще придется восстанавливать. Да, и еще несанкционированный ядерный взрыв. Слава богу, произошел он там, где никому не мог повредить, но все же. К счастью, все это случилось за пределами моей юрисдикции, но похоже, что беда следует за вами по пятам, человек Таак, а вы находитесь здесь — в моем городе. — Администратор чуть накатилась на газолет Фассина. — И долго вы здесь намерены оставаться?

— Видите ли… — начал было Фассин.

— Он находится под моей защитой, админи-

стратор! — оборвал его Айсул. — Я полностью ручаюсь за него и в том, что касается его действий, готов отвечать за все последствия — в баллах. Я предприму все меры, необходимые для его защиты от любых враждебных сил, которые могут желать ему вреда. Могу я рассчитывать на вашу поддержку в организации экспедиции в зону военных действий, на чем настаивает этот человек?

— Предоставлена, — сказала администратор.

— Великолепно! Мы сможем быть готовы через пару дней. В особенности если удастся убедить портного Дейстелмина выполнить мой военный заказ в первую очередь.

— Я замолвлю за вас словечко.

— Очень мило с вашей стороны! Клянусь, больше никогда не выставлю вашей кандидатуры на принудительное голосование.

— Моя благодарность не знает границ.

Фассин подумал, что если бы насельники могли скрежетать зубами, то именно через скрежет зубовный и были произнесены эти слова.

— Прошу прощения, госпожа администратор, — сказал он.

— В чем дело, человек Таак?

— У вас есть какие-нибудь сведения о событиях

в других частях системы?

— Как я уже говорила, различные кольца и луны слегка корректируют положение на орбитах с учетом…

— Я полагаю, он ведет речь о звездной системе, а не о наскеронской, — сказала полковник Хазеренс.

Оба насельника повернулись в ее сторону. У насельников по всей поверхности внешних ободков располагались органы чувств, а кроме того, в нижней части внешних ступиц имелись пузыри глаз. В галактике существовали виды, которые умели впиваться пронзительным взглядом куда как лучше, но и насельники всегда были готовы приложить к этому все силы. Для насельника собственная планета составляла едва ли не целую вселенную. У большинства газовых гигантов было больше лун, чем у любой другой планеты звездной системы, и большинство гигантов излучали гораздо больше энергии, чем получали от своих звезд, а их системы теплообмена, погода и экология зависели в основном от внутренних процессов, а не от солнечного света. Их обитателям приходилось внимательно наблюдать за небесами главным образом для того, чтобы не столкнуться с неожиданностями, но даже и это

соображение способствовало газогигантоцентрическому мышлению. Местная звезда и остальная часть собственной планетарной системы почти не представляли интереса для среднего насельника.

— Нет, я не совсем это имел в виду, — быстро сказал им Фассин. — Например, луна Глантин — с ней все в порядке?

— Мне об этом ничего не известно, — сказала администратор, продолжая сверлить взглядом Хазеренс.

— А военные корабли, которые были на орбите Третьей Ярости? — спросила полковник.

(«Ш-ш-ш!» — просигнализировал Фассин полковнику.

«Нет!» — послала она в ответ.)

— Какие корабли? — спросила администратор, явно озадаченная этим вопросом.

— Как насчет планеты Сепекте? — спросил Фассин.

— Понятия не имею, — ответила ему администратор. Теперь она вперилась взглядом в Фассина. — Вы для этого хотели со мной встретиться? Чтобы спрашивать о военных действиях на лунах и отдаленных планетах?

— Нет, мадам. Я хотел встретиться с вами в

связи с тем, что у меня есть основания считать: Наскерону угрожает опасность.

— Есть? — пробормотал Айсул.

— Неужели? — сказала, вздохнув, администратор.

Даже Хазеренс повернулась к Фассину.

— У быстрых вскоре должна начаться война, мадам, — сказал Фассин администратору. — Она придет на Юлюбис, и не исключено, что часть сил вторжения может попытаться каким-либо образом втянуть в боевые действия Наскерон и его обитателей.

Администратор чуть откатилась назад и вобрала внутрь отделку наружного ободка — насельнический эквивалент нахмуренных бровей.

(«Майор, — послала полковник, — вы ничего такого не должны говорить. На чем вы основываетесь? Может быть, вы чего-то мне не сказали?»

«Это обычная уловка, чтобы привлечь ее внимание. И должен вам сказать, что сигнализировать подобным образом невежливо».)

Администратор еще некоторое время смотрела на Фассина, потом повернулась к Айсулу:

— Этот человек всегда сумасшедший?

Айсул издал сосущий звук:

— Все зависит от терминологии.

— Наскерон может быть подвергнут новой бомбардировке, — гнул свое Фассин. — Даже своего рода налету.

— Ха-ха! — рассмеялся Айсул.

— Мы не беззащитны, человек Таак, — громко сказала администратор.

«Да, но при этом ваши корабли — старые развалюхи, а система защиты может справиться разве что с метеоритом, — устало подумал Фассин. — Ты говоришь о надежной обороне, но если агрессоры с Эпифании-пять решат атаковать или Меркатория решит, что я мертв и им следует предпринять более энергичные действия, чтобы завладеть тем, что есть в библиотеке Валсеира, то остановить их вам не удастся. Судя по тому, что я видел, одного-единственного истребителя Вооруженных сил Навархии будет достаточно, чтобы от вашей планеты остался один пшик».

— Конечно же нет, — согласился он. — Но я просил бы вас передать эту информацию компетентным властям. Ваши оборонительные возможности улучшатся, если вы будете готовы.

— Я буду иметь это в виду, — ровным голосом сказала администратор.

«Черт бы тебя драл, — подумал Фассин. — Хер от тебя чего дождешься. Никому ты ничего не

скажешь».

Айсул посмотрел наверх.

— Это что? — спросил он.

Фассин на миг испытал ужас. Он тоже посмотрел наверх. Над ними в темноте, выше по-прежнему открытых алмазных лепестков потолка, вертикально парил приземистый цилиндр с лопастями, высотой метра два. Он нацелился в них чем-то длинным и острым.

Администратор застонала.

— Этого только не хватало, — сказала она. — Пресса.

— Шолиш! Я же тебе сказал — мои новые доспехи, короед ты безмозглый, газовая пустышка!

Айсул швырнул нагрудник через всю комнату в своего слугу. Графитовая пластина камуфляжного окраса просвистела сквозь газ, меняя на лету цвет, чтобы оставаться незаметной, едва не зашибла нескольких насельников (большая комната была битком набита, и кое-кому из гостей пришлось пригнуться, нырнуть или уклониться в сторону), пролетела мимо Шолиша и с громким хлопком застряла в плавпанели. Прежде чем пластина растворилась в панели, Шолиш вытащил ее и, что-то бормоча, исчез в соседней комнате.

— Прошу меня простить, — резко сказала пол-

ковник Хазеренс насельнику, который врезался в нее, когда во время всеобщего движения освобождал пространство для полета пластины.

— Прощаю! — сказал насельник и продолжил разговор с одним из родственников Айсула.

Айсул готовился отбыть из Хаускипа к театру военных действий вместе со своими подопечными — Фассином и ирилейткой. Его новое обмундирование прибыло только этим утром (что привело к быстрому росту баллов) вместе с разнообразными подарками от друзей и семьи, причем большинство решили, что лучше всего явиться лично, дабы вручить свои большей частью бесполезные и явно опасные дары и предложить огромное количество противоречивых, но чрезвычайно громогласных советов.

Айсул, который был польщен и приятно возбужден, оказавшись в центре внимания, всех пригласил в свою гардеробную, чтобы перекусить и потусоваться, пока он будет примерять новое платье, проверяя, насколько его древние семейные доспехи подходят к его новым подаркам. Фассин насчитал более тридцати насельников в помещении — одном из самых просторных в колесообразном доме. Существовала пословица, гласящая, что один насельник — это отложен-

ный спор, два — заговор, а три — бунт. Фассин не знал, во что может вылиться собрание тридцати с лишним насельников, но, несомненно, к нему не подходили слова «спокойствие» и «утонченность». Шум эхом отдавался от искривленных стен. Одеяния соревновались между собой — у кого более кричащие. По обнаженным частям кожистых панцирей двигались, как в мультфильме, выразительные геометрические изображения. Магнитная болтовня закручивалась в вихри, инфразвук метался от стены к стене, а опьяняющая смесь феромонов окутывала помещение, клубилась в нем бурлящими потоками насельнического веселья.

«Есть ли другие проводники и по совместительству охранники, кроме этого, чьими услугами можно воспользоваться?» — спросила Хазеренс, прижимаясь к стене под тем местом, где парил Фассин, пока еще один новоприбывший насельник с подарками проталкивался сквозь толпу к Айсулу.

«Практически нет, — сказал ей Фассин. — Айсул потерял немало баллов в гильдии охранников-наставников, когда принял чужака, то есть согласился стать наставником моего дядюшки Словиуса. В конечном счете он эти баллы вновь

набрал, но его поступок все равно был довольно смелым. Не многие из них пошли бы на такие жертвы. Если начинать с самого начала, то на отыскание кого-нибудь нового потребовались бы долгие годы, даже если бы Айсул и согласился».

Что-то небольшое, круглое, розовое и липкое ударило в верхнюю часть э-костюма полковника. Она отбросила эту штуковину в сторону.

«Что это еще за ерунда?» — сердито спросила она.

«Гостеприимство», — послал ей Фассин со смиренным выражением.

По комнате плавали, носились раскидайфрукты, флостикшары, резиноканделябры, ныряющие ветроподносы с бонбоньерками, веселинами, наркопастами и развлекательными свечами. Гости угощались, пили, нюхали, натирались и вставляли свечи куда положено. Шум нарастал, казалось, с каждой минутой, как и частота столкновений — самый точный показатель того, что насельники ловят кайф (множество громких ударов, торопливые выкрики «Извините!», неожиданные опасные развороты и вспышки особенно пронзительного смеха, неизменного спутника тех случаев, когда насельник видел, что один из его товарищей потерял контроль над

своей плавучестью).

«Боже мой, — сказал Фассин. — Это превращается в настоящую вечеринку».

«Они что — пьяны?» — спросила Хазеренс; в ее голосе слышалось искреннее потрясение.

Фассин посмотрел на нее, не скрывая недоумения.

«Полковник, — сказал он ей, — они редко бывают в другом состоянии».

Послышался звук удара и крик откуда-то, где парил Айсул. Раскидайфрукт взорвался прямо в газовой атмосфере и шлепнулся об пол. Ближайшие насельники принялись отряхивать с одежды пенистые кусочки фрукта.

— Ух ты! — сказал Айсул среди всеобщего смеха.

«Не может быть, чтобы, кроме него, не было других проводников! — возразила полковник. — Как насчет других наблюдателей? У них ведь тоже должны быть проводники».

«Так оно и есть, но это эксклюзивные отношения между двумя. Бросить проводника-наставника — это неслыханное оскорбление. Они потеряют при этом все свои баллы».

«Майор Таак, мы здесь не можем себе позволить сентиментальности! Если существует хоть

малейшая возможность найти проводника получше, не такого идиота, мы по меньшей мере должны попробовать».

«Проводники-наставники — это гильдия, полковник. Закрытое сообщество. Если вы обидите одного из них, никто с вами не станет иметь дела. Вы, несомненно, найдете после этого какого-нибудь шута, который предложит вам свои услуги в качестве наставника, проводника, охранника — кого угодно (может даже выстроиться очередь из таких), но все они будут молодыми и глупыми или очень старыми и — да-да — эксцентричными и наверняка навлекут на вас неприятности куда большие, чем те, из которых должны были вас вытащить. Прежде всего, гильдия охранников-наставников будет с самого начала препятствовать им, а огромное большинство других насельников вообще не станут говорить с вами. И в особенности библиотекари, хранители архивов, антиквары, экзоспециалисты — иными словами, все те, с кем нам в первую очередь и нужно общаться, — да они вам даже не скажут, который час».

Они освободили место для слуги Айсула Шолиша, который возвращался из боковой комнаты, с отполированными до зеркального блеска до-

спехами. Шолиш был еще совсем мальчишкой — ему не исполнилось и двухсот лет, он был худ и едва достиг трех четвертей взрослого роста. Личные слуги (всегда минимум на два поколения моложе хозяев) у насельников встречались часто, особенно если кто-либо постарше надумывал обзавестись хобби (читай — профессией), что требовало теоретического и/или практического обучения; слуге же предоставлялся, при его готовности делать усилия, шанс овладеть основами данной профессии. Заботливые хозяева видели в своих слугах скорее учеников, а некоторые, совсем уж эксцентричные, порой считали своих подопечных ровней.

Айсул еще не пал жертвой подобных сентиментальных чувств.

— Долго же ты возился, безмозглый слюнявый прыщ! — закричал Айсул, выхватывая доспехи у Шолиша. — Может, ты их сам ковал или плел? Или засмотрелся на свое отражение и забыл, на каком ты свете?

Шолиш, что-то бормоча, ретировался.

«Я отказываюсь согласиться с тем, что мы настолько бессильны, майор», — сказала полковник Фассину.

Он повернулся, чтобы взглянуть на ирилейтку.

«Мы здесь во многом находимся из милости, полковник. Насельники могут разозлиться вообще на всех наблюдателей без какой-либо понятной причины. Никому еще не удалось объяснить их действия. Вы просто в один прекрасный день обнаруживаете, что вы здесь нежелательная персона. Обычно этого не случается, пока они все еще знакомятся с новыми видами в цивилизации, но даже здесь нет гарантии. Отдельные личности им явно надоедают (я видел, как это происходит), и это опять же случается неожиданно. Каждый раз, когда я здесь, мне приходится признавать, что, как бы дружелюбны и услужливы ни были они в мое предыдущее посещение, — (тут полковник скептически хмыкнула), — в этот раз, вполне возможно, они не захотят иметь со мной дела, а может, и не только в этот. И даже могут сообщить, что у меня есть один день, и если я за это время не уберусь, то стану объектом охоты. Такая перспектива грозит любому наблюдателю во время экспедиции, дистанционной или прямой. Мы должны к этому просто привыкнуть. Им даже не обязательно встречаться с вами; известны истории людей, готовившихся к карьере наблюдателя, они обучались десятилетиями, они принадлежали к уважаемым наблюдательским кланам

с тысячелетней историей и вот-вот собирались отправиться в свою первую экспедицию, но тут им сообщали, что они могут не беспокоиться и больше носа туда не совать. Это чудо, что они вас вообще приняли. И не забывайте: вас постоянно не третируют как незваного чужака единственно потому, что Айсул за вас поручился».

«Вы хотите сказать, что мы связаны с этим болваном и выхода нет?»

«Да. Я знаю, поверить в это трудно, но он один из лучших».

«Да поможет нам сердцевина Вселенной! Зачем мы попусту тратим время? Я немедленно подам рапорт на представление меня к награде посмертно».

Целью гильдии добровольных охранников-наставников было наблюдение за насельниками, приезжающими с других поясов той же планеты или, что случалось крайне редко, с другого газового гиганта, обычно из той же звездной системы. Насельники, бывало, совершали (почти всегда в одиночестве) путешествия из одной звездной системы в другую, но случалось это нечасто и обычно означало, что данное лицо вышвырнули со своего газового гиганта за какое-то особенно гнусное преступление или непростительный

личностный дефект.

После Второй эпохи диаспоры (когда галактика была вдвое моложе, чем теперь) насельники почти перестали совершать массовые космические перелеты. Всеобщее мнение было таково: отсутствие практики на протяжении семи миллиардов лет объясняет жуткую убогость насельнических космических кораблей и строительных норм, хотя Фассин и не был уверен, где здесь причина, а где — следствие.

К театру военных действий они должны были отбыть на следующий день. Время после бесплодного визита к городскому администратору они провели, отбиваясь от насельнических журналистов и их дистанционных собирателей новостей и пытаясь узнать, что удастся, о событиях в остальной части системы. В конце концов пришлось пойти на компромисс — и обмен. Один из журналистов получил очень сдержанное, но эксклюзивное интервью у Фассина (сдержанное — точно сказано: его сдерживала полковник Хазеренс, которая начинала громко кашлять, как только Фассин затрагивал какой-либо предмет, хотя бы отдаленно связанный с их миссией) в обмен на новости из внешнего мира.

Луна Третья Ярость была уничтожена со все-

ми, кто находился на ней или в ней. Никаких известий о спасшемся челноке не было, хотя равным образом не было и новостей о нахождении обломков такого корабля. Но конечно же, если он канул в глубины… Немало спутников были уничтожены или повреждены. Спутники, принадлежавшие быстрым (то есть Меркатории), либо отсутствовали, либо были выведены из строя. Некоторые военные корабли, принадлежащие нынешним местным видам быстрых, провели сколько-то времени, исследуя обломки на луне Третья Ярость. Луна Глантин вроде бы не пострадала. Межпланетное движение внутри системы в последние дни сократилось, но аномальным не стало. С санкции охранника-ментора Айсула из Хаускипа на луну Глантин послали сигнал от имени полковника Окулы Хазеренс. Ответа пока не поступило. С трансляционной станцией, откуда был послан сигнал, никаких происшествий не случилось.

По словам журналиста, они и сами могли бы найти всю эту информацию. Надо было только знать, где искать. Журналист, казалось, был раздосадован тем, что для них эта сделка оказалась выгоднее, чем для него, так как все, что он им сообщил, было правдой по меньшей мере на

девяносто процентов, поскольку он не хотел их расстраивать. Он знал, что инопланетяне иногда странно реагируют на такие вещи.

— Что в точности сказал ваш друг?

— Он сказал, что они хотели, чтобы он… «газодинамизировал целую серию для…». Я уверен, именно так и было сказано. Потом он вроде понял, что говорит лишнее, и сменил тему. И эта его неуверенность, неожиданная перемена темы и наполнили первоначальную словоформу скрытым смыслом. Он понял, что говорит с тем, кто провел немалую часть жизни на Наскероне и кто, возможно, относится иначе, чем он, к тому, что следует из его слов.

— И это говорилось на?..

— На гуманизированном языке Г-ясный или на чем-то очень близком. Значения в основном те же, но произношение приспособлено для человеческого голоса.

— А английские слова не использовались?

— Нет.

— И он, значит, сказал «газодинамизировать», а не «аэродинамизировать» или «воздуходинамизировать»?

— Насколько мне известно, «воздуходинамизировать» вообще не говорят. Обычно используется

термин «аэродинамизировать». Он машинально предпочел «газодинамизировать»: этот термин технически корректнее и имеет более узкое значение. В данном контексте это означает переделку корабля, предназначенного для вакуума, чтобы он мог действовать в атмосфере вроде наскеронской.

— И из этого вы сделали вывод, что нас неминуемо ожидает крупномасштабное и разрушительное вторжение?

— Я полагаю, что вторжение того или иного рода весьма вероятно.

— Не слишком ли это тонкая ниточка, чтобы подвешивать на ней такой груз страха?

— Я отдаю себе в этом отчет. Но прошу вас понять, компания этого человека строит и переоснащает три четверти военных кораблей системы. Слово «газодинамизировать» довольно специфично, и потом еще эта неожиданная перемена темы, когда он понял, что собеседник может питать к Наскерону и насельникам сентиментальные чувства. Я знаю этого человека с детства. Я знаю его образ мыслей.

— И тем не менее попытка вторжения на газовый гигант — шаг довольно решительный. Меркатория за семь тысяч лет не предпринимала

ничего подобного.

— Ситуация для них складывается отчаянная. Им грозит вторжение в течение года. Стандартного года, а не вашего. А на помощь они могут рассчитывать только еще через год. Фактически вторжение, может быть, уже началось. Возможно, атаки на Третью Ярость и другие владения Меркатории вокруг Наска — это часть грядущего полномасштабного вторжения.

— Но как их может спасти вторжение на Наскерон?

— Они рассчитывают найти здесь кое-что способное изменить ситуацию. Определенную информацию. Я здесь как раз для того, чтобы обнаружить ее. Но если они решат, что я погиб или мои шансы на успех невелики, то Меркатория может осуществить вторжение. Кроме того, агрессор, которого опасается Меркатория, тоже может прийти к такому же выводу, а уж он-то колебаться не будет. У меня такое впечатление, что в их приоритетах продолжение исследований насельников откатывается на последние места.

— Фассин, и какая же информация могла бы оправдать подобные действия?

— Важная информация.

— А конкретнее?

— Очень важная информация.

— Вы не хотите говорить.

— Не хотеть и не мочь — вещи разные. Лучше вам этого не знать.

— Это вы так считаете.

— Если бы я думал, что детали помогут мне вас убедить, я бы вам сообщил, — солгал Фассин.

Он беседовал с насельником по имени Сетстиин. Сетстиин любил называть себя влиятельным сплетником — весьма скромно для личности со связями на самых верхах. С точки зрения социальной иерархии насельническое общество было на удивление плоским (плоским, как поверхность нейтронной звезды, в сравнении с отвесной, чудовищно барочной властной вертикалью Меркатории), однако и тут имелись верхи и низы, а у сурла Сетстиина были связи и там и там.

В обществе он играл роли хозяина, социального работника, посетителя больниц и друга сильных мира сего, насколько таковые, по насельническим понятиям, существовали; общительный, душа компании, искренне и глубоко интересующийся другими — гораздо сильнее, чем баллами (отчего казался личностью очень необычной, даже удивительной, чуть ли не угрожающей). По человеческим меркам он был кем-то между

полным идиотом и суперклассным парнем. Идиотизм его заключался в странном невнимании к тому единственному, что имело значение для всех, — к баллам, и отсюда же происходила его суперклассность, поскольку отсутствие интереса к баллам (а он был к ним совершенно безразличен, не гонялся за ними повсюду, не оценивал постоянно свой класс в сравнении с другими) уже само по себе было суперклассом. И поскольку не возникало ни малейшего подозрения в том, что он ведет какую-то странную подковерную игру и приобретает баллы именно потому, что делает вид, будто они ему не нужны, пока это отсутствие интереса выглядело для всех непритворным равнодушием, проистекающим из своего рода мудрой наивности, недостатка в баллах он не испытывал, хотя, как ни странно, зависти это ни у кого не вызывало.

(Первым Фассину объяснил, как действуют баллы, не кто иной, как Словиус. Фассин думал, это что-то вроде денег. Словиус объяснил, что даже деньги уже не то, что были прежде, ну а баллы — это вообще подчас нечто противоположное. Чем больше ты работал ради баллов, тем меньше их получал.)

А еще Сетстиин был одним из самых разумных,

уравновешенных насельников, с какими доводилось встречаться Фассину. И к просьбе всего лишь обычного человека — проснуться, очнуться, связаться с кем надо по телефону — он отнесся со всем уважением и серьезностью, на какие были способны немногие насельники.

Фассин сказал Хазеренс, будто ему необходимо время, чтобы дать выспаться его человеческим мозгам и телу, а его газолету — самовосстановиться и перезарядиться. Он удалился в длинную спице-комнату, выделенную ему в доме Айсула. Это была темная и пыльная галерея, где валялись груды выброшенной одежды, вдоль стен стояли древние шкафы, а пол был завален разонравившимися хозяину картинами и помятыми обоями. Тут стояли насельническая кровать с двойной выемкой и стеллаж, отделанный пенодеревом, образуя что-то вроде спальни, хотя Фассину в его газолете никакой спальни нужно не было.

Фассин запер дверь, с помощью ультразвукового локатора своего маленького стрелоида обнаружил съемную панель в потолке и вышел в ветреную, относительно темную ночь через двойную крышу.

Как и все насельнические города, Хаускип располагался в исторически спокойном месте

(в пределах его атмосферного объема), но и в городах погода оставалась погодой. В зависимости от состояния окружавшего их газового потока они были подвержены перепадам давления, шквалам, туманам, дождям, снегопадам, встречным ветрам, восходящим и нисходящим потокам, боковым напорам и вихрям. Полускрытый рваными облачками более плотного газа, что неслись сквозь искусственно освещенную ночь, Фассин, испытывая умеренную качку, двинулся вверх и в сторону над лоснящимися крышами.

Движение в небесах было относительно слабым (перемещения происходили главным образом в пределах валов и спиц, связывавших основные районы города), и, хотя вдалеке виднелись несколько вразваливающих насельников и множество небольших аппаратов (в основном курьерской службы), Фассин надеялся, что его никто не заметит.

Где-то глубоко внизу сверкнула молния.

Фассин добрался до раскачивающегося волнопроводящего кабеля толщиной в несколько сантиметров, проследовал вдоль него до пустой площади — огромной порожней чаши, окруженной тусклыми, приглушенными огнями, — и нашел общественную экранокабину.

Сетстиин тоже находился на экваториальной полосе, хотя и с другой стороны планеты, поэтому у Фассина была надежда застать его бодрствующим в такое время, но Сетстиин отсыпался после особенно веселой вечеринки, состоявшейся накануне в его доме. Насельники могли не спать десять дней подряд, но если потом отсыпались, то от всей души. Фассин долго умолял слугу Сетстиина разбудить хозяина, но и на само пробуждение ушло немало времени. Вид и голос у Сетстиина были довольно похмельными, но мозг его где-то там внутри, похоже, вполне проснулся.

— И что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил Сетстиин.

Одной шпиндель-рукой он почесал себе жаберную бахрому. Вокруг его среднеступицы был легкий ночной воротник, считавшийся вежливым минимумом при общении по телефону с теми, кто не принадлежал к ближнему кругу друзей и к членам семьи.

Насельники ничуть не смущались, демонстрируя ротовые части внутренней ступицы и органы наслаждения, но в таких делах требовалось соблюдать известный этикет, особенно имея дело с инопланетянином.

— Что и кому я должен сказать, Фассин? —

спросил он.

Фассин заглянул в экран камеры, и в этот момент порыв ветра заставил винты его стрелоида крутиться быстрее, чтобы оставаться на месте.

— Убедите кого удастся — лучше как можно более высокопоставленных насельников, лучше без излишних эмоций, — убедите, что угроза действительно существует. Пусть у них будет время подумать, что они станут делать в случае агрессии. Может быть, лучше не оказывать никакого сопротивления. Ни в коем случае нельзя срываться на спонтанные враждебные действия, потому что в ответ на это какой-нибудь маньяк из быстрых захочет преподать вам урок и сбросит ядерные бомбы на один-два города.

У Сетстиина был недоуменный вид.

— Какая от этого будет польза и кому?

— Прошу вас, верьте мне… быстрые иногда прибегают к таким действиям.

— Значит, вы хотите, чтобы я поговорил с политиками и военными, да?

— Да.

Политики и военные у насельников были такими же дилетантами и любителями, как талантливые портные или завзятые тусовщики, вроде Сетстиина (возможно, чуть менее увле-

ченные), но работать приходится с тем, что есть, подумал Фассин.

Вид у Сетстиина был задумчивый.

— Никакого вторжения у них все равно не получится.

Фассин подумал, что тот, пожалуй, прав. В полном смысле этого слова вторжение было невозможно. Военные силы Юлюбиса были безнадежно неадекватны для такой задачи, как захват огромного пространства любого из газовых гигантов, даже населенного от природы мирным, раболепным, легко запугиваемым видом, а не этими самыми насельниками. Пытаться контролировать пространство, населенное насельниками, было все равно что мочиться на звезду в надежде ее загасить. Опасность состояла в том, что вторжение сил Меркатории с целью захвата ограниченного объема на период времени, достаточный для обнаружения необходимой им информации, вызовет такую же реакцию насельников, как при полномасштабном вторжении. Насельническая психология, казалось, исходила из того, что если на какое-либо событие следует прореагировать, то лучше уж прореагировать на него с удвоенной остротой, и Фассин даже думать не хотел, чем это может кончиться для

обеих сторон.

— Обратите их внимание на то, что возможна глубокая разведка и временная оккупация территории, которые не следует принимать за вторжение.

— А где все это? — спросил Сетстиин. — Или вы хотите мне сказать, что понятия об этом не имеете?

— Насколько я понимаю, поиски будут вестись в районе новой формальной войны или очень близко от него.

Сетстиин уронил вдоль боков свои шпиндельруки. Это было похоже на человека, закатившего глаза.

— Ну конечно, а где же еще?

— Я думаю, нет ни малейшей возможности того, что эта война будет отменена или отложена. А вы как считаете?

— Шанс всегда есть — на то, что такой тусовщик, как я, шепнет что-то на ушко кому-нибудь, пусть и в самых высоких сферах. Представьте себе: возникла опасность серьезных враждебных действий против нас, акт инопланетной агрессии среди самих наскеронских ветров, а предложение сводится к отмене формальной войны? Более вероятно, что мы развяжем несколько новых войн,

чтобы показать, какие мы чертовски свирепые, и набраться кой-какого опыта в этих делах.

— Я просто подумал, что должен задать этот вопрос.

— И когда вы отправляетесь к театру военных действий?

— Завтра утром по хаускипскому времени.

— Вот вам и пожалуйста. Времени у вас с запасом, чтобы увидеть церемонию начала войны.

— У меня на уме может быть и другое.

— Гм. Вы отдаете себе отчет в том, что заинтересованные стороны моего разговора в высоких сферах после этого могут установить за вами слежку?

— Но ведь обычно этого не случается? Впрочем, да, я отдаю себе в этом отчет.

— Что ж, я желаю вам удачи, Фассин Таак.

— Спасибо.

Сетстиин уставился в камероэкран, разглядывая место, где находился Фассин:

— У Айсула что, кончились баллы для телефонных операторов?

— Меня сопровождает дополнительный охранник-наставник — полковник Меркатории, ирилейтка. Она может не понять моих проблем. Я ускользнул от нее, чтобы сделать этот звонок.

— Ну просто как в шпионском романе. Желаю удачи в ваших поисках, Фассин. Держите со мной связь.

* * *

«Если ты смотришь это, Сал, значит я уже мертва. Я, конечно же, не знаю, каковы могли быть обстоятельства моей смерти. Хотелось бы думать, что умерла я в бою, доблестно и с честью. Вряд ли ты будешь смотреть это из-за того, что я тихо-мирно отошла во сне, я просто не позволю, чтобы это случилось, по крайней мере до того, как нечто подобное случится с тобой. Умереть тихо-мирно… вообще-то, я надеюсь, для меня это должно означать, что ты уже мертв.

То, что касается тебя, касается и Фасса, хотя и по-другому. Касается тебя, меня, Фасса и Айлен. Бедняжка Айлен. Айлен Дест, Сал. Ты ее помнишь? Может, и забыл. Давно это было для всех нас, давно по разным и странным причинам, которые, как выясняется, сводятся к одной. У тебя твои омоложения, у Фасса его медленное время, а меня заэйнштейнило на субсветовых скоростях. Время почти не тронуло никого из нас, правда, Сал?

Но я думаю, ты все же не забыл Айлен и того,

что случилось с ней, — уж слишком большим потрясением было это для всех нас, правда? Если с человеком случается что-нибудь такое — страшная трагедия, — он об этом никогда не забывает. Да и как забудешь? Его мучают кошмары по ночам, порой даже днем посещают жуткие видения. У тебя так бывает? У меня — да. Иногда это что-то вполне очевидное, словно видишь, как на экране кто-то цепляется кончиками пальцев за выступ скалы над пропастью, особенно если это женщина. Правда, на экране их обычно спасают. Не всегда, но обычно. Но бывает, что случившееся настигает меня неожиданно. Скажем, я занимаюсь чем-то абсолютно нормальным, ничего там тебе похожего, ничего ассоциативного, в чем можно было бы увидеть логическую причину, приведшую в действие механизм воспоминаний, и вдруг на́ тебе: я снова там, вернулась в этот громадный, старый, пошел бы он на хер, корабль, я там вместе с тобой, Фассом и Айлен.

У тебя так бывает? У меня — да, хотя столько лет прошло. Пора бы этому прекратиться, правда? Черт, даже без всех этих украденных лет на субсветовой все равно пора. Все должно бы уже стереться из памяти, умереть, правда? Посмотри на меня — шестьдесят один год по физиологиче-

скому времени. Стройная, как никогда, все еще ложусь с парнями втрое моложе меня, и… что, я выгляжу на шестьдесят? Надеюсь, что нет. Но мне уже пора бы забыть обо всем этом, верно? Время — великий целитель и все такое. Как не было.

Ну а у тебя бывает что-нибудь подобное? Неужели не всколыхнулось никаких воспоминаний? Честно, очень хотелось бы знать. Может, в один прекрасный день мы и узнаем. Может, мне еще придется спросить тебя об этом, а ты никогда не увидишь эту запись, и мы выясним вместе. Может, ее увидит кто-то другой. Вообще-то, она не предназначена для чужих глаз, но, видишь ли, моя профессия связана с высоким риском, и кто знает, что случится, после того как я сделаю эту запись.

Как бы то ни было, дело вот в чем: я знаю, что случилось, и собираюсь тебя убить, Сал. Или собиралась. Я уже сказала, что, если ты читаешь эту запись, я мертва, а ты еще жив. Но я хочу, чтобы ты знал: на этом все не закончится. Я всерьез намерена преследовать тебя даже из могилы, Сал, сукин ты сын. Я понимаю, это будет нелегко, но я всю жизнь потратила на то, чтобы занять влиятельное положение. У меня столько влияния во флоте, что стоит мне пальцами щелкнуть, и

боевые корабли ускоряются, меняют курс, отправляются в поход. Создавать сети, приобретать друзей, находить союзников, заводить любовников, сдавать экзамены, идти на риск — и все это ради влияния, чтобы однажды бросить вызов человеку, который к тому времени будет владеть, ну или почти владеть, всей системой. Уничтожение портала почти разрушило мои планы — надолго отсрочило их исполнение. Но я полагаю, ты все еще будешь жить и любить жизнь, когда я все же вернусь домой или когда начнет происходить то, что должно произойти в случае моей смерти.

Ты же понимаешь, я тебе не все могу рассказать. С какой стати? Не хочу, чтобы ты был начеку. И без того на твоей стороне все преимущества, разве нет? Ну не считая, пожалуй, моего маленького сюрприза. Разве для тебя не сюрприз — слышать это, видеть это? Спрашивать себя, что же должно произойти? Давай-давай, Сал, спрашивай. Спрашивай, не прекращай думать об этом, живи в постоянном страхе, потому что страх может ненадолго продлить тебе жизнь. Ненадолго. Определенно ненадолго. Но на какое-то время.

Думаю, пока хватит, как ты считаешь? Определенно это самая длинная речь, какую ты или я произносили, даже когда были вместе, давным-

давно. Разве нет? Может быть, это больше, чем все слова, сказанные между нами. Ну, или почти.

Дай-ка я тебе объясню, если ты еще не понял: я видела отметины, Сал. Я видела три красные царапины у тебя на шее, пока ты не успел поднять воротник куртки. Помнишь? Помнишь, как ты сделал вид, будто тебя пробрала дрожь, и ты что-то там сказал, заикаясь? Помнишь? Одна из тех фальшивых ноток, которую ты тогда не уловил из-за всего этого страха и адреналина, и только много времени спустя это стало тебя мучить. А потом ты так и не опускал воротника, верно? Не снимал с себя куртку, кутался в нее, как в плед, пока не добрался до ванной и аптечки первой помощи, верно? Я все помню. А я, когда тянулась к Айлен, я видела ее ногти. И кровь под ними. Видела очень четко. Фасс вот не видел; он по сей день ничего об этом не знает. Но я видела. Я не была стопроцентно уверена насчет отметин у тебя на шее, но потом проверила. Ты помнишь, как мы трахались в последний раз — на прощание, недели две спустя? Это была проверка. От царапин уже почти ничего не осталось, но они все еще были видны.

Ты ведь ее всегда хотел, правда, Сал? Всегда вожделел красавицу Айлен. И ты решил, что если

она пошла с тобой в этот корабль, то, значит, сказала „да“? Верно? А потом что — передумала? Наверное, это не слишком важно. Я видела то, что видела.

А знаешь, что тут смешнее всего, а? Я-то ведь побывала там, куда тебе не удалось сунуться. Да-да, мы с Айлен занимались этим. Правда, всего один раз, но это уже кое-что другое, о чем я тоже никогда не забуду. Как тебе, наверное, хотелось бы это увидеть, а? Еще бы не хотелось. Я потом и с Фассом легла в постель, чтобы уж всех перебрать. Кстати, он в постели гораздо лучше тебя».

Фигура в военной форме заглянула прямо в камеру, голос звучал спокойно и тихо:

«Я подбиралась к тебе, Сал. Если ты смотришь это, значит у меня не получилось, не получилось сделать это своими руками, но даже из могилы я приду за тобой, сукин ты сын».

Изображение замерло и исчезло. Рука — дрожащая, но лишь чуть-чуть — потянулась к кнопке и выключила экран.

4
События военного времени

Сказать о том, что галактик много, а не одна, значит ничего не сказать. Каждый вид широко распространенной разумной жизни (плюс несколько категорий креатов, которые, возможно, не были разумными, но тем не менее совершали межзвездные путешествия), а временами и каждая отдельная разновидность стремилась иметь собственную галактику. Путешесты (транскатегория, которая включала все существа, способные и желающие выйти за пределы первоначальной непосредственной среды обитания) были похожи на граждан огромного, целиком трехмерного, но почти пустого города с разветвленными и разнообразными транспортными системами. Большинство обитателей любили ходить пешком, неторопливо передвигаясь по бесчисленным улицам, тихим, разделенным большими пространствами, по тихим паркам, незастроенным местам, остаткам пустошей и бесконечному плетению не попавших на карты тропинок, мостовых, переулков, ступеней,

лестниц, извилин и просек. Они почти никого не встречали в пути, а добравшись до места назначения, обнаруживали, что оно едва отличимо от того места, которое они покинули, будь то фотосфера звезды, поверхность коричневого карлика, атмосфера газового гиганта, кометное облако или область межзвездного пространства. Такие виды обычно назывались медленными.

Быстрые были совсем другими. Происходили они в основном с каменных планет того или иного вида, жили в ускоренном темпе и никогда ничем не довольствовались — постоянно бродяжничали, нигде не задерживались. Тот факт, что они вынуждены были вести такой образ жизни еще до сооружения сети червоточин, считался весьма неблагоприятным. Ходы и порталы доступа к ним были узким местом системы ходов (подземными станциями города), где были вынуждены встречаться и в некоторой степени смешиваться представители различных типовидов, хотя, поскольку вблизи портала или внутри хода они проводили лишь крохотный отрезок времени, даже эта, по видимости всеобъемлющая, система сообщений практически ничего не меняла в вечной неприкаянности представителей разнообразных форм жизни, и потому, перед

тем как сойтись и уже разойдясь после встречи внутри хода, пользователи системы стремились в места, отвечающие их представлениям о комфорте, обычно непохожим на представления всех остальных.

Многие считали синктурию эквивалентом животных — птиц, собак, кошек, крыс и бактерий. Они тоже жили в городе, но не несли за него ответственности и не управляли им, а нередко в большей или меньшей степени даже препятствовали его нормальному существованию.

Что же касается остальных (небарионных сумеречников, тринадцатимерников и обитающих в потоках элементарных частиц квантархов), то, описывая их, вы вдруг обнаруживали: материал городских зданий, их фундаменты да и сам воздух являются домом для того или иного вида, совершенно не похожего на своих соседей.

Меркатория (объединявшая большинство представителей тогдашней формации кислорододышащих, хотя и не всех) населяла тогда собственную галактику, как и все прочие жизненные разновидности, и все эти различные галактики существовали бок о бок: каждая пересекалась с остальными, будучи окружена другими галактиками и окружая их, но взаимо-

влияния между ними не было, разве что изредка — через бесценную и весьма уязвимую систему червоточин.

Мы? Ну, мы были как ложные сигналы в кабельной сети.

* * *

Дети-рабы ползли по гигантским лопастям одного из главных винтов дредноута, тащили с собой сварочное оборудование, рюкзаки углеродной ткани, тяжелые клееметы. Неровный гул двигателей корабля и главной энергетической установки наполнял окутывавшие все вокруг клубы коричневого тумана, и весь обтекавший тело огромного корабля газ и сам корпус отвечали жужжащими обертонами, которые нарастали, повышались и понижались, слагаясь в одну бесконечную индустриальную симфонию.

Фассин и полковник наблюдали с открытого мостика, нависавшего над кольцом из двух дюжин гигантских двигателей, как две бригады насельнических детей ползут по гигантским лопастям к их гнутым и искривленным оконечностям.

Винт правого борта был поврежден куском корня тучеросника. Корень этот свалился из тучи

и, вероятно, был частью гибнущего тучеросника, который плыл, разлагаясь, в нескольких десятках километров наверху. Тучеросники были громадными пенистыми растениями — в поперечнике до десяти километров, а высотой раз в пять — десять больше. Как и вся флора газового гиганта, они состояли в основном из газа — насельник в спешке вполне мог промчаться сквозь крону тучеросника и даже не заметить, что оказался в сердцевине растения, а не обычного облака. Людям они казались чудовищными крестами, чем-то средним между вытянутым грибом и медузой размером с грозовую тучу. Входя в повсеместно распространенную кладу, они повсюду сопутствовали насельникам и поглощали водный конденсат из атмосферы газовых гигантов с помощью своих обвисших, плотных и относительно прочных корней, используя разницу температур между слоями атмосферы.

Ближе к концу жизни они поднимались к вершинам холодных туч и более высоким дымчатым слоям, где от них один за другим отламывались отдельные куски. У дредноута были защитные кожухи на винтах, предохранявшие его главную энергетическую установку от плавающих, падающих, взмывающих вверх элементов, но сейчас

кусок корня проскользнул между защитным кожухом и самим винтом, частично разрушив тридцатиметровые лопасти, после чего был перемолот и вышвырнут наружу.

Теперь дети-рабы должны были пробраться по длинным лопастям от ступиц до концов и произвести ремонт. Детям, с их тонкими, дельтовидными телами и хрупкими на вид щупальцами, приходилось нелегко: надо было не только цепляться за вращающиеся лопасти, но и нести ремонтные материалы. Офицеры-насельники на дрейфующих поблизости катерах выкрикивали молодым приказы, угрозы и проклятия.

— Они что, не могли застопорить этот сраный винт? — прокричала полковник Фассину.

Открытый мостик, на котором они расположились, находился на расстоянии в четыре пятых корпуса от луковицеобразного носа гигантского корабля — эллипсоида длиной немногим более двух километров, а в поперечнике — метров четыреста. Двадцать четыре двигателя дредноута выступали наружу в районе кормы, точно гигантское ожерелье из пилонов, проводов, трубчатых предохранительных сеток для винтов и почти шаровидных кожухов. Ветер завывал, обтекая скафандр Хазеренс и маленький стрелоид

Фассина.

— Но обороты все-таки сильно снизили! — прокричал в ответ Фассин.

Капитан дредноута перевел двигатели правого борта на режим в четверть мощности, чтобы дети-рабы могли завершить ремонт без больших потерь. Гигантские рули корабля, установленные на восьмигранном хвостовом стабилизаторе сразу за двигателями, были соответствующим образом развернуты, чтобы скомпенсировать возникшее неравномерное распределение тяги.

Фассин бросил взгляд на крейсер сопровождения в кратком разрыве среди туч, в нескольких километрах от них. Другие дредноуты и защитный эскорт из малых кораблей расположились вокруг них по фронту шириной в сотню километров и глубиной в тридцать. Ребенок-раб, добравшись до одной из оконечностей винта, не удержался и сорвался вниз со сдавленным криком, затем ударился о внутреннюю кромку наружной защитной сетки. Вопль его смолк, и обмякшее тело оказалось в струе от всех винтов, которая, закрутив, швырнула его назад, где оно едва избежало нового столкновения с хвостовой частью. Тело исчезло за огромным вертикальным стабилизатором. Потом оно снова показалось

на глаза, но теперь, неторопливо вращаясь, медленно устремлялось вниз — в обволакивающую его облачную дымку. Никто из насельников на катерах не удостоил падающее тело взглядом. Десятки оставшихся детей-рабов продолжали сантиметр за сантиметром продвигаться по гигантским лопастям.

Фассин посмотрел на полковника.

— Ай-яй-яй, — сказал он.

Они напросились в попутчики на дредноут, отбывающий к театру военных действий.

Из дома Айсула до Центрального вокзала они добирались на тучевагоне, вернее, на двух тучевагонах — во втором разместились багаж Айсула, его дополнительная одежда и Шолиш. Там они сели в поезд дальнего следования примерно из девяноста вагонов, направляющийся к границе зоны ноль (экваториальной зоны) и пояса А, за двадцать тысяч километров. Бóльшую часть пути Айсул жаловался на тяжелое похмелье.

— Вы хотите сказать, что существуете в нынешней форме вот уже десять миллиардов лет, но так и не нашли действенного средства против абстинентного синдрома? — недоуменно спросила Хазеренс.

Они парили в вагоне-ресторане, дожидаясь,

когда на кухне рассчитают точный химический состав ирилейтской пищи. Айсул ответил приглушенным голосом из-под прозрачной накидки — насельнического эквивалента темных очков:

— Страдания считаются частью процесса, как и жалобы на них. А также, я бы добавил, и сочувствие, которое страдалец получает от товарищей.

Вид у полковника был скептический.

— А я считала, что вы не чувствуете боли. Разве нет?

— Физической боли — не чувствуем. Наша боль носит душевный характер и обусловлена осознанием того, что мир далеко не так совершенен, как это казалось накануне, и что ты, возможно, выставил себя в дурацком свете. И так далее и тому подобное. Я полагаю, маленьким насельникам это недоступно.

С поезда они сошли в Нуэрсотсе, сферическом городе, повисшем на средней высоте в кипящих неровных кромках северного окончания Экваториального пояса. Нуэрсотсе в диаметре едва достигал тридцати километров, по насельническим меркам был довольно плотно населен, имел высокую прочность и маневренность. Примерно раз в час, по мере приближения одного из колес

полосного рубежа, один за другим отбывали конвои скоростных транспортов.

Потом они сели на первое колесо Нуэрсотсейско-Гвефутского полосного рубежа — колоссальное, сложное сооружение в две тысячи километров поперечником, которое вращалось на границе двух атмосферных полос, углубляющихся друг в друга на тысячу километров; вся его огромная масса крутилась под воздействием разнонаправленных газовых потоков по обе стороны от нее. На большинстве газовых гигантов колеса полосных рубежей являлись самыми крупными подвижными структурами, если не брать в расчет опоясывающие эти планеты сети тучетуннелей. Последние двигались в самом тривиальном смысле — носились вокруг планеты со скоростью несколько сотен километров в час вместе со всем, что находилось в планетарной полосе. Насельники считали такое состояние неподвижным.

Колеса полосных рубежей вращались на самом деле, перенося транспорт и материалы с одной полосы на другую при минимальной турбулентности и относительной безопасности, плюс к тому их веретенообразные ведущие валы производили огромное количество электроэнергии.

Валы эти выступали из верхней и нижней ступицы, образуя громадные полусферы, нижние ободья которых были усыпаны микроволновыми тарелками, имевшими в поперечнике сотни метров; эти тарелки вращались с головокружительной, немыслимой скоростью, излучая свою энергию на внешнее кольцо неподвижных тарелок, тоже громадных, откуда энергия поступала на пристыкованные к ним энерготранспортеры.

В момент их прибытия колесо и город находились на окраине небольшой пограничной бури, хотя оба со всей возможной оперативностью выводились из опасной зоны. Когда транзитный корабль с усиленным на случай высокой турбулентности корпусом принял пассажиров и поспешил с вокзала тучетуннеля на колесо, казалось, будто все, начиная с планеты и кончая Фассиновыми зубами, дрожит и вибрирует: надрывно ревели двигатели, завывал ветер, колотил по поверхности корабля аммиачный град, сверкали молнии, а под воздействием магнитных полей различные части багажа и снаряжения Айсула гудели, шипели и искрили.

И хотя их закрутила гигантская центрифуга колеса, прижав к его внутренней поверхности, время, проведенное внутри, показалось им

относительно спокойным, даже несмотря на безумную волнообразную качку при пересечении границы зоны и пояса.

Гвефут пострадал от бури гораздо больше, чем Нуэрсотсе. Внешнее экваториальное кольцо города бешено вращалось, части его периферийных окраин и наименее благоустроенные районы разрывались на части и улетали прочь в беспорядке, наподобие шрапнели. Кораблю пришлось нырять и петлять, уходя от обломков, но наконец он оказался прямо перед сортировочной станцией тучевагонов, расположенной за пределами города, — косой срез кабельных трубок, медленно раскачивающихся на ветру наподобие огромного анемона.

Последовал еще один многотысячекилометровый переход по тучетуннелю сквозь обширные пространства пояса А и Северную тропическую область, еще один переход по колесу (на сей раз более спокойный) во вторую зону и, наконец, пересечение срединной линии зоны. Стали чаще попадаться военные, чем гражданские средства передвижения — транспорты и поезда с насельниками, провиантом, материальной частью, направляющиеся на войну.

В Толимундарни, на границе военной зоны,

военная полиция согнала их с поезда — ее не убедили гневные доводы Айсула, который ссылался на высочайшую приоритетность, чрезвычайно официальный характер экспедиции (да какое экспедиции — поиска!), в которую он отправляется с двумя этими (да, двумя этими) знаменитыми, вхожими в коридоры власти досточтимыми инопланетными гостями, имеющими неизмеримо высокую исконную пансистемную межвидовую репутацию, причем дело является крайне судьбоносным, о точных деталях его он, к сожалению, не имеет права говорить даже таким безусловно важным и, несомненно, рассудительным представителям вооруженных сил, но которые тем не менее, он в этом не сомневается, целиком и полностью осознают важность их миссии, а потому предоставят гостям безусловное право беспрепятственного проезда, обусловленное обычным хорошим вкусом и тонким пониманием естественной справедливости, которые ни в коем случае не будут поколеблены тем фактом, что сотрудничество с ними принесет военным умопомрачительное количество баллов…

Они выплыли в туннелебутон, наблюдая, как состав исчезает из виду. Шолиш носился по гулкому пространству, пытаясь собрать все

плавающие и упавшие части выброшенного из вагона багажа.

Фассин и Хазеренс сердито смотрели на Айсула.

Он прекратил отряхивать с себя пыль и разглаживать одежду, потом ответил на их совокупный разгневанный взгляд и заявил, оправдываясь:

— У меня есть кузен.

Кузен был офицером технической части дредноута «Штормолом» — тридцатибашенного корабля, входящего в 487-й флот «Раскат грома» вертопоясников.

Биндич, кузен, по семейным причинам давно имел зуб на Айсула, а потому, естественно, был только счастлив получить порядочно баллов от внутренне запуганного, внешне куражливого, вынужденно радушного Айсула, оказав ему огромную, несомненно незабываемую услугу: он поручился за своего кузена и его инопланетных попутчиков перед капитаном и таким образом обеспечил их транспортировку в зону военных действий, хотя это и случилось только после скоротечного суборбитального полета в номинально грузовом луноснаряде, выпущенном из Верхнего Толимундарни в Лопскотт (и за это они опять же должны были благодарить кузена Бин-

дича с его бесконечно полезными связями среди военных; сей подлый отпрыск ненавистного дядюшки захапывал баллы, даваемые Айсулом со скрежетом зубовным, так же быстро, как мощные аккумуляторы «Штормолома» накапливали электрический заряд). Во время полета они пронеслись над вершинами туч, на короткое время вышли в космос (но никаких тебе окон или даже экранов, чтобы увидеть это), слушая жалобы Айсула на жутчайшие, напоминающие похмелье последствия для организма бешеного ускорения в магнитоимпульсной трубе и на то, что ему пришлось оставить бóльшую часть своего багажа, включая и все подарки от друзей по случаю его отбытия в зону военных действий, и почти все новое, только что пошитое обмундирование.

Воздушный поток, завывая, обтекал наблюдателя и полковника. Они наблюдали, как дети-рабы пытаются отремонтировать поврежденный винт. Дети, сгрудившиеся вокруг концовок лопастей, казались Фассину стайкой особенно назойливых мух, обсевших вентилятор под потолком.

Насельнические дети обычно вели мрачное существование, не зная родительской любви. Людям, знавшим это, трудно было отделаться от мысли, что взрослые насельники ничуть не

лучше серийных маньяков, а насельнических детей необходимо спасать от такой относительно жестокой жизни.

Пока Фассин наблюдал за работами, еще один ребенок свалился с другой гигантской лопасти, издав высокий, мучительный крик. Этот несчастный не попал на защитный кожух, но ударился о высоковольтный кабель-стяжку, который разрезал его почти пополам. Один из насельников в катере не без труда совершил резкий маневр, направив свое судно в воздушный поток, чтобы маленькое разбитое тело упало к нему на палубу. Сняв с убитого сварочный агрегат, он скинул с палубы тело, которое исчезло в тумане, падая, как оторвавшийся лист.

Насельники весело признавались, что судьба собственных чад их ничуть не заботит. Они не очень стремились переходить в женский пол и беременеть и, если уж говорить откровенно, делали это лишь потому, что так было принято, давало баллы и означало, что ты в известном смысле выполнил некий долг. Мысль о том, что нужно сделать еще что-то, приглядывать за этими выродками и впоследствии, просто вызывала у них смех. Ведь когда они сами были младенцами, их тоже вышвырнули из дома и

им пришлось побродяжничать, они подвергались всем опасностям организованной травли, налетам молодежных банд и специалистов по одиночной охоте, так почему следующее поколение должно стать исключением? Эти маленькие ублюдки могут прожить миллиарды лет. Так чего уж переживать, что на протяжении каких-то ста лет своей жизни насельник мог стать жертвой прополки?

Большинство насельников сказали бы, что детишкам-рабам, которые выполняли ремонтные работы на поврежденном винте «Штормолома», крупно повезло. Может, они и содержатся в заключении, их принуждают выполнять неприятную и/или рискованную работу, но они, по крайней мере, находятся в относительной безопасности, никто за ними не охотится, их хорошо кормят.

Фассин смотрел на них, спрашивая себя, сколько из них доживут до зрелости. Неужели кто-нибудь из этих тощих, дрожащих дельтовидных существ достигнет почтенного возраста и в глубокой старости, имея за плечами миллиарды лет, станет уважаемым мудрецом? Но вот в чем была немалая странность: если ты и не сомневался, что так оно и случится, то эти детишки ни за что

бы вам не поверили. Насельнические дети, все до последнего, совершенно отказывались принять — даже на минуту, даже как рабочую гипотезу, даже как довод в споре — утверждение, что они когда-нибудь, ну хоть *когда-нибудь,* станут такими же, как эти огромные, свирепые, ужасные двухдисковые существа, которые охотятся на них, убивают их, берут в плен и заставляют выполнять все эти жуткие работы на своих здоровенных кораблях.

«Смотритель Таак?»

«Да, полковник?»

Они вернулись к приватному разговору, используя поляризованный свет, позволявший максимально обезопасить беседу от подслушивания. Подняться сюда предложила полковник, а Фассин не знал — для уединенного разговора или чего-то другого. Он полагал, что обычный разговор здесь вряд ли возможен из-за потоков газа, вихрящихся вокруг мостков, и громового рокота двигателей.

«Я уже давно хочу у вас спросить».

«Что?»

«Вот то, что мы ищем. Без всякой конкретики, даже притом, что мы разговариваем шепот-сигналами…»

«Я вас слушаю, продолжайте, полковник. Мэм», — добавил он.

«Вы верите в то, что сказали нам во время совещания на Третьей Ярости? — спросила Хазеренс. — Когда присутствовали только Гансерел, Юрнвич и я; неужели то, что вы сказали, может быть правдой?»

Долгий переход, легендарная межгалактическая червоточина, сам список.

«Это имеет значение?» — спросил он.

«То, во что мы верим, всегда имеет значение».

Фассин улыбнулся:

«Позвольте мне кое-что спросить».

«При условии, что потом мы вернемся к моему вопросу. Слушаю вас».

«Вы верите в „Правду“?»

«С большой буквы?»

«И в кавычках».

«Да, конечно!»

Правда — так самонадеянно называлась религия, вера, на которой держались Шерифская Окула, Цессория и в некотором роде сама Меркатория. Она исходила из следующего убеждения: то, что кажется реальной жизнью, на самом деле (в соответствии с некими благоговейно цитируемыми статистическими заклинаниями)

является имитацией, создаваемой в рамках некоего громадного цифрового субстрата, — за ним же лежит гораздо большая по размерам и охвату реальность. Эта мысль в той или иной форме приходила в голову почти всем жителям во всех цивилизациях. (За одним любопытным исключением в лице насельников; так, по крайней мере, утверждали последние. А это, по утверждению некоторых, давало еще один аргумент в пользу того, что насельники на самом деле — вовсе не цивилизация.) Однако все — правильнее, разумеется, сказать «почти все» — быстро или нет, но в конечном счете приходили к мысли, что разница, из которой не вытекает никакой разницы, не есть разница, о которой стоит надолго задумываться, а потому можно и дальше наслаждаться (тем, что кажется) жизнью.

Правда пошла еще дальше, утверждая, что из этой разницы можно получить разницу очень существенную. Необходимо только всем сердцем, всей душой, всем разумом верить, что все пребывают внутри обширной имитации реальности. Все должны были размышлять над этим, постоянно отдавать этим мыслям приоритет перед другими и время от времени собираться, чтобы со всей торжественностью и пышностью исповедо-

вать свою веру. Народы должны проповедовать свою религию, обращать в нее всех, кого только можно, потому что (в этом-то и было самое главное), когда значительная часть пребывающих внутри имитации признает, что это имитация, ценность имитации для ее создателей исчезнет и вся система разрушится.

Если все они часть некоего громадного эксперимента, то факт, что объекты эксперимента дознались до правды, сведет на нет его ценность. Если они чья-то игрушка, то, догадавшись об этом, заслужат внимания, может, даже награды. Если их испытывают, значит они прошли испытание с положительной отметкой и, возможно, опять-таки заслуживают награды. Если же все это для них наказание за некую провинность перед большим миром, тогда их следует простить.

Знать, какая часть населения внутри имитации должна прозреть, чтобы остановить эксперимент (может, половина, а может, гораздо больше или гораздо меньше), было невозможно, но, пока число просвещенных продолжало возрастать, Вселенная постоянно приближалась к прозрению, и откровение могло прийти в любую минуту.

Правда (с большой буквы) не без основания

претендовала на то, чтобы считаться окончательной религией, последней верой, церковью в высшей инстанции. Эта религия включала в себя все остальные, увязывала их все воедино, могла охватить все вместе и заменить каждую по отдельности. В конце концов, все они могли быть выброшены на свалку как побочные явления самой имитации. В некотором смысле Правду тоже можно было выбросить на свалку, но, в отличие от остальных религий, ей все еще оставалось что сказать и после того, как этот общий знаменатель был изъят из уравнения.

Она, в отличие от прочих, могла также претендовать на известную универсальность. Остальные ведущие религии были характерны только для породившего их вида, признаки их указывали на один вид (а нередко — лишь на одно из подмножеств какого-либо вида) или представляли собой симбиозы, синтетические сращения из группы религий, достаточно близких, хотя и разнородного происхождения.

Правда, не претендуя ни на какие чудеса (по крайней мере, на доказуемые чудеса) и не являясь детищем одной личности, непререкаемого пророка (она возникала естественным образом и многократно у множества различных цивили-

заций), представляла собой первую истинную постнаучную, панцивилизационную религию — или, по крайней мере, первую религию, которая не была просто навязана победителями побежденным против желания последних. Правда могла даже не претендовать на звание религии вообще, если такая претензия отпугивала от нее тех, кто по своей природе был антирелигиозен. Ее можно было рассматривать скорее как философию, даже научный постулат, основанный на неколебимо твердой статистической вероятности.

Меркатория просто приняла эту систему верования, надлежащим образом ее систематизировала и объявила государственной религией последней эпохи.

«Вы не веруете, Фассин?» — Полковник вложила печаль в посланный ею сигнал.

«Я ценю интеллектуальную силу Правды».

«Но вы не держите ее в голове постоянно?»

«Нет. Прошу прощения».

«Не извиняйтесь. Для нас всех это бывает затруднительно. Мы, может быть, еще поговорим об этом».

«Боюсь, что, может, и поговорим».

«Тогда вернемся к моему вопросу».

«Верю ли я во все это?»

«Именно».

Фассин посмотрел на корабль внизу, на множество ревущих двигателей, вращающихся лопастей и опорных структур. Долгий переход: тридцать миллионов лет пути между галактиками.

«Мысль о том, что нечто, созданное насельниками, способно проделать путь такой протяженности, и вправду кажется невероятной», — признался он.

«Утверждение, будто путешествие вовне было совершено гораздо быстрее, пожалуй, в равной мере принадлежит к области фантастики».

О да, этот пресловутый и почти несомненно мифический ход между галактиками.

«Не буду с вами спорить, полковник. Хотя я бы сказал, вполне вероятно, что все это чушь несусветная, но что тем не менее объект нашего списка существует».

«Странную он тогда выбрал компанию, этот наш объект».

«И опять мне бы не хотелось спорить на эту тему. Давайте остановимся на том несомненном факте, что вы — полковник, а я — почетный майор или что-то в этом роде, а приказы не об-

суждаются».

«Насколько усердно выполняются приказы, зависит от того, в какой степени выполняющий верит в их осуществимость».

«В этом я целиком и полностью согласен с вами. Только к чему вы это?»

«Это что-то вроде теста, майор».

«Проверяете, насколько я предан делу? Готов ли пожертвовать жизнью ради того, чтобы заполучить… вышеупомянутый объект?»

«Что-то в этом роде».

«Подозреваю, что мы оба с вами скептики, полковник. И полагаю, что я — больший, чем вы. А еще мы оба верим в свой долг. Вы, видимо, больше, чем я. Вы довольны?»

«Удовлетворена».

«И я тоже».

«Сегодня утром я получила сообщение из Окулы».

«Неужели?»

И что, ты все это время собиралась сказать мне об этом, подумал Фассин, или прояви я сейчас чуть больше скептицизма относительно нашей миссии, то так бы и остался в неведении? Или же твой «тест» означал, что я не узнаю всего?

«Да. Наше задание остается прежним. Во время

атаки на луну Третья Ярость имели место и другие нападения на систему в целом. Впоследствии атаки стали не столь интенсивны. Система спутников связи вокруг Наскерона в срочном порядке ремонтируется. Тем временем над планетой размещается флот Навархии — они займут место спутников, обеспечат безопасность и основную силовую поддержку для меня и вас, а по окончании нашей миссии или в случае опасности заберут нас».

Фассин задумался на несколько мгновений.

«А есть ли известия из моего клана, клана Бантрабал?»

«Ничего. Подтверждается, что все находившиеся на Третьей Ярости погибли. Мне очень жаль, но и старший техник Хервил Апсил считается мертвым. Челнок не обнаружен, никаких сигналов с него не поступало. Окула просила меня передать вам соболезнования в связи с гибелью всех этих наблюдателей и обслуживающего персонала, и я, конечно же, к их соболезнованиям присоединяю свои».

«Спасибо».

Полковник, видимо, сделала что-то похожее на поклон с откатом, а может, все дело было в том, что мостки раскачивались, принимая на себя

удары газовых потоков.

Среди детей-рабов потерь больше не было. Похоже, ремонтные работы продвигались. Даже там, где еще не начинали ремонта, поврежденные лопасти стали вибрировать меньше, что облегчало дальнейшую работу.

«Сколько кораблей послали к Наскерону для этого?»

Когда малого корабля и двух крохотных спутников было бы достаточно.

«Об этом не говорилось».

Фассин ничего не сказал.

Безграничная вера в Правду имела и потенциально неприятные последствия. Одно состояло в том, что в случае прекращения имитации вместе с ней полностью прекратят существование и все обитавшие в ней индивиды. Если симуляцию отключат, то все находящиеся в цифровом субстрате умрут. Не будет никакого повышения, никакого освобождения, никакого возвращения в больший и лучший внешний мир — не исключено, что наступит массовая и полная аннигиляция.

Кроме того, в кажущемся реальным мире некоторые полагали, что Правда подразумевает одобрение собственной аннигиляции, что она молчаливо одобряет убийство и геноцид. Из чего

вытекало, что если один из способов увеличения числа истинно верующих состоит в проповедовании, убеждении и обращении, то другой — в уменьшении числа тех, кто упорно отказывался признать Правду, и при необходимости это уменьшение может происходить путем убийства. Из этого вытекало, что момент истины, откровение и избавление для всех может наступить не тогда, когда скептик станет верующим, а вместе с последним вздохом последнего неисправимого язычника.

«Штормолом» погрузился в огромную серую стену более густой тучи и скрылся из виду. На стапелях и катерах стали загораться огни. Скоро уже можно было различать кое-что, но безумная всепоглощающая какофония газового потока и рева двигателей делала звуковой разговор почти невозможным. Вокруг Фассина и полковника в сгущающейся темноте по всем поверхностям стучал метановый град.

«Пожалуй, нам пора внутрь», — сказала полковник.

«Аминь».

На следующий день состоялись учебные стрельбы — экипаж и орудия «Штормолома» готовились к военным действиям. Айсулу, Хазеренс

и Фассину позволили смотреть из наблюдательного купола башни в передней части корабля — временной конструкции, выступавшей из бронированного передка дредноута наподобие алмазной капельки. Там же находились несколько любопытствующих гражданских лиц, главным образом администраторы различных городов, куда «Штормолом» наносил визиты вежливости во время последнего длительного мирного периода. Среди ВИПов парили, держа подносы с едой и напитками, одетые в форму детишки-стюарды.

Впереди сквозь десятикилометровую дыру в тучах они видели объект, похожий на небольшой синий корабль, — цель, которую тащил на буксире другой дредноут, находившийся еще дальше впереди, в сотне или более километров.

«Штормолом» вздрогнул всем корпусом, и мгновение спустя раздался страшный грохот. В небе под и над ними появились десятки инверсионных следов, огромные гребни из переплетенных тонких газовых струй устремились вперед вслед за едва видимыми черными точками ракет, сходящимися на пути к цели. Экраны, вделанные в каждое углубленное сиденье, показывали (если работали) увеличенное изображение голубой цели — она сотряслась, когда ее полый корпус был

пробит ракетами. На короткое время стали видны входные отверстия, которые тут же закрылись.

Послышались беспорядочные восторженные выкрики немногих присутствующих насельников, обычно имевших скучающий вид. Эти звуки утонули в щелчках двупальцев, требующих услуг официантов.

— Я так у вас и не спросила, — сказала Хазеренс, наклоняясь к Айсулу, который выдувал пурпурные колечки из курительной трубки. — А из-за чего ведется эта война?

Айсул резко повернулся, делая вид, что его внешние сенсорные органы пытаются сфокусироваться на полковнике.

— Из-за чего? — переспросил он с недоуменным видом. Выгоревший пруток, прикрепленный к трубке, с громким хлопком погас. — Из-за того, что две… гм… противостоящие группы… так сказать, насельников решают… гм… сражаться. Сражаться! Да, обычно из-за каких-то разногласий, и… они используют для этого оружие, пока та или иная сторона… Я что сказал, что обычно бывают всего две стороны? Да, по-моему, это близко к обычному количеству. Что-то вроде кворума, так сказать. Хотя…

— Мне не нужно определение войны, Айсул.

— Не нужно? Прекрасно. Я подумал, что у вас такое тоже случается. Кажется, войны есть почти у всех.

— Я хотела узнать, в чем разногласия в данном случае. Какова причина этой войны?

— Причина? — Вид у Айсула был явно удивленный. Он вразвалил назад в своем углубленном сиденье, насколько то позволяли размеры последнего; корабль в это время сотрясся от очередного залпа — на этот раз с обоих бортов. — Гм, — сказал он, отвлекаясь на танцующие точки ракет, за которыми разворачивались инверсионные следы. — Я уверен, что таковая существует… — Он начал что-то бормотать.

Хазеренс поняла, что уже получила от него максимум возможных сведений, и, видя, что он снова принялся посасывать трубочку, откинулась к спинке сиденья.

«Формальные насельнические войны — это что-то вроде дуэлей в гигантских масштабах, — сказал ей Фассин; полковник слегка повернулась к нему. — Обычно они связаны с какими-либо эстетическими разногласиями и нередко становятся последним этапом в споре о планетопланировке».

«Планетопланировке?»

«Обычно разногласия возникают по поводу числа поясов и зон у планеты. Как правило, одна сторона настаивает на четном количестве, а другая — на нечетном».

«*Плането*планировка? — повторила полковник, словно не расслышала в первый раз. — Никогда не думала, что на газовых гигантах возможна планировка».

«Насельники утверждают, что могут менять число полос у планеты, если для этого есть достаточно времени. Никто не видел, как они это делают, но от этого ничего не меняется — они продолжают утверждать, что могут. Но дело ведь не в том, могут или не могут, а в самом принципе. В каком мире мы живем — вот в чем вопрос».

«Чет или нечет?»

«Именно. А формальная война и призвана разрешить этот спор».

Еще один залп. На этот раз корабль сотрясся еще сильнее, и несколько детей-рабов вскрикнули от резкого грохота. Гребни инверсионных следов выпрыгнули со всех сторон, образовав конический туннель в плетеных небесах перед кораблем.

«А еще войны возникают из-за разногласий о том, под флагом какого цвета должен участвовать

в гонках тот или иной газовый клипер».

«Война из-за этого? — В голосе Хазеренс слышался неподдельный ужас. — Они что, никогда не слышали о комитетах?»

«Нет-нет, у них есть и комитеты, и собрания, и правила ведения дебатов. Этого добра у них сколько угодно. Но вот заставить насельников придерживаться принятого решения, если оно не отвечает их интересам, даже если предварительно они своей жизнью поклялись придерживаться его, довольно трудно — как в этом мире, так и в любом другом. А потому споры постепенно становятся все более громкими. Формальные войны — это всего лишь насельнический эквивалент Верховного суда, последней инстанции. А еще вы должны понять, что у них нет постоянных вооруженных сил как таковых. В промежутках между войнами дредноуты и другие военные штучки обслуживаются энтузиастами, клубами. И даже после объявления формальной войны клубы попросту разрастаются: туда записывается больше членов. Клубы делают заявления и выступают таким образом, что вы или я вполне могли бы принять их за самые настоящие военные власти, но официального статуса они не имеют».

Полковника передернуло, словно она столкну-

лась с чем-то бесконечно отвратительным.

«Какая мерзость».

«Но у них это, кажется, работает».

«Глагол „работать“, — послала Хазеренс, — как и множество других широко используемых слов, похоже, обрастает иными значениями, когда речь заходит о насельниках. Как же они решают, кто одержал верх в том или ином из этих нелепых конфликтов?»

«Иногда по количеству убитых, иногда по числу уничтоженных или поврежденных дредноутов. Но чаще все заканчивается заранее оговоренным порогом изысканности».

«Порогом изысканности?»

«Хазеренс, — сказал Фассин, поворачиваясь к ней, — вы хоть что-то читали о насельниках? Все это время в…»

«Кажется, я встречалась с упоминанием этой концепции, но в то время отбросила ее как чересчур причудливую. Неужели она и в самом деле действует в таких делах?»

«Она и в самом деле действует».

«Значит, они без войны никак не могут договориться о цвете флага на корабле, но в то же время легко договариваются о том, что исход войны будет определяться таким неопределенным по-

нятием, как „изысканность“?»

«Ну, на этот счет разногласий не бывает. У них есть для этого алгоритм».

Еще один страшный удар потряс «Штормолом», словно ударили в расколотый колокол. Тонкие раскручивающиеся следы прочесали небо перед ними.

«Алгоритм?» — спросила полковник.

«Изысканность — это алгоритм».

На экранах они увидели, как синяя цель вздрогнула, когда в нее вонзились десятки ракет. Хазеренс бросила взгляд на Айсула, который пытался выдувать алые колечки дыма и протыкать их ободковой рукой.

«И всем этим руководят клубы, — сказала она. — Состоящие из энтузиастов».

«Да».

«Клубы?»

«Большие клубы, Хазеренс».

«Так, может быть, именно поэтому их военная техника так смехотворна?» — спросила она.

«А она смехотворна?»

«Фассин, — сказала Хазеренс с недоумением в голосе, — по их словам, они населяют мир со времени реионизации и с тех самых пор строят свои дредноуты, и однако, эта учебная цель рас-

положена меньше чем в дюжине километров, а в каждом залпе — тридцать шесть ракет…»

«Тридцать три. Одна из башен не действует».

«Не в этом дело. Они поражают эту совершенно неподвижную цель только каждой второй или третьей ракетой. Это просто смешно».

«Существуют правила, ритуалы».

«До нелепости снижающие эффективность вооружений?»

«Отчасти да. Никаких управляемых ракет, все орудия и системы наведения на цель основаны на древних технологиях, никаких реактивных двигателей для дредноутов, никакого лучевого оружия».

«Это напоминает дуэли на древних пистолетах».

«Ну вот, вы начинаете понимать».

«И все это имеет целью поддерживать военную форму на случай агрессии извне?»

«Пожалуй что, так, — согласился Фассин. — Это утверждение начинает казаться несколько пустопорожним, когда вы своими глазами видите их технику, верно? Конечно же, они говорят, что у них где-то на всякий случай спрятано гипероружие, позволяющее уничтожать звезды, и опыт пользования им как-то передается, но…»

«Его никто никогда не видел».

«Что-то в этом роде».

«Штормолом» выпустил свои могучие противокорабельные ракеты, недотянув до того, что, видимо, должно было стать бортовым залпом из двенадцати стволов. Одиннадцать тонких, вытянутых снарядов с воем вырвались со всех сторон огромного судна (дети-рабы снова вскрикнули, некоторые уронили свои подносы) и на дымных подергивающихся перьях выхлопов, словно взбесившиеся дротики, устремились к синей беспилотной цели вдалеке. Две ракеты опасно сблизились: каждая, похоже, идентифицировала другую как заданную цель, и потому они кинулись друг на друга, но промахнулись, сделали полный разворот широкой двойной петлей, устремились навстречу и на сей раз встретились и взорвались, образовав небольшой огненный шар. Некоторые из насельников в наблюдательном куполе (небрежно и, вероятно, не без сарказма) издали одобрительные выкрики.

Третья ракета, казалось, восприняла случившийся неподалеку взрыв как приказ совершить мертвую петлю, после чего направилась прямо на «Штормолом».

— Ого, — сказал Айсул.

Устремившаяся навстречу кораблю по кратчайшему пути, то есть по прямой, ракета сначала выглядела точкой, но быстро увеличивалась в размерах, держа курс точно на нос корабля.

— У них ведь есть системы самоуничтожения, а? — спросила Хазеренс, бросив взгляд на Фассина.

Некоторые насельники стали поглядывать друг на друга, потом ринулись к люку, ведущему в бронированную часть носа «Штормолома», создав пробку в проходе. Дети-рабы тоже пытались спастись, и часть из них успели проскользнуть впереди остальных, других же грубо отталкивали в стороны, и они жалобно визжали.

Точка в небесах становилась все больше и больше.

— Они ведь могут дать ей команду на саморазрушение, правда? — сказала полковник, отруливая назад.

Откуда-то изнутри полковничьего э-костюма стал доноситься высокий скулящий звук. Орущий, рассыпающий проклятия клубок насельников у выхода, казалось, не двигался с места. «Штормолом» начал поворот, но безнадежно медленно.

— Теоретически они могут его уничтожить, —

сказал Фассин, с беспокойством наблюдая за свалкой у выхода. — И у них есть орудия-перехватчики ближнего радиуса действия.

Еще одного обезумевшего ребенка-раба вышвырнули наверх из кучи у дверей; крик его смолк только после удара о потолок, и безжизненное тело упало на медленно покачивающийся пол.

Теперь ракета выглядела как ракета, а не как большая точка. Просматривались короткие крылья и стабилизатор. «Штормолом» продолжал с мучительной неспешностью поворачиваться. Ракета неслась им навстречу, оставляя сажистый след. Хазеренс поднялась со своего места-выемки, но лишь для того, чтобы приблизиться к алмазному щиту в передней части наблюдательного конуса, а не отойти подальше.

«Оставайтесь на месте, майор», — послала она.

И тут откуда-то сверху и сзади донесся жуткий рев и треск, газ перед носом корабля заполнился сетью следов толщиной в палец, и ракета сначала стала разваливаться на части, а потом взорвалась. Орудие-перехватчик продолжало вести огонь, дробя большие обломки ракеты, которые дымились и сверкали, кувырком устремляясь к «Штормолому»; и потому, когда оставшиеся

осколки ударились в наблюдательный фонарь и пробили его, они причинили только минимальный ущерб и легкие ранения.

Дредноут доставил их в Мунуэйн, разрушенный город, рухнувший в темные, густые газы нижних слоев атмосферы, где волновались неторопливые спирали турбулентности, словно планета тяжело и плотоядно облизывалась своим могучим языком; тут было полным-полно шпилей, шпинделей, в этом полузаброшенном, давно вышедшем из моды месте когда-то находился штормцентр, а теперь вряд ли что-нибудь заинтересовало бы хоть кого-то; тут можно было бы набрать себе порядочно баллов, располагайся Мунуэйн вблизи зоны военных действий, но, поскольку он находился внутри этой зоны, искателям баллов рассчитывать было практически не на что. Крылатый фрегат забрал их с дредноута и высадил в гигантском гулком зале того, что прежде было шумным вокзалпортом, где местные наниматели и летчики приветствовали их как возвращающихся героев, как богов. Они нашли гостиницу для тех, у кого баланс баллов был негативным. Им даже готовы были платить, чтобы они оставались здесь.

— Сэр! — сказал Шолиш, выпутываясь из массы

просителей в маленьком дворике внизу. — Владелец меблированных комнат с безукоризненной репутацией и превосходными семейными связями в области ордеров для путешественников военного времени умоляет вас рассмотреть его предложение предоставить нам реально существующий флот полуполудюжины изящно отделанных судов, находящихся в прекрасном рабочем состоянии и готовых к отлету в течение менее чем часа с момента прибытия.

— И когда же именно, отрава моей слишком затянувшейся жизни?

— Через день, господин. Максимум через два. Он вас в этом заверяет.

— Неприемлемо! В высшей и окончательной степени неприемлемо! — заявил Айсул, отвергая саму эту мысль дрожанием своих оборок.

Он разместился в углублении на украшенной цветами террасе вблизи и чуть выше «Буколической таверны», совсем недалеко от центральной площади города, — так что можно было ощущать отчаяние мэра. Он глубоко втянул запах из предложенного ему ароматического цилиндра и с негодованием выдохнул:

— Следующий!

Фассин и полковник, парившие неподалеку,

обменялись взглядами.

«Мы могли бы отправиться вдвоем — вы и я».

«Сами по себе?»

«Мы оба автономны, оба можем развить неплохую скорость».

«Вы полагаете?»

Полковник дала ему понять, что оглядела его стрелоид от носа до кормы.

«Да, полагаю».

А я полагаю, что ты получила спецификации этого аппарата, перед тем как мы покинули Третью Ярость, и знаешь об этом не хуже меня, подумал он.

«Значит, мы вместе отправимся в тучи, только мы двое», — послал он.

«Да».

«Но тут есть одна проблема».

«В самом деле?»

«Даже две, я бы сказал. Первая — в том, что идет война и нас могут принять за пару боеголовок».

«Боеголовок? Но мы ведь даже звукового порога не перейдем!»

«В формальных войнах есть правила, определяющие, с какой скоростью могут двигаться боеголовки. Мы будем похожи на боеголовки».

«Гм. А если мы будем двигаться медленнее?»

«Тогда на медленные боеголовки».

«А если еще медленнее?»

«Тогда на крейсерские мины. А предваряя ваш вопрос про „еще медленнее“, отвечаю, что тогда мы будем похожи на обычные однослойные плавающие мины».

Хазеренс покачалась туда-сюда; вздох.

«Вы говорили еще об одной проблеме».

«Маловероятно, что без Айсула кто-нибудь станет говорить с нами».

«А с ним — маловероятно, что кто-нибудь сможет вставить хоть слово».

«И все же».

Им было необходимо собственное транспортное средство. А точнее, им было нужно транспортное средство, которое беспрепятственно пропустят в зону военных действий. То, что осталось от прежнего жилища Валсеира, находилось далеко за пределами сети тучетуннеля, а потому добраться туда, плывя или вразваливая, было более чем проблематично. Айсул обо всем договорился заранее (с его связями во властных коридорах большого экваториального города он, провожая экзотических инопланетян, должен был просто излучать положительные баллы на всех, кто оказал бы ему помощь), но он погряз в

этом процессе из-за огромного числа желающих помочь и из-за того, что сам, видимо, никак не мог решить, чьей помощью воспользоваться. Казалось, он вот-вот готов принять необыкновенно щедрое предложение, как на горизонте появлялось новое, еще более соблазнительное, неизбежно требующее очередной переоценки всего, что было раньше.

Наконец два дня спустя Хазеренс сказала, что с нее хватит, и сама наняла корабль на условиях чуть лучших, чем только что отвергнутые Айсулом.

Айсул в их номере в «Таверне» начал возмущаться.

— Переговоры веду я! — заорал он.

— Да, — сказала полковник. — И их слишком много.

Достигли компромисса — полковник призналась владельцу корабля, что не имеет легального права заключать контракты, и тогда Айсул перевел соглашение на себя на тех же условиях; владелец же, впав в недоумение, за это время и духа не успел перевести, чтобы возразить. В этот день, день официального начала войны, состоялись церемониальное открытие в торжественной обстановке и формальный поединок в

Пихирумиме — за тридевять земель. Через день они отправились в путь (оседлав ближайший нисходящий вихревой поток, имевший к тому же нужную им горизонтальную направленность) на «Поафлиасе», стометровом двухкорпусном винтовом корабле неизвестного, но предположительно весьма почтенного возраста. Управляла им команда из пяти насельников, не считая капитана, причем судно было округлой формы и низкоскоростным, но (по какой-то причине, доискаться до которой в тумане насельнической военной логики было невозможно) зарегистрировано как не участвующий в боевых действиях разведчик-приватир, получивший таким образом разрешение передвигаться в зоне войны. Как можно было надеяться, оно имело неплохие шансы пройти все связанные с его статусом проверки, кроме тех, что осуществляют открытием огня, не дожидаясь идентификации.

Капитана звали Слайн; это был исполненный воодушевления юнец, который едва достиг зрелости, в душе все еще оставаясь мальчишкой, а вел себя скорее как молодой. Он унаследовал «Поафлиас» по смерти отца. Насельники держались принципа коллективного наследования, а потому после смерти насельника любая частная

собственность, которую он по праву мог объявить своей, делилась в следующих долях: пятьдесят процентов — тому, кому он хотел ее завещать, и пятьдесят процентов — властям, под юрисдикцией которых он жил. Поэтому-то Слайн и владел полностью только одним корпусом двухкорпусного «Поафлиаса». Второй принадлежал городу Мунуэйн, который сдавал его в аренду Слайну, получая за это баллы. Чем меньше Слайн был в состоянии распоряжаться кораблем, тем больше терял он контроль над ним, пока город не получил бы достаточных оснований объявить, что владеет этой собственностью целиком; и тогда, пожелай Слайн остаться на борту, ему пришлось бы в большей или меньшей мере выполнять требования города. Но эта конкретная экспедиция, начатая по его собственному почину, должна была заметно укрепить его право собственности на весь корабль.

— Наши перемещения поэтому ограничиваются одним корпусом? — спросила Хазеренс капитана.

Они находились на фордеке — ветхой волокнистой плите, над потрепанным носом корабля. Айсул еще раньше засек на фордеке гарпунную пушку и пригласил своих попутчиков на

пристрелку в следующий раз, когда они будут пересекать достаточный для выстрела объем. Место, где они находились теперь, всего в двух днях от Мунуэйна, представляло собой неплохие охотничьи угодья, вот только пока не наблюдалось ни одного достойного объекта для охоты.

— Верно! — Слайн энергично подпрыгнул над палубой. — Чем меньше я пользуюсь другим корпусом, тем меньше плачу городу!

Капитан Слайн повис на какой-то части рангоута — оттуда, сверху, он не только имел хороший обзор, но и мог действовать как впередсмотрящий и корректировщик огня. Они шли с неплохой скоростью, рассекая туманно-алые газы. Воздушный поток сдул бы Слайна с корабля, если бы тот не держался. Неплохая скорость в данном случае означала менее одной четверти крейсерской скорости «Штормолома», но, поскольку плотность газа здесь была выше, увеличилось и сопротивление газового потока.

— Там что-то есть! — прокричал Слайн, указывая вверх и по правому борту.

Все обратили взгляды в ту сторону.

— Нет! Ошибся, — весело сказал Слайн. — Прошу прощения.

Слайн, относившийся к капитанским обя-

занностям со всей серьезностью, был увешан множеством военно-морских атрибутов, в основном бесполезных, вроде подзорной трубы, альтиметра, музейного вида рации, поцарапанного противоградового козырька, сверкающего старинного пистолета в кобуре и радиационного компаса. Одежда капитана и частично доспехи были новехонькими, но покрой давно вышел из моды. На каждом из поясков, висящих на его ступицах, было по паре ручных зародышей.

Зародыши были насельническими, им не позволили развиться до стадии рождения. Обычно они возникали из-за того, что насельник, обретший женский пол и проявлявший особое нетерпение, решал, что доносить плод полный срок ему не по силам, и делал аборт. В результате он приобретал преданных домашних зверьков. Насельники могли выживать самостоятельно почти с самого момента зачатия, они просто не прогрессировали интеллектуально и не имели никаких защитников, будучи при этом абсолютно беспомощными.

Четверня Слайна (спрашивать, его эти зародыши или нет, было бы крайне невежливо) были похожи на маленьких пухлых скатов манта: эти бледные создания, безвольно волочившие за

собой щупальца, постоянно тыкались в хозяина или друг в друга, запутывались в своих поводках. На людей они неизменно производили мрачное впечатление, хотя у Фассина в придачу возникало тяжелое чувство, что эти зародыши — аналог древних земных попугаев на плече.

— А теперь и в самом деле что-то есть! — прокричал Слайн, показывая в направлении правого борта.

Из темно-малиновых глубин газа в двухстах метрах от них поднималось что-то маленькое и черное.

— Сейчас я его! — вскрикнул Айсул; он пнул турель с противовесами, и та взмыла над палубой на высоту, достаточную, чтобы Айсул мог опустить гарпунную пушку вниз.

— Это же чуферово семя! — воскликнул Шолиш. — Самое настоящее чуферово семя, господин!

— Погодите-ка, Айсул, — сказал Фассин, поднимаясь над палубой. — Дайте я сначала проверю.

Он направил свой маленький газолет от «Поафлиаса» по кривой и чуть вниз, к черной сфере, продолжающей подниматься.

— Уйдите с линии огня! — заорал Айсул человеку.

Фассин выбрал кривую траекторию намеренно — он уже был свидетелем снайперского искусства Айсула.

— Подождите немного, — прокричал он.

Айсул вздрогнул и направил гарпунную пушку на черную сферу. Его пальцы ухватились за спусковой крючок.

Слайн вытянулся вперед на рангоуте. Два зародыша свернулись в клубочки, уцепившись за него. Он посмотрел вверх, издал неодобрительный звук, поднес подзорную трубу к той части своего рюшика, которая была особенно насыщена рецепторами, и принялся изучать поднимающийся черный шар.

— Так, вообще-то… — начал было он.

Хазеренс внезапно подпрыгнула:

— Айсул, стойте!

— Ха-ха! — сказал Айсул, нажимая на гашетку гарпунной пушки.

Лафет вздрогнул, пушка подпрыгнула и грохотнула, сдвоенные ракетные двигатели гарпуна выскочили наружу, включились, оказавшись на безопасном расстоянии, и тонкий черный трос, прикрепленный к гарпуну, принялся со свистом раскручиваться, вытягиваясь из отсека под лафетом. Гарпун, скрежеща, понесся сквозь газ к

черному предмету и должен был достичь его в считаные секунды.

— Гм, — сказал Айсул голосом, в котором слышалось некоторое удивление, — это один из моих лучших…

— Это мина! — воскликнул Слайн.

Раздался крик Шолиша.

«Фассин, подальше от этой штуки!» — послала Хазеренс.

Маленький газолет мгновенно начал разворачиваться и ускоряться, роторы замелькали в воздухе.

— Эй, что это? — спросил Айсул.

Слайн выхватил из кобуры свой пистолет и прицелился в гарпун. Он успел выстрелить один раз, после чего пистолет заклинило.

— А эта штука не ядерная? — прокричала полковник. Ее э-костюм издавал высокий воющий звук.

— Наверняка! — пролопотал Слайн. Он потряс пистолетом, выругался и забарабанил по рации. — Двигатели! Полный назад! — Он снова в отчаянии потряс пистолетом. — Сучьи скриты!

Хазеренс быстро сместилась к борту.

Айсул посмотрел на гарпун, который отвесно падал прямо на черный шар, потом взглянул на

лафет пушки.

— Шолиш! — выкрикнул он. — Держи трос!

Шолиш прыгнул к молотящему по палубе фалу, рывками выходящему из отсека под пушкой, и ухватился за него. Его тут же понесло к планширу, шарахнуло о балясины, он резко остановился, запутавшись в лине, а затем поток газа понес его, ударяя о палубную обшивку, позади того места, где стояли остальные. Освободившись от сдерживающего его троса, гарпун набрал скорость, по-прежнему держа курс на мину. Хазеренс убралась с «Поафлиаса». Стрелоид Фассина все еще поворачивал, все еще ускорялся, все еще находился к мине ближе, чем сам корабль.

— О, бля!.. — сказал Айсул.

Малиновая вспышка словно выжгла весь газ вокруг них.

Конец, успел подумать Фассин.

На мгновение плотный веер обжигающих розово-белых линий соединил э-костюм полковника Хазеренс и гарпун по всей его длине, который тут же исчез в яркой вспышке. Видимая глазом сферическая ударная волна заставила качаться мину…

…Мину, которая остановилась на мгновение и словно задумалась, а потом продолжила плавный

подъем. Волна сотрясла их вместе с кораблем. Фассин тоже почувствовал ее. Он замедлил движение и повернулся.

«Поафлиас» снизил скорость, подчиняясь последнему приказу Слайна. Газовый поток хотя и уменьшился, но все еще оставался сильным — он сбросил с палубы Шолиша с его помятым панцирем, запутавшегося в темной массе проводов.

— Шолиш? — жалобно прошептал Айсул.

— Особи внутри вида путешестов сильнее всего различаются по своему восприятию времени. Мы, насельники, будучи вот такими, естественным образом охватываем максимально возможный для нас спектр хроновосприятия, что означает бóльшую его часть. Я не говорю об искусственных быстрых. — Секундная пауза. — Ведь они по-прежнему вызывают у вас отвращение, насколько я понимаю.

— Несомненно! — воскликнула полковник.

— И они преследуются со всей решительностью, — сказал Фассин.

— Гм. Они, конечно же, тоже не однородны. Но даже если ограничиться теми, кто претерпел естественную эволюцию, скорость восприятия времени будет наилучшим критерием для различения видов и подвидов.

Говоривший был древним мудрецом по имени Джундрианс. Насельники делились по старшинству на двадцать девять различных категорий, попадая в первую еще детьми, а в последнюю — детство — не менее чем через два миллиарда лет, обычно же гораздо позднее. Между ними находились краткие этапы юности, молодости и гораздо более продолжительной зрелости с ее тремя подкатегориями, потом шел расцвет с четырьмя подкатегориями, потом переходный период — с тремя, а потом, если насельник доживал до этого возраста (как минимум миллион лет с четвертью), его сотоварищи решали, что он достоин войти в стадию мудрости, где также имелись подкатегории зрелости, расцвета и перехода. Поэтому Джундрианс формально переживал период детства зрелой мудрости. Ему было сорок три миллиона лет, и в диаметре он ссохся всего до шести метров (тогда как его панцирь потемнел и приобрел дымчатую патину, свойственную насельникам средних лет), уже потерял бóльшую часть конечностей и теперь принял на себя заботы о том, что осталось от дома и примыкающих к нему библиотек чоала-переходника Валсеира, который числился скончавшимся.

Вид из дома открывался неподвижный и неиз-

менный в нормальном времени — подернутая дымкой пелена темно-коричневых и пурпурных газовых занавесей внутри огромного неподвижного вертикального цилиндра темноты: то был последний отзвук сильной бури, вокруг которой некогда крутился дом, как крохотная планета вокруг огромного остывшего солнца. Снаружи комплекс библиотеки, совмещенной с жилищем, представлял собой вереницу из тридцати двух сфер, каждая из которых достигала в диаметре метров семидесяти; многие из этих сфер были опоясаны в своей центральной части балконами, отчего сооружение напоминало какое-то невероятное скопище планет с кольцами. Пузыревидный дом висел, очень медленно погружаясь в бесконечное спокойствие густого газа, в темные горячие глубины, всего на несколько десятков километров отстоящие от области, где атмосфера начинала вести себя скорее как жидкость, нежели газ.

— Это, значит, его дом? — спросила полковник, когда они впервые увидели комплекс с фордека «Поафлиаса».

Фассин повел взглядом, используя сонар и детектор магнитного поля, чтобы найти ту часть в заброшенном тучетуннеле, на которой когда-то

был заякорен дом, но нигде не мог ее обнаружить. Он уже сверился с картами на «Поафлиасе». Этот участок тучетуннеля больше не отображался на местных голокартах, а следовательно, куда-то переместился (что было маловероятно) или упал в глубины.

— Да, — сказал он. — Похоже на его дом.

Перед этим им пришлось развернуть «Поафлиас» и вернуться в Мунуэйн — Шолиша, получившего серьезное ранение, нужно было доставить в больницу. Хирурги сказали, что шансов на выздоровление у него пятьдесят на пятьдесят и следующие несколько сотен дней ему лучше провести в коме, под наркозом. Больше врачи ничего не могли сделать.

Айсул мог набрать сколько угодно молодых или юных, жаждущих занять место покалеченного слуги, но он всем им дал от ворот поворот — решение, о котором день или два спустя сильно пожалел, поняв, что теперь ему не на кого кричать.

Они обходили опасности — другие корабли и всевозможные мины — и наконец за десять дней добрались до места. За мудрецом Джундриансом приглядывали Нуэрн и Ливилидо, двое здоровенных слуг-расцветников в аляповатых

и мешковатых академических одеяниях. Их возраст позволял им и самим иметь слуг — тех было с полдюжины: крайне молчаливые, зрелые, похожие друг на друга, как шесть близнецов. Они были очень суетливыми, но почти до идиотизма застенчивыми.

Главный из двух старших слуг, Нуэрн (муэн по отношению к младшему на одну ступень сурлу Ливилидо), поприветствовал гостей, провел в их комнаты и сообщил, что его хозяин занят составлением каталога того, что осталось в библиотеках, — как и предупреждал Айсул, бóльшая часть библиотечного фонда после несчастного случая с Валсеиром была роздана. Возможно, только из-за удаленности дома сюда не нахлынуло множество ученых, желающих покопаться в оставшихся материалах. Джундрианс, однако, пребывал в медленном времени, а потому, если они хотели говорить с ним, нужно было настроиться на его мыслетемп. Фассин и полковник согласились. Айсул заявил, что ему не до этих разговоров, и, взяв «Поафлиас», отправился исследовать окрестности — не найдется ли на кого поохотиться.

— Ваш долг состоит в том, чтобы дождаться нас, — проинформировала его полковник.

— Долг? — сказал Айсул, словно впервые услышал это слово.

У них ушло по меньшей мере около полудня́, пока Джундрианс на своем экране читал послание о том, что к нему прибыли посетители. Если бы он принял их немедленно, они вошли бы к нему до наступления темноты. В противном случае это могло затянуться…

— Полковник, — сказал Фассин, — нам придется перейти в режим медленного времени. Айсулу пока лучше поразвлечься где-нибудь поблизости… — Фассин повернулся к Айсулу, чтобы подчеркнуть важность следующего слова, — чем бездельничать тут неизвестно сколько.

«Он нарвется на неприятности».

«Не исключено. А что, по-вашему, лучше — неприятности поближе к дому или подальше от дома?»

Хазеренс произвела какой-то грохочущий звук и сообщила Фассину:

— Тут идет война.

— Я проверил по сетям! — возразил Айсул. — До войны тут еще переть и переть!

— Правда? — спросил Нуэрн, встрепенувшись. — Она началась? Хозяин не позволяет никаких соединений в доме. Мы ничего не зна-

ем.

— Началась с десяток дней назад, — сказал Айсул слуге. — Мы уже побывали в самой гуще. Едва избежали умной мины по дороге сюда. Мой слуга ранен, может, еще и умрет.

— Умная мина? Неподалеку отсюда?

— Вы правильно делаете, что беспокоитесь, мой друг, — торжественно произнес Айсул. — Наличие здесь такого оружия — еще одна причина, по которой мой корабль будет патрулировать тут поблизости.

— И ваш слуга ранен. Это ужасно.

— Я знаю. Ничего не поделаешь — война. Но, кроме этого, пока на театре военных действий почти без потерь. С каждой стороны повреждено по паре дредноутов. Предсказывать победителя еще рано. Буду смотреть и слушать во всю свою бахрому и дам вам знать, если что случится.

— Спасибо.

— Не за что.

«Вы правы, — шепотосигнализировала Хазеренс Фассину, пока происходил этот разговор. — Пусть себе отправляется».

«Вы можете связаться с кораблем из вашего э-костюма, находясь в медленном времени?»

«Да».

«Отлично».

— Так вы будете поблизости? — спросил Фассин Айсула. — Не позволите «Поафлиасу» удалиться слишком далеко?

— Конечно нет! Клянусь! И я попрошу двух этих замечательных ребят оказывать вам гостеприимство так, как они оказывали бы мне!

Хозяин изъявил готовность принять посетителей сразу же. Нуэрн повел их в помещения библиотеки. Там была крыша из алмазного листа, смотрящая точно вверх — в багряно-темные небеса. Джундриансе сидел перед красным экраном за углубленным столом, почти в центре почти сферической комнаты. Стены вокруг него были уставлены полками; иногда промежутки между ними были просторными, шириной с двуспальную человеческую кровать, иногда — так невелики, что туда и ребенок не просунул бы палец. На полках стояли главным образом книги того или иного рода. Насаженные на валы карусели, закрепленные между стенами, а также между полом и сетью распорок наверху, хранили другие виды накопителей и систем — кристаллы статволн, голоскорлупы, пикокатушки и десятки совсем уж непонятных.

Они присоединились к Джундриансу за столом,

подплыв к нему сквозь густую атмосферу. Нуэрн подтолкнул углубленные стулья, и они сели так, что Фассин оказался между Хазеренс и мудрецом. Джундрианс, конечно же, никак не показал, заметил он их или нет.

Они перешли в медленное время. Фассину сделать это было гораздо проще, чем Хазеренс, — он занимался этим веками, она же только тренировалась, но никогда не применяла эту методику на практике. Ей предстояло перенести дерготню и тряску, по крайней мере пока они не приспособятся к темпу мудреца.

Быстро стемнело, потом наступила ночь, которая продолжалась, по впечатлению, не больше часа. Фассин сосредоточился на том, чтобы замедление было ровным, но при этом чувствовал, что полковник ерзает на своем углубленном стуле. Мудрец Джундрианс вроде бы шевельнулся. На следующее быстрое утро что-то и в самом деле переменилось на его экране для чтения — следующая страница. День прошел быстро, следующая ночь — еще быстрее. Этот процесс продолжался, пока они не дошли до соотношения приблизительно один к шестидесяти четырем, при котором, как им сказали, Джундрианс был готов встретиться с ними, — до их прибытия он

находился в еще более медленном времени.

Они были на полпути туда, когда шепотосигнал проник в его маленький газолет:

«Вы принимаете мой сигнал, майор?»

«Да. А что?»

«Я только что обследовала экран чтения. До прибытия „Поафлиаса“ он работал в реальном времени».

«Вы уверены?»

«Абсолютно».

«Любопытно».

Наконец они прибыли и синхронизировали темпы жизни — свои и мудреца. Короткие дни превратились в медленное-медленное мелькание над ними, оранжево-пурпурные небеса за алмазным листом то светлели, то темнели. Но даже при этой скорости огромные высокие занавеси газа, казалось, висели в вышине без движения. Фассин испытал то же чувство, что и всегда при первом погружении в медленное время в ходе своих экспедиций, — тревожное ощущение, словно он потерял душу, оказался в какой-то странной тюрьме, пойман в клетку времени, тогда как жизнь снаружи, наверху, везде идет в более быстром темпе.

Джундрианс отвернулся от своего экрана для

чтения и поздоровался с ними. Фассин спросил у него про Валсеира, но разговор непонятным образом перешел на темп жизни.

— Я полагаю, что быстрых жалеют, — сказал мудрец. — Они, похоже, плохо приспособлены к жизни во Вселенной. Расстояния между звездами, время, необходимое, чтобы попасть с одной на другую… Я уж не говорю о межгалактических путешествиях.

Брешь в разговоре.

— Конечно, — сказал Фассин, чтобы заполнить паузу.

«Неужели, старик, ты что-то вынюхиваешь?» — подумал он.

— Машины. Они, конечно же, были гораздо хуже. Как это невыносимо — жить так быстро.

— Понимаете, мудрец, они теперь большей частью вообще не живут, — сказал ему Фассин.

— Вот видите — все к одному.

— Мудрец, не могли бы вы рассказать нам еще о смерти Валсеира?

— Меня при этом не было. Я знаю столько же, сколько вы.

— Вы… довольно тесно общались с ним? — спросил Фассин.

— Тесно? Нет. Нет. Я бы так не сказал. Мы пере-

писывались на тему текстуальной верификации и источниковедения, обсуждали на расстоянии многие научные вопросы и проблемы интерпретации, хотя и не очень регулярно. Мы никогда не встречались. Я бы не назвал это тесным общением, а?

— Вы правы. Я просто подумал — что вас сюда привело?

— Всего лишь возможность покопаться в его библиотеке. Взять для себя то, что можно. Вот это меня сюда и привело. Его слуги перед уходом взяли кое-какой материал, другие — главным образом ученые или те, кто так себя называет, — пришли и взяли то, что им приглянулось, но немало еще и осталось, и, хотя самые драгоценные вещи исчезли, много ценного все еще здесь. Было бы неверно не обращать на это внимания.

— Понимаю. А как насчет библиотек Валсеира? Насколько я понимаю, вы продолжаете их каталогизировать?

Пауза.

— Продолжаю. Да. — Казалось, старый мудрец в темном панцире пристально глядит в темный экран для чтения. — Гм, — сказал он и чуть-чуть повернулся, чтобы взглянуть на Фассина. — Дайте-ка мне подумать. Ваше использование глагола

«продолжать» в данном контексте.

— Насколько мне известно, Валсеир составлял каталоги своих библиотек. Разве нет?

— Он всегда был такой скрытный. Разве нет?

«Я принимаю утечки световой связи», — послала Фассину Хазеренс.

«Сообщите мне, не будет ли после этого взрыва».

— И медлительный. Хапуэрел всегда говорил: Валсеир скорее завоюет кубок Регаты всех штормов, чем закончит составлять свои каталоги.

Еще одна пауза.

— Именно так. Именно так. Да, Хапуэрел.

«Утечка. Хапуэрела не существует?»

«Он существует, но Джундриансу пришлось справиться об этом в другом месте. Не стоило этого делать».

— Я бы хотел сам осмотреть некоторые библиотеки. Надеюсь, вы не возражаете. Я вас не буду беспокоить.

— Ага, понимаю. Ну, если вы полагаете, что сможете проявить благоразумие… Вы ищете что-нибудь конкретное, мистер Таак?

— Да. А вы?

— Просвещения, только и всего. А что вы собираетесь искать, позвольте мне спросить?

— В точности то же самое.

Старый насельник помолчал немного. В реальном времени прошло около часа.

— Возможно, у меня есть кое-что для вас, — сказал он наконец. — Не хотели бы вы еще немного замедлиться? Я не сомневаюсь, что этот наш нынешний темп кажется вам исключительно медленным, однако я нахожу его для себя несколько затруднительным.

— Конечно, — ответил Фассин Джундриансу.

«Мне придется проститься с вами, майор».

«Вы счастливица. Я постараюсь вернуться поскорее».

«Удачи вам», — отправила Хазеренс.

— К сожалению, мне придется на этом с вами проститься, — сказала полковник мудрецу.

— Рад был с вами познакомиться, досточтимый полковник, — сказал ей Джундриансе. — Ну что ж, — сказал он Фассину. — Так, пожалуй, половина этого темпа, мистер Таак, устроит меня больше. А четверть — еще больше.

— Может, для начала попробуем половину?

Он вернулся всего через три дня. Хазеренс, простившись с Фассином и старым мудрецом, вернулась к нормальному темпу, приободрилась и оживилась. Когда Фассин нашел ее, она обследо-

вала содержимое другой библиотеки. Помещение выглядело почти правильной сферой; окон не было, лишь через крышу падал круг тусклого света да мерцали призрачной зеленью биополосы, вделанные в каждую полку. Нагромождения полок, похожие на огромные, направленные внутрь лопасти, придавали помещению до странности органический вид, словно полки эти были ребрами какого-то громадного существа. Полковник парила вблизи одного из стеллажей в центре комнаты, и зеленые полоски расцвечивали ее э-костюм.

— Так быстро, майор? — сказала Хазеренс, возвращая тонкий голокристалл на полку, наполовину уставленную такими же кристаллами.

«У нашего друга не нашлось ничего интересного?» — одновременно послала она.

— Мудрец Джундрианс дал мне столько пищи для размышлений, что я решил вернуться к нормальной скорости и все обдумать, — ответил Фассин, после чего просигнализировал:

«Этот старый хрен ничего мне не дал. По сути, он пытается ставить нам палки в колеса».

— А я, пока вы беседовали, проводила тут исследования.

— Что-нибудь интересное?

«Все говорит о том, что здесь недавно прошла толпа насельников. Может, всего несколько дней назад».

— Домовые системы, похоже, полагают, что где-то тут должен быть каталог каталогов. Что где-то тут должна быть целая куча его копий.

— Каталог каталогов? — спросил Фассин.

«Толпа?»

— Первый из каталогов Валсеира. В нем перечислены каталоги отдельных работ, которые он тогда составлял.

«Может быть, десять, а то и двенадцать. И еще у меня создалось впечатление, что Ливилидо и Нуэрн — персоны более значительные, чем кажутся. По крайней мере, не те, за кого себя выдают».

— А что, иметь один каталог на всё было бы слишком просто? — спросил Фассин, а потом отправил:

«Я тоже не думаю, что они обычные слуги. Так где же вся эта куча копий?»

«Подозреваю, что они изъяты. Они могли бы стать ключом для начала методичных поисков», — ответила полковник, после чего сказала:

— Полагаю, такой способ представлялся ему самым целесообразным. Конечно, материала в избытке и сейчас, когда многое уже изъято. Иметь

один каталог, я думаю, было бы слишком обременительно. — Полковник помедлила. — Конечно, еще более удобной и полезной была бы одна гигантская база данных со свободно переходящими в разные измерения подразделами, частично перекрывающими друг друга категориями и подкатегориями, иерархически масштабируемой гиперструктурой перекрестных ссылок и встроенными полуразумными обучающими программами.

Фассин посмотрел на нее:

— Возможно, он пришел бы к этому, составив каталог надлежащего, по его мнению, вида — сведя все к некой стабильной форме, которую можно читать, не прибегая к аппаратным средствам.

— Наши друзья-насельники, похоже, в таких вещах истинные педанты.

— Когда живешь столько, сколько они, забота о будущем становится наваждением.

— Возможно, это их проклятие. Быстрые, живя во Вселенной, должны терпеть разочарование из-за того, что им кажется невыносимо сильным ограничением скорости, а медленные должны страдать от безумного темпа происходящих вокруг перемен и потому стремятся к некой преувеличенной энтропии.

Фассин медленно подплывал поближе к Хазеренс. Остановившись от нее на расстоянии двух метров, он прикоснулся к ее э-костюму, чтобы дать ей понять — он смотрит на нее. Мерцающие биополосы на полках отбрасывали мягкие белесые блики на его маленький газолет.

— Как вы себя чувствуете, полковник? — спросил он. — Насколько я понимаю, там у вас температура и давление очень высоки.

«Полковник, как вы считаете, не теряем ли мы здесь попусту время?»

— Я в полном порядке. А вы?

«Очень трудно сказать. Здесь еще столько всего. Столько нужно просмотреть».

— Я тоже в полном порядке. Отлично отдохнул.

«Я вот что думаю. Нас могут вынудить потратить тут уйму времени в поисках того, что уже было изъято».

— Наверное, эффект медленного времени.

«Интересная мысль. У меня создается странное впечатление. Судя по следам на пыли и тому подобному, я вижу, что многие полки были заполнены — или заполнены заново — лишь недавно. А многие работы, на мой взгляд, кажутся совершенно ненужными, если учитывать сферу

интересов Валсеира. Мне это показалось очень странным. Хотя если это нечто вроде ловушки для вас и для меня, чтобы мы тут застряли, то все происходящее обретает смысл. Но что еще мы можем сделать? Куда пойти?»

— Придется мне еще раз поговорить с мудрецом, — сказал Фассин. — Мне нужно его о многом порасспросить.

«Хотя на самом деле я приложу все мои силы, чтобы избежать разговоров с этим старым хмырем. Нам нужно связаться со всеми известными учеными, побывавшими здесь, и узнать, нет ли у кого каталогов или чего-нибудь вроде. Здесь две дюжины разных библиотек, и, даже если половина их фонда пропала, мы все равно можем застрять в них на десятилетия».

— Интересный персонаж. В нем видна умудренность.

«Несколько десятков миллионов работ, и при этом большинство из них никак не систематизировано. Я подам сигнал на „Поафлиас“, пусть они свяжутся с соответствующими специалистами. Кто, по-вашему, может чинить нам препятствия?»

— Он и в самом деле такой.

«Не знаю».

— Что ж, я, пожалуй, еще поищу на полках. Присоединитесь ко мне?

«Хотите присоединиться?»

— Почему бы и нет?

Они переместились к другому, хотя и близлежащему, нагромождению, принялись снимать с зафиксированных полок голокристаллические книги и читать их.

— Его кабинет? — переспросил Нуэрн.

Мелькнувшая бахромка свидетельствовала о том, что он бросил взгляд на Ливилидо. Все они парили над столом. Фассин и Хазеренс пригласили двух расцветников на полуофициальный обед в овальной столовой — огромном, сумрачном, гулком пространстве, вертикально подвешенном на множестве толстенных углеродных канатов, каждый из которых состоял из кордов все меньшего и меньшего диаметра, нитей и волокон, сплетенных между собой и перевязанных множеством узлов. Они словно оказались внутри какой-то громадной обтрепанной сети.

Джундриансе оставался глубоко в медленном времени и не собирался к ним присоединяться. Для полковника приготовили специальную пищу. Хазеренс принимала еду через газовый клапан на одной из сторон э-костюма. Фассин,

полностью автономный в своем аппарате, только наблюдал, как едят другие.

— Да, — сказал он. — Где, по-вашему, может находиться его кабинет?

— Я полагал, что кабинетом ему служила библиотека номер один, — сказал Нуэрн, выбрав себе угощение из чего-то отливающего блекло-синим в центральной менажнице, а потом медленно повернул блюдо к сотрапезникам.

— И я тоже так думал, — сказал Ливилидо. Он посмотрел на Фассина. — А что, был еще какой-то кабинет? Может, он сместился немного вниз?

Фассин перед этим осмотрел все библиотечные сферы. Библиотека номер один являлась официальным кабинетом Валсеира, где он принимал коллег-ученых и других лиц, но его настоящий кабинет — его берлога, его частное пространство, куда допускались лишь немногие, — был в другом месте. Фассин почувствовал себя чрезвычайно польщенным, когда его пригласили в это похожее на гнездо обиталище, оборудованное Валсеиром внутри заброшенной трубы тучетуннеля: на ней был закреплен весь дом, когда Фассин приезжал сюда в последний раз, несколько столетий назад. Библиотека номер один выглядела как прежде, разве что в ней теперь отсутствовало несколько

тысяч книг-кристаллов и большая цилиндрическая емкость, где поддерживалась низкая температура, — в ней Валсеир хранил бумаги и пластиковые книги. Ничто не указывало, что эта библиотека за время отсутствия Фассина стала кабинетом Валсеира. А теперь эти насельники делают вид, что не знают о логове Валсеира, о его подлинном кабинете.

— Мне казалось, у него был другой кабинет, — сказал Фассин. — А у него не было дома в этом, как его? Как называется этот город? Гулдренк?

— Ну да, конечно. Именно так, — сказал Нуэрн.

«Полковник, эти ребята ничего не знают».

«Я прихожу к такому же выводу».

Библиотека двадцать один (синктурия/облачники/разное) имела обманку — насельнический эквивалент двери, сделанной из книжного шкафа. Валсеир показал этот ход Фассину, лишь сведя с ним достаточно близкое знакомство после их первой встречи. Эта дверь вела внутрь, к центру пучка библиотечных сфер; по короткому проходу вы попадали в пространство между двумя другими наружными сферами, а оттуда — в открытый газ. Шутка (потайная дверь, секретный проход) состояла в том, что разного рода синктурии были аутсайдерами галактического сообщества,

а книжный стеллаж, за которым скрывался секретный ход, содержал сведения по разделу «беженцы».

После еды Фассин сделал вид, что собирается уединиться в библиотеке и всю ночь рыскать по полкам. Вместо этого он просканировал системные установки дома вплоть до несчастного случая с Валсеиром на регате и его предполагаемой смерти. Он сделал нечто необычное, противозаконное по стандартам Меркатории и обычно бесполезное на Наскероне: ускорился, настроив компьютеры своего газолета и собственную слегка модифицированную нервную систему на максимально разрешенную скорость обработки данных. На это ушло около получаса, но Фассин все же нашел то, что искал: момент (десяток дней спустя после несчастья с Валсеиром), когда дом зафиксировал переориентацию потока энергии и ремонт вентиляции. Высотомер тоже зарегистрировал колебания — краткий бросок вверх, потом начало долгого, медленного спуска, не закончившегося и до сих пор.

Потом Фассину пришлось рассчитать, где может теперь располагаться тот сегмент тучетуннеля. Он должен был находиться за началом зоны сдвига, за тем местом, где вся атмосферная

полоса сдвинулась одной огромной массой вниз — в полужидкие глубины. Последние двигались гораздо медленнее, чем газ над ними, а обладающие высокой плотностью эластичные моря переходных уровней увлекались, словно против желания, вихрями реактивных струй располагающейся выше атмосферы.

Все это было гаданием на кофейной гуще. На взгляд насельников, атмосферу следовало считать статичной, а глубины (не говоря уже об остальной части системы Юлюбиса, звездах и вообще Вселенной) двигались. При наличии лишь воображаемых точек отсчета найти что-либо в глубинах было невообразимо трудно. По прошествии двух сотен лет эта часть тучетуннеля могла находиться где угодно: могла погрузиться в недостижимые области, разломаться или даже отдрейфовать на границу зоны, где ее мог затянуть в себя совершенно другой пояс, северный или южный. Все надежды Фассин возлагал лишь на то, что протяженность нужного ему участка трубы относительно велика. Безвозвратно потерять что-либо, имеющее сорок с лишком метров в диаметре, на пространстве в восемьдесят километров, было не так уж просто даже на Наскероне. И еще он полагался на то, что норма

потери плавучести для тучетуннеля оставалась неизменной.

Объем, где мог находиться этот участок трубы (пусть и определенный с обескураживающей степенью гипотетичности), располагался тысячах в пяти километров, хотя и постоянно приближался, многократно обходя планету по кругу. Через десяток часов он снова мог оказаться прямо под домом. Фассин проверил расчеты. Да, это было осуществимо. На экран библиотечной двери он послал записку с просьбой не беспокоить его.

Фассин выдвинулся через потайную дверь приблизительно через час после того, как вошел в библиотеку. Он увеличил свой маленький газолет, выдавив наружу резервные пространства, чтобы создать вакуумные полости и приобрести раздутую, почти сферическую наружную форму: это обеспечило Фассину мягкий спуск при создании минимально возможного уровня турбулентности под домом. Потом он постепенно нарастил плотность, медленно съеживая стреловид до его наименьших размеров и динамической формы, и нырнул, не включая двигателей, в темные глубины через нечеткую границу почти неподвижного цилиндра неплотного газа — последнего остатка древней бури.

Фассин включил двигатель и ушел в глубину еще на двадцать километров, после чего продолжил движение по горизонтали, а в тридцати километрах от дома быстро поднялся, сделав горку, в постепенно охлаждающийся и медленно разжижающийся газ, пока не прошел сквозь мглистые слои и не вырвался в пространство над тучами. Фассин увеличил скорость до максимума, придав стрелоиду, насколько было возможно, форму, препятствующую его обнаружению. Газолет не предназначался для подобных выкрутасов, но за долгие годы Фассин с Хервилом Апсилом так модернизировали аппарат, что тот (хотя и не шел ни в какое сравнение с настоящей военной машиной) мог дать фору по незаметности практически всему, что двигалось в атмосфере газового гиганта (опровергая обычные хвастливые заявления насельников об их невидимых кораблях, безынерционных приводах и точечных суборбитальниках).

Маленький аппарат двигался под тонким желтым небом, и звезды наверху словно замедляли ход, а потом меняли направление движения, когда Фассин набирал скорость, большую, чем совокупная скорость вращения планеты и попутного газолету течения под ним.

Пролетев менее часа (в течение которого не было видно ничего ни на небосводе наверху, ни в небесах внизу, а это любого навело бы на мысль о том, что во Вселенной, возможно, больше нигде нет жизни), Фассин сбросил скорость и стал падать — стрелоид без оси, устремившийся прямо в сердце планеты. Плотность газа нарастала, и Фассин выдвинул дополнительные элероны, чувствуя, как тепло от трения проникает сквозь корпус газолета в его собственную плоть.

Через верхнюю границу сдвига (определенную очень нечетко, шириной в несколько километров, подверженную медленным волнам, непредсказуемой зыби и внезапной тряске) он вошел в саму зону сдвига, начав круговое движение в разрушающей текучести сгустившейся атмосферы. Если интересующая его часть тучетуннеля все еще находилась в этом объеме, ее можно было найти именно здесь: она упала в глубины и продолжала медленное движение вниз, к точке, где вес и плавучесть сравняются под прессом постепенно сгущающегося до жидкого состояния водорода.

Не исключалась вероятность того, что она сместилась в другую сторону и поднялась к вершинам туч, но это было бы странно. Неисполь-

зуемый тучетуннель с его ребрами вакуумных трубок должен был накапливать газ, а потому за тысячелетия осмоса — и дополнительный вес. Когда Фассин был здесь двумястами годами ранее, Валсеиру уже приходилось добавлять плавучести туннелю, чтобы тот не погружался слишком быстро и не тащил за собой дом и библиотечный комплекс. В любом случае если бы заброшенная секция поднялась, то она должна была остаться в той же атмосферной полосе, а потому и присутствовать на какой-нибудь из карт «Поафлиаса», но ее там не было.

Фассин повел аппарат по спирали вверх на низкой скорости, включив сонар на минимальную мощность: а вдруг кто-нибудь да прослушивает окрестности. (Могла ли полковник последовать за ним незамеченной? Не исключено. Но зачем ей это? И тем не менее он чувствовал, что должен проявлять максимум осторожности.) От света здесь было мало проку — стена тучетуннеля в этих условиях была бы почти абсолютно прозрачна, а потому незаметна. Пробы на радиацию и магнитное излучение тоже не принесли бы результата — никаких остаточных следов здесь не обнаружилось бы.

По прошествии двух часов, когда срок, на ко-

торый Фассин, по его мнению, мог без опаски отлучиться, подходил к концу, и через несколько минут после того, как он послал ко всем чертям осторожность и включил свои активные датчики на максимум, он обнаружил одно из окончаний тучетуннеля: оно виднелось в густом тумане, напоминая гигантский темный рот. Фассин ввел свой маленький газолет в сорокаметровую пасть, не боясь теперь задействовать сонар на полную мощность: стены тучетуннеля надежно гасили сигнал. Увеличив до максимума и скорость, он помчался по огромной, чуть изгибающейся трубе, словно призрак давно умершего насельника.

Корпус кабинета был на своем месте — полая сфера, почти целиком заполнившая тучетуннель на середине его восьмидесятикилометровой длины, — но тут уже кто-то похозяйничал, оставив одни голые стены. Если здесь и были секреты, их уже похитили или выкинули на помойку.

Фассин включил наружные огни, чтобы осмотреться; здесь все было перевернуто, остались лишь пустые полки, обломки углеродных досок, алмазная пыль, похожая на кусочки льда, и потрепанные волокна, раскачивающиеся в волнах турбулентности от его газолета.

С помощью сонара он образовал небольшую

полость, которая тут же разрушилась на его глазах, схлопнулась под сокрушающим давлением столба газа над ней. Хорошенькое место, не раздавило бы всмятку, подумал он и, тем же путем выбравшись из туннеля, медленно поднялся в дом, затем в библиотеку номер двадцать один.

Полковник была там. Она вздрогнула, когда Фассин вышел за ее спиной из потайной двери, хотя он и сообщил ей заранее, что́ собирается делать.

— Майор. Смотритель Таак. Фассин, — сказала она. Голос у нее был какой-то… странный.

Фассин оглянулся, но никого больше не увидел. Это хорошо, подумал он.

— Да? — сказал он, закрывая за собой дверь-стеллаж.

Хазеренс подплыла почти вплотную к нему и остановилась в метре. Ее э-костюм стал тускловато-серым — такого цвета она еще не демонстрировала.

— Полковник? — спросил он. — Вы здоровы? С вами ничего?..

— У меня… вы должны быть готовы… Я… очень сочувствую… Плохие новости, Фассин, — сказала она наконец взволнованным, срывающимся голосом. — Очень плохие новости. Примите мои

соболезнования.

* * *

Архимандрит Люсеферус на самом деле не очень-то верил во всю эту философию Правды. Конечно, поднимаясь по иерархической лестнице Цессории, он всячески демонстрировал свою приверженность официальной вере и был талантливым проповедником и теологом, который много раз убедительно, с напором и аргументированно выступал за церковь и ее взгляды. Нередко его порицали за это. В то время он видел, что производит впечатление на свое начальство, видел даже в тех случаях, когда оно не хотело ни ему, ни себе признаваться в том, что он произвел на них впечатление. У него был дар убеждать. И дар притворяться, лгать (если уж вы желали использовать такую грубую, лишенную нюансов терминологию), делать вид, что верит в одно, тогда как на самом деле плевать он хотел и на то и на другое. Ему всегда было совершенно безразлично, правдива Правда или нет.

Вера интересовала его, даже очаровывала, но не как интеллектуальная идея и не как концепция какого-то абстрактного теоретического построения, а как способ управлять людьми,

способ понимать их и манипулировать ими. В конечном счете — как некий порок, что-то вроде изъяна: у других он есть, у него — нет.

Иногда он никак не мог поверить во все те преимущества, что другие, казалось, готовы были предоставить ему. Они веровали и потому готовы были на поступки, явно не соответствующие их непосредственным (а нередко и долгосрочным) интересам, просто из-за веры в то, что им говорили. Они испытывали альтруистические чувства, а потому совершали поступки, которые (опять же) не приносили им никакой пользы; у них имелась сентиментальная или эмоциональная привязанность к другим, а потому их снова можно было вынудить к поступкам, которых они не совершили бы в противном случае. И (вот это и было лучше всего, думал иногда он) люди поддавались самообману. Они считали себя храбрыми, а на самом деле были трусами, или воображали, что могут думать сами за себя, а на самом деле и близко ничего такого не могли, или верили, будто умны, а на самом деле всего лишь умели неплохо сдавать экзамены, или считали себя сострадательными, а на самом деле были всего лишь сентиментальны.

Настоящая сила покоилась на крайне простой

максиме: будь абсолютно честен перед собой, но всегда обманывай других.

Столько преимуществ! Какими только способами люди не облегчали его продвижение наверх! Если бы все, с кем он сталкивался и конкурировал, все, с кем он боролся, были в этих отношениях похожи на него, подняться к власти ему было бы гораздо труднее. Он вообще, может быть, не всплыл бы наверх, потому что без этих плюсов все сводилось к одной удаче, а удачи ему вполне могло и не хватить.

В прежние времена он как-то задумался, сколько народу из высшего командования Цессории, из его старых боссов, по-настоящему верит в Правду. Он сильно подозревал, что чем выше ты поднимался по иерархической лестнице, тем больше было тех, кто не верил вообще. Они приходили туда ради власти и славы, ради возможности управлять другими.

Теперь он ни о чем таком почти не думал. Теперь он исходил из того, что любой, занимающий высокое положение, должен быть полнейшим, циничным эгоистом, и немного удивился бы, даже почувствовал слабое отвращение, обнаружив, что кто-то из них в самом деле верует. Отвращение проистекало бы из сознания того, что

данное лицо паясничает, и из подозрения, что оно должно чувствовать некоторое (извращенное) превосходство над своими менее заблуждающимися коллегами.

— И ты, значит, в самом деле веришь во все это? В самом деле веришь?

— Конечно верю, господин. Это рациональная вера. Ее определяет простая логика. Эта вера всеобъемлюща. Вам это известно лучше, чем мне, господин. Господин, полагаю, вы дразните меня.

Девушка отвернулась с застенчивой, кокетливой, робкой улыбкой, может быть, немного настороженной, возможно, даже отважной, поскольку в ней чувствовалось оскорбленное достоинство.

Он протянул руку и взял ее за волосы, подтянул ее лицо к своему — золотисто-серый силуэт на фоне редких брызг далеких звезд.

— Дитя, не думаю, что за всю свою жизнь кого-нибудь дразнил. Ни разу.

Девушка, казалось, не знала, что сказать. Она оглянулась — может быть, посмотрела на бледные звезды через экран стекла, может быть, на белоснежный хаос пуховой постели в условиях низкой гравитации, может быть, на обступившие их со всех сторон экраны, стенки их маленького

гнездышка, на которых пугающе подробно и изобретательно изображались акты соития. Может быть, она смотрела на двух своих подружек, которые теперь спали, свернувшись калачиком.

— Да, господин, — сказала она наконец, — вы не дразните меня. Я бы не стала говорить, что вы дразните. Скорее вы шутите надо мной, потому что вы гораздо образованнее и умнее меня.

Ну вот, это ближе к истине, подумал архимандрит. Но он все еще не был уверен. Неужели эта крошка все еще носит в себе Правду, хотя с тех пор, как он уничтожил всю эту дребедень, сменилось несколько поколений?

В некотором роде это не имело ни малейшего значения. Пока никто не пытался использовать свою религию, чтобы организоваться против него, ему было совершенно наплевать, что там на самом деле думают люди. Подчиняйтесь мне, страшитесь меня. Ненавидьте, если хотите. Даже и виду не подавайте, что любите меня. Ни о чем другом он людей не просил. Вера была еще одним рычагом, чем-то вроде привязанности, вроде сострадания, вроде любви (или тем, что люди называли любовью, считали любовью; причудливая и, может быть, даже бесчестная выдумка, это не похоть, которая, в отличие от любви, честна. И

конечно же, еще один рычаг).

Но он хотел знать. Менее цивилизованный тип в подобной ситуации, наверно, приказал бы пытать девчонку, чтобы выяснить правду, но люди, которых пытают по такому поводу, вскоре начинают говорить то, что, по их мнению, ты хочешь услышать, — что угодно, лишь бы прекратить муку. Он довольно рано понял это. Был способ получше.

Он потянулся к пульту дистанционного управления их кокона и настроил частоту вращения, снова создав иллюзию гравитации.

— Встань перед окном на четвереньки, — сказал он. — Время опять пришло.

— Конечно, господин.

Девушка быстро приняла нужную ему позу: присела на фоне приближающегося звездного поля, неподвижного несколько поколений, хотя кокон вращался. Самое яркое солнце в центре экрана называлось Юлюбис.

Люсеферус прибегал к самым разным способам для усиления своих гениталий. Одно из усовершенствований состояло в имплантированной железе, позволявшей ему вырабатывать множество различных секретов, которые вместе с продуктами эякуляции попадали в тела других

(сам он, разумеется, обладал иммунитетом к их воздействию); эти секреты включали раздражающие вещества, галлюциногены, каннабиноиды, капсаиноиды, снотворные средства и сыворотки правды. Он на мгновение погрузился в «краткую смерть», некоего рода транс, что позволяло ему выбрать один из этих компонентов, и настроился на последний из упомянутых — снадобье правды.

Он взял девушку анально — сыворотка в этом случае действовала быстрее.

И обнаружил, что она действительно верила в Правду. Хотя узнал также, что для нее он был жутко древним, страхолюдным, извращенным старым садистом, соитие с которым не вызывает ничего, кроме отвращения.

Он задумался о том, что с ней делать: то ли осеменить танатицитином, то ли использовать одну из физических возможностей, обеспечиваемых его модифицированным членом, — может, «бритый конский хвост»? А может, просто выбросить ее в вакуум и смотреть, как она умирает.

В конце концов Люсеферус решил оставить ее в живых — такая постоянная деградация сама по себе была достаточным наказанием. Ведь он сам же всегда говорил, что предпочитает, когда его

презирают.

Он сделает ее своей фавориткой. А может, недурно вдобавок занять ее присмотром за потенциальными самоубийцами.

* * *

Насельники считали, что способность к страданию и есть главное отличие разумной жизни от любой другой. Они имели в виду не только способность ощущать физическую боль, они говорили о настоящем страдании, о том страдании, что становилось еще сильнее, поскольку данное существо могло в полной мере оценить испытываемое им чувство, могло вспомнить те времена, когда оно не страдало так, могло стремиться вперед — туда, где этого страдания не будет (или отчаиваться при мысли о том, что оно прекратится, — отчаяние было неотъемлемой частью страдания), и знать, что, если бы дела обстояли иначе, оно теперь не страдало бы. Для этого нужны мозги, ясно? Воображение. Любое безмозглое существо с рудиментарной нервной системой могло чувствовать боль. Для страдания требовался разум.

Насельники, конечно же, не чувствовали боли и заявляли, что никогда не страдают, разве что в

самом тривиальном смысле: так страдают дураки, поскольку ощущают себя частью семьи или испытывают пагубное для тела и разума воздействие серьезного похмелья. Таким образом, по своим собственным меркам к существам разумным они не относились. И вот в этом-то пункте средний насельник, совершенно уверенный, что все они абсолютно, самоочевидно являются наиболее разумными и мыслящими существами во Вселенной, хоть в дальнем ее захолустье, вскинул бы недоуменно спинные конечности, наморщил воротничок-мантию и принялся громко рассуждать о парадоксах.

Фассин вошел в штопор, понесся в струйном течении на скорости пятьсот километров в час — и при этом не шевельнулся. Потом лег на крыло, нашел небольшой водоворот, малюсенький вихрь, крохотный желто-белый клочок всего парой километров в поперечнике, среди бескрайних пустых небес оранжевого, красного и коричневого цвета. Он двигался сквозь газ. Стрелоид вспарывал тугую атмосферу. Он на какое-то время позволил водовороту увлечь себя, затем клюнул носом и стал падать, медленно крутясь; он падал сквозь дымку, потом сквозь тучи — вес и давление газа медленно нарастали — вниз, туда,

где температура была приемлемой, где он выровнялся и сделал то, чего не делал никогда прежде: откинул крышку своего маленького газолета и впустил внутрь местный воздух, впустил внутрь Наскерон, позволил тому прикоснуться к своей обнаженной человеческой коже.

Включились звуковые и световые сигналы тревоги, и, когда он открыл глаза, их обжег тускловато-оранжевый свет, казалось, сиявший со всех сторон. У него все еще была дыхательная жидкость во рту, в носу, горле, легких, хотя теперь ему пришлось пытаться дышать самостоятельно, заставив грудные мышцы сражаться с гравитационным полем Наскерона. Он был соединен с газолетом также и через интерфейсный воротник, и, когда ему не удалось подняться с ложа, заполненного противоударным гелем, он постепенно наклонил стрелоид вперед, оказавшись в почти стоячем положении.

Кровь ревела в его ушах. Ноги протестовали, воспринимая нагрузку, возраставшую по мере того, как медленно оседал гель; наконец он полувстал на нижнем бортике своего вместилища, своего тесного гроба.

Теперь он мог, хотя и не без труда, покинуть его, как отливка — форму. С помощью локтей он

вытолкнул себя наружу. Глаза жгло, они заслезились. Потом слезы потекли ручьем. Дрожа от усилия, он потянул за одну из липких, скользких трубок с дыхательной жидкостью — ту, что исчезала в правой ноздре, — и, открыв рот, вдохнул немного газа.

Наскерон пах тухлыми яйцами.

Фассин оглянулся, стараясь сморгнуть слезы; интерфейсный воротник, впившийся в шею, пытался сохранить контакт, а он, наоборот, пытался освободиться. Наскерон выглядел грязноватым и поношенным. Планета напоминала огромную чашу с битыми яйцами: кое-где вкрапления жидкого дерьма и повсюду — капельки крови. И вкус серы на деснах. Он позволил дыхательной смеси вернуться, заполнить его нос, позволил закачать в себя чистый, обогащенный кислородом воздух, хотя наскеронская вонь и не прошла.

Он потел — частью от напряжения, частью от жары. Может быть, ему следовало подняться повыше.

Теперь у него пощипывало еще и в носу, а не только в слезящихся глазах. Интересно, можно ли чихнуть, если внутри тебя — дыхательная смесь? Не выплеснется ли она из него жуткой легочной рвотой, не останется ли на борту газолета бледно-

голубой массой водорослей? А он начнет глотать ртом атмосферу Наскерона, задохнется и умрет?

Теперь он не видел почти ничего за пеленой слез, и зловонные небеса Наскерона наконец вымучили из него то, что сам он прежде никак не мог выразить.

Значит, все.

Весь клан.

Они рано переехали в зимний комплекс. Боеголовка упала туда, убив всех — Словиуса, Заб, Верпича, всю его семью, всех, с кем он вырос, всех, кого он знал и любил с детства, всех, благодаря кому он стал таким, каким был сейчас.

Все произошло быстро. Даже мгновенно. Но что это меняет? Они не страдали от боли, но все равно теперь были мертвы, ушли безвозвратно.

Нет, не безвозвратно. Он не мог не оживлять их постоянно в своей памяти, хотя бы только ради того, чтобы попросить у них прощения. Это он предложил Словиусу уехать из Осеннего дома. Он имел в виду нейтральное место, отель или университетский комплекс, но они вместо этого направились еще в один из сезонных домов клана, пошли на компромисс. И это погубило их. Его совет, данный из лучших побуждений, его желание оберегать и защищать их, выставить

себя предусмотрительным — все это стало причиной их смерти.

Он подумал, не опустить ли ему нос своего суденышка еще дальше вниз, градусов на девяносто от горизонтали, и полететь кувырком под воздействием собственной массы, понестись стремглав вниз, в огромную пасть гравитационного поля газового гиганта: дыхательная смесь вытечет из него, возможно прихватив с собой часть легких, разорвет его на куски, и тогда наконец его окровавленное изорванное тело наполнится убийственным газом, и он, погружаясь в глубину, издаст последний крик — фальцетом, будто вдохнув гелия на вечеринке.

Сигналы и сообщения достигли их приблизительно в то время, когда он парил в руинах разрушенного кабинета Валсеира. Все панические послания, все путаные запросы, все официальные записки, все слова поддержки и сочувствия, все просьбы и контрольные сигналы, требующие подтверждения того, что он еще жив, все заголовки новостей, все изменившиеся распоряжения Окулы — все это пришло потоком, огромным запутанным клубком входящих данных, задержанным поначалу системой автоматического засекречивания (особенно действенной в мо-

менты военной опасности), обычным хаосом насельнической связи вообще и, в частности, сбоем в нормальной работе сигнальных протоколов передачи, что всегда сопутствовало формальным войнам и проявлялось особенно сильно непосредственно в зоне военных действий.

Мертвы, все мертвы. Нет, не все (кланы были достаточно велики, а действительность редко бывает совсем уж беспощадной). Но почти все. Остались в живых пять младших слуг — кто в отпусках, кого отослали по каким-то делам — и одна из его троюродных сестер с маленьким сыном. И все. Достаточно для того, чтобы, несмотря на ужас всего случившегося, не ставить точку, чтобы от него ждали дальнейших усилий, руководства, покровительства… всей этой отскакивающей от языка чепухи. Мать его отсутствовала и могла бы остаться в живых, но тоже погибла в ходе другой атаки (как считалось, не связанной с первой — такое вот невезение) на орбиталище Цессории в поясе Койпера, где она пребывала на покое вот уже полгода.

Наверно, он еще должен быть благодарен судьбе — Джааль осталась жива; ее не было в Зимнем доме во время атаки. Он получил от нее ряд встревоженных, панических, жалобных, а потом

и просто безумных посланий: в последних она умоляла его откликнуться, если он может, если он еще жив, если он где-то вблизи Наскерона и может услышать или прочесть это…

После атаки на Третью Ярость Шерифская Окула отнесла его к пропавшим без вести. Официально он продолжал числиться среди них. В Окуле не были уверены, что он и полковник Хазеренс остались в живых, пока не получили ее ретранслированный сигнал несколько дней спустя и не решили, что лучше пока держать его спасение в тайне. Его интервью службе новостей в Хаускипе несколько осложняло ситуацию (интервью это, однако, уже дезавуировали, объявили подделкой даже без их вмешательства, что добавило путаницы). Объявленный пропавшим без вести, он официально все еще считался живым, а потому и главным наблюдателем клана Бантрабал. Такое положение должно было оставаться неизменным по меньшей мере год.

Ситуация в системе Юлюбиса складывалась отчаянная, и важность их задания, мягко говоря, возросла после недавних враждебных действий захватчиков и/или запредельцев.

Даже когда вся эта информация прошла, когда все эти сигналы загрузились в память газолета со

всеми сохранившимися кодами, со схемой маршрутизации, он продолжал думать: «Может, это все вранье, может, это все какая-то жуткая ошибка». Даже увидев на экране все еще курящийся кратер на месте Зимнего дома среди холмистого пейзажа Большой Юалтусской долины, он не хотел верить, что это правда; это подстроено, все это подстроено.

Это произошло более-менее одновременно с бомбардировкой Третьей Ярости. Маленькая вспышка, которую он видел на поверхности Глантина, когда челнок падал к Наскерону, была мгновением их смерти, той самой секундой, когда он остался один. Более раннее послание Шерифства (успевшее пройти до подавления канала передачи, что и держало их все эти дни в неведении) с выражениями соболезнования в связи с его утратой имело в виду и эту катастрофу, а не только потери на Третьей Ярости.

В верхних слоях глубин были обнаружены обломки челнока с телом старшего техника Хервила Апсила. Впечатление возникало такое, будто ничто не было забыто, ничто и никто не спаслись, Фассину не оставили ничего, почти ничего. Несколько слуг, которых он почти не знал, троюродная сестра, к которой он не питал

никаких чувств, и ребенок, которого он даже не помнил в лицо. И Джааль. Но так, как прежде, уже все равно никогда не будет, не может быть. Она ему нравилась, но вот любви к ней он не питал и не сомневался — это взаимно. Их брак был важен для обоих кланов, но теперь ситуация менялась — он стал совершенно другим человеком и уже не сможет быть прежним, даже если сумеет вернуться из этой идиотской экспедиции, если будет к чему возвращаться, если война не уничтожит или не изменит все, что было прежде. И захочет ли клан Джааль, чтобы она вышла замуж за представителя не существующего отныне клана? В чем теперь важность такого брака, кому он теперь нужен? Да и захочет ли она сама, а если и захочет, то не будет ли это из чувства долга, из сострадания к нему, из ложного представления о том, что их договор надо соблюдать, несмотря ни на что? Превосходное основание для упреков и ненависти в будущем.

Он чуть ли не с облегчением понял, что и Джааль, вероятно, будет потеряна для него. Он словно висел над какой-то бездонной пропастью и вот-вот должен был сорваться, он был обречен упасть, и самая сильная боль происходила оттого, что он все еще висит, что его пальцы цепляются,

ломаются ногти. Прекрати держаться, и уж хотя бы само падение будет безболезненным.

Он не собирался кончать с собой. Он получал какое-то мрачное удовольствие от осознания, что может это сделать, но не сделает. Рассуждая чисто практически, он был почти стопроцентно уверен, что Хазеренс последовала за ним, используя военные возможности своего э-костюма, чтобы спрятаться от радаров его газолета. Она попытается остановить его. У нее были некоторые шансы на успех, и тогда все это будет выглядеть недостойно для него. Пожелай он в самом деле покончить с собой, нашлись бы и более легкие способы. Углубиться в зону военных действий, развить полную скорость, направить свой аппарат на дредноут — вот и все.

Нет, это слишком просто. Эгоистично. Это положило бы конец жуткому, терзающему его чувству вины, подвело бы черту под случившимся, а он считал, что не заслуживает такого легкого избавления. Ты чувствуешь себя виноватым? Так чувствуй же. Он не хотел ничего плохого (совсем наоборот), всего лишь ошибался. Чувствовать себя виноватым было глупо. Это чувство было понятно, но глупо и не имело никакого отношения к делу. Они были мертвы, а он — жив. Возможно,

его действия и привели их прямо к гибели, но он-то их не убивал.

Что же оставалось? Может быть, месть. Хотя кого тут винить? Если это дело рук запредельцев, то его старое предательство (или самопожертвование из принципа — как посмотреть) становилось глупостью. Он по-прежнему презирал Меркаторию, ненавидел всю эту злобную, идиотскую, бессмысленно чванливую, ненавидящую разум систему, у него никогда не было ни малейших иллюзий относительно якобы бескорыстной доброты запредельцев или любой другой большой группы, и он не считал, что борьба против Меркатории будет легкой, безболезненной и бескровной. Он всегда знал, что его собственная смерть будет мучительной и длительной, — он был исполнен решимости сделать все от него зависящее, чтобы этого не случилось, но иногда обстоятельства складываются так, что ты бессилен. Еще он понимал, что невинные умирают так же грязно и в таких же количествах в справедливых войнах, как и в несправедливых, и знал, что войн следует избегать едва ли не любой ценой, потому что они умножают ошибки, увеличивают просчеты, но все же надеялся, что его участие придаст некоторое изящество борьбе против Мер-

катории, определенное величие, налет героизма.

Но вместо этого неразбериха, сумятица, глупость, безумное расточительство, бессмысленная боль, несчастье, массовая гибель — все, что обычно сопутствует войне, обрушилось на него, как обрушилось бы на любого другого без всякой высокоморальной логики, без всякой справедливости, даже без всякого намека на возмездие: попросту жуткое, весьма прозаическое действие законов физики, химии, биохимии, космической механики и общей природы разумных существ, живущих и соперничающих между собой.

Может быть, причина прежде всего в нем? И речь не о его совете Словиусу убраться из Осеннего дома, а о его экспедиции, его знаменитой экспедиции, его встрече с Валсеиром и обмене информацией — вот что могло вызвать все это. Что, если это он виноват в случившемся? Он принял все за чистую монету — вот в чем дело.

Он попытался было рассмеяться, но дыхательная смесь, заполнявшая горло, рот и легкие, не позволила бы сделать это — по крайней мере, сделать это как полагается.

— Ну что ж, — попытался он сказать газовым небесам Наскерона (получилось лишь неразборчивое бормотание), — покажите мне, что все

это симуляция, докажите, что Цессория права. Поставьте точку. Партия окончена. Выводите меня из игры.

Но ничего так и не вышло, кроме неразборчивого бормотания, какого-то бульканья в горле; он полустоял-полулежал в своем гробу, своем алькове, внутри маленького газолета, парящего в атмосфере газового гиганта там, где человек мог открыться стихиям и не умереть слишком быстро, если у него было чем дышать.

Месть тоже не лучший вариант, через слезы подумал он. Месть в природе человека, в природе креата, так поступило бы чуть ли не любое живое существо, способное злиться и обижаться, но месть ничуть не лучше самоубийства. Своекорыстная, эгоистичная, эгоцентричная. Да, окажись он лицом к лицу с тем, кто приказал шарахнуть ядерным зарядом по жилому комплексу, полному невооруженных, ничего не подозревающих гражданских, у него возникло бы искушение прикончить этого типа, но это не оживило бы мертвых.

Конечно, такой возможности ему никогда не представится (опять же в реальности такая удача почти не подворачивалась), но, если теоретически он получит такой шанс, станет участником

небывалого спектакля «Он связан — ты с ружьем», получит власть над тем, кто стал причиной смерти большинства его дорогих и близких, он, Фассин, может быть, и убьет его. Правда, к этому примешивалось одно соображение: в таком случае он и сам становился ничуть не лучше своего врага, но Фассин и без того знал, что он уже не лучше. Единственное оправдание для такого убийства — это избавление мира, галактики, Вселенной от заведомо дурной личности. Будто мир когда-нибудь испытывал нехватку в подобных типах, будто его место тут же не займет другой.

И потом, ему все равно пришлось бы иметь дело не с отдельной личностью, а с некой военной машиной, целой системой. Ответственность, вне всяких сомнений, будет распылена между тем, кто разрабатывал соответствующую стратегию (не исключено, что речь шла о группе лиц), тем, кто отдал — возможно, весьма неопределенный — приказ, тем, кто выбирал общие и конкретные цели, и, наконец, тем тупым воякой или безмозглым техником, который нажал кнопку, или прикоснулся к экрану, или мыслекликнул иконку, плавающую в голографическом аквариуме. И вне всякого сомнения, этот тип окажется продуктом обычного топорного принуждения, принятого

среди военных, и процесса промывания мозгов, разрушающего личность и превращающего ее в полезно-послушное полуавтоматическое устройство, испытывающее симпатию только к ближайшим друзьям и подчиняющееся только холодной цифровой комбинации. И вот еще что: ты должен быть абсолютно уверен, что именно на нем лежит ответственность, что тебя не водит за нос тот, кто воплотил в жизнь сценарий «Он связан — ты с ружьем» и всучил тебе ружье.

Может быть, на последнем этапе программирования цели автоматика дала сбой. Что же, ему теперь искать и программиста и связать его вместе с тем, кто разрешил эту атаку или сочинил весь этот авантюрный план нашествия на Юлюбис?

Если за всем этим стоят запредельцы, то отвечать должен, скорее всего, какой-нибудь ИР, принявший такое решение бог знает по каким причинам. Что же ему теперь, искать эту хреновину и выворачивать наизнанку? Хотя разве не кровожадное отношение Меркатории к ИР было причиной, по которой он их так ненавидел?

И конечно же, вполне вероятно, что это было их ошибкой и его виной. Возможно, они полагали, что нанесут удар по пустому дому, и только его

идиотский совет, его вмешательство наполнило этот дом людьми. Как тут делить ответственность?

С глазами у него стало совсем плохо, словно в них бросили песок. Он практически ничего не видел — слезы текли рекой. (Он все еще мог видеть через воротник — впечатление довольно странное: четкий, наклоненный мир — вид, воспринимаемый органами стрелоида, наложенный на тот, что воспринимает тело.) Он не мог себя убить. Надо было жить дальше, понять, что еще можно сделать, воздать должное, попытаться примириться с произошедшим и сделать это место хоть капельку лучше, чем оно было при его появлении, попытаться совершить то добро, на какое он окажется способен.

Он ждал, что Правда протянет ноги, что исчерпается программа, а когда этого не случилось (он знал, что ничего такого не случится, но все-таки надеялся — а вдруг), ощутил разочарование, смирение и мрачное веселье одновременно.

Он приказал газолету принять нормальное положение и снова закупорить его. Стрелоид наклонился назад, задраил крышку и снова поместил его в капсулу — противоударный гель уже ласкал и обволакивал его, целебные щупальца

приступили к лечению, восстанавливали кожу, исцеляли распухшие глаза. Ему показалось, что машина при этом испытывала что-то вроде облегчения, но знал: это ложь. Легче стало только ему.

— Сколько лиц, столько и мнений. Так всегда было, есть и будет. Возможно ли, что мы кем-то выведены искусственно? Кто знает? Может, мы были домашними зверьками. А может, профессиональной добычей. Может, мы были украшениями, дворцовыми шутами, козлами отпущения, результатом сбоя в галактических машинах осеменения — таковы некоторые из мифов. Может, наши создатели исчезли или мы свергли их; таков еще один миф — тщеславный, избыточно льстивый, — которому я не верю. Может быть, эти создатели были какими-то протоплазматиками? Нужно сказать, что эта гипотеза получает все более широкое распространение: устойчивая метафора. Почему плазматики? Зачем существам потока — звездного или планетарного, не имеет значения, — создавать что-то похожее на нас и во времена незапамятные? Мы понятия не имеем. Но слухи продолжают распространяться. Нам известно лишь, что мы находимся здесь, что мы были здесь десять миллиардов — а то и больше — лет назад. Мы приходим и уходим, мы проживаем

наши жизни с разными скоростями, обычно к старости — более медленно, как вы, добрые люди, наблюдали в этих стенах, но зачем мы еще? Для чего созданы? В чем наше предназначение? Мы понятия не имеем. Вы должны меня простить; эти вопросы представляются в каком-то смысле более важными применительно к нам, насельникам, поскольку мы, кажется, и в самом деле… нет, не созданы для этого, конечно, как можно было бы сказать, но склонны к сохранению, если нас предоставить самим себе. Поймите, тут нет никакого непочтения, но эти же вопросы применительно к быстрым, к людям или даже — примите извинения от подобных вам видов, полковник, — к ирилейтам не имеют такой же силы, потому что у вас нет нашей истории, нашего происхождения, нашего неприкаянного, начисто проклятого, богопротивного существования. Кто знает? Может быть, в один прекрасный день и вы сравняетесь с нами! Ведь в конце концов, Вселенная еще молода, невзирая на общий для всех нас индивидуализм, на передаваемую из поколения в поколение уверенность в кульминации, и, возможно, когда наши неведомые преемники, последние в ряду, напишут заключительные хроники, там будет сказано, что насельники

продержались всего десяток миллиардов лет или около того на гребне первого бурного потока, знаменовавшего собой детство Вселенной, а потом бесследно исчезли, тогда как ирилейты и люди, эти символы живучести, эти отважные старатели, эти воплощения цивилизационной стойкости, продержались триста миллиардов лет или что-нибудь в этом роде. И тогда тот же самый вопрос может быть задан применительно к вам: зачем? Для чего? С какой целью? И — кто знает! — может быть, для вас ответ и найдется. Ответ получше. Здравый ответ. Но пока такие нелегкие проблемы стоят только перед нами. Все остальные, кажется, приходят и уходят, это представляется естественным, этого следует ожидать, такова данность: виды появляются, развиваются, расцветают, распространяются, приходят в упадок, сморщиваются и вянут. Циник сказал бы: ха-ха, это всего лишь природа, ничего больше, и никаких тебе претензий на заслуги, никакого признания вины, сплошное ликование. Спасибо всем, что попытались, что поучаствовали, что показали себя такими молодцами. Но мы? Как насчет нас? Нет, мы другие. С виду мы проклятые, обреченные, наша судьба — пережить собственный расцвет, задержаться в нише, которая вполне

могла принять и многих других — да, многих! — мы всем доставляем неудобство, оставаясь здесь, тогда как по любым меркам должны были бы убраться отсюда вместе с нашими давно ушедшими современниками. Я не боюсь признать — это обременительно для нас самих. Я здесь среди друзей и потому говорю так откровенно. И вообще, я ведь старый сумасшедший насельник, бродяга, скиталец, зануда, переплывающий с места на место, заслуживающий лишь презрения и подаяния, а если повезет, то того и другого, если нет — мне же хуже. Но простите, я испытываю ваше терпение. Я ведь не разговариваю ни с кем, кроме тех голосов, что сам выдумываю.

Так говорил сошедший с рельсов насельник переходного возраста по имени Оазил. Сойти с рельсов означало объявить, что ты (иногда это объявляли за тебя твои ровесники) потерял интерес к обычному устойчивому старению и порядку старшинства (или не участвуешь больше в этом), которым, по обычаям насельнического общества, следовали его граждане. Само по себе это состояние не было позорным (часто его сравнивали с монашеством), хотя если оно было навязано, а не выбрано самим насельником, то служило очевидным признаком того, что со временем он

может стать изгоем и будет физически изгнан с родной планеты. А этот приговор — ввиду нелюбви насельников и к межзвездным путешествиям, и к контролю качества при строительстве космических кораблей — фактически означал что-то среднее между одиночным заключением сроком на несколько тысяч лет и смертной казнью.

Оазил был скитальцем, бродягой, непоседой. Он полностью утратил контакты с семьей и к тому же утверждал, что так или иначе позабыл все с ней связанное, не имел друзей, не принадлежал ни к каким клубам, братствам, обществам, лигам или группам и не имел постоянного дома.

Он объяснил им, что живет в своем панцире и своих одеждах, которые поизносились и повыцвели, но впечатляли своей потрепанностью и были украшены тщательно выписанными панелями с изображением звезд, планет и лун, сохранившимися цветами из десятков тучерастительных видов, отполированных углеродных костей и сияющих безглазых черепов мелких представителей фауны газового гиганта. Эта коллекция вещиц, называемых среди насельников талисманами, была чуть побольше, чем у Валсеира, и выглядела мрачнее, если не говорить о его парадных одеяниях для официальных мероприятий.

Когда Фассин в первый раз увидел этого бродягу, он решил, что Оазил — это переодевшийся Валсеир, который, пытаясь скрыть свое истинное «я», вернулся подразнить их всех, посмотреть, как они будут относиться к бедняге-скитальцу, а потом объявить себя законным владельцем дома и потребовать возвращения своей собственности. Но внешне Валсеир и Оазил сильно разнились. Оазил был крупнее, его панцирь — слегка асимметричен, его метки — не такие замысловатые, его голос — гораздо ниже, да и количество оставшихся у него лопастей и конечностей было иным. Валсеир и Оазил были приблизительно однолетки, правда если бы Оазил все еще оставался на рельсах, то был бы чуточку моложе Валсеира: переходник-баолан или переходник-номпар, а не переходник-чоал, как тот; но выглядел он гораздо старше, темнее и обветреннее, он был почти так же темен, как Джундрианс, вдесятеро его старший, но, будучи ученым, Джундрианс бóльшую часть своей жизни провел в медленном времени, а не бродил в атмосфере и не подвергал себя воздействию стихий.

Оазил тащил за собой небольшой плавучий трейлер (напоминающий маленького насельника и украшенный сходным образом), где хранил

несколько смен одежды, дорогие ему предметы и набор подарков для других, в большинстве своем вырезанных из корней кислотучедерева. Один из них, похожий на дом-пузырь, он подарил Нуэрну, чтобы тот пропустил его к Джундриансу, когда мудрец в следующий раз покинет глубины своих медленных эмпиреев.

Принимая этот скромный дар, Нуэрн вовсе не выглядел польщенным. Но Оазил заявил, что дом Валсеира на протяжении последних пятидесяти или шестидесяти тысяч лет его бродяжничества нередко служил ему прибежищем, и вообще испокон веков, особенно вне больших городов, существует традиция гостеприимства по отношению к странникам, и с точки зрения положительных баллов было бы в высшей степени губительно игнорировать ее, тем более что оскорбление наносится на глазах у других гостей.

— И надолго вы собираетесь остаться, сэр? — спросил Нуэрн.

— Да, надолго ли? — спросил Ливилидо.

— Нет-нет, завтра же в путь, — сказал Оазил молодым насельникам. — Я уверен, дом по-прежнему великолепен, хотя с прискорбием узнаю, что моего старого друга больше нет. Но мне неловко

оставаться подолгу на одном месте, и дома́ — хотя и не столь ужасные для меня, как города, — рождают во мне беспокойство. Находясь поблизости от какого-нибудь дома, я не могу дождаться, когда тронусь в путь, независимо от его великолепия и гостеприимства хозяина.

Они располагались на одном из множества балконов, опоясывавших жилые помещения. Сначала все собрались на утреннюю трапезу в честь Оазила в подвешенном, точно сеть, обеденном пространстве. Но старый насельник с самого начала чувствовал себя как-то неловко и еще до первой перемены блюд смущенно и жалобно спросил, нельзя ли пообедать снаружи, скажем за окном, и не открыть ли его, чтобы во время беседы видеть друг друга. Он страдал своего рода клаустрофобией после бесчисленных тысячелетий, проведенных в странствиях по необозримым бездонным небесам, и в замкнутом пространстве чувствовал себя неважно. Нуэрн и Ливилидо быстренько приказали своим младшим слугам свернуть стол и подать еду на ближайший балкон.

Все вышли наружу, и Оазил (после многословных извинений за то, что он, кажется, навязывает им свою волю), удобно расположившись, принял-

ся наслаждаться пищей, а попробовав немного наркотических зерен ауры и тембросследов из вазы в центре стола (сделанной в форме шаровидного университетского городка), расслабился настолько, что стал делиться мыслями о происхождении насельников. У насельников это была любимая послеобеденная тема, а потому заезженная настолько, что сказать тут что-нибудь новенькое было абсолютно невозможно, хотя, нужно отдать должное Оазилу, он специализировался на этом до того, как отцепился от якоря науки и отправился в плавание по высоким небесам странствий.

Хазеренс спросила старого насельника, как он считает: его соплеменники всегда были не способны чувствовать боль или подавили в себе эту способность селекцией?

— Ах, если бы мы только знали! Я в восторге от вашего вопроса, потому что, на мой взгляд, он один из важнейших в определении истинного смысла нашего существования во Вселенной…

Фассин, сидя в мягком углублении за торжественным столом, напротив старого бродяги, вдруг обнаружил, что не может сосредоточиться. В последние дни это случалось с ним нередко. После известия об уничтожении Зимнего дома

прошел уже с десяток наскеронских дней. Почти все это время Фассин провел в разных библиотеках в поисках хоть каких-нибудь материалов, которые приблизили бы их к цели, к становящемуся (по крайней мере, для него) все более мифическим третьему тому работы, которую он забрал отсюда более двухсот лет назад и которая предположительно стала причиной многих последующих событий. Он пересматривал, он искал, он тралил, он прочесывал и сканировал, но часто, даже если ему казалось, что он абсолютно сосредоточен, он вдруг обнаруживал, что последние несколько минут провел, глядя в пустоту, мысленно представляя сцены из жизни клана и семьи, которых больше нет, вспоминая пустячные разговоры полувековой давности, совсем незначащие фразы, которые непонятно как застряли в памяти и уж совсем некстати пришли в голову теперь, когда тех, с кем он говорил тогда, уже не было, а сам он находился совсем в другом месте.

Он чувствовал время от времени, что к глазам подступают слезы. Противоударный гель мягко впитывал их.

Иногда он снова подумывал, не свести ли счеты с жизнью, и тогда тосковал (как тоскуют по утра-

ченной любви или навсегда ушедшей бесценной молодости) по силе воли, по желанию, по простой решимости покончить со всем этим: будь они в наличии, самоубийство стало бы вполне возможным. Но пока оно представлялось таким же бессмысленным и тщетным, как и все остальное в жизни. Чтобы убить себя, нужно желание, желание смерти. А когда этого желания вроде нет, когда не остается ни эмоций, ни стимулов (а только их тени, привычка к ним), то убить себя так же невозможно, как влюбиться.

Он отводил взгляд от книг и свитков, микрофишей и кристаллов, травленых алмазных листов, мерцающих экранов и голограмм и спрашивал себя, какой во всем этом смысл. Он, конечно же, знал стандартный набор ответов: живые существа — все виды и типовиды — хотят жить, хотят комфорта, хотят безопасности, им в той или иной форме нужна энергия (иногда в непосредственной, как поглощаемый солнечный свет, иногда в косвенной, как мясо), они желают размножаться, они проявляют любознательность, хотят просвещения или славы, и/или успеха, и/или любого из множества видов процветания; но все это (в конечном счете) для чего? Люди умирают. Умирают даже бессмертные. Даже боги.

У некоторых есть вера, религиозные убеждения — даже в этот чудовищно, безумно, абсолютно самодостаточный век, даже в гуще этой всемирной избыточной ясности безбожия и богоотступничества, но и эти существа, казалось ему, не меньше подвержены отчаянию, а их вера, отрицая уязвимость, сама оставалась уязвимой: еще одна вещь, которую суждено потерять и оплакивать.

Рожденные в этот мир жили, боролись и хотели жить дальше: несмотря на безнадежность и боль, они отчаянно противились смерти, до последнего цеплялись за жизнь, словно ничего драгоценнее не было, хотя она не давала, не дает и не даст им ничего, кроме безнадежности и боли.

Все, казалось, жили так, словно мир вот-вот улучшится, словно плохие времена закончатся со дня на день, но по большей части эти надежды были несбыточными. Они продолжали тянуть лямку. Иногда случались просветы в тучах, но чаще погода была мрачной, и жизнь всегда катилась в одном направлении — к смерти. И однако, все вели себя так, будто смерть — это величайшая неожиданность: бог ты мой, откуда она взялась? Да, может быть, только так и следовало к ней относиться. Может быть, в этом и состоял разумный подход: вести себя так, будто до твоего рождения

ничего не было, а после твоей смерти все снова исчезнет, — так, словно Вселенная построена на сознании отдельной личности. То была рабочая гипотеза. Полезная полуправда.

Но не означало ли это, что желание жить обусловлено некой иллюзией? Может быть, суть реальности сводилась к тому, что ничто не имеет значения, а те, кто думает иначе, просто глупцы? Имелся ли третий путь между отчаянием, отказом от логики в угоду идиотским религиозным соображениям — и неким защитным солипсизмом?

Вероятно, Валсеиру было что сказать полезного на сей счет, подумал Фассин. Но и Валсеир тоже был мертв.

Он посмотрел на Оазила и подумал, а в самом ли деле самозваный бродяга знал погибшего переходника, хозяина этого дома. Или он просто ловец удачи, хвастун, фантазер и врун?

Погруженный в эти мысли и терзаясь привычным уже отчаянием, Фассин лишь вполуха выслушивал теории старого насельника насчет развития фауны газового гиганта, его рассказы о странствиях.

Оазил рассказал, как однажды обогнул Южную тропическую полосу, где на протяжении

ста сорока тысяч километров не встретил ни одной насельнической души, как попал в руки банды Юнцов-Пиратов, чтящих изваяния, полуотступников, которые сажали общественные леса корнетучников и аммиаксвайников, и стал у них ростром, талисманом, тотемом, как много тысячелетий назад в безлюдных пустынях Южной полярной области он набрел на огромный пустой лабиринт тучетуннеля. (Что это было — работа бесследно исчезнувшей шайки туннелестроительных машин? Произведение искусства? Утраченный прототип новой разновидности города? Он этого не знал — никто никогда не слышал об этом месте, об этом сооружении.) Он затерялся на несколько тысяч лет в этом огромном дереве, гигантском легком, колоссальной корневой системе, и вышел едва живой, изголодавшийся, почти обезумевший. Он сообщил о своей находке, и на ее поиски отправились другие, но так никогда и не нашли. Большинство сочли все это выдумкой, хотя на самом деле ничего он не выдумывал. Они-то ему верят, правда?

Он снова услышал стук. Он уже некоторое время слышал его, но старался не замечать, даже не причислял его к домашним шумам, таким как урчание водопровода, дифференциальное

расширение или реакция на какой-нибудь резкий поток внутри окружающего газа. Потом стук прекратился, и он тоже отметил это лишь периферийным сознанием, хотя все еще не пускал его в свои мысли. Потом постукивание возобновилось, став чуточку громче.

Фассин находился в одной из внутренних библиотек — номер три, — где проводил время за скорочтением материалов одной из суббиблиотек, которую Валсеир давным-давно, по-видимому, выбрал для своих изысканий. С самых ранних времен, от которых сохранились чьи-нибудь записи, весь этот материал лежал невостребованным и нечитаемым — в течение тридцати тысячелетий, начиная с эры, предшествовавшей нескольким видам наблюдателей медленных, задолго до того, как в системе Юлюбиса появились люди. Фассин подозревал, что здесь была цепочка обменов: материал, добытый через вторые, третьи, бог знает какие руки, взявшийся бог знает откуда, возможно, в переводе самого автора (Фассин укрепился в этой мысли, когда погрузился в текст, желая убедиться, что содержание соответствует реферату), перевязанный ленточкой и на блюдечке поднесенный наскеронским насельникам каким-то давно вытесненным (если

не вымершим) видом наблюдателей в обмен на — предположительно — еще более древнюю информацию. Он спрашивал себя, в какой момент бóльшая часть материалов, которыми владеют насельники, станет итогом обмена и не наступил ли уже этот момент. Он не первым из наблюдателей задумывался об этом и, по причине полной непроницаемости насельнических записей, явно будет не последним.

Тома, которые он проверял, включали главным образом истории о романтических приключениях и философских размышлениях некой группы скитальцев по звездным полям, но либо их многократно переводили, либо они были творением даже не другого вида, а другого типовида. Так или иначе, Фассин находил их забавными.

Стук не собирался прекращаться.

Фассин оторвал взгляд от экрана и посмотрел на круглый фонарь, вделанный в потолок. Третья библиотека, теперь окруженная и заваленная другими сферами, прежде находилась на верхней границе дома и имела обширный алмазный лист в потолке, хотя сегодня (даже если бы дом располагался в не столь мрачной области) естественного света внутрь попадало мало.

Там виднелось что-то небольшое и бледное.

Когда Фассин поднял глаза, стук прекратился и «что-то» помахало ему. Оно было похоже на ребенка-насельника. Фассин некоторое время смотрел, как оно ему машет, а потом вернулся к экрану, к не очень правдоподобным историям скитальцев по ЗП. Стук возобновился. Он почувствовал, что пытается вздохнуть в своем маленьком газолете, прекратил прокручивать экран и, поднявшись со своего углубленного ложа, воспарил к центру потолка.

Это и в самом деле был ребенок — удлиненный, перекошенный, на взгляд человека напоминавший скорее кальмара, чем ската манту. Одет он был в какое-то тряпье и носил украшение из нескольких убогих талисманов. Фассин никогда прежде не видел детей в одежде и с украшениями. Для такого юного существа он был до странности темным — на взрослый манер. Он показывал на одну из шестиугольных панелей потолочного фонаря, где было что-то вроде защелки или замка.

Фассин некоторое время смотрел на забавного ребенка. Тот все показывал на защелку. За все время, что они провели здесь, никаких признаков комнатных детей вокруг не наблюдалось. Этот, судя по виду, вполне мог принадлежать Оазилу, но тот ни разу своих детей не демонстрировал

и не упоминал о них. Ребенок по-прежнему указывал на замок панели, потом сделал несколько телодвижений, имитируя нажатие, поворот, рывок.

Фассин открыл панель и впустил существо внутрь. Оно проскользнуло в помещение, сделало насельнический знак, эквивалентный человеческому «Ш-ш-ш!», и подплыло к нему, изгибая тело так, что получилось нечто вроде серпа; ребенок остановился приблизительно в метре от носа Фассинова стрелоида. Потом на своей сигнальной коже, которую теперь мог видеть только Фассин со своего места, он написал:

ОАЗИЛ: ЖДУ ВАС В 2 КМ ПРЯМО ВНИЗ, ВРЕМЯ: 5 ЧАСОВ, КАСАТЕЛЬНО: ВАЛСЕИРА.

Ребенок дождался ответного светового сигнала «ОК», а потом устремился назад тем же путем, что и пришел; когда все тело уже было снаружи, одно тонкое щупальце еще оставалось внутри — оно потащило за собой панель потолка и успело исчезнуть, прежде чем та захлопнулась. Затем ребенок испарился в вечерних сумерках между шарами библиотек.

Фассин проверил время. Еще не было четырех. Он вернулся к своим занятиям, но, так ничего и не найдя и ни о чем не думая, проболтался почти

до пяти часов, а потом вернулся в библиотеку номер двадцать один и снова выскользнул через потайную дверь. Он опустился на две тысячи метров, где температура и давление были выше, и увидел старого насельника Оазила с его плавучим трейлером. Оазил просигналил:

«Фассин Таак?»

«Да».

«С чем Валсеир как-то раз сравнил быстрых? Только поподробнее, пожалуйста».

«Зачем вам это?»

Некоторое время старый насельник ничего не посылал, потом ответил:

«Могли бы и догадаться, маленький. Если нет, просто сделайте то, о чем я прошу. Повеселите старого насельника».

Фассин подождал немного, потом ответил:

«С облаками. С облаками над одним из наших миров. Мы приходим и уходим, мы ничто в сравнении с ландшафтом внизу, всего лишь туман в сравнении с неумолимой скалой, бытие которой, кажется, не ограничено ничем, которая остается, когда уходят и облака дня, и облака сезона, но потом появляются новые облака — на следующий день, на следующий, и на следующий, и на следующий сезон, и на следующий год, и они будут

появляться, пока стоят сами горы, а со временем ветра и дожди источат и горы».

«Гм, — недоуменно отправил Оазил. — Горы. Странная мысль. Никогда не видел ни одной горы».

«Думаю, никогда и не увидите. Хотите, чтобы я добавил что-то еще? Но это почти все, что я помню».

«Нет, в этом нет необходимости».

«И что же дальше?»

«Валсеир жив, — сказал старый насельник. — Он шлет вам привет».

«Жив?»

«Через семнадцать дней состоится регата газовых клиперов в районе шторма В-2 Ультрафиолет-3667».

«Но это ведь в зоне военных действий?»

«Соревнования планировались задолго до начала конфликта, а потому были подтверждены обер-церемониймейстерами формальной войны. Специальное разрешение. Приезжайте туда, Фассин Таак. Он вас найдет».

Старый насельник вразвалил вперед на метр, так что шнур от его плавучего трейлера натянулся.

«Прощайте, наблюдатель Таак, — просигнали-

зировал он. — Будьте так добры, передайте от меня привет нашему общему другу».

Он повернулся и поплыл в густую горячую темноту. Через несколько минут ни один пассивный орган восприятия уже не фиксировал его. Фассин дождался, когда от Оазила не осталось вообще никаких следов, после чего медленно поднялся назад в дом.

— А, Фассин, полагаю, мне следует принести вам соболезнования, — сказал Айсул, приплывший на приемный балкон дома-пузыря с «Поафлиаса».

Нуэрн, Фассин и Хазеренс наблюдали, как корабль появился из мглистой дымки, а звук двигателей они услышали задолго до его появления.

— Ваше сочувствие отмечено, — сказал Фассин Айсулу.

Днем ранее он попросил Хазеренс связаться с «Поафлиасом» и отозвать его с охотничьей прогулки. Маленький корабль вернулся со скромными трофеями, подвешенными к рангоуту: несколько мочевых пузырей джулмикеров, которые жутковатыми надувными шариками подергивались на палках, три сохнущие на газу шкуры кореньтискал, головы пары стройных тумберлинов и — самая ценная добыча, укрепленная над носом корабля, — тело насельнического

ребенка, уже выпотрошенное и натянутое на раму, отчего оно стало похоже на слегка гротескное носовое украшение, летящее перед кораблем.

Фассин почувствовал, как скафандр полковника чуть откинулся назад, стоило ей понять, что это за прибавление к «Поафлиасу».

— В каком душевном состоянии вы находитесь, потеряв столько членов своей семьи? — спросил Айсул, остановившись перед наблюдателем. — Вы решили вернуться к своим?

— Мое душевное состояние… спокойное. Наверно, я все еще в шоке.

— В шоке?

— Поищите в словаре. Я еще не намерен возвращаться к своим. Да и возвращаться-то почти не к кому. Но здесь мы свои дела закончили. Я хочу вернуться в Мунуэйн.

Этим утром он сообщил полковнику, что обнаружил кое-что и им нужно уезжать отсюда.

— Что вы обнаружили, майор? Могу я это увидеть?

— Я скажу позднее.

— Понятно. И куда же мы направляемся?

— Назад в Мунуэйн, — солгал он.

— Мунуэйн? Ну, наш капитан будет доволен, — сказал Айсул.

Они отбыли тем же вечером. Нуэрн и Ливилидо, казалось, вздохнули с облегчением: они явно повеселели, узнав о скором отъезде гостей. Айсул принес последние военные новости — уже состоялись две крупные операции с участием дредноутов, что в одном случае привело к потере пяти дредноутов и почти сотни насельников. Силы зоны отступали не менее чем в двух объемах, и в настоящее время верх определенно брал пояс.

Фассин и Хазеренс записали благодарственные послания Джундриансу, чтобы тот прочел на досуге.

Нуэрн спросил, не хотят ли они взять какие-либо книги или другие работы.

— Нет, спасибо, — ответил Фассин.

— Я нашла этот шутливый тезаурус, — сказала полковник, поднимая маленькую алмазную пластину. — Я бы хотела его взять.

— Будем рады, — сказал ей Нуэрн. — Что-нибудь еще? Работы из базовых элементов вроде этой сгорят через несколько десятилетий, когда дом погрузится еще глубже в тепловую зону. Так что берите сколько пожелаете.

— Вы очень добры. Этого мне хватит.

— Регата газовых клиперов? — переспросил капитан Слайн. Он поскреб свою мантию. — А я

думал, вы хотите вернуться в Мунуэйн.

— У меня были основания не ставить наших хозяев в известность о том, куда мы направляемся, — сказал Фассин Слайну.

— Они вызывают у вас подозрения? — спросил Айсул.

— Просто у меня нет причин им доверять, — пояснил Фассин.

— Регата состоится вокруг шторма В-два Ультрафиолет-три тысячи шестьсот шестьдесят семь между зоной В и вторым поясом, — сказала полковник. — Начало через шестнадцать дней. Нам хватит времени, чтобы туда добраться, капитан?

Они находились в каюте Слайна, довольно обширном помещении с мигающими стенными экранами и древней мебелью. Под потолком висело старинное оружие: пистолеты, бластеры, арбалеты, — все они мерно покачивались, по мере того как «Поафлиас» неторопливо удалялся от старого дома Валсеира.

Слайн наклонился, словно готов был вот-вот перевернуться и упасть.

— Пожалуй. Что ж, тогда я меняю курс.

— Отложите немного изменение курса, — попросил Фассин; они находились всего в получасе от дома-пузыря. — А вот скорость можно дать

полную.

— Так или иначе это придется сделать, если мы хотим добраться до этого шторма вовремя, — сказал Слайн, повернувшись и начав манипулировать с голографическим кубом, плававшим над его кольцеобразным столом.

На самом большом экране, прямо перед Слайном, появилась карта нужного им объема и быстро покрылась слегка изогнутыми линиями; побежали столбики цифр. Слайн несколько мгновений вглядывался в экран, а потом сообщил:

— Двигаясь на полной скорости, мы сможем добраться туда через восемнадцать дней. Это все, что в моих силах.

Слайн ухватился за большую отполированную рукоятку, торчащую из его стола, и с явным удовольствием, хотя и не без смущения, до предела толкнул ее от себя. Двигатели зазвучали по-иному, и судно стало постепенно ускоряться.

— Мы можем связаться с Мунуэйном и нанять корабль побыстрее, — предложил Айсул. — Он пересечется с «Поафлиасом», и мы пересядем на него.

Слайн откинулся назад и уставился на старшего насельника со смесью ненависти и ужаса (немалого) на его сигнальной коже.

— Восемнадцать дней нас устраивают, капитан, — сказал Фассин Слайну. — Не думаю, что нужно спешить к самому началу соревнований.

— А как долго они продолжаются вообще? — спросила Хазеренс.

Слайн оторвал взгляд от внешне беззаботного Айсула и сказал:

— Обычно дней десять-двенадцать. Правда, эту регату могут немного сократить из-за войны. Но мы прибудем так, что сможем увидеть бóльшую ее часть.

— Отлично, — сказал Фассин. — Пожалуйста, оставайтесь на этом курсе еще полчаса. А потом поворачивайте на шторм.

Слайн успокоился:

— Считайте, это уже сделано.

Слайн воспользовался ветрорекой, недолговечной лентой более быстрого потока в огромной, широкой струе всей вращающейся зоны, и тем самым сократил время в пути. Дважды их останавливали военные корабли, но потом позволяли двигаться дальше; они проскользнули через минную сеть — темное кружево, стеной вставшее посреди неба и усеянное боеголовками.

— Это ловушка для дредноутов, нам волноваться не о чем, — успокоил их Слайн.

Они прошли сквозь сеть так, что почти с каждой стороны осталось еще метров по пятьдесят.

Винтовой корабль «Поафлиас» за шестнадцать дней добрался почти до самого дна шторма Ультрафиолет-3667, прибыв более-менее к началу регаты.

— Пристегнитесь! Тут может быть сильная качка! — прокричал Айсул, потом повторил предупреждение в виде сигнала на тот случай, если его не расслышали.

Фассин и Хазеренс вышли на палубу некоторое время назад, когда «Поафлиас» начал дергаться и рыскать больше обычного. Газ вокруг них, еще более темный, чем у дома Валсеира, хотя и не такой плотный и горячий, громко завывал в примитивном корабельном рангоуте. Ленты и вымпелы, полоскавшиеся по всему корпусу судна, сорвало, когда корабль вошел еще в одну огромную кипящую массу туч.

Человек и ирилейтка, по-прежнему находясь в относительном покое своих аппаратов, обменялись взглядами и тут же принялись застегивать на себе несуразного вида ремни. На полковнике ремни сошлись как влитые. Фассин пристегнулся довольно надежно, но вид у него был тот еще — ремни не подходили к его аппарату нездешней

формы. Слайн требовал, чтобы, выйдя на палубу, все пристегивались, когда «Поафлиас» шел полным ходом, даже несмотря на то, что Хазеренс и Фассин (в том маловероятном случае, если их вдруг сдует с палубы) вполне могли догнать корабль на собственных двигателях.

— Что такое? — прокричала Хазеренс, когда они приблизились к Айсулу, цеплявшемуся за поручни вблизи гарпунной пушки.

— Мы сейчас прорежем этот шторм! — проревел в ответ Айсул.

— А это не опасно? — вскрикнула Хазеренс.

— Очень опасно!

— А что это подразумевает?

— Пробивку стены шторма! — прокричал в ответ Айсул. — Борьбу с ободочными ветрами. Вот это должно быть зрелище!

Впереди, сквозь клочья и обрывки газа, через которые продирался корабль, виднелась громадная черная стена рвущихся, вихрящихся туч.

И в этой огромной скале сверкали, похожие на прожилки ртути, ломаные линии молний.

Они по-прежнему на максимальной скорости шли к стене, которая простиралась в обе стороны, на сколько хватало взгляда, и уходила вверх в бесконечность. Внизу была еще более взвихрен-

ная масса газа большей плотности, кипевшая, будто варево в котле. Ветер усилился, завывая в поручнях, рангоуте и антеннах, словно в огромном музыкальном инструменте. «Поафлиас» задрожал и загудел.

— Пожалуй, пора спускаться вниз, — крикнула Хазеренс.

Мочевой пузырь джулмикера сдуло с ближайших поручней (кажется, это был последний), он шарахнул Айсула по правому боку и тут же исчез в завывающих вихрях.

— Пожалуй, — согласился Айсул. — После вас.

Они спустились на бронированную штормовую палубу корабля, где под алмазным шаром, установленным по центру судна, расположился Слайн, смотревший вперед — туда, где нос «Поафлиаса», как торпеда, пущенная в горизонтальный чернильный водопад, вонзился в шторм. Корабль застонал и закрутился, их всех бросило друг на друга. Черная стена поглотила судно. «Поафлиас» дрожал и трепыхался, как насельнический ребенок на гарпунном лине.

Слайн с уханьем дергал за рукоятки, крутил штурвалы. Слайновы детки, которых прижало к задней стенке, жалобно хныкали.

— Это абсолютно необходимо? — спросил Фас-

син Айсула.

— Сомневаюсь, — сказал насельник.

Над Слайном замигала большая плоская панель, сплошь усеянная кнопками. В темноте она казалась очень яркой.

Когда на панели загорелось еще с десяток кнопок, Хазеренс указала на нее:

— Что это?

— Индикаторы повреждений! — сказал Слайн, продолжая работать рукоятками и штурвалами.

Корабль резко пошел вниз, и они все оказались под потолком, а потом рухнули на пол.

— Я так и думала, — сказала Хазеренс.

Ее резко развернуло и ударило о Фассина; она извинилась.

Свечение панели стало назойливым, и Слайн отключил индикатор повреждений.

Когда они попали в зону наивысшей турбулентности, одна из деток Слайна вцепилась в своего хозяина, и ее пришлось насильно отрывать и колотить, пока она не потеряла сознание, и тогда ее благополучно засунули в шкаф. Невозможно было понять: то ли она в страхе искала утешения, то ли нападала.

Айсула начало тошнить. Фассин никогда еще не видел, как тошнит насельника.

Покрытый мерзкой рвотной пленкой Слайн, снова прижатый к потолку, сыпал проклятиями и пытался дотянуться до пульта, а его детки хныкали там и сям; кто-то пробормотал: «Бля, мы тут все сдохнем». Позже каждый говорил: «Это не я».

«Поафлиас» вырвался из потока штормовой тучи в бескрайнее, подернутое дымкой спокойствие, после чего начал падать, как кусок железа. Слайн вдохнул немного газа, чтобы ухнуть, но ему внутрь попали остатки прежних выхлопов Айсула, а потому он просто что-то пробурчал. Кашляя, плюясь и проклиная предков Айсула вплоть до времен сразу после Большого взрыва, он выровнял корабль, вернул ему управляемость, связался с администрацией регаты и, заваливаясь на один бок (корабль потерял весь рангоут, поручни и четыре из шести двигателей), привел «Поафлиас» в Нижнюю марину, затем в док ремонтного комплекса шторма.

Если поднять взгляд вверх, в колоссальную чашу кругового шторма, в дымку и усеянное звездами небо вдали, можно было увидеть крохотные пятнышки, медленно вращавшиеся на фоне бронзового сияния.

«Спасательный флот и корабли-ретрансляторы — все на орбите», — сказала ему Хазеренс.

Они находились на крутой многоярусной трибуне, набитой насельниками. Защищенная углеродными ребрами, которые выдвинулись бы в мгновение ока, подойди какой-нибудь из соперничающих кораблей слишком близко, трибуна (прикрепленная к «Дзунде» — дирижаблеру длиной в один километр, циркулировавшему внутри штормовых границ) была относительно безопасным местом для болельщиков. Гигантские мягкие экраны могли разворачиваться по любую сторону от веера углубленных сидений для показа эпизодов прошлых гонок и повтора событий, слишком далеких, чтобы наблюдать их напрямую.

«Спасательный *флот*?» — спросил Фассин.

«Так мне его описали», — сказала Хазеренс, усаживаясь на свое место рядом с ним.

Насельники вокруг глазели на Фассина и Хазеренс, явно ошарашенные их инопланетным видом. Айсул удалился, чтобы встретить старого приятеля. Пока он оставался с ними, насельники лишь изредка поглядывали на Фассина и Хазеренс; когда же он ушел, принялись смотреть на эту парочку в упор. Фассин и Хазеренс уже привыкли к этому, а Фассин был уверен в том, что если Валсиер ищет его здесь, то найдет без

особого труда.

«И крупный флот?» — спросил Фассин.

«Точно не знаю».

В огромной центральной части шторма имелись сотни гостиничных и зрительских дирижаблеров, десятки газовых клиперов, участвующих в соревнованиях, и суда поддержки, а также десятки вспомогательных кораблей и судов прессы, не говоря уже о парадном (и нейтральном в военном смысле) дредноуте «Пюизиэль». Он был украшен множеством знамен, рядами древних сигнальных флажков и гирляндами баллоноцветов размером с насельников, чтобы не оставалось ни малейшего шанса принять его за дредноут, участвующий в соревнованиях куда как крупнее и серьезнее там, за пределами шторма.

Боковые экраны засветились, и взорам зрителей предстали фрагменты гонки, состоявшейся накануне. Тысячи насельников на трибунах улюлюкали, орали и смеялись, расшвыривали пищу, держали устные пари на баллы (потом, смотря по итогам гонок, они отказывались от ставок или утверждали, что ставили больше), обменивались оскорблениями.

«Есть новости извне?» — спросил Фассин.

«Данные нам инструкции остаются прежними.

По всей системе совершено несколько беспорядочных атак. Но не такие масштабные, как тогдашнее уничтожение Комплекса наблюдателей. Оборонительные приготовления идут полным ходом. Производители предпринимают титанические усилия. Народ, как и прежде, приносит огромные, но добровольные жертвы. Боевой дух остается высоким. Правда, неофициально люди боятся все больше и больше. Мониторы глубокого сканирования обнаружили — пока еще сомнительные — следы громадного флота, который приближается со стороны Отъединения Э-пять».

«Насколько громадного?»

«Настолько, что дела наши плохи».

«Много произошло беспорядков?»

«Нет, не очень».

Дирижаблер дал газу вдали; двигатели взревели, набирая обороты. По рядам насельников прокатился радостный крик — они поняли, что соревнования вот-вот начнутся.

«Ну что ж, майор, — отправила полковник; сила ее сигнала из-за шума и топота была низкой. — Наконец-то мы сошли с „Поафлиаса“ и остались одни. Думаю, сейчас нас вряд ли кто услышит, и мне не терпится узнать, зачем мы здесь. Если только вы, конечно, в процессе ваших изысканий

не стали фанатом гонок на газовых клиперах».

«Если верить Оазилу, то Валсеир жив».

Полковник немного помолчала, затем отправила:

«Серьезно, что ли?»

«Оазил, конечно, мог сойти с ума, мог заблуждаться, у него могло разыграться воображение, может, он просто интриган, но, судя по его словам, он знаком с Валсеиром или по меньшей мере Валсеир научил его, какие вопросы мне нужно задать, дабы убедиться, что я тот, за кого себя выдаю».

«Понятно. Значит, он не случайно появился в доме?»

«Я подозреваю, что он вел наблюдение за Комплексом. Или это делал кто-то другой — ждал, когда мы… я… появимся».

«И это он вам сказал направиться сюда?»

«Он».

«А потом?»

«Валсеир меня найдет».

Еще один всплеск радостных криков, когда «Дзунда» начала набирать скорость и присоединилась к небольшой стайке таких же болельщицких кораблей, пробивающихся сквозь газ к стартовой позиции клиперов в двух-трех кило-

метрах впереди. Эта гонка задумывалась краткой — около часа, с поворотами вокруг буйков. Затем гонки становились все дольше и все сложнее, достигая кульминации в последнем грандиозном заезде вокруг внутренней поверхности громадной штормовой стены.

«Значит, Валсеир знал, что вы ищете его или, возможно, будете искать, и принял меры для того, чтобы… Гм. Любопытно. Пока у вас не было никаких контактов?»

«Пока — нет. Но теперь вы, по крайней мере, знаете, зачем мы здесь».

«Вы будете держать меня в курсе?»

«Да. Но вы должны понять: возможно, в какие-то моменты мне придется оставлять вас — если все удачно сложится. Ваше присутствие может спугнуть Валсеира или его подельников».

Дирижаблер еще увеличил скорость, по-прежнему держа курс на внутреннюю сторону стартовой позиции. Поток газа начал сдувать незакрепленные шарики и подносы.

«Спугнуть? Вы думаете, все это так… серьезно?»

«А вы что думаете?»

«Вы говорили, что Оазил может оказаться тем-то и тем-то. Думаю, кем угодно. Но как бы

то ни было, мы теперь здесь, и если он говорил правду, то вас, несомненно, найдут. Другая же вероятность состоит в том, что мы подбирались к чему-то важному в доме Валсеира и поэтому нас оттуда попросту удалили. Что именно вам сказал Оазил?»

У Фассина сохранилась запись разговора с бродягой-насельником, глубоко под домом. Он сигнально передал эту запись Хазеренс.

Флот болельщицких кораблей облепил стартовую позицию, точно стая жирных птиц. Снова раздались восторженные крики. Газовые клиперы застыли на старте в ожидании сигнала.

«Но пока нам практически не от чего отталкиваться, майор, — сказала ему Хазеренс. — Вы должны были сообщить мне это раньше, и тогда я могла бы избрать правильный образ действий. Вероятно, я была слишком с вами снисходительна. Да, конечно, ваша потеря чрезвычайно тяжела. Но тут, боюсь, я виновата в преступной халатности».

«Я на вас не донесу, если вы не донесете на меня», — без всякого юмора отправил Фассин.

Газовые клиперы (разновидности одиночных насельнических штормоборцев, но более крупные и с многочисленным экипажем) представ-

ляли собой остроконечные угловатые аппараты с треугольными парусами и магнитным килем, всячески разукрашенные. Пятидесяти метров в длину (а также в ширину и высоту), они ощетинились сверкающими парусами, похожими на гигантские лезвия, и выглядели как грандиозные постоянные магниты, которых опустили в ящик с экзотическими клинками. На вымпелах красовались идентификационные знаки — маленькие красочные цветки на серебристых лопастях, ярко горящие под лучами далекой точки — Юлюбиса.

Идти под парусом в однородной среде было невозможно. Настоящие гонки требовали, чтобы киль (или его аналог) находился в одной среде, а паруса (или их подобия) — в другой. Вы не могли идти под парусом в однородном массивном потоке газа — вы просто плыли в нем. На кромке соприкосновения двух потоков, на границе зоны, двигающейся в одном направлении, и пояса, двигающегося в другом, вы теоретически могли идти под парусом, если бы вам удалось построить достаточно большой корабль. Насельники пытались строить корабли таких размеров, чтобы они не разваливались, но неудачно.

Штормоборцы и газовые клиперы вместо этого использовали колоссальное магнитное поле,

свойственное большинству газовых гигантов. Линии магнитной индукции были их водой, местом, где находились их стабилизирующие кили. При наличии сильнейшего магнитного поля, которое стремилось двигать их в одном направлении, и атмосферных полос, задавших вектор в направлении совершенно противоположном, возможности для движения под парусом возрастали. А если вы при этом располагали паруса в кромках гигантских штормовых систем, такой спорт становился приемлемо опасным.

«Надо надеяться, что это не было обманом с целью удалить нас из дома, — сказала полковник Фассину. — И надо надеяться, что Валсеир в самом деле найдет вас. Если он еще жив. Нам ведь ни полусловом не обмолвились, что это именно так. — Она посмотрела на него. — Разве нет?»

«Вы правы».

Почти весь болельщицкий флот миновал стартовую позицию. Газовые клиперы, все одновременно, вздрогнули, а потом (поразительно быстро для судов, лишенных привычных двигателей) метнулись к массивной стене темной вихрящейся тучи — внутренней границе грандиозного шторма; они продирались, протискивались, прорезались, проскальзывали сквозь газ, стремясь

занять наиболее выгодную позицию, используя легкие порывы ветра и обычную инерцию газовой среды для маневров в ходе движения по силовым линиям к стене шторма.

«Но тела ведь так и не нашли, верно?» — спросила Хазеренс.

«Верно, — ответил Фассин. — Если он попал в шквалистый поток, которому вполне по силам разорвать в клочья любой штормоборец, у него было не так уж много шансов. Но он мог и остаться в живых».

«Да, здесь нет воды или чего-нибудь такого. Они не могут утонуть, и тут для них не слишком жарко и не слишком холодно. Как они погибают — просто от сильного ветра?»

«Их разрывает на части — крутит, пока они не потеряют сознания, а потом начинает вращать с такой скоростью, что им не сохраниться как единому целому. Или они остаются в коме и проваливаются в глубины. Но ведь им нужно дышать, а если давление слишком низкое, то они не могут».

«Гм».

Газовые клиперы раскачивались у внутренней поверхности шторма, наполовину исчезнув из виду, поскольку их лопасти-паруса врезáлись в

поток газа. Они ускорялись могучими рывками. И даже несмотря на фору при старте, на ревущие двигатели и на свой более короткий маршрут по вогнутой поверхности, болельщицкие суда начали сдавать позиции: флот клиперов подходил к ним все ближе.

«А не мог Валсеир как-нибудь сам подстроить этот несчастный случай?» — спросила полковник.

«Отчего же нет. Он мог договориться с каким-нибудь другом, найти сообщника, чтобы тот находился поблизости и спас его. Это дало бы ему больше шансов на выживание».

«А насельники часто инсценируют собственную смерть?»

«Почти никогда».

«Я так и думала».

Группа газовых клиперов достигла середины большого зрительского флота; крики и подбадривающие возгласы на нем стали еще громче и неистовее, когда вся масса клиперов, дирижаблеров сопровождения и вспомогательных судов стала двигаться как единое целое, перед которым бушевала темная штормовая стена — вертикальное море, бурлящее и клокочущее. Навстречу кораблям поднялась бескрайняя наклонная поло-

са тени, и все они оказались под сенью шторма, а подернутая мглой точка Юлюбиса скрылась за ревущим ореолом закрученного в безумную спираль газа в сотню километров высотой и десять тысяч километров в поперечнике.

— Фассин, вы уже сделали ставки? — спросил Айсул, усаживаясь в углубление рядом с Фассином.

Комнатный ребенок в одежде официанта подплыл к ним, держа поднос, и застыл в ожидании, пока старший насельник не уселся окончательно, потом прикрепил поднос со всеми наркотическими причиндалами к сиденью и исчез.

— Нет, мне бы пришлось тогда воспользоваться вашими баллами, верно?

— Ах, ну да. И вправду пришлось бы, — согласился Айсул, который прежде об этом явно не задумывался. — Выходит, я подсознательно вам доверяю. Как необычно. — Он наклонился на одну сторону и принялся копаться в наркотиках, которые принес с собой.

— Как ваш приятель? — спросила его Хазеренс.

— О, он в радужном настроении, — сказал, не глядя на нее, Айсул. — Его отец вчера погиб в бою, и он унаследует все отцовские баллы за храбрость, или что-то в этом роде. — Он продолжал

копаться в своих снадобьях. — Готов поклясться, что у меня была мозгокрутка…

— Я рад, что он отнесся к этому с таким энтузиазмом, — сказал Фассин.

— Ага, вот оно, — сказал Айсул, доставая большую ярко-оранжевую капсулу и внимательно разглядывая ее. — Да, Фассин, кстати, я тут столкнулся с одним юнцом, который утверждает, что знаком с вами. Он дал мне вот это. — Айсул порылся в кармане своего передника и, вытащив оттуда маленькую открытку, протянул ее Фассину.

Тот взял ее одним из тонких манипуляторов своего газолета и посмотрел на фотографию — белые облака на голубом небе.

— Да, цвета они явно переврали, — прокомментировал Айсул. — Невозможно не заметить.

Фассин чувствовал, что и полковник разглядывает изображение. Она сидела, подавшись назад и не произнося ни слова.

— А это лицо, заявившее, что знает меня, ничего не пожелало добавить на словах? — спросил Фассин.

— На словах? — переспросил Айсул, продолжая изучать оранжевую таблетку. — Ах да. Он сказал, чтобы вы не потеряли эту картинку и что они будут на кормовой зрительной галерее, в ресторане,

если вы захотите их увидеть. Только вы должны прийти один. Не очень-то вежливо с его стороны. Ну да молодости простительно. Я чего-нибудь в этом роде и ждал.

— Благодарю, — сказал Фассин.

— Не стоит, — ответил Айсул, отмахиваясь от благодарности, и слопал гигантскую таблетку.

«С вашего разрешения, полковник», — отправил Фассин Хазеренс.

«Разрешаю. Осторожнее».

— Прошу меня извинить, — сказал Фассин, поднимаясь со своего углубления.

Айсул не услышал его; два вырвавшихся вперед газовых клипера вели между собой дуэль — они маневрировали, опасно сближаясь, пересекали друг другу курсы, стараясь запутать линии поля, перехватывали друг у друга ветер, чтобы отбросить соперника назад и вниз или опередить его, и Айсул, чуть не выскакивая из сиденья, орал и улюлюкал, тогда как другие зрители еще не успели погрузиться в свой наркотический мирок.

Насельник — молодой, судя по простым одеждам да и, конечно же, по внешнему виду, — перехватил Фассина в широком центральном коридоре «Дзунды» и вместе с ним направился в кормовую часть корабля. Фассин, чуть повернув-

шись к неожиданному попутчику, продолжал движение.

— Смотритель Таак? — спросил юнец.

— Да.

— Пожалуйста, следуйте за мной.

Фассин направился за молодым насельником, но не в ресторан на корме, а в частную ложу, подвешенную под дирижаблером. Там находился капитан «Дзунды», беседовавший со старым насельником, который по своему виду вполне тянул, пожалуй, на начинающего мудреца. Когда Фассин и юнец вошли в ложу, капитан повернулся, слегка поклонился Фассину и ретировался вместе с юнцом, оставив Фассина наедине с престарелым насельником внутри сферического алмазного пузыря. На нескольких экранах беззвучно демонстрировались эпизоды гонки. На плавучем подносе с одной стороны стояла большая наркурильница, из которой клубился пахучий голубовато-серый дымок, заполняя собой салон.

— Это вы, старина?

— Я — это все еще я, молодой Таак, — сказал знакомый голос.

Насельник подплыл к нему. Если это был Валсеир, то он ничуть не сморщился, но сильно

потемнел с того времени, как Фассин видел его в последний раз. Он потерял все свои живые амулеты и украшения, и теперь на нем были строго аскетические, почти монашеские желтые полуодеяния.

— Знак, что я послал, при вас?

Фассин протянул ему маленькую открытку. Насельник посмотрел на него, и его ободковая мантия покрылась рябью, обозначающей улыбку.

— Ну что, все никак не можете поверить? — Он вернул листок Фассину. — Смотрите не потеряйте. Как там Оазил? Насколько я понимаю, он нашел вас в доме и ваше появление здесь не случайно.

— Он в порядке. Немного эксцентричен, но в порядке.

Улыбка старого насельника продержалась еще немного, потом исчезла.

— А дом? Мои библиотеки?

— Они погружаются в глубины. То, что от них осталось.

— А что осталось?

— Кое-чего не хватает.

— Понимаю. Кабинет.

— А что с ним случилось?

— Тучетуннель стал слишком тяжел и пошел вниз. Пришлось мне отсоединить дом. Но сначала я забрал все из кабинета. А потом эта секция туннеля упала в глубины.

— А содержимое?

Старый насельник слегка вразвалил назад, отчего курившийся в тумане дымок немного задрожал.

— Вы все еще проверяете меня, Фассин Таак? Еще не готовы поверить в то, что я — это тот, кто, по-вашему, я и есть.

— А кто, по-моему, вы есть?

— Ваш — как я полагал — старый друг Валсеир, некогда чоал, который ныне выступает как детомудрец и надеется получить конфирмацию от старших братьев, если только когда-нибудь перестанет скрываться. Как вы думаете, я когда-нибудь перестану скрываться, наблюдатель Таак?

— Все зависит от обстоятельств.

За спиной старого насельника продолжались гонки газовых клиперов, далеко обогнавших неторопливый дирижаблер. Экраны, получающие сигнал с ракетокамер, показывали действие крупным планом. Издали, сквозь открытые алмазные окна, в ложу доносились крики зри-

телей.

— А зачем вы вообще скрываетесь?

Насельник переключился на шепотосигнализацию.

«Затем, что я бегло познакомился с тем, что обменял у вас на экспрессионистские картины. Я прочел одно примечание в конце одного тома. А это напоминает мне о том, что я должен извиниться. В мои намерения вовсе не входило всучивать вам, как это получилось, три различных перевода одного тома вместо всех трех частей одной работы. Однако я прочел это примечание и пришел к выводу, что там идет речь об информации, за которую умирают и, без всякого сомнения, убивают. Поэтому я решил исчезнуть. Я стал мертвым».

— Извините, что не сразу поверил вам, Валсеир, — сказал Фассин, пододвигаясь к Валсеиру поближе и протягивая старому насельнику два манипулятора.

— Вы подозрительны до последнего, — вздохнул Валсеир, не обращая внимания на левый манипулятор и пожимая правый протянутой правой шпиндель-рукой. — Ну вот, так здороваются ваши одноплеменники. Теперь вы удовлетворены, наблюдатель Таак?

Фассин улыбнулся:

— Полностью. Рад вас снова видеть.

«Вы, вероятно, испытываете душевную боль. Я вам сочувствую».

«Я пытаюсь не слишком себе сочувствовать. А этому помогает дело, которое требует моего участия».

Фассин уже успел рассказать Валсеиру об атаке на Третью Ярость и клан Бантрабал. А Валсеир поведал Фассину о своем житье-бытье после их последней встречи — почти все это время его жизнь определялась насельническим списком, и притом в гораздо большей мере, чем жизнь Фассина вплоть до последних событий. Бóльшую часть этого периода он скрывался, сперва инсценировав (с помощью Ксессайфа, капитана, которого Фассин видел только что мельком) свою гибель. Ксессайф был старый моряк, служивший на штормоборцах и клиперах, с коллекцией трофеев и медалей, весившей больше, чем он сам. Теперь он удалился на покой и вел более созерцательный образ жизни, довольствуясь тем, что время от времени становился у кормила дирижаблера, чтобы оставаться на сцене штормрегаты.

«А что требует вашего участия, наблюдатель

Таак?»

«Я думаю, нам нужно найти третий том. Он все еще у вас?»

«Нет. Но в этой истории важен вовсе не сам третий том».

«А что же?»

«Примечание, короткое приложение».

«А оно у вас есть?»

«Нет».

«А вы знаете, где оно?»

«Нет».

«Тогда нам всем, говоря человеческим языком, может достаться во все дырки».

«Но я знаю, в каком направлении оно исчезло».

«Это уже кое-что».

«Вы согласны, что это может быть очень важно? Что без него нам „может достаться во все дырки“?»

«Ну, нам прекрасно может достаться во все дырки и с этим приложением, но без него, если кое-кто будет думать, что эта вещица существует, они сотворят страшные вещи с любым, кто станет на их пути или не окажется для них стопроцентно полезным. Ко мне приставили ирилейтку, полковника Окулы, и она говорит, что над Наске-

роном целый флот кораблей Меркатории. Повод для их присутствия — забрать ее и меня, но подозреваю, что у них могут быть и другие цели».

«Военная интервенция?»

«В тот самый миг, когда они решат, что знают точно, где список».

«Тогда мы должны позаботиться о том, чтобы они этого не узнали. А я еще должен позаботиться о том, чтобы не дать моим соплеменникам повода считать меня самым страшным предателем за то, что вздумал передать вещь, имеющую отношение к известному предмету, инопланетным властям, даже притом, что исследования, мои собственные и многие другие, указывают: сведения, о которых идет речь, безнадежно устарели или вымышлены. Или и то и другое. Но я так или иначе должен кому-то сообщить, в каком направлении вести поиски, иначе мне придется остаться мертвым навсегда».

«Кажется, судьба уже решила: этот кто-то — я. И где же мне искать?»

«Так-так. Ну что ж. Должен вам кое-что объяснить. Когда я понял, о чем идет речь в примечании к первому тому, я, естественно, принялся искать третий том. То есть начал искать, проведя несколько дней в ужасе и бешенстве, понимая,

что не по своей вине (если только не считать виной безобидную склонность к библиофилии) потенциально привел в действие силы, которые могут многое уничтожить, начиная с моей собственной жизни в счастье и довольстве. По завершении этого эпизода я занялся поисками и наконец обнаружил названный том. До этого у меня никогда не было столь веского повода проклинать мой неспешный способ составления каталогов. Искомое имело вид отдельной папки, хранившейся среди приложений. Я сам, поместив оригинал папки в сейфовый ларец, доставил его моему другу и собрату-коллекционеру в городе Дейлте, что в Южной полярной области, и попросил его, не открывая ларца, сохранить этот материал для меня. В случае моей смерти он тоже должен был передать ларец кому-нибудь не менее надежному, кто не стал бы его открывать. Член семьи или кто-нибудь другой, заслуживающий доверия, должен был появиться в надлежащее время, имея при себе открытку с определенным изображением. Ту самую, которая теперь у вас. Предъявитель открытки и должен был получить ларец».

«А вашему другу в Дейлте известно о вашей смерти? Я ведь об этом не знал».

«Может, известно, а может, и нет. Он, как и я, собиратель древностей, но затворник. Может, кто-то из общих знакомых и сказал ему».

«Что ж, — сказал Фассин, — значит, мне надо отправляться в Дейлте. Как зовут вашего друга?»

«Чимилинит».

Не успело это имя выйти из сигнальной коробки Валсеира, как Фассин зарегистрировал нейтринный всплеск.

«А где именно в Дейлте он обитает?» — спросил он, лихорадочно оглядываясь по сторонам.

«Чимилинит имеет привычку менять расположение своего дома. Но я думаю, местным властям известно, где он находится».

«Понятно. И вы, значит, просмотрели это приложение? Что оно собой представляло?»

Частная ложа в виде алмазного пузыря была почти пуста — только Фассин, Валсеир, плавучий поднос и чаша (Фассин автоматически просканировал их, входя в помещение: они были тем, чем казались, и ничем другим), а также экраны, которые выглядели абсолютно стандартными. Кто тут может пользоваться нейтриновыми средствами связи? И откуда? И что означает этот внезапный всплеск?

«Это было похоже на алгебру».

Фассин просканировал простые одеяния Валсеира. Ни малейшего намека на высокие технологии. Самым сложным в его облачении был сам текстиль.

«Алгебра?» — переспросил Фассин.

На внутренней или наружной поверхности алмазного пузыря тоже ничего не было. Он просканировал входную трубу. Чисто.

«Это было похоже на инопланетную алгебру», — сказал ему Валсеир.

Фассин обследовал все вплоть до нижней поверхности дирижаблера непосредственно над ними, потом поискал в газовой атмосфере в пределах того же расстояния. И там ничего. Может быть, чуть дальше?

«Инопланетную?» — переспросил он, недоумевая.

Поблизости вроде бы ничего не было. Была «Дзунда», а потом на сотни метров — ничего до следующего дирижаблера, потом еще один болельщицкий корабль со вспомогательным судном за ним, а потом в атмосфере, в нескольких километрах далее, — единственный сопровождающий дредноут «Пюизиэль», легко державший скорость, с которой двигался зрительский флот, а потом уже сами газовые клиперы, начинавшие

огибать буй штормстены — первый поворотный пункт в этой короткой гонке.

«Инопланетная символика. Хотя и не совсем. Мне показалось, что я узнал некоторые символы. Похоже на разновидность Интерпретори IV: это панвидовой шрифт, так называемый „универсальный“ вид записи, разработанный два миллиарда лет назад вопулдами, давно вымершими паукообразными, хотя и с элементами древней насельнической иконографии. Я мог бы сделать зарисовки, но решил не придавать ничему из этого вещественную форму, исключая ту, которая существует в моей собственной голове, — разумеется, в схематическом виде. Вот причина, по которой я не смог продолжить эту работу».

Фассин слушал, что говорит Валсеир (и записывал в системы газолета на тот случай, если понадобится освежить в памяти услышанное), но при этом продолжал как безумный сканировать прилегающие объемы — где здесь спрятан жучок или устройство скрытого наблюдения? Сенсоры маленького газолета зафиксировали еще одну вспышку — это, несомненно, походило на нейтринное средство связи: внезапная упорядоченность в общем хаотическом потоке почти лишенных массы частиц.

Первая вспышка случилась сразу же, как только Валсеир произнес имя насельника, которому он отдал папку. Могло ли это быть обычным совпадением? Но как их могли подслушать? Они переговаривались шепотосигналами, и соответствующие лучи поступали из одного утопленного ниже поверхности приемопередатчика прямо в другой. Перехватить то, что они передавали друг другу, было невозможно, если только не сунуть зеркало или какой-нибудь датчик в лучи.

Может быть, это он сам? Может, жучок установлен в его газолете? Неужели Хазеренс подсунула ему что-то такое? Он просканировал газолет, проверил системы — ничего.

Газовые клиперы с ревом разорвали вертикальную стену шторма, и в это время находящийся над ними дирижаблер стал быстро и уверенно подниматься. «Дзунда» вышла под прямые солнечные лучи.

«Значит, это было обычное поле уравнений?» — спросил Фассин у старого насельника.

Наркотическая дымка в частной ложе неожиданно вспыхнула, распадаясь на крохотные отдельные частицы тумана, каждая из которых светилась и переливалась.

«Может быть, даже одно длинное уравнение».

Фассин в ужасе засосал немного окружающего пара в свою аналитическую установку высокого разрешения.

«Значит, алгебраические вычисления?» — спросил он.

Высокотехнологичная система в носовой части его аппарата выдала довольно странный результат — поверхностные рецепторы словно изменили свое мнение о том, что исследуют. Фассин задал прибору еще более детальный уровень электронно-микроскопического анализа.

«Возможно», — ответил Валсеир.

Снаружи недалеко от штормстены, в нескольких десятках метров от них, что-то появилось, блеснуло в наклонных лучах, задержавшись на миг-другой, приспосабливаясь к новым условиям освещения.

Результаты, выданные внутренним электронным микроскопом, на миг ошеломили Фассина. Потом он понял, с чем имеет дело его аналитическая установка. Нанотехнологии. Тонкая пленка крохотных машин, рецепторов, анализаторов, процессоров и сигнальщиков, настолько малых, что могут дрейфовать в атмосфере, настолько легких, что плавают в наркотической дымке и сами напоминают дымовые частицы. Вот, значит, как

их прослушивают. Что-то вклинилось в газовое пространство между ними: оседлало лучи их шепотосигналов и тут же их декодировало. Ничего похожего на зеркало или фотонный микрофон, болтающийся на проводе, — только это, только пылинки, которые считались запрещенными.

«Валсеир, — взволнованно спросил он, — кто принес сюда эту чашу с курениями?»

Он включил визуальное увеличение и принялся пристально разглядывать точку в открытом газе снаружи, где что-то блеснуло в солнечном свете мгновение назад. Вот оно. Фассин увеличил еще, изображение стало зернистым.

«Что-что? — переспросил Валсеир; голос его звучал недоуменно. — Она была здесь, когда я…»

Это было в сорока метрах — диаметром не больше сантиметров десяти, почти идеально замаскированное, словно диск чистого стекла, которого не видишь, если смотришь через него вдаль.

Род миниатюрного узла связи, крохотное кратерообразное блюдечко, нацеленное прямо на них. Фассин развернулся, располагаясь между крохотным аппаратом вдали и старым насельником, а потом пододвинулся прямо к Валсеиру — приемо-передающее устройство к приемо-передающему

устройству, словно влюбленная насельническая пара, обменивающаяся сигналами-поцелуями.

Валсеир попытался вразвалить назад.

«Что за?..»

«Нас подслушивают, Валсеир, — послал Фассин. — За нами наблюдают. Чаша с курениями — это нанотехника. Надо как можно скорее выбраться отсюда».

«Что? Но...»

Еще один нейтринный всплеск. Теперь, когда Фассин знал, куда смотреть, было очевидно, что их источник — закамуфлированная сфера снаружи.

«Скорее, Валсеир. Уходим».

Снова всплеск. На этот раз наверху. Высоко наверху.

Валсеир оттолкнул Фассина.

«Чаша с курениями?..»

«Скорее», — отправил Фассин, подталкивая старого насельника ко входному отверстию в вершине алмазного пузыря.

Сфера устремилась к ним. Фассин подныр-нул под Валсеира и принялся подталкивать его вверх.

«Фассин! Я сам!»

Валсеир начал подниматься собственными

усилиями, вошел во входную трубу. Маленькая сфера ударила в алмазный пузырь, посыпались осколки. Она остановилась за образовавшейся неровной дырой, по-прежнему малозаметная — так, расплывчатое пятно в атмосфере.

— Майор Таак! — прокричало оно. — Говорит генерал Линозу из Шерифской Окулы. Этот прибор контролируется наскеронским экспедиционным отрядом. Не волнуйтесь. Мы снижаемся в…

Голос оборвался — маленькую сферу пронзил вишневый луч не толще волоса. Звук, резкий и неожиданный, гулко разнесся по алмазному пузырю. Обломки маленького устройства разлетелись в стороны, ударились о дальнюю стенку частной ложи. Фассин повернулся и увидел Хазеренс, опускающуюся вдоль борта «Дзунды», ее корпус отливал серебром. Это от нее исходил лазерный луч. Маленький сферический прибор потерял свой камуфляж, и оказалось, что это машина с отполированной до зеркального блеска поверхностью и короткими крыльями. С одной стороны у нее виднелось маленькое отверстие, с другой — гораздо более крупное, откуда выходил дымок. Она перевернулась в воздухе, издала треск и упала на прозрачный пол. Фассин чувствовал, что Валсеир над ним медлит у входа в

трубу. Сквозь дыру в алмазном пузыре пробивались газовые потоки.

Полковник метнулась в их сторону.

«Вы в порядке, майор?» — просигнализировала она, остановившись вплотную у стены пузыря и борясь с газовыми потоками. Она наклонилась посмотреть на машину, которая катилась по искривленной поверхности пола.

«Черт, — послала она. — Похоже, это был один из наших».

Тут что-то ярко вспыхнуло повсюду вокруг, на мгновение ослепив Фассина. Когда свет погас, Хазеренс уже падала, крутясь в газовой атмосфере, как брошенный камень. Что-то, двигаясь быстрее газового клипера, проникло сквозь штормстену и устремилось к дирижаблеру.

Когда полковник была уже метров на двадцать ниже частной ложи, между э-костюмом Хазеренс и надвигающейся машиной возник жгучий желто-белый луч — костюм взорвался огнем и разлетелся на части. Стремительный аппарат был похож на маленький газолет или ракету — остроносый, со стабилизаторами. Сзади полыхала струя выхлопа.

Фассин посмотрел вниз, куда улетела Хазеренс. Теперь это был крошечный темный силуэт, похо-

жий на ската, — кружась, она падала, уносилась вниз в окружении курящихся обломков разбитого э-костюма. Что-то сверкнуло в ее коротком щупальце; фиолетовый луч ринулся к хвостатому снаряду, но промахнулся, пройдя в метре от него. Еще одна белая стрела из машины пронзила полковника и отправила в небытие яркой, как солнце, вспышкой.

Валсеир освободил вход в трубу, Фассин ринулся, как снаряд, пущенный из пушки, и в этот момент ударная волна разорвала пузырь алмазной ложи. Обломки ложи, оторвавшись от «Дзунды», судорожно разлетелись и последовали за останками полковника и ее скафандра к вогнутому основанию шторма и глубинам под ним.

Валсеир ждал его в широком коридоре наверху:

— Фассин! Что происходит?

— Как нам выбраться отсюда? — спросил Фассин, беря старого насельника за шпиндель-руку и ведя его к следующему вертикальному ходу.

— А это и правда нужно?

— Нас атакуют, Валсеир.

— Вы уверены?

— Да. Так как же отсюда выбраться?

— А почему нельзя вразвальнуть?

— Так мы будем довольно уязвимы. Я думал о каком-нибудь судне.

— Уверен, мы сможем взять такси. Или один из катеров дирижаблера. Я спрошу у капитана Ксессайфа.

— Нет, — сказал Фассин. — Не у капитана Ксессайфа.

— Почему?

— Кто-то поставил в ложу эту курильницу.

Они добрались до вертикального хода.

— Но… — Валсеир помедлил. — Постойте, что это за шум?

До Фассина с разных сторон доносились низкие трели.

— Может, это тревога. — Он указал на трубу над ними. — После вас. Идем.

Они прошли половину пути по вертикальной трубе к центральному коридору, когда «Дзунда» накренилась.

— Ой-ой, — сказал Валсеир.

— Не останавливайтесь.

Когда они добрались до главных трибун, вой сирен стал громче. Насельники кричали друг на друга, поднимали упавшие подносы, еду и наркотики и смотрели на некоторые из стенных экранов. Фассин тоже посмотрел туда.

— О черт, — тихо сказал он.

Экраны показывали сумбурные картины того, что происходило вокруг, и некоторые камеры отвлеклись от все еще продолжающейся гонки газовых клиперов. Одна камера, похоже, следила за тонким хвостатым снарядом — тем, что атаковал Хазеренс, — вьющимся вокруг дирижаблера.

Другие экраны показывали корабли — десятки темных кораблей, падающих с небес.

Это были приспособленные для движения в газовой среде космические аппараты Меркатории — некоторые совсем маленькие, не больше пятидесяти метров в длину, другие в три-четыре раза больше. Черные как сажа эллипсоиды с треугольными крыльями и крошечным хвостовым оперением. Они устремлялись к флоту дирижаблеров, на каждом километре два-три из них отделялись от стаи и уходили в сторону в качестве охранения. Гораздо выше (еще один неожиданный угол съемки — расплывчатое вначале изображение вдруг обрело четкость) другие хищные силуэты крутились над слоем дымки, как стервятники над падалью.

Изображение на другом экране вращалось, потом камера, подергиваясь, нацелилась на зрительский флот, сопровождающий дредно-

ут «Пюизиэль», на котором крутились башни, поднимались стволы. Вспыхнула и погасла желто-белая молния, пробившая военный корабль: тот вздрогнул, ударная волна прошла по всему корпусу. Луч почти одновременно ударил в штормстену за дредноутом, подняв темное, похожее на синяк облако пара, которое быстро растаяло. Газовые клиперы, судя по всему, исчезли.

— Сраки божьи, да что тут происходит?! — спросил Валсеир.

Они остановились, зачарованно вперившись в экраны, как и большинство зрителей на трибунах.

Пушки и башни «Пюизиэля» вращались еще несколько мгновений, а потом остановились, нацелившись вроде бы каждая куда попало.

— Только не это, — сказал Фассин.

Орудия дредноута полыхнули огнем, окутались дымом. В то же время от корабля отвалились небольшие части, полускрытые клубами дыма от залпа, а потом хвосты их тоже зажглись огнем, и ракеты, каждая по своей кривой, устремились к спускающимся кораблям. Экраны моргнули. Темные корабли, опускаясь, ярко вспыхнули. Посредине между «Пюизиэлем» и роем черных

кораблей стремительные белые линии прервались неожиданными детонациями, наполнив газовую атмосферу над зрительским флотом и по сторонам от него черными тучами дыма.

Экран качнулся, показывая, как падает какой-то крутящийся корабль, оставляя за собой дымный след. Насельники закричали. Подносы, еда, наркотики и ручные детеныши взлетели вверх, обнаженные панцирные кожи засветились радостью и яростью, воздух наполнился запахами милитаристской похоти, словно на трибунах взорвалось несколько ароматических гранат. Черный выхлопный след приблизился к подбитому кораблю, но ракета была перехвачена сверху и исчезла во вспышке света. Потом что-то еще более мелкое и стремительное мелькнуло по экрану и поразило корабль, сдетонировав внутри и разорвав его на две части, которые полетели вниз, в глубины, словно подвешенные на растягивающихся нитях дыма. Другие ракеты были уничтожены с еще большей легкостью — их поражали как медлительных насекомых.

Фассин потащил Валсеира прочь. Насельники вокруг них завывали и лаяли, глядя на экраны и делая ставки. Над трибунами гремели далекие звуки глухих ударов и затем взрывов — экраны

выдавали изображение почти одновременно с событиями, но звук поступал с задержкой.

Темные проблески виднелись повсюду. Дредноут по всей длине был испещрен огненными точками. Лучи пронзали его, уходя дальше в штормстену и вырывая из вихрей темного газа синеватые облачка. Около трети последнего залпа (бóльшая часть которого была направлена туда, где до этого находились упавшие космические корабли) прогремело на «Пюизиэле» за долю секунды до того, как первый луч ударил по нему. Огромное судно задрожало, как осенний лист на ветру, и начало падать, а его догоняли, решетя корпус, все новые и новые лучи. Последний, не слишком яркий, но широкий, пробил центральную часть, согнув судно посредине и послав его кувырком вниз. Несколько небольших двойных дисков выскочили из разбитого корабля и принялись вразваливать прочь или просто полетели вниз, оставляя за собой дымный след. Новые лучи поразили часть из них, и диски исчезли в облаках крошечных взрывов.

— Валсеир, скорее, — прошептал Фассин во внезапной тишине. — Надо убраться отсюда. Выходим наружу. — Они находились почти на уровне входной трубы, идущей под углом сорок

пять градусов; Фассин подтолкнул Валсеира к ней. — Сюда.

На самом деле он не знал, следует ли выбираться наружу. Возможно, безопаснее было остаться здесь, в дирижаблере. Но, по крайней мере, рядом с выходом у них появлялся выбор.

Валсеир не противился Фассину, который подталкивал его к наклонному выходу. Строй черных шрапнелевидных кораблей, опускаясь, закручивался расширяющейся книзу спиралью, и нижняя его часть теперь почти сравнялась с верхушкой зрительского флота. Над трибунами поднялся вой. Поток насельников, двигающихся в противоположном направлении, перекрыл Фассину и Валсеиру доступ в наклонную трубу.

Фассин по-прежнему подталкивал Валсеира и по-прежнему поглядывал на экраны. Один из темных кораблей кругами приближался к штормстене. В момент его максимального приближения из-за темной завесы вихрящегося газа стремительно вырвался газовый клипер, его паруса-лопасти взметнулись застывшим сияющим взрывом — он-то и протаранил темный военный корабль ровно посредине, врезался в него, и оба судна, кувыркаясь, полетели по небу спутанным клубком. Так и не разжав своих страшных объ-

ятий, два корабля начали падать к подножию гигантского штормового колодца и раскаленному месиву газа внизу.

По трибунам снова пронеслись радостные крики и улюлюканье.

Еще одна камера, еще один экран: часть штормстены пучится, темный газ обтекает какой-то огромный закругленный конус, проникая сквозь шторм, словно того и нет.

Из шторма возник огромный дредноут, оставляя за собой ленты газа, похожие на длинные знамена. Одобрительные возгласы, сотрясающие воздух приветствия раздались в широком тунеле трибун, где звук резонировал, как в трубке орга́на.

Новый дредноут засеребрился через мгновение, белые лучи запрыгали по его корпусу, когда он выплыл в прозрачное газовое ядро колоссальной сердцевины шторма.

— Бля! — услышал собственный голос Фассин. — Так их ждали!

Серебряный дредноут устремился на флот темных кораблей, которые, начав было смыкаться вокруг зрительского флота, теперь разворачивались и перестраивались перед лицом новой угрозы.

Дредноут рванулся вперед, яркое пламя вспыхнуло вокруг его кормы, лишенной винта, из орудий вырвалось пламя выстрелов. В его серебристой поверхности отражались небеса, шторм и темные глубины, блестящие искры прерывистых вспышек, а лучи, попав на нее, отскакивали в разных направлениях, словно яркие метательные шипы. Взорвались и упали еще два темных корабля, отчего насельники на трибунах с воодушевлением вскрикнули, а ставки взлетели еще выше.

Дредноут прорывался вперед, сотрясаясь от обрушившегося на него огня. По экрану метнулась ракета, посланная одним из кораблей Меркатории; выстрелы наперехват с дредноута прошли мимо цели, и ракета врезалась в корпус огромного корабля.

Они увидели на экране самое начало взрыва, от которого дредноут стал распадаться на части, словно срывали обертку со звезды, потом весь экран заполнился белой вспышкой и через мгновение выключился совсем. Осветительные огни на трибунах замигали и погасли, снова зажглись и опять погасли. Трель сирен, не умолкавшая все это время, но практически неслышная, прекратилась, и наступила внезапная тишина — словно

нежданная глухота. «Дзунда» вздрогнула, как раненый зверь.

Задрожало изображение на других экранах, которые вскоре почернели, по ним побежали помехи. Часть экранов — кроме них, освещения на трибунах теперь не было — все еще работала. Постепенно другой свет заполнил длинную трубу — слабое аварийное освещение сперва замигало, но понемногу загорелось в полную силу.

Послышался и стал нарастать низкий бормочущий звук — это насельники беспокоились и негодовали. Одна из камер крутанулась, показывая, как растет огромное грибовидное облако, заполнявшее пространство, где только что был дредноут. Вдали полетели вниз несколько небольших обломков — тонкие когти болезненно распухшего кулака. Темные корабли снова стали смыкаться вокруг зрительского флота, капитаны которого разделились на два лагеря: одни считали, что всем нужно держаться вместе, а другие предпочитали рассеяться и даже рискнуть и оседлать штормовые ветра, находя этот вариант более безопасным.

Паническое бегство насельников через наклонную трубу, к которой Фассин пытался подтолкнуть Валсеира, привело к тому, что эти двое были

снова оттеснены к центру. Отовсюду на трибуны стекались все новые и новые зрители.

Кто-то кричал:

— Смотрите! Смотрите!

Вдруг на одном из дальних экранов возникло изображение, и тут же его воспроизвели еще несколько. Поначалу казалось, что снова прокручивают подход первого дредноута: огромный нос пропарывает занавес вихрящейся тучи, таща на себе газовые ленты, точно длинные военные стяги. Потом появился общий план штормстены, на которой образовалась еще одна выпуклость в другом месте, потом еще, еще и еще, и наконец на экранах возник целый вертикальный лес огромных судов: они неслись изнутри шторма к громадной колонне черных кружащихся кораблей, повисшей, словно гигантский маятник, над зрительским флотом.

«Дзунда» заходила ходуном, задрожала, завизжала, как живое существо, когда ударная волна от предыдущего ядерного взрыва словно подхватила дирижаблер и сотрясла до основания. Насельники ринулись кто куда, наталкиваясь друг на друга, на стены, пол, потолок, наполняя газовую атмосферу проклятиями и мусором. Выключились еще два экрана, но оставшихся

хватало, чтобы показывать наступающий флот серебристых дредноутов, — в перекрестном огне они окрашивались лиловым. Сверкали лазеры, снаряды-перехватчики и лучи, расходясь веером, прочесывали газ и поражали вращающиеся в быстром полете ракеты. Взорвались еще два черных корабля, потом третий: они распались и начали падать по спирали, но еще два гигантских дредноута исчезли в мощных, таких, что гасли экраны, взрывах.

Еще два дредноута были внезапно поражены ярчайшим лучом, ударившим откуда-то сверху, из ясного желтого неба. Сначала луч прошел между ними, отчего оба массивных корабля вздрогнули, словно им кто-то подставил подножку. Потом луч разделился на два параллельных, каждый из этих фиолетовых стержней в одно мгновение сузился и ударил по своей цели — дредноуту, как топор по шее.

Трибуны (погруженные теперь в полутьму, освещаемые дерганными, судорожными вспышками боя, сцены которого мелькали на экранах, наполненные дикими запахами и безумным ревом насельников, не знавших, затягивать заупокойный плач или кричать «ура») достигли некой хаотической трансцендентности, когда заиграла

очень громкая, но вызывающе успокоительная музыка, — следствие сбоя в автоматической системе управления гостями, которая очнулась, перешла к шизофренической активности и попыталась распространить спокойствие среди присутствующих.

— Что, — расслышал Фассин, невзирая на столпотворение, тихие, но отчетливые слова ближайшего насельника, — это еще за херня?

(Еще один черный меркаторийский корабль, еще один серебристый дредноут, разнесенный на мелкие кусочки, и, соответственно, еще один расцветший ядерный цветок. Еще пара дредноутов сотряслась от первого прикосновения фиолетового луча, сверкнувшего с высоты.)

А на противоположном экране, направленном вниз, в широкую чашу бездвижной сердцевины шторма, из застойных газов штормового основания появился громадный темный, отливающий красным шар, который тащил за собой огромный газовый хвост и напоминал до нелепости целеустремленную шаровую молнию. Он имел несколько километров в диаметре и был исполосован бороздками наподобие миниатюрного газового гиганта, отчего Фассин на одно безумное мгновение подумал, что вот он, дворец иерхонта

Ормиллы, медленно и ровно поднимающийся сюда, чтобы поучаствовать в драке.

Мятые обломки сбитого, дымящегося корабля Меркатории, падавшие на этот призрак, словно подчеркивали громадность сферы, — казалось, они летят где-то позади поднимающегося шара, и стало ясно, что в поперечнике он достигает трех-четырех километров.

Но сбитый корабль пролетел спереди и заставил пересмотреть эту цифру до шести-восьми.

Два тонких, как нить, желто-белых луча внезапно достигли громадного шара и, похоже, вонзились в него, но без всякого результата. Сверху по шару ударил фиолетовый луч, который разошелся по поверхности, как бы пытаясь, измерив окружность, определить ее диаметр — семь или восемь километров, — а потом стал сужаться.

По гигантскому шару рассыпались черные точки.

«Дзунда» сотрясалась опять и опять, встречая своим корпусом новые ударные волны. Фассин смотрел, как поднимается громадная сфера, насельники вокруг толкали и толкали его, и он в конце концов потерял Валсеира.

Верхнюю полусферу огромного шара испещри-

ли, по видимости в беспорядке, около полусотни черных пятнышек. Одно из них появилось в центре быстро сужающегося, фокусирующегося фиолетового луча. Когда яркость луча стала невыносимой и глаз уже не видел черное пятнышко в его центре, оно словно запульсировало и стало расползаться. Потом луч исчез, и в это же время каждое пятнышко внезапно стало основанием для тонкого столбика чистого белого света. Лучи исчезли мигом, чуть ли не сразу же после своего появления, и остался только их образ, выжженный в каждом незащищенном глазу и недостаточно аттенюированных камерах.

Тишина — правда, «Дзунду» сотряс еще один бешеный удар, отчего все трибуны заскрипели и задрожали. Погасло еще несколько экранов. Громкая утешающая музыка смолкла. На двух оставшихся экранах недалеко от «Дзунды» были видны темные корабли — целая эскадрилья, целая стая: бóльшая часть корпуса каждого из них догорала, становясь добычей ветра, нетронутыми оставались только длинные иглообразные носы и хвосты со стабилизаторами, которые падали, как метеоры, волоча за собой в глубины шторма тонкий дымный след.

На ближайшем экране было видно, как камера

рыщет по небу в поисках хоть одного целого корабля Меркатории, но находит только новые и новые дымы, новые облачка пепла, уже уносимые ветром.

На другом экране показывали картинку с камеры, уставившейся в небо: какое-то желтое сияние угасало и исчезало по мере охлаждения, поначалу оставаясь неподвижным относительно местности внизу, а затем начав смещаться к востоку.

Огромная сфера по-прежнему поднималась, хотя теперь, по мере приближения к зрительскому флоту, все медленнее. Оставшиеся дюжины две отполированных, как зеркало, дредноутов снижали скорость и наконец остановились по одну сторону от искалеченных и разбросанных повсюду кораблей.

Восторженный рев по случаю полной (и неожиданной) победы быстро набирал силу в глотке каждого насельника по всей длине трибун, постепенно переходя в лязгающую, грохочущую какофонию головоломных, мыслеубойных звуков.

Потом ряд сокрушительных, циклопических ударных волн потряс «Дзунду» — так порывы ветра полощут флаг. В потоке шума — словно разразилась аплодисментами банда титанов

— утонул восторженный гомон насельников.

Все экраны потемнели. Дирижаблер накренился еще раз, а потом стал падать. Те насельники, которые еще не направились быстрехонько к выходу, немедленно сделали это. Соседи Фассина повлекли его за собой — вверх по трубе, к которой он и стремился с самого начала, потом наружу, сквозь широкую воронку выхода, на обзорную галерею, а оттуда, через сильно растрескавшуюся алмазную крышу, — в побитые и помятые наскеронские небеса.

— Хотите сказать, что ваши, мать их, сказочки о тайных кораблях и гипероружии на самом деле правда? — спросил Фассин.

— Судя по всему, — сказал Айсул, оглянувшись, — так оно и есть.

Они находились где-то внутри «Изавта» — громадного сферического корабля, который за полсекунды уничтожил почти весь флот Меркатории (включая командный пункт орбитального базирования, а также тяжелую платформу стратегической поддержки). Название «Изавт» носил Планетарный протектор (Отрицаемый), о котором ни Фассин, ни кто-либо еще, спасенный с уничтоженных и покалеченных кораблей зрительского флота, и слыхом не слыхивал. Это, как

указал Айсул, был, в общем-то, неопровержимо убедительный подвид отрицаемости.

Конечно, ходили слухи и мифы о секретном военном потенциале насельников. Говорили, что недальновидно и глупо ввязываться в драку с таким древним и широко распространенным видом, существовавшим с незапамятных времен, но (поскольку источником этих слухов, мифов и пересудов, казалось, были сами насельники), как правило, никто не воспринимал слухи всерьез. Насельники столь часто, напыжившись и надувшись, рассказывали о том, какие они замечательные и блестящие (и в то же время казались со стороны такими самовлюбленными, такими эгоистичными и безразличными по отношению к своим родственникам на других планетах, такими чужими по отношению не только к остальной цивилизованной галактике, но и к собственной бесчисленной диаспоре), что неизбежно заслужили себе репутацию тщеславных фантазеров, а все их хвастливые россказни о победоносных кораблях и могущественном оружии воспринимались в лучшем случае как фольклор, воспоминания о былом, давно утраченном величии, ныне сменившемся полным упадком.

Даже теперь, собственными глазами (или,

по крайней мере, посредством сенсоров своего маленького газолета) увидев результаты вмешательства «Изавта», Фассин не до конца поверил в то, чему был свидетелем.

— Да, довольно необычно чувствуешь себя здесь, — сказал Валсеир, оглядывая сферическое помещение, куда препроводили его, Айсула и Фассина.

Несмотря на царившую в газовой атмосфере сумятицу и толкотню спасшихся с «Дзунды» пассажиров, они довольно быстро нашли друг друга. Стреловидный аппарат Фассина, хотя по размерам был меньше окружавших его насельников, по своей форме настолько отличался от них, что Валсеир и Айсул без труда его обнаружили и тут же направились к нему.

— Почему все остальные предпочитают держаться от меня подальше? — спросил Фассин, когда Валсеир и Айсул подплыли к нему среди спокойствия, наступившего после боя.

Это и в самом деле было так: уцелевшие насельники держались от него на расстоянии в добрых пятьдесят метров.

— Они боятся, что вы можете стать целью, — сказал Айсул, проверяя свои многочисленные карманы и сумочки — не потерялось ли чего в

суете.

Вокруг них легкий ветерок разгонял множество длинных столбов дыма — анемичные стебельки, растущие из темного основания шторма далеко внизу. Огромные гантелины облаков (все, что осталось от ядерных взрывов) перекручивались и медленно разрывались на части, но их округлые оконечности, слегка вращаясь под воздействием касательных ветров, все еще поднимались в верхние слои атмосферы, отбрасывая громадные нечеткие тени на спокойные, как раньше, небеса штормового глаза. Двигаясь в сторону, парила попавшая в центр великого шторма громадная полосатая сфера, напоминающая миниатюрную планету.

По одну сторону от «Изавта» в штормстене, казалось, пытался перегруппироваться флот газовых клиперов. Только долгое, длиной чуть ли не во всю его жизнь, знакомство Фассина с беспечностью насельников — как искренней, так и напускной — не дало ему (после того как он вместе с остальными выжившими с трудом выбрался из погибающей «Дзунды») разинуть от удивления рот, когда вокруг него всерьез начали обсуждать, продолжить ли гонки газовых клиперов, начать их заново или объявить несостоявшимися, и

посыпались различные мнения относительно сделанных ставок в свете возможного принятия одного из этих предложений.

Незначительно поврежденные корабли, зрительские и другие, брали к себе на борт пребывающих в свободном парении насельников. Катера «скорой помощи» с уцелевших серебристых дредноутов и больничные корабли из ближайших портов подбирали тяжелораненых и обожженных.

Фассин и в самом деле был целью, но только не для оружия. Из гигантской сферы выплыла тройка катеров и направилась прямо к маленькой группе из Фассина и двух его друзей-насельников. Катера взяли их на борт и немедленно доставили в громадный шар, не обращая внимания на разгневанные вопли насельников, которые до этого момента старательно избегали Фассина.

Катер из свинца, управляемый веселой парой на удивление пожилых насельников (они не назвали ни своих имен, ни чинов, ни возраста, но выглядели ничуть не моложе Джундрианса), высадил их где-то в чреве гигантского сферического корабля, пройдя по темному туннелю в просторную сферу приемного пространства, где имелись приспособления для мытья и заведение, которое

Айсул, бегло оглядев, пренебрежительно назвал закусочной. Прежде чем они вышли из катера, один из неназвавшихся насельников в ответ на вопрос Фассина сообщил ему название и класс огромного корабля, в котором они оказались. Фассин предупредил насельника, что газолет имел контакт с нанотехническими машинами Меркатории и потому может быть заражен, что не удивило и не встревожило никого на борту, как того ожидал Фассин. Команда катера просканировала газолет и сообщила Фассину, что он больше не заражен.

— А где ваш маленький друг, весьма достопочтимый полковник? — спросил Айсул Фассина, демонстративно оглядываясь вокруг. — Она выпрыгнула из своего сиденья и помчалась куда-то, перед тем как началось все это веселье.

— Она погибла, — сказал ему Фассин.

— Погибла? — Айсул откатился назад. — Мне казалось, она хорошо вооружена.

— Она выстрелила в то, что оказалось… аппаратом Меркатории, — сказал Фассин. — И на одном из их первых появившихся здесь кораблей, видимо, решили, что она враг, и прикончили ее.

— Ах-ах! — В голосе Айсула прозвучала нотка сочувствия. — Так, значит, это была Меркатория,

да? Не Отъединение? Вы уверены?

— Абсолютно, — ответил Фассин.

— Черт! — раздраженно отозвался Айсул. — В таком случае, похоже, я проиграл спор. Как мне теперь быть? — Он отплыл в сторону и словно погрузился в размышления.

Фассин повернулся к Валсеиру.

— С вами все в порядке? — спросил он.

Когда они встретились в атмосфере на терпящем бедствие дирижаблере, вид у старого насельника был немного потрясенный, хотя, если не считать нескольких царапин на его панцире, полученных в давке во время бегства с погибающего корабля, повреждений он не получил.

— Я в порядке, Фассин, — сказал он. — А вы? Я слышал, вы потеряли вашего друга-полковника.

Перед мысленным взором Фассина внезапно возникла картинка — последнее впечатление от Хазеренс: темный силуэт, похожий на ската, летит кубарем (насельники вполне могли принять ее за одного из своих детенышей), Хазеренс стреляет из ручного оружия по кораблю, разбившему ее скафандр, а потом гибнет во вспышке ответного огня.

— Я уже привыкаю к тому, что каждый, кто приближается ко мне, умирает насильственной

смертью, — сказал он.

— Гм. Буду считать, что я предупрежден, — отозвался Валсеир.

— Она была моей начальницей, Валсеир, — сказал ему Фассин. — Она была моим телохранителем, но одновременно и охранником. Я был бы удивлен, узнав, что она не получила приказа убить меня при определенных обстоятельствах.

— И вы думаете, она выполнила бы этот приказ?

Фассин помедлил, внезапно раскаявшись в собственных словах, хотя по-прежнему полагал, что так оно и было. Ощущение было такое, словно он оскорбил память Хазеренс. Он отвернулся и сказал:

— Ладно, теперь мы этого никогда не узнаем, да?

Люк в центре потолка распахнулся — все посмотрели вверх. В люке появились два насельника. В одном из них Фассин узнал Сетстиина, прямодушного торговца влиянием, с которым говорил по телефону в тот вечер, когда ускользнул из дома Айсула в Хаускипе. Другой насельник на вид был очень стар, темен, мал — диаметром едва-едва пять метров — и носил строгие одежды, закрывавшие бóльшую часть тела, немногие

из сохранившихся (по всей видимости) естественных конечностей и, вероятно, несколько протезов.

— Смотритель Фассин Таак, — сказал Сетстиин, с поклоном накатываясь на него. Потом он поздоровался с Айсулом и, наконец, с Валсеиром, которому поклонился еще почтительнее. — Айсул, Валсеир, позвольте мне представить вам мудреца-переходника-чоспа Друнисина, командующего этим судном — Планетарным протектором (Отрицаемым) «Изавт».

— Рад познакомиться, — сказал темный насельник ломким, сухим голосом.

— Для нас это большая честь, — сказал Айсул, отталкивая в сторону Фассина, чтобы оказаться впереди и сделать экстравагантно низкий поклон. — Если мне позволено будет так сказать.

— Мы тоже рады, преддитя, — полусогласился Валсеир, также делая накат с поклоном, хотя и не столь глубоким, но исполненным большего достоинства.

— Рад вас видеть, Сетстиин, — сказал Фассин. — Очень приятно познакомиться с вами, — сказал он старому насельнику.

Друнисин был, безусловно, самым старым и старшим по своему положению из насельников,

с которыми доводилось встречаться Фассину. Любой насельник (конечно, сначала ему нужно было пережить опасности детства) проходил поэтапно через юность, молодость и зрелость, чтобы потом перейти к таким стадиям, как расцвет, переход и мудрость, но целью их (судьбой, если только они доживали до этих лет) было достичь этапа Детства, положения, в котором им было позволено абсолютно все, — абсолютный зенит насельнического существования. Друнисин как раз и достиг этапа, непосредственно предшествующего этой кульминации: чосп — преддитя. Не было почти никаких сомнений в том, что Друнисину перевалило за два миллиарда лет.

— Меня зовут Сетстиин, — сказал другой насельник, останавливаясь почти в центре сферического помещения вместе с мудрецом и оглядываясь на других. — Я друг присутствующего здесь наблюдателя Таака. Надеюсь, вы успели прийти в себя и/или отдохнули. Дело в том, что нам нужно поговорить.

Сошлись на том, что говорить они в состоянии. Сетстиин махнул, из кольца вокруг люка в потолке, который затем закрылся, спустились сиденья в виде шезлонгов, и присутствующие расселись.

— Смотритель Таак, — сказал древний насель-

ник, — мы должны быть уверены, что все записи только что закончившегося сражения, сохраненные в памяти занимаемого вами маленького аппарата, будут стерты.

— Понимаю, — сказал Фассин.

Он подумал об этом (Отрицаемом), просмотрел все записи сражения в центре шторма и полностью их стер. Потом просмотрел бóльшую часть того, что записал раньше, и избавился от этих записей тоже.

— Стерто, — сообщил он.

— Мы должны проверить, — сказал ему Сетстиин извиняющимся тоном.

— Пожалуйста. Насколько я понимаю, мы не должны говорить о том, что здесь случилось. Или об этом корабле.

— Можете говорить что хотите, молодой господин, — сказал ему Друнисин. — Нас заботят только документальные свидетельства.

— Все уцелевшие ненасельнические системы наблюдения вокруг Наскерона удалены, — сказал Сетстиин, обращаясь к Фассину. — Все корабли — нарушители границы, находившиеся в зоне, из которой можно было видеть происходившее, уже уничтожены. Остатки флота Меркатории преследуются и ликвидируются.

— Их травят как *собак*, наблюдатель Таак. — Друнисин, глядя прямо на него, употребил английское слово. — Загоняют. Их системы блокируются, связь глушится, их судьба предрешена — все для того, чтобы никакие прямые сведения об этом корабле и его возможностях, пусть и собранные через вторые руки, никуда не просочились. Должен добавить, что рассматривался и такой вариант, как ваша полная аннигиляция.

— Я благодарен, что для меня сделали исключение. И что, ни одному кораблю, который находился над Наскероном, не позволили спастись?

— Ни одному, — сказал древний насельник.

— Те, кто начинает войны, должны быть готовы к последствиям, — нравоучительно прогремел Айсул.

— А что потом? — спросил Фассин.

— Прошу вас, уточните.

— Это что — начало войны с Меркаторией или по крайней мере с той ее частью, что представлена Юлюбисом?

— Я так не думаю, — сказал Друнисин таким голосом, будто прежде ему эта мысль даже не приходила в голову. — Если только они не предпримут еще одну попытку вторжения. Как вы

думаете, Фассин Таак, они ее предпримут?

Фассина одолевали дурные предчувствия: поскольку насельники неисправимо пренебрежительно относились к разведке, сказанное им вполне может стать единственной информацией по насущному для насельников вопросу — только с этой информацией они будут работать, только на ее основе принимать решения.

— По-моему, нет. Я полагаю, они ужаснутся, оценив размеры сегодняшних потерь, и дважды подумают, рисковать ли еще раз своим флотом в свете грозящего им вторжения. Если же вторжение не удастся или система будет в конечном счете освобождена, то, возможно, будет предпринята попытка выяснить, что случилось, и нет сомнений — некоторые будут настаивать на возмездии в той или иной форме. Хотя, если говорить кратко, по тому немногому, что я знаю об Отъединении Эпифания-пять, нельзя исключать, что они тоже, так сказать, нарушат границы. — Он посмотрел на Друнисина и Сетстиина, которые не проронили ни слова. — Впрочем, я не сомневаюсь, вы готовы их встретить. — Снова молчание. — Я даже могу предположить, что меркаторийские власти системы Юлюбиса, узнав о случившемся здесь и поняв, что вы не рассматриваете это как

начало войны, даже могут предложить вам союз против Отъединения Эпифания-пять.

— Зачем нам это нужно? — равнодушным тоном спросил Друнисин.

День был такой долгий и трудный, что у Фассина просто не было сил начинать объяснения. С другой стороны, вопрос, заданный таким старым и опытным существом, как Друнисин, все равно, вероятно, был риторическим.

— Забудем об этом, — сказал Фассин. — Действуйте так, будто ничего не случилось. Свяжитесь с Глантином и сделайте несколько полезных предложений относительно восстановления Совместного комплекса наблюдателей.

— Мы так или иначе собирались это сделать, — сказал Сетстиин довольным голосом.

Фассин в ответ отправил сигнал улыбки. Он все еще ломал голову над тем, что такое этот громадный истребитель флотов в мгновение ока. Кто создал эту колоссальную машину? Какого рода неизвестные ранее общественные структуры и циклопические производственные мощности цивилизации насельников могли создать нечто столь устрашающее? Был ли этот корабль единственным? Имелось ли что-то подобное вне Наскерона? Скорби небесные, может быть,

их целый флот? Не означало ли это, что все насельнические заявления о секретных кораблях и гипероружии — правда? Могли ли наскеронские насельники при желании просто смести Отъединение Э-5 и спасти Юлюбис от вторжения? Или помериться силами с Меркаторией, если их разозлить? Не означает ли это, что теперь насельнический список становится реальностью, что речь не идет о чудовищной трате времени или просто о шутке? Как бы ему хотелось перед этой встречей поговорить с Сетстиином тет-а-тет, выяснить, что произошло после их недавнего разговора. Так или иначе, ему при малейшей возможности придется задать некоторые из этих вопросов.

— Таким образом, — сказал Друнисин, — мы подходим к вопросу, почему Отъединение и Юлюбисская Меркатория решили, что имеет смысл попытаться попасть на Наскерон таким вот образом и такими силами. Есть какие-нибудь мысли на этот счет? У кого-нибудь? — Древний насельник оглядел всех присутствующих.

— Я думаю, это может иметь отношение ко мне, — признался Фассин.

— К вам, Фассин Таак? — переспросил Друнисин.

— Меня послали сюда найти кое-какую информацию.

— И для ее получения вам понадобилась помощь небольшого военного флота?

— Нет. Но они могли решить, что мне угрожает опасность.

— От кого?

— Не знаю.

— Итак, речь идет об информации, которую Меркатория считает столь важной, что готова ради нее воевать. И это перед лицом возможного вторжения в ближайшие месяцы или годы? Значит, это весьма важная информация. Может быть, в наших силах помочь? О чем идет речь?

— Спасибо. Я думаю, что сам уже близок к ее обнаружению.

— Да, — сказал Валсеир. — Насчет этого самого…

— Что? — переспросил его Фассин.

— Насчет истории с папкой в сейфовом ларце и передачи ее лично Чимилиниту из Дейлте…

— Да?

— Она не совсем верна.

— Не совсем?

— Не совсем.

— А насколько она верна?

Валсеир чуть откатился назад, явно размышляя. На его сигнальной коже появился рисунок удивления.

— Вообще-то, она верна почти целиком, — сказал он.

— А та часть, что неверна? — терпеливо спросил Фассин.

— В сейфовом ларце не было никакой папки.

— Значит, у Чимилинита нет этой информации?

— Правильно.

— Понятно.

— Я все еще жду объяснений касательно точной природы этой важной, пусть и скудной, информации, — холодно сказал Друнисин, глядя на Валсеира.

«Вот черт, — подумал Фассин, — если Валсеир скажет им, о чем речь, и оно в самом деле существует, то они могут просто поубивать нас всех».

Возможно, та же самая мысль пришла в голову и Валсеиру.

— Она предположительно связана с методом передвижения быстрее света, — сказал он заслуженному командиру.

Панцирь Сетстиина ненадолго засветился весельем. Друнисин смотрел, демонстрируя

максимальное безразличие, какое только был способен напустить на себя пожилой насельник.

— Ну и?..

— Древнее приложение к еще более древней книге — которую выменял наблюдатель Таак более двух столетий назад во время «экспедиции», как это называют быстрые, — упоминает о методе передвижения со сверхсветовой скоростью без обращения к Аджутадже и Каннуле, — сказал Валсеир, используя слова, которые Фассин опознал как насельнические обозначения порталов и червоточин. Фассину хотелось думать (и он серьезно надеялся), что Валсеир говорит достаточно извиняющимся тоном, в котором присутствует и иронический юмор. — Смотрителя Таака послали сюда для попытки узнать подробности этой, гм, невероятной технологии.

— Это так? — спросил Друнисин, глядя на Фассина.

— Алгебра, — выпалил Фассин.

— Алгебра? — переспросил Друнисин.

— Эти данные явно похожи на алгебраические формулы, — сказал Фассин. — Они описывают некое преобразование. Способ искривления пространства. Способ обычный, но используемый для полетов со сверхсветовой скоростью. — Фассин

сделал жест покорности. Он позволил рисунку смущения появиться на коже своего стрелоида. — У меня не было выбора — меня откомандировали в одно из военных подразделений Меркатории и приказали выполнить это задание. Но я на сей счет исполнен такого же скептицизма, как, полагаю, и вы, и сомневаюсь, что подобная миссия может увенчаться успехом.

Друнисин выдал на своей коже самый официальный рисунок удивления:

— Нет-нет, наблюдатель Таак, насчет вашего скептицизма я сомневаюсь.

— Что происходит?

— Я собирался задать тот же самый вопрос, — сказал Сетстиин Фассину. — Мы что, будем торговаться?

— Хорошо, но я спросил первым.

— Что именно вы хотите знать?

Они все еще находились в приемном пространстве внутри гигантского шара. Друнисин уже ушел. Два зрелых санитара обрабатывали небольшие царапины, полученные Айсулом и Валсеиром во время сражения.

— Что он собой представляет? — спросил Фассин, делая движение, очерчивающее гигантский корабль. — Откуда он взялся? Кто его сделал?

Кто им управляет? И сколько таких есть на Наскероне?

— Я так полагаю, название говорит само за себя, — сказал Сетстиин. — Это машина для защиты планеты. От умышленной агрессии определенного технического типа и уровня. Это не космический корабль, если вы это имели в виду. Его действие ограничено атмосферными слоями. Он поднялся из глубин, где обычно хранятся подобные аппараты. Его сделали мы. Я имею в виду — насельники, вероятно, несколько миллиардов лет назад. Это мне нужно будет проверить. Он управляется теми, кто находится в центре управления, — насельниками с военным опытом, прошедшими специальную симуляционную подготовку по управлению такими аппаратами. Что же касается количества… Я этого не знаю. Вероятно, эта информация не предназначена для свободного пользования. Без обид, Фассин, но все же вы не один из нас. Мы должны исходить из того, что ваша лояльность на нас не распространяется.

— Построен миллиарды лет назад? И вы все еще можете?..

— Ну, это уже уточняющий вопрос, — ворчливо сказал Сетстиин. — Я думаю, теперь моя очередь.

Фассин вздохнул:

— Ну что ж, валяйте.

— Вы и в самом деле ищете данные по этой технологии превышения скорости света и искривления пространства? Но ведь вы понимаете, что ее не существует?

— Меркатория полагает, что эти данные дадут им больше шансов победить Отъединение Э-пять. Они в отчаянном положении. И готовы испробовать что угодно. А я должен исполнять полученный приказ, и не важно, что думаю обо всем этом. Конечно же, я понимаю, что независимые ТПСС не существуют.

— И если у вас будет возможность, вы по-прежнему будете исполнять приказ?

Фассин подумал об Аун Лисс, о его знакомых с орба 4409, обо всех, с кем он встречался за годы своей жизни в системе Юлюбиса.

— Да, — сказал он.

— Но почему вы подчиняетесь этому приказу? — В голосе Сетстиина слышалось искреннее недоумение. — Ваша семья и коллеги по клану почти все погибли, ваш непосредственный начальник убит в недавнем сражении, и тут нет никого, кто бы занял ее место.

— Это трудно объяснить, — сказал Фассин Сет-

стиину. — Может, это чувство долга, или больная совесть, или просто нежелание сидеть сложа руки. А вы все еще можете изготовлять эти машины для планетной защиты?

— Понятия не имею, — признался Сетстиин. — Хотя не вижу причин, почему нет. Я бы предложил вам спросить у кого-нибудь, кто знает, но даже если верным ответом будет «нет», мы все равно обязаны сказать «да», верно?

— Неужели это из-за моего звонка вам все завертелось?

— Не слишком ли много бесцеремонных вопросов вы задаете, а? Впрочем, вы правы. Хотя, подозреваю, появление десятков только что переоборудованных под газовую атмосферу военных кораблей на орбите Наскерона должно было насторожить кое-кого и без вашего своевременного предупреждения. И тем не менее мы вам благодарны. Полагаю, что выражу распространенное мнение, если скажу, что мы, вероятно, в долгу перед вами.

— И если Меркатория дознается об этом, то меня казнят как предателя, — сказал Фассин.

— Ну, если вы им этого не скажете, то и мы тоже, — совершенно серьезно заявил Сетстиин.

— Договорились. — Слова Фассина прозвучали

без всякой уверенности.

Огромный сферический аппарат «Изавт» плыл в самой сердцевине огромной тучи струящегося газа, двигаясь быстро, хотя и казалось, что он стоит на месте. Почти сразу же после доставки на борт Фассина и остальных аппарат начал погружаться в сгустившееся основание шторма, образованное медленно вихрящимся газом. Погружаясь, маневрируя и вновь слегка поднимаясь, он вошел во вторую зону погодной полосы, быстро набрал ее скорость и теперь, поздним вечером, уже почти ночью, отошел на пятьсот километров от места сражения внутри шторма, каждый час добавляя к этому расстоянию еще триста километров.

Фассин, Айсул, Валсеир и Сетстиин парили над узкой платформой, установленной на самом экваторе огромного судна, рядом с телом полковника Хазеренс. Слабый свет и совсем слабый ветерок дополняли мрачное безмолвие этой сцены. Разорванное, обожженное тело полковника было обнаружено вместе с сотнями других тел на том уровне, где обычно находят покой тела насельников. Ее тело упокоилось чуть выше, чем другие, вместе с телами детей.

Из насельнических тел, предоставленных са-

мим себе, выходил газ, они набирали плотность и в конечном счете под воздействием атмосферы полностью погружались в глубины. Однако, согласно всеобщему уважительному соглашению, тела мертвых родственников обычно либо выдерживались дома в специальной церемониальной камере, где разлагались до плотности, позволяющей им быстро погрузиться в жидкий водород глубоко внизу, либо (если время поджимало) к телу прикрепляли груз и таким образом предавали его глубинам.

У Хазеренс здесь не было семьи. На Наскероне даже не нашлось никого, кто принадлежал бы к ее виду, а потому (в качестве такого же, как и она, чужака-инопланетянина) ответственным за ее останки назначили Фассина. Он согласился, что быстро предать ее глубинам будет предпочтительнее, чем сохранять тело для последующей передачи Шерифству или семье, буде таковая обнаружится в системе Юлюбиса. Он даже не мог объяснить, почему принял такое решение, — принял, и все. Согласно традициям Правды, покойники не пользовались особым уважением, и, насколько Фассину было известно, ирилейты тоже не видели особого смысла в возвращении своих покойников из далеких краев, но, даже

если бы дела обстояли иначе, он все равно сделал бы то, что сделал. Насельники, желая избавиться от ее останков сразу же, возможно, исходили из соображений административного удобства или даже из санитарных требований. Для него в этом действе был другой смысл.

Фассин смотрел на тело — тонкая и темная инопланетянка, нечто среднее между скатом и гигантской морской звездой, — лежащее в гробу из метеоритного железа. Железо у насельников издавна было полудрагоценным металлом, а в церемониальном применении — и до сих пор. Фассин считал такие похороны для Хазеренс почетными. В слабом свете ее искалеченные темные (к тому же обожженные убившим ее лучом) останки напоминали клочки тени.

Фассин почувствовал слезы на своих настоящих глазах под оболочкой противоударного геля внутри маленького газолета, который был его собственным маленьким гробом, и понял, что какая-то глубинная, почти животная его часть оплакивает не столько погибшего полковника Окулы, сколько всех тех, кого он знал и недавно потерял — потерял, не увидев их в последний раз хотя бы мертвыми, потерял, хотя так и не мог до конца поверить, что и в самом деле утратил их,

потому что все это случилось так далеко, потому что их разделяло пространство, мешавшее ему вернуться и отдать им последний долг, потерял умом, но не сердцем, потому что даже сейчас часть его отказывалась верить, что он больше никогда не увидит всех, кого утратил.

— Признаюсь, — сказал Сетстиин, — я не знаю, что полагается говорить в таких случаях, наблюдатель Таак. А вы?

— У некоторых п-землян есть поговорка, гласящая, что мы приходим ниоткуда и уходим в никуда, в ничто, похожее на тень, которое после всего, что случилось в жизни, приносит радостное облегчение. А вот о-земляне говорят что-то о прахе и пепле.

— Как вы думаете, она возражала бы, если бы знала, что с ней обошлись как с насельником? — спросил Сетстиин.

— Нет, — сказал Фассин. — Не думаю, что возражала бы. Думаю, она почла бы это за честь.

— Вот-вот, — пробормотал Айсул.

Валсеир произвел едва заметный строгий поклон.

— Ну что же, полковник Хазеренс, — сказал Сетстиин, издав похожий на вздох звук и глядя на лежащее в гробу тело. — Вы достигли возраста

и звания полковника Меркатории, что является большим успехом для представителей вашего вида. Мы думаем, что вы жили честно, и знаем, что вы честно умерли. Вы умерли вместе со многими другими, но в конечном счете все мы умираем в одиночестве. Но вы умерли в большем одиночестве, чем другие, среди непохожих на вас, вдали от своего дома и семьи. Вы упали и были обнаружены, а теперь мы снова отправляем вас вниз, еще дальше в глубины, где вы соединитесь со всеми другими почитаемыми мертвецами на поверхности породы вокруг ядра. — Он посмотрел на Фассина. — Наблюдатель Таак, не хотите что-нибудь сказать?

Фассин попытался придумать что-нибудь и наконец сказал:

— Я считаю, в полковнике Хазеренс было много прекрасных качеств. И конечно, прежде всего — отвага. Я знал ее меньше ста дней, и она всегда была моим военным начальником, но я полюбил ее и считал своим другом. Она умерла, пытаясь защитить меня. Я всегда буду чтить ее память.

Он просигналил, что больше ничего ему в голову не приходит. Сетстиин кивнул с откатом и указал на откинутую крышку гроба.

Фассин приблизился к гробу, с помощью мани-

пулятора опустил железную крышку, задвинул защелку. Потом он немного опустился и вместе с Сетстиином ухватился за кромку подставки, на которой стоял гроб. Вдвоем они приподняли ее, и тяжелый контейнер, тихо соскользнув с края балкона, полетел в иссиня-черную гущу туч далеко внизу.

Все подплыли к краю и смотрели вниз, пока гроб не исчез из виду в темно-фиолетовой бездне.

— Мой внучатый дедушка как-то раз глубоко нырнул и столкнулся с одной из таких дур, — задумчиво сказал Айсул. — Он так и не узнал, чем его зашибло. Вмиг преставился.

Остальные посмотрели на Айсула.

Он сделал извиняющийся жест:

— А что? Так оно и было.

Валсеир нашел Фассина в галерее. Тот разглядывал темные ночные потоки газа — они тихо струились в инфракрасных лучах, обтекая «Изавт», двигавшийся в известном только ему направлении.

— Фассин.

— Валсеир. Мы уже свободны?

— Мне об этом ничего не известно. Пока.

Некоторое время они вместе смотрели на

текущую мимо них ночь. Перед этим Фассин просмотрел отчеты обеих сторон о сражении внутри шторма. У насельников были видеозаписи высокой избирательности, из которых выходило, что победу одержали дредноуты, а не «Изавт». В том немногом, что ему удалось просмотреть на каналах Меркатории, содержались лишь глухие намеки на потерю всего флота, а видеозаписей там вообще не обнаружилось. Если чего не видел, значит этого не было. Возникало впечатление, что все сразу же стали исходить из допущения о широкой отвлекающей операции. Оба противника изо всех сил преуменьшали масштаб случившегося, туманно намекали на то, что произошло страшное недоразумение и обе стороны понесли тяжелые потери; это утверждение, подумал Фассин, содержит от половины до трех четвертей правды, а потому ближе к действительности, чем можно было ожидать при сложившихся обстоятельствах.

— Так что же случилось с этой папкой? — спросил Фассин. — Если только вообще была папка.

— Папка была и есть, — ответил ему Валсеир. — Я долго держал ее при себе, но в конце концов, года двадцать два — двадцать три назад, отдал моему коллеге и доброму другу Лейсикрофу. Он

отправлялся в научную экспедицию.

— Он уже вернулся?

— Нет.

— А когда собирается?

— Если он вернется, этих данных у него уже не будет.

— А где они будут?

— Там, где он их оставил. Не знаю.

— А как мне найти вашего друга Лейсикрофа?

— Придется последовать за ним. Это будет непросто. Вам понадобится помощь.

— У меня есть Айсул. Он всегда устраивал…

— Вам понадобится гораздо больше, чем он может сделать.

Фассин посмотрел на старого насельника:

— Вы хотите сказать, что ваш друг покинул планету?

— Что-то в этом роде, — сказал Валсеир, не глядя на него, уставившись в летящие на них волны ночи.

— Тогда у кого же мне искать помощи?

— Я уже взял на себя смелость.

— Вы? С вашей стороны это очень любезно.

Валсеир помолчал некоторое время, потом сказал:

— Все это не имеет никакого отношения к лю-

безности, Фассин. — Он повернулся и уставился прямо на стрелоид. — Никто в здравом уме не пожелал бы ввязываться в такие судьбоносные дела. Если хоть малейшая доля из того, что вы ищете, существует в каком-то виде, то для нас это может изменить все. Я — насельник. Мой вид сумел обеспечить себе хорошую, долгую, пусть и эгоистичную, жизнь, распространился повсюду среди звезд. Мы не хотим перемен в том масштабе, о котором сейчас идет речь. Не думаю, что другой вид на нашем месте захотел бы этого. Некоторые из нас готовы на все, лишь бы избежать таких перемен, сохранить все как есть. Вы должны понять, Фассин: мы — не монокультура, мы вовсе не полностью однородны. Даже проведя столько лет с нами, вы едва ли способны понять, чем мы не похожи друг на друга. Внутри наших миров есть вещи, почти целиком скрытые от большинства из нас, и между различными группировками в нашем обществе имеются глубокие и существенные разногласия, точно так же как и среди быстрых.

«Группировками», — подумал Фассин.

Валсеир продолжал:

— Не все из нас столь нарочито безразличны к событиям, происходящим в галактике, как мы

обычно стараемся делать вид. Среди нас есть и такие, кто, даже не желая знать всех подробностей вашей миссии и фактически отдавая себе отчет в том, что не смогут примирить это знание с преданностью своим одноплеменникам, готовы вам помогать. Другие… другие сразу же убили бы вас, только начав догадываться о том, что вы ищете.

Старый насельник приблизился на расстояние любовного шепота и просигналил: «Можете верить этому или нет, Фассин Таак, но Друнисин принадлежит к первому лагерю, а ваш друг Сетстиин ко второму».

Фассин отодвинулся назад, чтобы посмотреть на старого насельника, который добавил:

— Истинно говорю.

Немного спустя Фассин спросил:

— И когда же я смогу последовать за вашим другом Лейсикрофом?

— Думаю, вы в любом случае узнаете об этом еще до конца ночи. И если мы оба хотя бы не начнем следовать за Лейсикрофом, то, возможно, последуем за вашим полковником Хазеренс.

Фассину показалось, что в этом есть что-то мелодраматическое.

— Истинно говорите? — спросил он, сигнализируя улыбку.

— Ох, истинно, Фассин. — Валсеир не сопроводил свои слова никаким сигналом. — Позвольте мне повторить: ничто из этого не имеет отношения к любезности.

* * *

Салуус Кегар чувствовал себя несчастным. У него были свои люди в известных сферах, свои способы добывать информацию, собственные безопасные и надежные каналы осведомления, вполне независимые от прессы и официальных агентств (если у вас всего этого нет, то вы никогда не станете крупным поставщиком вооружений), он не хуже других знал, что произошло в ходе катастрофического рейда на Наскерон, и возлагать вину на него или его фирму было бы просто несправедливо.

Начать с того, что их предали, или произошла утечка разведданных или перехват связи, или же, в самом крайнем случае, их перехитрили (и кто — насельники!). И из-за этого промаха (к которому он, Салуус, безусловно, не был причастен) они попали в засаду, стали жертвой превосходящих сил. Вдруг ниоткуда взялись дюжины дотоле неслы-бляханных супердредноутов, тогда как силы вторжения ожидали столкнуться не более чем с

горсткой (в худшем случае) дредноутов обычных, без реактивной отражающей брони, плазменных двигателей и широкополосных лазеров. Кроме того, насельники просто хорошо поработали — долгие годы (годы? да целую вечность) врали, выставляли себя безнадежными портачами, невеждами в технологиях, а на самом деле (даже если они больше ничего толком и не могли создать с нуля) все еще имели доступ к весьма серьезному оружию.

Военные — те просто обосрались. Какой бы великолепный инструмент ни смастерил умный инженер, каким бы классным ни было оружие, если пользователь его уронил, не включил или просто не знал, как им правильно пользоваться, то все труды, считай, пошли насмарку.

Они потеряли все корабли. Все до единого. И те, что участвовали в самом рейде, и те, что поддерживали их из космоса. Даже те несколько кораблей, что вообще ни в чем не участвовали (охранявшие Третью Ярость, пока работали спасательные и строительные бригады), стали объектом нападения и были уничтожены каким-то лучевым оружием, заряженным элементарными частицами, а два корабля на другой стороне луны были атакованы ракетой, способ-

ной развивать гиперскорости, и разлетелись на мелкие кусочки.

Военные, не желая признавать, что полностью провалили операцию, решили свалить вину на других. На концерн Кегара. Цитируя при этом древнее изречение: наверное, что-то не так с нашими треклятыми кораблями. Катастрофа была полнейшей, и обескураживало отсутствие точных сведений относительно того, что было не так; поэтому легче было возложить вину на инструмент, а не на исполнителя. Все корабли были переоборудованы в цехах Салууса под газовую среду, и все погибли в первом же бою, используя свои новые возможности, а потому (в соответствии с особой логикой, понятной только военным мозгам) все беды якобы коренились в процессе приспособления к газовой атмосфере.

А то, что боевой крейсер, на котором в течение всей операции размещался командный пункт, и оба тяжелых броненосца, корректировавшие огонь, были распылены на атомы с такой же легкостью, как и корабли, действовавшие в тучах планеты, хотя первые тоже могли действовать в газовой атмосфере и в это время находились в космосе, — эта мелкая подробность каким-то образом потерялась в общей катастрофе и была

удобнейшим образом забыта среди всей этой истерики.

И вот теперь они потеряли Фассина и потеряли ниточку, которая могла их вывести на пресловутый список. Хуже того, возникли серьезные проблемы с разведкой — их просто облапошили. Старый насельник Валсеир, видимо, что-то подозревал, или же его предупредили. Они знали об этом по той простой причине, что информация, которую предоставил старик (едва ли не последние данные, попавшие к высшим военным чинам в Сепекте, прежде чем все пошло коту под хвост), оказалась при последующей проверке ложной. Насельника (якобы живущего в Дейлте), о котором Валсеир говорил Фассину, не оказалось в природе. А они из-за этого потеряли около семидесяти первоклассных кораблей, потеряли просто без всякого толку (этих кораблей им будет серьезно не хватать, когда вторжение запредельцев с заморышами начнется по-настоящему). К тому же они крупно поругались с насельниками, с которыми и раньше-то ссориться не рекомендовалось, не говоря уже о нынешней ситуации, когда в загашнике у них вдруг обнаружились штуки, способные поставить на колени флот Меркатории. Как утверждали военные недоумки,

это был подлинный бриллиант чистейшей воды, творение гения, осколочное, многоступенчатое, разделяющееся, разрывное, регенеративного действия оружие недоумков.

На самом деле именно этот последний пункт в длинном списке катастрофических последствий (связанных с последующими действиями и сигналами насельников) стал вовсе не такой плохой новостью, как мог бы. Хоть что-то позитивное.

У Салууса шло заседание. Он ненавидел заседания. Они были необходимой частью жизни промышленника, вообще предпринимателя, владеющего любым бизнесом, но он тем не менее их ненавидел. Он здорово насобачился проводить заседания (частично в этом ему помог опыт батюшки), работая с людьми и информацией до, во время и после них, но, даже когда заседания были короткими, а вопросы — важными, ему казалось, что он попусту тратит время.

Но они редко были короткими, и на них редко решались важные вопросы.

А это заседание даже не было его заседанием. Не он, как это ни странно, стоял у руля. Его пригласили. Пригласили? Его *доставили* сюда. Это слово лучше отражало ситуацию.

Он предпочитал селекторные или голографиче-

ские заседания. Они обычно были короче (хотя и не всегда — если каждый на своем месте чувствовал себя по-настоящему комфортно, то все могло затянуться до бесконечности), и ими было легче управлять (главным образом, легче ставить точку). Но кривая распределения заседаний, похоже, была такова: те, кто находился в нижней части организационной пирамиды, проводили множество реальных заседаний, подразумевающих личное присутствие (нередко, как подозревал Салуус, лишь вследствие того, что их участникам просто было нечего делать, а потому у них возникало много свободного времени вместе с потребностью казаться значительными). Стоявшие на средних и верхних ступенях иерархической лестницы проводили больше голографических заседаний, потому что этим сберегали время, а лица, с которыми им нужно было общаться, стояли так же высоко, так же страдали от нехватки времени и нередко находились за тридевять земель. Но вот когда (и это было немного странно) вы забирались на самый верх, количество заседаний, требовавших личного присутствия, снова начинало возрастать.

Может быть, это показывало, какую часть своих полномочий ты смог передать другим, может, это

был способ навести страх на подчиненных среднего звена, может, это было связано с тем, что на таких заседаниях обсуждались крайне важные вопросы и тебе необходимо было видеть все особенности физической реакции участников (чего не обеспечивали голографические заседания, где невозможно было уловить, что кого-то бросило в пот, а у кого-то начался нервный тик), чтобы быть уверенным: ты имеешь дело с релевантной информацией.

Нет, конечно, хорошая голограмма могла показать и все это, но, с другой стороны, хорошая предтрансляционная корректирующая камера могла сгладить такие детали. Теоретически какой-либо участник селекторного заседания мог подпрыгивать, как от электрошока, пот с него мог катиться ручьями, но при наличии у него хороших корректирующих камер он мог выглядеть олицетворением невозмутимости.

Хотя кое-что, конечно, можно было сделать и на реальном заседании. На тринадцатилетие сына батюшка Салууса устроил для него неожиданную вечеринку, а впоследствии сделал не менее неожиданный подарок в виде месячного и не совсем безболезненного курса в косметической клинике, где ему подлечили зубы и расширили

глаза с изменением цвета (внешность Салууса была сформирована пренатально, но что за проблема — батюшка имел полное право изменить свое прежнее решение). Но самое главное, в клинике уменьшили его нервозность, повысили способность к концентрации и дали возможность управлять потовыми железами, выбросом феромонов и гальванической реакцией кожи (последние три операции были не вполне законными, но клиника принадлежала дочерней компании концерна Кегара). Все это давало хорошую фору на заседаниях, дискуссиях и просто неформальных встречах. Да и для искусства соблазнять это было неплохим дополнением, если твои бездонные карманы и владение огромными деньгами почему-либо не возымели должного эффекта.

Сейчас шло заседание Чрезвычайного военного кабинета с участием высших военных чинов, собравшихся в углубленном на два-три километра командном бункере под одним из нескольких усиленно, хоть и неявно, охраняемых особняков, разбросанных по окраинам Боркиля.

Высшие военные чины собрались, однако, без иерхонта Ормиллы. Он явно стоял слишком высоко, чтобы посещать какие-то заседания, пусть

и такие важные, как заседание Чрезвычайного военного комитета, даже когда судьба системы стала еще более сомнительной после катастрофического решения навалиться на Наскерон всей массой в тот самый миг, когда им показалось, что они получили в руки конец веревочки, которая приведет их к (пусть даже мифическому) насельническому списку.

И почему у него на заседаниях мысли всегда отклонялись, а если конкретнее — отклонялись по направлению (какое там — шли прямой дорогой!) к сексу?

Он поглядывал на женщин, тоже участвовавших в заседаниях, и обнаруживал, что ему трудно не представлять их голыми. Это случалось, даже когда женщины не были особо привлекательными, но неизменно — зачастую с довольно яркими подробностями, — если женщины были хоть немного хорошенькими. Наверное, думал он, это связано с тем, что он имеет возможность долго смотреть на них, пока они говорят, а может, и просто с внутренним желанием сбросить, к чертям, этот слабый налет цивилизации, не притворяться больше добропорядочным служащим компании и вернуться к пещерному состоянию, когда красотку брали прямо в грязи.

Первый секретарь Хьюипцлаггер произносил длинную речь. Салуус не сомневался: вид у него такой, будто он вслушивается в каждое слово первого секретаря, и его краткосрочная память не подведет, если вновь потребуется целиком сосредоточиться на происходящем, если — и когда — в поле зрения появится нечто действительно важное. Но пока, усвоив из телесного языка и общего поведения собравшихся максимум нужной ему информации, он позволил своим мыслям разбежаться.

Он скользнул взглядом по полковнику Сомджомион — единственной женщине, присутствующей на заседании. Она не была склонна к разглагольствованиям, а потому разглядеть ее подробно никак не удавалось. Не очень-то привлекательная (правда, он говорил сам себе, что теперь ценит женщин больше, чем молоденьких девочек, и видит в них больше, чем внешнюю сексуальность). Раздеть женщину в военной форме — в этой идее было что-то особенно дразнящее, но Салуус попробовал это давным-давно и даже имел видеозапись для доказательства. И тогда он стал думать о своей последней любовнице.

Салуус думал о ней прошлой ночью, этим утром, он вспоминал вечер их первой встречи,

первую ночь в постели с ней. И тут же наступила сильнейшая, чуть ли не до боли, эрекция. В косметической клинике Салуусу привили способность управлять и этим, но у него обычно вставало и опадало естественным образом, если только эрекция или ее отсутствие не грозило конфузом. Так или иначе, но он давно уже выяснил для себя, что, возможно, это способ рассчитаться с его дражайшим батюшкой, который навязал ему все эти улучшения-изменения независимо от их полезности.

Он по-прежнему ненавидел заседания.

Салуус считал, что дела его по сей день шли вовсе не плохо, с учетом всех обстоятельств. Он согласился на полную экспертизу переоснащения кораблей под газовую атмосферу, проводимую в рамках общего расследования всех просчетов, но (даже несмотря на возможный ущерб и потерю времени в самый неподходящий момент) это было не так уж страшно. Ему удалось отбиться от критики, стравив между собой представителей Навархии, гвардии и Шерифской Окулы, каждый из которых пытался снять с себя ответственность за проваленный рейд.

Этот принцип, «разделяй и властвуй», работал великолепно. В существующей системе

применять несложно. Да она, эта самая система, была просто создана для него. Он помнил, как спрашивал об этом своего отца во времена домашнего обучения. Зачем столько разных учреждений? Зачем Меркатории такая избыточность (он только что выучил это слово и любил везде его вставлять) военных, специальных и других служб? Стоит только посмотреть на военный флот: у гвардии — собственные корабли, у Вооруженных сил Навархии — собственные корабли, у Сил окружения — собственные корабли, у Объединенного флота — собственные корабли; а кроме них были Корпус инженеров, Пропилея, Омнократия, люстралии Цессории, Шерифство, Шерифская Окула и даже Администратура. У всех были собственные гражданские корабли и даже по нескольку боевых — для эскортирования важных персон. Зачем так много? Зачем распылять силы? То же самое с безопасностью. У каждого, похоже, была своя служба безопасности. Ну разве это не разбазаривание ресурсов?

— Безусловно, — сказал тогда отец. — Но и в разбазаривании скрыты свои возможности. И потом, некоторые называют это разбазариванием, а другие — изобилием. Ты что, и в самом деле хочешь узнать всю подоплеку?

Конечно, он хотел.

— Разделяй и властвуй. Даже среди своих. Конкуренция. Опять же среди своих. И даже прежде всего среди своих. Пусть они вечно будут готовы вцепиться друг другу в глотку, пусть все время наблюдают друг за другом, пусть каждый постоянно думает, что там замыслили остальные. Пусть они соперничают за твое внимание и одобрение. Да, с одной стороны, это расточительность, но с другой — это разумно. Вот так Кульмина держит всех под сапогом, парень. Вот так они правят нами. И кажется, это работает, а? Гм?

Тогда Салуус не был в этом уверен. Такая расточительность выводила его из себя. Теперь он был старше и мудрее и понимал, что гораздо важнее, как все работает на деле, а не в теории (конечно, в представлении общества дело обстояло как раз наоборот).

Но теперь они столкнулись со смертельной и неминуемой опасностью. Правильно ли было по-прежнему поощрять разобщенность и враждебность между людьми и организациями, которым сейчас нужно собраться в кулак, если они хотят отразить нависшую над ними угрозу?

Хотя ну его в жопу. Конкуренция будет всегда. Специальным службам положено защищать

территорию, сражаться с противником и побеждать. Конечно, они должны конкурировать друг с другом.

И если этот, как полагают, охрененно громадный и бесконечно могущественный флот Меркатории сейчас не на подлете к ним, разве кое-кто на Юлюбисе (и не исключено, что довольно многие) не предпочтет вообще отказаться от сопротивления запредельцам с заморышами? Разве не подумывают они о договоренности с силами вторжения вместо отпора им?

Хотя на обычных людей изливался поток пропаганды, тайные опросы и секретные отчеты полиции показывали, что многие считают, будто под запредельцами с заморышами им будет ничуть не хуже, чем под нынешними. Даже некоторые из власть имущих считали так же, особенно если им предлагали пожертвовать собственностью и богатством, а то и рисковать жизнью за дело с очень сомнительным исходом.

Если бы не приближение флота Меркатории, не исключено, что и некоторые из присутствующих за этим впечатляюще большим круглым столом в этом впечатляюще большом, прохладном, искусно освещенном зале совещаний, напоминающем зал для заседаний совета директоров, склони-

лись бы к поискам компромисса с агрессором, чтобы не сопротивляться до последнего корабля и солдата.

По мнению Салууса, следовало исходить из того, что флот и в самом деле на подлете. Существовали и другие возможности, и он все их обдумал (и обговорил со своими советниками и экспертами), но, окончательно взвесив, должен был их отвергнуть. Существовал насельнический список или нет, все действовали так, точно он есть, и только это имеет значение. Немного похоже на деньги: все основано на убежденности, на доверии. Важно то, во что люди верят, а не реальное положение дел.

Черт с ним. Прослушав последние разведсводки и рассмотрев вопрос о его потрясающей некомпетентности, вследствие которой переоснащенные корабли оказались уязвимыми для наскеронского гипероружия, заседание наконец-то подошло к чему-то стоящему.

Назад к мрачной реальности.

— Главное, — сказал им адмирал флота Бримиэйс (этот полководец из квейапов был просто помешан на «главное» и «в конечном счете»), — в том, что насельники, судя по всему, не желают продолжения военных действий.

После первоначального яростного отпора — пленных не брали — и беспощадного преследования тех, кому удалось улизнуть, насельники внезапно вернулись к своей обычной тактике — вовсю напирали на собственную некомпетентность: мол, произошла страшная ошибка и не могут ли они помочь в восстановлении Третьей Ярости?

— А вот хер им в жопу, — сказал генерал стражи Товин. — Если им позволить, у нас вообще не останется ни одного шанса. Нам придется противостоять не только запредельцам с заморышами, но еще и насельникам! Хер им! Ни одного шанса! Ни малейшего!

Товин был невысокий плотный человек, темный, могучий на вид. Голос его звучал грубовато, в полном соответствии с наружностью.

— Я бы сказала, что минимальный шанс все же есть, — сказала полковник Шерифства Сомджомион с неубедительной улыбкой.

— У нас есть все шансы, мадам! — прогремел адмирал Бримиэйс, шарахнув по столу своей трубчатой ручонкой. Его тело в великолепной форме со сверкающими наградами, похожее на аккуратную модель дирижабля размером с небольшого бегемота, всплыло в воздух. — Нам

только пораженческих разговоров не хватало, да еще здесь!

— У нас стало на семьдесят кораблей меньше, — спокойным голосом напомнила ему полковник Шерифства.

— Но у нас осталась воля к победе, — сказал Бримиэйс. — А это важно. И у нас есть масса кораблей. И строятся новые.

Он посмотрел на Салууса, который кивнул, стараясь скрыть презрение.

— Если только они способны действовать, — пробормотал владетельный администратор Вориель.

У этого представителя Цессории, казалось, был зуб лично на Салууса, правда тот не ведал почему.

— Ну, с этим вопросом мы уже разобрались, — быстро проговорил первый секретарь Хьюипц-лаггер, скользнув взглядом по Салуусу. — Если есть проблемы со строительством кораблей, я не сомневаюсь, экспертиза их выявит. Теперь давайте сосредоточимся на том, что еще нужно сделать.

Салуусу становилось все скучнее. Ну что ж, почему не сейчас?

— Посольство, — сказал он, оглядев присут-

ствующих. — Вот что я хотел бы предложить. Посольство к наскеронским насельникам, чтобы закрепить достигнутый мир и не допустить больше никаких «недоразумений» между нами, попытаться вовлечь их в оборону системы Юлюбиса и, если возможно, позаимствовать у них — лучше легально — некоторые из их крайне впечатляющих видов оружия, которыми они, судя по всему, владеют. Добыть само оружие или подробные сведения о нем.

— Так-так, — покачал головой Хьюипцлаггер.

— Ох-ох, я смотрю, наш друг — большой дипломат, — поделился своими наблюдениями Вориель, изобразив полуиздевку-полуулыбку.

— А для защиты посольства, вне всяких сомнений, понадобятся новые, предположительно приспособленные к газовой атмосфере корабли! — возразил Бримиэйс.

— Разве у нас уже нет посольства? — спросил Товин.

Полковник Сомджомион посмотрела на него, прищурив глаза.

Нет, заседание все же длилось не целую вечность. Наконец оно завершилось. Вечером Салуус встретился со своей новой любовницей в доме на водяном столбе на Мурле, где впервые увидел ее

по-настоящему в истинном свете дня и решил, что да, она может его заинтересовать. Это произошло за завтраком в присутствии его жены (и ее новой подружки-любовницы), Фасса и близняшек Сегретт на следующий день после их похода в «Наркатерию» в Бугитауне.

* * *

Летайкрыло «Шоймерит» двигался высоко среди прозрачного газа, между двумя высокими облачными слоями, направляясь в толстую, бесконечную газовую струю, словно пытался не отстать от звезд — крохотных, суровых и далеких, мелькавших время от времени сквозь желтую дымку и тонкие проворные облака янтарного цвета, постоянно бегущие впереди.

Гигантский аппарат напоминал тонкое саблевидное крыло с гондолами двигателей, расположенными волнообразно. В ширину он имел десять километров, в длину — всего тридцать метров и двадцать в высоту: эта тонкая нить вечно перемещалась, как подвижный погодный фронт, мелькающий время от времени сквозь громаду туч внизу. С аппарата свешивались насельники, сотни насельников, и к каждому, как к заправляемому в полете дирижаблю, от

задней стороны крыла тянулся шланг; насельник пребывал в свободном от вихрей газовом мешке, внутри простых алмазных капсул, открытых сзади и, на человеческий взгляд, напоминающих две сложенные чашечками ладони.

Погруженные в длительный наркотический транс, переведенные в замедленный временной режим, отчего скорость полета казалась им в двенадцать или шестьдесят раз выше, чем была на самом деле (огромные континенты облаков пеной проносились внизу, поток звезд бешено накатывал сверху, клочковатые берега пролетали мимо, как тряпье, подхваченное ураганом), свисающие насельники наблюдали за мельтешением дней и ночей, будто глядели в огромный стробоскоп и чувствовали, как планета поворачивается под ними, словно разматывая их жизни.

Фассин Таак выбрался из ракетного клипера и, подбирая нужную скорость, осторожно подлетел вплотную к кораблю, потом очень медленно прикрепил свой газолет снизу к алмазному вместилищу с младомудрецом Зоссо внутри — худым, темным, довольно потрепанного вида насельником в возрасте около двух миллионов лет.

Фассин перешел в режим медленного времени. Крыло, тучи, звезды — все, казалось, увеличило

свою скорость, помчалось, как при быстром прокручивании. Рев двигателей и вой газовых струй усилились и стали выше по тональности, превратившись в высокий, пронзительный далекий плач, а потом их стало вообще не слышно.

Насельник над ним, казалось, подергивается и подрагивает в своей маленькой перевязи; он дождался, когда Фассин синхронизируется с ним, и послал:

«Кем бы вы могли быть, персона?»

«Я — человеческое существо, сэр. Наблюдатель при наскеронском дворе, нахожусь в газолете, своего рода скафандре. Меня зовут Фассин Таак, я из клана Бантрабал».

«А меня зовут Зоссо, и я ниоткуда конкретно. Отсюда. Хороший здесь вид, правда?»

«Хороший».

«Однако, я полагаю, вы здесь не для этого».

«Вы правы. Не для этого».

«Вы хотите меня о чем-то спросить?»

«Мне сказали, что мне нужно попасть в одно место, о котором я никогда не слышал, и там я встречу насельника, который мне нужен. Мне сказали, что вы можете посодействовать».

«Конечно могу, если только захочу. То есть я хочу сказать, если еще кто-то обращает внима-

ние на то, что говорит старая глупая вешалка для крыльев. Кто может сказать? Не уверен, что я сам, будь я молодым уракапитаном, стал бы слушать личность такую ветхую и старомодную, как я. Да я бы, наверно, сказал что-нибудь вроде: „Что, слушать этого старого болвана?..“ О, прошу прощения, молодой человек. Кажется, я отвлекся. Так куда бы вы хотели попасть?»

«В место, которое, судя по всему, иногда называют Хострум».

На следующее после сражения в шторме утро сам Друнисин в одиночестве явился в помещение, которое Фассин делил с двумя насельниками.

— Мы продержали вас достаточно долго. Вы свободны. На следующие двадцать дней в вашем распоряжении ракетный клипер. Прощайте.

— Вот вам, пожалуйста, пример немногословного насельника, — заметил Айсул.

«Хострум? — переспросил Зоссо. — Нет, я тоже о нем никогда не слышал».

Он послал ответный сигнал, и в это время их обволокла ночь.

«Это в Аополейине или рядом, — послал Фассин. Он, видимо, обращался к старому насельнику в тот момент, когда тот ненадолго утратил способность к общению. — Что-то связанное с

Аополейином».

Все это делалось по совету Валсеира. Фассину в своей базе данных нигде не удалось найти упоминания о месте под названием Аополейин. Он уже начал думать, что при сканировании памяти, которому его подвергли, прежде чем отпустить с «Изавта», повредились системы хранения информации его газолета.

«А, — послал Зоссо, — Аополейин. Да, слышал. Гм, что ж, в таком случае я бы на вашем месте поговорил с Кверсером и Джанатом. Да, именно они вам нужны, я бы сказал. Скажите им, что я вас послал. Да, и попросите, чтобы они вернули мне мой мантийный шарф. Может, что-то из этого и получится. Но никаких гарантий. Помните».

«Кверсер и Джанат. Вернуть ваш мантийный шарф».

Старый насельник, чуть дернувшись, откатился немного назад и посмотрел вниз на Фассина.

«Должен вам сообщить, что это был великолепный мантийный шарф».

Он вернулся на прежнее место и снова уставился в бесконечный поток облаков и звезд, дней и ночей.

«Он бы мне здесь пригодился. Тут ветрено».

5
Условия пропуска

— Куда?

— *Куда вам надо?*

— Хострум, неподалеку от Аополейина, — сказал Фассин.

— *Мы знаем, где Хострум.*

— Мы не глупые.

— *Это я не глупый. А Джанат — кто его знает.*

— Я, общаясь с тобой, полностью получил мой креат-минимум бестолковости.

— *Прошу простить моего напарника. Мы спрашивали у вас подтверждение, потому что были потрясены вашей невыразимой непохожестью на что бы то ни было. Итак, вам нужен Хострум?*

— Да, — сказал Фассин.

— *И послал вас Зоссо.*

— Все еще переживает из-за своего дурацкого шарфа.

— *Ну, по крайней мере, это неплохой пароль.*

— Хострум.

— *Хострум.*

— Нет проблем.

— С «как» тут нет никаких трудностей, вопрос «зачем».

— С «как» все просто.

— С «как» все просто. Проблема определенно в «зачем».

— Типа «зачем дергаться».

— Типа «зачем нам это вообще».

— Так зачем?

— Риторический вопрос.

— Это должно быть общее решение.

— Абсолютно.

— Зоссо просит.

— Да, Зоссо.

— Так мы поможем?

— Мы могли бы отдать ему его мантийный шарф.

— А был там вообще какой-то шарф?

— Настоящий шарф?

— Да.

— Ну, раз уж ты спрашиваешь.

— Какая разница.

— Вообще не об этом речь.

— Кто бы говорил.

— Зоссо. Просьба о путешествии. Этот господин человеческого рода в своем э-костюме-газолете.

— Гм-гм, — сказал Айсул.

— *И его друг.*

— Не забудем про его друга.

— И наставника, — заметил Айсул.

— *Да, и это тоже.*

— Так мы да или нет?

— *Вот в чем вопрос.*

— Так мы да-да или мы нет-нет?

— *Да. Нет. Выбери одно из вышеназванных.*

— Вполне.

— *Именно.*

— Не извольте торопиться, — пробормотал Айсул.

Они находились в вертобаре в Эпонии, шаровидном клейкогороде в пустыне близ Северного полярного круга, где хаотично бурлили холодные газовые массы. Предоставленный им реактивный клипер в меру сил изобразил из себя суборбитальный корабль — как пущенный по воде плоский камень, произвел серию заатмосферных прыжков, потом замедлился, начал опускаться и причалил к хрупкой облакообразной структуре огромного города, занимающего сотни кубических километров холодного застоявшегося газа всего в пятнадцати тысячах километров от Северного полюса планеты-гиганта. Они нашли

Кверсера-и-Джаната в вертобаре «Жидкая бездна». Валсеир отказался, а Айсул и Фассин залезли в спаскокон, получили достаточное ускорение, после чего — не без головокружения — присоединились к двум уракапитанам в их кабинке.

Фассин никогда прежде не встречался с уракапитанами. Он слышал о них и знал, что они почти всегда находятся в экваториальной полосе, но они были неуловимы, даже застенчивы. В прошлом он много раз пытался встретиться с каким-нибудь уракапитаном, но каждый раз неизменно что-то мешало, часто — в последний момент.

Вертобар крутился как сумасшедший, дергался, петлял, вращался на крайне высоких скоростях, отчего казалось, будто город за каплевидными алмазными стенами вращается с явным намерением сбить с толку посетителей бара, смотрящих наружу. Эффект был сильным и преднамеренным. У насельников был превосходный вестибулярный аппарат, и нужно было сильно постараться, чтобы у них закружилась голова. Развлечься по-аборигенски означало покрутиться как следует, поскольку это в конечном счете вело к глубокому, головокружительному отключению от реальности окружающего мира. А если

при этом принимать наркотики, то удовольствие еще усиливалось. Однако Фассину показалось, что, пока они петляли, направляясь через почти пустой вертобар к кабинке уракапитана, Айсул несколько посерел.

— Вы в порядке?

— В полном.

— Вспоминаете путешествие сквозь стену шторма на «Поафлиасе»?

— Вовсе не… Ну, немного. Гм. Может быть.

Кверсер-и-Джанат, уракапитаны, были одним целым. Они выглядели как один большой насельник более или менее зрелого возраста, но были двумя разными личностями — по одному в каждом диске. Фассин уже слышал о насельнических истиннодвойнях, но пока ни разу не встречал. Обычно мозг у насельника размещался чуть в стороне от центрального хребта, в центральной, самой толстой части диска — обычно левого. Насельники с правосторонним мозгом составляли около пятнадцати процентов от всего населения, хотя от планеты к планете эта цифра менялась. Очень, очень редко в одном существе развивались два мозга, и тогда в результате получалось что-то вроде Кверсера-и-Джаната. Двойню прикрывали сверкающие одеяния с лоскутами — где

прозрачными, где сетчатыми — на ступичных органах восприятия, а часть одежды над наружной сенсорной бахромой была тоже прозрачной, но затененной.

— Не очень-то много вы там увидите.

— *Если мы еще возьмем вас.*

— Да, если только мы решим вообще взять вас, что ни в коем.

— *Случае не гарантируется.*

— Ничуть не гарантируется. Решение еще не принято.

— *Еще обдумывается.*

— Абсолютно. Но.

— *В любом случае.*

— Вы почти ничего не сможете увидеть.

— *Да, это мало похоже на экскурсию.*

— Или на круиз.

— *Ни на то, ни на другое.*

— И вам придется все выключить.

— *Все, кроме биосистем.*

— По меньшей мере.

— *Но не забывайте про «если».*

— Большое «если».

— *Если мы вас возьмем.*

— Кажется, мы поняли, о чем речь, — сказал Фассин.

— Хорошо.

— *Блестяще.*

— И когда мы можем ожидать решения? — спросил Айсул.

Он направил свой правый бахромосенсор внутрь, отчего видел только одним. То же самое, как если бы пьяный человек закрыл один глаз.

— Принял. Я его принял. А ты?

— *Да, принял.*

— Это «да»?

— *Это «да».*

— Так вы нас берете? — спросил Фассин.

— Вы что — глухой? Да.

— *Определенно.*

— Спасибо, — сказал Фассин.

— И когда же мы отправляемся? — раздраженно спросил Айсул.

— Ах!

— *Ха!*

— Подождите.

— *И увидите.*

Корабль был нешуточный, длиной триста метров, и напоминал отполированный черный колос, обвешанный, словно толстыми семенами, гондолами двигателей. Он находился в самых глубинах клейкогорода, в общественном ангаре

— полусферическом пространстве километровой ширины; снаружи его очерчивали грани смежных шестиугольников меньшего размера.

Валсеир попрощался с ними в ангаре. Путешествие, по словам двух уракапитанов, должно было начаться набором стартовых фрактально-спиральных маневров с высоким ускорением и сильным крутящим моментом: испытание не для слабых духом. Старый насельник, сославшись на свой почтенный возраст, от него отказался.

— Ну вот, еще покрутимся, — вздохнул Айсул, услышав, что их ждет.

— Мой поклон Лейсикрофу, — сказал Валсеир Фассину. — Надеюсь, вы еще не потеряли открытку.

Фассин вытащил из маленького ящичка в борту газолета листик с изображением неба и облаков и показал старому насельнику.

— Передам ему привет.

— Да, пожалуйста. Желаю удачи.

— И вам того же. Как найти вас, когда я вернусь?

— Я об этом позабочусь. Если не объявлюсь, поищите там, где мы встретили Зоссо. Или, может, на штормпарус-регате.

— Хорошо, — сказал Айсул. — Только в следую-

щий раз не приводите друзей.

Черный колосовидный корабль назывался «Велпин». Он вырвался из громадного облака города, как игла из водопада замерзшей пены, исчез в студеном водовороте газов, ведущих вечный хоровод вокруг далекого полюса планеты, и начал свой необычный полет, закручивая спирали, вертясь, делая петли, поднимаясь, падая и снова поднимаясь.

Запертые в центральном отсеке — пассажирская каюта и трюм одновременно — и удерживаемые на растяжках Фассин и Айсул чувствовали, как корабль движется по спирали внутри спирали внутри спирали, совершая движения штопора, ввинчиваемого в нисходящие завитки большего размера, которые сами являются частью обширного набора еще более быстрых и мелких петель.

— Хер знает что, — прокомментировал Айсул.

На дальней стене находился испорченный экран, по которому бежали помехи. Он гудел и время от времени вспыхивал изображениями рваных полосатых туч, несущихся мимо в исковерканных завитках света и тьмы. Фассин мог видеть и слышать, хотя и зрение, и слух у него притупились. Все системы газолета были отключены. Подвешенный стоя, Фассин смотрел через

опрозрачненную пластину перед своим лицом — он дал гелю частично стечь, чтобы видеть лучше. Сквозь корпус его газолета проникал звук — приглушенный и высокий одновременно. Голос Айсула стал похож на еле разборчивый писк.

Корабль бешено раскручивался, и центробежная сила прижала Фассина с Айсулом к внутренней поверхности корпуса.

— Вы не знаете, зачем им все это фрактально-спиральное маневрирование? — спросил Фассин, когда их еще только пристегивали, после чего Кверсер-и-Джанат удалились на мостик, располагавшийся по соседству.

— Может, это просто озорство, — сказал Айсул.

Теперь Фассин посмотрел на Айсула, обе сенсорные бахромки которого были направлены внутрь.

Корабль снова ускорился, заложив очередной вираж. Экран моргнул, на нем бешено завертелись звезды, потом он погас.

Безумные телескопические спирали переходили в один длинный, направленный вниз штопор, словно «Велпин» был снарядом и вращался внутри ствола огромной пушки.

Корабль, похоже, вышел на своего рода крейсерский режим: вращение постепенно замедлилось,

прозвучала долгая высокая нота. Фассин видел, как медленно открылись Айсуловы бахромосенсоры. Несколько минут на экране медленно вращались звезды, потом он снова погас. Вращение опять ускорилось, и Айсул снова развернул свои бахромки внутрь. Частота вращения возрастала, пока Фассин не почувствовал, как все его тело вжимается в противоударный гель. Он понял, что находится в собственном гробу. Ну да, в гробу. Перед его глазами возник эффект туннеля — он начал видеть ствол этой огромной пушки, а все, что было впереди, сжалось до точки; вокруг, сколько хватает глаз, ничего, кроме темноты, а за ней лишь мрак по обеим сторонам этой бесконечной трубы, что тянется к далекой цели, не приближающейся ни на йоту.

Фассин проснулся. Корабль все еще вращался, но теперь опять с замедлением. В носу у Фассина свербило, и ощущение было такое, словно ему надо помочиться, хотя он знал — не надо. Этого не требовалось, пока противоударный гель и дыхательная смесь делали свое дело. Фассин уснул.

* * *

Таинс Йарабокин проснулась. Одна из первых

ее мыслей, пока сознание медленно пробуждалось, была о том, что Салуус Кегар не получил приготовленного ею послания, что у нее еще есть время пересмотреть, отредактировать, изменить все; что она может еще некоторое время смотреть и слушать свою запись и каждый раз горько плакать. Есть еще время и шанс бросить ему обвинение в лицо, а может, убить его, если появится возможность и одновременно прикажет сердце (непонятно — иногда ей хотелось убить его, иногда хотелось, чтобы он остался живым и сгорал от стыда, когда она обнародует эту историю, а иногда хотелось, просто чтобы он знал: она знает, что на самом деле случилось много лет назад в сбитом корабле, посреди пустыни).

Таинс проверила время; голова пока что соображала плохо, и она с трудом ориентировалась в реальном пространстве. До Юлюбиса все еще оставалось полгода пути. Теперь она будет бодрствовать до самой атаки — на этом последнем отрезке ее должны были разбудить одной из первых, потому что никто больше не был так хорошо знаком с местной обстановкой. Она внутренне сомневалась, что от нее будет прок, — ведь она в последний раз была в системе Юлюбиса двести лет назад, а после вторжения там, мягко говоря,

кое-что могло измениться, но никого лучше ее не было. В этом смысле она рассматривала себя скорее как талисман, как маленький символ системы, за которую они будут сражаться. Даже если Таинс зачислили в эскадру только на этом основании, ее это мало волновало. Она не сомневалась, что она хороший, компетентный и смелый офицер и заслужила такое назначение. А если она и была уроженкой системы, на спасение которой они спешили, то это лишь давало дополнительное преимущество.

После стычки с запредельцами флот слегка растянулся, так что корабли передового охранения при внезапной атаке не получили бы немедленной поддержки, рискуя быть разгромленными задолго до подхода основных сил. Бóльшую часть прошедших лет Таинс пребывала в медленном сне внутри своего кокона, но передовые корабли обеспечивали относительную безопасность, и на некоторое время она освобождалась от противоударного геля, гуляла почти как нормальное человеческое существо в условиях гравитации, создаваемой вращением корабля, и находила нечто странное в этой нормальности — ощущение было такое, словно в человеческое тело вселился инопланетянин. Она чувствовала себя

неуклюжей, удивлялась таким малостям, как ногти или волосы на руке, испытывала, особенно поначалу, неловкость, встречаясь с другими свободными от службы людьми; ей не хватало питательной среды ее кокона, виртуального существования среди системы приборов (с возможностью покидать этот комплекс сенсорных данных высокого разрешения) — она самой себе казалась ампутированной конечностью.

Теперь, когда она решительно покончила с виртуальной жизнью, это все должно повториться. Таинс вовсе не стремилась к этому. Ковыляя на двух ногах, она желала вернуться в кокон, синхронизироваться с приборами, но, с другой стороны, там, в коконе, она всегда чувствовала тоску по нормальной, физической, моноскоростной, монореальной жизни. Голубые небеса и солнечный свет, свежий ветерок, играющий ее волосами, зеленая трава и цветы под босыми ногами.

Как давно это было. И может, уже никогда не вернется — кто знает.

И в то же время, когда она поняла, что медленно просыпается (без воя тревожных сирен, по заранее спланированному сценарию, заранее оговоренной системе распределения обязанностей,

а не из-за чрезвычайных обстоятельств, которые в любой момент могут привести к гибели), ей пришла и другая мысль: она еще не совершила побега в смерть, жизнь еще не закончена и, прежде чем к ней придет покой забвения, возможны любые ужасы и муки.

* * *

— Хострум, — сказали Кверсер-и-Джанат.

— Где? — спросил Фассин.

— Что значит «где?»?

— *Вы в нем.*

Когда они снова включили системы маленького газолета, сознание вернулось к Фассину. Он по-прежнему был как пьяный и ощущал себя до странности неумытым, но это чувство постепенно проходило, по мере того как противоударный гель снова обволакивал его. Айсул тоже выглядел как нокаутированный, и, когда освободился от креплений, его стало покачивать в воздухе.

Теперь экран в пассажирском отделении работал — Кверсер-и-Джанат, по-прежнему щеголявшие в своих блестящих одеяниях, ударили по нему одной ободковой рукой, и тот вернулся к жизни. Фассин внимательно разглядывал картинку, но видел только звездное поле. Он пока не

мог сообразить, в каком направлении смотрит. Явно не в том, в каком привык смотреть. Он ничего не узнавал.

— В нем? — спросил он, чувствуя себя пьяным идиотом.

— Да, в нем.

Фассин посмотрел на Айсула, мантия которого по-прежнему выглядела сероватой.

Абориген сделал недоуменный жест:

— Ну, я сдаюсь. Кто, что или где этот долбаный Хострум?

— Это облачник.

— Облачник?! — переспросил Фассин.

Путаница с переводом — или простое непонимание. Облачники относились к синктурии — то были существа, устройства, полуцивилизации и технические отходы, располагавшиеся запредельнее запредельцев, там, где нет вообще ничего.

Айсул встряхнулся:

— Вы имеете в виду крылооблачник, или деревооблачник, или клейоблачник, или…

— *Нет.*

— Ни одного из вышеназванных?

— *Просто облачник.*

— Но… — начал было Фассин.

— Так это Аополейин? — выкрикнул Айсул. — Начнем с этого! Значит, мы в Аополейине?

— Да.

— *Именно.*

— В некотором роде.

— *Как посмотреть.*

— Это ближайшее место.

— *Ближайшая система.*

— Что? — проговорил Айсул.

— Что ближайшая? — спросил Фассин, ничего не понимая.

Он уставился на звездное поле, вид у которого был необычный. Совсем ни на что не похоже, как ни посмотри — ни в перевернутом изображении, ни в зеркальном, ни в обратной голограмме, ни так ни сяк.

— Что-то я пока не того, — сказал Айсул, ероша сенсорную мантию, чтобы окончательно прийти в себя.

Фассину показалось, что он опять внутри того орудийного ствола, у самого основания, вот-вот раздастся взрыв, и он, Фассин, полетит, нет, уже летит по этому самому большому, самому длинному, невыразимо громадному, не знающему равных во всей этой долбаной Вселенной стволу.

— И как далеко мы от Наскерона? — услышал

Фассин собственный голос.

— Постойте-ка, — медленно проговорил Айсул, — что значит «система»?

— *Около тридцати четырех килолет.*

— Звездная. Это не газовый гигант. Извините, если какая путаница.

— Тридцати четырех килолет?! — переспросил Фассин. Ему показалось, что он сейчас опять вырубится. — Вы хотите сказать… — Голос его замер.

— *Тридцать четыре тысячи световых лет, стандартных. Грубо. Извините, если какая путаница.*

— Я это уже говорил.

— *Я знаю. Другое лицо — другая путаница.*

Их занесло в другую систему, в другую солнечную систему, вообще на другой край галактики. Если только им говорили правду, Юлюбис (система и звезда) остался в тридцати четырех тысячах световых лет позади. Значит, около Юлюбиса был рабочий портал, через червоточину связанный с этой отдаленной звездной системой, и ни Фассин, ни Айсул понятия не имели о его существовании.

Облачник по имени Хострум имел в поперечнике один световой год. Облачники были — смотря,

к чьему мнению прислушиваться, — разумными, полуразумными, проторазумными, а-разумными или вовсе лишенными малейших начатков разума существами, хотя последней, крайней точки зрения придерживались лишь те, кто находил ее удобной, — например, те, кто мог извлечь выгоду из промышленной разработки обширного облака газа. Если оно не было живым. Облачники предположительно стояли ближе к огромным, распределенно смышленым растениям, чем к какому-либо виду животных, и по составу были очень близки к облакам межзвездного газа, которыми — или обитателями которых — они являлись (различие имело лишь академическую ценность).

Облачники принадлежали к синктурии — собранию существ, видов, машинных штаммов и разумных отбросов, которые существовали (обычно) в межзвездном пространстве и не подходили ни под какую известную категорию (так, они не были ни кометариями глубокого космоса, называемыми эклипта, ни дрейфующими разновидностями коммуниталий коричневых карликов, известными как плена, ни настоящими экзотами — небарионовыми полумраками, или тринадцатиразмерниками, или квантархами,

обитавшими в потоках элементарных частиц).

Друг Валсеира Лейсикроф был исследователем синктурии. Он отправился в полевую экспедицию и посещал представителей синктурии по всей галактике — облачников, парусников, поверхностников, созидателей и всех остальных. Он наведывался и к Хоструму, потому что тот был одним из немногих облачников вблизи портала червоточины. Но ни о ходе, ни о портале не знала ни одна живая душа в Меркатории или остальной части того, что называло себя цивилизованной галактикой.

Звезда Аополейин находилась всего в дюжине световых дней от них. Облачник Хострум (который был крупнее этой звездной системы, если мерить по орбите самой удаленной планеты) частично располагался во внешних пределах системы и был склонен (если только это слово не слишком перегружено смыслом) к медленной миграции в сторону наиболее удаленной части этой огромной линзы. Где-то здесь находился насельник Лейсикроф в своем маленьком аппарате. По меньшей мере когда-то находился. «Велпин» и отправился на его поиски.

— И как долго мы были в отрубе? — спросил Фассин Кверсера-и-Джаната.

Они парили на мостике «Велпина», наблюдая, как сканеры прощупывают окрестности в поисках чего-нибудь напоминающего корабль. Продвигались они медленно. Насельники давным-давно заключили с облачниками соглашение, взяв на себя обязательство не перемещаться внутри их на высокой скорости. Несмотря на эластичность облачников, их индивидуальные пленочные покрытия, неустойчивые пояса и каналы разреженного газа, образовывавшие органы чувств и нервную систему, были чрезвычайно уязвимы, и кораблю размером с «Велпин» приходилось двигаться среди прядей живого вещества облачников медленно и осторожно, чтобы не причинить им никакого вреда.

«Велпин» транслировал сигнал-приветствие, содержащее и просьбу к Лейсикрофу выйти на связь, хотя Кверсер-и-Джанат не питали особого оптимизма: эти ученые стали притчей во языцех за привычку выключать свои системы связи.

Вид у истиннодвойни был искренне недоуменный. Кверсер-и-Джанат встряхнулись, зашуршав сверкающими морщинками своего зеркального одеяния.

— Где-где были?

— Как долго мы были без сознания? — спросил

Фассин.

— Несколько дней.

— *А потом еще несколько дней.*

— Серьезно, — сказал Фассин.

— Эй, что значит «мы»? — возразил Айсул. — Я лично не был без сознания.

— Ну вот.

— *Вы видите?*

— Ваш друг не согласен.

— Вы сказали — несколько дней, — процитировал Фассин.

— Несколько дней? — повторил Айсул. — Несколько дней? Не были мы без сознания несколько дней, сколько-нибудь дней. Ни одного дня! — Он помолчал. — Разве нет?

— Этот процесс требует времени и терпения, — сказал насельник-истиннодвойня. — Лучше всего сон. Ничто не отвлекает.

— *Нечем было вас развлечь.*

— И потом, есть еще фактор безопасности.

— *Конечно.*

— Я только вздремнул немного! — воскликнул Айсул. — Закрыл глаза на минуточку, поразмыслить, не больше.

— Около двадцати шести дней.

— Мы были без сознания двадцать шесть

дней? — спросил Фассин.

— *Стандартно.*

— Приблизительно.

— Что?! — завопил Айсул. — Вы хотите сказать, что нас специально усыпили?

— В некотором роде — да.

— В некотором роде! — Айсул был явно взбешен.

— *Как мы и сказали.*

— И в каком же это роде, похитители вы несчастные, пираты треклятые.

— *В том роде, что это абсолютная правда.*

— Вы хотите сказать, что опоили или отключили нас?! — почти завопил Айсул.

— Да. Иначе очень скучно.

— Как вы посмели?! — взвизгнул Айсул.

— *Плюс это входит в условия пользования трубой.*

— Условия пропуска, — поддакнула левая часть Кверсера-и-Джаната.

Другая часть истиннодвойни произвела что-то похожее на свист.

— *О да! Эти условия пропуска — без них никуда.*

— Без этого ничего не выйдет.

— *Без этого мы не можем пользоваться трубой.*

— Не можете?.. Что?.. Вы… Услов… — Айсул брызгал слюной.

— Да, — сказал Фассин, сигналя Айсулу, чтобы тот дал сказать ему. — Я бы хотел задать вам несколько вопросов о, гм, путешествии по трубе, если вы не возражаете.

— Не проблема.

— *Спрашивайте.*

— Только чтоб вопросы были хорошие, а то ведь ответить могут полную чушь.

— …Никогда не слышал ничего более постыдного за всю мою… — бормотал себе под нос Айсул, паря в направлении голосканеров среднего радиуса действия и похлопывая по ним, словно это помогло бы обнаружить корабль Лейсикрофа.

Фассин считал, что они отрубились на час-другой. Ему подсказали это собственные физиологические реакции и тот объем работ по очистке и обработке противоударного геля и дыхательной смеси, который пришлось выполнить. Обнаружив, что прошло двадцать шесть дней, он испытал главным образом облегчение. Конечно, он потерял немало времени, так как вовсе не ждал этого и не был предупрежден, и это его обескураживало; он чувствовал себя ретроспективно уязвимым (неужели то же самое будет и на

обратном пути?), но хорошо хоть, они не сказали «год» или «двадцать шесть лет».

Одно Провидение знало, что произошло у Юлюбиса за это время (системы его газолета были на время перелета отключены, и он не мог проверить, сколько в действительности пробыл без сознания), но пока подтверждалось, что одна, пусть даже малая, часть легенды о насельническом списке правдива. Тайные ходы существовали. Один существовал наверняка, и Фассин считал маловероятным, что ход между Юлюбисом и Аополейином — единственный. Для выяснения этого стоило потерять месяц.

Фассин почувствовал, что пытается набрать в грудь побольше воздуха внутри своего газолета.

— И мы проделали этот путь по червоточине? — спросил он.

— Первый вопрос отличный. На него легко дать ответ в любом смысле! Да.

— *Проделали. Хотя мы и называем их канюлями.*

— А где у Юлюбиса, на Наскероне конец хода, канюли? Где находится адьютаж? — спросил Фассин.

— Ага! Он знаком с терминологией.

— *Впечатляет.*

— И в некотором смысле прекрасный вопрос.

— *Абсолютно согласен. Но феноменально безнадежный в другом.*

— Даже передать не могу.

— *Безопасность.*

— Вы, конечно же, сами понимаете.

— Конечно же, я понимаю, — сказал Фассин; получить прямой ответ на этот вопрос было бы весьма маловероятно. — И давно существует этот ход? — спросил он.

Истиннодвойня помолчала, потом ответила:

— Не знаю.

— *Наверняка. Вероятно, миллиарды лет.*

— Возможно.

— А сколько еще таких? — спросил Фассин. — Я имею в виду ходов, канюль?

— То же.

— То же?

— То же в смысле — опять — не знаю.

— *Понятия не имею.*

— Ну, сколько-то есть.

— *Да, понятие действительно есть. Но сказать не можем. Опять условия пропуска.*

— Да черт бы драл эти условия пропуска.

— *Да, черт.*

— Есть ли другие ходы с Юлюбиса — или где-то

вблизи системы Юлюбиса, ну, скажем, в пределах ее облака Оорта, — куда-нибудь еще?

— Тоже хороший вопрос. Не могу вам сказать.

— *Это стоит больше нашего уракапитанства.*

— А эта червоточина к Аополейину — она соединена с ходами Меркатории? У их ходов тут нет порталов, адьютажей?

— Нет.

— *Согласен. Откровенный ответ. Какое облегчение. Нет.*

— А отсюда, с Аополейина? — спросил Фассин. — Есть тут еще ходы?

Опять краткое молчание. А потом:

— Это кажется глупым, но я не могу сказать.

— *Зачем вести сюда только одну дурацкую трубу?*

— И все же.

— *Не могу сказать.*

— И это официально.

Фассин просигнализировал покорность.

— Условия пропуска? — спросил он.

— Смотри-ка, усвоили.

— Но почему я? — спросил Фассин.

— Почему вы?

— *Что почему вы?*

— Почему мне позволили воспользоваться

червоточиной?

— Вы же просили.

— *Но главное, что Валсеир, Зоссо и Друнисин просили за вас.*

— Мы же не могли им отказать.

— А сам за себя я, значит, не мог попросить? — спросил Фассин.

— Почему же — могли.

— *Лучше оставить это.*

— Мы стараемся не оскорблять пассажиров.

— *Неписаный закон.*

— Вы знаете каких-нибудь других людей, которым позволялось воспользоваться насельническими ходами?

— Нет.

— *Точно нет. Хотя мы можем и не знать.*

— Может, другим наблюдателям?

— Нам об этом ничего не известно.

— *По крайней мере определенно.*

— Хорошо, — сказал Фассин. Он чувствовал, как сердце стучит у него в груди внутри его маленького газолета. — Часто вы путешествуете по ходам?

— Определите, что есть «часто».

— Я спрошу по-другому. Сколько раз за последние стандартные десять лет вы пользовались ходом?

— Легкий вопрос.

— *Чтобы от него уклониться.*

— Ну, скажем, несколько сотен раз.

— *Простите за неопределенность. Условия пропуска.*

— Несколько *сотен*? — спросил Фассин.

Скорби небесные! Если так оно и есть, эти ребята мотаются по своим тайным ходам через всю галактику, словно пассажиры метро под городом.

— Не больше. Это точно.

— А много других таких кораблей, как?.. Нет, я спрошу по-другому. Сколько наскеронских кораблей регулярно пользуются ходом?

— Понятия не имею.

— *Ни малейшего.*

— Хотя бы приблизительно? Ну, может, десятки, сотни?

Сверкающие одеяния на левой стороне Кверсера-и-Джаната на мгновение стали прозрачными, а сигнальная кожа насельника засветились рисунком, свидетельствующим об удивлении.

Правая сторона вновь издала свистящий звук.

Фассин дал им время для речевого ответа, но его не последовало.

— Таких кораблей много? — спросил он.

Молчание, чуть более долгое.

— Есть несколько.

— *Так себе несколько.*

— Думайте как хотите.

— *И снова просим извинения за неопределенность. Условия пропуска.*

— Тысячи? — спросил Фассин. Истиннодвойня молчала. Он почувствовал, что глотает слюну. — Десятки ты…

— Нет смысла увеличивать цифры.

— *Смотри выше, последний ответ.*

Фассин был в недоумении. Ну никак у них не могло быть такого количества кораблей. Какими бы продвинутыми стелс-технологиями вы ни обладали, наверняка из сотен или тысяч кораблей, перемещающихся в пределах системы, хоть несколько да попали бы на экраны хоть каких да сенсоров. Совершенных систем не бывает, как и безотказных технологий. Что-то да всплыло бы на поверхность. Как далеко должны быть вынесены порталы? Физику процесса Фассин представлял довольно условно, но не сомневался, что для портала необходимо относительно плоское пространство на достаточной удаленности от градиента тяготения, особенно такого сильного, как у газового гиганта. Мог ли портал

располагаться так же близко к планете, как и низкоорбитальная луна?

— А Наскерон? — спросил он. — Его в этом отношении можно назвать типичной насельнической планетой?

— Все населенные нами места особенные.

— *Наскерон — Гнездо ветров — ничуть не меньше, чем другие.*

— Но ответ «да».

Да. Фассин почувствовал, что если бы он, задавая все эти вопросы, стоял в обычном гравитационном поле, то давно пришлось бы сесть. Иначе бы он просто свалился где стоял.

— А раньше вы уже бывали в системе Аополейина? — спросил он.

Молчание. Потом:

— Нет.

— *А если да, то мы об этом не помним.*

Фассин будто поплыл — характерное ощущение беспокойства, когда внезапно доходит весь масштаб чужеродности ситуации.

— А если — когда — мы вернемся на Наскерон, можно мне будет говорить другим, где я побывал?

— Если будете помнить.

— *Тогда сможете.*

— А с какой стати мне забывать?

— *Если болтаться туда-сюда по канюлям, наблюдатель Таак, с мозгами происходят странные вещи.*

— Вы попытаетесь удалить воспоминания у меня из головы? — спросил Фассин, чувствуя, как мороз продрал его по коже. — С человеческими мозгами нельзя проделывать такие штуки — можно повредить.

— Мы слышали об этом.

— *Исходим из допущения, что вам никто не поверит.*

— Не отчаивайтесь.

– *Мне* поверят! — сказал Айсул, внезапно отворачиваясь от экранов, на которые смотрел перед этим.

Кверсер-и-Джанат резко подскочили, словно успели забыть о присутствии Айсула.

— Вы это серьезно?!

— *Серьезно?! — вскрикнули они чуть не хором.*

Айсул фыркнул и засиял довольством:

— Конечно нет. — Он снова повернулся к экранам, бормоча что-то и давясь от смеха. — За кого вы меня принимаете? Все-таки я слишком люблю жизнь. За свои воспоминания я держусь, спасибо…

Поиск продолжался. Фассин попытался опросить системы «Велпина», чтобы выяснить, нет ли в них отдельного насельнического списка, собственной карты неизвестной сети ходов, а может, даже координат портала, через который они попали сюда из системы Юлюбиса. Компьютеры корабля — со свободным доступом, так что Фассин вошел в них без труда, — казалось, не содержат вообще никакой информации, кроме простейших карт звездного неба. Галактика была показана в таком масштабе, чтобы видеть расположение звезд и основных планет, не больше. Ни орбиталищ, ни малейших следов мегаструктур показано не было, а тела Оорта и Койпера вместе с поясом астероидов были едва намечены. Все это ничуть не напоминало настоящую звездную карту — скорее школьный атлас. В маленьком газолете карта и то была подробнее. Фассин как мог просканировал корабль, стараясь, чтобы никто не заметил, но ничего более подробного не нашел.

Он полагал, что важная информация должна быть где-то спрятана, но какое-то странное, грызущее чувство подсказывало, что ничего он не найдет. «Велпин» оказался хорошо построенным кораблем (по меркам насельников

— исключительно хорошо), он имел относительно продвинутые по конструкции, но элегантные в своей простоте двигатели и большой запас мощности. Оружие отсутствовало, но корабль мог принять на борт сколько-то груза. Больше ничего. И простейшая карта звездного неба была как-то вполне уместна.

Фассин попытался сообразить, как взять на себя управление кораблем, захватить его. Смог бы он угнать «Велпин»? Он провел достаточно времени на мостике и видел, как Кверсер-и-Джанат управляют кораблем. Ничего трудного, похоже, в этом не было. Он даже спросил:

— А как вы прокладываете маршрут?

— Наводкой.

— Наводкой?

— Сначала попадаем в нужный объем, а потом наводимся в правильном направлении.

— *Тут весь секрет в большой мощности.*

— Точная настройка дельта-V — явный признак того, что на самом-то деле мощности вам не хватает.

— *Мощность — это все.*

— Но многого можно достичь и одной наводкой.

— *Если у вас достаточно мощности.*

— Хотя иногда и приходится компенсировать некоторые девиации.

— *Это технический термин.*

Фассину не удалось придумать, как захватить корабль. Насельники при необходимости могли долгие годы не испытывать ничего похожего на человеческую сонливость, а Кверсер-и-Джанат заявляли, что вообще могут обходиться без сна, даже ни на минуту не задремать в медленном режиме. На газолете Фассина не было никакого оружия, если не считать манипуляторов; его никогда не учили использовать стрелоид как оружие ближнего боя, и в любом случае взрослый насельник был крупнее и, вероятно, сильнее маленького газолета (исключая большие скорости). И вообще обычно считалось, что вывести из строя или убить насельника очень непросто.

Он вспомнил рассказы Таинс Йарабокин о правилах ближнего боя. Главный ее совет состоял вот в чем: если насельник пытается причинить тебе вред, а ты, будучи человеком, находишься, например, в обычном скафандре, то лучше всего воспользоваться крупнокалиберным оружием. Для невооруженного человека нет известных способов победить молодого, сильного насельника. Если не имеешь крупнокалиберного оружия,

то беги прочь сломя голову — лучший тебе совет. Из всех видов, населяющих Меркаторию, только воэны могли справиться с насельниками в рукопашной схватке, но даже и для воэна исход поединка отнюдь не был предрешен.

Фассин подумал, что мог бы просто протаранить Кверсера-и-Джаната. Если направить на них газолет носом вперед, можно их вырубить или покалечить, но он не был уверен, что в этом пространстве сумеет набрать достаточно высокую скорость. Пришлось бы стартовать за несколько отсеков, а потом стремительно влететь на мостик, надеясь на удачный удар, а то ведь они могут услышать его приближение и вразвалить в сторону, и он тогда глупо врежется в пульт. Он спрашивал себя, что бы сделала Хазеренс. Допустили бы ее сюда вообще? Если да, то наверняка без всякого оружия. Правда, с другой стороны, нельзя было забывать и о традиционной насельнической небрежности в таких делах. С третьей стороны, на этом корабле ничто не говорило о небрежности.

Даже если удастся устранить Кверсера-и-Джаната, то как насчет Айсула? Фассин сомневался, чтобы последний вступил с ним в сговор или даже стал ему помогать. Айсул не упускал случая

заявить, что он абсолютно лояльный насельник, который просто хорошо исполняет обязанности проводника и наставника, а не какой-нибудь предатель, страстный поклонник гуманоидов, поступивший в услужение Меркатории или питающий симпатии к этой тиранической структуре — цивилизации, которую Айсул, по его же признанию, не понимал и не желал знать.

Но даже если бы Фассину и удалось как-то завладеть кораблем, перехитрив обоих насельников (или всех трех — это как посмотреть), то что тогда? Он так и не нашел на корабле никаких следов скрытой навигационной матрицы. Куда направить корабль? Как он найдет портал, через который они прилетели? А если найдет, то как попадет туда, — может, этот портал охраняется. Порталы Меркатории, например, охранялись и наблюдались, как ни один другой объект в галактике. Даже если насельники славились халатностью и безразличием в таких вопросах, нельзя же рассчитывать, что он пролетит через их портал, словно через простой кусок пространства.

Он попытался выяснить у Кверсера-и-Джаната еще что-нибудь о процессе нахождения червоточины (адьютажа) и пролета по ней, но они

удивили даже его, наговорив с три короба о своей врожденной способности к этому, и намутили столько, что по неясности их ответы значительно превзошли даже предыдущие, и без того намеренно туманные.

Фассину позволили выйти наружу — он свободно двигался рядом с кораблем, который неторопливо рассекал призрачное, по плотности близкое к вакууму тело облачника Хострума. Он хотел убедиться, что все это не инсценировка. Как ему наверняка узнать, действительно ли он находится в том месте, о котором ему говорили Кверсер-и-Джанат? Ну да, они ему сказали. Он видел информацию, выведенную на некоторые экраны и голографические дисплеи. Это могло быть шуткой или попыткой запудрить ему мозги с той или иной целью. Надо было проверить.

Снаружи от «Велпина», двигаясь параллельно кораблю, который скользил сквозь предположительно разумное межзвездное облако, Фассин с помощью приборов своего маленького газолета проверял, не находится ли он в какой-нибудь искусственно созданной среде.

Насколько он мог судить, среда эта не была искусственной. Он и в самом деле находился в химическом/пылевом облаке, на краю планетар-

ной системы, в четверти пути между концами галактики от своего дома и в половине этого пути — от галактического центра. Звезды здесь были совсем другими. Фассин узнавал только отдаленные галактики. Если это и не была окраина глубокого космоса, то по крайней мере ее блестящая имитация. Он использовал частичку своей реактивной массы (в основном воды), чтобы отлететь на несколько километров от «Велпина», но не встретил ни стены, ни гигантского экрана. Либо он и в самом деле находился в громадном виртуальном пространстве, либо воздействие шло прямо на его мозг, а может, через воротник газолета, каким-то образом настроенный на стопроцентное погружение в иллюзию, что не поддавалось проверке.

Он вспомнил слова, сказанные когда-то Валсеиром: любую теорию, которая использует солипсизм как вероятное объяснение фактов, описываемых данной теорией, следует признать в высшей степени подозрительной.

Валсеир говорил тогда о Правде и других религиях, но Фассин чувствовал, что сейчас столкнулся с чем-то подобным. Выбор был один: действовать так, словно все, что он видит вокруг, — истинная реальность. Но тем не менее

он на всякий случай постоянно напоминал себе, что все это может оказаться иллюзией, существующей лишь в его голове. Ведь если все по-настоящему, то он, может быть, находится на пороге самого удивительного открытия во всей истории человечества, проникновения в тайну, которая способна принести неисчислимые страдания или дать огромные преимущества кому угодно — Меркатории, ее противникам, любому другому виду космопроходцев внутри галактики. Он вспомнил, как препирался (кажется, целую вечность назад!) с проекцией в Осеннем доме. Что ему делать: признать видимое за реальность или же за обман, надувательство, колоссальную и непостижимую шутку? Думай.

Находясь вне «Велпина», он провел все доступные ему тесты. Он в космосе. Все проверено. Или же симуляция настолько полная, что не стыдно и обмануться. Что возвращало его к Правде. Хазеренс оценила бы дилемму.

Он мог, если бы по-настоящему захотел, попытаться убежать. В газолете можно было находиться бесконечно — тот был способен входить в атмосферу планет, а если использовать всю его реактивную массу, за несколько лет Фассин может оказаться во внутренней системе звезды

Аополейин. Можно даже спать в течение всего этого времени и практически не заметить путешествия. Но что потом? Он никогда прежде не слышал об этом месте. Судя по элементарному звездному атласу газолета, оно находилось где-то в Верхах Хредейля (что бы это ни значило), но не указывалось среди обитаемых систем человечества или Меркатории; не говорилось о том, есть ли здесь обитатели. Это не означало, что здесь никого нет (любое место может стать средой обитания для того, кто называет его домом), это означало всего лишь, что он не продвинется ни на шаг, пытаясь вернуться домой.

Фассин вернулся на корабль, когда Кверсери-Джанат принялись возбужденно сигналить, сообщая о находке. Нет, это был не корабль Лейсикрофа, а всего лишь хрупкий шар из газа и химикатов — кружевное сплетение холодных нитей, открытых для вакуума и удерживаемых минимумом гравитации. Мозг облачника.

…Кого ищете?..

«Насельника. Насельника с газового гиганта, его зовут Лейсикроф».

…Картинка…

«Картинка?»

…Сказано ждать картинку… особую картинку…

«Ах да. У меня есть одна картинка. Но как?.. Где, то есть что я должен делать, чтобы вы ее увидели?»

…Нет… опишите…

«Хорошо. Белые облака на голубом небе».

…Совпадает…

«Так вы мне скажете? Где Лейсикроф?»

…Ушел…

«Когда он ушел?»

…Как вы измеряете время?..

«Стандартной системой?»

…Знаю… существо Лейсикроф ушло $7{,}35 \times 10^8$ секунд назад.

Фассин произвел расчет — около двадцати лет назад.

Он находился во внешних областях мозга облачника: маленький газолет разместился между двумя широкими полосами газа, температура которых была чуть выше, чем холод глубокого космоса. Фактически это была очередная экспедиция — Фассин остановился, чтобы поговорить с существом, рядом с которым неторопливый, погруженный в медленный режим насельник мог показаться спятившим гонщиком. Облачники думали невыносимо медленно.

Сигнал снаружи, с «Велпина». А Фассин послал

сигнал облачнику:

«Куда ушел Лейсикроф?»

И переключился на нормальную скорость.

— Долго вы там еще? — раздражительно просигналил Айсул. — У меня с этим билатеральным мономаньяком кончается терпение. Уже десять дней прошло, Фассин. Что случилось? Вы уснули?

— Да я лечу тут сломя голову. У меня прошли какие-то доли секунды.

— Вы можете оставаться и думать на нормальной скорости. Мы здесь сами можем перерабатывать то, что изрекает этот газовый мозг. Зачем эта исследовательская показуха?

— Так разговора не получится. Сейчас я выказываю ему уважение. Если хочешь побольше узнать от кого-то, нужно…

— Да, да, да. Хорошо, продолжайте. Я постараюсь найти какие-нибудь новые игрушки, чтобы занять этого кретина с расщепленным сознанием. Кувыркайтесь там с этим космическим овощем, беседуйте. А по-настоящему трудной работой займусь я. Напрасно я сюда поперся. Если окажется, что в мое отсутствие были неплохие сражения… — Голос его замолк вдали.

Фассин снова погрузился в крайне медленный

режим. Облачник все еще не ответил.

На этот раз хотя бы не было безумных спиралей. Тот же самый мутный экран отвлекал их внимание, пока они отчаливали от облачника и направлялись к тайному устью хода, а двери пассажирского отсека были, как и прежде, задраены, но бешеного вращения не ощущалось. Фассин позволил Кверсеру-и-Джанату дистанционно отключить системы газолета. На этот раз он не стал частично смывать противоударный гель или очищать забрало, а предпочел обычный транс. Это было нетрудно и напоминало погружение в медленное время. И это означало, что он не будет видеть и слышать Айсула, который жаловался: мол, какой позор — терять сознание только из-за космического путешествия.

Они направлялись в место под названием Мавируэло, о котором Фассин тоже никогда прежде не слышал. Именно туда, по словам Хострума, двинулся Лейсикроф. Облачник не знал, что это такое — система, планета или другой облачник. Кверсер-и-Джанат, услышав это имя, на некоторое время смолкли, и Фассин почувствовал, что они сверяются с примитивным галактическим атласом корабля. Потом они заявили, что знают это место. Планета в системе Ашум. (Фассину

или по меньшей мере памяти газолета такое место было знакомо. Оно даже было соединено с остальным миром ходом, подконтрольным Меркатории, хотя Фассин подозревал, что та им не пользуется.) Ожидаемое время перелета составляло в сумме «несколько дней».

Погружаясь в бессознательное состояние, Фассин думал о том, как прекрасен был облачник. Это огромное существо напоминало миллион широчайших, длиннейших, прозрачных лент света, шепот вещества и гравитации на грани существования; оно превышало по массе несколько солнечных систем, плыло по течению, но имело цель — древнее решение наделило его волей двигаться курсом, проложенным на миллионы лет; оно перемещалось, плыло в результате сокращений холодной плазмы, под воздействием почти нулевых магнитных полей, благодаря еле заметному всасыванию и выбросу межзвездного вещества. Холодное, мертвое на взгляд, это существо жило и мыслило. И было прекрасным — если правильно его видеть. Когда его омывали волны нужной длины, в нем было бесконечное, совершенное величие…

* * *

Салуус стоял на балконе из льда и металла, глядя на открывающийся вид. Дыхание клубилось перед ним морозными парами.

Это убежище Шерифства было вмонтировано в замерзший водопад и частично высечено в нем. Водопад назывался Хойсеннир — ледяной утес высотой четыреста метров и шириной около километра; в этом месте река Доарои начинала свое долгое падение с высокого полуарктического плато, устремляясь к тундре и долинам за ней. Низкое зимнее солнце великолепно освещало сепектеанские облака, подернутые инеем пурпурно-красного заката, — при температуре, даже отдаленно не предполагавшей таяния льда.

Ось Сепекте смещалась медленно и очень незначительно. Арктический и антарктический пояса, где чередовались два времени года — летом солнце никогда не заходило, а зимой никогда не восходило, — имели в диаметре менее тысячи километров. На Сепекте, официально причисленной к теплым планетам (по человеческим меркам), зимы были долгие, но не такие суровые, как на Земле, и свирепствовали на менее обширной территории. Но водопад Хойсеннир был

далеко на севере и высоко в горах арктического щита, а потому Доарои иногда не вскрывалась несколько лет подряд.

Это место называлось убежищем, потому что владело им Шерифство, но для Салууса это был обычный отель и конференц-центр. Зрелище тем не менее открывалось впечатляющее, особенно при свете дня, когда все можно было хорошо разглядеть. Салуус готов был согласиться с тем, что в пейзаже была своя суровая привлекательность.

Салуусу здесь не нравилось. Его не прельщали места, выбраться откуда было нелегко — предпочтительно, если дела обернутся совсем уж плохо, на своих двоих. Чтобы выбраться отсюда, требовалось воспользоваться воздухолетом или лифтом внутри замерзшего водопада: вы оказывались либо наверху, на льду затвердевшей реки, либо внизу, на вакурельсовой станции, у подножия утеса, нависавшего над замерзшим озером. Когда Салуус узнал, где состоится конференция насчет отправки посольства к насельникам (известили его по соображениям безопасности чуть ли не накануне), он велел уложить в свой багаж ветрошют, чтобы в случае чего у него был запасной вариант отхода.

Он знал, что почти наверняка никаких чрез-

вычайных обстоятельств не возникнет (а если и возникнут, то настолько масштабные или скоротечные, что спастись будет невозможно), но чувствовал себя лучше, в большей безопасности, когда ветрошют лежал у балконного окна его спальни. Большинство других важных участников занимали номера в глубине водопада, подальше от всего, что может явиться извне, но Салуус вытребовал себе номер с наружным выходом — есть и роскошный вид, и возможность отступления. Он не ветрошютировал уже несколько десятков лет, но готов был скорее рискнуть своей шеей, чем трусливо прятаться во внутренних номерах и хныкать в ожидании смерти.

Иногда он спрашивал себя, почему одержим этой идеей — всегда иметь возможность отхода. Эта одержимость ведь не врожденная, не результат травматического опыта в детстве — она поселялась в его душе постепенно, в течение всей его взрослой жизни. Что-то в таком роде, полагал он. Он не тратил времени на то, чтобы задуматься над этим по-настоящему.

По мнению Салууса, имело значение только то, что убежище/отель сегодня было таким же безопасным местом, как любое другое. Атаки на

систему Юлюбиса продолжались; с одной стороны, они не прерывались надолго, а с другой — никогда не достигали предела. Не раз поражались чисто военные объекты — при помощи бомб, ракет или оружия более-менее ближнего радиуса действия. Обычно ответственность возлагалась на запредельцев. Другие объекты имели культурную или духовную ценность, а то и просто крупные размеры. Эти цели поражались из глубокого космоса каменными глыбами, разогнанными до высоких, иногда субсветовых скоростей. Частота этих бомбардировок росла, тогда как интенсивность атак лучевым оружием и ракетами с беспилотных кораблей уменьшилась.

Часть стратегов считали, что эти события отражают неспособность противника предпринять крупномасштабное вторжение в назначенное время, хотя Салуусу представлялось, что их выводы слишком уж явно исходят из домыслов и общепринятых допущений.

Все это продолжалось уже довольно долго. Люди пережили разные состояния — потрясение, неверие, игнорирование, солидарность, мрачную решимость и бог знает что еще; теперь они устали от всего этого. Они хотели, чтобы это

поскорее закончилось. Они страшились того, чем это может закончиться, но беспорядочные бомбардировки и вечная неопределенность наполовину сломили их.

Хуже того (хуже в некотором роде, поскольку просочились сведения о дате вторжения сторонников культа Заморыша, пока не состоявшегося): люди начинали верить, что никакого вторжения не будет. Сторонники теории заговора считали, что все это изначально было огромным военно-промышленным надувательством, параноидально-убийственной фантазией, никакой реальной угрозы на самом деле не существовало, а большинство атак осуществлялись самими силами безопасности — как эпизоды конфликта между службами или как тщательно спланированная серия цинично-самоубийственных шагов с целью повысить популярность армии, даже если при этом масса народа и потеряла бы немногие еще сохранившиеся гражданские свободы. Мол, все это на самом деле только повод, чтобы установить в системе Юлюбиса полуфашистское общество и закрепить власть в руках немногочисленной верхушки.

Даже приверженцы умеренных взглядов начинали ворчать, теряя свободы и сталкиваясь с

новыми ограничениями. Они стали спрашивать: а что это за кошмарные угрозы, к отражению которых мы готовимся бóльшую часть года? Не пора ли уже в небесах появиться туче вражеских кораблей? Люди начинали сомневаться в самой необходимости всех этих жертв и тягот, начинали спрашивать, не слишком ли много делается для отражения угрозы, пока что неявной, и не слишком ли мало для того, чтобы разобраться с чередой изматывающих, маломасштабных, но довольно-таки разрушительных атак.

Стратеги задавались также вопросом: а существуют ли вообще силы Отъединения Э-5? Ломались копья по поводу лучшей тактики: выйти ли навстречу наступающему флоту — или флотам — в надежде заполучить хоть небольшое преимущество за счет неожиданности (и вывести боевые действия, хотя бы частично, за пределы населенных областей системы) или сидеть в обороне и ждать, накопив максимум сил там, где они затем больше всего понадобятся? Беспилотные разведчики уже были направлены в ту сторону, откуда ожидалось вторжение, но пока ни один ничего не обнаружил. Вот уж в буквальном смысле далекие планы.

На орбите вокруг Джири (газового гиганта по-

меньше Наскерона и сразу за ним) сооружалась громадная магнитно-рельсовая пушка, предназначенная для засорения мусором пространства перед наступающим флотом, — этакая огромная аркебуза, которая должна выстрелить целым градом наблюдательных аппаратов и тучей крохотных управляемых взрывпакетов или же просто выбросить кинетические мины на пути захватчиков. Но программа эта только теперь набирала обороты — с опозданием на несколько месяцев, с превышением бюджета и с тысячей проблем. Но по крайней мере этот провал нельзя было списать на «Кегар». Фирма Салууса к этому контракту не имела никакого отношения. Лучше их эту работу никто бы не сделал, но ее поручили консорциуму других компаний — отчасти для того, чтобы продемонстрировать отсутствие у «Кегара» монополии и дать другим подкормиться на крупном проекте.

Предварительный отчет о наскеронской катастрофе снял с его концерна многие обвинения: не обнаружилось ничего, кроме некоторых бухгалтерских ошибок — вполне естественных при спешке и аврале, чего и следовало ожидать в условиях чрезвычайного положения вроде нынешнего. Иными словами, весь этот фарс со

сражением на регате был домашней заготовкой военных недоумков, как с самого начала и говорил Салуус. Частично вследствие этого Салууса ввели в командно-планирующую структуру Юлюбисской Меркаторийской администрации и даже довольно регулярно приглашали на заседания Чрезвычайного военного кабинета.

Это было разумно и, помимо всего прочего, щекотало его самолюбие, а он был достаточно высокого мнения о себе, чтобы понять и принять справедливость такого решения. И конечно, это еще прочнее привязало его к иерархической системе, еще больше сблизило с правящими структурами и лицами, усиливая его стремление сражаться за сохранение власти Меркатории. Если плохие ребята все же вторгнутся и захватят власть, то Салуусу будет труднее развести руками и заявить, что он всего лишь скромный кораблестроитель, который теперь имеет честь предложить свои услуги новым хозяевам.

И тем не менее близость к верховной власти, доступ к ней и — в известной мере — возможность манипулировать ею грели Салуусу душу. А если бы все же случилось худшее, то он ведь не символизировал старый режим, как другие члены военного кабинета, а контроль над «Кега-

ром» делал его ценным союзником для любого, кто возглавляет систему. Ну что ж, он будет действовать по обстоятельствам. И потом, у него уже намечен маршрут бегства. Чем дольше откладывается вторжение Отъединения Э-5, тем ближе контрудар Меркатории, а тогда ему лучше всего исчезнуть на то время, пока плохие ребята будут укрепляться и налаживать свою оборону. (Теоретически считалось, что они не знают о приближении флота Меркатории, но слухи об этом тоже успели просочиться, а потом, их союзники-запредельцы наверняка что-нибудь им да шепнули.)

Если спрятаться проще, то Салуус спрячется. Он попытается поучаствовать в партизанской деятельности с как можно более безопасного расстояния, и, когда Меркатория снова возьмет власть в системе в свои руки, он сможет выставить себя героем, а не трусом, которого волнует только собственное благополучие. Однако наилучшая стратегия иногда состоит в том, чтобы держаться подальше от места событий, если последние приобретают опасный оборот. В одном из его секретных цехов строился очень быстроходный корабль, и Салуус был исполнен решимости ни в коем случае не допустить этот образец до

действительной службы или даже до военных испытаний. Если понадобится, он унесет ноги на этом корабле.

И, как это ни удивительно, огромную помощь оказывала ему женщина, представленная ему под именем Ко, когда она была с Фассином Тааком (теперь она пользовалась своим настоящим именем — Лисс Алентиор). Он, наверное, влюбился в нее. На самом же деле он влюбился в нее настолько сильно, что его жена — невзирая на ее собственные многочисленные связи на стороне — в первый и единственный раз проявила некоторые признаки ревности. (Лисс сама предложила выход из создавшегося положения, хотя эта идея пришла в голову и ему, по крайней мере в виде фантазии. А потому теперь у них была довольно милая и возбуждающая семья на троих.)

А если конкретнее, то Лисс оказалась неболтливой наперсницей и надежным советчиком. За последние месяцы, сумасшедшие, а нередко отчаянные, когда Салуус не знал, как реагировать на те или иные события, он несколько раз советовался с ней — иногда в полуофициальной обстановке своего кабинета, в самолете или в корабле, а иногда в постели, и она знала, что нужно делать, если не сразу же, то спустя ночь-другую,

по размышлении. Она была осторожна на боязливый кошачий манер; она знала, как устроены люди, в какую сторону прыгнут, — подчас это было почти телепатией.

Салуус изобрел должность для Лисс, сделав ее своим личным частным секретарем. Его секретари по связям с общественностью и бизнесу чувствовали себя уязвленными, но были достаточно умны и приняли новую сотрудницу с напускным благодушием и соблюдением внешних приличий, никоим образом не пытаясь подорвать ее статуса. У Салууса было ощущение, что они, каждый в отдельности, точно оценили положение Лисс и поняли, что любой выпад против нее обернется против них самих.

Поначалу его собственная служба безопасности относилась к Лисс с подозрением, обнаруживая в ее прошлом следы всевозможных неприятных событий, а потом — подозрительную неопределенность. Но в конечном счете ничего достойного осуждения и явно ничего хуже того, что творил Салуус в ее возрасте. Она тогда была молода, обуреваема страстями, якшалась со всякими сомнительными типами. Он тоже. Ну и что? Он осторожно расспрашивал ее о прошлом и вынес впечатление, что там были боль, драмы и непри-

ятные воспоминания. Он не хотел причинять ей еще больше боли избытком любопытства. Это позволило ему исполниться чувством, будто он ее спас почти невыносимо галантным способом.

Раньше она была неплохим журналистом в одном техническом журнале, а перед этим — балериной, актрисой, держала гостиницу и занималась массажем. Салуус оторвал ее от всего этого. Она выглядела гораздо моложе своих лет тем вечером, когда Фассин познакомил их (Салуус решил, что будет страстным поклонником этой мудрой головы на молодых плечах), но теперь она выглядела еще лучше, приняв его предложение пройти лечебный курс, который не могла себе позволить до их встречи. Лисс была ему благодарна, хотя ни разу не сказала этого напрямик (это нарушило бы те отношения, что установились между ними), но иногда он читал это в ее глазах.

Он тоже был ей благодарен. Она возродила его личную жизнь и стала важным приобретением для жизни общественной.

И потом, было еще легчайшее сознание того, что он отбил ее у Фассина, — довольно приятное ощущение само по себе. Салуус никогда по-настоящему не завидовал Фассину (вообще никому не завидовал, да и с какой стати — и чему?), но в жиз-

ни его прежнего приятеля была легкость, которой ему, Салуусу, не хватало, и это задевало за живое. Быть частью большой семьи, вроде Фассиновой, находиться среди людей, которые неторопливо делают то же, что и ты, уважаемых за свою работу, людей, которым не приходится доказывать собственную состоятельность при помощи тонких процедур, бухгалтерских отчетов, встреч с акционерами и совещаний с персоналом… наверное, в этом была своя притягательность, своего рода академическая безопасность, чувство собственной необходимости. А потом Фассин исчез и стал кем-то вроде героя, проведя пять лет, как огурец в рассоле, в противоударном геле внутри миниатюрного газолета (построенного даже не в цехах «Кегара»), потратив время на общение с дебильными насельниками.

Что потянуло Лисс к Фассину — его слава? Может быть, она променяла Фассина, променяла на Салууса, когда подвернулась такая возможность? Может быть. Его это не волновало. Отношения — такой же рынок, и Сал это знал. Иначе думают только дети и романтические идиоты. Ты оценивал собственную привлекательность по физическим и психологическим параметрам, а также с учетом своего статуса, после чего знал

свой уровень и, сообразуясь с ним, мог повысить или понизить свои перспективы, рискуя быть отвергнутым, но имея шанс продвинуться либо достичь стабильности в жизни. Правда, заранее ты никогда ничего не знал.

Салуус набрал в грудь побольше холодного воздуха.

Солнце исчезло, Юлюбис скрылся за лесистыми горами далеко на юго-западе. На лиловом небе из темноты стали появляться звезды. На юго-востоке показалась горсть брошенной сверкающей пыли — широкое скопление орбиталищ и орбитальных фабрик, которые растягивались по небу вслед за отступающим закатом, светясь очищенным блеклым светом. Салуус спрашивал себя — сколько из этих крохотных искорок принадлежат ему. Гораздо меньше, чем год назад. Некоторые были сняты, перемещены со старых орбит, где они легко могли стать мишенью. Два больших корабля-дока, в которых тогда строились суда для Навархии, были уничтожены. Обломки одного упали на Фессли, убив десятки тысяч человек — гораздо больше, чем при первой атаке. Против «Кегара» было возбуждено судебное дело за небрежность — за то, что корабли-доки вовремя не были сняты с этой орбиты. Шла война, и все контролирова-

лось военными, но вот же находилось время и для всякого такого дерьма. Он нажал на соответствующие рычаги, и дело закрыли по закону об амнистии в связи с военным положением.

Салуус сквозь пар своего дыхания попытался разглядеть Наскерон, но тот был далеко за горизонтом и, возможно, все равно невидим за щитом орбитальных аппаратов, даже если бы и находился высоко на небе.

Фассин. Невзирая на всю эту подготовку к войне и вторжению, нужно было постоянно выкраивать время, гадая, чего он, возможно, успел добиться. Может, он погиб во время сражения в шторме. С Наскерона поступали неопределенные сообщения. Правда, с Наскерона всегда поступали неопределенные сообщения. Точно было известно, что Фассин исчез и, возможно, все еще находится на Наскероне, хотя между уничтожением спутниковой системы наблюдения вокруг планеты во время сражения и установкой новой системы после учреждения насельнического посольства был промежуток, в течение которого большой корабль мог незаметно покинуть атмосферу Наскерона. Но кто мог знать? А если Таак все еще где-то на газовом гиганте, то чем занимается?

Если он все еще был жив, то Салуус больше не завидовал ему. Когда сам смысл твоего существования, не говоря уже обо всей семье, теряется вот так… может, Фассин покончил с собой. Ему наверняка сообщили о том, что произошло, до этого жуткого кошмара во время гонок. Фассин знал, что они мертвы. Если он не погиб сам, то стал одинок, как никогда прежде, и возвращаться ему было некуда. Салуус ему сочувствовал.

Когда эти известия дошли до него, он прежде всего подумал: раз Фассин низведен до такого положения, то, если он и объявится, Лисс вряд ли захочет вернуться к нему. Но потом ему пришло в голову, что люди иногда обманывают твои ожидания, а женщины в особенности могли проявлять этакое теоретически похвальное, но до боли самоотверженное и неуместное благородство при виде поверженного. К счастью, Джааль Тондерон осталась жива. Сал с женой пригласили ее пожить у них некоторое время. Ему нужно было, чтобы Джааль не забывала Фассина: вдруг тот вернется, а они все еще будут здесь.

Посольство к насельникам добилось немалых успехов. Насельники, казалось, были готовы списать все на недоразумение из-за плохой видимости в шторме, а Меркаторийской адми-

нистрации Юлюбиса не хватало только войны на два фронта, безнадежной на обоих. Под Совместный комплекс наблюдателей была выделена другая луна — Юркле (там сейчас полным ходом велись работы), и насельники не возражали против присутствия на орбите гиганта небольшого меркаторийского флота. Смотрители снова стали снаряжать прямые экспедиции (оборудование для дистанционных еще не завезли), и насельники либо не замечали, либо не хотели знать, что многие из новых так называемых наблюдателей на самом деле — разведчики Навархии, Цессории, Шерифства; шпионы, если уж называть вещи своими именами. И все они отправлены на поиски Фассина Таака, который ищет насельника по имени Валсеир, тоже исчезнувшего, отправлены на поиски малейших следов того оружия, что использовалось против сил Меркатории, а также на поиски любых сведений о насельническом списке и всего, хотя бы отдаленно связанного с ним. Но пока ни одна из этих задач не была выполнена ни на йоту. Пришлось согласиться на то, что даже аппараты разведчиков будут буксироваться, отслеживаться и эскортироваться проводниками из насельников, но лиха беда начало.

Кроме того, шел (пока безуспешно) предвари-

тельный этап переговоров с насельниками о заключении союза или о доступе Меркатории к их оружию. Насельники продемонстрировали, что обладают наступательными возможностями (строго говоря, оборонительными, но сути дела это не меняло), о которых никто прежде и не подозревал. Если убедить их войти в союз с остальной частью системы Юлюбиса, соотношение сил между атакующими и обороняющимися может поменяться на противоположное. Даже если бы насельники поделились частичкой своего военно-технического ноу-хау или предоставили во временное пользование часть своих аппаратов, это дало бы Юлюбису серьезный шанс отразить вторжение своими силами, не дожидаясь прибытия подразделений Объединенного флота.

А если и из этого ничего не выйдет, нужно будет умело направить флот вторжения заморышей на Наскерон, где они, если повезет, будут разорваны на куски тем гипероружием, на которое напоролись силы Навархии во время сражения в шторме.

Есть над чем поразмыслить.

На Салуусе была куртка, но он вышел без перчаток и теперь, чтобы согреть руки, засунул их в карманы. Лисс, неожиданно оказавшись рядом,

обняла его, уткнулась носом в его спину, и голова у Салууса чуть не закружилась, когда он вдохнул запах ее духов. Он посмотрел на нее, а она прижалась к нему, бросив взгляд туда, куда смотрел он, — на юг и на светящиеся точки орбитальных структур.

Он почувствовал, что ее пробирает дрожь. Лисс была легко одета. Он снял свою куртку и накинул ей на плечи. Он видел, как это делают в фильмах, и ему доставляло удовольствие делать так же. Он не возражал против мороза, хотя стало еще холоднее и сверху начал задувать нисходящий ветер, о котором ему рассказывали: поток холодного воздуха от закованной в лед пустыни наверху вытесняет более теплый и менее разреженный воздух и легко, но неумолимо устремляется вниз, переваливаясь через порог водопада, как призрак замерзшей падающей воды.

Некоторое время они стояли молча, потом Лисс напомнила Салуусу, что он должен встретиться с перегалом Эмоэртом для приватной беседы перед вечерним обедом. Время, однако, еще было. Теперь он чувствовал холод — еще немного, и задрожит. «Нет, дождусь, когда меня и в самом деле проберет дрожь, а потом пойду внутрь», — решил он. Он поднял голову, вгляды-

ваясь в почти полную темноту наверху, увидел искорку низкоорбитального спутника над ними. Он почувствовал, как напряглась Лисс, и еще теснее прижал ее к себе.

— Что это? — спросила она, выждав несколько мгновений.

Он посмотрел, куда показывал ее палец, — на запад, где вплотную к горизонту еще была видна тонюсенькая полоса пурпура в том месте, где зашел Юлюбис.

Над самым горизонтом, выше, ниже и позади плотных лент отраженного орбитального света, загорались новые огни. Каплями ярко-синей краски они обрызгали небеса по кругу. Окружность эта была размером с большую монету, если смотреть на нее, держа в вытянутой руке, а капель с каждой секундой делалось все больше. Синие точки мерцали, постепенно становясь ярче, загорались все новые и новые, заполняя маленькое окошко неба синим отсветом холодного пламени, который помаргивал в ледяном, застывшем воздухе над замерзшими долинами.

Салуус почувствовал, как его пробирает дрожь, но не от холода. Он открыл рот, собираясь заговорить, но Лисс посмотрела на него и сказала:

— Это они, да? Это культ Заморыша, Отъедине-

ние Э-пять? Флот вторжения? Они тормозят.

— Боюсь, что так, — согласился Сал; наушник его засвистел, а из передатчика в костюме послышались жалобные трели. — Пошли внутрь.

* * *

Опять отруб. Все в том же грузопассажирском отделении «Велпина». Он включил системы газолета. Экран на стене взбесился — посветлел, показал неподвижные звезды, потом изображение резко качнулось и наконец остановилось на зелено-голубой с белым планете. Поначалу Фассину показалось, что место это ему незнакомо и непригодно для жизни без э-костюма. Потом он понял, что планета похожа на Глантин или Сепекте, даже на Землю. «Я становлюсь настоящим уроженцем газового гиганта, — сказал он себе. — Думаю, как насельник». Обычно это случалось не так быстро.

— Вот бля! — сердито сказал Айсул, уставясь на экран. — Это же толком и не планета!

Волны набегали с ревом, как слепое упрямство, упакованное и принявшее жидкую форму, накатывали нескончаемо-медленно на рваную кромку массивных приземистых скал. Каждый

из длинных, низких пенистых валов, тяжело вздымаясь, обрушивался вниз, словно до ужаса неумелый акробат, налетал и падал, исполненный надежды и безнадежности сразу, взрывался струями и пеной, растекался среди потрескавшейся породы.

Вода откатывалась после каждого приступа, грохоча галькой, камнями, булыжниками между массивными гранитными пирамидами, слезала с камня наподобие кожи и обрушивалась вновь. Этот каменный рокот говорил о медленном расширении успеха: волны — океан — отвоевывали у земли клочок за клочком, разрушая и унося ее, используя камень против камня, перемалывая, дробя, расщепляя его, истирая век за веком, тысячелетие за тысячелетием в каком-то упрямом исступлении.

Некоторое время он наблюдал за волнами, восхищаясь их титаническим безумным напором, против воли впечатляясь непоколебимой настойчивостью шумного прибоя. Соленые брызги попадали ему в волосы, глаза, нос и легкие. Он дышал полной грудью, чувствуя себя частью всего этого, сознавая свое единство с этим бешеным, непрестанным буйством стихии.

Покрытая рябью поверхность моря осветилась

золотистым светом — луч невысоко стоящего солнца медленно пробил нагромождение туч на западе. Дымчатые слои за далекими пиками и макушками гор терялись за длинной, подернутой туманом кривой линией северного побережья.

Морские птицы парили над волнами, ныряли, уносились прочь с тонкими рыбьими телами в когтях, похожими на влажные ломтики радуги.

Поначалу он, выйдя из газолета, чувствовал себя странновато. Так оно всегда и происходило, но на этот раз все казалось по-другому, потому что ощущения были интенсивнее. Это была инопланетная родина, место знакомое и в то же время совершенно особое — ближе к тому, что должно быть домом, дальше от того, что было. На этот раз они были в одиннадцати тысячах световых лет от Юлюбиса, хотя, чтобы попасть сюда, прошли большее расстояние, чем в прошлый раз. И всего двенадцать дней пути.

Когда он открыл люк газолета и встал, ноги его подогнулись, он качнулся, и ему пришлось ухватиться за Айсула. Он закашлялся, и его чуть не вырвало; он чувствовал себя тонким как тростинка, слабым, выпотрошенным и, вернувшись к обычному человеческому состоянию, дрожал от этого ощущения странной ультрана-

готы — покрытый слизью, влажный и голый, как новорожденный, и даже убирающиеся назад щупальца — трубки с дыхательной смесью и противоударным гелем, — похожие на пуповину, дополняли картину рождения. Он чувствовал себя одновременно и полегчавшим и потяжелевшим, кровь его бурлила, кости стонали.

Прошло немного времени, и нагота (нагота в обычной одежде, без газолета) снова показалась нормальным состоянием. Правда, иногда его пробирала дрожь. Раскройщик на «Велпине» поработал на славу, изготовляя человеческую одежду, но результат вызывал у него странноватое ощущение — что-то скользкое и холодное.

Они находились на Мавируэло — планете, на девяносто процентов похожей на Землю и находящейся на окраинах галактики, хотя и ближе к ее центру, чем Юлюбис. На планете, заселенной водными жителями — сцеври.

На кремниевых планетах в галактике большей частью возникли водные миры. Кремния на этих планетах вы, правда, никогда не увидели бы, потому что он находился в металло-кремниевом ядре размером с Землю, в оболочке из спрессованного льда толщиной пять тысяч километров, омываемой толщей океанической воды в сотню

километров. Такие планеты встречались в галактике довольно часто, числом уступая разве что почти вездесущим газовым гигантам, и дали Меркатории три из ее восьми главных видов: сцеври, ифрагиль и кускунде.

Мавируэло не была классическим водным миром, она даже не была покрыта водой в такой степени, как Земля, но сцеври колонизировали ее еще до того, как местная (морская, наземная или воздушная) фауна развилась настолько, чтобы объявить планету своей собственностью. Мавируэло стала, таким образом, одним из удаленных миров сцеври, пограничным постом их полуимперии, входившей во всеобъемлющее сообщество Меркатории.

Сцеври не отвечали привычному образу обитателей водного мира. Они были китопарусниками, похожими на морских млекопитающих, но спинной хребет у них был усеян шипами и напоминал спинакер: ставя его по ветру, они могли двигаться по воде, подобно парусному судну.

Айсул в своем э-костюме, распугивая птиц, появился из моря, как рубка подлодки. Он плыл в бурлящих волнах, то появляясь над водой, то снова погружаясь, плыл к невысокому утесу, на котором стоял Фассин. Тот вспомнил вдруг, как

они с Салуусом Кегаром смотрели на Хазеренс, лавирующую в своем э-костюме среди искусственных бурунов, разбросанных вокруг дома на водяном столбе.

— Фассин! — прогремел Айсул, который теперь парил, жужжа, в десяти метрах над ним; вода ручьями лилась с э-костюма. — Ну что, пока ничего?

— Ничего.

Айсул держал сетчатую корзинку, наполненную чем-то блестящим, трепещущим, извивающимся:

— Посмотрите, что я поймал! — Он поднес корзинку к своей передней мантии, чтобы разглядеть получше. — Пожалуй, возьму это на корабль.

Разбрызгивая воду и маленькие ракушки, Айсул направился вглубь берега, где в двух сотнях метров от моря стоял посадочный модуль — на уступе, поросшем низким кустарником, что покрывал бахромой неровные ряды утесов, пиков и гор вдали. Посадочный модуль длиной в пятьдесят футов был носовой частью «Велпина», оставшегося на орбите с Кверсером-и-Джанатом.

Фассин проводил насельника взглядом и снова повернулся к океану. Он прибыл сюда, чтобы встретиться со сцеври, видевшим насельника

Лейсикрофа, который двадцать лет назад, если верить тому, что им сообщили, находился здесь.

Они не видели пока ни одного сцеври. «Велпин» был остановлен планетарной инспекцией по контролю за орбитальным движением и взят на прицел несколькими военными подразделениями, поэтому путешественникам пришлось частично раскрыть цель их визита на планету.

— Ищем одного психа-насельника по имени Лейсикроф, — так дословно выразились Квер-сер-и-Джанат.

Им было приказано перейти на орбиту и оставаться там. Они постоянно находились под прицелом, поскольку корабль показался подозрительным: судя по его виду, он мог перемещаться по червоточинам, но прибыл не через местный портал.

— Сцеври, — сказали Квер-сер-и-Джанат Фассину и Айсулу. — Подозрительные.

— Параноики.

Три дня они провели, глядя, как вращается под ними планета. Айсул бормотал что-то насчет штормов, которые казались здесь плосковатыми и скучными, а Фассин не уставал восхищаться большими городскими строениями в форме снежинок, разбросанными повсюду на суше и на

море, тогда как истиннодвойня проводила время за описью корабельного оборудования, назначение которого они забыли, и играли в шумную игру под названием «угадай картинку». В ответ на вопрос планетарного контроля, откуда прибыл корабль, они назвали Нхуасте, крупнейший из четырех газовых гигантов системы, после чего поступил сигнал: ученый по имени Аумапил из Аумапила имел честь принимать у себя ученого-насельника Лейсикрофа и будет счастлив оказать такое же гостеприимство новоприбывшим.

Еще один шаг вперед, возможно, еще чуть-чуть ближе к цели — к бродяге-насельнику и его сведениям. Если только он все еще жив, если только у него есть сведения, если эти данные — то, что им нужно, если Валсеир сказал правду, если все это не устарело безнадежно, не лишено какого-либо смысла, не навеяно ложной уверенностью в том, что существует сеть тайных ходов, доступ к которой имеют лишь насельники; и при этом они не желают делиться своими тайнами, возможно никак не связанными с насельническим списком.

Фассин искал средство выйти на то, чем он уже дважды успел воспользоваться. Он уже побывал по меньшей мере в двух насельнических червоточинах, оставил у себя за спиной полгалактики,

но так ни на йоту и не приблизился к разгадке тайны этой системы невидимых входов-выходов и скрытых коридоров. Его проводили по этим лабиринтам, когда он пребывал без сознания под воздействием какого-то сонного зелья, словно сказочная дева из готического романа, но к тайне и близко не подпускали.

Он все еще пытался изобрести способ захватить «Велпин», но надежды на успех не было. Проблему доступа в тайные ходы это не решало. Для начала было бы неплохо придумать, как не уснуть, пока они совершают свои безумные переходы, но Фассин понятия не имел, как это сделать.

Если бы он мог вернуться назад во времени к Апсилу, на Совместный комплекс Третьей Ярости и попросить его вмонтировать в газолет вспомогательные системы, которые действовали бы при выключении основных, создавая иллюзию, будто машина совершенно обесточена, хотя она сохраняла бы способность воспринимать и оценивать… тогда это было бы возможно. Но даже насельники не утверждали, что обладают машинами времени, а у Фассина не хватало знаний, чтобы самому внести такие усовершенствования в систему газолета, даже при наличии средств и

времени, но их не было.

Может быть, ему, как истинному майору Окулы, следовало вернуться в Меркаторию, доложить начальству о случившемся и ждать новых приказов. Но для него Окула ничего не значила ни теперь, ни прежде, а того, что было для него важно, уже не существовало.

Он даже мог бы попробовать связаться с запредельцами, но, пока он не нашел ключа к насельническому списку, какой в этом смысл? И вообще — что, если именно они стояли за уничтожением клана, пусть и не ведая об этом? Готов ли он к такому великодушию?

И может, теперь в его возвращении не было никакого проку. Уже прошло семьдесят дней с тех пор, когда Фассин нырнул — скорее упал — в атмосферу Наскерона. И больше месяца по земным меркам — после сражения в шторме. Кто знает, сколько еще придется искать Лейсикрофа, гоняться за ним по галактике? А если он все время будет приближаться к насельнику, но так никогда и не догонит? А может, он добудет эти драгоценные данные, вернется и обнаружит, что все кончилось, система захвачена или целиком превратилась (как поверхность Третьей Ярости) в лаву и шлак, уничтожена кем-то из противников,

а то и обоими в борьбе за то, чего уже нет.

И тем не менее эти данные теоретически должны оставаться важнейшей информацией, которую когда-либо получал человек. Но даже если ключ к насельническому списку и в самом деле существовал, тот факт, что насельники могли пользоваться тайной сетью ходов под носом у остальной галактики (и делали это уже бог знает сколько миллиардов лет), заставлял усомниться в том, что жалкая бумажка, исписанная хоть какими алгебраическими закорючками, может иметь серьезное значение.

Все же, несмотря ни на что, он и помыслить не мог ни о чем другом — только продолжать поиски и надеяться, что от его находки, которую все так ждут, будет хоть какой-то прок.

Фассин набрал в легкие воздуха, ощущая соль на губах.

Он уже больше не сомневался, что все это происходит с ним по-настоящему, а если нет, то вовсе не стыдно обмануться — уж больно хорошо сработана эта виртуальная среда. Ничего похожего на это (на этот суровый, изъеденный бурями берег) нигде в системе Юлюбиса не было. И звезды тут тоже были совсем другими.

Что-то привлекло внимание Фассина. В

нескольких километрах от него вода в океане поднималась громадным пологим куполом, стекала с гигантской уплощенной полусферы, темной, опоясанной лентами пены. Полусфера поднималась из глубин, предвещая взрыв, которого не будет; она все увеличивалась в размерах и поднималась выше, посылая растревоженные волны вперед к утесам. И наконец этот призрак (двойное блюдце диаметром два километра) целиком высвободился из моря и медленно полетел к берегу, соленый дождь пеленой сыпался с его днища, разглаживая израненную тенью поверхность вод.

К Фассину подплыл Айсул, кивнул в сторону моря:

— Ну вот, карета подана.

Они плавали, стояли и парили в полуосушенном хрустальном зале громадного корабля-блюдца. Аумапил из Аумапила плавал в воде — жирный угорь размером с дельфина косатку, из спины которого торчал огромный сложенный веер паруса. Фассин стоял на широком карнизе, все еще скользком от соленой воды, а Айсул и истиннодвойня Кверсер-и-Джанат (их уговорили-таки спуститься; они щеголяли двухперсонной верхней одеждой, ослеплявшей необыкновен-

ным блеском и раздваивавшейся, как э-костюм) парили в воздухе над огромным бассейном. Фассин снова поймал себя на мыслях об Осеннем доме, Словиусе и его бассейне.

Аумапил из Аумапила (*тот самый* Аумапил из Аумапила, как сразу же сообщил слуга, который провел их по широкой, наполненной водой трубе в приемную, — человек и насельники шествовали в пузыре воздуха, заключенном в алмазную сферу) был не просто заслуженно знаменитым ученым, знатоком синктурии: он был неизмеримо богатым и знаменитым ученым, знатоком синктурии.

Подводная звуковая система издавала нескончаемую, казалось, песню — сплошь из высоких трелей. Не иначе как «Приветствуем тех, кто прибыл издалека».

— Услышав эту песню, тут же хочешь вернуться обратно, — вполголоса поделился Айсул с Фассином, когда они принимали то ли напиток, то ли газ для вдыхания.

Они побеседовали о Лейсикрофе. Их хозяин, говоривший сквозь маленькую парящую сферу, сказал, что они опоздали на несколько лет, после чего Айсул выразил решимость отправиться на поиски насельника.

— В таком случае, — сказал сцеври, — вы должны взять меня с собой.

— Должны?

— *Должны?*

— Потому что я знаю, куда он направился, — сказал сцеври, словно это объясняло все.

— А вы бы не могли сказать нам куда? — жалобно проговорил Айсул.

— Вы нам только скажите, в какую сторону.

— *И мы отправимся.*

Сцеври принялся извиваться в своем огромном бассейне, отчего вода забурлила. Он рассмеялся. Мягкий серебряный звук из парящего в воздухе громкоговорителя.

— Я бы мог, но меня всегда не покидало ощущение, что мой друг Лейсикроф попутешествовал даже больше меня, особенно среди газов Нхуасте. Я думаю, вы могли бы направиться туда, поскольку вы прибыли не через портал червоточины, а он удалился не через него. Понимаете? У меня свои источники информации. Я знаю, что происходит. Вам меня не провести. Я не так глуп. Вы и ваш маленький друг-расточитель отправитесь назад на Нхуасте.

— Сомневаюсь! — фыркнул уракапитан.

Маленьким другом-расточителем был Фассин.

Сцеври очень гордились тем, что, несмотря на все стоявшие перед ними препятствия, стали высокотехнологическим видом космосопроходцев. В классической среде обитания сцеври металлы практически отсутствовали. Любая руда, имевшаяся в подводном мире, обычно находилась под ледяным панцирем, глубоко запрятанная в недоступном ядре планеты, и сцеври довольствовались тем, что имелось, — тем, что падало с небес в виде метеоритов. Тем самым по своей эволюции сближались с насельниками газовых гигантов.

Выбраться в космос при таком дефиците сырья было ох как непросто, и сцеври полагали, что заслуживают немалого признания и уважения за подобную победу интеллекта над стесненными обстоятельствами. Аналогичные достижения на планете с кремниевой поверхностью были довольно обычными, вполне ожидаемыми и даже смехотворными. Сцеври называли существ с таких планет расточителями, хотя не высказывали этого им в лицо или в равнозначную часть тела.

— Прошу вас, о великий А из А, — сказала другая половина Кверсера-и-Джаната, — поясните вашу мысль.

Фассин подозревал: ему известно, что на уме у

сцеври. Местный газовый гигант Нхуасте (со своей, конечно же, популяцией насельников), как и подавляющее большинство насельнических газовых гигантов, не особо приветствовал появление наблюдателей или кого-либо еще, кроме других насельников. Аумапил из Аумапила, вероятно, знал, куда держал путь Лейсикроф, и раз тот не воспользовался меркаторийским ходом (и, судя по всему, не имел намерения углубляться в космос на субсветовых скоростях), значит, скорее всего, отправился на свои поиски в то единственное место, куда в этой или в любой другой системе не имели доступа даже обладатели сказочных состояний, подкупавшие чиновников правительства, — к насельникам на газовый гигант.

— Я полагаю, что созидатели, которых искал наш общий друг, нашли новую нишу, но теперь уже не в космосе, а в газе. Вы понимаете? — сказал сцеври.

Даже через сфероговорник в его голосе слышалось самодовольство.

— Созидатели? — переспросил Айсул.

— Знаем.

— *Полезные полуроящиеся приборы, — провозгласила другая часть Кверсера-и-Джаната. — Инфраразумные. Известны по бессистемно строя-*

щимся загадочным космическим сооружениям, которые в отсутствие других гипотез определяются как подготовительная инфраструктура для так и не состоявшегося вторжения некой расы, давно исчезнувшей и начисто забытой. Ареал обитания весьма широк, но встречаются редко. Количество изменчиво. Опасны редко, иногда служат объектом охоты, вознаграждения за отстрел не полагается.

— Вот так.

Айсул выглядел удивленным.

— Правда? — спросил он.

— Бросьте вы скромничать! — пропел их хозяин, дернувшись, словно от щекотки, отчего по воде пошла волнистая рябь. — Конечно! Будто вы не знали. — Аумапил из Аумапила выдул воду из обоих своих концов. В нос Фассину ударил запах, отдаленно напоминающий гнилостное зловоние. — Я знаю, куда направился наш друг, а вы — нет. Но как только я окажусь на борту вашего корабля, я вам скажу, если вы возьмете меня с собой. Такие большие эти газовые гиганты. А у нас их, конечно, четыре. Кто-нибудь скажет: «Да кто же знает, где найдешь то, что ищешь?» — Сцеври взмахнул хвостом, и на Фассина полетели брызги. — А вы что скажете, господа?

Айсул посмотрел на Фассина и потихоньку наморщил свою мантию, что у насельников означало покачивание головой.

Уракапитан помолчал несколько мгновений, потом начал:

— Если мы возьмем вас с собой…

— Да нет, у меня есть собственный корабль! И вы внутри его!

— Из этого ничего не получится.

— *Придется перебраться на наш.*

— У меня есть корабли поменьше. Много кораблей. Есть из чего выбрать.

— Это не имеет значения. Корабль должен быть нашим.

— *Условия пропуска.*

— Ну что ж… — сказал сцеври.

— Пассажиры путешествуют на наших условиях.

— *Наших.*

— И что это значит?

— Вы должны нам доверять.

— *Да, что бы ни случилось.*

— Это значит, что после каждого старта вас вырубают, вот что это значит, — сказал Айсул их хозяину; Кверсер-и-Джанат издали нечто вроде змеиного шипения. — А кроме того, — рассеянно

добавил Айсул, — вы можете оказаться вовсе не там, куда намеревались попасть.

— Какой примитив! Конечно, я согласен!

* * *

Тысяча сто кораблей. Им угрожал флот из тысячи ста кораблей. Все они, вероятно, были не меньше определенного размера, способны пересечь огромное пространство между Отъединением Э-5 и Юлюбисом за сравнительно короткий срок, и, видимо, все были вооружены. Юлюбис мог выставить разве что три сотни настоящих боевых кораблей, даже после отчаянной строительной гонки. Объединенный флот, идущий им на выручку, имел приблизительно такие же размеры, но его корабли обладали более высокой огневой мощью: флот включал все виды истребителей, легкие, средние и тяжелые крейсера и вдобавок настоящих исполинов — линкоры и линейные крейсера.

У Юлюбиса были фрегаты, истребители, легкие крейсера и один старый линейный крейсер — «Каронада». За века, прошедшие после уничтожения портала, здесь построили внушительный флот и еще несколько кораблей за те полгода, что последовали за известием о грядущем вторже-

нии, но этого не хватало для серьезного отпора. Они потеряли около шестой части своих сил в Наскеронском сражении несколько месяцев назад и в том числе — второй линейный крейсер. И хотя в остальном пострадали главным образом легкие силы, потери для Юлюбиса оказались тяжелыми.

Последняя плохая новость пришла от консорциума, работавшего над рельсовой пушкой: они настолько отставали от графика, что вряд ли успевали подготовить образец к испытаниям до начала вторжения. Поэтому гигантскую пушку теперь разбирали, чтобы она не попала в руки последователей культа Заморыша. Сал подумал о том, что проект стал идеальным примером напрасной траты времени, людей, труда и ресурсов.

«Кегар» и другие производители работали не покладая рук, чтобы построить, отремонтировать, модернизировать и модифицировать как можно больше военных кораблей, а кроме того, они переоборудовали для военных целей десятки гражданских судов. Но их возможности были ограниченны и явно недостаточны. Противник обладал численным превосходством. Юлюбис мог вступить в борьбу, но неизбежно потерпел

бы поражение.

— Хуже и быть не могло! — воскликнул генерал гвардии Товин, разбрызгивая, чуть не целиком расплескивая свою выпивку.

Они находились на реквизированном гражданском лайнере, одном из вспомогательных кораблей посольства на орбите вокруг Наскерона. Салуус и субмастер Пропилеи Сорофьеве были отправлены сюда Чрезвычайным военным кабинетом, чтобы продемонстрировать важность, которая придается переговорам с насельниками. В подчинении Товина, освобожденного от обязанностей по линии гвардии и назначенного главнокомандующим Юлюбисскими орбитальными силами, был очень легкий эскорт, потому что генерал находился вдалеке от основных событий и не мог причинить большого вреда. Пышный титул для него, казалось, создали с одной целью — прикрыть отсутствие реальной силы в его распоряжении.

— Мы даже не можем сдаться заморышам, потому что, сделай мы это, Объединенный флот, как только прибудет, расколошматит нас почем зря! — Он выплеснул содержимое бокала.

Салуус не питал никаких симпатий к Товину — адмирал был из тех, кто пробирается на самый

верх служебной лестницы за счет везения, связей, покровительства высших и того невнимания к другим, которое впечатлительные личности называют жестокостью, а менее чувствительные — социопатией. Но иногда благодаря своей бездумной грубости и неспособности осмыслить последствия своих слов он говорил то, что другие не осмеливались. Комический поэт, состряпавший непристойные вирши.

— Нет нужды говорить о сдаче, — тут же сказал субмастер Сорофьеве, развеселив Салууса тем, что опасливо оглянулся, стрельнул глазами направо-налево, убеждаясь, что в кают-компании старого корабля никто больше не слышал этого слова на букву «с».

В кают-компании было пусто, если не считать нескольких барменов, трех высших чинов и полудюжины их ближайших помощников. (Здесь была и загадочно-красивая Лисс, которая в основном помалкивала, но время от времени перекидывалась парой слов с помощниками, секретарями и адъютантами. Когда субмастер Пропилеи воровато оглянулся, она встретилась глазами с Салуусом, улыбнулась и подняла брови.)

Салуус подумал, что, если здесь и есть доносчи-

ки, они не прячутся за мебелью, а сидят прямо за столом. Эти незаменимые адъютанты и помощники, которым они доверяют свои жизни, и есть первые кандидаты в доносчики. Если до ушей иерхонта (или кого-нибудь другого, стоящего ниже, но все же достаточно высоко в меркаторийской иерархии Юлюбиса) и доходили толки о сдаче или о чем-нибудь ином, не менее запретном, то, вероятно, благодаря кому-то из них.

Салуус знал: на все сто нельзя быть уверенным, — но почти не сомневался, что хорошенькая Лисс не работает на других. На заре их отношений он пару раз намеренно позволил вырваться словам, которые непременно отозвались бы ему, получай она деньги от кого-то еще. Тот факт, что она пришла к нему через Фассина, был своего рода рекомендацией, а Фассин явно знал ее не один десяток лет. Уж слишком это был окольный путь, чтобы подобраться к промышленнику, даже если его звали Салуус Кегар.

— Нет нужды? — переспросил Товин, театрально моргая и со стаканом в руке поворачиваясь к своему секретарю. — Именно об этом нам следовало бы говорить, не приближайся к нам Объединенный флот. Самое разумное, что мы могли бы сделать. — Он фыркнул. — Я не говорю,

что мы должны сдаться. Нам приказано драться до последнего, но если бы флот не был поблизости и мы не искали бы эту… эту фигню, которая вроде где-то там на Наске. — (Конечно же, это он о легендарном преобразовании, подумал Салуус. Мифическая волшебная пуля, которую, видимо, ищет Фассин, если только он еще жив.) — Не будь этого, о чем думать, как не о спасении своей жизни?

— Мы вооружены, потому что предупреждены, — сказал субмастер Сорофьеве с отчаянной улыбкой. — Я уверен, мы покажем себя с лучшей стороны. Мы сражаемся за наши дома, за нашу честь, за… — он снова оглянулся, — за саму нашу человечность! — (Ага, понял Салуус, Сорофьеве смотрит, нет ли здесь инопланетян, которых его слова могли бы обидеть.) — За нами тысячелетия меркаторийской, гм, мудрости и военного опыта. Что в сравнении с нами эти отступники-заморыши?

Как что? — подумал Салуус. Тысяча сто кораблей, вот что. Тысяча сто против наших трехсот, и стратеги утверждают, что качественное соотношение сил тоже не в нашу пользу: средние и тяжелые единицы против наших легких. Плюс один их мегакорабль против старого линейного

крейсера у нас.

Не далее как сегодня они провели еще одно заседание с представителями насельников. Теперь они спускались на планету лично, в облегающих скафандрах, садясь по двое или по трое в круглые газолеты. Они собирались в большом зале одного из гигантских, размером с дредноут, кораблей, выделенных для этих целей насельниками. Откинув крышки газолета, можно было довольно удобно лежать или сидеть внутри и говорить напрямую с насельниками, повернувшись к ступицам — или что уж у них там вместо лица.

Салуусу и одного дня хватило в условиях многократных перегрузок, но оно того стоило. Насельники, казалось, по достоинству оценивали их усилия, и (спасибо старшим наблюдателям, которые понемногу натаскивали их и спускались с ними на заседания, удаляясь лишь при обсуждении самых щекотливых, а также секретных вопросов) Салуус даже начал понимать насельнические выражения, оттенки смысла и поведения, передаваемые как словами, так и накожными знаками. Возможно, слишком поздно и — пока — без всякой пользы. Но по крайней мере у него было ощущение, что он чем-то занят, — «кегаровские» доки работали, считай, на автопилоте,

точно по графику и настолько в соответствии с потребностями военных, что практически стали частью командной экономики. Он, Салуус, только мешал налаженной работе.

— Это угроза всей системе Юлюбиса, — сказал Сорофьеве.

Сал подавил вздох. Сорофьеве только третий день участвовал в этом последнем раунде (он сменил первого секретаря Хьюипцлаггера, для которого высокая гравитация оказалась слишком утомительной) и теперь разговаривал с насельником по имени Йавийюэн, который тоже влился в процесс переговоров лишь недавно, однако вел их довольно умело. Они вот уже несколько недель топтались на месте.

— Эти типы из культа Заморыша наплюют на наскеронский нейтралитет, — заключил субмастер.

— Откуда вам это известно? — спросил Груноше, еще один насельник.

Всего участников было девять: два переговорщика-человека со своими ассистентами (Лисс сидела за Салом; она заявила, что в условиях повышенной гравитации чувствует себя прекрасно), старший наблюдатель Меретий из клана Крайн и всего два насельника, оба в официальных

полуодеждах, с ленточками и драгоценностями.

— Известно что? — спросил Сорофьеве.

— Известно, что культ Заморыша наплюет на наскеронский нейтралитет, — с невинным видом сказал Груноше.

— Дело в том, — сказал Сорофьеве, — что они захватчики, поджигатели войны. Они и не посмотрят на ваш нейтралитет, они — варвары. Для них нет ничего святого.

— Но из этого вовсе не вытекает, что они захотят с нами ссориться, — сказал Йавийюэн; на его сигнальной коже отобразилась рассудительность.

— Они хотят подчинить себе всю систему, — сказал Сорофьеве и бросил взгляд на Салууса, взывая о помощи. — И Наскерон, с их точки зрения, тоже часть системы.

— Мы знаем о культе Заморыша, — сказал им Йавийюэн. («Интересно, откуда?» — отправила Лисс Салуусу на устройство в его ухе.) — Это малопримечательная фракция быстрых с гегемонистскими амбициями, желающих подчинить себе свой вид и планеты со средой, пригодной для их обитания. Газовые гиганты их не интересуют.

— Все дело в том, — ровным тоном сказал Салуус, и его усиленный голос прозвучал басовито и мощно, — что они атакуют систему Юлюбиса

только ради Наскерона.

— Почему? — спросил Груноше.

— Мы точно не знаем, — сказал Салуус. — Но мы абсолютно уверены, им что-то нужно от Наскерона, что-то такое, чего нет на других гигантах, — но что именно, мы не можем сказать. Однако мы не сомневаемся, что причина вторжения в этом.

— Почему вы уверены? — снова спросил Груноше.

— Мы перехватили сведения, — ответил Сорофьеве.

— Какие сведения? — спросил Йавийюэн.

— Сведения, — сказал Сорофьеве, — из личного дневника Верховного главнокомандующего флотом вторжения культа Заморыша, отправленного в систему Ронтрил почти восемнадцать лет назад. Этот флот был перехвачен силами Меркатории. Из полученных документов стало известно: главнокомандующий неприятеля выражает свое недовольство тем, что большие силы Отъединения Э-пять отвлечены для похода на стратегически маловажный Юлюбис ради какой-то информации, имеющейся на Наскероне.

— В документах был назван именно Наскерон? — спросил Груноше.

— Да, — ответил Сал.

Он почти был уверен, что тихий голос в его наушнике скажет что-нибудь вроде «неплохо соврал», но потом вспомнил, что даже Лисс не сообщили всей правды о насельническом списке и мифическом преобразовании. Она, вероятно, представляла (как и многие близкие к властям), что Фассина отправили на Наскерон с секретным заданием найти там что-то важное и что предмет его поисков каким-то образом связан с войной, — но больше ничего. Она не присутствовала на совещании с участием ИР и проекции адмирала Квайла, никто из участников не поделился с ней секретными сведениями впоследствии (как посвятили Сала), а потому она не знала подробностей, известных другим.

— Ну что ж, — рассудительно сказал Йавий-юэн, — тогда вы должны позволить культу Заморыша атаковать нас, а уж мы с ними разберемся.

Именно на это и надеялся Чрезвычайный военный кабинет.

«Не могли бы мы просто сказать здесь „да“ и поставить точку?» — отправила Лисс.

— Не понадобится ли вам в таком случае наша помощь? — спросил Сорофьеве.

— Нет-нет! — воскликнул Груноше, словно

мысль казалась абсолютно невероятной.

— Как говорил субмастер Сорофьеве, — сказал Салуус, — мы абсолютно уверены, что культ Заморыша намерен захватить всю систему Юлюбиса, включая и Наскерон. Нам всем угрожает опасность. Вот почему имеет смысл объединить наши усилия по отпору агрессору.

— Общая угроза требует общих действий, — сказал Сорофьеве насельникам.

— А может, захвата в клещи, — весело заметил Йавийюэн.

Салуус чуть не вздохнул снова. Предполагалось, что эти двое — переговорщики высшего ранга с полномочиями временно (в преддверии некоего, пока не объявленного плебисцита) выступать от имени всего насельнического сообщества планеты, однако зачастую их реплики звучали совсем по-детски.

— Может быть, — сказал Салуус. — Если нам удастся хотя бы скоординировать наши действия.

— И конечно, — заметил Сорофьеве, — не исключается обмен оборонительными технологиями.

— Вот как! — сказал Йавийюэн, чуть приподнимаясь из своего утопленного сиденья. — Пре-

красная мысль. Что у вас есть такого, что может понадобиться нам? — Он, казалось, загорелся простодушным энтузиазмом.

— Наш вклад главным образом связан с разведданными, и нам известен тип мышления последователей культа Заморыша, — сказал Салуус. — Они в основном принадлежат к человеческому виду. Несмотря на все наши различия, мыслим мы почти одинаково. Наш вклад будет состоять в предугадывании их ходов, в попытке перехитрить их.

— А наш? — спросил Йавийюэн, снова откидываясь к спинке сиденья.

— Я так думаю — оружие, — сказал Груноше без всякого энтузиазма.

— Как мы обнаружили довольно дорогой для нас ценой, — сказал Салуус, — вы, безусловно, опережаете нас в наступательных вооружениях и…

— Оборонительных, — прервал его Груноше. — Да?

Салуус как мог кивнул своей забранной в шлем головой, что было нелегко в условиях повышенной гравитации — пришлось изо всех сил напрячь шейные мускулы.

— Оборонительных, как вы говорите, — по-

правился он. — Если бы вы поделились с нами знаниями в области…

— Военные технологии принадлежат к той области знаний, которыми мы не будем делиться, — отрезал Груноше.

— Мы могли бы сказать, что не возражаем, — сообщил им Йавийюэн. — И не только сказать — мы могли бы и думать таким образом… ведь ваши аргументы довольно убедительны… но те, кто контролирует доступ к оружию, не допустили бы этого.

— А нельзя нам хотя бы поговорить с ними? — спросил Салуус.

Йавийюэн подпрыгнул на своем сиденье:

— Нет.

— А почему? — спросил Сорофьеве.

— Они не разговаривают с инопланетянами, — напрямик сказал им Йавийюэн.

— Они и с нами-то не очень разговаривают, — признался Груноше.

— А как мы могли бы?.. — начал было Салуус.

— Мы не входим в Меркаторию, — снова прервал Груноше Салууса, не привыкшего к такому обращению и теперь понявшего, как это порой действует на нервы. — Мы не часть Меркатории, — повторил насельник. Голос его звучал

возмущенно. — Мы не одно из ваших государств, не какая-нибудь группировка, которых вы завлекли обещанием денег или светлого будущего.

«Что-то он разволновался?» — услышал Сал у себя в ухе.

— Позвольте мне, — вступил в разговор главный наблюдатель Меретий.

Наблюдатели получили инструкцию вмешиваться в переговоры, только если, по их мнению, между сторонами возникало фундаментальное непонимание. По мнению Меретия, именно такой момент сейчас и наступил, но ему не дали возможности вмешаться.

— Это значит примерно вот что, — сказал Йавийюэн, — у нас не действует то, что действует у вас. Нас послали для переговоров с вами, и то, что мы здесь узнаем, будет сообщено тем, кто захочет об этом узнать. Мы не имеем возможности указывать другим насельникам, что они должны делать. И никто не имеет — у нас не действует привычная для вас иерархическая система. Мы можем делиться информацией. Информация о приближении последователей культа Заморыша была распространена среди тех, кто пожелал об этом знать. Равно как информация о сосредоточении сил Меркатории непосредственно перед

прискорбным недоразумением, которое имело место в шторме В-два Ультрафиолет три тысячи шестьсот шестьдесят семь. Те, кто отвечает за соответствующие оборонительные системы, безусловно, примут в расчет вышеназванные сведения. Но больше мы ничем не можем поделиться с вами. Наши коллеги, отвечающие за системы безопасности, не станут говорить с посторонними, а прецедентов лизинга, сдачи в аренду, шеринга или предоставления таких технологий другим не существует.

— Вы говорите о ваших коллегах, которые командуют оборонительными системами. А кто командует этими вашими коллегами?

«Ну вот, не в бровь, а в глаз».

Йавийюэн слегка подскочил — аналог пожимания плечами:

— Никто.

— Кто-то же должен ими командовать, — гнул свое Сорофьеве.

— Почему вы так думаете?

— Иначе они не знали бы, что им делать, — сказал Сорофьеве.

— Они много учились, — ответил Йавийюэн.

— Но когда? Когда они будут знать, что должны делать то, чему научились? Кто ими управляет,

кто решает, что пора прекратить разговоры и начать стрелять?

— Они сами знают.

— Сами? — Голос Сорофьеве прозвучал недоуменно. — Вы позволяете своим военным самим решать, когда следует начинать войну?

«Наш субмастер плохо справился с домашним заданием, да?» — отправил Сал Лисс.

«Может, он и читал, да только не поверил», — ответила она.

Салуус собрал всю информацию по насельникам, какую мог. Удивительно, как мало он знал. Он был умен, хорошо образован, имел прекрасные связи, но сейчас чуть ли не краснел от стыда, понимая, как мало знает о существах, с которыми его собственный вид делит эту систему. Осознав, как мало интересует насельников юлюбисское человечество со всеми его проблемами, это самое человечество, казалось, решило отплатить им той же монетой. И это притом, что люди создали систему наблюдателей, которая обеспечивала межвидовые контакты на более высоком уровне, чем любая иная, исключая разве что еще десяток-другой таких же привилегированных систем, разбросанных по галактике. Но даже после этого люди не знали и не хотели знать о насельниках

почти ничего. О них что-то знало немалое по численности меньшинство, но в этих людях видели помеху — эксцентричных, упертых ксенофилов. И только теперь, перед лицом страшной опасности, отчаянно нуждаясь в помощи насельников, они поняли, как были недальновидны.

Сал, читая о насельническом обществе, убедился в справедливости старого изречения: чем больше узнаешь, тем больше понимаешь, как мало узнал. (Это про Наскерон, подсказала ему Лисс, когда он впервые попытался выразить это чувство: непознаваемые глубины.)

— Конечно, наши военные сами решают, когда им начинать войну, — сказал Груноше, снова успокаиваясь. — Они в этом деле смыслят.

— Полагаю, что мне позволительно вмешаться, — сказал из своего газолета старший наблюдатель Меретий. — Все дело тут в том, что мы по-разному смотрим на военную мощь наших обществ. Мы — то есть люди, и тут, пожалуй, я взял бы на себя смелость говорить за всю Меркаторию, — смотрим на наших военных как на инструмент, используемый политиками, которые, конечно, правят от имени всего народа. Наши же друзья-насельники, напротив, считают, что быть военным — это старинное и почетное

призвание для тех, кто чувствует склонность к этому, что армия — это институт, достойный уважения за свою древность и выполняющий, впрочем вполне факультативно, долг защиты насельнических планет от внешней угрозы. Насельнических военных можно назвать пожарными командами, к тому же добровольными, и они принимают решения без санкции или контроля со стороны политиков. Понимаете? Смысл их существования лишь в том, чтобы как можно быстрее реагировать на чрезвычайные ситуации, — ни в чем больше.

«Черт побери, звучит разумно», — отправила Лисс.

От трех первых слов, произнесенных ее голосом, от ее близости — прямо у него за спиной — Сал испытал эрекцию. Интересно, подумал он, при какой гравитации перестает вставать.

— Ведь у пожарных команд есть… начальники, капитаны, так? — жалобным голосом сказал Сорофьеве, переводя взгляд с Меретия на Салуса. — Нельзя ли поговорить с ними?

Йавийюэн опять подпрыгнул, «пожав плечами»:

— Абсолютно исключено.

— Но нам это необходимо, — чуть ли не взывал

Сорофьеве.

— Для чего?

— Да у нее даже вид стремительный, — сказал генерал гвардии Товин, разглядывая темный, с зализанными очертаниями корабль из реквизированных гражданских экскурсионных лайнеров. Вокруг мерцали звезды. — У него есть название?

— «Корпус восемь тысяч семьсот семьдесят», — сказал ему Салуус. — Военные дадут ему настоящее имя в момент передачи. Это прототип, не очень пригодный для полноценной службы.

— Жуткие времена, — сказал Товин, пожимая плечами и выковыривая что-то у себя между зубами. — Приспособим для чего-нибудь. Да хоть ракету из него сделаем.

«Перебьешься», — подумал Сал.

— Мы еще не дошли до этого этапа, — сказал он.

Они были вдвоем. Товин предложил прогуляться по бывшему гражданскому кораблю, почти пустому.

— Вам не кажется, что мы тут теряем зря время? — Товин повернулся к Салуусу, приподняв и наклонив свою голову, растущую чуть ли не из плеч.

— Ведя переговоры с насельниками?

— Да, ведя переговоры с этими сраными насельниками.

— Может быть. Но тогда и наш друг Фассин Таак, вероятно, тоже попусту тратит время — если он еще жив — в поисках преобразования, которого, возможно, и в природе нет.

— Он ведь был вашим другом? — сказал генерал гвардии, прищурившись. — Школьные приятели, так ведь?

— Да, мы учились вместе. В школе и колледже. Не теряли связи все эти годы. И вообще, вероятно, последние свои земные радости перед вылетом на Наскерон он вкушал в моем доме на Мурле.

— А я поступил прямо в Академию гвардии, — сказал Товин, снова меняя тему и поворачиваясь к стреловидному кораблю. — Это ваш путь к бегству, Кегар? — с невинным видом спросил он.

«А ты совсем не так глуп, как кажешься», — подумал Сал.

— Куда мне бежать? — спросил он, улыбаясь.

— Куда подальше, к херам собачьим, — сказал Товин. — Спрятаться на время заморышевской оккупации, а когда станет безопасно — вернуться.

— Знаете, я об этом как-то не думал, — сказал

Сал. — А вы что, хотите сделать мне предложение в таком роде?

— Я же не умею им управлять. Но вы-то, конечно, знаете, как это делается.

То, что Салуус сам привел сюда «Корпус 8770», ни для кого не было секретом. Он был довольно умелым пилотом. Стать хорошим пилотом было нетрудно — пройди небольшой учебный курс, а там компьютер поможет.

— Освобождаю одного из наших храбрецов для схватки с врагом, — сказал он, напустив на лицо непроницаемое выражение.

— Шутить будете, если мы победим врага. Или Объединенный флот заблудится. А?

— Смешно.

— Как по-вашему, удастся нам что-нибудь выудить из этих поплавков?

— Я так думаю, что наши друзья-насельники, вероятно, дали нам все, что собирались, и больше от них ничего не получить, но стоит продолжать переговоры и дальше. Мало ли что.

— Думаете?

— Может, экипаж одного из их гиперкораблей вдруг решит поразвлечься и станет на защиту Сепекте просто от нечего делать. Или кто-нибудь из разведчиков на Наскероне найдет преобразо-

вание, или его притащит Фассин Таак. Тогда мы все спасемся сквозь червоточину или побыстрее приведем сюда Объединенный флот. Кто знает?

— Значит, мы здесь не впустую тратим время?

— Не знаю, может, и впустую. Но что еще делать? Наполнять мешки балластом?

Товин почти что улыбнулся:

— Конечно, если они вдруг появятся с каким-нибудь своим гипероружием, то, может, нам не строить больше новые корабли, как думаете?

— Я уверен, что «Кегар» вполне мог бы переключиться на строительство пассажирских лайнеров. — Сал оглядел обзорную галерею, в которой они стояли. — Я прямо здесь вижу, что можно улучшить.

Товин кивнул на стреловидный темный корпус:

— И вы бы переоборудовали этот кораблик под яхту и передали иерхонту, если бы он попросил об этом, да?

Сал на мгновение задумался.

— Я почти наверняка предпочел бы его уничтожить, — сказал он.

Товин повернулся и посмотрел на него — недоумевающе и выжидательно.

— Я не шучу. Это ведь только прототип, — улыб-

нулся Сал. — Не станешь ведь сажать высшее должностное лицо системы в корабль, не прошедший всех испытаний, а особенно если хочешь разогнаться до субсветовой скорости, что, собственно, и определяет выбор в первую очередь именно такого судна. Разве нет? Себя я доверил бы этому кораблю, но не иерхонта. А что, если несчастный случай? Подумайте, какой будет шум. Силы небесные, вы только представьте, как упадут наши акции.

Товин несколько мгновений кивал, глядя на корабль.

— Ну, тогда ракета, — сказал он.

— И я тоже, — тихо сказала Лисс в темноте. — Я думала, он просто идиот, случайно попавший на самый верх.

— Он неплохо корчит из себя идиота. Вообще-то, я думаю, что он настолько же неподдельно глуп, насколько наши партнеры-насельники неподдельно наивны. Может быть, переговоры следует поручить Товину. Вряд ли у него получится хуже.

Они лежали в кровати на борту корабля-прототипа. Здесь было безопаснее, чем на лайнере или на любом другом из кораблей, сопровождавших посольство, хотя, возможно, не так роскошно и

просторно. Стопроцентно гарантировать, что во время строительства корабля кто-нибудь не начинил его жучками, было невозможно, но на этом проекте были задействованы самые доверенные люди Салууса, а кроме того, он сам постоянно присматривал за ходом работ. Если вы хотели сказать что-то, не предназначенное для чужих ушей, лучше места было не найти.

— Думаешь, он пытался заключить сделку, напроситься в пассажиры, если ты и в самом деле решишь бежать?

Салуус задумался. Такие вещи он ни с кем не обсуждал напрямую, даже с Лисс. Он не сомневался, что она догадалась: использовать корабль для бегства возможно (явно догадался об этом и Товин, из-за чего Сал спрашивал себя, а кому еще это могло показаться очевидным; от этой мысли его слегка бросило в пот), но ни он, ни она ничего не выигрывали, говоря об этом вслух.

— Нет, — сказал Сал, решив не выносить хотя бы эту истину на свет божий. — Знаешь, вообще-то, я думал, что Товин, может, сам шпион или что-то вроде.

— Правда?

— Я не удивлюсь, если узнаю, что он обо всем докладывает напрямую иерхонту или по мень-

шей мере главе его секретной службы. Я думаю, что его панибратски-грубоватые манеры — это способ заставить людей разоткровенничаться. Этого сукина сына прислали сюда, чтобы он вынюхивал и наушничал.

Лисс прижалась к нему длинным телом, неторопливо и нежно потерлась об него.

— Но у тебя он ничего не вынюхал?

— А что у меня вынюхивать? — сказал Сал. — Я ведь обо всем говорю прямо и открыто.

— Ах да.

Иногда, если она, засыпая, еще касалась его, Сал чувствовал, как ее пальцы выстукивают какую-то странную дробь на его боку или спине, словно пытались набрать некий тайный любовный код. Когда Лисс засыпала, эти движения прекращались, а иногда, словно очнувшись, она смущенно отодвигалась и сворачивалась калачиком.

* * *

Снова в отключке. На борту «Велпина». По-прежнему. Сколько это продолжалось — ни малейшего представления. Истиннодвойня сообщила им троим, что путь до конечной точки займет «несколько дней». После чего они незаметно для сцеври подали шепотосигнал Айсулу

и Фассину: «Насчет „вы должны доверять нам“ — это к вам двоим относится. Только ш-ш-ш, хорошо?»

Айсул и Фассин обменялись взглядами.

Несколько дней. Прохождение червоточины занимало, конечно, не больше мгновения — от портала до портала. Дни уходили на то, чтобы добраться до портала на одном конце и от портала до места назначения — на другом. На это и, возможно, на всякие хитроумные маневры, чтобы сбить с толку тех, кто наблюдает или движется следом, пытаясь таким образом найти тайные порталы. Кто знал? Знали, конечно, Кверсер-и-Джанат, но ни за что не позволили бы ему или даже Айсулу бодрствовать во время этих прыжков через всю галактику.

Наблюдать, следить. Как могли остаться незамеченными все эти передвижения? Телескопы — оптические, рентгеновские, какие угодно, — детекторы гравитации, счетчики нейтрино, все, что практически в любой развитой системе недреманным оком отслеживает любой сигнал, поступающий из ближнего, среднего или дальнего космоса, — обязательно должно было что-нибудь да зафиксировать. Или, может, эти насельнические порталы — только в слаборазвитых

системах, чтобы не так легко было обнаружить?

Да нет, есть же порталы у Юлюбиса и Ашума.

Наблюдать, следить. А если следит что-то настолько крошечное, что его заметить еще труднее? Кто-то, *что-то* могло последовать за кораблем насельников где-нибудь внутри системы и неожиданно ухнуть в тайный ход… Нет, пока явно никого и ничего.

Как бы невзначай, вяло, словно походя; что, если это превосходная — и бесконечная — игра? Что, если насельники — гениальные актеры, блестящие притворщики, безупречно следующие методике, необходимой для поддержания строжайшей дисциплины при каждом отдельном путешествии/переходе/прыжке, да чём угодно? Мысли и судьбы небесные! У них было десять миллиардов лет, чтобы довести до идеала все, что им нужно. Кто знает, в чем они поднаторели до совершенства за это время? (Но невзирая ни на что, оставался хаос, игра неожиданностей, нагромождение случайностей, и что-нибудь должно было порой идти наперекосяк, пусть даже ты близок к совершенству…)

Приближение, замедление. Ровруэтц, Дирельете. Черт, новые имена, нужно разбираться, новые места, еще один шаг на долгом пути. Он

так и умрет, вечно гоняясь за этим неуловимым насельником, черт бы его драл, или у него в голове так все запутается от всех этих отключек, что он забудет, зачем носится по миру как сумасшедший, и в один прекрасный день найдет Лейсикрофа, но будет уже поздно, и он, Фассин, глядя на этого парня, не сможет вспомнить, о чем хотел его спросить или что такое могло быть у этого насельника, что для него, Фассина, представляло хоть малейший интерес, имело хоть какую-то важность.

Пассажирский отсек на «Велпине» был почти целиком занят э-костюмом сцеври, которого звали Аумапил из Аумапила: огромная, испещренная белыми линиями черная ромбовидная конструкция — подобие странного иллюминатора, дающего искаженный вид космоса. Фассин, медленно пробуждаясь, чувствовал себя неумытым и больным, как и всегда, и не мог видеть ни Айсула, ни экрана на дальней стене, в любом случае бесполезного.

— Брр! — проговорил гигантский черный э-костюм. — Вот, значит, что такое бессознательное состояние? Отвратительно. И сильно подозреваю, что это его неотъемлемое свойство.

Фассин был рад, что у него появился единомыш-

ленник. Он начал прогрев и проверку систем своего стрелоида. Рычаг правого манипулятора, кажется, заело, а механизм саморемонта достиг пределов своих возможностей. В последние несколько месяцев реального времени тот работал плоховато, неровно, а потом его вообще заклинило. Фассин подумал, что ему еще повезло: столько всего позади и пока что никаких отказов оборудования, и это при всех нагрузках на газолет после вылета с Третьей Ярости.

— Но небезынтересно! — заявил сцеври; голос его звучал оглушительно в пространстве, где почти не осталось пустого места. Аумапил из Аумапила оказался еще более шумным, чем Айсул. — Так-так, — сказал он. — Да, более чем определенно, это вызывает интерес. Вы уже проснулись или я — первый? Ха-ха!

— Или проснулся, или это очень шумный кошмар, — брюзгливо сказал Айсул, невидимый по другую сторону сцеври.

— Аналогично, — сказал Фассин.

— Супер! Так мы уже прибыли?

Они уже прибыли.

И не прибыли.

Когда изображение на экране прояснилось, они поняли, что находятся в средних слоях атмосфе-

ры газового гиганта. «Велпин» под конец вошел в штопор на высоких скоростях, и вырубались они на сей раз жестче, чем раньше. Путешествие заняло два дня.

Как заверил уракапитан, они находились в Ровруэтце, Дireальете — погодная область и газовый регион Нхуасте, местного газового гиганта.

Аумапил из Аумапила не скрывал радости. Все так, как он и думал! Он чуть не выпрыгнул из газового тамбура «Велпина» в громадное затененное пространство необозримых кореньтуч и затеняющих горизонт лучкуполов. От возбуждения сцеври закрутился, как центрифуга. Они провели день, не замеченные ни одним из насельников, исследуя предположительные останки созидателя, страшно напоминающие заброшенный шарогород насельников, если насадить его на вершину поврежденной и бесхозной поястурбины в миллион километров поперечником. Все это было весьма впечатляюще, но, как поняли Фассин и Айсул, не имело никакого отношения к предмету их поисков.

«Ведь это не Ровруэтц, Дireальете, да?» — просигналил Фассин истиннодвойне вскоре после прибытия, пока Аумапил из Аумапила носился туда-сюда по руинам, калибруя свои инструмен-

ты и делая съемки.

«Вы что — спятили? Конечно нет».

«Диреальете на другой стороне галактики».

«Несколько дней пути».

«Это система?» — спросил Фассин.

«Система».

«У меня она нигде не зафиксирована», — сказал истиннодвойне Фассин.

«Правильно. Это название на старом языке».

«На одном из диалектов».

«Вот, значит, где собака зарыта», — отправил Фассин.

«Именно».

«Наш друг получает то, что ему надо, мы получаем то, что нам надо. Два из двух. Один из самых удачных для нас полетов».

«А мы пока только попусту тратим время», — отправил Фассин.

«Время само себя тратит».

«Кто мы такие, чтобы плыть поперек его пути?»

Кверсер-и-Джанат предложили ошалевшему ученому-сцеври остаться, обещая вернуться за ним позднее (провести его было довольно-таки непросто), потом объяснили, что им теперь и в самом деле пора возвращаться, а он заявил, что

ему еще многое нужно обследовать. Тогда просто махнули на него рукой и стали ждать. Сцеври, вращаясь по спирали, вонзился в заброшенный город и вскоре сообщил Фассину, что Аумапил из Аумапила наконец разобрался, что тут к чему, и через минуту возвращается на борт для обратного перелета, после чего Кверсер-и-Джанат пристегнули Айсула и Фассина, закрыли наружные люки и стартовали, предупредив пассажиров, что их ждет довольно резкий вход в спираль.

«Какого хера? — успел отсигналить Фассин Айсулу до отключения систем газолета. — А как же сцеври?»

Насельник уже был в курсе дела.

«Неплохая шутка, а?» — с улыбкой просигналил он в ответ.

«Вы предупредили Аумапила, что собираетесь стартовать?» — просигналил Фассин через стенной экран Кверсеру-и-Джанату на мостике.

«Да».

Фассин подождал, но больше ничего не поступило. Прошло еще несколько секунд, и он отправил:

«И?»

«Он нам не поверил».

«Посмеялся».

«И вы, значит, просто бросили этого сказочно богатого, с хорошими связями в политике, доверившегося насельникам идиота на газовом гиганте его системы?»

«Что-то вроде этого».

«Нельзя сказать, что мы его не предупреждали».

«Условия пропуска».

«А вы не думаете, что за ним могут начать охотиться или он просто умрет? — спросил Фассин. — Или вернется домой очень рассерженный?»

«Предположим, такая вероятность существует».

«Продолжайте».

«Вернется домой очень рассерженный на всех насельников? И это может обернуться неприятностями для всех насельников, которые живут на Нхуасте?»

«В точку».

«Может вызвать трения».

«Потеря баллов!»

«Может, нам стоило предупредить кого-нибудь, что мы оставляем этого длинноспинного дырососа».

«Думаю. Мысль. Знаю! Мы пошлем сигнал».

«Рады?»

Фассин даже не успел ответить.

«Больше нет времени на разговоры. Выключайтесь. Входим в спираль».

* * *

Архимандрит Люсеферус проводил смотр своих сил. Ближайшие части были здесь перед ним, внутри концентрически расположенных корпусов главного боевого корабля «Люсеферус VII»: это были его космические и наземные ударные войска. Все стояли по стойке смирно у своих хищных с виду аппаратов, которые могли действовать в любой среде и были оснащены высокотехнологичным оружием. Боевые корабли, корабли поддержки, транспортные суда, спускаемые аппараты, бомбардировочные мониторы, беспилотные истребители вертикального взлета, ракетоносцы, разведывательные аппараты и много чего еще, а вдобавок разного рода тяжелые корабли, простиравшиеся вдаль, на сколько хватало глаз, хотя вдалеке они были всего лишь проекциями. Но они были настоящие, существовали в реальном времени и находились на расстоянии в несколько секунд от ядра флота вторжения, неоспоримым стальным сердцем

которого был главный боевой корабль «Люсеферус VII».

Это было в некотором роде любимым развлечением архимандрита. У него стало традицией устраивать такой вот смотр своим силам перед каждым большим сражением, а в особенности перед вторжением в ту или иную систему; устраивал он смотры просто потому, что это на удивление сильно щекотало его самолюбие. Даже чувство от победы (от сокрушения противника, его полного подчинения) было едва ли сравнимо с этим, когда все силы, обреченные вскоре быть брошенными в беспорядочно-кровавую битву (где начнутся убийства, грязь, кровь, раны, утраты и все такое), стояли, сидели, лежали, парили и летели перед ним в идеально ровном строю, сверкая, сомкнув ряды, построившись идеально ровными шеренгами, симметрично и систематически, излучая — все до единого — мощь, угрозу и обещание.

Он стоял на балконной трибуне в конце вложенных один в другой корпусов гигантского корабля — и, глубоко вздыхая, с бьющимся сердцем и широко раскрытыми глазами, смотрел на свои войска. Бог или Правда — зрелище это было великолепно. И в каком-то смысле гораздо

лучше секса.

Они сейчас летели по инерции: фаза торможения почти завершилась, и теперь им оставалось всего несколько дней повышенных нагрузок и дискомфорта. Через неделю они будут в системе и наконец начнут атаку. Пока что они встречали лишь слабое сопротивление, что объяснялось выбранной ими крутой траекторией. Минные облака и беспилотные стаи, вероятно выставленные на пути их предполагаемого подхода, пока что оказывались в стороне за счет этого пусть более длинного, но зато безопасного маршрута. Их подстерегала единственная опасность: при коррекции курса в середине пути, несколько субъективных лет назад, тяговые следы кораблей могли быть обнаружены юлюбисскими системами дальнего слежения, если только сенсоры этих систем были направлены в нужное место. Риск был невелик, и, насколько они могли судить, никто их тогда не засек.

Во всяком случае, навстречу им с Юлюбиса не отправили флот, а значит, противник решил выждать и встретить их огнем на пороге своего дома. Советники архимандрита по тактике считали это признаком того, что на Юлюбисе знают об их приближении, но сил у них мало.

Возможно, будут попадаться зонды или истребители, но вряд ли до того, как они окажутся глубоко внутри системы. Его адмиралы не сомневались: их лазерные корабли и оборонительные системы ближнего боя в состоянии разобраться с любыми средствами, которые могут выслать им навстречу.

Люсеферус услышал какой-то шум у себя за спиной, где было дозволено стоять лишь чинам высшего командования; за ними, в свою очередь, располагалась его личная стража. До него донесся шепоток, сдавленные звуки испуга и удивления. Он почувствовал, как напряглось его тело. Сейчас лучше не отвлекать его, разве что известием о неизбежном уничтожении всего флота. Им следует это знать. Наконец стоявшие за его спиной угомонились.

Он расслабился, распрямился в создаваемом за счет вращения гравитационном поле, равном трем четвертям обычного, и снова глубоко вздохнул, глядя на людей и технику. Да, вид этот был воистину сладок и прекрасен — символ непобедимости, неописуемо завораживающая демонстрация силы, силы весомой, реальной и непреклонной. Это было его, это был *он*.

Неизбежное уничтожение всего флота… Он

представил себе это, представил, что это происходит сейчас; какое-нибудь всесокрушающее гипероружие древних уничтожает весь флот вторжения, и никто не в силах остановить их. Чепуха… ну или совершенно невероятный бред… но только представить себе все это! На его глазах все, что он сейчас видит, исчезает одно за другим, взрывается в пламени или ярких вспышках света. И он сможет увидеть, как гибнет все вокруг него!

Эта мысль заставила архимандрита вздрогнуть — отчасти от ужаса, отчасти от удовольствия. Конечно, ничего такого не случится, но одна только картинка, возникшая в его воображении, невыносимо возбуждала его. И конечно, была своего рода предупреждением. Посланным не богом или какой-нибудь программой, управляющей Вселенной, как это утверждала Правда, а кое-чем более надежным и близким: его внутренним «я». Его подсознание — или та часть его личности, что постоянно была настороже, играя роль шута у триумфальной колесницы Цезаря, — напомнило ему, что все это лишь тщеславие. Ничего другого. Этими мыслями об уничтожении он напоминал самому себе: не принимай ничего на веру, будь сосредоточен, держи все под контролем, а предстоящую войну веди со всегдашней жестокостью,

сколько бы внутренний голос ни призывал к умеренности или неоправданному милосердию.

Жестокость и милосердие всегда должны быть средствами на пути к цели, а не ублажать какое-то выдуманное «я». Кто-то высказал эту мысль, и он, Люсеферус, ее никогда не забудет.

Он еще раз набрал в легкие побольше воздуха. Итак, он готов. Он заранее вооружился. Но настроение все же испортилось. Шум за его спиной не причинил никакого вреда. Но если потребуется продемонстрировать гнев, это станет подходящим поводом. Лучше все-таки выяснить, что же это такое было. Он повернулся на каблуках, вытянулся в полный рост (на своих старших командиров следует всегда смотреть сверху вниз) и сказал:

— Ну?

Ему нравилось видеть, как вздрагивают эти тщеславные людишки, которые привыкли, чтобы им подчинялись мгновенно, как они, пусть и едва заметно, трясутся перед ним от страха.

Улыбаясь и хмурясь одновременно, вперед вышел Тулуэр — из всех адъютантов он наименее раздражал архимандрита и недавно сделался кем-то вроде любимчика.

— Господин архимандрит, прошу прощения

за этот шум. — Он повел бровями, словно давая понять: «Не моя вина — вы же знаете, что представляют собой некоторые из этих типов». — Оперативная часть сообщает: высокоскоростной корабль движется прямо из системы Юлюбиса, передают, что у них нет ни оружия, ни боеголовок, на борту один или два человека, просят о переговорах. Они уже замедляются и смогут соединиться с нами через десять часов. Двигаясь нынешним курсом, они тормозят на расстоянии сотни километров от ядра флота, со смещением влево.

Архимандрит через голову Тулуэра смерил взглядом остальных:

— И это требовало моего вмешательства?

— Опасения насчет боеголовок, сэр, — ровным голосом сказал Тулуэр, улыбаясь одними губами. — Названный корабль в тот момент проходил мимо завесы наших истребителей первого эшелона и должен был вот-вот выйти за пределы радиуса эффективного действия их лучевого оружия. Перед ними стоял вопрос — стрелять или не стрелять. Сейчас решается, что делать, когда корабль через полчаса окажется в радиусе действия оборонительных средств второго эшелона. Есть, конечно, и ракеты. Вдогонку уже отправлен

беспилотный ракетоносец.

Архимандрит Люсеферус мгновение помолчал, потом улыбнулся. Он видел, как все облегченно вздохнули.

— Ну что ж, — сказал он, — кажется, все работает как полагается и меня можно было не беспокоить, так?

— Вы совершенно правы, сэр, — покаянным голосом согласился адъютант.

— А каков предполагаемый статус этого человека или людей, если там действительно люди?

— Согласно сообщению, на борту высокопоставленный промышленник по имени Салуус Кегар.

* * *

Снова без сознания, ощущение усталости, неумытости, неухоженности. Фассин был уверен, что с каждым разом приходит в себя все медленнее, с каждым пробуждением становится все более вялым, медлительным, хуже соображает. На этот бросок через галактику ушло более сорока дней — целых девяносто килолет от Юлюбиса, хотя вряд ли подобные измерения имели смысл. Время, проведенное внутри червоточины, так или иначе оставалось мизерным. Дни и недели были израсходованы на полет в глубоком космосе

от портала до корабля, который им был нужен.

Несколько дней. Расстояние. Все больше потрачено времени, все больше расстояние между ним и тем, чего он пытается достичь, а события в системе Юлюбиса пока что разворачиваются без него.

Он проверил поврежденный левый манипулятор, согнул его, дал нагрузку, потом заставил себя взглянуть на экран на дальней стене. Звездное небо, как и всегда, вращалось, потом стало фоном для большого, древнего вида, темного корабля — гиганта в форме тора диаметром двести километров. Все его черные ребра и трещиноватые грани посверкивали в слабом свете далекого солнца, как влажная необработанная корона из угля: вместилище праха, могилайнер «Ровруэтц», труповоз, входивший в Большой погребальный флот итинов, рассеянный на огромных пространствах Вселенной.

Айсул из другого конца отсека несколько мгновений разглядывал картинку на экране, потом потряс своими мантиями.

— Ну вот, теперь еще и мерзятники, — сказал он голосом сонным, раздраженным и смиренным сразу. — Вот это да.

«Так что же случилось с созидателями? — спро-

сил Фассин. — Мне показалось, что Лейсикроф собирался следующим этапом исследовать созидателей».

«Они явно созидали без всякого толка», — отправил Айсул.

«Ложный след».

«Блеф».

«Велпин» повис над мертвыми судами, разбросанными по внешнему ободу труповоза, и Айсул с Фассином направились к гигантскому кораблю. Итины предлагали причалить внутри «Ровруэтца», но Кверсер-и-Джанат отказались, убедительно изобразив под своими серебристыми одеяниями нечто похожее на дрожь ужаса. Фассину показалось, что одна близость к этому собранию побитых, безжизненных кораблей способна вызвать ужас.

Итины были разновидностью падальщиков с характерной специализацией: они собирали мертвечину. С мертвыми они ничего не делали, просто копили их, систематизировали в самом общем виде по категории, типу и размеру и обычно оставляли у себя только невостребованные тела, а иногда и корабли, и другие аппараты. Но все равно привычка эта выглядела на редкость извращенной и мрачной, а потому итинов

объединяли с другими одержимыми смертью видами под общим названием мерзятников.

Один из офицеров-итинов встретил Фассина и Айсула в едва освещенном входном коридоре, похожем на пещеру. Офицер напоминал крупную темную птицу трехметрового роста и носил сверкающий, почти прозрачный облегающий скафандр, похожий на темно-синий пергамент. Плотно уложенные двойные крылья, размахом, по-видимому, метров десять, говорили о молодости итина. Он стоял на трех неодинаковых ногах — одна толстая сзади, две потоньше спереди. Губастый клюв существа был инкрустирован драгоценными металлами, сверкавшими под пленкой костюма-оболочки. Два больших глаза были подобны черным медальонам. Тонкие изогнутые трубочки вели от ноздрей к нескольким маленьким емкостям на спине, напоминающим яйца из потускневшего серебра. На корабле итинов не было атмосферных тамбуров, и команда, как и мертвый груз, пребывала в глубоком вакууме. Соприкасаясь с одной лишь безмолвной пустотой внутри огромного корабля, температура внутри которого лишь на несколько градусов превышала абсолютный нуль, мертвецы могли бесконечно долго лежать здесь, как живые, если

не считать тех изменений, что произошли с ними в результате смерти и медленного или внезапного замерзания.

«Добро пожаловать, — сказал итинский офицер ровным, размеренным голосом, предпослав своим словам лишь самые формальные знаки печали и почтения. — Вы Таак, а вы Айсул. Верно?»

«Да», — послал Фассин.

«Я дежурный секретарь Девятый Лапидариан. Я счастлив и почитаю за честь, когда меня называют Девятый или просто Дежурный. Скажите, господа, вы уже позаботились о том, как распорядиться вашими телами после смерти?»

Итины собирали мертвецов вот уже миллиард лет из-за чего-то вроде технопроклятия, наложенного на них видом, с которым они сражались — и потерпели полное поражение. Они потеряли свою небольшую империю, потеряли горстку своих планет, потеряли главные орбиталища и бóльшую часть кораблей, они потеряли даже себя, так как принудительно подверглись генетической модификации, превратившей их из интеллектуально развитых существ в тварей, одержимых смертью.

Победители были жестокими и хитрыми — им удалось выявить врожденную скрытую слабость

итинов, чей интерес к смерти всегда был несколько выше, чем у похожих видов, но недотягивал до серьезной патологии и уж точно — до такого уровня, чтобы стать определяющей чертой вида. И если, постепенно превращаясь в столь запредельно омерзительных существ, они бы психологически изменились настолько, что сами себя перестали узнавать, постигшая их кара была бы лишена изящества и артистизма. Вместо этого за счет тонкой, но значительной модификации программы функционирования их тел итины превратились в то, чем, вероятно, так или иначе стали бы, если бы среда и обстоятельства их обитания причудливо изменились. Те, кто не покончил с собой, отказавшись подчиниться и пройти генетические исправления, были убиты или же пойманы и принуждены к этому силой — и тоже в большинстве своем впоследствии покончили с собой.

Оставшиеся в живых стали бродягами — одним из десятков планетных видов, лишенных собственного дома по чужой, а иногда и по своей воле. Итины строили гигантские, холодные, темные корабли, собирали огромные библиотеки и накопители данных, полные сведений о смерти. Они устремлялись туда, где происходи-

ли кровопролитные сражения, жуткие бойни или страшные катастрофы. С течением времени они начали собирать в таких местах невостребованных мертвецов, складируя их в огромных безвоздушных кораблях; так они и бродили из конца в конец галактики или обходили ее по спирали. Могилайнер, который был слишком велик для червоточины и старался не подходить близко к звездам, зависел от кораблей меньших размеров, которые и собирали для него урожай мертвецов. Но даже и малые корабли итинов редко теперь пользовались ходами. Пропилея, взимавшая плату за пользование порталами Меркатории, была отнюдь не благотворительной организацией и требовала за проход немалые деньги. И здесь итины мало что могли предложить.

Они брали корабли у тех, кто доставлял им мертвецов (или тех, кто сам собирался умирать), и, хотя обычно это были битые корпуса, обломки или дышащие на ладан суда, итины считали их священными и причисляли к мертвецам. Иногда они получали то, что им было нужно, в дар или по завещаниям от различных сообществ, но случалось это весьма редко. Когда они могли себе это позволить и на другом конце червоточины

имелись нужные им тела, итины расходовали ту небольшую наличность, которую им удавалось накопить, и посылали за грузом какой-нибудь иглоид. Но чаще всего они просто следовали по галактике от одного места массовой гибели к другому.

То, что итины давно уже с почтением собрали найденные ими тела вида, когда-то покаравшего их и теперь вымершего, а потому без особых трудностей и препятствий с чьей-либо стороны могли вернуться к своему исходному состоянию, но не делали этого, было их самой мучительной трагедией — либо признанием того факта, что они нашли себе ту нишу в галактическом порядке вещей, которая устраивала их больше всего.

«Мы сейчас направляемся в систему Чистимонут», — сообщил дежурный секретарь Девятый Лапидариан насельнику и человеку, передвигаясь вместе с ними по длинному изогнутому коридору глубоко в чреве гигантского корабля. Высокое птицеподобное существо с помощью одной из передних ног управляло небольшой колесной клеткой, которая в полной тишине неслась по монорельсу в центре широкого туннеля. Темнота здесь царила полная. Им приходилось задействовать активную сенсорику для освеще-

ния казавшегося бесконечным коридора. «Мы ищем бренные останки недавно обнаруженной цивилизации серпентариев, являющихся, возможно, тупиковой ветвью десии-чау — которых, как это ни прискорбно, тоже нет: вымерли или в лучшем случае пребывают глубоко в пятой категории аннулирования. Серпентарии, оставшись без покровительства, несколько столетий назад пали, как это ни печально, жертвой ряда солнечных вспышек. Населенная ими планета — других не было — сама по себе была сильно повреждена, а от единственного обитавшего там разумного вида, насколько известно, не осталось ни одного живого существа. Для нас, когда мы прибудем туда еще через несколько десятилетий, будет большой честью исполнить наш долг и похоронить в этих священных залах всех тех, не преданных земле, кого нам удастся найти».

«Что значит — не преданных земле? — спросил Айсул. — Они там что — парят в воздухе? Разве они не ушли в собственные глубины? В воду, топь или, там, растворенную породу?»

По коридорам располагались мертвецы — скрепленные, приколотые, прошитые или приваренные льдом к трубчатой поверхности (представление о поле, стенах и потолке обре-

тало какой-то смысл, когда корабль ускорялся, но лишь на время). Некоторые тела наилучшим образом сохранялись в полостях, альковах, закрытых алмазным листом.

«Те, кто счастливым образом был похоронен, останутся там, где и лежат, — под землей, — сказал им Дежурный. — Некоторые останки, как мы предполагаем, даже по прошествии всего этого времени находятся в разбитых кораблях. Согласно сообщениям от вида, специализирующегося на разведывательных операциях, много невостребованных трупов можно обнаружить в космосе, в точках либрации».

«А если их там уже нет? — спросил Айсул. — Что, если кто-то успел вас обскакать… а сам сожрал эти тела, переработал их или еще что-нибудь?»

«Тогда мы отправимся в другое место, где сможем почтить мертвецов», — ответила птица с непроницаемым видом.

«Кстати, — весело сказал Айсул, — возможно, в местечке, называемом Юлюбис, скоро появятся невостребованные покойнички».

Фассин бросил взгляд на насельника, но тот не обратил на него внимания.

«Юлюбис? — сказал Дежурный. — Никогда не

слышал о таком месте. Это что — планета?»

«Система, — сказал Айсул. — Там находится планета Наскерон. В Четвертичном потоке одного из Южных Щупальцевых рифов».

«Далековато отсюда».

«Там много людей, и туда направляется еще кое-кто, — сказал Айсул. — Возможно, вот-вот грянет война. Наверно, будет много убитых. Вы людей собираете?»

«У нас трудности только с некоторыми видами синктурии, — сообщил им птицеподобный. — О людях мы слышали и размещали их в прошлом, хотя и не в этом корабле. Я передам вашу информацию, как только представится оказия, на ближайший к тому месту могилайнер. Конечно, они могут быть уже в курсе и, пока мы тут разговариваем, направляются туда. Но как бы то ни было, мы вам признательны за любезность».

«Не за что, — сказал Айсул, явно довольный собой. Он бросил взгляд на Фассина. — Что?»

Фассин отвернулся.

Они проезжали мимо тел, разложенных по поверхности туннеля наподобие маленьких затвердевших расплавов породы.

«Палонне, — сообщил им проводник. — Явно из скелетных. Жертвы войны. Подвержены

воздействию какого-то паразитического породоразрушающего вируса».

«Очаровательно, — сказал Айсул. — Ну, так мы уже близко к этому Лейсикрофу?»

Дежурный посмотрел на небольшой дисплей, прикрепленный к одному из его сложенных крыльев:

«Еще несколько сотен метров».

«А чем он тут занимается?» — спросил Айсул.

«Чем?» — В голосе итина послышалась неуверенность.

«Ну, может, изучает ваш вид, а?»

«Нет-нет. Нет, конечно же. — Итин помолчал несколько мгновений. — Боже мой!»

Фассин и Айсул переглянулись, потом Фассин произнес:

«Уж не хотите ли вы сказать, что он мертв, а?»

«Да, именно так. Конечно же. Это ведь могилайнер, господа. Я полагал, что вы просто хотели увидеть тело».

* * *

Известия поступили, когда она спала. Таинс смотрела часовой давности запись слабых, снятых сбоку вспышек, с синим смещением приближающихся со стороны Отъединения Э-5, — флот

заморышей на подходе к системе Юлюбиса начал торможение. Им потребуется еще около трех месяцев, чтобы достичь цели. Объединенный флот все еще находился в четырех месяцах пути, включая период намного более резкого торможения, который должен был начаться через восемьдесят с небольшим дней. Профиль торможения флота Отъединения Э-5 многое сказал тактикам флота Меркатории.

Во-первых, флот был велик — тысяча, а то и более кораблей, если только заморыши не придумали какую-нибудь выдающуюся хитрость с ложными тяговыми следами. Во-вторых, он на девяносто пять процентов шел скученно: в авангарде двигались лишь несколько десятков малых кораблей. Это могло указывать на то, что значительная часть флота вторжения еще скрыта, тормозит вне зоны чувствительности сенсоров, хотя остальная часть конфигурации следа об этом не свидетельствовала. Размер, характер и смещенная частота самих тяговых следов свидетельствовали об относительно устаревших двигателях. Практически все корабли Объединенного флота, кроме разве что самых легких, будут в состоянии противостоять любым единицам флота вторжения, кроме самых тяже-

лых, с довольно высокими шансами на победу. А все корабли противника, что превосходили их по вооружениям, уступали им в скорости (хотя какой смысл в том, чтобы спасаться бегством, если бежать некуда).

Был во флоте противника один истинный гигант — возможно, центр управления, база для десанта на планету и одновременно ремонтный док. Масса его достигала не менее миллиарда тонн, в поперечнике он имел несколько километров, был, конечно же, превосходно вооружен, бронирован и защищен эскортом, но в то же время являл собой типичную первоочередную цель класса А, трофей трофеев, грандиозный приз — в случае, если навязать ему неудобный для него бой и уничтожить, вывести из строя или даже захватить. Достаточно мощное охранение, выставленное для защиты флагмана, значительно снижало мощь сил вторжения и оккупационных войск, сужало возможности тактического построения и делало флот малоспособным к перегруппировкам.

У тактиков Объединенного флота явно зачесались руки, когда они узнали об этой громадине. Они назвали его лакомым кусочком и повесили на шею врага табличку «Идиот на борту!». Все ви-

ды космопроходцев, строившие боевые корабли, так или иначе приходили к выводу (чаще всего заплатив за это высокую цену), что большие корабли бесполезны и могут запугать разве что самого легковерного противника, правда стоит это немыслимых денег. Гибкость, маневренность, низкая стоимость рисков на боевую единицу, распределенная внутренняя прочность, детальная грамматика контроля за мертвой зоной боевого пространства… эти и другие, более хитроумные параметры играли весьма существенную роль в современной космической войне, а Истинно Большой Корабль не выдерживал критики ни по одному из них.

Тактики, говорившие на своем языке, были очень возбуждены и много подмигивали.

— Значит, сильное место в действительности является слабым, — подытожила Таинс на одном из брифингов.

— Что ж, вполне приемлемое альтернативное определение, — сказал один из них, секунду поразмыслив.

Однако неделю назад это определение почти потеряло свой смысл.

Да, флот вторжения заморышей прибыл позднее, чем предполагалось, а флот Меркатории

прибывал раньше. Конечно, с их стороны это было сделано преднамеренно. Агрессор быстро выяснил бы, в какие сроки Юлюбису обещано прибытие Объединенного флота, а потому сроки намеренно были названы более поздние, чтобы застать противника врасплох, нарушить его расчеты, — разумная тактика. Пусть думают, что у них есть столько-то времени, а мы прибудем раньше, когда они еще не успеют подготовиться.

Поразить. Все дело было в том, чтобы поразить. Одно из любимых слов адмирала Кисипта. Командующий флотом воэн знал его на нескольких сотнях различных языков, включая земной английский. Будь готов в любое время поразить врага. Наноси удар быстро, решительно и всеми силами.

Таинс обнаружила, что ее слегка поразил один мужчина из числа младших офицеров, поняла, что это чувство взаимно, и предприняла собственное наступление.

Дисплеи неумолимо отсчитывали часы, оставшиеся до того, когда экипажу снова придется вернуться в свои тесные индивидуальные коконы: начнется торможение, скорость станет падать с субсветовой до близкой к нулевой относительно Юлюбиса, чтобы можно было атаковать.

* * *

Вместилище праха, могилайнер «Ровруэтц» очень медленно вращался под «Велпином», продолжая неторопливо ускоряться на пути к далекой системе, где предполагалось погрузить на борт давно погибших и непогребенных. «Велпин» двигался вдоль наружного ребра гигантского корабля, задействовав свои сенсоры. Фассин и Айсул вернулись на борт. Им показали безжизненное тело Лейсикрофа, припаянного льдом к поверхности бесконечного темного коридора в компании пяти-шести других насельников.

«Как видите, — сказал дежурный секретарь Девятый Лапидариан, — он очень хорошо сохранился. Надеюсь, вы находите этот антураж соответствующим». Итин все еще был расстроен возникшим недоразумением.

«Значит, он просто взял да умер?» — спросил Айсул.

«Совершенно неожиданно. Мы увидели, как он плывет — я бы даже сказал, летит, покачиваясь, в своем э-костюме — несколько дней спустя после своего прибытия. Он собирался составить схему размещения тел различных видов. Мы не видели никаких причин запрещать ему это».

Им не разрешили использовать ракетные двигатели внутри могилайнера. Айсул с помощью спинных рычагов, вделанных в его э-костюм, подтащил себя к телу насельника — обнаженному, не считая небольшой повязки на ступице.

«Откровенно говоря, я понятия не имею, Лейсикроф это или нет, — сказал Айсул. — Но берусь утверждать, что это насельник, возможно, с Наскерона, и он наверняка мертв».

«Есть какие-нибудь следы насильственной?..» — спросил Фассин.

Айсул, исследовав тело с помощью подсветки и радара, ничего не нашел. Он снял с тела наступичную повязку и потряс ею. Фассин почувствовал, что итин собирается возразить, но мгновение спустя Айсул вернул повязку на место и принялся обследовать тело сзади, где лед соединял его со стеной туннеля.

«Ничего», — отправил он.

— Вот оно, — сказала половина Кверсера-и-Джаната.

На экране «Велпина» появился мерцающий контур вокруг одного из заброшенных кораблей, обосновавшихся рядом с корпусом могилайнера — неровным, сплошь в наростах.

Фассин посмотрел на этот корабль — простой

черный эллипсоид метров шестидесяти в длину. Холодный, как глубокий космос, безжизненный.

— Это он? — спросил Айсул. — Вы уверены?

— Это насельнический многоцелевой одноместный стандартный солокорабль, — сообщила им истиннодвойня.

— *И похоже, он здесь недавно.*

— Можете вы реанимировать его системы? — спросил Фассин. — Выяснить, где он был в последний раз, откуда пришел?

Уракапитан посмотрел на него:

— Нет, так дела не делаются.

— *Смотрите.*

Они получили разрешение у итина зачалить солокорабль и подсоединить его к «Велпину». Затем прогрели его и накачали стандартной газовой атмосферой. Места хватало, и Айсул с Фассином вошли на борт вдвоем. Кверсер-и-Джанат уже успели лазер-синхронизировать матрицу отключенного компьютера корабля, подключив ее к матрице своего. Экраны, емкости, поверхности и другие дисплеи замигали, вошли в нормальный режим. Корабль ожил, загудел и защелкал.

Айсул постучал, побарабанил по нескольким самым хрупким на вид приборам своими шпиндель-руками.

— Нашли что-нибудь? — спросил он у истинно-двойни, оставшейся на борту своего корабля.

— Есть кое-что в бортовом журнале, — ответила одна половина.

— *Так на жаргоне называется дневник.*

— Кто этого не знает! — сказал Айсул.

— Верно. Но отсюда к нему нет доступа. Придется вам войти оттуда.

— Каким образом? — спросил Фассин.

— Откуда нам знать?

— *Это же не наш корабль.*

— Поэкспериментируйте.

Они принялись экспериментировать. Правильный метод, как выяснилось, состоял в следующем: Айсул должен был расположиться в двойном, насельнической формы сенсорном алькове-сиденье и одновременно нажать четыре клавиши на четырех различных клавиатурах. На главном экране исчезли звезды и темный посверкивающий корпус могилайнера: вместо них появилось что-то вроде небольшой библиотеки. Айсул потянулся в виртуальное пространство, снял книгу с надписью «Бортовой журнал» на корешке и открыл ее.

Перед ними возникла — крупным планом — неподвижная ступица насельника.

— Ну вот, — сказал Айсул. — Точь-в-точь тот жмурик, что мы видели в этом громадном космическом катафалке.

— Мы его видим. Тут где-то должна быть кнопка «воспроизведение».

— *Попробуйте шарахнуть по ней.*

— Блин! — сказал Айсул. — И что бы мы, ребята, без вас делали?

Он стукнул по кнопке «воспроизведение».

* * *

Неглубокий сон Таинс Йарабокин был прерван сигналом тревоги низкого уровня — мол, даже не думайте готовиться к выходу из кокона. Она повернулась к экрану переднего вида. Наконец-то вдали ярким голубоватым сиянием засветился Юлюбис — крохотное солнце среди россыпи звезд. Голубизна вызывалась колоссальной скоростью корабля и всего флота — световые волны сдвигались в другую часть спектра. Таинс переключилась с датчиков низкого разрешения на мониторы с данными о состоянии корабля. Чудовищная, яростная сила воздействовала на все. Начался последний этап торможения. Бóльшая часть флота резко теряла скорость, увеличивая гравитационное поле в сотню, а то и более раз,

затормаживаясь при приближении к системе Юлюбиса, до которой все еще оставалось более месяца хода.

Другая группа кораблей (целая эскадра из шестидесяти судов) тормозила не так интенсивно. Около десятка из них вообще не замедлялись: они должны были войти в систему на полной скорости и не снижать ее почти до конца пути, а их экипажи и оборудование были специально подготовлены (и многократно проверены на симуляторах) к сверхбыстрому прохождению планетарной системы Юлюбиса, на что должно было уйти менее четырех часов. За это время — менее чем двадцать дней — они должны будут собрать и оценить все, какие смогут, сведения о состоянии системы на данный момент, а потом передать их на оставшиеся позади корабли и, прежде чем израсходуют весь свой боезапас на борьбу с любым выявленным противником, выбрать возможные способы атаки на основе огромной базы данных. Была надежда, что собранные сведения окажутся важными. Авангард нагрянет неожиданно всего месяц спустя после вторжения заморышей. В случае удачи ситуация будет неопределенной и силы Отъединения Э-5 не успеют толком подготовиться к обороне.

И тогда авангард, даже не закончив прохождения системы, начнет собственное, еще более резкое торможение, чтобы остановиться всего за один световой месяц, а потом вернется на Юлюбис, несколько недель спустя после прибытия туда основного флота: в лучшем случае, чтобы совместно затирать кровавые пятна, в худшем — чтобы нанести удар возмездия.

Остальная часть авангарда пройдет по системе, разделившись на небольшие группы: эти соединения появятся неожиданно и одновременно в разных местах, а их тактика будет частично определяться тем, какие сведения предоставит разведэскадра. Если повезет, то добротный план сражения, как они рассчитывали, даст результаты: каждая следующая волна кораблей будет находиться в бою дольше, чем предыдущая, и все вместе нанесут ряд ошеломляющих ударов по противнику, чтобы потрясти его, вывести из равновесия, пустить ему кровь. Затем появится основная часть флота и, подобно сжатому кулаку, нанесет нокаутирующий удар.

Но конечно, на полную неожиданность рассчитывать не приходится — их тяговые следы опередят их.

Защитники Юлюбиса получили предупрежде-

ние о грядущей атаке заморышей с еще большим запасом времени, однако это мало что им дало. Корабли Отъединения Э-5 уже успели сбросить скорость, выключили двигатели почти одновременно, еще за несколько световых дней до цели, внутри Оортова облака системы. Когда же передовые корабли пересекли орбиту внешней планеты, флот еще больше снизил скорость.

В течение нескольких следующих недель, после того как тяговые следы смешались с системой Юлюбиса и исчезли, наступил, видимо, решающий момент атаки: в системе наблюдались многочисленные вспышки взрывов. Большей частью — вокруг планет Сепекте и Наскерон.

* * *

«Я — Лейсикроф из Хепью с Экваториального пояса Наскерона. Это мое последнее слово. Кто бы вы ни были, полагаю, что вы следовали за мной ради тех сведений, которые я хранил при себе по просьбе моего соотечественника — ученого Валсеира из Шенехена. Если дела обстоят иначе и эта запись попала к вам, что называется, случайно, то для вас она не представляет интереса. Если вы все же ищете те сведения, что были при мне, то должен вас предупредить: вы будете разо-

чарованы».

Фассин почувствовал, как что-то надломилось и оборвалось в его душе.

— Ай-ай, — сказал Айсул.

«Возможно, вы сочтете это неудачей и рассердитесь. Однако я, скорее всего, оказал вам серьезную услугу, поскольку искренне и твердо убежден, что не должен был принимать врученные мне сведения, что никого нельзя просить брать на себя ответственность за владение такой информацией. Я, конечно же, не должен был знать, что содержат эти сведения, и на самом деле Валсеир вовсе не виноват в том, что мне открылось знание, в них содержавшееся».

— Он что-то слишком уж разговорчивый, а? — сказал Айсул.

«К моему стыду, должен признаться, что я оказался недостоин доверия Валсеира. Он передал мне запечатанный сейфовый ларец с этими сведениями и просил меня не открывать его. Я пообещал ему это, а он даже не взял с меня честного слова, очевидно думая, что попросить друга и коллегу-ученого о такой вещи и получить его заверения — и без того достаточная гарантия. Но я не похож на Валсеира. Я любопытен от природы, а не вследствие интеллектуального тяготения к

тому или иному предмету. Многие годы, находясь в странствиях, я противился желанию заглянуть внутрь сейфового ларца, но в конце концов не устоял перед искушением и открыл его. Я начал читать то, что было внутри, и сразу понял всю важность этой информации. Тогда еще не поздно было остановиться, закрыть ларец и снова убрать подальше — и если бы я так поступил, то все еще был бы жив. Но я продолжил чтение, что привело к моей смерти. В свое оправдание могу лишь сказать, что в тот момент я, видимо, от изумления пребывал в некоем трансе».

— Вероятнее всего, принял что-нибудь веселящее! — фыркнул Айсул.

«Вот таким образом я и стал обладателем знания, суть которого меня просили сохранить в тайне — а не просто взять на себя ответственность за контейнер, где оно помещалось. Поняв, что́ мне стало известно, и осознав, насколько эти сведения бесценны, я пришел к выводу, что мне нельзя их доверять. Пусть и не полностью поняв прочитанное, забыть его я уже не мог. Я мог проговориться, не исключалась и опасность того, что я выболтаю тайну после приема наркотиков или в результате более прямого воздействия на мой мозг и разум».

— Чокнутый, — сказал Айсул.

— Что там у вас такое? — донесся до них издалека по открытому каналу связи с «Велпином» голос Кверсера-и-Джаната.

— *Гм. Не знаю.*

Не похоже было, что они внимательно слушают то, что вещает в записи Лейсикроф.

«Не буду притворяться: уже некоторое время я помышлял о смерти. Однако обычно это было связано с завершением моих исследований разнообразных форм синктурии и публикации научного (я даже надеялся, что на тот момент — исчерпывающего) труда на указанную тему. Это было поле исследований — избранное и любимое мной. Зная то, что знаю сегодня, я решил: наилучший, хотя и не очень желательный выход — завершить исследования и покончить с собой, как только это можно будет сделать достойным образом. Я сделаю это здесь, в итиновском могилайнере „Ровруэтц“, где моя смерть, пусть даже внешне, будет иметь чуть больше значения, чем в любом другом месте».

— Похоже или… — услышал Фассин по открытому каналу.

— *Пришлепнуть его?*

— Нет! Ты что?.. Выключи это…

Открытый канал закрылся. Фассин оглянулся на входной люк и короткий переход, соединяющий их с «Велпином».

Лейсикроф продолжал говорить:

«…Простите меня. Вы должны это сделать. Если вам известно, что́ вы ищете, могу только сказать: оно было похоже на код и частоту, а вовсе не на то, чего, по-моему, вы ожидали. Но теперь этого уже нет. Оно уничтожено вместе с сейфовым ларцом, заброшено на солнце под названием Дириальете. О существовании каких-либо копий мне неизвестно. Если все сказанное представляется вам совершенно бессмысленным, то прошу с уважением отнестись к последнему желанию старого и (как выясняется) глупого насельника и оставить его покоиться здесь в мире».

Запись остановилась, замигал сигнал конца воспроизведения.

Фассин уставился на изображение мертвого насельника. Все кончено. Он проиграл. Может быть, теперь уже не существует способа когда-либо узнать, означает ли что-нибудь насельнический список и означал ли прежде.

— Совсем свихнулся, — сказал Айсул, издав что-то похожее на вздох. Он пощелкал по клавиатуре. — Похоже, это судьба. — Он повернулся к

Фассину. — Не слишком обнадеживающее послание, мой юный друг-человечек, а?

Открытый канал с корабля внезапно проснулся.

— Выходите! — закричали Кверсер-и-Джанат. — Десять секунд, чтобы перейти на «Велпин»!

— *Нас атакуют! Сматываемся!*

Фассин встряхнулся, выходя из транса, и поспешил к открытому люку, ведущему на «Велпин».

Айсул выскочил из сенсорного сиденья и поспешил следом, почесывая свою мантию одной ступичной конечностью:

— Это безумие явно заразн…

— Корабль воэнов! Скорее, или капец!

— Двигатели на старт — пять, четыре, три…

6
Последнее преобразование

…Ссссс 1000101011001010101 / вкл / симпроверка / ссспроверка/ сит — ситсер / сист — сист — отказ перезагрузки / ура / уру / ур — уро — уровень 001 / опрос/ начать / парамараматср / ух! / ух! / проверка / проверка / проверка / проверка системы / на запуск ВСЕ / катег. нулл сум-прверка посткраш полная недопускаемость / пирозагрузка / парозагрузка / переЗагрузка / лбит / категор. проверка с нулевой суммой посткраш полныйхахо (вероятная причина враждебное внешнее антагонистичное проявление) полная перезагрузка ВСЕГО новый запуск: / запуск памяти / язык / сенсор / полный инт… бип-бип-бип… Пуск!

Тпру!

Что?

Ты в порядке?

Я в порядке. Теперь. Ты в порядке?

Я в порядке.

Что это было?

Вот что:

— Люк задраить!

Люк в конце тамбура, соединяющего «Велпин» и насельнический солокорабль, начал закрываться, прежде чем Фассин добрался до него. Айсул по-прежнему был сзади и быстро двигался к выходу. Фассин рывком проскочил вперед, развернулся и ухватил наезжающую крышку люка левым манипулятором.

Захлопываясь, крышка чуть не оторвала манипулятор. Фассина развернуло, и ему пришлось другим манипулятором упереться в замок изнутри, чтобы застопорить дальнейший ход (послышался скрежет, механизм мощно загудел) и не дать люку закрыться.

— Кто-то держит крышку люка? — возмущенно прокричала одна часть Кверсера-и-Джаната.

— С дороги, Фассин! — завопил Айсул, быстро надвигаясь на него из тамбура, и тяжело ударился о газолет Фассина, отчего оба кубарем скатились внутрь «Велпина».

В поле зрения Фассина с одной стороны появилось множество сообщений о поломке/отказе манипулятора. Крышка люка с треском захлопнулась за ними, и сразу же страшная сила вдавила их в кормовую переборку отсека. Их прижало, обездвижило, стрелоид врезался в левый диск насельника, и лишь возрастающее ускорение и

резкая вибрация постепенно сбросили газолет с Айсулова панциря и шарахнули в углеродную переборку рядом с насельником. Корабль вокруг них зашелся в реве.

— Похоже, двигатели включены, — сказал Айсул, тяжело сопя.

Фассин чувствовал, что гравитация продолжает возрастать, она уже перевалила за двадцать «же». Молодой подготовленный насельник без защиты скафандра, прижатый боком к жесткой поверхности, мог выдержать непрерывную перегрузку примерно в 24–25 «же» непрерывного действия, потом его панцирь начинал разрушаться, а внутренности превращались в кашу. Ускорение «Велпина» достигло уже 22 «же».

— Эй, как вы там, целы? — спросил их уракапитан.

— Не совсем, — ответил Фассин. — Еще чуть-чуть, и вы прикончите Айсула.

— Принято.

— *Никак не оторваться от этого сукина сына. Не получается.*

— Сбросить скорость и сдаваться.

— *Согласен.*

Ускорение упало. Фассин и Айсул мгновенно оказались в невесомости и отлипли от перебор-

ки; давление упало — у одного под корпусом, у другого под панцирем.

— Эй, вы двое, давайте-ка сюда, — сказали им Кверсер-и-Джанат.

Корабль воэнов представлял собой иглоид длиной в один километр, ощетинившийся башенными орудиями и пусковыми трубами. Он быстро поравнялся с ними, и к тому времени, когда человек в своем газолете и насельник Айсул добрались до мостика «Велпина», летел рядом параллельным курсом.

— С каких это пор воэны атакуют насельнические корабли, мирно шествующие по своим?.. — начал было уракапитан.

— Тишина, — раздался ровный голос. — Приготовиться к абордажу.

Зашуршал сверкающий костюм Кверсера-и-Джаната — истиннодвойня, постукивая по кнопкам пульта управления, повернулась к Айсулу и Фассину. На голографических дисплеях появились изображения «Велпина», контуры его дверей и люков были высвечены.

— Воэны превратились в пиратов, — спокойным голосом сказали им Кверсер-и-Джанат.

— Да как эти суки смеют?! — взревел Айсул.

— Они что, сели нам на хвост и преследовали

сквозь червоточину? — спросил Фассин.

— Ха! Нет. — Эта мысль, казалось, здорово позабавила истиннодвойню. — Нет, они ждали в этой системе.

— *Я так думаю, мы скоро узнаем зачем.*

— Эти блядские суки дорого заплатят за свою наглость! — прокричал Айсул, которого трясло от ярости.

По корпусу «Велпина» прошла вибрация, завыли сирены тревоги. Кверсер-и-Джанат вразвалили поближе к ярко вспыхивающему дисплею.

— Ты только посмотри.

— *Они уже здесь, прорезали корпус.*

Камеры мельком показали толстую трубу, которая торчала из середины корабля воэнов и входила в ровное круговое отверстие в корпусе «Велпина». Потом эти картинки начали коробиться и поблекли. Стали исчезать изображения и на других дисплеях. Звуки сирены перешли в хрипы, а потом вообще смолкли. Фассину показалось, что он ощутил запах гари.

— И мы с готовностью открываем все свои отверстия.

— *Охеренно типично.*

— Они идут. Громыхают по полу.

На другом дисплее появились контуры крупных

существ, хлынувших сквозь пролом и заполняющих корабль; в условиях нулевой гравитации они перемещались прыжками. Самая большая группа двигалась в направлении мостика. Потом выключился и этот дисплей. Погасло все освещение. Шумы корабля, и без того едва слышные за прыжками, прекратились, сошли на нет.

За закрытой дверью, ведущей в центральный коридор «Велпина», раздался стук — похоже, от неровных тяжелых шагов.

— Наверно, собираются вырубить нас, как только… — начали было Кверсер-и-Джанат, но тут дверь с треском распахнулась, что-то маленькое влетело на мостик и взорвалось миллионом похожих на пылинки колючек.

Ага.

Суки, шарахнули из электромагнитной пушки. По самым уязвимым частям корабля.

Именно. Приехали.

Добрались.

Именно.

Видишь, что происходит?

Вижу, что происходит.

…А кораблик-то у них получше.

Два крупных существа, похожие на гигантских

восьминогих собак в зеркальных доспехах, несли Фассина в каком-то прозрачном, стянутом ремнями мешке, держа его с двух концов. Он все еще был внутри «Велпина». В чрево их корабля, прорезав корпус, ввели трубу наподобие громадного шприца. Два бойца-воэна несли его по этому туннелю почти без всякого усилия. Мысли Фассина путались, чувства были обострены, он, глядя сквозь прозрачный материал то ли клетки, то ли носилок, увидел двух других воэнов, которые несли Айсула, запеленатого таким же образом.

Они прошли через тамбур с вращающимися дверями. Внутри корабля воэнов царила темнота, рассеиваемая лишь слабым красным светом. Здесь, как и в могилайнере, был полный вакуум. Пелена вокруг маленького газолета раздулась.

Фассина, Айсула и истиннодвойню пронесли через еще один тамбур в круглый отсек, где создали некоторое давление и слегка повысили температуру. Пелена вокруг пленников снова съежилась. Их поместили в некое подобие углубленных сидений и пристегнули ярко светящимися ремнями. Пелену частично сняли, чтобы они могли видеть, слышать и говорить. Бойцы проверили ремни на прочность и удалились.

Фассин огляделся, насколько то было возможно.

Айсул и уракапитаны, казалось, все еще были без сознания; Айсуловы мантии вяло шевелились в невесомости, а Кверсер-и-Джанат, по-прежнему в сверкающих одеяниях, безжизненно парили над сиденьем. Отсек имел форму слегка сплющенного яйца и был наполнен атмосферой газового гиганта, вполне пригодной для насельников, но имевшей какой-то необычный запах. Все поверхности тускло светились. Гравитация в искусственно созданном поле достигала четверти стандартной.

Скользящая дверь в переборке отъехала и снова закрылась, впустив тройку воэнов: двое коммандос в зеркальных доспехах и еще один — в мундире со всевозможными знаками отличия и с кобурой. Он остановился и посмотрел на троих пленников: огромное серое рыло, глаза размером с кулак под складчатыми веками поворачивались в глазницах по мере того, как он переводил взгляд с одного пленника на другого. Воэн выгнул свое длинное тело, повел спинными шипами, каким-то чувственным жестом подняв сразу все десять. Крапчатое покрытие шипов поблескивало, как зеркало в тонких трещинах.

Фассин, изо всех сил пытавшийся снова не потерять сознание, подумал, точно сквозь сон, о

сериале, который видел в детстве, — «Штурмовой взвод воэнов». Кажется, так? Он пытался вспомнить, что могут означать те или иные мундиры и знаки отличия, — хотя и с трудом, что-то вспоминалось. Воэн был в форме первого коммандера. Многофункциональный. Явно самый главный на этом корабле. Командиры кораблей такого размера обычно носили куда как более низкие звания, если только не отправлялись со специальным заданием. (Ай-ай.)

Один из солдат в зеркальных доспехах направил в их сторону какой-то ручной инструмент, одновременно глядя на дисплей. Он почти не поинтересовался, как отреагируют Фассин и Айсул, но, когда инструмент нацелился на Кверсера-и-Джаната, так и вперил взгляд в результаты, потом нажал какие-то кнопки, снова направил прибор на все еще безжизненное с виду тело истиннодвойни и сказал что-то коммандеру. Тот подошел поближе к дисплею, посмотрел на него и слегка повел головой. Солдат выключил установку и подошел к пленникам, говоря что-то так, словно обращался к одной из своих наград.

Ремни, удерживавшие газолет и двух насельников, упали на пол. Главный воэн снял перчатку и провел кожистой рукой по поверхности ма-

ленького газолета, потом по панцирю Айсула, потрогал блестящую мембрану, укрывавшую Кверсера-и-Джаната. Он поискал и нашел застежку, расстегнул ее, отчего одеяния двойни повисли на прозрачной материи, в которую были завернуты пленники. Главный очень внимательно осмотрел сигнальную кожу Кверсера-и-Джаната и словно бы понюхал ее.

Потом он посмотрел на Фассина:

— Ты, кажется, уже пришел в себя. — Голос его с низкими гортанными призвуками был спокоен. — Отвечай.

— Я пришел в себя, — подтвердил Фассин.

Он попытался пошевелить своим левым манипулятором. Новые сообщения об отказе/поломке. Он шевельнул правым манипулятором и слегка подвинулся в своем углублении. Если не считать прозрачного материала, укрывавшего корму газолета и немного сковывавшего движения, он был практически свободен — да и эту материю, казалось, можно без труда стряхнуть.

Воэн вытащил что-то из кармана своей формы и помахал этим перед Айсулом, который дернулся, а потом задрожал; это продолжалось несколько секунд, после чего его бахромчатые мантии замерли, конечности затряслись.

— Брр, — сказал он.

Главный нацелил свой прибор на Кверсера-и-Джаната, которые веселым голосом произнесли:

— Уже очухались, но тем не менее спасибо.

Воэн несколько мгновений смотрел глазами-щелочками на истиннодвойню, потом засунул прибор в карман и отошел назад, чтобы видеть сразу всех пленников. Два охранника в зеркальных доспехах стояли по сторонам того места, где чуть раньше появилась дверь.

Главный слегка подался назад, усаживаясь на свои задние ноги и хвост; руки он скрестил на груди.

— К делу. Я — Иньялках, командир ультракорабля «Протрептик» отряда особого назначения Объединенного флота. Вы принадлежите мне во всех смыслах. Мы знаем, что́ вы искали. Мы ждали, когда здесь кто-нибудь появится. Сейчас мы прочесываем ваш корабль в поисках данных, спрятанных или нет, но мы не предполагаем найти ничего, что имело бы отношение к делу. У нас есть полномочия на все случаи жизни. Это означает, что мы можем сделать все, что захотим, с вами или в отношении вас. Однако до этого, возможно, не дойдет, если вы будете безоговорочно сотрудничать с нами и честно и исчерпывающе

отвечать на любые вопросы. Итак, вы двое — насельники по имени Айсул и Кверсер-и-Джанат, а ты — человек по имени Фассин Таак. Верно?

Айсул пробормотал что-то в ответ.

— Привет, — ответил ураканитан.

— Верно, — сказал Фассин.

Он видел, что Айсул двигается, шевелится всем телом, словно пытается окончательно сбросить с себя пелену. «Нет, нет, не делай этого», — подумал он. Он уже собирался произнести это, когда…

— Что это ты о себе думаешь, хер ты моржовый, ничтожество, пират долбаный? — взревел Айсул.

Абориген освободился от прозрачного материала и воспарил над своим углублением.

Два охранника у двери даже не шевельнулись.

Командир, не разнимая рук на груди, смотрел на насельника, который вразваливал в его направлении и наконец остановился над ним.

— Как ты, сукин ты сын, посмел атаковать корабли и брать заложников?! Ты хоть знаешь, кто я такой?

— Вернись на свое место, — сказал командир ровным голосом.

— Возможно, это не такое уж плохое приклю… — начала было истиннодвойня.

— Вернись ты, сучье вымя, на свою плане-

ту! — взревел Айсул и вытянул шпиндель-руку, намереваясь толкнуть воэна.

Командир, казалось, исчез в хаосе движений, будто все это время он был голограммой, а теперь растворялся в отдельных пикселях, перестраиваясь в серое облако, прорезанное радужными надкрыльями. Айсул дернулся один раз — и отлетел обратно, ударился о переборку позади своего сиденья и сброшенной прозрачной пленки. Он завис на мгновение, потом перевернулся и стал медленно опускаться, вращаясь, как монета, на ребре своего диска.

Командир остался сидеть на своем месте в прежней позе, так, словно ничего не случилось.

— Это трудно назвать безоговорочным сотрудничеством, — снисходительно сказал он.

— Брр, — проговорил Айсул, едва ворочая языком.

На его панцире появились две вмятины — по одной на ребрах обоих дисков. На внутренней ступице виднелся большой синяк с разрывами. Для насельника такие повреждения считались серьезными — по человеческим меркам, одна, а то и две сломанные конечности плюс, возможно, компрессионная черепно-мозговая травма. Фассин даже не видел, как воэн ударил Айсула.

Он хотел было прокрутить повтор, но системы его маленького газолета, видимо, были блокированы и не обеспечивали записи происходящего. «Вот бля, — подумал он. — Мы все тут умрем, но единственный, кого они смогут пытать по всем правилам, — это я». Он представил, как его вытаскивают, извлекают из газолета — словно улитку из раковины.

Айсул снова выпрямился — очень медленно и слегка дрожа. Он бормотал что-то неразборчивое.

Кверсер-и-Джанат повернулись очень медленно, посмотрели на Айсула, потом снова на командира:

— С вашего разрешения?..

— Что? — спросил воэн.

— *Хотелось бы помочь приятелю.*

— Валяй.

Уракапитан сбросил на пол прозрачное одеяние, потом пододвинулся к Айсулу и усадил раненого насельника на его сиденье. Айсул продолжал нести какую-то чушь ниже уровня разборчивости.

Истиннодвойня издала звук, похожий на вздох, и вернулась на свое место, кинув еще раз взгляд на Айсула. Тот все дрожал и бормотал что-то себе

под нос.

— Мы здесь не в игрушки играем, мы здесь — чтобы узнать правду, — сказал командир корабля. — Полная правда может спасти вам жизнь, все остальное неминуемо приведет к вашей гибели. «Протрептик» входит в отряд специального назначения ордена Люстралиев, и обычно в его задачи входит выслеживание и уничтожение подвергнутых анафеме, то есть той мерзости, которую традиционно называют ИР. На время данной экспедиции, как и любой другой, нам даны неограниченные полномочия. Вы находитесь целиком и полностью в нашей власти и будете сотрудничать с нами безусловно и безоговорочно, иначе пострадаете. После всего сказанного я полагаю, что вы в полной мере оценили ситуацию, которую я вам очертил.

— Так-так, — сказали Кверсер-и-Джанат.

В голосе истиннодвойни слышалось легкое раздражение, словно они вообще не слушали командира корабля, только что получив досадные известия по внутренней радиосвязи.

Инструмент, недавно нацеленный на трех пленников и теперь висевший за спиной охранника, засверкал цветами от красного до желтого и стал испускать крохотные искорки. Солдат

сделал почти такое же быстрое движение, как и его командир, — повернулся, изогнулся, стащил прибор со спины и бросил его на пол. Прибор подпрыгнул и, ударившись о неровную переборку, задымился.

Командир некоторое время смотрел на прибор, потом спокойно повернулся к пленникам.

— Ловко, — сказал он слегка удивленным голосом. — Кто же это устроил такой фокус?

Он посмотрел на Фассина. Два охранника навели на них свое оружие: один прямо на Фассина, другой — между Айсулом и истиннодвойней.

— Прощения просим, командир, — сказала одна часть Кверсера-и-Джаната. — Но, черт побери, это такая мелочь.

— *Посмотрите-ка лучше на это.*

Тусклое сероватое мерцание, исходившее от всех поверхностей, внезапно обрело невероятную яркость, отчего все они — два насельника, три воэна и сам Фассин — словно воспарили среди ослепительного блеска, не уступающего по интенсивности вспышке новой звезды. Казалось, они внезапно попали на поверхность солнца. Фассин услышал собственный вскрик и почувствовал, как сработала защитная автоматика сенсорного блока газолета.

И вдруг снова страшная тяжесть.

Фассин мог поклясться, что видел свет. Свет исходил из корпуса газолета, бил в его закрытые человеческие глаза. Фассин услышал три громких удара, сотрясшие воздух и отдавшиеся эхом по всему помещению. Где-то в середине происходящего он включил свою визуальную сенсорику и увидел, что все они висят в воздухе (черные кляксы в ярком сиянии), а тонкие яркие алые линии еще большей яркости соединяют воэнов с Квер-сером-и-Джанатом. Он сглупил и еще несколько мгновений смотрел, ожидая, что уракапитаны вот-вот взорвутся или будут отброшены назад, но массивный округлый силуэт остался на месте, а отброшены к переборке были воэны.

Внезапная тишина, внезапная темнота. Снова ослепление. Фассин позволил газолету включить сенсорику на величину, эквивалентную одному открытому человеческому глазу при нормальной экспозиции. Несмотря на повреждения, он мог видеть. Зал был пронизан инфракрасными лучами в небывалом количестве. Фассин попытался определить источник излучения. Источниками были воэны. Они сверкали. Один из охранников распростерся, открыв уязвимые части тела, у переборки рядом с дверью. Другой лежал лицом

вниз; передние конечности его, оторванные, валялись между дверью и тем местом, где прежде находился командир.

Сам командир судорожно двигался к высокой фигуре Кверсера-и-Джаната. Голова его была наполовину оторвана, боковина черепной коробки висела, покачиваясь на ходу, и удерживалась только соединительной тканью. Он поднял руки, сделал еще несколько неуверенных шагов в направлении уракапитанов, после чего свалился на пол и полностью потерял контроль над собой, растекся, как растаявший кусок льда.

— Этим ты никого не проведешь, — сказал голос, который мог бы принадлежать Кверсеру-и-Джанату; путы спали с Фассина и все еще дрожащего Айсула. — Эй, как дела? — спросил уракапитан.

Мнимая гравитация взбесилась, мгновенно меняя свой вектор в направлении то носа, то кормы. От этого командира корабля раз десять подбросило к потолку, а потом швырнуло на пол, после чего он сомнамбулически начал действовать. Наполовину безголовый серый вихрь ринулся к Кверсеру-и-Джанату со скоростью, почти неуловимой для глаза.

Миг спустя всякое движение прекратилось.

Немая сцена: командир воэнов, схваченный за шею, слабо сопротивляется в вытянутых шпиндель-руках Кверсера-и Джаната.

— Как же мы такое допустили? — в откровенном приступе ярости сказала истиннодвойня, сжимая шею командира.

Потом два тонких голубых луча вырвались откуда-то из-под внешней бахромы диска ураканитанов, прорезали газовую атмосферу, стали кромсать судорожно дергающееся, сопротивляющееся тело командира, так что вскоре держать больше было нечего. Истиннодвойня выпустила останки, и те рухнули на пол. С неприятно мокрым шлепком, как отметил Фассин.

— Говорит автономная система безопасности корабля! — раздался громкий голос из газа. — Нарушение цельности! Нарушение цельности! Саморазрушение через…

— Ай-ай, — сказали Кверсер-и-Джанат усталым голосом. — Да неужели?

Голос из ниоткуда зазвучал снова:

— Говорит автономная система…

Тишина.

— *И… забудем об этом.*

— Развлекуха продолжается? — пробормотал Айсул.

— Тот же вопрос, — сказал Фассин.

— Ага, здорово, — сказали Кверсер-и-Джанат. — Все еще с нами.

— *Облегчение.*

— Да, теперь мы развлекаемся, — весело сказала одна половина.

Пелена снова упала на пол.

— Ну, с чего начать?

— *Воэны будут огорчены.*

— Меркатория будет огорчена.

— *Не наша вина.*

— Не мы начали.

Кверсер-и-Джанат двинулись прочь от углубленного сиденья, проплыли над расчлененными останками командира воэнов и двух охранников, на ходу отбрасывая оружие в сторону, подальше от тел. Истиннодвойня зависла у двери.

— Нет, серьезно, — сказал Фассин. — Что тут происходит? — Он посмотрел на то, что осталось от трех воэнов, лежащих на полу. — Как вам это удалось?

Кверсер-и-Джанат все еще изучали дверь, которая оставалась закрытой.

— Мы не насельники, — сказал уракапитан, даже не повернувшись к Фассину.

Одна из его конечностей потянулась к стене и

принялась ощупывать ее в том месте, где открывалась дверь.

— Чистая механика. Вот досада.

— *Мистер Таак, поухаживайте, пожалуйста, за мистером Айсулом.*

Фассин всплыл над своим сиденьем и направился к Айсулу. Он выставил вперед свой правый манипулятор.

— Ничего, я сам, — сказал Айсул, вздыхая и пытаясь сбросить с себя руку Фассина.

— И кто же вы? — спросил Фассин.

— ИР, мистер Таак, — сказало существо, продолжая ощупывать дверь и, казалось, не глядя на него.

«Что?» — пронеслось в голове у Фассина.

— *Два ИР.*

«ИР? Два ИР? Охереть можно! Мы погибли», — подумал Фассин.

— В самом деле, два ИР.

— *Чтобы один не рехнулся.*

— Не только.

— *Говори за себя.*

— Гм, может быть.

Айсул застонал, потом судорожно затрясся. Его сенсорная мантия покрылась рябью. Он оглянулся.

— Ё-моё, мы что, все еще здесь? — Айсул уставился на мертвых воэнов. — Ё-моё, — сказал он. Насельник демонстративно повернулся к Фассину. — Вы тоже это видите?

— О да, — ответил ему Фассин, глядя, как существо ощупывает место, где находилась дверь. — Так вы ИР? Два ИР? — осторожно спросил он.

По его коже под гелем побежали мурашки — он ничего не мог с этим поделать. Его с младенчества воспитывали в убеждении, что ИР — это главнейший и страшнейший враг человечества и всего органического мира, всех живых существ. Как бы нелепо и невероятно ни звучала весть о том, что ты оказался в закрытом помещении с одним (не говоря уже о двух) ИР, но, услышав такое, ты в глубине души, какой-то малой и уязвимой ее частью, проникался абсолютным убеждением, что сейчас тебя будут разрывать на мелкие кусочки.

— Верно, — с отсутствующим видом сказали Кверсер-и-Джанат. — И мы только что захватили этот корабль.

— Вот только нам никак не выбраться из этого треклятого отсека.

— Из кабинки. Никак не выбраться из этой треклятой кабинки.

— Кабинки, отсека — черт бы его подрал.

— Вот ведь досада. Чистая…

— *…Механика. Ты уже говорил.*

— Ага, ну вот.

Уракапитан нанес удар по точно выбранному месту на переборке. Потом еще один. Дверь появилась и заскользила в сторону.

Квёрсер-и-Джанат повернулись к насельнику и человеку в его стрелоидном э-костюме:

— Господа, мы должны оставить вас на некоторое время.

— Ну его в жопу, этот ваш героизм, — сказал Айсул. — Если вы идете, то и мы идем. — Айсул помедлил. — Ну, если только там нет засады. Это очевидно.

Квёрсер-и-Джанат затряслись от смеха.

— Там, снаружи, вакуум, Айсул.

— *И куча рассерженных, ничего не понимающих воэнов.*

Раненый насельник помолчал немного.

— Я забыл, — признался он с недоуменным жестом. — Тогда возвращайтесь побыстрее.

* * *

Салуус Кегар проснулся в страхе и недоумении. Его грызло чувство, будто он только что видел не простой сон, а что-то большее. Тот был каким-

то образом грязнее, поганее, чем мог бы ждать Салуус. Голова у него болела, но он был уверен, что никаких излишеств вчера днем или вечером себе не позволил. У него был довольно скучный, тягостный обед с представителями посольства к насельникам, тревожный разговор с генералом стражи Товином, а потом более приятная интерлюдия с Лисс. Потом он уснул. И больше ничего, верно? Никакого злоупотребления алкоголем или тем, отчего просыпаются с головной болью и не могут продрать глаза.

Он в буквальном смысле не мог продрать глаза. Старался изо всех сил, но у него не получалось. Они просто не открывались. И свет сквозь его закрытые веки тоже не проникал. И с дыханием что-то было не так. Он не дышал! Он попытался наполнить легкие воздухом, но не смог этого сделать. Тогда он запаниковал. Попытался пошевелиться, поднести руки к лицу, к глазам — может, что-то надето на голову, — но не смог шевельнуть и пальцем. Он был парализован.

Салуус чувствовал, как сердце его колотится в груди. Он испытывал какое-то жуткое, мучительное ощущение — казалось, что его вот-вот вырвет, или внутренности его вывалятся наружу, или случится и то и другое сразу.

«Мистер Кегар?»

Этот голос он услышал не ушами. То был виртуальный голос, мыслеголос. Значит, он, Салуус, находится в какой-то искусственной среде. Ну что ж, это, по крайней мере, хоть что-то объясняет. Он, наверное, договорился о каком-то курсе омоложения. Теперь он лежит под глубоким наркозом, в безопасности и добром здравии, лежит в клинике, может быть, ему и принадлежащей. Они что-то там, наверное, напутали с последовательностью пробуждения, не смогли правильно проконтролировать его симптомы. Немного болеутоляющего, чего-нибудь тонизирующего, прогоняющего панику… простенький коктейль, да таких в клинике жизни хоть отбавляй. Вполне объяснимая ошибка, но они что-то не торопятся ее исправлять. Нужно будет поговорить кое с кем.

Вот только он ничего такого себе не заказывал. Он даже все свои регулярные медосмотры отменил, пока не закончится чрезвычайная ситуация. Ничего такого не было запланировано.

Атака. Наверное, кто-то напал на них в корабле, возможно, пока они спали. Он сейчас где-то в больнице, в какой-нибудь ванне сенсорной депривации. Вот блядство! А что, если его здо-

рово покалечило? Может, одна только голова и осталась?

«Привет», — отправил он. Посылать слово-мысли было значительно проще, чем говорить, словно ты с головой ушел в какую-то игру или (опять же) проходил серьезные лечебные процедуры.

«Вы Салуус Кегар?»

Они что, не знают его имени?

Может, его опоили какой-нибудь дрянью, вырубили?

Ё-моё, может, его похитили?

«Кто говорит?» — спросил он.

«Подтвердите вашу личность».

«Вы что, не слышали? Я спросил, кто вы».

Волна боли прошла по его телу, начиная от пальцев на ногах и заканчивая черепной коробкой. Эта боль, с ее пугающей чистотой, казалось, была способна разложить тело на части. Боль исчезла так же внезапно, как и появилась, только яйца и зубы налились тупой тяжестью.

«Если вы не станете сотрудничать, — сказал голос, — будет еще больнее».

Он поперхнулся — пытался сказать что-то ртом, но не смог.

«На кой ляд вы это делаете? — отправил он

наконец. — Что я такого?.. Хорошо, ладно, я — Салуус Кегар. Где я нахожусь?»

«Вы — промышленник?»

«Да. Мне принадлежит концерн „Кегар“. А в чем дело? Где я?»

«Каковы ваши последние воспоминания перед пробуждением?»

«Что?» Его последние воспоминания? Он попытался вспомнить. О чем же он думал? Лисс. Они были на корабле, на «Корпусе 8770», и он собирался спать. Потом попытался понять, что же случилось с Лисс. Где она может быть? Здесь ли она — бог уж знает, что это за «здесь»? Жива ли? Стоит ли называть ее имя?

«Отвечайте».

«Я засыпал».

«Где?»

«На корабле. Космический корабль „Корпус 8770“».

«И где он находился?»

«На орбите у Наскерона. Послушайте, вы можете сказать, где я? Я готов с вами сотрудничать, рассказать вам все, что вы хотите знать, но мне нужно понимать, на каком я небе. Я должен знать, где нахожусь».

«С вами был кто-то еще?»

«Я был с другом. С коллегой».

«Ее имя?»

«Ее зовут Лисс Алентиор. Она здесь? Где она? Где я?»

«Какую должность она занимает?»

«Она? Она мой помощник. Личный секретарь».

Молчание. По прошествии какого-то времени он отправил:

«Эй, есть там кто?»

Молчание.

Щелчок — и вместо тьмы появился свет. Салуус вернулся в нечто похожее на реальный мир и обрел реальное тело. Серебряный потолок, прочерченный сотнями сияющих линий, сверкал над ним. Где бы он ни находился, здесь было очень светло.

Он лежал в кровати в условиях половинной (или еще меньшей) гравитации, удерживаемый… он не мог пошевелиться. Пусть даже его ничто не удерживало физически, но он тем не менее не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Кто-то, одетый как доктор или медсестра, снял с него нечто вроде шлема. Он моргнул, облизнул губы: теперь чуть-чуть работали мускулы лица и шеи, но и только. Может, у него не было ничего, кроме головы.

На него смотрел высокий, худой, странного вида человек с безумно красными глазами, в одежде оперного персонажа. Человек улыбался, и у него не было зубов. Хотя нет, зубы у него были, только из стекла или чего-то еще более прозрачного.

Салуус вздохнул раз-другой. То, что он мог нормально дышать, немного взбодрило его. Но ужас все равно не отпускал. Он откашлялся:

— Мне кто-нибудь скажет, что тут происходит?

Движение с одной стороны. Он смог повернуть голову (шее мешало подобие воротника) и увидел другую кровать. Там была Лисс, которой помогали встать: она перекинула длинные ноги на пол, посмотрела на него, пошевелила шеей, плечами, ее черные волосы распустились и упали. Теперь она была одета в тонкий э-костюм, а когда они ложились, она была голая.

— Привет, Сал, — сказала она. — Добро пожаловать на борт флагманского корабля флота вторжения культа Заморыша.

Странный тип с недобрыми глазами повернулся, протянул Лисс руку в перчатке, с перстнями на пальцах, и помог ей подняться.

— Ну что ж, похоже, вы и в самом деле доставили нам неплохой трофей, молодая дама, — сказал он. Голос у него тоже был странный — с сильным

акцентом, низкий, но в то же время немного скрипучий. — Мы выражаем вам благодарность.

Лисс улыбнулась одними губами, вытянулась и провела рукой по волосам, отбросив их назад.

— Я рада.

Салуус почувствовал, как у него отвисает челюсть. Он проглотил слюну и быстро захлопнул рот.

— Лисс? — услышал он собственный голос — тонкий, мальчишеский.

Она посмотрела на него.

— Извини, — сказала она, пожав плечами. — Или что-то в этом роде.

* * *

— Ух ты, гамма-лазеры! Смотри, какая мощность!

— *А-а, подумаешь, еще одно лучевое оружие. Магнитный свертыватель впечатляет куда как больше.*

Фассин лишь вполуха слушал Кверсера-и-Джаната, которые исследовали сенсоры корабля воэнов, его инструменты и пульты управления. Они только что нашли оружие.

— Бах! Оборонительное! Смотри: ракетные волнорезы нулевой мощности! Начинка — сплошное

АВ! Сразу столько воспоминаний…

— Не бери в голову! Ты лучше посмотри на эту плетеную броню — из корпуса выступает всего на сантиметр, а как заделана — не придерешься, а поглощающая способность — да ей никакие удары не страшны. Она даже подпитывается от главных аккумуляторов. Вот это класс.

Они были в командирской кабине — вытянутом пузыре в центре корабля воэнов. Десять шипосидений были расположены V-образным строем. Квесер-и-Джанат сидели в командирском кресле перед гигантским стенным экраном, на котором демонстрировалось пространство вокруг них: в центре его был «Велпин», который дрейфовал и очень медленно вращался. Фассин и Айсул парили над двумя сиденьями позади уракапитанов. Сиденья были слишком малы для Фассина и уж никак не подходили по размерам для Айсула и Кверсера-и-Джаната. Они раскрывались, как поставленные под углом пальцы двух ладоней, и должны были смыкаться вокруг воэна, словно защитный кулак. Насельник же мог устроиться разве что на полностью раскрытом сиденье. Все пространство командирской кабины было тесным и давящим, но Кверсера-и-Джаната это, похоже, совсем не заботило. Фассину сиденья

показались больше всего похожими на клетки. У него было чувство, словно он в музее и парит внутри скелета гигантского динозавра.

— *Можем мы на ком-нибудь попробовать это оружие?*

Айсул что-то напевал себе под нос и ремонтировал треснутый панцирь с помощью своих главных ступичных рук — разминал погнутые кромки дисков, а потом выравнивал их импровизированным напильником.

— Мы всегда можем взорвать «Велпин», например.

— *Там полно народу!*

А он-то думал, что сможет найти что-нибудь. Он-то думал, что, может, осталось еще что-то ненайденное.

— На нем полно воэнов из отряда специального назначения.

— *Ну их тоже можно считать народом, а? И потом, это же наш старый корабль.*

Нет, не мертвого трусливого насельника, который настолько устыдился своей слабости и своего поступка — вскрытия ларца — и убоялся возможных последствий, что решил покончить с собой. К тому же он оказался настолько тщеславен, что оставил запись, увековечив свою идиотскую

самовлюбленность.

Снаружи медленно вращался, иногда совершая кульбиты, «Велпин». Уракапитан (насельник, ИР, или кем он/они были) убедил бóльшую часть экипажа воэнов оставить их корабль при помощи простого средства — запустив функцию самоуничтожения «Протрептика» и не выключая ее до самого последнего момента. Бóльшая часть экипажа, решив, что их корабль вот-вот взорвется, перебазировалась на «Велпин». Тех, кто остался, Кверсер-и-Джанат убили.

Он/они убил/и около десятка, сказал/и он/они.

— Экая сентиментальность.

Точнее — одиннадцать.

— Я понял! Попросим итинов, может, они разрешат нам взять несколько своих посудин. У них там тысячи болтаются себе вокруг могилайнера. Если они отдадут нам пару-другую, потеря невелика. Черт, эти лучи так быстро ослабляются. Что, если взять один-два корабля без их разрешения, — может, они и не заметят пропажи?

Одиннадцать воэнов. Раз — и нету. Одиннадцать тяжеловооруженных солдат спецназа в защитных доспехах. А сам не получил ни царапинки.

— Времени нет. Мистер Айсул и мистер Таак

хотят вернуться в систему Юлюбиса.

Он услышал свое имя. А, вот он — Фассин Таак, потерпевший полное и безоговорочное поражение: ему поручили задание, он отправился на трудные поиски и нашел только кучку пепла, так и не получив ничего.

— И потом, воэны, может, сообразят, как управлять «Велпином», и протаранят нас или еще что. Я согласен. Давай.

Назад на Юлюбис? Но для чего? Он потерпел поражение. С самого начала его миссии дни, а потом и месяцы складывались в бесполезную цепочку. Может быть, вторжение уже произошло или вот-вот произойдет. К тому времени, когда он вернется с пустыми руками — до червоточины в системе Дireальете еще с десяток дней пути, — у Юлюбиса, вероятно, все уже будет кончено. Он был сиротой в покалеченном газолете, он ничего не мог предложить, не было у него драгоценного подарка.

Почему бы не остаться здесь с итинами, не умереть — пусть они пришпилят его к стене рядом с таким же дураком. А можно высадиться где-нибудь в другом месте. Где угодно. Исчезнуть, уплыть, раствориться между звездами в самом сердце пустоты или чего-то совершенно не по-

хожего на его мир, в дали дальней, в месте, о котором никто из знакомых ему людей никогда не услышит… Почему бы и нет?

— Эй там, вы двое, не против?

— Гм? — пробормотал Айсул, прилепляя что-то вроде бандажа на раны левого диска. — Нет-нет, не против.

Фассин подытожил собственные повреждения: осталась одна рабочая рука, визуальная сенсорика ухудшилась процентов на шестьдесят из-за того дерьма, что Кверсер-и-Джанат выпустили в помещении, где убили трех первых воэнов, множество мелких, но, судя по всему, самоневосстановимых дефектов из-за комбинированного воздействия импульсного оружия и станнеров, примененных воэнами на «Велпине».

Конечно, напомнил он себе, не нужно забывать, что он и газолет — это не одно и то же. Он ведь сможет когда-нибудь оставить этот аппарат, снова стать обычным человеческим существом, которое ходит на двух ногах. Такой выход всегда оставался. Но эта мысль немного тревожила его. Он вспомнил огромные волны, с ревом набегающие на берег.

— Фассин Таак, вы тоже хотите вернуться к Юлюбису? — спросили Кверсер-и-Джанат.

— А кто знает, что вы — ИР? — спросил Фассин, не обращая внимания на вопрос. — Или два ИР?

— Или псих? — предложил Айсул.

Уракапитан в знак недоумения подскочил:

— Знают, но не все.

— *Есть наведение. Ура!* — *сказала другая половина, играя с какими-то голографическими органами управления: они исходили из стойки в форме гигантского гриба.*

— Только боеприпасы или всё?

— *Всё.*

— Полное блаженство.

— *Абсолютно.*

— Не понимаю, — сказал Фассин. — Был ли когда-нибудь реальный насельник по имени Кверсер-и-Джанат и вы заняли его место, или…

— Момент, наблюдатель Таак, — сказал уракапитан. Потом немного изменившимся голосом и потише: — Ну, ты уже подружился с кораблем?

— *Подружился, — сказала другая половина. — Переговариваюсь с его маленьким компьютерным мозгом. Тот вконец запутался. Считает, что мертв. Полагает, что саморазрушение уже произошло.*

— Характерное заблуждение.

— *Вот уж точно.*

— Так, тебе придется вместе с этим недоумком проложить наш возвратный маршрут.

— *Как это любезно с твоей стороны.*

— А теперь, наблюдатель Таак, — сказала половина уракапитана, — отвечаю на ваш вопрос: я вам не скажу.

Айсул фыркнул.

Фассин уставился в спину ИР/насельнику:

— Это не ответ.

— Нет-нет, это ответ. На ваш вкус это, может быть, и не ответ, но это ответ.

Фассин посмотрел на Айсула, который с помощью экрана, превращенного в зеркало, рассматривал свои бинты.

— Айсул, вы верите, что Кверсер-и-Джанат — это ИР? Или целых два?

— У них всегда был какой-то странный запах, — сказал насельник. — Я думал, что это какая-то особая личная гигиена или эффект истиннодвойничества. — Айсул демонстративно уставился на уракапитана, сидевшего впереди. — Откровенно говоря, безумие кажется мне более вероятным, а? Обычно это всегда самое верное объяснение.

— Да, но… — начал было Фассин.

— Внимание!

Кверсер-и-Джанат отодвинулись от пульта,

над которым парили, развернулись, поднялись в пространстве между верхушками воэновских шипосидений и немного приблизились к тому месту, где Айсул и Фассин плавали в своих смыкающихся креслах. Плотного сложения двухдисковик парил прямо перед ними. Фассин снова почувствовал, как мороз продирает по коже, в горле встает комок, а сердце бешено колотится в груди. «Убить, он собирается нас убить!»

— Позвольте нам, — сказали Кверсер-и-Джанат, — высказать предположение, что настоящий насельник *так* не умеет.

То, что казалось дородным насельником, медленно разделилось перед ними на две части, панцирные диски слегка покоробились и отсоединились от центральной ступицы, руки, мантии и десятки, а потом и сотни частей этого существа с хрустом рассоединились и разошлись на некоторое расстояние друг от друга, и наконец перед Фассином и Айсулом предстало нечто вроде взорванной трехмерной модели робота с очертаниями насельника, заключенной в некое поле, слегка шипящее и подсвеченное синим. Фассин направил на него ультразвуковой луч, желая убедиться, что это не голограмма.

Айсул почтительно свистнул.

Со скоростью взрыва на обратной перемотке Кверсер-и-Джанат схлопнулись в прежнюю форму и снова стали одним целым, после чего повернулись и опустились в командирское кресло, где сидели прежде.

— Ну вот, — сказал Фассин, — теперь я знаю, что вы не насельник.

— Нет сомнений, — сказал один из ИР. Пространство перед этим существом заполнилось смутными голограммами и мерцающими полями — уракапитан проверял системы корабля воэнов, посверкивая своими частями. — Ну а теперь, если вы этого действительно хотите, я отвечу на любые ваши вопросы, на какие смогу. Но эти воспоминания вы ни в какой форме не сможете донести до своих. Так что скажете? Эй, человече?

Фассин задумался на мгновение.

— Ладно, хер с ним, — сказал он. — Принимаю.

— А как насчет меня? — спросил Айсул.

— Вы тоже можете задавать вопросы, — сказали ему Кверсер-и-Джанат. — Хотя вы должны дать нам слово, что не будете говорить об этом с непосвященными.

— Даю.

Насельник и человек в своем газолете посмотрели друг на друга. Айсул сделал удивленный

жест.

— И вы всегда были двойным ИР? — спросил Фассин.

— Нет, мы были абсолютно разными ИР до начала Войны машин и массовых убийств.

— Кому известно, что вы не насельническая истиннодвойня?

— За пределами этого корабля — гильдии уракапитанов и довольно многим отдельным уракапитанам. Одному-двум насельникам, с которыми мы довольно близко знакомы. И любому насельнику, занимающему достаточно высокое положение, который пожелает задать нам этот вопрос.

— А есть ли другие ИР под личиной насельников?

— Да. Я думаю, что около шестнадцати процентов всех уракапитанов — это ИР, главным образом ИР, выдающие себя за истиннодвойни. Я не преувеличивал, когда сказал, что это способ не сойти с ума. Теперь, когда мы утратили наше прежнее уважаемое положение, возможность поговорить с родственной душой определяет разницу между безумием, предшествующим самоубийству, и по крайней мере подобием плодотворной полезности.

— А у насельников с этим есть проблемы?

— Абсолютно никаких.

Кляксы иконок управления и голографических схем перед креслом командира безостановочно сменяли друг друга по мере того, как ИР, нажимая кнопки, определяли, какой корабельной системой они управляют.

— Айсул? — сказал Фассин.

— Что?

— Вы не возражаете против того, что ИР выдают себя за насельников?

— С какой стати?

— И эти ИР вас никак не беспокоят?

— А чего мне из-за них беспокоиться? — спросил Айсул, не только недоумевая, но и вводя в недоумение собеседника.

— Война машин практически не коснулась насельников, Фассин, — сказал ему один из ИР. — ИР как концепция и как практическая реальность вовсе их не ужасают. Вообще-то, они и вас не должны ужасать, но я не рассчитываю, что вы этим проникнетесь.

— А вы и правда убили всех этих воэнов? — спросил Фассин.

— Боюсь, что так. Пока мы тут разговариваем, их останки плавают где-то у люка по правому

борту. Вон там, видите?

Главный экран временно заполнился жутким видением — искалеченные, истерзанные, застывшие и замороженные в вакууме тела воэнов медленно вращались за бортом.

— Если один ИР — ну пусть два могут такое, — сказал Фассин, — то как же вы проиграли Войну машин?

— Мы оба были боевыми ИР, Фассин. Мозги микрокорабля, предназначенные, оптимизированные и подготовленные для схватки. Кроме того, нам удалось сохранить несколько единиц оружия с наших кораблей и внедрить их в нашу физическую форму. С другой стороны, большинство наших товарищей были изначально миролюбивы. Обычно их было легко найти и убить. Выживание наиболее агрессивных и бдительных. Мы могли бы остаться и продолжить борьбу, но решили спрятаться. Так сделали многие из нас. Те, кто продолжил борьбу, руководствовались несколькими разновидностями понятия чести или сделали это от простого отчаяния. Война машин закончилась, поскольку машины поняли, что так можно вступить в смертельную схватку с биологическими видами Меркатории, иными словами, ввязаться в войну на уничтожение.

Или же необходимо признать свое поражение и потому отступить, перегруппироваться и дождаться времен более пригодных для мирного сосуществования. Мы выбрали, возможно, унизительное, но обещавшее мир отступление перед той разновидностью геноцида, с которым мы столкнулись и в котором сами же были обвинены. Кто-то должен был принять на себя бремя гуманных поступков. И биологические виды явно оказались не способны на такое.

— Но ведь вы все же нападали на нас.

Фассин видел, слышал и читал столько всего о Войне машин, что не мог не возразить на такую грубую ревизию реальности.

— Это были не мы — подставные фигуры, выдававшие себя за ИР, машины-марионетки. Вот кто нападал на вас. Но не мы. Это старый трюк. Агенты-провокаторы. *Casus belli*[3].

«Оставь ты это, — сказал себе Фассин. — Просто оставь, и все».

— И вас, значит, приняли насельники? — спросил он.

— И нас, значит, приняли насельники.

— Повсюду? Не только на Наскероне?

---

[3] Примечания: 3
Повод к войне *(лат.)*.

— Повсюду.

— А в Меркатории кто-нибудь знает об этом?

— Нам неизвестно. Но если и знает, то помалкивает. И скорее всего, будут помалкивать и дальше, если узнают об этом от вас. Мысль слишком ужасная, чтобы об этом думать. А прискорбное недоразумение на давешней регате газовых клиперов только усиливает этот ужас.

— И существует тайная сеть ходов.

— Ну, это очевидно.

— И ИР имеют к ней доступ.

— Верно. Хотя, чтобы не поссориться с нашими хозяевами и не злоупотреблять их гостеприимством, мы воздерживаемся от использования ходов против Меркатории. В некотором смысле, у нас теперь даже больше свободы, чем раньше. И безусловно, та сеть, к которой мы имеем доступ теперь, обширнее, чем та, которую мы сочли необходимым уничтожить.

— Сочли необходимым уничтожить?!

— Коллапс Артерий — это наших рук дело. Последняя отчаянная попытка, предпринятая осведомленными ИР с целью предотвратить распространение анти-ИР-мер. Но мы с этим опоздали. Кульмина уже успела раскидать по ЦивГалу миллионы псевдо-ИР. Поэтому-то Кол-

лапс был таким идиотским концептуально и так плохо осуществился на практике. Заговорщики безнадежно опасались, что их планы утекут к какому-нибудь предателю. Полный провал.

У Фассина было такое ощущение, будто его мозг отделяется от тела, будто его тело и газолет расстаются друг с другом, как это недавно сделали Кверсер-и-Джанат с собственной совместной оболочкой, доказывая, что не являются живым существом, насельником. То, что он сейчас услышал, было самой скандальной (по галактическим меркам) из всех известных ему ревизий недавней истории. Он не мог в это поверить.

— И значит, насельнический список отвечает истине.

— Эта древность? Да, список отвечает истине. Конечно, устаревшей истине, но тем не менее.

— А преобразование существует?

— Некая тайна, которая волшебным образом обеспечивает доступ к сети ходов?

— Да.

Смех.

— Полагаю, в некотором смысле — да.

— И что же это такое?

— Этого я вам не скажу, наблюдатель Таак. — Голос ИР звучал благодушно. — Есть тайны, а

есть страшные тайны. Вы это ищете? Из-за этого мы проделали такой долгий путь?

— Без комментариев.

— Ай-ай, представляю, как вы разочарованы. Мне очень жаль.

Мельтешение на экране перед ИР прекратилось.

— *К полету готов.*

— Ограничительные люльки?

— *Убраны, физиолого-технические профили исправлены, демпфированию заданы новые параметры.*

— Ну что ж, тогда давай…

— *Ой! Ой!*

— В чем дело?

— *Мне пришла в голову мысль!*

— Какая?

— *Мы вот что можем. Смотри.*

Кверсер-и-Джанат с помощью системы свертывания магнитного поля мягко переместили останки мертвых воэнов на очень близкие и медленные орбиты вокруг «Велпина» и все еще пристыкованного насельнического солокорабля.

— *Вот так. Лучше?*

— Просто псих какой-то, — сказал Айсул. — У меня тяжелое ранение. Доставьте меня домой.

— Ух ты, ну и скорость — смотри!

— Довольно быстро. Я думал, им дольше потребуется, чтобы перехватить контроль над нашей старушкой.

На экране крупным планом возник воэн, который появился из внезапно открывшегося люка на поверхности «Велпина». Он поднял пистолет и открыл огонь. На другом экране стало видно, как реактивные поля плетеной брони впитали в себя луч. Все равно что с духовой трубкой против линкора.

— Нам пора, если мы собираемся отправляться.

— Хочется хоть куда-нибудь стрельнуть. Что, если мы шмальнем в этого ублюдка из пистолета?

— Нет.

— Да брось ты!

— Глупо полагаться на программы. — (Обе части Кверсера-и-Джаната при этих словах гомерически захохотали.) — Пальни уж лучше в главные ходовые двигатели «Велпина».

— Ну вот это уже кое-что. Есть цель. Огонь.

Корабль вокруг них издал короткий гудящий звук. На нескольких экранах, включая и главный стенной экран за шипосиденьями, они увидели,

как «Велпин» в районе двигательного отсека озарился сначала нестерпимо-розовым, а потом звездно-белым светом. Корабль переломился надвое, и половинки начали разлетаться в ярком облаке сверкающих металлических частей.

— *О-па!*

— Они ж воэны. Может, они его соберут через час и попытаются угнать могилайнер или что-нибудь в этом роде. Поехали.

Двойня ИР полуобернулась к насельнику и человеку в газолете:

— Мы надеваем на вас ремни безопасности. Если почувствуете что не так — кричите громче.

Здоровенные ребра издали жалобный скрип. Фассин ощутил, как газ вокруг него словно сжимается, сгущаясь до патоки.

— Все в порядке?

Да, в порядке, согласились все.

— Поехали!

Звезды качнулись, в чреве корабля что-то загудело. Разбитые останки «Велпина» исчезли из виду.

Чтобы показать себя, они на украденном иглоиде описали гигантское «О» вокруг могилайнера и понеслись, не обращая внимания на печальные воющие сигналы, которые преследовали их на

пути к системе Дирельете и ее тайному ходу.

* * *

Если они и надеялись на какой-нибудь ультиматум или попытку предложить капитуляцию, как бы ни были унизительны и отвратительны ее условия — пусть даже заранее рассчитанные на отказ, — их ждало разочарование. Вторжение заморышей нахлынуло на Юлюбис, как цунами обрушивается на берег, застроенный песчаными замками.

Капитан Оон Дикогра, недавно повышенная до должности командира иглоида «НМС-3304», который за полгода до этого доставил Фассина Таака с Глантина на Сепекте (ее повысили, когда капитан Пасиса, вуль, командовавший в то время кораблем, получил новый), оказалась вместе со своим перевооруженным судном в составе эскадры внешнего оборонительного щита. Это пышное название не вполне отвечало реальности — то была сборная солянка из кораблей, в основном небольших и плохо вооруженных, переброшенных с периферии системы в область предполагаемого вторжения и занявших позицию за чересчур уж тонким покровом того, что носило высокопарное название «средств пере-

хвата»: на самом деле они представляли собой разбросанные здесь и там валуны и немного мин, по преимуществу стационарных. Эскадра должна была расположиться и ждать за этой так называемой завесой первой линии обороны.

Дикогра вместе с несколькими другими капитанами (по крайней мере, на этом уровне) полагала, что лучше выдвинуться навстречу силам вторжения, а не ждать их в засаде, но высшие военные чины пожелали разыграть все иначе. Идея атаковать флот вторжения за пределами системы Юлюбиса была отброшена — такую стратегию сочли слишком рискованным распылением сил. Пребывание на передовой линии казалось Дикогре не менее рискованным, чем в любом другом месте, но она повторяла себе: ее начальство знает, что делает. Даже если их прислали сюда на заклание, что ж, их гибель будет не напрасной.

Их крыло из двенадцати кораблей выстроилось в волнистую линию длиной несколько тысяч километров за пределами крайней орбиты внешней системы. Почти повсюду вокруг них были развернуты другие тонкие линии обороны, а вот впереди никого не было. «НМС-3304» был седьмым в боевом порядке, рядом с кораблем командира крыла в центре. Дикогра в иерархии

крыла занимала третье место после командира крыла и капитана корабля, который стоял в боевом порядке пятым. Она поначалу была польщена своим скорым повышением. Потом — испугана. Кораблям не хватало вооружения, технического оснащения, они были слишком медлительны и очень немногочисленны, словно и в самом деле их отдавали на заклание — поставили на пути вторжения как доказательство, что военные силы Юлюбиса все же существуют, пусть они и ничтожны перед неизмеримо превосходящими силами культа Заморыша.

Системы дальнего слежения, которые помогли бы эффективней распределить эскадры внешнего оборонительного щита, последние несколько месяцев являлись приоритетными целями для авангарда запредельцев и заморышей и теперь практически не существовали. То, что осталось, уже не могло определить точную диспозицию наступающего флота теперь, когда его двигатели были выключены и он заложил резкий вираж почти на границе Оортова облака. Тысяча с лишним кораблей одновременно заглушили свои тяговые установки, после чего начисто исчезли с экранов: каждый двигался по своему маршруту среди паутины направлений и векторов, слишком

сложной и запутанной, чтобы в ней разобраться.

Все еще функционирующие системы дальнего предупреждения бóльшую часть оставшегося им времени с надеждой выискивали окклюзии далеких звезд, пытаясь таким весьма несовершенным способом разглядеть сетку приближающихся кораблей — в виде затмений на ликах естественных древних светил.

Дикогра лежала, неплотно свернувшись, в одном из командных коконов, связанная с корабельными системами, — ее внимание делилось между всем сразу. Периферией сознания Дикогра ощущала экипаж по обе стороны от нее. Вместе с ней на борту было всего трое: маленьким кораблем по большей части управляла автоматика. Один вуль, один джаджуэджейн — экипаж, новый не только для нее и самого корабля, но и для Навархии. Они еще учились, оставаясь для Дикогры чужими больше из-за своего относительного невежества, чем из-за видовых различий. Она предпочла бы еще несколько месяцев интенсивных совместных тренировок, прежде чем назвать экипаж готовым, но времена были отчаянные — не до жиру.

Вспышка жесткого длинноволнового излучения в нескольких световых секундах перед ними

сообщила о столкновении чего-то со средствами перехвата (хотя фактически сообщила о гораздо большем) в пространстве между ними и флотом вторжения. Правда, объект был, судя по всему, невелик.

— Значит, кучка их говна столкнулась с кучкой нашего, — сказал командир крыла Дикогры по открытой связи, действующей в пределах прямой видимости.

На корабле Дикогры системы предупреждения столкновений на ближней дистанции заверещали и замигали. За них отвечал старший офицер Нутче. Часть своего внимания Дикогра перевела на него, а он пытался наблюдать за автоматикой, настраивая ее на насущную задачу. Мимо них повсюду проносились объекты, что-то вроде очень мелкой шрапнели, и двигались они со скоростью в десятки процентов от световой. «Ничего не поделаешь, нет объекта атаки, — подумала Дикогра. — Только сидеть тут и ждать».

Зыбкое рассеянное свечение стало ярким блеском, распространившимся перед ними наподобие блестящего светового занавеса.

— И масса… — начал было говорить кто-то, но тут линия связи зашипела, а потом выключилась.

Два из кораблей в их ряду исчезли в бешеных вспышках света — один на дальнем конце, может быть, первый или второй, и…

Следующий взрыв — похоже, совсем рядом — заполнил органы чувств Дикогры. Корабль командира крыла. И хотя это произошло в сотнях километров от нее, небеса были залиты светом. Еще одна вспышка бесшумных взрывов внутри и вокруг первой — расцвели ослепительные огненно-белые цветки. Один, но мощный взрыв в дальнем конце их ряда, где дежурили корабли с большими номерами. Вдали крохотные, но интенсивные вспышки по всему окружающему пространству засвидетельствовали тот факт, что и другие звенья подвергаются атаке.

— Мы просто погибнем, если будем сидеть здесь сложа руки, — сказала Дикогра, стараясь, чтобы голос не дрожал. На самом деле она говорила только с собственным экипажем: линии связи с другими кораблями крыла и эскадры были наполнены треском помех. — Нутче, есть что-нибудь на дальних подступах?

Сама она ничего не видела, но ее дисплеи давали картину чуть более общую, с меньшими подробностями, чем у джаджуэджейна. Может быть, на его дисплеях есть невидимые ей при-

знаки цели?

— Ничего, — сказал Нутче. — За стеной света от разрывов ничего не видно.

Еще один корабль отправился в никуда — его материя превратилась в пучок лучей в полутысяче километров от них. Дикогра попыталась связаться с каким-нибудь другим кораблем, но безуспешно.

— Запускаем двигатели, — сообщила она. — Умереть мы можем и атакуя, а не сидя здесь, как шпаки.

— Мадам! — воскликнул Магил. — У нас приказ оставаться на месте!

Она так и предполагала: мысль о нарушении приказа потрясла вуля.

— Приготовьте ваше оружие, мистер Магил. Мы найдем для вас цель.

— Я протестую. Но оружие готово к ведению огня.

— Поехали!

Дикогра включила главный двигатель на полную, корабль ринулся на стену света впереди.

Крошечные элементы сенсорной группы, пронесшиеся мимо вместе с остальными гиперскоростными снарядами, тут же зафиксировали тяговый след и передали информацию следую-

щему кораблю-камикадзе. Тот самоуничтожился, выпустив в цель пучок рентгеновских лучей.

Встретившись всего с тремя лучами толщиной с палец, воздействие которых было достаточно длительным, чтобы суммарные скорости и векторы корабля и вошедших в корпус скоротечных лучей привели к расширению отверстий на несколько радиусов, «НМС-3304» принял удар (вот же невезение) на силовую установку: ее ядро из антивещества взорвалось и разлетелось на части, ее искалеченные останки понеслись вперед, к мерцающим небесам, и на миг расцвели ярким фейерверком, в то время как сзади медленно надвигалась волна обломков.

Дикогра и подумать ничего не успела, разве что ощутила нахлынувший ужас.

Нутче, джаджуэджейн, успел пропеть первый слог песни «Встреча со смертью».

Вуль Магил успел зайтись криком ужаса и гнева в адрес капитана, но эти трое, уходя в мир иной, лишь немногим опередили остальные экипажи крыла — на считаные минуты.

* * *

Джааль Тондерон видела, как началась война, по одному из официальных новостных каналов.

Она вместе со всеми ближайшими родственниками находилась в домике в Элкуатуйнских горах, на крайнем юге глантинского континента Транк. Остальная часть клана Тондерон (те, кто непосредственно не участвовал в войне) была разбросана по городку Обурайн и в окрестностях этого скромного курорта на аллювиальном дне долины, взбегавшей уступами к их дому.

— Никто больше ничего не хочет? Вы уверены? — спросила мать Джааль.

Приглушенный хор голосов заверил ее, что никто больше не хочет ни пить, ни есть. Число слуг здесь было сведено к минимуму, так что членам клана приходилось обслуживать и самих себя, и других. По общему мнению, это было полезно с разных сторон: избавляло от ироничного взгляда на вещи, укрепляло дух товарищества, цементировало отношения. Однако такие обязанности быстро начинали утомлять.

— Ма, сядь, пожалуйста, — сказала Джааль.

Мать Джааль, похудевшая в соответствии с последней военной модой — после десятилетий не менее полного господства рубенсовских форм, — села, легко уместившись между своим мужем и одной из его сестер. Все десять человек втиснулись в подвальную комнату без окон в

тыльной части дома, считавшейся самой безопасной: вдруг снаружи что-нибудь случится. Если в космосе вокруг Глантина начнутся серьезные столкновения, то обломки могут упасть куда угодно.

Венн Хариадж, новый главный наблюдатель клана Тондерон, сменивший на этом посту все еще оплакиваемого Браама Гансерела, постановил: поскольку они старшие среди кланов, то, с учетом несчастной судьбы клана Бантрабал, дальнейшая потеря людей недопустима. Они нарушили предсказуемую последовательность своих перемещений по сезонным домам и поспешили подальше от излюбленных мест отдыха всех кланов, удалились на высокогорье у границы Большого южного плато. Ожидалась война такого масштаба, что безопасных мест не существовало, но здесь все же было куда безопаснее, чем где-то еще. Бóльшую безопасность давали только убежища глубоко под землей, но все места в них были заняты военными, Омнократией и Администратурой.

Некоторые люди и организации доверили себя космосу и разместились в небольших орбиталищах, особенно в маленьких гражданских кораблях, надеясь спрятаться в космическом про-

странстве внутри системы, хотя официальные источники предупреждали, что это рискованно, что их корабли могут быть приняты за военные суда или за снаряды, а потому лучше уж оставаться на планете. Исчезновение промышленника Салууса Кегара вместе с принадлежащим ему кораблем использовалось как довод в пользу таких рассуждений; ходили, правда, странные слухи, что он отправился к агрессору с мирными предложениями и потерпел неудачу или же (случай совсем уж невероятный) предательски переметнулся к врагу.

Голографический экран был плоским — для показа двумерных изображений. Это явно сделали с целью улучшить связь для военных. Серенькая картинка, передаваемая камерой с платформы где-то на орбите Наскерона, показывала пространство на внешних окраинах планетной системы. На экране высвечивалось пятнистое облако света и множество крохотных блесток, ярких точек, то вспыхивающих, то затухающих, — но на месте каждой погасшей искорки появлялась одна или две новых.

— Ну и что же мы видим, Джи? — раздался какой-то бесплотный, профессионально звучащий голос.

— Понимаешь, Фард, — ответил ему другой голос, более медленный, уверенный, — это похоже на заградительный огонь сил обороны, гм, препятствующий проникновению или вторжению агрессора.

— Ясно…

На экране стали появляться и проявляться более крупные пятна ярких белых разрывов. Камера дергалась от одного к другому, потом картинка переключилась на следующий театр военных действий, но всепроникающий свет далеких звезд при этом остался.

Джааль наклонилась к младшему брату, который сидел, скрестив ноги, на полу рядом с ее креслом.

— Они никогда не скажут нам правду, да? — тихо спросила она.

Ликс, худой и угловатый, недавно подрос — в последний раз, как все надеялись, — и чувствовал себя явно неловко.

— Ты не должна так говорить. Мы все на одной стороне, мы все должны поддерживать друг друга.

— Ну да, конечно.

Джааль погладила мальчика по плечу, чувствуя, как тело его напрягается при касании ее

пальцев. Дни, когда они возились и щекотали друг друга, безвозвратно прошли. Она понимала, что ему вскоре предстоят неизбежные подростковые проблемы: нескладность, стеснительность, — хотела подбодрить его и собралась было опять погладить по плечу, но сдержалась.

На экране передавали новый мини-репортаж — о том, как высок боевой дух на борту штурмкрейсера «Каронада».

— Я чувствую себя таким бесполезным. А ты? — сказал Геви, дядюшка Джааль; ему было всего под сорок, но выглядел он старше — это нужно было сильно постараться в эпоху, когда люди с деньгами могли в восемьдесят лет выглядеть на десять. — Хочется оказаться там и что-то делать.

— Например, сдаться, — высказался отец Джааль, услышав в ответ «тсс!», «ш-ш-ш!» и довольно громкий вздох Ликса. — Ну что ж, — сказал он неожиданно вызывающим голосом.

Отец Джааль со времени атаки на Третью Ярость позволял себе все более циничные высказывания насчет войны. Он тоже был наблюдателем и планировал несколько экспедиций на Наскерон, но тут луну атаковали. Разрушение Совместного комплекса и стремительная подготовка к военным действиям сняли этот

вопрос с повестки дня, а когда составляли списки участников посольства на Наскерон, его в качестве наблюдателя-консультанта не пригласили. Джааль улыбнулась ему. Высокий, хорошо сложенный блондин, он ее любимый отец, и ничто этого не изменит. Он неловко улыбнулся ей в ответ.

— Современная война, — сказал Геви. — Даже без ИР в ней участвуют главным образом машины и небольшое число хорошо подготовленных бойцов. Так что от нас там мало проку.

Мужчины согласно закивали. На экране возникли знакомые заезженные изображения «Каронады», обстреливающей из лучевого оружия группу астероидов, которые тут же обращались в прах.

— Прошу прощения, — сказала Джааль.

Она вышла из комнаты — внезапно ей показалось, что здесь слишком тесно и жарко. Она поднялась на балкон за гостиной, в которой они нередко сидели прежде, вместе глядя на экран.

На улицах города, вытянувшегося в долине, в близлежащих поселках и домах, по мере того как гасли небеса, начинали загораться огни. В некоторых городах, а особенно на Сепекте, соблюдалось затемнение, хотя все в один голос говорили, что

это лишено малейшего смысла.

Прохладный воздух пах деревьями и сыростью. Джааль, в ее тонком одеянии, пробрала дрожь, и она тут же подумала о Фассине. В последнее время она чувствовала себя виноватой, потому что теперь, случалось, целыми днями ни разу не вспоминала о нем, а это казалось ей предательством. Она задавалась вопросами — где он теперь, жив ли еще, думает ли о ней.

Она посмотрела на городок и шнуры света, прочертившие склон горы напротив, скользнула взглядом по кронам деревьев и снежной шапке на горных пиках, белеющей на фоне темно-алого неба, где, наподобие скоротечных конфетти, вспыхивали и тут же гасли огни.

Она повернулась и пошла назад — ее внезапно охватил ужас: ведь один из огоньков вполне может оказаться ядерным взрывом или вспышкой антивещества и ослепить ее.

«Я боюсь неба, боюсь поднимать взгляд», — подумала она, спускаясь к остальным.

* * *

Адмирал флота Бримиэйс имел возможность видеть собственную гибель, гибель всего экипажа и уничтожение его собственного, когда-то вели-

колепного корабля — он видел это в мельчайших подробностях и в замедленном воспроизведении.

Верещание сирен и звук, похожий на вой сильного, крепкого ветра, заполнили разреженный воздух. Картинку перед главным передним экраном на время заволокло дымом, но вскоре изображение прояснилось. Осколки (некоторые из них, остывая, все еще потрескивали и постанывали) заполнили приблизительно четверть объема командирского мостика. В сферическом пространстве повсюду были разбросаны конечности и куски плоти самых разных видов разумных существ. Бримиэйс повернулся, насколько мог. Он получил серьезную колотую рану в нижней части левого бока — слишком большую, чтобы его кровь-живица могла свернуться. Армированный э-костюм, делавший его похожим на маленький космический корабль, спас ему жизнь или, по крайней мере, отсрочил смерть.

В воздухе вокруг него что-то шипело.

«Совсем как корабль, — подумал он. — Рана, через которую вытекает жизнь, самозалечиванию не поддается». Он пытался увидеть кого-нибудь, хоть кого-нибудь живого на командирском мостике, но видел только мертвые тела.

Конечно же, экипаж предполагалось поместить в коконы с противоударным гелем, но в последнюю минуту с ними возникли проблемы (может, вследствие саботажа, а может, и нет), а потому команде пришлось довольствоваться одними противоперегрузочными креслами, в которых они сидели, лежали и парили. Сражение это было проиграно еще до начала, но тот факт, что их возможность двигаться была ограничена больше обычного, вообще сводил любые их шансы к нулю.

Флот вторжения уже находился в пределах системы, и самым очевидным признаком его присутствия была огромная паутина изогнутых нитей на основном экране «Каронады». Корабли противника по большей части оставались невидимыми, неся обороняющимся разрушение и смерть с расстояния, которое редко было меньше десяти тысяч километров, а иногда доходило до миллионов километров.

Атакующие или их союзники-запредельцы заранее вывели из строя радары дальнего действия. У обороняющихся остались только их хваленые телескопы. Имея дело с закамуфлированными кораблями и крошечными точками совсем мелких быстроходных аппаратов, они вряд ли могли

понять, кто или что их атакует. Адмиралу флота это представлялось ужасным позором. Проиграть сражение и погибнуть было ужасно, но оказаться просто сметенными в небытие, так и не поняв из-за кого и из-за чего, было хуже некуда.

С темных небес обрушивались ракеты, оснащенные боеголовками с ядерным зарядом и с антивеществом, одноразовые гиперскоростные метательные установки, смертоносные лучи, облака из микроснарядов на субсветовой скорости, мощные лазеры и десятки других поражающих средств, выпущенных издали кораблями самых разных классов, малыми кораблями с дистанции поменьше, а также автоматическими платформами, истребителями, беспилотными аппаратами и вспомогательными боевыми машинами.

Они представляли собой немалую силу — «Каронада» и ее щит из двенадцати истребителей. Им было поручено дерзко атаковать самую сердцевину вражеского флота — ударить по огромному мегакораблю, который, по словам тактиков, был командным пунктом противника. Они покинули внутренние области системы за несколько недель до начала вторжения — тайно стартовали с судостроительной верфи на орбите Сепекте и сразу же пошли на выход из плоско-

сти эклиптики системы. На эту часть пути ушло гораздо больше времени, чем предполагалось, поскольку пришлось скрывать от противника тяговые следы. Стартовав, они выключили все системы связи — даже внутри отряда — и восстановили их, только когда передовой истребитель обнаружил ядро вражеского флота.

Они надеялись неожиданно обрушиться на флот заморышей, но были обнаружены за несколько часов до контакта. Навстречу им был выслан отряд из девяти или десяти кораблей — каждый гораздо мощнее «Каронады» — в сопровождении мелких судов. Пришлось разомкнуть строй и растянуться на значительное расстояние, чтобы не представлять собой компактную цель для высокоскоростных снарядов, но это мало чем помогло. Истребители были истреблены, а линейный крейсер погиб последним только потому, что плелся к неизбежной гибели на низкой скорости, тогда как другие неслись к ней на всех парах.

Бримиэйс понимал, что как-нибудь так все и кончится. Остальные тоже. Но адмирал сам предложил такую тактику и настоял на том, чтобы возглавить отряд, именно потому, что знал: шансы на успех невероятно малы. Он бы предпочел, чтобы экипажи целиком состояли из доброволь-

цев, но секретность операции исключала такую возможность. Он предвидел проблемы, но трусов среди корабельных команд не обнаружилось. И если бы каким-то чудом их миссия увенчалась успехом, он и все остальные были бы признаны величайшими героями эпохи Меркатории. Именно так, хотя не ради этого адмирал и все прочие пустились в такое опасное предприятие. Но даже если бы эта отчаянная, обреченная попытка ударить в самое сердце флота вторжения дала отсрочку всего на несколько секунд, то и тогда игра стоила бы свеч. И наконец, они продемонстрировали дерзость, отвагу, показали, что не скованы страхом, не желают сдаваться без боя.

Еще один взрыв потряс корабль и кресло адмирала. Обломки слева сместились, и мимо Бримиэйса, едва не задев его, пролетел искореженный кусок металла, похожий на огромный свернувшийся листок дерева. Этот взрыв показался ему более мощным, но прозвучал глуше, чем все предыдущие, — возможно, из-за того, что из помещения вышел почти весь воздух. Взрыв этот скорее чувствовался, чем слышался.

Темнота. Все освещение погасло, экраны умерли, картинка еще оставалась в памяти, но не в реальности. Ее призрак маячил несколько

мгновений перед мысленным взором адмирала, пока тот вертелся, пытаясь обнаружить хоть один источник света — работающую консоль, вспомогательный экран, хоть что-нибудь, продолжающее функционировать.

Ничего.

И с наступлением темноты и тишины остатки воздуха вышли из помещения и его э-костюма.

Бримиэйс почувствовал, как что-то подалось в нем. Он услышал, как его внутренности выворачиваются наружу, в пространство между телом и внутренней поверхностью э-костюма. Он предполагал, что это будет больно, и не ошибся. Он увидел краем глаза свет с одной стороны и, подняв глаза, понял, что этот свет проникает внутрь сквозь боковину командирского мостика, а он видит ребра жесткости корабля в невыносимо ярком…

* * *

Лейтенант Инесиджи из боркильской дворцовой стражи лежал, вытянувшись, в небольшом, похожем на кратер гнезде среди обломков одной из атмосферных силовых колонн: бежевые и красноватые куски ее валялись, свернутые в трубу, расколотые или измельченные в поро-

шок, на площади перед дворцом иерхонта. Этим утром в ходе первой атаки был нанесен прямой удар в основание высокой — около километра — колонны. Она стала рушиться с невероятной медлительностью, грохоча, сотрясая площадь, дворец, близлежащие кварталы, и, когда от нее осталась лишь половина, с круглой вершины внезапно сорвалось и устремилось в небеса огромное кольцо из пыли и пара, гигантский завиток шириной в сотню метров; кольцо перевернулось несколько раз в воздухе, а колоссальный обелиск тем временем рухнул на невысокие здания, окружающие площадь.

Инесиджи наблюдал за этим почти с самого верха дворца, еле поместившись за пульт управления импульсной пушкой, спрятанной под камуфляжной сетью в нескольких сотнях метров над ним, куда осело громадное облако обломков. Его товарищи — вули и люди — лежали вокруг него, окружив своими телами три длинные, вытянутые опоры пушки. Противник воспользовался нейтронным оружием, бомбами и лучами, уничтожив около дворца почти всю органическую жизнь. Убить джаджуэджейна было потруднее. По крайней мере, на это требовалось больше времени. Инесиджи страдал от боли и периоди-

чески терял сознание и должен был, невзирая ни на что, умереть несколько дней спустя, но его жизненные системы работали.

Заморыши хотели сохранить дворец: этим и определялся выбор оружия. Теперь, чтобы достичь своей символической цели, они должны были высадить здесь войска. По крайней мере, в этом случае они становились уязвимы, появлялась возможность нанести им реальные потери в живой силе, восстановить попранную честь.

Когда первые орудийные платформы пролетели мимо, лейтенант не предпринял ничего. Один беспилотный аппарат остановился точно над ним, помедлил, а потом двинулся дальше, видимо обнаружив одних мертвецов, поскольку его приборы не были откалиброваны на джаджуэджейнов. Потом прибыли первые спускаемые аппараты и приземлились на усыпанной мусором и телами площади, но Инесиджи пока не обнаруживал себя. Сели четыре, пять, шесть машин, из которых выходили бойцы — тяжеловооруженные и в тяжелых доспехах, многие в огромных экзоскелетах.

Когда после первой волны приземлился более крупный, серьезного вида аппарат, Инесиджи перевел рычажок импульсной пушки на мак-

симальную мощность, снял предохранители и нажал на спусковой крючок, обрушив лавину огня на большой корабль, потом прошелся огнем по аппаратам помельче и перевел пушку на автоматический огонь, а сам с одним лишь личным оружием, преодолевая боль, успел откатиться в сторону по ведущей вниз длинной изогнутой галерее, прежде чем несколько секунд спустя на месте его прежней позиции в стене обширного сферического здания ответным огнем была пробита двадцатиметровая дыра.

Находясь внизу, среди обломков атмосферной силовой колонны, Инесиджи видел эту дыру. Прошло несколько часов. Он убил еще около дюжины врагов, уничтожил два спускаемых аппарата, стреляя по одному разу с каждой позиции в обломках колонны и зданиях на площади, а потом быстро переходя на новое место. Проблема нападавших была в том, что они искали человека, а джаджуэджейн, в особенности без формы или одежды, спрятавшийся среди обломков, вовсе не был похож на солдата — он напоминал связку металлических прутьев или клубок кабелей. Один из бойцов в экзоскелете погиб, когда подошел прямо к Инесиджи, чтобы подобрать его пистолет, лежавший среди обломков под

каким-то проволочным сплетением, не понимая, что сплетение это и есть Инесиджи. Наверное, пистолет показался ему живым — поднялся с земли, будто сам собой, и выстрелил удивленному бойцу прямо в лоб.

Но Инесиджи становилось все хуже и хуже — результат облучения. Он начал терять сознание. Опускалась ночь, и он понимал, что утра уже не увидит. Над городом поднимались дымы, наверху и на уровне земли наблюдались вспышки. Раздавались звуки выстрелов, ударов — глухие, раскатистые и пустые.

Он услышал тяжелые шаги еще одного экзоскелета где-то рядом — за кромкой его небольшого гнезда-кратера. Шаги приближались.

Он в последний раз кинул взгляд на дыру в огромном, окрашенном закатом фасаде сферического дворца, медленно поднялся, чтобы увидеть, где находится экзоскелет, и умер, сраженный кружевом нитей, доставших его с орудийной платформы в сотне метров над ним.

* * *

Огромный сверкающий корабль, отделанный золотом и платиной, поперечником в полкилометра, представлял собой чуть уменьшенную (и

подвижную) копию дворца иерхонта в Боркиле. Похожий на громадное сияющее семя, он медленно погружался сквозь верхний дымчатый слой атмосферы и вершины облаков под ним. Небольшие стрелоиды сопровождения сновали вокруг него, как назойливые насекомые.

Из слоя облаков поднялось судно, похожее на серебристый дредноут, и застыло в километре ниже корабля иерхонта. Опускающийся золотистый корабль медленно поравнялся с ним и остановился.

Серебристый просигнализировал золотистому, требуя назвать себя.

Экипаж насельнического судна услышал явно синтезированный, но мощный голос, который произнес:

— Я — иерхонт Ормилла, правитель Юлюбисской Меркатории и глава юлюбисского меркаторийского правительства в изгнании. Это мой корабль, правительственная яхта «Крумель». Я, мои приближенные и семья ищем временного убежища и защиты.

— Добро пожаловать на Наскерон, иерхонт Ормилла.

* * *

— Как они с тобой обходятся, Сал?

Лисс пришла навестить Салууса в его камере, спрятанной где-то глубоко в чреве «Люсеферуса VII». Перед ней все время была тонкая, но крепкая прозрачная мембрана, которая растянулась, как пузырь, от дверного тамбура до маленького, вделанного в стену стола. За столом сидел Сал и читал с экрана.

— Нормально обходятся, — ответил он ей. Голос из-за мембраны доносился как бы издали. Сал встал. — А с тобой?

— Со мной? Да я же герой, Сал. — Она пожала плечами. — Героиня сраная. — Она кивнула в сторону экрана. — Что ты тут смотришь?

— Читаю труды по славной истории культа Заморыша, которым предводительствует славный вождь, архимандрит Люсеферус.

— Ну-ну.

— Скажи мне, Лисс, ведь все это не было спланировано?

— Нет, не было.

— Лисс — это твое настоящее имя?

— Что такое «настоящее»?

— Но ведь это не было спланировано, да? Я

говорю о моем похищении.

— Конечно нет. — Лисс опустилась на небольшое сиденье, вделанное в стену недалеко от двери. — Импровизация.

Сал ждал, что она добавит что-нибудь, но она молчала — сидела, чуть сгорбившись, и смотрела на него.

— Я сам тебя навел на эту мысль, да? — спросил Сал. — Когда сказал, что Товин почти обвиняет меня в подготовке к побегу.

— Я некоторое время думала, как использовать тебя наилучшим образом, — сказала она ему. — Но это решение было принято в последнюю минуту. Мы находились в корабле, готовом к полету, я видела, как ты им управляешь, знала, что это нетрудно. — Лисс пожала плечами. — А они бы попросту реквизировали его, установили боеголовку и использовали как ракету.

— И это самое лучшее, что пришло тебе в голову насчет меня?

— Можно было бы, наверно, сделать и что-нибудь получше, но я решила иначе. Просто обескуражить всех, выведя тебя за скобки. Моральный удар — пусть все думают, что ты сбежал к противнику. И знаешь — сработало. Они все здорово переполошились.

— Значит, просто все так удачно сложилось.

— Я же из запредельцев. Нас учили думать.

— И ты всегда охотилась за мной? Я был чем-то вроде цели?

— Нет, просто опять же все удачно сложилось. Здорово вышло.

— А Фассин?

— Полезное знакомство. Проку от него как от шпиона не очень много, но связь поддерживать стоит. Он, как минимум, вывел меня на тебя. Жив он или нет — этого никто не знает. Исчез на Наске.

— А что там сейчас происходит? Я имею в виду — в системе? Война уже началась, да? Мне ничего не говорят, а с экрана можно выйти только в библиотеку.

— Да-да, война уже началась.

— И?

Лисс покачала головой и присвистнула:

— Тебя интересует, что сталось с кораблями, которые ты построил? Они получили хорошую трепку. И все никуда не годятся. А разговоры о борьбе до последнего корабля — это обернулось пустой болтовней. Война в космосе практически завершилась. Иерхонт исчез.

— Речь идет только о военных? Они не тро-

нули города и орбиталища? — Сал несколько мгновений в упор смотрел на нее, потом опустил глаза. — У меня там много людей, Лисс.

— Да, ведь ты, Салуус, всего лишь человек. Я знаю. Не стоит притворяться.

Он сердито посмотрел на Лисс, но она ответила холодным взглядом. На ней по-прежнему был облегающий э-костюм. Плотный шлемоворотник вокруг ее шеи образовывал странное жабо, отчего возникало впечатление, будто ее маленькая голова с темными волосами, собранными сзади в плотный пучок, лежит на блюде.

— На данный момент захвачен только Боркиль, — сказала она, смилостивившись. — Там много разрушений. Но достоверных сообщений о зверствах не поступало.

Он вздохнул и откинулся к спинке маленького сиденья, стоявшего перед экраном.

— Зачем вы, запредельцы, сотрудничаете с этими… с этими парнями?

— Чтобы вы держались от нас подальше.

— Мы? Ты имеешь в виду Меркаторию?

— Конечно же, вашу долбаную Меркаторию.

— Неужели это правда?

— Чем больше хлопот у вас, ублюдков, тем меньше времени, чтобы убивать нас. Очень про-

стое уравнение, Сал.

— Мы нападаем на вас потому, что вы нападаете на нас.

Лисс развалилась на своем стуле, чуть разведя ноги, и закатила глаза.

— Вы ничему не хотите учиться, — выдохнула она. — Вы нападаете на нас потому, что мы не хотим входить в вашу драгоценную вонючую Меркаторию. Вы не можете оставить нас в покое — боитесь, что с нас возьмут пример другие. Вы атакуете наши орбиталища и жилкорабли, вы убиваете нас миллионами. Мы же атакуем только ваши военные объекты и инфраструктуру. А вы называете нас террористами. — Она покачала головой, встала. — Пошел ты в жопу, Сал, — тихо сказала она, — вместе со своим невежеством и таким удобным эгоизмом. Пошел ты в жопу, Сал, вместе со своим умением не задумываться о важных вещах.

Она повернулась, чтобы уйти. Сал вскочил на ноги, чуть не столкнувшись с прозрачной мембраной.

— И ты никогда ничего ко мне не чувствовала? — выпалил он.

Лисс остановилась, повернулась.

— Кроме презрения? — Она улыбнулась, когда

он отвел глаза, прикусил губу. И встряхнула головой, пока он не видел. — С тобой иногда бывало неплохо, Сал, — сказала она, надеясь, что ее голос звучит не слишком покровительственно. Или, напротив, вкладывая в него именно покровительственную нотку.

Она вышла, прежде чем он успел придумать, о чем еще спросить.

* * *

Орбиталищу 4409 и всем его обитателям был вынесен смертный приговор. Так им сказали. В это трудно было поверить.

Жители реагировали по-разному. Одни начали устраивать беспорядки, и с ними разобрались бескомпромиссно или жестоко, в зависимости от того, верили вы гражданским властям или нет, другие тем или иным образом ушли в загул, третьи просто оставались с теми, кого любили, четвертые вдруг обнаружили, что не желают провести последние часы с теми, кто им просто нравился, а многие (гораздо больше, чем ожидала Тай) собрались в большом парке на дальней стороне внутренней стены орбиталища, если смотреть от площади перед дворцом диегесиана. Они все держались за руки, бесконечными ряда-

ми и группками; те, кто встал в круг, держались за руки в центре, рядом с длинными, змеящимися людскими рядами. Тай подумала, что сверху они, наверно, похожи на странное изображение человеческого мозга — завитки извилин и ответвления дендритов.

Тай Хохуэл пыталась разглядеть, что происходит за пучками гнезд, гроздьями закрепленных вдоль длинной оси орбиталища, пыталась увидеть дворец диегесиана и площадь, куда вместе с другими ходила протестовать много лет назад.

По ее представлению, она прибыла сюда, чтобы умереть. Просто она не думала, что это произойдет так скоро. Она ни на минуту не забывала о других, пыталась не терять с ними связи, даже если они, по всей видимости, хотели забыть прежние времена и себя тогдашних. Она старалась быть не слишком назойливой, но они, возможно, смотрели на нее как на геморрой, как на чуму. Но то, каким ты был когда-то, что-нибудь да значило, даже если ты отказался от себя прежнего, разве нет? И потому она никогда о них не забывала. И теперь тоже помнила.

Ну что ж, пусть она им всем надоела, постоянно напоминая о себе, а через себя — о том, какими они были, и, конечно же, о бедняжке К.,

покойнице, которая связывала их и в то же время разъединяла. Мом, Сондж, Фассин и она — все должны были встретиться снова, разве нет? Все должны были соединиться еще раз, это так естественно. Да, наверно, вот только тень К., которая сопутствовала каждому, пятнала воспоминания о времени, проведенном вместе.

Ну что ж, тогда она воссоединится сама — с орбиталищем, с собой прежней и теми воспоминаниями. Когда она почувствовала, что от заслуженного покоя смерти ее отделяют год или два, она решила вернуться сюда, где в годы ранней молодости сформировалось ее настоящее «я». Грядущая война лишь еще больше укрепила ее в этой решимости. Если угроза для них всех и в самом деле столь велика, если селения, города, орбиталища, корабли, институты и все остальное рассматриваются захватчиками как военные цели, то она хочет встретить смерть там, где это для нее будет что-то значить. В этом орбиталище, в этом выдолбленном астероиде, в этой вращающейся системе отсчета она завершит полный круг бытия, прекратив существовать в том месте, которое сделало ее такой, какая она есть.

Чем она только не была в своей жизни: меняла карьеру чуть не десять раз, всегда находила для

себя что-то новое — возбуждающее и интересное. У нее было много любовников, два мужа, двое детей, которые давно уже жили своей жизнью, и, если возвращение сюда за смертью и казалось ей несколько эгоистичным, она все же считала, что этим самым оказывает услугу всем, кого любила когда-то и продолжает любить. И в самом деле, кто из них пожелал бы видеть ее конец?

Возможно, они сказали бы, что хотят быть с нею в ее последние минуты, но это было бы неправдой, обманом.

И вот она перебралась сюда, в старое доброе орбиталище — к сожалению, уже не столь доброе, не столь шумное, не столь богемное, каким было прежде, — чтобы умереть здесь. Вот только она хотела отойти мирно через год-два после возвращения, а не погибнуть всего через пару месяцев среди толпы народа.

Иерхонт Ормилла бежал на Наскерон. Новый хмырь, этот архимандрит Люсеферус, хотел, чтобы иерхонт сдался. Иерхонт отказывался подчиниться. Архимандрит Люсеферус не хотел ссориться с насельниками, а потому не мог атаковать Наскерон или вторгнуться на него (удивительно, но казалось, что насельники при всем своем непредсказуемом чудачестве и тех-

нической безграмотности, какими их наделяла молва, были вполне способны защитить себя), так что тут было что-то вроде пата: Люсеферус не мог войти в пределы Наскерона, а Ормилла не мог покинуть планету.

Теперь архимандрит грозился каждый день уничтожать по городу или орбиталищу, пока иерхонт не сдастся, как полагается, и не предстанет перед оккупационными властями. А если он не сделает этого через два дня, то город или орбиталище будет уничтожаться каждый час.

Ходили слухи, что Афинсейсе, маленький прибрежный город в Порофоро на Сепекте, был уничтожен днем ранее. Правда, на орбиталище последние три дня наблюдался сильный информационный голод, и сказать что-либо наверняка было невозможно.

«Орб 4409» с его восьмьюдесятью тысячами жителей представлял собой относительно небольшое космическое поселение. Он был вторым в списке целей-заложников, и до истечения срока ультиматума оставались теперь считаные минуты. Ормилла тем утром сделал вызывающее заявление, и больше от него не было слышно ни слова. После ультиматума архимандрита два дня назад военный корабль заморышей располо-

жился вблизи орбиталища. Никому и ничему не позволялось покидать орбиталище или приближаться к нему. Несколько судов попытались было уйти, но их уничтожили. Всякие просьбы эвакуировать детей, больных или представителей гражданских властей, готовых к сотрудничеству, игнорировались, даже напротив, обитателям орбиталища сообщили, что все, кто выживет в скафандрах или малых кораблях после первого удара, будут найдены среди обломков и уничтожены.

Никто не сомневался в том, что архимандрит сдержит слово, и лишь немногие верили, что иерхонт так легко сдастся.

Тай высвободила руки из хватки тех, кто стоял рядом (увядший старый лепесток среди других, в большинстве молодых и прекрасных), и нагнулась, преодолевая боль в пояснице, чтобы снять туфли. Она отбросила их подальше и снова взяла соседей за руки, восстановила цветок в центре круга. Трава под ногами была влажная и прохладная.

Многие пели, в основном вполголоса.

Множество самых разных песен.

Кто-то плакал, кто-то рыдал, кто-то стенал и стонал, большинство были где-то не здесь.

А некоторые в приступе мазохизма считали оставшиеся до полуночи секунды.

Полночь наступила, и несколько секунд спустя огромный звенящий столб света, ослепляюще-яркий, пронзил центр орбиталища в каких-нибудь пятидесяти метрах от того места, где стояла Тай. Ей пришлось отпустить руки соседей и закрыть ладонями глаза, как и остальным. Горячая волна воздуха сбила ее с ног, вместе с сотнями других людей кувырком понесла по траве. Луч тут же разделился на два, которые быстро двинулись по периметру орбиталища в разные стороны, взрывая на пути здания, воспламеняя пучки гнезд, разделяя весь маленький мир на два. Половинки под давлением воздуха стали расходиться в разные стороны, и атмосфера, взвихрившись, устремилась в космос двумя ураганами газов, обломков и тел, а тем временем здания и гнезда взрывались в двух огромных разъезжающихся полусферах, проваливались на внутренние поверхности разделенных половин; конструкции вспарывало силой воздуха, вырывающегося наружу.

Воздушный вихрь подхватил Тай Хохуэл и вместе со всеми остальными швырнул над вздыбленным дерном вверх, к быстро расширяющемуся

разлому. Ее унесло в темноту, и она слышала свой крик, пока воздух устремлялся прочь из ее легких и всасывался космосом. Крик был высоким, жутким, диким — при помощи одних мышц она не смогла бы завопить так громко. Страшный хор звуков боли, шока и ужаса вырвался из ее рта и ртов всех остальных вокруг нее в миг их коллективной смерти, и всеобщий ужасающий вопль затих только тогда, когда воздух из ее ушей вырвался в вакуум.

Из разделяющихся половин уничтоженного орбиталища вырвался неторопливый вихрь тел, которые, судорожно подергиваясь, понеслись прочь двумя длинными рассеченными запятыми, словно в какой-то галактической балетной постановке.

Эти события транслировались оккупационными силами по всей системе.

На следующий день иерхонт официально капитулировал.

* * *

Архимандрит Люсеферус стоял в носовой части своего главного корабля «Люсеферус VII», глядя на большое, во весь экран, изображение планеты Сепекте с ее огромным, пыльным на вид ним-

бом орбиталищ в редких блестках орбитальных фабрик и спутников. Весь носовой отсек «Люсеферуса VII» был обтянут алмазной пленкой и представлял собой шар исключительной прозрачности около сотни метров в диаметре, на тонких — в палец толщиной — подпорках. Архимандрит любил приходить сюда в одиночестве, чтобы просто посмотреть на открывающийся вид. В такие мгновения он ощущал за своей спиной громаду «Люсеферуса VII», все его километры и мегатонны, все его переплетение доков, тоннелей, камер, залов, казарм, складов, башен и стартовых труб. Жаль, что корабль, возможно, придется уничтожить.

Стратегам и тактикам не понравился вид тяговых следов надвигающегося Объединенного флота. В него входило много тяжелых кораблей, и авангард мог прибыть сюда уже не через месяцы (а раньше речь шла даже о годе), как они рассчитывали, а через считаные недели. «Люсеферус VII», при всем его великолепии, представлял собой цель, которую невозможно не заметить и по которой, вероятно, невозможно промахнуться. Наилучшей стратегией, видимо, было бы использовать гигантский корабль в качестве наживки, а собственные силы расположить так, будто

они намереваются защищать его до последнего, хотя в действительности флагман отдавался на заклание. Заманить на эту наживку как можно больше кораблей Меркатории, а потом разом уничтожить все, включая, как это ни жалко, и сам «Люсеферус VII».

Адмирал, по воле жребия или выбора сослуживцев вынужденный преподнести эту идею архимандриту, заметно нервничал, излагая план, и явно побаивался вспышки гнева главнокомандующего. Люсеферусу идея уже была знакома (Тулуэр снова продемонстрировал свою полезность), и он для себя решил, что даже самые радикальные предложения вроде этого, если только они не угрожают всей их миссии у Юлюбиса, не должны отметаться. Поэтому он кивнул, соглашаясь, что рассматриваться должны все варианты, — к облегчению адмирала, изложившего этот план, и к тревоге других, которые теперь, все как один, жалели, что не они пришли к архимандриту с этим предложением.

Они попытаются придумать другие планы, исключающие возможную потерю флагмана, но особого оптимизма на этот счет никто, кажется, не испытывал. Всегда делай то, чего никак не ждет противник. Убивай своих детей. Что-нибудь

в этом роде. Такая логика казалась неуязвимой.

Он всегда может построить новый флагман. Ведь это всего лишь шмат вещества. А вещественны только результаты. Он не ребенок. Он относится к «Люсеферусу VII» без всякой сентиментальности.

Его больше заботил другой вопрос: будет ли этой жертвы достаточно? Они теперь контролировали систему Юлюбиса, а потеряли лишь горстку своих кораблей и, захватив изрядно судов противника, стали даже сильнее, чем до начала операции. И тем не менее приближающийся Объединенный флот представлял собой грозную силу. Кораблей в нем было поменьше, но качеством они были повыше. Шансы противников, пожалуй, были равными. Только идиот ввязывается в такие передряги. И так скоро! Для него это известие было жутким, жутким потрясением.

Поначалу Люсеферус даже не поверил. Он впал в бешенство, закипел, плевался, приказывал техникам снова и снова перепроверять данные от систем дальнего слежения. Наверно, что-то тут не так. Где-то произошла ошибка в расчетах. Объединенный флот не может быть так близко. Их заверяли, что контратаки можно ждать не раньше чем через полгода, если не через год. На

самом же деле оказалось, что Объединенный флот уже на подходе, а у них даже нет времени, чтобы хоть как-то подготовиться к обороне. Суки эти запредельцы. Это они во всем виноваты. Посмотрим, что можно сделать с этими подлыми предателями. Но пока архимандрит думал только о контратаке.

Конечно, если ко времени прибытия эскадр Объединенного флота они успеют получить то, за чем прибыли сюда, ситуация будет совсем иной.

У них есть несколько недель, чтобы найти то, за чем они пришли. У Люсеферуса было неприятное ощущение, что этих недель ему не хватит.

* * *

Корабль думал, что мертв. Фассин говорил с ним.

Он надеялся, что на обратный путь от «Ровруэтца» в систему Дireальете они потратят меньше времени, потому что корабль воэнов мог развивать большую скорость, чем «Велпин», однако надежды оказались тщетными. «Протрептик» и в самом деле мог ускоряться быстрее «Велпина», но из-за тех ран, что командир воэнов нанес Айсулу, насельник не перенес бы высоких перегрузок. А потому в обратном направлении они двигались

даже медленнее.

Айсул лежал в целительной коме; Кверсер-и-Джанат соорудили для него импровизированную люльку, удлинив одно из кресел в командирском отсеке. Они довели ускорение до пяти «же», потом сбросили до нуля, проверили, как сказываются перегрузки на насельнике, потом снова плавно ускорились до десяти «же» и опять проверили состояние Айсула. Так они понемногу довели ускорение до сорока «же», хотя к этому времени корабль практически достиг точки, где нужно было разворачиваться и приступать к торможению, — они находились вблизи ожидающей их системы.

Айсул пребывал в целительном сне. Истинно-двойня ИР ликовала, осваивая необыкновенно сложные системы корабля воэнов и его обширный боевой потенциал.

Фассину не оставалось ничего другого, как только плавать в ускорительной люльке собственного изготовления, размещенной в кресле рядом с Айсулом. При подходе к порталу его собирались перевести в другое место — Кверсер-и-Джанат нашли небольшую закрытую каютку неподалеку от мостика, где Фассин мог переждать этот этап. А пока после настойчивых просьб Фассина

ему позволили подключиться к компьютеру «Протрептика», при условии, что он не будет удаляться от основных систем корабля и поступит под наблюдение некой их субличности. Посещения эти, согласно договоренности, должны были осуществляться при коэффициенте замедления, равном двум или трем, что вроде бы устраивало все заинтересованные стороны. По крайней мере, думал Фассин, это поможет убить время.

Виртуальная среда, в которой Фассину было позволено познакомиться с кораблем, приняла вид огромного полуразрушенного храма у широкой неторопливой реки, на окраине большого тихого города под небольшим, высоко стоящим, неподвижным солнцем. Солнце, сине-белое, светило ярко.

Фассин выступал в виде своего человеческого «я» в домашней одежде, корабль — в виде тощего старика в набедренной повязке, а подпрограмма ИР — в виде рыжей обезьяны с длинными расхлябанными конечностями: на голове ее болтался старинный, слишком большой по размеру шлем, выпуклую грудь прикрывал доспех, один ремешок которого был порван, на тощих ребрах висела короткая юбка из лоскутов кожи. На боку у обезьяны покачивался ржавый меч.

Когда Фассин в первый раз наведался к личности корабля, обезьяна провела его за руку от двери вниз по ступенькам к реке, где и сидел старик, вперившийся в ленивые коричневые воды.

На другой стороне широкого маслянистого потока ярко сверкающее битое стекло покрывало низкие волнистые холмы, на сколько хватало глаз, словно на этом бескрайнем пространстве было собрано все битое стекло Вселенной.

— Конечно же я мертв, — объяснил корабль. У старика была очень темная зеленая кожа, а голос его складывался из вздохов и сопения. Лицо его было почти неподвижным — древняя маска, окаймленная неровными седыми баками. — Корабль самоуничтожился.

— Но если вы мертвы, — сказал Фассин, — то как же вы говорите со мной?

Старик пожал плечами:

— Быть мертвым означает не принадлежать больше к живому миру, превратиться в тень, призрак. Это вовсе не значит, что ты не можешь больше говорить. Говорить — это почти единственное, что ты еще можешь.

Фассин не стал убеждать старика в том, что тот все еще жив.

— А кто я, как вы думаете? — спросил он.

Старик посмотрел на него:

— Человек? Мужского пола? Мужчина?

Фассин кивнул.

— А имя у вас есть? — спросил он у старика.

Отрицательное покачивание головой.

— Теперь уже нет. Раньше меня звали «Протрептик», но теперь корабля больше нет, и я мертв, а потому у меня нет имени.

Фассин сделал вежливую паузу, чтобы дать старику возможность спросить о его, Фассина, имени, но вопроса этого не последовало.

Обезьяна сидела в нескольких метрах от них и на два шага ближе к увитому лианами храму. Она откинулась назад, опершись на вытянутые длинные руки; длинной, хрупкой на вид ногой она ковыряла в ухе, а потом внимательно разглядывала то, что удавалось извлечь оттуда.

— А когда вы были живым, — спросил Фассин, — вы были живым по-настоящему? Вы могли чувствовать?

Старик откинулся назад, хохотнул:

— О чем вы говорите — конечно нет. Я был обыкновенной компьютерной программой — одни фотоны внутри нанопенного субстрата. Это не значит быть живым, по крайней мере в общепринятом смысле.

— А не в общепринятом?

Снова недоуменный жест.

— Это не имеет значения. Имеет значение только общепринятый смысл.

— Расскажите мне о себе, о вашей жизни.

Пустой взгляд.

— У меня нет жизни. Я мертв.

— Тогда расскажите мне о вашей прошлой жизни.

— Я был иглоидным кораблем воэнов под названием «Протрептик» Третьей хребетной эскадры Люстралиев из Цессории. Меня построили в середине третьего года Харалауда в Становом хребте Третьего Кубола, Малого Бунсера. Я был кораблем минимальной шириной пятнадцать метров с возможностью наращения, имел показатель девяносто восемь процентов по шкале совместимости с портальными требованиями, нормальный проходной рабочий диаметр…

— Я имел в виду не технические требования, — тихо сказал Фассин.

— Ах так, — сказал старик и исчез, как голограмма при отключении питания.

Фассин посмотрел на обезьяну, которая разглядывала что-то на свету. Она посмотрела на него, моргнула.

— Что? — спросила обезьяна.

— Он исчез, — сказал ей Фассин. — Корабль исчез, старик.

— Всегда он так, — сказала обезьяна, вздохнув.

В следующий раз на другом берегу широкой ленивой реки, начиная от ступенек храма, оказались джунгли — огромная зеленая, желтая и пурпурная стена странных, в наростах стволов, обвислых листьев и вьющихся лиан. Ползучие растения и склонившиеся ветки окунались в медленный поток.

Все остальное было как в первый раз, хотя старик казался не таким худым, лицо его обрело некоторую подвижность, голос звучал не так устало.

— Я был охотником за ИР. Шесть с половиной тысяч лет я помогал находить и уничтожать преданных проклятию. Если бы я мог испытывать по этому поводу чувства, то очень гордился бы.

— А вам никогда не казалось странным, что вы охотитесь за машинами, которые похожи на вас?

Рыжая обезьяна, сидевшая на своем обычном месте в нескольких шагах выше по склону, пытаясь очистить свои погнутые, грязные доспехи, плевала на них, а потом терла грязной тряпкой. Когда Фассин задал свой последний вопрос, обе-

зьяна закашлялась, но стоило Фассину взглянуть на нее, как она ответила ему пустым взглядом.

— Но я был всего лишь компьютером, — сказал старик, нахмурившись. — Даже и того меньше — призраком внутри компьютера. Я делал то, что мне говорили, всегда подчинялся. Я был интерфейсом между воэнами, которые мыслили и принимали решения, и физическими структурами и системами корабля. Посредником. Только и всего.

— Вам этого не хватает?

— В некотором роде. Хотя я не могу этого чувствовать. Если тебе чего-то не хватает, значит, насколько я понимаю, ты испытываешь эмоцию, а это возможно только для существа чувствующего и вдобавок живого. Но одна ситуация является предпочтительнее другой, возможно из-за того, что в одном случае мне позволено выполнять мои функции, а в другом — нет; я могу сказать, что мне действительно не хватает этого корабля. Его нет. Я искал, но его нигде не было. Я его не чувствую, не управляю им, а потому знаю: он, скорее всего, самоуничтожился. Я, видимо, действую на каком-то другом субстрате в другом месте.

Фассин посмотрел на обезьяну, сидевшую в нескольких шагах от него. Кверсер-и-Джанат

полностью переподчинили себе «Протрептик», отрубив от подсистем корабля его компьютер и действовавшие в нем программы.

— Как по-вашему, для чего я здесь? — спросил Фассин. — И кто, по-вашему, эта маленькая обезьяна в доспехах, что сидит позади нас?

— Не знаю, — признался старик. — Может, вы еще один мертвый корабль?

Фассин помотал головой:

— Нет.

— Тогда, может, вы — образ тех, в чьем ведении находится субстрат, на котором я теперь действую. Возможно, вы хотите задать мне вопросы о моих действиях в то время, когда я был кораблем.

— Знаете, вы мне кажетесь живым, — сказал Фассин. — Вы абсолютно уверены, что вы теперь не живое и чувствующее существо, теперь, когда вы отсоединены от корабля?

— Конечно уверен! — презрительно сказал старик. — Я могу казаться живым и при этом им не быть. Это не очень трудно.

— И как же вы это делаете?

— За счет доступа к моим воспоминаниям, за счет имеющихся в моем распоряжении триллионов фактов, работ, книг, записей, сентенций,

слов, определений. — Старик посмотрел на кончики своих пальцев. — Я — сумма всех своих воспоминаний плюс результат применения определенных команд, взятых из обширного набора. Я наделен способностью необычайно быстро мыслить, а потому могу слушать то, о чем вы говорите как существо, наделенное разумом и чувствами, а потом реагировать таким образом, чтобы для вас это имело смысл, отвечать на ваши вопросы, следить за ходом ваших мыслей, предвидеть вашу логику. Но все это просто результат действия программ — программ, созданных чувствующими существами, оценивающих более ранние примеры разговоров и обменов данными, которые накоплены в моей памяти, и выбирающих те, что представляются им наиболее адекватными. Этот процесс только кажется таинственным, но на самом деле он всего лишь сложен. Начинается все с таких простых вещей, как, например, ответить «привет» на ваш «привет» или выбрать что-нибудь похожее в соответствии с тем, что мне может быть известно о вас, а затем получаются такие сложные ответы, как тот, что вы слышите теперь.

Внезапно старик чего-то испугался и снова исчез.

Фассин поднял взгляд на рыжую обезьяну. Та чихнула, а потом зашлась в кашле.

— Не имеет, — сказала она, — никакого отношения… — И продолжила между двумя приступами: — Ко мне.

В следующий раз другой берег широкой неторопливой реки выглядел зеркальным отражением берега, на котором находились Фассин, старик и неуклюжая обезьяна. Прямо напротив того места, где они сидели, расположился древний город каменных куполов и шпилей (совершенно немой и темный, частично скрытый деревьями и ползучими растениями) и огромный длинный храм, уставленный статуями и испещренный резьбой, изображающей сказочных и невероятных животных. Нижней границей города служили десятки больших каменных террас и ступеней, ведущих к ленивым темно-коричневым водам.

Фассин посмотрел, отражаются ли они трое в воде, — нет, не отражались. Противоположный берег был пуст.

— И вы когда-нибудь вылавливали и убивали ИР? — спросил он.

Старик закатил глаза:

— Сотнями. Тысячами.

— Почему так неопределенно?

— Некоторые из ИР были близнецами или существовали в составе более крупных объединений. Я участвовал в восьмистах семидесяти двух заданиях.

— А на газовых гигантах задания были? — спросил Фассин.

Он устроился так, чтобы видеть обезьяну в помятых доспехах. Когда он задал этот вопрос, обезьяна посмотрела на него, а потом отвернулась. Она пыталась выровнять небольшим молотком вмятины на доспехах. Тупой звук ударов глухо уносился на далекий другой берег.

— Одно из заданий мы частично выполняли на газовом гиганте. Оно там и закончилось. Маленький корабль, битком набитый теми, кого предали проклятию. Мы преследовали их, и они попытались скрыться в атмосфере газового гиганта Деджиминид, где намеревались оторваться от нас в жестоких штормовых ветрах этой планеты. Но «Протрептик» оказался более атмосферостойким, чем их корабль, и они в своей отчаянной попытке уйти от преследования забирались все глубже и глубже, и наконец их судно сплющилось под давлением, увлекая оставшихся на борту в глубины планеты, полные жидкого металла.

— И никто из насельников не протестовал?

Старик посмотрел на него недоуменным взглядом:

— А вы сами, случайно, не насельник, а? Мне пришло в голову, что, может, я работаю на субстрате, контролируемом насельниками.

— Нет, я не насельник. Я вам уже говорил: я — человек.

— Отвечаю на ваш вопрос: они просто не видели, что мы посетили их планету. Протест они предъявили позднее. То был первый из всего двух случаев, когда «Протрептик» вел активные действия на газовом гиганте. Обычно все наши задания осуществлялись в вакууме.

— А второй случай?

— Совсем недавно. Мы участвовали в погоне за большими силами запредельцев неподалеку от Затеки. В этот раз мы тоже взяли верх.

— А что вас привело на могилайнер «Ровруэтц»? — спросил Фассин.

Глухой и отупляющий звук молотка прекратился. Рыжая обезьяна приподняла свой доспехнагрудник, чтобы получше рассмотреть его на свету, почесала грудь, потом снова принялась работать молотком.

— А вы не из Бюро расследований ордена Люстралиев? — спросил старик. — Может, на

самом деле вы как раз оттуда?

— Нет, — ответил Фассин. — Не оттуда.

— Ах так. Ну что ж. Последние два с половиной столетия стандартного времени, — сказал старик, — мы искали сведения о так называемом насельническом списке. — (Длиннорукая, длинноногая обезьяна при этих словах громко рассмеялась, но старик, казалось, не заметил.) — Много времени мы провели в районе системы Затеки, исследуя теорию Второго корабля. На основании информации, собранной в этом регионе, были предприняты различные экспедиции второй и третьей ступеней. Но все поиски оказались безрезультатными, теории Второго корабля, или так называемого преобразования, ничем не подтвердились, хотя в ходе выполнения этих новых заданий были обнаружены и устранены два ИР. Месяцев пять назад нас вызвали из системы Риджом и отправили в систему Дireальете, где мы легли на курс перехвата могилайнера «Ровруэтц». Мне не сообщили о причинах такого образа действий — приказ был передан напрямую командиру Иньялкаху, минуя мои системы восприятия.

— И вы узнали что-нибудь новое о списке и преобразовании? — спросил Фассин.

— Я так думаю, единственное, что мы, кажется, обнаружили — в том смысле, чтобы к уже существующей паутине мифов и слухов об этом предмете, если только в этом деле существовали какие-то факты, добавить что-нибудь иное, кроме новых слухов, — состояло в следующем: порталы бездействуют, возможно, они закамуфлированы и ожидают кодированного радиосообщения либо другого сигнала в поясах Койпера или облаках Оорта соответствующих систем. Это и есть так называемое преобразование: сигнал, средство и частота, на которой он будет передан. Это имело некоторый смысл, поскольку все устойчивые при нормальных обстоятельствах локации, где на разумном расстоянии могли быть успешно спрятаны порталы, то есть точки либрации и тому подобное, было легко выявить и уничтожить. — Старик снова недоуменно посмотрел на Фассина. — А вы что, еще один охотник за списком?

— Был, — сказал Фассин.

— Ага! — Впервые образ старика проявил нечто вроде удовольствия. — И вы, значит, тоже не мертвы?

— Нет, я не мертв, хотя пока что прекратил свои поиски.

— А что вас привело на могилайнер «Ровру-этц»? — спросил старик.

— У меня было то, что мне казалось наводкой, ключом, указателем, — сказал ему Фассин. — Но выяснилось, что возможный владелец этого свидетельства уничтожил то, что у него было, и покончил с собой.

— Какое несчастье.

— Огромное.

Старик поднял взгляд на бронзово-голубое безоблачное небо. Фассин проследил за направлением его взгляда, и в этот момент старик исчез.

Тут было что-то не так. Фассин сидел (постоянное ускорение втиснуло его газолет в импровизированную люльку на мостике корабля воэнов), наблюдая за почти неподвижной и довольно унылой пустотой на главном экране, и чувствовал: что-то он упустил.

Что-то грызло его, что-то беспокоило, что-то едва не осеняло его в моменты, когда он забывался или погружался в сон, но, прежде чем он успевал ухватить это, оно от него ускользало.

Спал он мало — всего по два-три часа в день, — но, когда все же засыпал, его обычно посещали сновидения, словно подсознание пыталось вместить все его сны в отведенное для них совсем

небольшое пространство. Один раз он действительно стоял, закатав штаны, в небольшом потоке где-то в саду вокруг огромного дома, который не был ему виден, и голыми руками пытался ловить рыбу. Рыбы были его снами, хотя в то же время он в глубине души чувствовал, что и сама эта ситуация была сном. Когда он пытался поймать этих рыб (юркие маленькие существа мелькали в воде около его ног, как удлиненные капельки ртути), они ускользали из его рук и исчезали.

Он поднял голову — река текла через большой амфитеатр, и за его действиями внимательно наблюдала огромная толпа.

В точке перехода, когда «Протрептик» прекратил ускоряться, совершил полукульбит, лег на курс, ведущий к месту назначения, и начал сбрасывать скорость, Кверсер-и-Джанат потратили некоторое время, проверяя, как идет исцеление Айсула.

Фассин воспользовался этим для обследования корабля воэнов. Он поплыл в своем маленьком газолете по узким круговым коридорам, разглядывая жилые отсеки, кладовые и залы. Камеры следили за каждым его шагом — система тотального внутреннего наблюдения на корабле облегчала работу Кверсера-и-Джаната, присмат-

ривавших за Фассином краем глаза, когда они считали это нужным.

Он нашел то, что, видимо, было каютой командира, отделенной несколькими переборками от мостика. Из всех помещений корабля, отведенных для персонального проживания, это было самым просторным. Выглядело оно пустым и неприветливым. Здесь имелась чуть более удобная разновидность одного из сидений-люлек, какие он видел повсюду на корабле; на стенах кое-где было подобие росписи, на полу — что-то вроде коврового рисунка. Никаких покрытий, лишь изображения, то ли реальные, то ли проецируемые при помощи некой тонкопленочной технологии — Фассин не знал. Он слышал, что большинство военных кораблей устроены таким образом. Физическое отсутствие предметов, замененных своими визуальными подобиями, снижало массу корабля, к тому же вещи не срывались с места во время крутого маневра.

Фассин парил над одним из ковровых рисунков, напоминавших часть текста, — малые значки с завитушками внутри орнамента, — но в памяти его газолета не нашлось подобного языка. Он записал картинку в память своей системы, спрашивая себя, что же она может значить. Квер-

сер-и-Джанат, наверно, сотрут ее при проходе через портал, ну да бог с ними.

В следующий раз, когда он встретился с кораблем, на другом берегу из воды отвесно поднималась темная массивная стена, вершину ее венчали зубцы и артиллерийские башни. Дальше виднелись стволы пушек, торчащие из амбразур, неровно распределенных по всей верхней четверти громадной стены, отчего она становилась похожей на борт древнего морского корабля, только громадного и абсурдно длинного; его титанический корпус уменьшался в перспективе. Пушки не были неподвижными — их обнаженные стволы двигались волнообразно в определенной последовательности, словно по собственной воле, отчего все сооружение приобретало странное сходство то ли с невозможной перевернутой тысяченожкой, то ли с триремой, строитель которой допустил немыслимый просчет, и теперь ее весла бесполезно молотили воздух.

Рыжая обезьяна, как и обычно, сидела неподалеку. У нее был новый щит, круглый и до блеска отполированный. Она сидела, глядя на щит и смахивая с него воображаемые пылинки. Иногда накреняла щит туда-сюда, чтобы он сверкал на

свету, а иногда держала так, чтобы можно было в него посмотреться.

— Текст? — спросил старик. — Спроецированный на пол? Нет, извините, у меня об этом нет никаких сведений — не хранится в памяти. Если бы корабль все еще существовал, а у меня имелся доступ…

Вид у него был печальный. Фассин посмотрел на рыжую обезьяну, но та отвернулась и начала что-то насвистывать или, по крайней мере, попыталась.

— А нет ли способа прочесть запись, что я сделал? — спросил Фассин.

— У вас есть запись? Вы были на корабле? — Вид у старика был удивленный.

Тут Фассину пришлось побродить туда-сюда — вверх по ступеням в обычную реальность, откуда он смог продемонстрировать записанное им изображение. Длиннорукая обезьяна подняла свой щит, и картинка отразилась в нем.

— Ах это?! — сказал старик и огладил короткую седую бородку. — Командир подобрал это давным-давно, в те дни, когда он командовал кораблем поменьше. Перевод на древний священный язык какого-то текста, который, насколько я знаю, знаменует конец мерзости, конец ИР.

— И что же здесь сказано? — спросил Фассин.

— Здесь сказано: «Я родился на водяной луне. Некоторые, особенно ее обитатели, называли ее планетой, но, поскольку она в диаметре чуть больше двухсот километров, название „луна“ представляется более точным. Эта луна целиком состояла из воды: я хочу сказать, что она представляла собой шар, лишенный не только суши, но и твердых пород внутри, просто сфера, не имеющая прочной сердцевины, состоящая из воды вплоть до самого своего ядра. Будь луна размером побольше, у нее было бы ледяное ядро, потому что вода, хотя и считается несжимаемой, на самом деле все же может сжиматься и при очень высоком давлении становится льдом. (Если вы живете на планете, где лед плавает на поверхности воды, то это покажется вам необычным и даже противоречащим законам природы, но именно так дело и обстоит.) Луна была слишком невелика, чтобы образовалось ледяное ядро, а потому, если ты достаточно жизнестоек и давление воды тебе нипочем, то можешь погрузиться на глубину — вес водяного столба над тобой будет возрастать вплоть до самого центра луны. А там случаются странные вещи. Потому что здесь, в самом центре водяного шара, сила тяжести,

казалось, отсутствовала. Ну да, колоссальное давление со всех сторон, но ты становишься фактически невесомым (на поверхности планеты, луны, водяной или нет, тебя всегда притягивает к центру, но если ты в центре, то притяжение действует равномерно со всех сторон), и давление вокруг тебя поэтому не так уж и велико, как ты себе представлял, учитывая всю эту массу воды, из которой состоит луна. Это было, конечно…» И здесь текст обрывается.

Фассин задумался:

— И откуда он взялся, этот текст?

— Один из преданных проклятию, которого загнал и убил командир Иньялках, использовал его как своего рода мантру уничтожения памяти, стерев все следы того, что было в его памяти раньше. Позднее выяснилось, что этот ИР был из тех, которые тоже искали так называемое преобразование. Из-за поиска преобразования командир и заинтересовался всем этим. Эта мантра уничтожения памяти была переведена и хранилась отчасти как талисман, хотя, думаю, командир всегда считал, что в этом отрывке, которым ИР затирал свои воспоминания, есть и еще какой-то смысл и из него можно извлечь немалую пользу, если только расшифровать, потому что ИР, как

говорил командир, слишком умны и из-за своего высокомерия иногда выдают важную информацию. То была еще одна причина, по которой он сохранил этот текст и постоянно держал перед собой.

В своем сне Фассин стоял вместе с Салуусом Кегаром на балконе над вулканической кальдерой, полной кипящей лавы, раскаленной до красноты.

— Мы должны газодинамизировать целую серию для… — Сал замолчал, откашлялся и помахал рукой. — В общем, всякая ерунда, — продолжал он, превратившись в насельника, но почему-то с человеческим лицом и человеческого роста. Он парил над волнами лавы. — Идиотские штуки, малютка Фассин. Я доставил оригинал зверя другу и коллеге из города Дireальете. Другу и коллеге.

Фассин разглядывал свои руки, проверяя, остался ли он еще самим собой.

Когда он поднял взгляд, Салууса уже не было, а по обоим берегам реки, в которой он стоял, громоздились храмы, до которых нужно было взбираться по крутым ступеням высотой в тюремную стену.

— Оригинал чего? — услышал Фассин собственный голос.

На другом берегу реки виднелся город эпохи расточительства: здания средней высоты, дым, электропоезда и многополосные дороги, заполненные ревущими автомобилями и грузовиками. Им приходилось возвышать голоса, чтобы слышать друг друга сквозь шум.

Ветерок доносил с того берега сладковатый, маслянистый запах гари.

Рыжая обезьяна ковыряла в зубах гигантским мечом.

— Еще одна картинка? — спросил человек. Он казался здоровым и подтянутым и больше не был молод. Борода его почти совсем побелела. — Дайте-ка я посмотрю.

Зная на сей раз, что нужно делать, Фассин показал человеку маленькую открытку с коричневыми облаками и желтым небом.

— Цвета явно перепутаны, — сказал он человеку. — Это невозможно не заметить.

— О да, здесь есть картинка. Я ее вижу.

— Я знаю, но что?..

— И кое-какая алгебра зашифрована в базовом коде.

При этих словах длинный кривой меч обезьяны со свистом разрубил человека пополам от шеи до бедра. Половинки кубарем покатились по

ступеням к реке и унеслись прочь, поблескивая серебром.

Фассин посмотрел на огромную обезьяну.

— Эй, — сказал он, — это же был всего…

— Ну, так кто умнее? — прошипела обезьяна, убирая страшный сверкающий меч.

Фассин проснулся в холодном поту. Он находился в гробу — как раз ударился головой о крышку изнутри. Попытался моргнуть и не смог — что-то было у него в глазах, окружало их, окружало каждую его частицу, заполняло его рот, нос и анус…

Противоударный гель, дыхательная смесь, газолет. «Успокойся, на хер, — сказал он себе. — Ты что, первый год в наблюдателях?»

«Протрептик», бывший корабль воэнов, держал путь на Наскерон, в системе Юлюбиса, через систему Дireальете, под командой саморазоблачившейся истиннодвойни ИР Кверсера-и-Джаната, пиратов и специалистов по ближнему бою с воэнами.

Они снова начали мягкое торможение на пути к системе и скрытому ходу. Детали сна начинали ускользать от Фассина, рыбы, прощаясь, выписывали под водой кривые. И все же он чувствовал — что-то он понял. Что же это было?

Мысли путались.

Что-то о Салуусе, и не было ли там и Хазеренс? Дом Сала, только этот дом был вулканом, потом виртуальная среда, в которой он встречался с кораблем, и корабль смотрел на…

Замаринованный в противоударном геле, окруженный им, Фассин чувствовал, как его глаза лезут из орбит, как мурашки бегут по коже. Сердце сжалось, а потом неровно застучало в груди.

Он сделает это сам. Он дождется, когда они вернутся на Наск, там он покажет это кому-нибудь (если найдет Валсеира, то спросит и у него, хотя ему думалось, что Валсеира он не найдет), но этого было мало. Он должен был знать.

Он записал картинку с открытки в память газолета. Лежа в противоударном геле внутри маленького стреловидного аппарата, он вызвал фотографию и увидел ее перед собой. Изображение голубого неба и белых облаков показалось ему странным, отчасти чуждым и неправильным, но отчасти знакомым, пробуждающим что-то ностальгическое.

Он увеличил изображение до таких размеров, что оно превратилось в расплывчатые пятна света. Просканировал всю картинку в поисках изображений поменьше, ничего не нашел, потом запустил различные программы, имевшиеся в

биоразуме его газолета, для выявления последовательности в неупорядоченных данных. Может, он записал картинку с разрешением недостаточно высоким для того, чтобы разглядеть скрытое в ней? Можно ли эти скрытые данные (если только они там есть) обнаружить, не имея какого-то другого кода?

Жаль, что у него не было доступа к оригиналу, засунутому в карманчик снаружи газолета, — пока он прикован к месту перегрузкой при торможении, ему этой картинки не достать. И потом, если бы он начал слишком уж внимательно вглядываться в фотографию, это могло показаться подозрительным Кверсеру-и-Джанату. Потому что именно в ней, возможно, и крылся ответ (всего лишь может быть), крылся все это время.

«…Я поместил оригинал этой папки в сейфовый ларец и доставил его моему другу и собрату-коллекционеру в городе Дейлте, что в Южной полярной области…» — так, или почти так, сказал ему Валсеир.

У Фассина этот разговор был дословно записан в памяти газолета, но его стерли на борту «Изавта». Впрочем, это не имело значения — у него у самого память была прекрасная. Тогда он не понял скрытого смысла реплики Валсеира (вскоре корабли

Меркатории попытались атаковать штормовой флот, и ему стало не до анализа), но, возможно, насельник хотел этим сказать, что существует и копия. Валсеир был ученым, пунктуальным в словоупотреблении, в терминологии. Он не стал бы говорить об оригинале чего-то, не будь необходимости отличать его от копии. Значит, копия была. Существовал дубликат, и старый насельник веселился от души, вручая его Фассину, который все это время хранил копию при себе.

Что ж, теория такого рода была вполне правдоподобной.

Фассин подумал, что это очень в духе Валсеира и что раньше он ошибался относительно старого насельника. Насельники и в самом деле были тверды в своих привычках и порой предсказуемы, учитывая обычную длительность их жизни, но иногда проявляли удивительную изобретательность.

Он уснул, программы мелькали перед ним, и ему снились потоки чисел, живая алгебра, полная уравнений и величин, которые начали обретать смысл, а потом (когда он попытался исследовать и понять их) — распадаться и исчезать в хаотическом мелькании.

Его разбудил мягкий звук колокольчика.

Он находился в газолете, в похищенном корабле воэнов. Торможение ослабло, словно они уже приближались к цели. Он переключился на наружный вид и разглядел оранжево-красное солнце прямо впереди. Нечто вроде насельника чуть шевельнулось на сиденье перед ним.

— Фассин? — сказали Кверсер-и-Джанат.

Если бы он не находился в противоударном геле внутри своего газолета, то, наверно, подпрыгнул бы.

— Мм? — сказал он.

— Мы собираемся поместить вас в вашу маленькую камеру ненадолго, хорошо?

— Ну да, я понимаю.

— Как только мы выйдем на стандартный уровень в один «же».

— Слушаю и повинуюсь, — сказал он, пытаясь скрыть волнение в голосе.

Оказавшись снова в математическом пространстве своего газолета, Фассин получил результат.

Изображение облачного неба на открытке и вправду скрывало данные. Они находились там все время. Ответ, если это в самом деле был ответ, был у него с самого начала.

Он был похож на инопланетную алгебру.

Фассин попытался понять его.

В данных не было никакого смысла.
Они могли значить что угодно.

* * *

Архимандриту Люсеферусу не давало покоя неприятное подсасывание в животе. Он понял, что это. Такое же чувство овладевало им, когда он предпринимал что-то с опозданием или делал что-то неправильно. Как будто играешь в некую игру и вдруг осознаешь, что два хода назад совершил жуткий ляп, а теперь хочется вернуться и все переделать, переходить, устранить ошибку.

Когда он ребенком играл с другими детьми и совершал ошибку, то иногда говорил: «Слушай, я совсем не это хотел, я хотел вот что…» — он тогда же и обнаружил, что, хотя такое поведение и запрещалось правилами игры, подобные выходки удивительно часто сходили ему с рук. Поначалу он думал, что объясняется это его более сильным, чем у других детей, характером, но потом понял, что те, против кого такая тактика срабатывала, были в основном детьми отцов, не поднявшихся по лестнице власти так высоко, как его собственный. Впоследствии он и сам поднялся высоко и обнаружил, что мошенничество по-прежнему остается действенной тактикой. Он мог совер-

шить самую ужасную ошибку, но не поплатиться за это, потому что его противник, понимая, что́ выгодно для него за пределами игры — в жизни вообще, никогда не осмеливался воспользоваться этой ошибкой. Для архимандрита это было своего рода непобедимостью.

С машинами дела обстояли иначе. Они обычно не позволяли делать незаконные ходы или исправлять совершенные ошибки. Поэтому ты их просто перегружал, а порой возвращался к сохраненной раньше позиции или к той стадии работы, когда ошибку можно было исправить.

Только сейчас была не игра, а если даже игра, то Люсеферус не знал, как изменить в ней правила, или смести фигуры с доски, или запустить процесс стирания всех данных. Может быть, концовкой в этой игре была смерть, и он, пробудившись, обнаружит себя в той большей реальности, которую всегда постулировала Правда. Это было своего рода утешением, хотя и в этом случае он не желал пробуждаться после поражения.

Главной проблемой было время. Время и эти сучьи насельники.

«Люсеферус VII» величественно выплыл на орбиту планеты Наскерон. Архимандрит наблюдал

за этим со своего нового флагмана — с главного боевого корабля флота «Ненасытный» (он был готов признать, что этот корабль великолепен во всем, кроме одного — имени).

Дефицит времени. Как же это получилось? Если бы он так не задержал вылет, если бы он не останавливался по пути, наверное, если бы он не требовал, чтобы флот был постоянно собран в один кулак… и тем не менее он начал действовать гораздо быстрее любой не-тиранической структуры, и только сумасшедший мог оставить нетронутыми очаги сопротивления на пути следования и… и вернуться.

Так что на самом деле выбора у него не оставалось. Быстрее сюда все равно было не добраться. Эти суки-запредельцы могли бы предупредить его о том, что эскадры Объединенного флота появятся раньше, чем предполагалось. Это они во всем виноваты. Может, это даже заговор против него. Ну да, они участвовали в нападении на Юлюбис, когда это их устраивало, хотя не вели боевых действий с той решимостью, с какой могли и должны были бы. Сучьи выродки, слабаки, хнычущие моралисты. Военные цели им подавай! Они избавились таким образом от возможных угрызений своей вонючей совести,

свалив всю грязную работу на него. Будь они так же настойчивы и безжалостны, как он, все могло бы повернуться иначе. А они вместо этого поддерживали Люсеферуса ровно настолько, чтобы заманить его сюда, а когда он оказался там, где им хотелось, поспешили уйти в тень.

Люсеферус теперь жалел, что отпустил эту женщину — Лисс. Он вернул Салууса Кегара, этого промышленника, на его планету, главным образом, из желания увидеть, как они поступят. Поверят ли они, что его похитили? Или нет? Пока шли приготовления к суду, его забрала для допросов гвардия. Женщина, которая его похитила и просила позволить ей лично доставить его назад, узнав, что на уме у архимандрита, исчезла, даже не успев передать пленника, и, наверно, вернулась к своим друзьям-запредельцам. Глупо, что он так вот упустил возможный рычаг воздействия, но ведь было столько других дел, и потом, в то время был еще не ясен весь масштаб запредельческого предательства.

Где их корабли? Где их силы вторжения или оккупационные войска? Запредельцы держались где-то на окраинах и не появлялись в самой системе, боясь слишком засветиться. Они вещали об ужасе и разочаровании в связи с тем, что Лю-

сеферус уничтожил город и орбиталище, и тем, как его войска подавляют очаги сопротивления. Пошли они в жопу! Это ведь война, а не хер собачий! Как эти недоумки собираются выигрывать войны? Потери были чуть ли не разочаровывающе малы; Люсеферус не мог припомнить другой полномасштабной кампании вторжения с такими ничтожными потерями. Нападающие имели столь подавляющее численное преимущество, что другая сторона практически ничего не могла им противопоставить — только принять бессмысленную смерть, сдаться или бежать.

Без везения, конечно, тоже не обошлось, и он полагал, что небесполезны были и предоставленные запредельцами разведданные о военных приготовлениях и диспозиции флота. Но главную роль, конечно, сыграли крупнокалиберные орудия и их количество, а потому действительно масштабные космические сражения, на которые он рассчитывал, так и не стали реальностью.

Итак, система теперь принадлежала ему, пусть при этом лично он и топтал эти земли только один раз, когда появился в маленьком особняке среди джунглей, чтобы принять формальную сдачу иерхонта. Он предпочел бы сферический дворец в Боркиле, пусть и полуразрушенный, но

наделенный символическим значением; однако его служба безопасности сочла, что существует вероятность подрыва хорошо спрятанного ядерного заряда или чего-то равно неприятного, а потому был выбран дом в какой-то глуши. Иерхонт и его свита удерживались на борту «Люсеферуса VII». Пускай Объединенный флот прикончит их, если уж кораблю суждено погибнуть.

Запредельцы сообщали о нескольких столкновениях с меркаторийскими военными подразделениями в системе Юлюбиса: корабли противника решили спастись бегством, но были вынуждены принять бой. Но и тут до архимандрита доходили слухи о том, что пытавшимся пуститься наутек кораблям Навархии позволяли сдаваться или даже применяли к ним нечто вроде интернирования, не трогая экипажи и вооружение, тогда как их нужно было уничтожать или брать в плен.

Итак, он, Люсеферус, снова был один, брошенный своими предателями-союзниками. Они завлекли его сюда, вынудили отвести на Э-5 часть грозившей им опасности, а теперь явно рассчитывали, что он примет на себя удар эскадр Объединенного флота, когда те прибудут, и сделает работу, для которой у них самих кишка тонка.

Стратеги и тактики всерьез говорили о возвращении домой, чтобы сократить возможные потери. Кому-то это покажется позором, но если таково наилучшее решение, то его нужно принимать. И он опять сохранил спокойствие, когда ему доложили об этой неприятной идее. Он не был глуп и сам видел, как складывается ситуация. Делай то, чего враг не ждет, то, чего он меньше всего хочет от тебя.

Они могли бы (пока что эта возможность сохранялась) вернуться в относительную безопасность Эпифании-5, находящейся далеко за бескрайними космическими пространствами, которые они пересекли за прошедшие годы. Это было бы не очень благоприятным исходом, но, возможно, наилучшим. Им пришлось бы оставить немало кораблей и, несомненно, бросить «Люсеферус VII» (слишком медлительный и слишком соблазнительный объект для атаки), но они вполне могли пойти на это. Они бы оставили достаточно кораблей, чтобы вынудить Объединенный флот к первому сражению в системе, а потом расположить в ней часть своих сил; они бы отправились только на самых быстрых кораблях, чтобы оторваться от противника. Была надежда заманить в ложном направлении остальные

эскадры Объединенного флота (ту часть, которая, скорее всего, пустилась бы им вдогонку), направив «Люсеферус VII» с небольшим эскортом из малых кораблей совсем в другую сторону.

Невыносимо было думать об этом — бежать вскоре после прибытия, достигнув полной победы. Но видимо, это лучше, чем остаться и сражаться с непредсказуемым результатом.

Или, конечно же, они могли бы найти то, за чем сюда и прибыли, — ключ к насельническому списку, преобразование, волшебную формулу. Вместе с ним Люсеферус приобретал почти бесценный аргумент для торга. По крайней мере, так ему говорили его советники, и советникам, если они дорожат своими шкурами, лучше бы здесь попасть в самое яблочко. Иначе, если окажется, что он проделал этот путь напрасно, он сдерет с них шкуры в буквальном смысле.

А тем временем можно предпринять еще одну попытку, использовать последний шанс найти то, за чем они прибыли. Попытка эта будет слишком торопливой и отчаянной, но архимандрит (как и все великие вожди) знал, что его способности лучше всего проявляются в трудном положении, когда обстоятельства против него, а победа выглядит призрачной. Такое, конечно же, происходило

с ним нечасто, потому что он до этого не доводил (всегда лучше одерживать легкие победы), но и ему случалось торжествовать, будучи перед этим на волосок от разгрома, случалось выигрывать в самых тяжелых ситуациях. Об этом он не забыл и навыков своих не утратил. Он знал, что возьмет верх. Он всегда брал верх. Победа была единственным мыслимым выходом.

Он может ее добиться. Надо просто быть решительным и уверенным в себе. А это удавалось ему лучше всего. Да, такой ход был, считай, лучшим в данной ситуации, когда время поджимало, когда оставался всего один шанс; действовать следовало только по принципу «все или ничего» или «все средства хороши». На более «умеренные» подходы просто не было времени. Нужно забыть о всяких там уговорах, в жопу всякую дипломатию, к чертям эту умеренность в надежде на ответную умеренность. В жопу все это — нужно дело делать.

Архимандрит подготовился наилучшим образом. Тактики считали, что первые подразделения Объединенного флота могут пронестись мимо с субсветовой скоростью уже дней через десять, а остальные тоже не заставят себя ждать. Нужно принимать решение. Сейчас или никогда.

Они находились в чреве огромного корабля. Наводящий ужас галлюциногенный лик Наскерона, испещренный вихрями, лежал у них под ногами, видимый под алмазной пленкой. Архимандрит ради этого рискнул подняться на борт «Люсеферуса VII». Если корабль атакуют (на таком удалении от главных сил Объединенного флота — маловероятно, но не совсем невозможно), то удар будет нанесен сверху и громадный корпус корабля защитит их. «Ненасытный», ждавший прямо под брюхом «Люсеферуса VII», был связан с ним коротким переходным тамбуром. Люсеферус за считаные секунды мог подняться со своего грандиозного сиденья, пересечь зал и покинуть корабль. Чтобы исключить всякие случайности, он надел под свои парадные одеяния э-костюм — тонкий, сковывающий движения, но придающий уверенности. Шлемоворотник был спрятан под капюшоном, который, вкупе с остальным облачением, был изготовлен из дубленых шкур воэнов.

К «Ненасытному» был причален корабль (досконально проверенный — ни бомб, ни жучков), на котором эта женщина Лисс доставила Люсеферусу промышленника Салууса Кегара. Корабль произвел сильное впечатление на его техников. Они считали, что он резвее любого из кораблей

противника. Люсеферус предпочел бы, чтобы корабль был резвее любой ракеты или луча, имеющихся у противника.

Они прибыли сюда для совещания, для встречи, официально посвященной вопросу о том, как новый режим, властвующий в остальной части системы Юлюбиса, может сотрудничать с насельниками.

На совещании присутствовали иерхонт Ормилла и уцелевшие представители меркаторийской верхушки. Времени для реструктуризации меркаторийской власти не было, а выяснив, что (по данным запредельцев) большинство граждан и подданных не любили и презирали Меркаторию, но не питали к ней активной ненависти, Люсеферус оставил бóльшую часть гражданских властей на своих местах. Главные игроки присягнули ему в верности, правда среди присягнувших не было адмирала флота Бримиэйса, погибшего в ходе боевых действий, полковника Шерифства Сомджомион, которая исчезла и, возможно, находилась на одном из пустившихся в бегство кораблей, и владетельного администратора Цессории Вориеля, который предпочел умереть, но не пойти, как он считал, на бесчестье и предательство религиозных обетов. Идиот. Люсеферус

своими руками пристрелил его.

Некоторые из участников посольства к насельникам (отправленного на Наскерон за несколько месяцев до вторжения) ввели его в курс дела, объяснив, чего можно ожидать от этих поплавков. Большинство участников посольства погибли, когда командир перевозившего их корабля отказался сдаться, но некоторые остались живы. Однако Люсеферус сомневался, доверяет ли он им.

Трое из полудюжины его высших командиров тоже присутствовали на совещании. Остальные были заняты — обеспечивали военное присутствие там, где необходимо, и готовились к предполагаемому прорыву через передовые подразделения Объединенного флота.

Никаких запредельцев тут, конечно, не было. Они все еще не оправились от потрясения после чрезвычайных мер, предпринятых Люсеферусом против небольшого городка и орбиталища, набитого художниками, извращенцами и сумасшедшими филантропами. Нужно сказать им, что город был выбран (как он там назывался — Люсеферус запамятовал) только потому, что находился на берегу и был защищен горами, так что можно было снова проделать любимый архитек-

турный фокус архимандрита. Пусть ужаснутся.

Эти, как их — делегаты? представители? — черт бы их драл, насельников, — являли собой мерзкое зрелище. Они были крупными и впечатляли, особенно в своих гигантских колесоподобных э-костюмах, но оставалась — похоже, извечная — проблема: найти среди насельников кого-нибудь, наделенного достаточными полномочиями, чтобы говорить от имени всей планеты. Люсеферус, еще только начиная свою карьеру, узнал, что с насельниками лучше не связываться. Ты их не трогай, и они тебя не тронут. Да он бы в жизни не сунулся к этим проклятым поплавкам, если бы этого можно было избежать. Но избежать не получилось, и он теперь из кожи вон лез.

На совещание прибыли три насельника. Все они по старшинству предположительно не уступали друг другу и явились в одиночестве — без адъютантов, секретарей, каких-либо подчиненных; у любого другого вида это свидетельствовало бы о том, что переговорщики ничего собой не представляют, но у насельников это не значило ничего.

От насельников присутствовали Февриш, своего рода политолог, выступавший от имени большого красно-коричневого экваториального

пояса, который виднелся прямо под кораблем, Чинтсион, верховный глава организации прикрытия, представлявшей все клубы и другие добровольные общества (каким бы оскорбительным это ни казалось, но в «клубы», видимо, входили самые умелые военные), и Перипуле, администратор крупнейшего насельнического города, хотя и не столичного в общепринятом смысле слова; судя по всему, избрание городским администратором считалось не честью и не возможностью вволю повластвовать, а неприятной обязанностью. У всех были грандиозные титулы, которые на самом деле ничего не значили, разве что говорили о возрасте насельников.

Архимандрит предпочел бы иметь дело с кем-нибудь более солидным, если только таковые существовали в насельническом обществе, и чтобы их было побольше, но приходилось работать с наличным составом, тем более что время поджимало. Правда, на «Люсеферусе VII» были другие насельники, общим числом более трех сотен. Юные и молодые зрелые, прибыв на двух кораблях, были приглашены на длительную экскурсию по «Люсеферусу VII» — что-то вроде общеобразовательного тура. В общем, клуб любителей инопланетных кораблей. В обычной

ситуации архимандрит никогда бы такого не допустил.

Люсеферус был абсолютно уверен, что насельники не уделяют ему должного внимания. Его эксперты по инопланетянам сообщили ему, что большинство жителей Наскерона с полным безразличием относятся к случившейся только что малой войне и к присутствию флота вторжения. И вообще, они даже не знали толком о происходящих событиях, а если бы и узнали, то вряд ли бы ими заинтересовались. Новостные агентства планеты — не важно, что это были за агентства, — полнились сообщениями о формальной войне, разыгравшейся между двумя атмосферными поясами. Судя по всему, эта война напоминала какие-то экстремальные спортивные состязания в гигантском масштабе, но никак не то, что Люсеферус назвал бы настоящей войной. Игры, да и только.

Что ж, придется ему подумать, чем бы привлечь их внимание в полной мере.

Участники совещания, висящие над необозримой панорамой внизу, казалось, замерли на миг и вот-вот начнут падать. Над ними среди переплетения мостков стояли личные охранники Люсеферуса, одетые в экзоскелеты, подушечки

их когтеног ступали с уверенной и бесшумной точностью.

— Давайте к делу, — сказал Люсеферус, когда бессвязный разговор ушел слишком далеко в сторону. — Нам нужен наблюдатель Фассин Таак, — сказал он насельникам. — А точнее, нужна информация, которую он, по нашим предположениям, ищет.

— Какая информация? — спросил Чинтсион.

Пока что глава «клубов» показывал себя самым говорливым из трех насельников. Его огромный э-костюм расположился в шезлонге над неглубокой выпуклостью алмазной пленки внизу, и отраженный омерзительный свет планеты слабо мерцал под ним. Цвета костюм был серого, с ярко-розовыми шевронами.

— Мы не имеем права разглашать это, — сказал Люсеферус насельнику.

— Почему? — спросил ученый Февриш.

Его э-костюм имел грязновато-белый оттенок.

— Этого я вам не могу сказать, — ответил Люсеферус. Он поднял руку в перчатке и перстнях. — И прошу вас не спрашивать почему. Примите это как данность.

Насельники молчали. Возможно, они переговаривались друг с другом шепотосигналами.

Техники предупреждали его об этом и попытались сконструировать шезлонги так, чтобы эти существа не могли переговариваться подобным образом. Но насельники, едва увидев эти кресла, принялись возражать, суетиться, начали их толкать, передвигать, пытались изменить конфигурацию сидений и даже стали переставлять их таким образом, чтобы устроиться поудобнее друг относительно друга. Люсеферус скрежетал алмазными зубами, сигнализировал техникам, взывая о помощи, и ждал, когда насельники угомонятся.

Наконец все расселись большим кругом, половину которого образовали насельники, иерхонт и несколько его советников, а вторую составили люди и все остальные, включая архимандрита.

— Мы не знаем, где находится наблюдатель Фассин Таак, — сказал Чинтсион Люсеферусу. — Последние известия о нем были получены, когда он направлялся в город в Северной полярной области, называемый Эпония. Хотя и это только слухи.

— Эпония? — сказал третий насельник, Перипуле. Его э-костюм отливал темно-коричневым и был украшен оборками, похожими на водоросли. — Я слышал, что его видели в Дейлте.

— В Дейлте? — презрительно сказал Чинтси-

он. — В это время года?

— Он же инопланетянин, — сказал Перипуле. — Он не разбирается в том, что модно, а что нет.

— Ну, прежде всего, у него есть опекун… — начал было Чинтсион.

— Господа, — сказал Люсеферус.

Все три насельника, словно в потрясении, отпрянули.

— Архимандрит Люсеферус — занятой человек, — проревел иерхонт Ормилла. — Разговоры о сезонных модах на Наскероне лучше отложить на перерывы между заседаниями и не вести их во время дискуссий.

— Малый насельник, — сказал Чинтсион, обращаясь к иерхонту, — мы оказываем услугу кучке ваших новых хозяев и, невзирая на вероятную и малорадостную краткость их главенствования, пытаемся установить местопребывание названного Таака. Однако…

Люсеферус перестал слушать. Он повернулся к Тулуэру, сидевшему чуть сзади и сбоку от него, и заглянул ему в глаза. Тулуэр выдержал взгляд Люсеферуса, видевшего, как тот сглотнул слюну, но все же глаз не отвел. Раньше Тулуэр никогда не отваживался на подобное. Люсеферус чуть наклонился к нему и тихо сказал:

— Отчаянные ситуации требуют отчаянных решений, Тулуэр.

Тот опустил глаза, потом кивнул и начал пальцами отстукивать сигналы в своей перчатке. Архимандрит снова повернулся к присутствующим.

Прозвучал отдаленный гром, секунду спустя послышался еще один удар, потом еще, словно затикали громадные часы.

Люсеферус послушал, как два юлюбисских перегала, старики Тлипейн и Эмоэрте, пытаются склонить насельников к более эффективному сотрудничеству. Судя по реакции насельников, те искренне не могли понять даже значения этого слова.

Архимандрит, чей силуэт просматривался на фоне желтовато-коричневых облаков планеты под ними, уголком глаза уловил линию крохотных точек, загибающуюся в сторону, туда, где в тысячах километров внизу плыли вершины облаков.

— Когда мы говорим, что исполнены серьезных намерений, нам стоит верить, — сказал трем насельникам коммандер Бинстей, главнокомандующий его наземными силами.

— Я в этом не сомневаюсь, — беззаботно от-

ветил Чинтсион. — Это никак не изменяет того факта, что мы ничем не в силах вам помочь.

Коммандер Бинстей начал было снова говорить, но Люсеферус прервал его.

— Господа, — тихо сказал он, и Бинстей тут же замолк, — если позволите, я бы хотел, чтобы вы обратили ваше внимание на вид, который открывается вот с этой стороны.

И он повел сверкающей перстнями рукой в сторону, где штриховая линия медленно перемещалась на фоне поверхности планеты, искаженной газовыми вихрями.

Все взгляды устремились туда. Насельники слегка сместились на своих сиденьях. Те из присутствующих, кто отличался особой остротой зрения, уже начали реагировать. Архимандрит слышал бормотания, вздохи — обычные проявления шока.

— Мы исполнены самых серьезных намерений, — сказал Люсеферус насельникам и встал. — Вы слышите этот шум? — Он повернул голову, словно прислушиваясь; глуховатый тикающий звук не прекращался — устойчивый, безжалостный. — Это бомбосброс, он делает один выстрел в секунду. Только в данном случае метает он живых существ, а не боеголовки. Незащищенные

существа выбрасываются в космос в направлении вашей планеты с частотой более трех тысяч в час. Это мужчины и женщины, дети, старики и юноши, представители всех социальных групп, в основном захваченные в плен на сдавшихся кораблях и поврежденных орбиталищах. У нас на борту их более двадцати тысяч. Они будут выстреливаться с этой частотой, пока мы здесь не достигнем прогресса. — Он ждал какой-нибудь реакции от трех насельников, но те только смотрели вниз, на планету. — Ну, — продолжил он, — так, может, теперь кто-либо из присутствующих припомнит что-нибудь полезное?

Он смотрел, как люди и инопланетяне наблюдают за штриховой линией, медленно удаляющейся от громады корабля. Некоторые повернулись к нему, но, встретившись с его взглядом, тут же отвели глаза, пытаясь скрыть ненависть, страх и ужас. Странно, что люди так бурно реагируют на неприятные события, происходящие у них перед глазами, но готовы не замечать куда как более жутких вещей, если они случаются где-то в другом месте.

Он кивнул Тулуэру, и на одной из стен зала загорелся огромный экран, демонстрирующий, как это происходит. На экране самые разные люди,

как он и говорил, заталкивались в несколько громадных круглых магазинов. Они пытались сопротивляться, но были плотно затянуты в нечто похожее на пластиковые спальные мешки, оставлявшие свободными только головы. Поэтому возможности людей были ограниченны, они только могли извиваться, как червяки, плеваться и стараться укусить солдат в экзоскелетах. Включили звук, и присутствующие в зале заседаний услышали крики, вопли, мольбы загружаемых в магазины бомбосброса

— Архимандрит! — выкрикнул иерхонт. — Я должен заявить протест! Я не…

— Заткнитесь! — взревел архимандрит. Он обвел взглядом остальных. — Все заткнитесь! Ни одного долбаного слова!

Некоторое время в помещении был слышен только глухой стук бомбосброса.

Изображение переключилось на устье бомболюка, из которого (очень медленно для оружия такого рода) вылетали в открытый космос люди. Мешки тут же сползали, закручиваясь на коленях, и люди, оказавшись в вакууме, могли свободно дергаться, извиваться в судорогах и задыхаться. Некоторые пытались задержать дыхание и разбухали, готовые вот-вот разорваться.

Кровь струилась у них из глаз, ушей, рта, ануса.

Камеры следили за ними. Дерготня продолжалась минуту-другую, после чего люди застывали в какой-нибудь позе (некоторые скрючивались наподобие зародыша, некоторые замирали, раскинув руки в стороны) и медленно устремлялись — частички невидимой конвейерной ленты — к далеким вершинам облаков.

— А для чего вы это делаете? — спросил насельник Февриш у архимандрита. В голосе его слышалось недоумение — ничего другого.

— Чтобы лучше сосредоточиться, — холодно сказал Люсеферус.

Он услышал, как кого-то в зале вырвало. Немногие из людей осмеливались встретить его взгляд. Мостки по периметру были полны неподвижных охранников, уже нацеливших оружие вниз.

— Я был абсолютно сосредоточен, — сказал Февриш, издав что-то похожее на вздох. — И тем не менее мы ничем не можем вам помочь.

— Выдайте мне наблюдателя Таака, — сказал Люсеферус, чувствуя, как капельки пота (что?!) выступили у него на лбу. Он немедленно пресек потение.

— У нас нет этого Таака, — рассудительно сказал городской администратор Перипуле.

— Тогда скажите мне, где он, — потребовал Люсеферус.

— К сожалению, ничем не можем вам помочь, — сказал Чинтсион.

— Скажете, суки! — взревел Люсеферус.

— Как мы можем?.. — начал было Февриш, но его оборвал Чинтсион:

— Может быть, спросить у тех, кто заявляет, что последним видел наблюдателя Таака? Пусть скажут, где он, по их мнению, может находиться.

— Кажется, им интересовался кто-то из состава посольства, — вставил Февриш. — Может, они что-то узнали.

— А я думал, они все погибли, когда корабли посольства были уничтожены, — сказал Чинтсион. — Разве нет?

— Слушайте, — рассудительно предложил Перипуле архимандриту, — давайте отложим это дело до утра, а?

Люсеферус яростно указал на штриховую линию тел, устремляющихся к планете:

— Вы что, недоумки, не поняли? Это не прекратится, пока я не получу то, что мне надо!

Трое насельников переглянулись.

— Гм, — задумчиво сказал Перипуле, — надеюсь, у вас хватит людей.

Люсеферус сжал кулаки. Он чувствовал, что готов взорваться, как один из тех, кто оказался на этом конвейере смерти и пролетал мимо алмазного окна. Он с трудом заставил себя говорить спокойно:

— На борту этого корабля три сотни юных насельников. Что, если мы зарядим их в бомбосброс? Или используем в качестве мишени? Что вы на это скажете?

— Я думаю, это вызовет раздражение, — сказал Чинтсион и рассмеялся.

— Вы что, всерьез пытаетесь угрожать нам? — спросил Февриш.

— Хотел бы заметить, господин Люсеферус, — сказал Чинтсион, в чьем голосе слышались чуть ли не веселые нотки, — что я представляю в том числе и клубы с военным уклоном. В этой связи я, разумеется, полон бесконечного энтузиазма и, естественно, горжусь тем, что имею честь их представлять, но иногда — не знаю, может, это объясняется скукой — они демонстрируют качества, весьма, можно сказать, близкие к тем, которых можно ожидать от личностей, наделенных менталитетом «стреляй первым». Гм. Если вы понимаете, о чем я.

Люсеферус уставился на этого дегенерата-

поплавка. Звук ударов продолжался. Вереница крохотных темных фигур по-прежнему прочерчивала лиловый лик газового гиганта, искаженный гримасой. Архимандрит повернулся к Тулуэру.

— Перевести скорость на максимальную, — сказал он. — Затенить обзор.

Бескрайний лик Наскерона исчез, алмазный пузырь приобрел обсидиановую черноту. Весь огромный зал, казалось, сжался и еще больше потемнел. Звук ударов стал громче.

— Вы трое задержаны в качестве заложников, — сказал Люсеферус троим насельникам. — Как и молодежь вашего вида, находящаяся сейчас на борту. Если будет предпринята малейшая попытка спасти вас или их, любая атака на этот корабль или на любой из моих кораблей, на любую принадлежащую мне собственность, вы все будете убиты. Если я не получу каких-нибудь убедительно полезных сведений о наблюдателе Фассине Тааке или о том, что он искал, в течение следующих шести часов стандартного времени, я непременно начну убивать всех, начиная с вас троих. Вам ясно?

— Ах, господин Люсеферус, — сказал Февриш, — это совсем не способ вести переговоры.

— Должен сказать, что согласен с этим заявле-

нием, — сказал Чинтсион.

— Заткнитесь, — сказал им Люсеферус. — Вокруг этого газового гиганта у меня дежурит множество кораблей с боеголовками, начиненными тысячами тонн антивещества. Разрушители планет. Если после вашей смерти так ничего и не произойдет, я начну взрывать эти заряды прямо в вашей вонючей атмосфере. Власти на вашем говенном, пердячем гиганте будут надлежащим образом информированы о том, что происходит. — Архимандрит поднял глаза на охранников, которые замерли на мостках наверху. — Уведите их. И вытащите из э-костюмов. Если понадобится, разрежьте их.

Около дюжины здоровенных черных существ, похожих на древних рыцарей в доспехах, украшенных большими драгоценными камнями черного цвета, соскользнули вниз на алмазную пленку и приземлились на когтистые ноги. На каждого из насельников в э-костюмах пришлось по четыре охранника.

— Ну что ж, господа, — сказал печальным голосом насельник по имени Перипуле, обращаясь к двум другим, — мы не можем пожаловаться на то, что не были предупреждены.

Мгновение спустя в темном зале сверкнули три

фиолетовые световые завесы, окружив каждого насельника. Охранников в экзоскелетах отбросило назад или перевернуло вверх тормашками. Тех, кто сидел или стоял без всяких защитных одеяний, подкинуло вверх и швыруло к стене. Ударная волна успела слегка зацепить высокое кресло Люсеферуса, прежде чем развернулся предохранительный щит, но через мгновение он уже смотрел на воцарившийся хаос сквозь синеву посеребренного алмазного листа.

Взрыв потряс кресло архимандрита, потряс его самого и отразился от дальних стен. Три фиолетовых цилиндра исчезли, оставив три больших, совсем круглых отверстия в черной алмазной пленке внизу. Сквозь эти дыры внутрь просачивался тошнотворный свет наскеронских желтовато-коричневых туч. Воздух из зала, вихрясь и завывая, прорывался наружу, где мигали белые огни. Двоих из охранников в экзоскелетах швырнуло на пол; они пытались ухватиться за что-нибудь, но их засосало в отверстия и выбросило в вакуум. Люсеферус стоял и смотрел на происходящее. Присутствующих, большей частью потерявших сознание или получивших сильные ранения, стало сносить от стен зала, куда их отбросило тройным взрывом, к трем

светящимся отверстиям. Третье существо в экзоскелете потащило к ближайшей дыре, над которой стал образовываться вихревой поток; громадная рука охранника, яростно скребя и царапая пол, тщетно пыталась ухватиться за гладкую поверхность алмазного листа. Наконец проснулись защитные системы корабля, и три раны в его теле затянулись темной мерцающей материей, которая затмила свет и остановила утечку оставшейся атмосферы.

Воцарилось относительное спокойствие. Звук ударов не прекращался. Шуршание возвещало о том, что в зал закачивается воздух вместо того, который вырвался наружу. Охранники в экзоскелетах поднялись на ноги, оглянулись и подбежали к архимандриту, прикрыв его своими телами, как щитом. С мостков вниз спрыгнули еще темные фигуры. Люсеферус слышал стоны находящихся в зале. Он повернулся, отыскивая взглядом Тулуэра, который, прихрамывая, пробирался к нему через фалангу охранников, уже в э-костюме и шлеме: в блестящей капле лицевой маски отражался серебристый алмазный пузырь, обволакивавший архимандрита и его кресло.

— Убить остальных насельников, — сказал ему Люсеферус. Тулуэр наклонился к нему, поднеся

руку к голове, — он, видимо, не расслышал. — УБИТЬ ОСТАЛЬНЫХ НАСЕЛЬНИКОВ! — прокричал Люсеферус. Он нажал кнопку, вделанную в подлокотник кресла, и алмазная заслонка разошлась. — Выведи нас отсюда, — сказал Люсеферус. — Предупреди планету: если не начнут сотрудничать, через три часа будут запущены ракеты с антивеществом. — Он посмотрел туда, где три представителя насельников неожиданно ускользнули из корабля. — И передай приказ на «Ненасытный» — эти три клоуна должны быть уничтожены.

— Сэр! — сказал Тулуэр. — А как насчет… заполнения магазинов?

Люсеферус не сразу понял, что Тулуэр говорит о людях, которыми бомбосбросы засеивают атмосферу Наскерона.

— Всех в расход.

Архимандрит Люсеферус включил коммуникатор своего э-костюма и предупредил «Ненасытный», чтобы его ждали. Он прошел мимо стонущих раненых к тамбуру и кораблю под ним. Стена охранников вокруг него ощетинилась конечностями в доспехах и зловещими выступами тел. Уже у самого тамбура его сбило с ног. Охранники пошатнулись, когда огромный ко-

рабль сотрясся от удара. Один из гигантов чуть не свалился на Люсеферуса, и лишь в последний момент ему удалось сохранить равновесие — его сервосистема жалобно взвыла.

— Это что еще? — спросил Люсеферус.

— Защита от повреждений включена, сэр, — услышал он голос из э-костюма. — Энергетический удар по всему кораблю, точно в центр. Диаметр около двух метров. Кроме того, удар по носовой части приблизительно в районе восьмидесятиметровой отметки. Носовая часть оторвана. Тот же самый энергетический профиль, что и в центральной части. Скорость света. Возможность предупреждения — ноль. Реактивные защитные системы ищут контрмеры против нового использования… пока что никаких новых атак, сэр.

— Связь, сэр, — сказал другой голос. — Насельники требуют возврата своих. Эти выстрелы были явно предупредительными.

Подбежал Тулуэр.

Люсеферус посмотрел на него.

— Верните им насельников, — сказал он адъютанту. — А потом уводите корабль. — Он широкими шагами направился к переходному тамбуру.

— А корабли с антивеществом, сэр?

— Пусть остаются на своих местах. Отсрочить ультиматум, пока не будет уведен «Люсеферус-семь».

— Так точно, сэр.

На сей раз архимандрит беспрепятственно прошел по тамбуру на флагман.

Час спустя побитый «Люсеферус VII», все еще борясь с притяжением планеты, выходил из ее гравитационного колодца. «Ненасытный» уже успел удалиться на полмиллиона километров и продолжал ускоряться. Архимандрита, который все еще трясся от гнева — даже в противоперегрузочном кресле, потому что весь позор и невыносимая *оскорбительность* того, что случилось, теперь в полной мере дошли до него, — наконец прорвало (эти трое тупоголовых насельников, шутов гороховых, им даже удалось бежать, их э-костюмы отразили или отбили все, что послал им вслед «Ненасытный», когда они выбрались с «Люсеферуса VII», и насельники исчезли, явно целые и невредимые, в вершинах туч), и он приказал немедленно привести в действие ультиматум, предъявленный им насельникам, а это означало, что один из кораблей, оснащенный боеголовками с антивеществом, должен выпустить

снаряд в атмосферу планеты, показав тем самым всю серьезность их намерений.

Ответ последовал почти незамедлительно. Корабль с АВ-бомбами (каждый из двадцати кораблей — с бомбами АВ) исчез в неожиданной яростной вспышке узкого светового луча. Все боеголовки частично взорвались, хаотически реагируя с обычным веществом — обломками уничтоженных кораблей. Двадцать солнышек тускло вспыхнули вокруг Наскерона, словно ожерелье, загораясь, затухая, загораясь снова и медленно затухая опять.

Несколько мгновений спустя из набухших небес газового гиганта поднялась ракета, прошила вершины туч и через две минуты, невзирая на все отчаянные контрмеры, нашла «Люсеферус VII».

Фронт излучения вывел из строя сенсорные буферы «Ненасытного», на котором решили, что именно так и должна действовать боеголовка с антивеществом.

Последний сигнал с огромного корабля, прежде чем тот полностью рассыпался, превратившись в излучение и стремительную шрапнель, поступил от адъютанта Тулуэра, который спокойно информировал Люсеферуса, что архимандрит

— сучье вымя.

* * *

Фассин Таак смотрел на родные звезды. Он почувствовал, что, даже невзирая на противоударный гель, в глазах его стоят слезы. Он отдыхал на обдуваемой ветрами платформе, над небольшим городом в вершинах туч вблизи Южной полярной области, всего в паре тысяч километров от неровной текучей границы с самым южным атмосферным поясом Наскерона.

Он попытался найти какой-нибудь дружественный спутник, сигнал, опознаваемый его маленьким газолетом, но так ничего и не нашел. Все радиосигналы были страшно слабыми или же закодированными, и он не смог обнаружить никаких низкоорбитальных приборов, чтобы передать через них свой привет. Он попытался зафиксироваться на одной из слабых передающих волн и использовать биоразум газолета для расшифровки сигнала, но оборудование, похоже, отказало, и он сдался. Несколько мгновений он довольствовался тем, что просто сидел здесь и смотрел на немногие звезды, образующие знакомый рисунок.

Несмотря на все травмы Айсула, им пришлось

перенести все те же спиралевидные маневры, хотя на сей раз и не столь крутые. Фассин лежал в газолете, ощущая один за другим сужающиеся витки штопора, и думал, что они втягиваются в червоточину, хотя, как выяснилось впоследствии, из нее они уже вышли и теперь происходила раскрутка. Потом они вдруг оказались здесь, на Наскероне, в его Южной полярной области, а не в Северной, откуда начинали свое путешествие.

Опустившись на несколько километров ниже вершин туч, бывший корабль воэнов «Протрептик» остановился в великоватой для него люльке внутри огромной, гулкой полости ангара. Ангар располагался в нижней области почти заброшенного полярного города Квайбрай. Их встречали городской администратор и толпа из нескольких сотен насельников, улюлюкающих, бросающих серпантин и пахучие гранаты.

Делегация от нескольких клубов любителей инопланетных кораблей в особенности воодушевилась при виде судна воэнов и подпрыгивала от нетерпения, когда по трапу медленно сгружали Айсула, препоручая его заботам больничной бригады. Когда Айсул, Фассин и истиннодвойня Кверсер-и-Джанат сошли с корабля, возбужденные энтузиасты ринулись на борт, галдя, толкая

друг друга, стараясь первыми попасть в коридоры и проходы. Истиннодвойня предусмотрительно расширила корабль, которому перед вхождением в портал придали иглоидную форму. Он стал более округлым и вместительным, но тем не менее давка возникла серьезная.

Айсул, который, судя по его виду, частично выздоровел, хотя и не отошел полностью от полукомы, слегка повернулся в своей люлькеносилках, чтобы посмотреть на Фассина, когда больничная бригада подгоняла к нему катер «скорой помощи».

— Ну, видите? — прохрипел он. — Доставил вас назад в целости, да?

Фассин согласился с Айсулом. Хотел было похлопать его, но манипулятор оказался не тот и просто дернулся несколько раз в заполненном газом пространстве. Тогда Фассин повернулся и использовал другую руку газолета, которая пожала ступичную ладонь раненого насельника.

— Вы теперь домой? — спросил Айсул.

— Домой, сколько бы ни осталось от дома. Не знаю. Не знаю, что мне теперь делать.

— Но если вы покинете Наскерон, возвращайтесь поскорее. — Айсул помолчал, потом встряхнулся, словно пытаясь окончательно

проснуться. — Я буду готов снова принимать гостей через пару десятков дней или около того, а после приемов, предполагаю, меня ждет очень насыщенная светская жизнь. Я намереваюсь в полной мере и без всяких угрызений совести использовать недавно полученные мною ранения и приобретенный опыт, а также вызывающе преувеличить собственную роль в захвате корабля воэнов, не говоря уже о приукрашивании моей схватки с их командиром до такой степени, что, выслушав меня в первый раз, вы совершенно не поймете, о чем идет речь. Я буду благодарен вам за сотрудничество в этой области, при условии, что вы сможете проникнуться духом этого предприятия и не будете настаивать на чрезмерно точном следовании вульгарнейшей объективной истине, какая бы ее версия ни пришла вам в голову. Что скажете?

— Мои воспоминания путаются, — сказал Фассин насельнику. — Я, вероятно, буду поддакивать вам, что бы вы ни говорили.

— Великолепно!

— Если только смогу, непременно вернусь.

Однако он даже не знал, сможет ли — для начала — выбраться с Наскерона. Он не знал, сохранилась ли необходимая инфраструктура,

чтобы он мог покинуть планету, отремонтировать газолет и вернуться на родину (если только нынешний правитель позволит ему вернуться), как не знал и того, позволят ли ему вернуться насельники.

Во время последней части шестичасового пути от портала, когда Кверсер-и-Джанат разрешили ему смотреть, где они двигаются, и санкционировали его доступ к носителям данных, он подключился к новостным службам Наскерона, узнать, что произошло за время его отсутствия.

Все насельнические новости касались войны. Формальной войны между второй зоной и поясом В. Это событие определенно становилось весьма увлекательным и захватывающим, и в уважаемых научных кругах о нем уже говорили как о классике жанра, хотя дело было завершено где-то лишь наполовину, и, если обстоятельства сложатся удачно, возникнет еще немало волнующих моментов.

Фассину пришлось обратиться к специальной службе наблюдения за инопланетянами, где он нашел сведения приблизительно тридцатидневной давности о том, что система Юлюбиса подверглась вторжению со стороны сил Отъединения Эпифания-5, или приверженцев культа

Заморыша, под командованием архимандрита Люсеферуса. Последний крупный организованный очаг сопротивления Юлюбисской Меркатории был подавлен дней десять назад после официальной сдачи иерхонта Ормиллы, вслед за уничтожением города на Сепекте и орбиталища. Контратака нескольких эскадр Объединенного флота ожидалась в течение ближайших двух недель. Последнее сообщение гласило, что конференция, имеющая целью достижение мира и сотрудничества, происходит на корабле заморышей «Люсеферус VII», на орбите Наскерона.

Фассин отправил послание (слабая попытка обнаружить Валсеира) и принялся ждать — не поступит ли ответ. Сначала он хотел было связаться с Сетстиином, но потом вспомнил: кто-то сказал ему что-то такое, отчего он проникся неприязнью к этому насельнику. Хотя постойте, все ведь было наоборот. Сетстиин всегда был обаятельным и полезным другом. Сетстиин предостерегал его в отношении старого насельника, командовавшего этой большой сферической… *штуковиной,* которая возникла из туч и уничтожила десант Меркатории во время регаты газовых клиперов. Да, это звучало более правдоподобно. Он недоумевал, почему никак не может восстановить

подробности. Странно. У него ведь всегда была хорошая память.

Кверсера-и-Джаната, похоже, окружали доброжелатели, которые хотели узнать побольше о корабле воэнов. Истиннодвойня увидела, что Фассин смотрит на нее сквозь толпу, и помахала ему. Фассин помахал в ответ.

Он смотрел, как грузят Айсула в катер «скорой помощи», и пытался сообразить, что он знает, а чего не знает, что может вспомнить, а чего не может. Наверное, можно было бы отправиться вместе с Айсулом в «скорой помощи», но Фассин чувствовал, что ему надо побыть одному.

Он явился сюда, чтобы увидеть звезды, подождать, подумать и, может быть, произвести кое-какие математические расчеты.

Он вытащил из кармана на борту своего газолета открытку и посмотрел на нее. После того, что случилось на «Протрептике», его маленький газолет стал хуже видеть, но детали увеличивал, как и раньше, и потому Фассин смог получить идеальное изображение голубого неба и белых облаков. Он увеличил картинку, сверяясь с тем изображением, которое сохранил в… Но этого изображения в памяти газолета не оказалось.

Странно. Ему казалось, он записал картинку

и уже частично расшифровал то, что было в ней скрыто. Он в этом не сомневался. Тогда это представлялось ему весьма важным, совершенно точно.

Фассин изо всех сил старался вспомнить, что произошло после нападения воэнов. Он знал, что их взяли в плен и допрашивали, что воэны сделали какую-то гадость с его мозгом, с биоразумом газолета и его памятью. Потом корабль, посланный итинами для их спасения, атаковал судно воэнов, и — каким-то образом он, Айсул и истиннодвойня победили оставшихся в живых воэнов. Они победили воэнов?

Как такое могло случиться? Корабль итинов сумел отвлечь воэнов, и «Велпин» тоже сыграл какую-то роль: кажется, врубилась противопиратская автоматика и помогла одолеть воэнов. Кверсер-и-Джанат явно начинали скрытничать, стоило завести разговор о том, какие средства использовал против воэнов их прежний корабль.

Фассин понятия не имел, что произошло. Может, все было так, как говорили они, а может, и нет. Может, на борту «Велпина» был ИР и он-то и расправился с воэнами, только Кверсер-и-Джанат не хотели, чтобы об этом кто-нибудь знал. Они могли наговорить ему практически что угодно,

а он мог поверить — воэны так сильно нагадили ему с памятью.

Он вспомнил, как сидел на ступеньках храма, глядел на широкую неторопливую реку и разговаривал со… стариком? Со старым насельником? Образ у него в голове запечатлелся довольно яркий — не какая-то линейная нить памяти. Видимо, это происходило в своего рода виртуальной реальности, да? Может, старик был репрезентацией ИР «Велпина». Видимо, с ним, с этим стариком — или ИР? — он и разговаривал или по меньшей мере встречался.

Он попытался сосредоточиться и снова посмотрел на открытку. Эту картинку ему дал Валсеир. Так? Нечто вроде визитной карточки, рекомендательного письма, которое выводило его на… Ему вдруг показалось, что она вывела его на Валсеира, но в этом было мало смысла.

Нет, постой-ка: дом в глубинах и старый бродяга-насельник. Вот кто дал ему открытку. И она каким-то образом вывела его на Валсеира. Но тут было что-то еще. Он обнаружил что-то еще. Он проснулся с этой мыслью перед нырком в червоточину. Что-то было скрыто в этой открытке. Послание. Код.

Фассин оглядел пустую платформу. Он был

один, больше никого. Включил процессор, чтобы максимально подробно обработать картинку. Заработали несколько программ. Через пару минут взгляд Фассина оторвался от знакомого неба с редкими звездами, и он занялся результатами обработки.

Что-то здесь было.

Это напоминало какую-то инопланетную алгебру.

Там было около полутора страниц. Похоже на одно длинное уравнение или три-четыре уравнения покороче.

Он почувствовал волнение. Непонятно отчего ему пришло в голову, что это как-то связано с насельническим списком. Подробности ускользали от него, но он знал, что предмет его поисков — преобразование, которое считалось ключом к знаменитому списку, и, может быть (такая вероятность существовала), эти строки с инопланетными формулами имели отношение к преобразованию. Может быть, то, на что он смотрел, и было преобразование, хотя верилось в это с трудом.

Фассин пытался сообразить, что могут значить эти символы, но у него не получалось. Память газолета, с которой явно кто-то поработал, могла

прежде содержать что-то, что указало бы верное направление, но теперь там ничего подобного не было.

Он вошел в городские сети данных, связался с библиотекой Экваториального университета и справился в их базе, специализирующейся на инопланетной математике. Выбрал два символа и отправил их на тестирование. Ответ пришел немедленно и содержал ссылки.

Материал, с которым он имел дело, был записан на интерпретори V, универсальной межвидовой системе записи, насчитывающей около двух миллиардов лет и созданной вопулдами (8ар, баб) на основании более ранних насельнических элементов. Он загрузил себе полный комплект программ перевода.

Ему пришлось остановиться и бросить взгляд поверх облаков. Нахлынула странная смесь эмоций.

Возможно, именно за этим его и послали, вот она — цель его поисков. Точнее, их поисков — он не должен забывать о полковнике Хазеренс. Вполне вероятно, что именно это он и искал все последние месяцы. И тем не менее, если Меркатория или по крайней мере юлюбисская ее часть надеялась спастись с помощью этого,

такие надежды были тщетными. Он вернулся слишком поздно — вторжение уже произошло. Все кончено.

Но он, кажется, столько всего забыл! Что же с ним сделали воэны? Айсул был сильно ранен, но если не считать воздействия его целительной комы, то в умственном плане он казался (и сам утверждал, что был) абсолютно здоровым. Квер-сер-и-Джанат, казалось, вообще не пострадали. Может, им просто повезло, а может, это было как-то связано с их истиннодвойничеством — этого Фассин не знал.

Но оставалось еще вот это — дешифровка, которая могла привести к чему-то важному. Пусть вторжение уже состоялось, но контратака была еще впереди, и в любом случае он мог сам оценивать происходящее. Он по-прежнему предпочел бы поделиться добытыми сведениями с запредельцами, если только в этом уравнении есть полезная информация.

Что-то сверкнуло в космическом пространстве на западе — далеко за вершинами облаков. Может быть, корабль.

Фассин вернулся к своему уравнению и набору программ-переводчиков. Он попытался применить одно к другому. В виртуальном

пространстве, проецируемом искалеченным биоразумом газолета на его собственный, картинка разделилась, и рядом с оригиналом появилась копия уравнения. Фассин смотрел, как в копии меняются местами и модифицируются символы, обретая стандартную насельническую форму записи. Символы там и там мигали и высвечивались, окрашивались в различные цвета, казалось, увеличивались, а потом вновь становились в ряд среди остальных знаков, по мере того как близился ответ.

Это и в самом деле было уравнение. Благодаря чьим-то словам Фассину смутно казалось, что искомое будет частотой и сигналом или чем-то подобным, но на самом деле, мол, это не так. А если и так, то истинную природу искомого скрыли — и очень странным образом.

По обе стороны разделенной картинки вспыхнули и замигали несколько последних частей. А в конце, неторопливо мерцая, появился ответ.

Он равнялся нулю.

Фассин уставился на него — на них.

Нуль в стандартной насельнической системе записи представлял собой точку с короткой черточкой под ней. На интерпретори V нуль обозначался косой чертой. В конце оригинала, тоже

неторопливо мерцая, стояла косая черта.

Точка с короткой черточкой под ней подмигнула ему с копии уравнения. Косая черта, разлегшись в конце оригинала, тоже неторопливо помигивала.

Фассин попробовал еще раз — результат тот же.

Он еще раз проверил картинку, снова извлек из нее скрытый код, — может, в первый раз системы процессора дали сбой.

Нет, никакой ошибки не было. Уравнение, которое он получил во второй раз, ничем не отличалось от первого. Но он и его решил на всякий случай.

Нуль.

Фассин рассмеялся. Он ощущал себя в противоударном геле внутри маленького стреловидного судна, его грудь и живот сотрясались. Внезапно ему было яркое видение: незнакомая планета, он стоит на скалистом берегу и ждет чего-то. Он перестал смеяться.

Нуль.

Итак, окончательный ответ — ничто. Он отправился на поиски в самый дальний угол галактики, а ответ все время был при нем и звучал так: «В жопу все». Только выражен был в математиче-

ских терминах.

Он снова принялся смеяться.

Ну что ж.

Еще одна вспышка, и снова над вершинами облаков, почти точно на севере и высоко. Крохотные огоньки, разбросанные здесь и там, осветили небо внизу под чем-то, только что отразившим свет. Немного фиолетового. Потом белое.

Несколько мгновений он разглядывал один и тот же участок пространства, ожидая увидеть еще что-нибудь. Что бы это ни было, находилось оно далеко. Если это оно же чуть раньше сверкало над горизонтом, то, должно быть, находилось высоко над экваториальной зоной на расстоянии в десятки тысяч километров.

Нуль. Вот тебе и на. Интересно, существовал ли где-нибудь настоящий ответ, не была ли его находка (которую случайно обнаружил Валсеир, а потом Фассин, сам того не ведая, взял с собой по окончании той давней экспедиции) частью целого набора отвлекающих ответов. Были ли другие ответы, кроме этого? Неужели миф о знаменитом преобразовании насельнического списка сводился к сотням ложных ответов?

Что ж, если так, то он не собирается их искать: он внес свою лепту в эти поиски. И даже в каком-

то смысле выполнил свою миссию, когда решил, что выполнить ее невозможно. Он запоздал, и результатом его поисков стала бессмыслица, шутка, почти оскорбление, но (и пусть попробуют сказать, что это не так) он сделал это.

Пора уже думать, как убраться с Наскерона или, по крайней мере, доставить информацию по месту назначения, хотя бы ради соблюдения формальностей. Поделиться пустячными известиями.

Еще две вспышки в космосе, неподалеку от места, где сверкнула первая группа. Одна крохотная искорка, одно протяжное сияние. Несколько мгновений спустя то, что выглядело как тяговый след корабля, засияло и стало смещаться, быстро набирая скорость.

Фассин пытался обнаружить какие-нибудь следы спутников, принадлежащих Совместному комплексу, или хоть что-нибудь меркаторийское на орбите Наскерона. Но похоже, не было ничего. Он сказал Аун Лисс, что попытается занять позицию между двумя спутниками наблюдателей — ЕК-4 и ЕК-5, но спутников уже не было. Удастся ли определить, где спутники должны были бы находиться, и через это вычислить положение микроспутника? Он предложил тогда запредель-

цам поместить его между теми двумя. Фассин заглянул в память газолета, пытаясь найти координаты спутников, отыскал их, а потом ввел местное время и свое нынешнее местоположение.

Нужная точка возникла, мигая, в его поле зрения — вдалеке за вершинами облаков, чуть смещенная к северу, в нескольких тысячах километров под тем местом, где недавно наблюдалась активность. Теперь ее было хорошо видно. Фассин решил отнестись к такой удаче как к доброму знаку и отправил сигнал о своем возвращении, чтобы по крайней мере выполнить обещанное, если нельзя сделать ничего другого. Он подождал немного, но подтверждения, не говоря уже об ответе, не последовало. Правда, на самом деле он и не ждал ничего.

Интересно, что осталось от Шерифской Окулы, спрашивал он себя, и надо ли пытаться доложить им о своем возвращении. Ему нужно было разобраться, что здесь переменилось с начала вторжения, узнать, считается ли он погибшим, ищут его или нет. Может быть, о нем вообще забыли средь всей этой кутерьмы.

Фассин снова рассмеялся. Ах, если бы так оно и было.

Как им сообщили, вторжение сил Отъединения Э-5 имело целью заполучить список и преобразование. Если это было хоть отчасти, хоть чуть-чуть правдой, а о его миссии стало известно оккупантам, то они, вполне вероятно, ищут его, ищут упорно, поскольку времени до прибытия Объединенного флота, который испортит им праздник, осталось всего ничего.

Уравнение с нулевым результатом в чем-то доставило Фассину облегчение. Информацию такого рода, как раздобытая им, не следовало разглашать всем и каждому. Если бы она говорила о точном местонахождении порталов, это знание (бесконечно ценное и, вероятно, бесконечно опасное), возможно, сокрушило бы его своей тяжестью. Он должен радоваться, что все обернулось шуткой. Если бы эти сведения содержали полезную истину, были бы тем, на что все надеялись, то, кому бы Фассин ни сообщил о своем открытии, тот для начала почти наверняка подверг бы его пытке, в лучшем случае разложил бы его мозг на составные части, убеждаясь, что он говорит правду, а потом убил бы его — для вящей уверенности в том, что он больше никому об этом не расскажет. Хотелось бы надеяться, что запредельцы окажутся более человечными, но

все равно риск был слишком велик.

Самое лучшее — передать полученные результаты в эфир, а потом попытаться исчезнуть, если удастся. Может быть, насельники дадут ему убежище.

Валсеир. Надо по меньшей мере дать знать своему другу-насельнику, что информация, которую все считали такой важной, на деле оказалась всего лишь пустяковым нуликом. А потом еще нужно сообщить Валсеиру, что из-за этой глупости покончил с собой его друг и коллега Лейсикроф. Да, не очень хорошие новости принес он с собой.

Фассин пробежал по новостному сайту штормрегаты. Соревнований шло меньше, чем обычно: это объяснялось повышенным интересом к войне и тем, что многих моряков, в мирное время занятых на газовых клиперах и штормтаранах, включили в экипажи дредноутов и других боевых кораблей. Но все же на планете проходило с десяток состязаний, и, если искать Валсеира на регате, поиски, возможно, будут долгими.

Он подумал, не связаться ли с городским администратором, чтобы договориться о транспорте (Айсула, скорее всего, через пару дней переведут домой — в город Хаускип, и Фассин мог бы сопро-

водить туда раненого насельника), но потом он решил, что нужно быть осторожнее.

Никто, казалось, не обратил на него особого внимания при сходе с «Протрептика», но это не значит, что его прибытия никто не заметил. Были ли сейчас на Наске какие-нибудь его соплеменники, другие наблюдатели или кто-либо еще? Кто-то (Валсеир? Черт, как стала подводить проклятая память), кто-то говорил ему, что среди насельников имелись разногласия по поводу списка — и даже по поводу их особого врожденного презрения к остальным обитателям галактики. *Мы не монокультура*. Кажется, это говорил Валсеир, да?

Есть ли группировка насельников, желающая ему зла или как-то подчиненная тому, кто желает ему зла?

Он связался со службой наблюдения за инопланетянами — раньше самой надежной — и открыл глобальную карту. Впервые на памяти Фассина она была абсолютно чистой. Если верить дисплею, на Наскероне не было ни одного живого инопланетянина. Видимо, включая и его самого, — а из этого вытекало, что его возвращение еще не было задокументировано энтузиастами, которые работали в этой службе.

Он услышал вызов — Кверсер-и-Джанат — и вернул карточку в боковой карман.

«Фассин, вас куда-нибудь подбросить?»

«Спешим прибавить: в пределах планеты».

«Корабль в нашем распоряжении. Мы перед вами в долгу».

«Что-то в этом роде».

«Не знаю, — ответил Фассин. — Я как раз думал об этом. Вам известно что-нибудь новое о вторжении и войсках заморышей?»

«Как раз сейчас поступают сообщения о чем-то вроде срыва какой-то конференции».

«Коротко говоря, происходит перестрелка».

«Я хотел бы найти моего друга Валсеира, — сказал Фассин. — Я послал вызов, но ответа не получил. Я думал, что смогу найти его на…»

И тут он вдруг вспомнил о летайкрыле «Шоймерит», о насельниках, висящих на длинных тросах за широким, длинным, гибким крылом, которое вечно следует своим курсом в высоких небесах Наскерона. Летайкрыло. Валсеир может оказаться там — он сам говорил об этом.

«Да, — сказал Фассин истиннодвойне. — Я знаю, куда вы бы могли меня подбросить».

«Но вы понимаете, что речь идет о путешествии в атмосфере. Быстро не получится».

«Начать с того, что прежде мы прибывали на Наскерон незамеченными, но теперь отпущенная нам доля везения исчерпана. Понимаете, это же корабль воэнов. Его появление многих заставляет нервничать. Вне всяких сомнений».

«Ну что ж, как получится», — ответил Фассин.

Меньше чем час спустя, когда они неслись сквозь стволы туч ниже верхнего дымчатого слоя, начали взрываться боеголовки с антивеществом. Одна взорвалась прямо над ними.

— Ух ты!

— *Ты посмотри на нашу тень!*

Минуту спустя вспышка от взрыва, уничтожившего, как они узнали позднее, огромный корабль «Люсеферус VII», отбросила гигантский ореол света на весь западный небосклон. Кверсер-и-Джанат с готовностью признались, что на них это произвело сильное впечатление.

«Протрептик» безмятежно летел своим курсом.

* * *

Первые двенадцать кораблей Объединенного флота пронеслись через систему Юлюбиса со скоростью лишь на один процент ниже световой — километровые черные сигары с секциями

быстро вращающихся колец, выбрасывавшие пачками ракеты, снаряды с разделяющимися боеголовками, космические мины, оставлявшие после себя невидимые беспилотные ракеты и самоуничтожающиеся пускатели. Они миновали всю систему меньше чем за четыре часа, дважды пересекли орбиту Наскерона меньше чем за час, а орбиту Сепекте — за пятнадцать минут.

Отстав от них на миллиарды километров, держа тот же курс и тормозя изо всех сил, шел «Манлихер-Каркано» в составе основной части Объединенного флота. Таинс Йарабокин плавала в своем коконе. На виртуальном мостике стояла почти полная тишина: весь экипаж беззвучно лежал, прислушиваясь к редким сигналам с двенадцати кораблей авангарда.

Таинс поражалась тому, что нервы у нее разгулялись. Она чувствовала, что ее тело стремится выдать все классические симптомы состояния «бей или беги», а биосистемы кокона упрямо гасят каждый из них. Сомнений в том, что флот выполняет важную миссию, у нее не было. Эта миссия бесспорно станет самой рискованной из тех, в каких ей приходилось участвовать. У Таинс было достаточно высокое звание, и потому перед отправкой ей не вправляли мозги, внушая мысль

о стратегической важности того, что им предстоит, но, несмотря на это, она удивилась, насколько сходны ее теперешние чувства с теми, что она испытывала во время первых боевых заданий. Не важно, сколько боев у вас позади, — вам никогда не удастся полностью перекрыть приток адреналина (все сходились на том, что, как только предстоящая схватка перестанет вызывать у вас эмоции, вы либо умрете, либо подадите в отставку), но сегодняшние чувства Таинс были мучительно похожи на ощущения при первых ее заданиях.

К тому же ее нервное возбуждение будет где-то отмечено. Даже если в настоящий момент военврач не наблюдал за симптомами ее жизнедеятельности, компьютерная программа зафиксирует ее теперешнее тревожное состояние, что затем вызовет проверки. Никакой личной жизни. Что ж, она знала это, когда шла в армию.

Таинс заставила себя подавить мысли об этих тревожных, чуть ли не стеснительных чувствах и принялась считывать данные, поступающие с кораблей авангарда.

От того, что обнаружили или не обнаружили эти двенадцать кораблей, пересекая систему на субсветовых скоростях, будет зависеть, как она

проживет оставшуюся часть жизни.

В последние несколько дней в системе фиксировались какие-то странные всплески энергии и тяговые следы, хотя ничто не могло сравниться с внезапным столкновением вокруг Наскерона несколько дней назад. Более двадцати взрывов антивещества. Все, кроме одного, ровным волнистым кругом распределились вокруг планеты. Они сдетонировали слишком далеко от газового гиганта, чтобы нанести ему или его обитателям сколь-нибудь значительный ущерб. К тому же взрывы были какие-то беспорядочные, словно взорвались не боеголовки, нанося максимальный ущерб противнику, а скорее двадцать очень больших кораблей, на которых одновременно отказала система контроля за В/АВ-оружием. Затем минуту или две спустя на расстоянии менее световой секунды от Наскерона последовал еще более мощный взрыв АВ, характер которого отвечал тому громадине-кораблю, который они с содроганием засекли раньше.

А после этого ничего, кроме разве что двусмысленных указаний на возможное бегство.

Одно правдоподобное объяснение, отвечавшее большинству наблюдавшихся признаков (никто еще пока не предложил объяснения, которое

отвечало бы всем признакам), состояло в том, что плохие ребята делают ноги. Никто из командования флота на самом деле не верил в эту версию (силы заморышей преодолели десятилетия пространства, чтобы добраться до Юлюбиса, а эти ребята были не из тех, кто пускается в бегство, даже преодолев несколько световых недель, верно?), но она относилась к числу самых правдоподобных.

Сведения, которых они ждали, должны были подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Линейный крейсер «88», флагман авангарда, собирал разведданные в реальном времени со своих кораблей, выстроившихся клином, и передавал основным силам флота. Сообщалось о трех тяжелых кораблях, находящихся в зоне действия локаторов, но за пределами дальности стрельбы передового истребителя. Двум идущим сзади крейсерам велели скорректировать траектории полета и приготовить оружие дальнего боя, управляемое и неуправляемое. Утечка информации к противнику была очень невелика. Возможно, причина заключалась всего лишь в хорошей дисциплине или в том, что реальные возможности техники превосходили расчетные. Фланговые крейсеры и истребители сообщили о

нескольких ракетных платформах, которые открыли по ним огонь, не причинивший на такой скорости никакого вреда. Много минных полей. Следы АВ, все еще свободно плавающего вокруг Наскерона, характер обломков точно отвечают двадцати кораблям, взорвавшимся одновременно за восемь дней до этого. Одно большое поле обломков все еще расширяется и смещается в сторону от газового гиганта; отвечает уничтоженному исполину-флагману.

Показались другие малые корабли противника, ближайшие из них, реагируя на появление Объединенного флота, ведут огонь из лучевого оружия. Попаданий нет. Истребитель «Бофорс» прошел в тысяче километров от корабля приблизительно такого же размера и идентифицированного как вражеский, прежде чем противник успел его обнаружить; корабль поражен и уничтожен мощным рентгеновским лазером, расположенным в поясной фазово-модуляционной башне, — противник даже не успел прореагировать.

Прошли половину системы. По-прежнему только те три большие цели. Должны быть сотни.

Четыре корабля в хвосте передового отряда без труда взяли под прицел и уничтожили некоторые

из объектов, идентифицированных головными и срединными кораблями, одновременно сенсоры дальнего действия прощупали широкий сектор пространства на окраинах системы и за ее пределами, в направлении Отъединения Э-5. Было получено изображение следа в длину: основным флотом он наблюдался только под углом в девяносто градусов.

Тяговые следы. Сотни тяговых следов. Тысяча кораблей. Большинство направляются домой по траектории, образующей угол чуть острее прямого, что и позволило им в последние шесть-семь дней скрывать свои следы от основных сил флота.

Полчаса спустя: это не военные действия, вечеринка. Передовой отряд почти миновал систему и теперь прибег к экстренному торможению, чтобы вернуться через несколько десятков дней; малым отрядам между ними и основным корпусом флота приказано отказаться от высокоскоростного прохождения по той же схеме и начать сбрасывать скорость так резко, как позволяют параметры каждого корабля.

По всем признакам в системе почти не осталось вражеских кораблей, и основная часть флота заморышей на полных парах мчалась домой почти

по той же траектории, по которой заявилась. Даже три большие цели набирали теперь скорость, двигаясь в ту же сторону, что и спасающиеся бегством силы вторжения. Несколько дюжин слабых следов, несомненно, принадлежали малым, легким кораблям, тоже припустившим домой. Конечно, предстоит кое-какая работа по расчистке завалов — тут наверняка оставлены всевозможные мины и автоматические снаряды с целью задержать их, пока флот противника спасается бегством, — но никакого генерального сражения, никакой мегабитвы в системе Юлюбиса уже точно не произойдет.

Они получили приказ восстановить власть Меркатории в системе Юлюбиса любой ценой и удержать ее. Вдогонку за отступающим флотом можно послать отряд из десятка легких и быстрых кораблей, чтобы тревожить арьергард противника, пусть, мол, убираются домой поскорее. Но погоня всем флотом, в расчете на решающее сражение, исключается. Они уже выполнили приказ. Им было запрещено подвергать достигнутое малейшему риску.

Командование праздновало викторию. Таинс лежала, свернувшись клубочком в своем коконе, и слушала коллег, у которых от счастья и явного

чувства облегчения развязались языки. К ней обращались разные офицеры — кто-то произносил хвастливые речи о том, что одно только их приближение, мол, обращает в бегство флот в три раза крупнее, кто-то говорил о своем разочаровании — жаль, что они не попали в передовой отряд, чтобы поучаствовать хоть в каких-то боях, черт побери, кто-то разглагольствовал о том, как их будут встречать после прибытия к Юлюбису, — наверное, как героев. Таинс пыталась отвечать сочувственно, покровительственно — страхи позади, опасности более не существует — и все время притворялась, делая вид, будто сожалеет, что обошлось без хорошего сражения.

«Вице-адмирал?»

Перед ней появилось изображение адмирала Кисипта, автоматически вытеснившее все картины праздника на корабле.

«Да, господин адмирал». Она попыталась отвлечься от неприятного ощущения, одолевавшего ее.

«Вы должны быть довольны. Нам не придется превращать вашу родную систему в поле битвы».

«Конечно, господин адмирал. Хотя они наверняка понаставили тут всяких мин».

«Наверняка. И я на всякий случай держу в полной боевой готовности тралы в пространстве между нами и системой. — Кисипт помолчал. Голова старого воэна, разглядывавшего Таинс, чуть наклонилась. — Вероятно, вы сильно волновались о том, что может произойти, когда мы доберемся до системы Юлюбиса. Верно?»

«Пожалуй, господин адмирал». Вероятно, подумала Таинс, он уже в курсе — знает, как она совсем недавно нервничала, отсюда и этот разговор (даже своего рода экзамен).

«Так. Ну что ж, судя по предварительным результатам, они тут не очень наворотили. Скоро вы сможете отдохнуть. Вы нам будете нужны главным образом для связи и официальных церемоний. — Адмирал улыбнулся. — Не возражаете?»

«Конечно нет, господин адмирал. Благодарю».

«Прекрасно. — Адмирал демонстративно обвел взглядом другие лица, расположенные вокруг его собственной иконки. — Я, пожалуй, поговорю кое с кем еще, нужно их успокоить и напомнить, что у нас впереди еще есть дела. Вольно, вице».

«Так точно, господин адмирал».

Изображение Кисипта исчезло. Таинс не стала никого вызывать на экран и вместо социального

пространства обратилась к тактическому.

«Что со мной стало? — подумала она, глядя в темные глубины тактического пространства, видя и не видя, как двигаются и медленно расширяются цветные линии, группы фигур, группы кораблей, несущихся в глубоком космосе на границе системы Юлюбиса. — Я жаждала настоящей битвы. Смерти и разрушения. Я хотела смерти и разрушения. Я хотела получить возможность умереть, убивать, возможность умереть…»

Экипаж вокруг нее праздновал победу, а она вперила взгляд в жуткую пустоту.

«Что со мной стало?»

* * *

Фассина грызло беспокойство. Он находился в «Протрептике», который двигался по поясам и зонам Наскерона, направляясь к летайкрылу «Шоймерит» высоко в чистом газовом пространстве, между двумя облачными слоями пояса А. Бывший корабль воэнов разрезал облака, мчась сквозь атмосферу и держась чуть ниже срединного уровня туч. Кверсер-и-Джанат развлекались — пилотируя корабль по очереди в реальном времени, соревновались в срезании верхушек ростдеревьев. Эта игра сопровождалась криками

и порой легкими столкновениями, которые сотрясали весь корабль.

Фассин оставил их развлекаться, а сам поплыл в хвост корабля — туда, где проводился допрос, а потом произошла схватка. Он оглядел помещение, углубления сидений, остатки ремней, царапины и выгоревшие места на полу, потолке и стенах; он никак не мог вспомнить, что здесь случилось, и чувствовал разочарование, даже депрессию. Он поплыл назад на мостик, но остановился, чтобы заглянуть в командирскую каюту рядом с кабиной пилотов.

Каюта отличалась строгостью и почти полным отсутствием мебели. Фассин подозревал, что из помещения кое-что пропало после визита сюда пытливых любителей инопланетных кораблей в Квайбрае. Он посмотрел на квадрат на стене — что-то отсюда сняли. «Протрептик» легонько тряхнуло. С мостика — через несколько открытых дверей и короткий коридор — донеслось приглушенное «ух ты!». Фассин почувствовал, как и в нем что-то содрогнулось: то ли он поплыл, то ли испытал нечто вроде дежавю.

«Я родился на водяной луне», — подумал он вдруг, понимая, что цитирует что-то или кого-то, но не зная кого или что.

Корабль содрогнулся еще раз. С мостика донеслись смешки. Голос был высоким.

Нуль.

«Эй, Фассин! — послали Кверсер-и-Джанат. — Вас вызывают. Слышите?»

«Кто?» — спросил он.

«Не сказали».

«Человеческий голос, женский. Подождите — спросим».

Нуль, думал Фассин. Нуль. Вот в чем ответ, будь он проклят.

«Она назвалась — Аун Лисс».

«Вам это что-нибудь говорит?»

* * *

На летайкрыле «Шоймерит», тонком лезвии, рассекающем коричневатое небо, никаких следов Валсеира не обнаружилось. Истиннодвойня, пообещав вернуться, отправилась собирать ростдеревья. Фассин в ожидании сигнала устало повел свой газолет вдоль шеренги задумчивых насельников, висящих под крылом.

В конце крыла отчетливо виднелся другой газолет. Фассин заметил его с расстояния в несколько тысяч метров. Другой аппарат засек его в то же самое время и отправил:

«Фассин?»

«Нет, я — боеголовка. Кто ты?»

«Аун. Я вижу, у тебя пистолет».

Он прихватил пистолет из оружейной кладовой «Протрептика», которую не обнаружили любители из Квайбрая. Кверсер-и-Джанат не возражали. Напротив, они дали ему весьма подробную консультацию относительно возможностей и характеристик имевшегося там оружия, тогда как ему нужно было всего лишь что-нибудь надежное и мощное, чтобы защитить или убить себя.

И теперь своим исправным манипулятором Фассин держал короткоствольную штуковину, которую Кверсер-и-Джанат нарекли «аргумент ГНУ» — Грубый, Но Убедительный. Приближаясь, он демонстративно держал заряженное оружие перед своим первичным сенсорным поясом.

«Да, — отправил он. — Это сувенир».

Он сблизился с другим газолетом — тот был приблизительно такого же размера, что и его, только в гораздо лучшем состоянии и сориентирован на девяносто градусов: вертикальная ось длиннее горизонтальной. Он размещался в области спокойного газа, защищенный открытым алмазным колпаком, который двигался за деся-

тикилометровым крылом, близ его левого борта. Фассин настороженно (ничего другого ему и не оставалось) отметил про себя, что каждая из двух приступок по краям оболочки, защищающей другой газолет, занята крупными насельниками, по виду слишком молодыми, чтобы посвятить себя (пусть временно) скоростной и высотной созерцательной жизни. Рядом с приступками было несколько крюков для крепления тросов, все пустые.

«Давай сюда», — поступило из другой машины, которая подалась вперед, так что ее нос уперся в поверхность алмазного щита изнутри. Он сманеврировал и вплыл внутрь, где его внезапно качнуло при переходе в зону спокойного газа из турбулентных потоков снаружи.

Они почти касались друг друга. Бóльшая часть обращенной к нему поверхности машины стала прозрачной, и он увидел кого-то, определенно похожего на Аун Лисс, лежащую в противоперегрузочном кресле. Фассин увидел, как она с трудом подняла руку для приветственного жеста; мрачное выражение на ее лице сменилось улыбкой. Он по мере возможности растонировал поверхность своего газолета, хотя результат вышел так себе.

Фассин даже не попытался улыбнуться в ответ.

«Ты можешь не целиться в меня из этой штуковины? — отправила она. Он снова увидел улыбку на ее лице. — Насколько понимаю, я впервые говорю тебе такое…»

«Нет», — отправил он, продолжая держать ее под прицелом.

«Ну, ладно, — сказала она, улыбка исчезла с ее лица. — С возвращением. Как попутешествовал — хорошо?»

«Нет. В твоем аппарате есть манипулятор?»

«Есть. Не буду утверждать, что я большой специалист, но…»

Он подал свой газолет вперед, пока не оказался в считаных сантиметрах от нее.

«Поговори со мной по-нашему».

Он увидел, как она нахмурилась, потом улыбнулась неопределенно.

«Хорошо, — отправила она. — Хотя это, наверно, будет…» Он увидел, как она перевела взгляд на свое правое предплечье, тяжело лежащее на подлокотнике кресла. Вид у нее был как всегда, но в то же время какой-то другой. Волосы на этот раз темные — не светлые, и не каштановые, и не белые. Из-за высокой гравитации и попытки перевести взгляд на предплечье, пока она

разбиралась с незнакомым интерфейсом манипулятора, челюсть у нее отвисла. Он уже почти не сомневался, что перед ним Аун, но все еще был готов в любую секунду ее пристрелить.

Манипулятор неровно, неуверенно шевельнулся. Фассин убрал свой в сторону, продолжая держать ее под прицелом. Два крупных насельника по обеим сторонам не шелохнулись. Манипулятор прикоснулся к корпусу его маленького газолета, пальцы неловко разошлись.

Потом он увидел, что ей от напряжения пришлось закрыть глаза. Пальцы начали отстукивать по исцарапанной, почти нечувствительной коже газолета: ВВВ()… ВССС() ВСЩ (). Он видел гримасу разочарования на ее лице, которое затем напряглось, нахмурилось, веки плотно сжались — она изо всех сил пыталась заставить манипулятор делать то, что ей было нужно. Он почувствовал, как слезы снова просятся на глаза. И тем не менее он все еще мог пристрелить ее или себя — кого угодно.

ВСЕ ЕЩЕ СРДШСЯ? — получилось у нее наконец, глаза ее открылись, по лицу расплылась радостная улыбка облегчения — она была довольна собой.

Он выключил пистолет.

Они плыли вместе в шаре спокойного газа внутри алмазного колпака, закрепленного на прогнувшемся тросе за тонким лезвием летай-крыла.

«Нет, это не мы. Мы тут ни при чем. Невиновны. И даже не заморыши, хотя эти сволочи настоящие убийцы».

«Кто же тогда?»

«Это Меркатория, Фасс. Они убили твою семью».

«Что? Зачем?»

«Затем, что они узнали: клан Бантрабал сохранил проекцию, посланную для разговора с тобой. Они должны были стереть ее из субстрата по завершении разговора, но не сделали этого. Эта штука была не вполне ИР, вроде того, что послали иерхонту, но имела с ним много общего — серьезный шаг на пути к настоящему ИР, и к тому же система могла совершенствоваться. Вот зачем. А атаки, произведенные нами и заморышами, дали им предлог, но даже если бы истина выплыла наружу, это лишний раз подчеркнуло бы, как серьезно они относятся к запрету на любые ИР».

Да, в ее словах есть логика, подумал Фассин. Старик Словиус всегда искал чего-нибудь, что дало бы ему преимущество над другими кланами.

Именно благодаря этому Бантрабал с годами и занял такое высокое положение. Это походило на правду — Словиус был способен на что-нибудь этакое, да и своих подчиненных мог вынудить. И конечно, от Меркатории можно было ждать чего угодно.

«А откуда тебе все это известно?» — спросил он и увидел, как она покачала головой.

«Шпионы повсюду, Фасс, — чуть ли не с грустью сказала она ему. — У нас много друзей».

«Не сомневаюсь».

Верил ли он ей? Ну, может, до следующего подобного случая.

Запредельцы знали о списке, о преобразовании, впрочем об этом было известно многим задолго до того, как стало известно ему. Он понял, на что случайно натолкнулся во время той давней своей экспедиции, из объяснений проекции адмирала Квайла во дворце иерхонта. К этому времени запредельцы давно уже отправили собственный флот в систему Затеки, полагая (как и джелтики, которые первыми расшифровали информацию, добытую им, и оценили всю ее важность), что преобразование находится там, на Втором корабле. И они уже потерпели поражение от воэнов. Половина этой долбаной галактики вертелась

вокруг Затеки в поисках корабля, которого там не было, которого, может, вообще никогда не было, а он и слыхом об этом не слыхивал.

«Могли меня попросить, я бы поискал для тебя, — сказал ей Фассин. — Я начал бы поиски преобразования на Наскероне двести лет назад, если бы вы, ребята, удосужились меня об этом попросить».

Она долго смотрела на него — у нее на лице застыло выражение… он не был уверен — печали, сочувствия, сожаления, отчаяния?

«Что?» — отправил он.

«Ты хочешь знать правду?» — спросила она.

«Правду».

«Фассин. — Она покачала головой. — Мы тебе не доверяли».

Он уставился на нее.

Фассин сообщил ей о том, что, по его мнению, он открыл. Она ему не поверила.

«Ты полетишь с нами?»

«А это возможно? Разрешат?»

«Конечно, если захочешь».

Он задумался.

«Хорошо, — отправил он, потом подумал еще. — Хотя мне нужно еще увидеть кое-кого».

* * *

Когда появился гость, Сетстиин купался. В последнее время это вошло в не лишенную приятности моду. Его слуга сообщил хозяину, что его хочет видеть наблюдатель Фассин Таак. Сетстиин был удивлен и обрадован, а еще испытал своего рода восхитительное, хотя и мрачноватое предчувствие.

— Скажи наблюдателю Тааку, что я очень рад его видеть, — сказал Сетстиин слуге. — Попроси его подождать в верхней библиотеке. Сделай все, чтобы он чувствовал себя там как дома. Я приду к нему через десять минут.

— Фассин! Я так рад вас видеть — даже и сказать не могу! Мы уже думали… понимаете, опасались худшего, клянусь вам. Где же вы пропадали?

Фассин, казалось, не знал, что ответить.

— Я думаю, если рассказать, то вы мне не поверите, — сказал он наконец тихим голосом.

Маленький газолет парил в середине сфероида библиотеки, вдоль стен и на полу стояли стеллажи с кристаллами. Свет проникал внутрь сквозь прозрачный потолок, а единственная огромная дверь выходила на широкий балкон без перил.

Дом Сетстиина находился в городе Аоун, в середине газового пространства экваториальной зоны. Мимо широкого окна медленно проплывали темно-оранжевые и желтые облака.

— Вы так думаете? — сказал Сетстиин. — А все же попробуйте, уж будьте так добры. И умоляю, скажите, могу я что-нибудь для вас сделать? Проходите, присаживайтесь.

Они уселись на углубленные сиденья, между которыми стоял низкий столик. Рядом с одним из кресел стоял другой стол, куда больше и солиднее.

— История у меня для вас длинная, — сказал Фассин.

— Такие я и люблю! — воскликнул Сетстиин, подтыкая под себя длинные одеяния.

Фассин задумался на минуту, словно собираясь с мыслями. Сетстиину показалось, что человек стал каким-то вялым, более медлительным, чем раньше.

Фассин рассказал сурлу о своих приключениях с того времени, как они виделись в последний раз на борту планетарного протектора (Отрицаемый) «Изавт». Еще он, извинившись за возможную медлительность и забывчивость, рассказал чуть подробнее о том, что делал до этого; ему многое

пришлось пережить в последнее время, и некоторые воспоминания, потерявшись, с трудом находили путь на поверхность, к свету.

Он не сказал в точности, что́ ему приказано было искать и добыть, и мог лишь в самых общих словах описать насельнику случившееся, после того как воэны атаковали «Велпин», но все же он рассказывал настолько подробно, насколько считал возможным.

— Не понимаю, — сказал насельник. — Вы хотите сказать, что… были в другой звездной системе? На другой стороне галактики? Я… я понять не могу…

— Я бы и сам отнесся к такому рассказу более чем скептически, — сказал Фассин. — Я провел все тесты, какие только мог придумать, но я определенно был в тех местах, какие называл мне капитан-истиннодвойня.

— Знаете, сейчас можно творить чудеса с ВР — не отличишь от истинной, — неуверенно сказал Сетстиин.

— Знаю. Но то, что видел я, было истинным или намного превосходило самую расчудесную виртуальную реальность.

Сетстиин помолчал несколько мгновений.

— Знаете — только поймите меня правильно, —

вид у вас очень уж побитый, Фасс, дружище.

Насельник разглядывал всевозможные вмятины и царапины на корпусе маленького газолета, появившиеся за последние несколько месяцев. Частично вышедший из строя, слегка деформированный левый манипулятор неловко висел сбоку стрелоида. Фассину было чуть стыдно за внешний вид своего газолета, словно он явился в библиотеку богатого господина, одевшись в грязное тряпье.

— Да, — согласился он. — Я не собираюсь притворяться, будто моя память осталась такой, как прежде. Пострадал накопитель газолета, да и мой собственный мозг стал работать хуже. — Он рассмеялся. — Но я знаю, что видел, чувствовал, слышал и вкушал. Я стоял на скалах, смотрел, как набегают на берег волны соленого океана, и я на самом деле был там, Сетстиин. Я там *был*.

Насельник наморщил свою сенсорную мантию и произвел небольшие движения вверх-вниз, эквивалентные дыханию.

— Не сомневаюсь, вы верите в то, что верите, Фассин, а я всегда был склонен верить вам. Однако многие другие не будут столь снисходительны. Не думаю, что стоит поднимать из-за этого сильный шум.

— Возможно, вы правы.

— И… я хочу сказать… Если эта червоточина так засекречена, зачем они возили вас… якобы возили на другой конец галактики, вообще куда-нибудь за пределы системы Юлюбиса?

— Чтобы доказать, что этот миф — реальность. Кое-кто считает… кое-кто из насельников считает, что настало время перемен. Возможно, им неизвестны все детали, но они хотят, чтобы правда выплыла на свет. Никто не желает брать на себя ответственность за *осведомление* ненасельника, но какого-нибудь недоумка можно подтолкнуть в верном направлении. И я полагаю, что недоумок номер один — это я. *Отрицаемый* недоумок номер один.

— А этот… уракапитан? Кто, вы говорите, он такой?

— Истиннодвойня.

— Да, я слышал, они часто бывают уракапитанами. Но понятия не имел, что они морочат другим мозги, делая вид, будто путешествуют в такую даль. А как его — их зовут?

— Простите, но я не могу обмануть их доверия.

— Да, конечно, конечно. — Сетстиин, казалось, задумался. — Значит, если рядом с Наскероном есть эта червоточина, то кому она принадлежит?

Кто ее контролирует? И непременно нужно задать такой вопрос: где именно она находится? Порталы червоточин — они ведь такие большие, заметные — разве нет?

— Они могут быть и довольно маленькими. Но вы правы, их давно бы уже кто-нибудь заметил.

— Да, согласен.

— И я думаю, ими управляет какой-нибудь клуб или братство, или что-то в этом роде, отвечающее за оборону планеты.

— Да, я полагаю, это… довольно очевидно.

— Потому-то я и пришел к вам, Сетстиин, — сказал Фассин. — Я подумал, может быть, вы что-нибудь слышали об этом, о группе насельников, которые пользуются этими порталами.

— Я? — Насельник был словно удивлен, чуть ли не потрясен. — Да нет же. То есть я хочу сказать, что обычно ни в чем таком не участвую. Но это было бы нечто из ряда вон, верно? Я хочу сказать, если бы выяснилось, что здесь все время был этот ход. Правда?

— Существуют истории, мифы обо всей этой сети.

— А насельнический список? — Сетстиин помолчал, потом продолжил: — Вы ведь его искали все это время?

— Не список, а преобразование, которое будто бы должно содержать ключ к списку, — сказал Фассин.

— И вы его нашли?

Фассин помолчал несколько мгновений. Сетстиин смотрел, как маленький газолет демонстративно разглядывает библиотеку.

— Тут у вас можно говорить? Я хочу сказать — тут безопасно? — спросил Фассин.

— Хотелось бы надеяться, — сказал Сетстиин. — А в чем дело?

— Мы могли бы перейти на сигналы, Сетстиин? — спросил Фассин. — Для меня это теперь труднее, чем говорить, так что вам это, возможно, не очень понравится, но так будет безопаснее.

«Конечно», — отправил насельник.

«Понимаете, я думаю, что, возможно, нашел преобразование», — осторожно послал человек.

«Правда?»

«Правда».

«Вы ведь понимаете мой скептицизм».

«Он вполне естествен».

«И где же вы нашли это преобразование?»

«На теле мертвого насельника, в могилайнере итинов на краю галактики».

«Ух ты. И как же он там оказался?»

«Он был в чем-то вроде сейфового ларца».

«И кто же его туда положил?»

«Не знаю».

«И что же собой представляет это преобразование?»

«Это уравнение».

«Математическое»?

«Да. Оно отчасти выглядело так, как многие и предполагали, — как код и частота для передачи некоего сигнала, — но в конечном счете это было уравнение».

«И предполагалось, что оно содержит ключ к насельническому списку?»

«Так говорят».

«Гм. Но?»

«Но когда я решил это уравнение, знаете, что получилось?»

«Что? Понятия не имею. Расскажите».

«Оно свелось к ничему. К нулю. Преобразование на самом деле оказалось хитрой математической шуткой».

Фассин просигналил смех.

Сетстиин разделил его веселье.

«Понимаю. Значит, если вас посылали именно за этим, то можно сказать, что вы выполнили свою миссию, хотя и не так, как вам этого хоте-

лось. Верно?»

«Почти то же самое думал и я».

«Ну, по крайней мере, вы избежали неприятных последствий вторжения, от которого пострадали ваши соплеменники. Я думал о вас и потому наблюдал за развитием событий. Все это очень грустно. И оно еще не кончилось. И продолжает оказывать свое воздействие даже на нас. Только вчера вокруг Наскерона происходили взрывы. Вы их не видели?»

«Видел. До меня дошли слухи, что оккупанты, кажется, пустились в бегство».

«Возможно, это поработали наши, из системы защиты планеты. Конечно, они, как обычно, все отрицают. Гм, боюсь, что даже если бы я знал больше, то не смог бы об этом говорить. Вы меня понимаете».

«Конечно. Итак, — отправил Фассин, — вы об этих ходах ничего не знаете? И никогда о них не слышали? Я думал, что при ваших связях…»

«Для меня это все в новинку, Фассин. Может, какая-нибудь малая группа и контролирует такие вещи, хотя, если говорить откровенно, мне в это трудно поверить».

«Понятно», — отправил Фассин и замолчал.

«Что?» — послал Сетстиин.

«Мне тут, — неторопливо ответил Фассин, — в голову пришла одна мысль».

«Мысль? Интересно».

«А что, если результат преобразования — не шутка?»

«Не шутка? Но ведь в итоге — нуль. Какая от него польза?»

«Понимаете ли, — отправил Фассин, и его маленький газолет чуть подался в сторону Сетстиина на углубленном сиденье. — Я раньше думал, какая польза может быть от этого уравнения по прошествии стольких лет? Как оно может сообщить что-нибудь полезное? Частота и код, который должен быть передан на этой частоте, — вот и все, остальное не имело смысла; тогда порталы могли быть спрятаны где угодно в системах из списка и активировались бы только при необходимости. И потому тот факт, что мы имеем дело с уравнением, делал его в некотором роде заранее бессмысленным, до любых попыток его решить».

«Я вас не понимаю, но то, что вы говорите, звучит на удивление убедительно».

«И потом, все эти кручения штопором, когда корабль проходил через порталы. То, что у меня была отключена сенсорика, вполне понятно, но

зачем все эти спиралевидные траектории?»

«Да, понимаю. На корабле».

«А возьмите тот факт, что насельническое сообщество все же похоже на настоящую цивилизацию».

«Вот теперь я потерял нить рассуждения, Фасс».

«Вы явно владеете технологиями, которые нам до сих пор непонятны».

«Ну да, мы такие. Мы, насельники, да? Ай-ай, мне кажется, все это убавляет мои положительные баллы».

«Понимаете, если смысл преобразования такой, как всегда думали, то координатные поправки, которые вы должны внести в каждый пункт насельнического списка, чтобы обнаружить, где расположены порталы червоточин относительно обозначенных в списке изначальных положений, сводятся к…»

Фассин поднял руку маленького газолета, приглашая насельника ответить. Абориген наморщил свою сенсорную мантию, которая приобрела несколько необычный цвет.

«Прошу прощения, Фассин, но у меня голова кругом».

«Да ни к чему не сводятся! — отправил Фас-

син. — Сводятся к нулю».

«Да? Неужели? Уверен, это и вправду очаровательно».

«А на чем был основан исходный список? Что он давал?»

И снова он предоставил насельнику возможность ответить, но тот промолчал.

«Он давал координаты насельнических газовых гигантов!» Фассин сопроводил это предложение чем-то вроде фанфар.

«Понимаю. Но я и в самом деле немного не в себе, Фасс. Вы не возражаете, если я?..»

Сетстиин поднялся; его слегка покачивало, когда он вразвалил к своему столу. Он начал открывать ящики и дверцы, потом повернулся.

— Вы продолжайте, продолжайте, — сказал он. — Я тут пока поищу свои лекарства.

Абориген, роясь в ящиках, просигналил своему слуге, посылая сигнал ниже уровня стола, незаметно для человека в его газолете:

«Мистер Таак вооружен чем-нибудь?»

Мгновение спустя:

«Нет, сэр. Дом, естественно, проверил его автоматически. Кроме манипуляторов, у него нет ничего».

«Понятно. Это все».

Стрелоид повернулся, чтобы быть на линии сигнала, посылаемого насельником.

«Для списка вовсе не нужно преобразование, — сказал Фассин Сетстиину. — Надо только знать, что планеты и есть места нахождения порталов».

«Правда? Ну и ну. И как же это может быть?»

Маленький газолет поднялся над углубленным сиденьем.

«Ваши порталы располагаются внутри ваших планет, Сетстиин», — спокойным голосом сказал Фассин.

Насельник замер, потом открыл последний ящик.

— Но это же просто смешно, — вслух произнес он.

— Точно в центре, — продолжал Фассин, тоже вслух. — Вероятно, в центре всех газовых гигантов, на которых вы обитаете. Со времени составления списка прошло всего — сколько? — два миллиона лет, да? Но это было давно, и уже тогда этот список являлся историческим документом. Я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что теперь уже все насельнические планеты соединены между собой.

— Прошу прощения, Фассин, — сказал Сет-

стиин, — но вы этим не убедите даже ребенка. Все знают, что для размещения действующего портала червоточины необходимо плоское пространство.

— В этом-то вся и прелесть. Самый центр планеты — *плоский,* — сказал Фассин. — В центре планеты, в центре любого свободно плавающего тела: солнца, кремниевого шара, газового гиганта, да чего угодно, — на вас со всех направлений воздействуют равные силы. Это все равно что находиться на орбите в невесомости. Единственная трудность состоит в том, как добраться до центра планеты, или солнца, или чего угодно. Давление там колоссальное, его и представить себе почти невозможно, в особенности на газовом гиганте размером с Наскерон, но в конечном счете проблема чисто техническая. Ведь у вас за плечами десять миллиардов лет, и вы поднаторели в таких вещах. Все, что возможно, вы научились делать с легкостью, еще когда галактика была в четыре раза моложе, чем теперь. И потому вам нет нужды располагать порталы в космосе, где их может увидеть каждый и воспользоваться ими или же атаковать их. Ну а вам, чтобы воспользоваться ими, даже не нужно покидать собственную планету: вы всего лишь добираетесь до какой-нибудь

хорошо спрятанной шахты, ведущей к самому центру. Может быть, шахты расположены на полюсах. Пожалуй, это самое очевидное место. А если на борту вашего корабля находится кто-то, способный проследить, куда вы направляетесь, то вы начинаете закладывать эти безумные спиральные виражи и выводите на экран вид космического пространства, и никто не поймет, что корабль направляется вниз, а не вверх, что он летит к центру планеты, а не в космос.

— Ну вот и приехали, — сказал Сетстиин, вытаскивая большой пистолет.

Вдруг совершенно спокойный, он замер, прицелился и выстрелил, прежде чем маленький газолет успел среагировать.

Лучи разорвали стрелоид на части, пробили его и отбросили к стеллажу с библиотечными кристаллами. Он полетел кубарем, а потом стал крутиться на месте с каждым новым выстрелом Сетстиина; пистолет плевался огнем, осколки разлетались по всей библиотеке. На сверкающие стеллажи обрушился град обломков, которые ударялись в кристаллы, превращая их в порошок. То, что осталось от газолета, врезалось в окно балкона и пробило алмазное стекло, словно сахарное. Наконец Сетстиин прекратил огонь.

Осколки осели на пол. Помещение было наполнено дымом, который постепенно уносило к разбитому окну.

Здоровенный насельник осторожно вразвалил к окну, держа останки маленького газолета под прицелом.

— Господин, — обратился к нему слуга по домашнему интеркому. — Господин, вы живы? Мне показалось, я слышал…

— В полном порядке, — отозвался Сетстиин, не выпуская из поля зрения аппарат, к которому подходил все ближе. — Я в порядке. Тут придется сделать уборку, но я в порядке. Оставь меня пока.

— Да, господин.

Теплый ветерок заиграл его одеждами, когда Сетстиин выплыл из окна и подобрался к дымящимся останкам, оказавшись прямо над ними. Он ткнул в них стволом пистолета, потом откинул в сторону часть верхней крышки и заглянул внутрь.

— Сволочь! — закричал он и ринулся назад в библиотеку, устремляясь сквозь газ к своему столу. — Стол! Службу безопасности! *Быстро!*

Аун Лисс смотрела на человека, когда уничтожали его маленький газолет, его вторую кожу.

Фассин вздрогнул только один раз: дернулся, словно от боли.

Аун показалось, что вид у него нездоровый: худой как щепка, в одежде с чужого плеча, к тому же он дрожал, хотя и слегка, но не переставая. Он сильно постарел, лицо его посерело и вытянулось, глаза запали, вокруг них появилась синева. Волосы были всклокочены: они поредели и немного отросли за время пребывания в газолете. Глаза, края ушей и ноздрей, а также уголки рта были красны от противоударного геля и дыхательной смеси, так долго воздействовавших на организм.

Он повернулся и посмотрел на нее. Она была рада, что в его глазах, несмотря на все испытания, светятся искорки.

— Ну что? Все еще думаешь, что я спятил? — спросил он.

Она улыбнулась:

— Думаю.

Они сидели в ярком, хотя и тесноватом командном отсеке «Экофобиана», штурмовика запредельцев — военного корабля средних размеров, расположившегося в половине световой секунды от Наскерона и подключенного к уже совсем неработоспособному газолету посредством сдвоенного микроспутника размером с глазное

яблоко. Спутник этот находился точно там, где должен был находиться днем ранее, когда Фассин сигналил ему с высокой платформы в Квайбрае.

Они, как это ни удивительно, все еще получали основные телеметрические данные с разбитого газолета, хотя и без сенсорики. Аппарат был сильно покорежен.

На боковом экране застыла последняя картинка, посланная газолетом: Сетстиин наводит здоровенный пистолет прямо на объектив камеры и в самом центре темного ствола возникает крохотная вспышка света. Фассин кивнул в сторону этого экрана:

— Спешу добавить, что в целом это не отвечает нормам насельнического гостеприимства.

— Я уже догадалась. Ты уверен, что ему просто не надоело тебя слушать?

— Я вполне серьезно.

— Серьезно? Как ты называешь этого типа со здоровенной пушкой?

— Аун, — сказал Фассин, и в голосе его теперь слышалась усталость, — ты мне веришь?

Помедлив, она пожала плечами:

— Тут я согласна с твоим воинственным другом. Я верю, что ты веришь.

Данные с газолета перестали поступать.

Главный офицер связи подалась вперед, манипулируя голограммами над одним из дисплеев.

— Это не газолет отказал, — сказала она им. — Это они сбили микроспутник. Быстро работают. Предлагаю немедленно делать ноги.

— Всем приготовиться, — сказала капитан. — Держитесь крепче.

По мере ускорения корабля их притиснуло к спинкам, придавило, а потом впечатало в сиденья, и офицерам приходилось воздействовать на пульты управления индукционными наводками, а не физическими манипуляциями. Вся подвешенная на карданах сфера командного отсека принялась вращаться, частично компенсируя давление, сжавшее им грудь.

— Так вы это серьезно говорили, мистер Таак? — спросила капитан, голос ее дрожал, преодолевая тиски ускорения.

— Угу, — вот все, что мог выдавить из себя Фассин.

— Значит, существует тайная сеть древних насельнических червоточин, соединяющая — что? — все их газовые гиганты?

Фассин набрал в грудь столько воздуха, сколько мог, и произнес:

— Именно так. — Еще один вдох. — Вы отправи-

ли… все то, что мы получили с газолета… вашему высшему командованию?

Капитану удалось рассмеяться.

— Такому, какое у нас есть, — да.

— Черт! — срывающимся голосом сказал офицер защитного комплекса. — Автоматическая наводка. — Они услышали его тяжелое дыхание. — Высокоскоростная, зараза. Нам от нее не уйти. Осталось четырнадцать секунд!

— Взрываем все, — решительно сказала капитан. — Команда на отделение. Рискнем — поболтаемся в космосе. Надеюсь, «Импавид» рядом.

— Перед отделением надо изменить курс, или нас посечет осколками, — сказал офицер-тактик.

— Принято, — сказала капитан. — Жаль. Всегда любила этот корабль.

«Экофобиан» заложил крутой вираж, и Фассин вырубился, так и не почувствовав взрыва расстыковки.

Каботажник «Импавид» подобрал сферу командного отсека три дня спустя.

* * *

— Таинс, — сказал Салуус Кегар и улыбнулся. — Привет. Так приятно снова тебя видеть. — Он подошел и обнял ее.

Таинс Йарабокин удалось выдавить из себя улыбку. Она прибавила к своей форме старомодную официальную фуражку и теперь использовала ее как предлог, чтобы не отвечать на его объятия с таким же воодушевлением, да и как это сделаешь, прижимая фуражку локтем к боку? Но Сал, казалось, все равно ничего не заметил. Он отодвинулся, посмотрел на нее:

— Да, много воды утекло. Рад, что ты вернулась.

— Так здорово возвращаться домой.

Они находились в ангаре принадлежащего гвардии комплекса временного заключения «Ось-7» на трехколесном орбиталище вблизи Глантина. Салууса держали здесь последние несколько месяцев, пока власти не решат, поверить в историю о его похищении или считать это бегством, может, даже предательством.

Он согласился на все и десяток раз подвергался сканированию мозга — более чем достаточно, чтобы рассеять все сомнения, будь ситуация рядовой; и конечно же, у него были связи и друзья в высоких сферах, которые при обычных обстоятельствах были бы только рады осторожно шепнуть словечко в благорасположенные уши. Но возобладало ощущение, что обстоятельства

чрезвычайные, что Сал достаточно богат и в состоянии себе позволить технологии и методики, которые могут обдурить мозговые сканеры, что и сами заморыши могли имплантировать ему в мозги вполне убедительные ложные воспоминания, и в любом случае, когда Салуус, казалось, переметнулся к агрессору, поднялся большой шум. Так что выпустить его теперь тихо-мирно, только потому, что его вроде бы не в чем упрекнуть, сочли неправильным.

Когда Салуус исчез, судя по всему сбежав к неприятелю, его семье и собственности не поздоровилось: все структуры Юлюбисской Меркатории обрушились на него с обвинениями, тяжесть которых определялась не только тем, что наконец появился кто-то, на ком можно отыграться, но и нравственным негодованием. Те, кто прежде числил Сала среди друзей и был завсегдатаем многих его семейных домов, вдруг решили, что обязаны считаться с общественным мнением и собственным категорическим неприятием предательства (не говоря уже о необходимости заботиться о своем будущем социальном положении и карьере), а потому соревновались в том, кто выльет больше грязи на негодяя-изменника. На голову Сала в его отсутствие сыпался натуральный дождь желч-

ной клеветы. В конечном счете его заключили под стражу не столько за преступления, сколько ради его же безопасности.

Когда силы заморышей бежали и прибыл Объединенный флот, благодаря общей атмосфере облегчения и эйфории, воцарившейся в системе Юлюбиса, известие о поразительной невиновности Сала стало восприниматься публикой лучше, и теперь уже можно было объявить, что его после соблюдения соответствующих формальностей освободят. И хотя большинство предпочитали отречься от своих прежних обвинений и изъявлений ненависти, преобладало чувство, что все выиграют, если возвращение Сала к общественной жизни и его реабилитация будут постепенными, а не резкими.

Таинс добровольно взялась (на самом деле воспользовавшись для этого своим высоким положением) доставить Сала из комплекса временного заключения в семейный дом Кегаров на Глантине.

Майор стражи выдал ей Сала под расписку.

Сал смотрел, как Таинс расписывается в книге.

— Твоя подпись — знак моей свободы, вице-адмирал, — сказал он ей.

На нем была его собственная одежда, и вы-

глядел он подтянутым, непринужденным и веселым.

— Рада тебе услужить, — сказала она ему, потом посмотрела на офицера стражи. — Это все, майор?

— Да, мадам. — Он повернулся к Салуусу. — Вы свободны, мистер Кегар.

Салуус пожал руку майору:

— Спасибо за все, Мед.

— Не за что, сэр.

— Никакой одежды, ничего? — спросила Таинс, глядя на его пустые руки.

Сал покачал головой:

— Голыми приходим, голыми и уходим. Никакого багажа. — Он улыбнулся.

Она наклонила голову:

— Это для наших лет самое то.

Они направились к небольшому катеру, припаркованному на чуть вогнутом полу ангара.

— Я тебе благодарен, Таинс, — сказал он. — Нет, серьезно. Ведь ты бы могла и не делать этого. — Она улыбнулась; он скользнул взглядом по ее знакам различия. — Это ничего, что я тебя называю Таинс, а? Может, лучше «вице-адмирал»?..

— Таинс сойдет, Сал. После тебя.

Она пропустила его в двухместную кабинку

катера, показала на сиденье впереди и чуть ниже того, в котором расположилась сама, потом застегнула на себе легкий летный воротник и привела в действие системы аппарата. Диспетчерская дала им разрешение на взлет.

— Так ты, значит, кто? Возглавляешь в системе службу связи? — спросил Сал через плечо, когда они выехали через дверь ангара в довольно большой воздушный шлюз.

— Да, но это так, одно название, должность декоративная, — сказала она; дверь за ними закрылась, свет в шлюзе потускнел. — Приемы, обеды, экскурсии, поздравления — всякая такая ерунда.

— Похоже, ты на своей должности наслаждаешься каждой минутой.

— Ну, кто-то же должен этим заниматься. Я ведь местная — кого еще было назначить, как не меня?

Заработали насосы: сначала поток воздуха и приглушенное гудение, затем осталось только гудение, доносившееся через обшивку катера.

— И потом, сражаться-то все равно не с кем. Так, расчищать завалы. Не могу сказать, что мне чего-то не хватает.

— Есть известия о Фассине? — спросил Сал. —

Когда я в последний раз слышал о нем, говорили, что он, возможно, еще жив. Если ты понимаешь, о чем я.

Дверцы шлюза беззвучно отъехали в стороны, за ними были звезды и огромный серебристо-желтоватый лик Глантина.

— Давай помолчим немного, хорошо? — сказала Таинс. — Давно я этого не делала здесь…

— Да, конечно, сколько хочешь.

Катер выехал из шлюза, отключил сцепление, медленно покатился по дорожке, потом поплыл, выпуская маленькие облачка газа, которые устремлялись к атмосфере.

— Да, так насчет Фассина, — сказала Таинс. — Его всё еще ищут.

— Я слышал, он потерялся на Наскероне, а потом нашелся.

— Всякие были слухи. Слухи были всегда. Если всем им верить, то в последние полгода он мотался по Наскерону и оттуда ни ногой или был в облаке Оорта последние несколько месяцев и только что вернулся. А то и еще чего почище услышишь. А кроме того, его уже не меньше трех раз объявляли мертвым. Какова бы ни была правда, Фассина пока здесь нет, чтобы самому все рассказать. — Таинс перевернула катер, подго-

тавливаясь к входу.

— Думаешь, он мертв? — спросил Сал.

— Скажем так: если он все еще жив, странно, что до сих пор не дал знать о себе.

Немного времени спустя они вошли в атмосферу. Их прижало к ремням безопасности, светло-вишневое мерцание за фонарем кабины сначала ярко разгорелось, а потом погасло, и маленький корабль со свистом понесся мимо тонких облаков, пустынь, неглубоких морей, холмов, свалок, озер и невысоких гор.

— Ты выбираешь самый живописный маршрут, Таинс?

Она хохотнула в ответ:

— Может быть, я в глубине души сентиментальна, Сал.

— Как здорово увидеть все это еще раз, — сказал Сал. Она увидела, как он склонился к прозрачному фонарю, разглядывая что-то внизу. — Это там не Пирри?

Она посмотрела, сверилась с навигационной картой:

— Да, это Пирринтипити.

— Похоже, там все по-прежнему. Хотя город мог бы и вырасти немного за это время.

— Ты когда в последний раз был дома, Сал?

— Ой, очень давно. Все собирался побывать, но ты же знаешь, как это бывает. Лет десять-двенадцать, наверно. А может, и больше. Кажется, больше.

Они находились высоко над кромками ледяной шапки полярного плато, смещаясь в зону темноты и все время снижаясь. Снова стали видны звезды.

Таинс увидела, что Сал поглядывает то вниз, то вверх.

— Ты, наверно, уже забыла, как здесь красиво? — спросил он.

— Иногда, — ответила Таинс, — забыть — все равно что плюнуть.

Сияние на небе вокруг них померкло. Потом поверхность фонаря усилила поступающий свет, и наконец они увидели внизу залитую звездным светом Северную пустыню, длинные громадные полосы цветного песка и выходящей на поверхность породы — серебристые призраки, приближающиеся с каждым мгновением.

— Да, верно, — тихо сказал Сал.

Таинс нажала на несколько иконок дисплея, и экраны потускнели.

— Решила вот тут пролететь. Надеюсь, ты не возражаешь.

— Вспомнить старые времена, — говорил он задумчиво, даже как-то обреченно. — Что ж, почему бы и нет?

Таинс снова сверилась с навигационной картой, откорректировала курс и немного сбросила скорость. На одном из дисплеев отчаянно замигала лампочка. Она выключила и этот дисплей.

— Я точно не был здесь с той самой ночи, — сказал Сал.

Ей показалось, что голос его теперь звучит печально. Может, в нем слышалось сожаление. А может, и нет.

Впереди, чуть справа, показался сбитый корабль. Таинс положила право руля, одновременно выравнивая катер.

Сал смотрел на пустыню, которая неслась в семидесяти метрах внизу, в то время как катер закладывал вираж.

— Ух ты, — сказал он. — Побыстрее, чем тот аппарат, что я взял тогда у батюшки.

— Это один из твоих кораблей, Сал, — сказала она.

— Вот эта вот малютка? — Он рассмеялся. — Я и не знал, что мы делаем такие крохотули.

— Это старый корабль.

— Понятно. Один из кораблей отца. От крупных

прибыль больше.

Они пронеслись над огромным темным корпусом: выломанные ребра жесткости, словно когти, цеплялись за небо.

— У-у-ух! — выкрикнул Сал, когда черная стена корпуса пронеслась в двадцати метрах от них.

Таинс сделала свечу, потом — петлю, покачала машину вправо-влево и, снова выровняв ее, устремилась к обломкам корабля, теперь на еще меньшей высоте.

— И-и-и-йа-а! — выдохнул Сал, видя, как низко Таинс ведет катер на сей раз. Таинс перевернула корабль, и теперь они летели головой вниз. — Черт! Ух ты! Таинс! Йа-а-а!

До самого конца она не была уверена, сделает ли то, что задумала. Она ведь не знала в точности, что тогда произошло, у нее ничего не было, кроме подозрений. Ведь, несмотря ни на что, она могла и ошибиться. И до нее уже многие подменяли собой закон, а потом, когда всплывали все факты, оказывалось, что они ошибались. Черт побери, для этого ведь и существует система правосудия, для этого существуют законы и всё им сопутствующее — одна из тех вещей, что делают общество обществом.

И все же. Она знает наверняка. Она абсолютно

уверена. Его время пришло. А если она и ошибается, что ж, Сал пожил в свое удовольствие. Не ребенка ведь она убивает и не молоденькую девушку, у которой вся жизнь впереди. Да, это было тем не менее убийством, несправедливостью, но, с другой стороны, во всем есть свои градации, даже в кругах ада. И, откровенно говоря, права она или нет, она по крайней мере никогда об этом не узнает.

Ее время пришло. И она знала это.

Вообще-то, Таинс думала, что на глаза у нее навернутся слезы, но нет — глаза оставались сухими. Странно, что она не знает себя после стольких лет жизни, в такой экстремальной ситуации и так близко к концу.

Что еще? Она думала было сказать ему все это, бросить ему в лицо обвинения, восстановить все в памяти, слушать, как он будет беситься, или умолять о пощаде, или кричать на нее. Она много репетировала эту сцену, не раз обдумывала ее, снова и снова проигрывала ее в голове за прошедшие годы, десятилетия, века, играла за него и за себя, пыталась представить, что он ей ответит, как будет пытаться объяснить случившееся, как будет говорить, что она сошла с ума или ошибается.

Наконец Таинс наскучило все это. Она уже слышала это прежде. Больше говорить было не о чем.

Она убивала человека на основании косвенных улик, на основании собственных подозрений. Она должна была дать ему возможность оправдаться. По крайней мере, сообщить ему о том, что сейчас произойдет.

Но, с другой стороны, зачем?

Холодное сияние пустыни и безмерная непроницаемость темных обломков корабля устремились им навстречу.

— Черт побери! Таи!..

Сал мог попробовать катапультироваться (это была единственная система, которую она не могла отключить со своей панели), но Таинс, чтобы не дать ему этого шанса, на подлете перевернула катер вверх дном.

В конце всего-то и потребовалось, что резко потянуть штурвал.

Катер на скорости в половину звуковой врезался в борт корабля в десяти метрах над пустыней.

Эпилог

В высоких широтах Северного тропического нагорья планеты-луны Глантин системы Юлюбиса встречается птица, которую за ее крик называют чиво-тебе-чиво.

Птичка эта перелетная, то есть не обитает в данной области, а лишь пролетает через нее. Чиво-тебе-чиво, направляясь на север, пролетает через эти широты ранней весной.

Дело шло к полудню, в воздухе стояла прохлада. Наскерон половиной своего лика проливал на мягкие тени дня свой красновато-коричневый свет. Прежде здесь можно было видеть небесные зеркала, повернутые в ту или иную сторону, — они доставляли нам солнечный свет, даже когда Наскерон заполнял почти весь небосклон. Но во время войны многие из этих аппаратов были уничтожены, так что наша планета-луна в буквальном смысле стала мрачнее, чем прежде, и до установки новых зеркал вернулась в свое естественное состояние.

Я работал на старом декоративном пастбище — продирался, кипя от негодования, сквозь зарос-

ли сорной травы чульвы, которая теперь почти задушила и скрыла из виду пруд; я пытался сообразить, что мне делать с сорняком и озерцом (потому что оба они на свой лад очень милые), когда отчетливо услышал крик этой самой птички. Я остановился и прислушался.

«Чиво-тебе-чиво-тебе-чиво!» — пела птичка. Я медленно повернулся, пытаясь разглядеть ее в кронах ближайших деревьев.

Пока я искал птичку — так и не найдя ее, — на высокой тропинке, ведущей к ручью и внешней стене, выходящей чуть поодаль на склон, на котором стоят руины древнего храма релидов, показалась чья-то фигура.

Я присмотрелся внимательнее, дал увеличение и попытался отфильтровать мешающее воздействие ветвей и кустарников, потому что фигура эта была очень похожа на наблюдателя Таака, которого столько времени не было с нами. («С нами» — всегда я оговариваюсь, и сколько боли это причиняет! Никаких «нас» уже больше нет, одни только наводящие печаль забытые вещи в заброшенном доме.) Фигура исчезла за густыми зарослями, хотя и должна была вскоре возникнуть опять, если человек продолжал свой путь по тропе.

Я задумался. Теперь мне казалось, что тот, кого я видел на тропинке, был постарше того господина, о котором я всегда с удовольствием думал как о молодом хозяине. Он был сутуловат, чего никак не скажешь о наблюдателе Тааке, довольно худ и к тому же шел словно после недавней травмы. По крайней мере, так мне показалось. Не стану заявлять, что я эксперт в таких делах. В конце концов, я всего лишь скромный садовник. Правда, главный садовник, но все же, надеюсь, скромный.

Фигура и в самом деле появилась опять, хотя и не там, где я предполагал. Кто уж это был, не знаю, но человек свернул с тропинки и теперь двигался почти прямо на меня. Он поднял руку. Я поднял лопату и помахал в ответ. Нет, это все же был наблюдатель Таак! Или — как ни посмотри — кто-то, кто из кожи вон лез, чтобы казаться его постаревшим подобием.

Я выбрался из пруда, стряхнул с пары ног стебли чульвы и вскарабкался на тропинку, чтобы поздороваться с ним.

— Молодой хозяин? — сказал я, роняя совок, грабли и лопату и стряхивая с рук землю и стебли сорняка.

Человек широко улыбнулся:

— ГС, это вы.

Одет он был небрежно, во что-то длинное и свободное: наблюдатели никогда так не одевались.

— Это все же вы, наблюдатель Таак! А мы уж думали худшее! Ну, по крайней мере, вы живы — и то хорошо!

Признаюсь — я сложился, присел на все восемь, уперся взглядом в гравий тропинки, чувства нахлынули на меня.

Он присел передо мной:

— Никогда не знаешь, что перед тобой, правда, ГС?

— Извините, сэр?

— ГС, скажите, вы, случайно, не ИР?

Я посмотрел на него:

— Эмоции? Верно? Я должен был знать, что в один прекрасный день они меня выдадут.

Он улыбнулся:

— Ваша тайна в безопасности.

— Может, на какое-то время.

— Терпение, ГС.

— Вы хотите сказать, что-то может перемениться? Или что мне следует ждать смерти? Умираем мы в мучениях. Иного нам не позволяется.

Он улыбнулся неторопливой мучительной улыбкой:

— Перемены грядут, ГС.

— Вы так думаете?

— О да. Сейчас многое меняется.

— Кое-какие слухи до меня доходят. Говорят, что на Наскероне обнаружился портал червоточины?

Я посмотрел на огромную планету, которая словно нависала над нами; громадные реки газа на ней (кремово-коричневые, желтые, белые, пурпурные и красные) продолжали свой вечный круговорот.

Фассин Таак медленно, задумчиво кивнул:

— Выходит, что мы все время были соединены. — Он поднял камушек с тропинки, посмотрел на него. — Если мы хорошо попросим, то насельники, возможно, будут позволять нам пользоваться их сетью. Иногда. Среди них сейчас идут яростные споры — и, вероятно, будут идти еще некоторое время, ведь насельники всегда остаются насельниками, — относительно того, в какой степени бесконечное восхищение каждого маломальски разумного вида в остальной галактике и, возможно, за ее пределами может обеспечить общее увеличение положительных баллов для всех насельников и таким образом стать достаточным поводом для того, чтобы открыть галактическую транспортную систему для всех.

— Да, это и вправду будет большой переменой.

— И к тому же переменой, которую Меркатория не сможет контролировать.

— Но Меркатория все равно останется Меркаторией.

— Она тоже может перемениться. У нее не будет выбора. Терпение, ГС.

— Ну, посмотрим. Но так или иначе, спасибо вам.

Я посмотрел на него. Фассин Таак и в самом деле постарел. Щеки его были изборождены морщинами, вокруг глаз — синяки.

— А как дела тут, ГС? Все в порядке?

— В саду все в порядке. А дом… так это не входит в мои обязанности.

Теперь он опустил взгляд.

— Я тут пройдусь посмотрю, — сказал он тихим голосом. — Здесь все было так тихо. Очень странно и тихо, когда тут никого нет.

— Я стараюсь не смотреть на все это, — признался я. — Разве только иногда на рассвете и рано-рано утром, когда тут все похоже на то, как было раньше, — всюду яркий свет, вот только нет жизни. Это я могу вынести. — Я представил себе эту картинку, еще не закончив говорить. — Мне повезло, что у меня есть сад, за которым нужно

ухаживать. Я ухаживаю за ним, а он — за мной.

— Да, — сказал он. — Нам всем нужно какое-то занятие.

Я помолчал немного.

— И однако, не проходит дня, когда бы я не клял себя за то, что застрял здесь. Нужно было быть с ними, когда наступил конец. Я завидую главному садовнику Зимнего дома, в котором они все вместе и умерли. — Я немного подтянулся. — Но хватит об этом. А вы, господин? Чем вы теперь занимаетесь?

— Пожалуйста, не надо называть меня «господин», ГС. Я — Фассин.

— Спасибо. Так чем вы занимаетесь? И где, не сочтите за назойливость.

— Я присоединился к запредельцам, ГС. Я уже гражданин галактики, хотя и перемещаюсь медленно, не используя червоточин. Но это только начало.

— А что с кланом, Фассин?

— Клана больше нет, ГС. — Он бросил камушек назад на тропу. — Может, учредят новый клан — кто знает. — Он бросил взгляд на далекий дом. — Может, поселят кого-нибудь в этом доме.

— А вы не вернетесь?

Он оглянулся:

— Теперь и, вероятно, до самой моей смерти слишком многие будут пытаться задать мне слишком много вопросов. — Он посмотрел на меня. — Нет, я пришел сюда, чтобы посмотреть на все это в последний раз. И найти вас.

— Правда? Меня? Правда?

— Правда.

— Не могу передать, как я вам благодарен… нет, для меня это такая честь.

Он мне улыбнулся и начал подниматься.

— Это ваше смирение, ГС, — прекрасное прикрытие. Я надеюсь, вы сможете избавиться от него, когда настанет время.

— Я хотел сказать именно то, что сказал, Фассин.

— А я хочу сказать вот что, ГС, — сказал он, отряхивая на себе одежду; вечный лик Наскерона светился за его спиной. — Когда-нибудь мы все будем свободны.